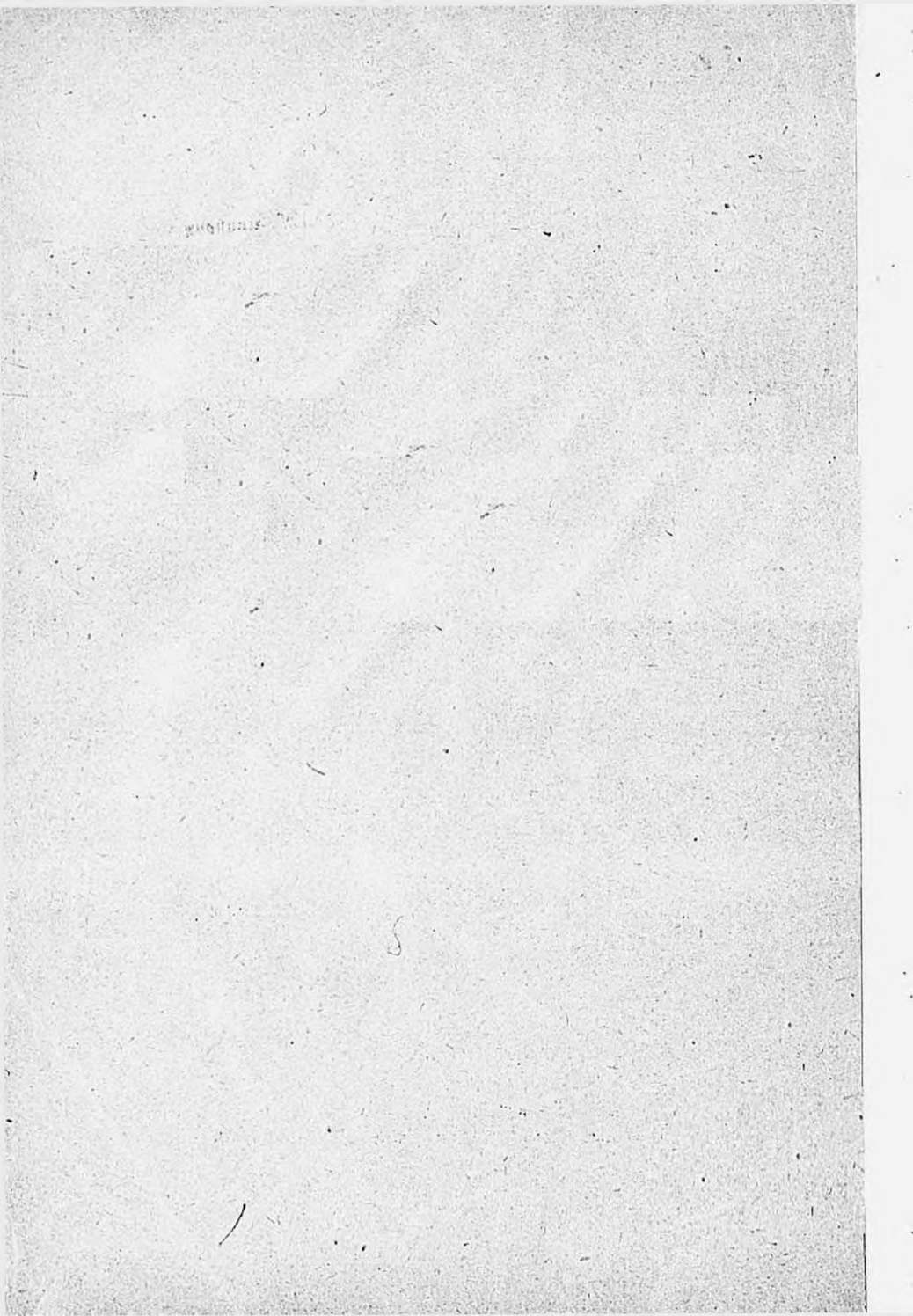

Сергей
СОЛНЦЕВ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
КЛАССЫ

С. И. СОЛНЦЕВЪ

Б. Н. Анпиловъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ.

ВАЖѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗВИТІИ

ПРОБЛЕМЫ КЛАССОВЪ И ОСНОВНЫЯ УЧЕНІЯ.

ТОМСКЪ.

Типо-литографія Сибирскаго Т-ва Печатнаго Дѣла, ул. Дворян. ул. и Лисск. пер., соб. д.

1917.

Предисловіе.

До сихъ поръ проблема общественныхъ классовъ останавливала вниманіе больше социологовъ, чѣмъ экономистовъ, и привлекала къ себѣ интересъ больше социально-политическихъ мыслителей, чѣмъ представителей социальной теоріи. Лишь въ самое послѣднее время стала опредѣленно выясняться чисто экономическій характеръ категоріи социального класса и исключительно-хозяйственная основа классового разслоенія въ обществѣ. Экономическая мысль стала, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе обращать вниманіе на теоретическій анализъ явленій классового порядка и вводитъ идею общественныхъ классовъ въ кругъ своихъ экономическихъ теорій. Но, собственно говоря, научная экономическая разработка явленій классового образования находится все же еще въ зачаточномъ состояніи.

Для экономиста проблема общественныхъ классовъ является, такимъ образомъ, въ настоящее время чрезвычайно сложной, и во всякомъ случаѣ настолько сложной, что исчерпать ее во всей ея полнотѣ въ одной книгѣ не было никакой возможности. Въ самомъ же началѣ разработки этой проблемы автору пришлось, поэтому, ограничить свою задачу нѣкоторыми рамками.

Задача автора свелась къ тому, чтобы, во-первыхъ, раскрыть содержаніе важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи идеи социальныхъ классовъ, поскольку послѣдняя выявлялась въ общественномъ сознаніи двухъ старѣйшихъ странъ міровой культуры—Англіи и Франціи, съ конца XVIII-го вѣка, и, во-вторыхъ, установить и проанализировать основныя ученія объ общественныхъ классахъ, со второй половины XIX-го столѣтія начинавшія уже опредѣленно складываться.

Остановиться на вопросѣ объ общественныхъ классахъ, хотя бы и въ указанныхъ скромныхъ предѣлахъ, автора побуждало то обстоятельство, что проблема классовъ, за послѣднее время, особенно начиная съ XX-го вѣка, слишкомъ настоятельно требовала своего освѣщенія, вставая передъ научнымъ сознаніемъ настояща-

го во всей своей значительности, важности и неотложности. Въ теоретическомъ познаніи проблема классовъ выдвигалась на первую очередь уже однимъ ростомъ и развитіемъ социальной методологіи, грозившей за послѣднее время не оставить камня на камнѣ отъ господствующаго индивидуалистическаго метода. Подъ влияніемъ развитія новаго „общественнаго“ (классоваго) метода, идущаго на смѣну индивидуалистическаго, въ экономикѣ выдвигался рядъ важнѣйшихъ вопросовъ, которые не могли найти себѣ разрѣшенія безъ предварительнаго выясненія процессовъ классоваго расчлененія; въ послѣднемъ автору пришлось осязательно убѣдиться еще въ первой своей большой работѣ, посвященной заработной платѣ, какъ проблемѣ распредѣленія.

Въ наметченныхъ выше рамкахъ, книга можетъ носить характеръ не больше лишь, какъ введенія въ безконечно сложный, но вполне разрѣшій вопросъ о социальныхъ классахъ. Но на большее авторъ и не претендуетъ. Одного онъ хотѣлъ бы—это привлечь къ данной проблемѣ вниманіе самыхъ различныхъ представителей естественной науки въ нашей странѣ, чтобы послѣдніе могли совмѣстными дружными усиліями, подходя къ вопросу съ самыхъ различныхъ сторонъ и направленій, дать, наконецъ, этой проблемѣ должное и всестороннее освѣщеніе.

Авторъ не можетъ не отмѣтить также и того печальнаго обстоятельства, что условія военнаго времени, въ какихъ ему пришлось собирать и разрабатывать матеріалы по избранной темѣ, далеко не благопріятствовали правильному теченію работы. Библиотека Британскаго Музея въ Лондонѣ, гдѣ авторъ занимался въ теченіе зимы и весны 1915/1916 года, для притока новѣйшей научной литературы въ это время была уже собственно закрыта; многого въ ней или не поступало вовсе, или уже не регистрировалось, вслѣдствіе сокращенія штата служащихъ и экономіи. Доставать же книги извнѣ, напримѣръ, изъ Бельгіи, не было уже никакой возможности. Все это не могло не отразиться на работѣ, особенно при составленіи текста, который формировался окончательно уже вдали отъ гостепріимнаго Британскаго Музея, въ холодной Сибири.

I. ВВЕДЕНИЕ.

I.

Методологическое значеніе проблемы общественных классовъ въ социальной наукѣ.

Каждая социальная проблема, занимающая и волнующая общественную мысль, имѣетъ свою судьбу, тѣсно связанную съ исторіей развитія социального знанія вообще. Существуютъ социальные проблемы, которыя обычно появляются сначала въ видѣ смутной, едва оформленной идеи, но въ послѣдствіи вырастаютъ до самостоятельной социально-научной дисциплины широкаго социального значенія. Можно думать, что такая именно судьба ожидаетъ проблему общественных классовъ. Возникши въ концѣ XVIII-го вѣка въ формѣ неопредѣленной идеи классоваго расчлененія общества, получивши себѣ, затѣмъ, ко второй половинѣ XIX-го столѣтія, богатое и глубокое идейное содержаніе, подъ влияніемъ, главнымъ образомъ, развитія социалистической мысли, проблема классовъ постепенно начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе со стороны всѣхъ отдѣльных отраслей социальной науки, превращаясь постепенно скорѣе въ отдѣльную самостоятельную социальную дисциплину, въ родѣ „социальной гистологіи“, или „социальной морфологіи“, или иной социальной науки, съ неуставившимся еще названіемъ, — науки, поставившей предметомъ своего изслѣдованія классовое расчлененіе и классовое строеніе чловѣческаго общества въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ.¹⁾

Нельзя не замѣтить, что въ области общественных наукъ интересъ къ проблемѣ классовъ возрасталъ по мѣрѣ развитія въ этой области *социальнаго* метода, выступавшаго на сцену *индивидуалистической* точки зрѣнія, индивидуалистическаго метода, съ индивидуалистическимъ характеромъ изслѣдованія социальныхъ

¹⁾ См. René Worms. Philosophie des sciences sociales. V. III. Conclusions des sciences sociales, 1907, стр. 64 и 65.

явлений. Если индивидуалистический методъ исходитъ изъ индивиду-
да, его интересовъ, мотивовъ его поведенія, то социальный методъ,
наоборотъ, исходитъ, при изслѣдованіи и объясненіи социальныхъ
явленій, изъ общества и составляющихъ его социальныхъ группъ.
Представители индивидуалистическаго метода пытаются извлечь
руководящіе принципы для построения социальныхъ законовъ
общественной жизни изъ индивидуальной психологійи человѣческой
личности, ставя ее исходнымъ пунктомъ социального изслѣдованія,
какъ единицу человеческого общества. Представители же социаль-
наго метода всѣ свои построения основываютъ на анализѣ обще-
ственной структуры въ ея цѣломъ и, главнымъ образомъ, на ана-
лизѣ общественныхъ группъ, ихъ сталкивающихся интересовъ, ихъ
антагонизма, ихъ борьбы.

Современная общественная наука, во всѣхъ своихъ подраздѣ-
леніяхъ, полна борьбы между сторонниками индивидуалистической
и социальной точки зрѣнія. Эта борьба особенно замѣтна въ области
экономической науки, гдѣ и до сихъ поръ еще преобладаетъ
индивидуалистическое теченіе, съ австрійско-психологической
школой во главѣ. Но и социальный методъ изслѣдованія, главнѣй-
шей выразительницей котораго является школа историческаго
материализма (марксизмъ), не сдается, но и постепенно
завоевываетъ себѣ все большее и большее распространеніе, захва-
тывая въ сферу своего вліянія одну за другой различныя дисципли-
ны социального знанія. Жизнь и наука идутъ въ данномъ случаѣ
плечо въ плечо. Съ одной стороны, борьба социальныхъ группъ, на
которой основываетъ марксизмъ свои социально-теоретическія
построения, все болѣе и болѣе разгорается и обостряется, выходя
далеко за предѣлы національныхъ территорій, приводя къ міровому
конфликту крупнѣйшія изъ существующихъ государствъ и
угрожая современному капитализму общей міровой катализмой.
Съ другой стороны, представители самыхъ различныхъ теченій
современной социальной науки все болѣе и болѣе начинаютъ про-
никаться сознаніемъ важности социальной борьбы классовъ и
необходимости изученія этой социальной проблемы. „Весь міръ
полонъ шума классовой борьбы, говорятъ одинъ изъ экономистовъ,
весьма далекій отъ марксизма по своимъ социальнымъ воззрѣніямъ,

проф. *Пеш*,—теорія же послѣдней до сихъ поръ не закончена въ своихъ самыхъ основныхъ положеніяхъ и опредѣленіяхъ; здѣсь идутъ еще споры о понятіи социальныхъ классовъ, о ихъ происхожденіи, о законахъ ихъ развитія...“²⁾)

Вниманіе и интересъ къ проблемѣ общественныхъ классовъ, какъ мы замѣтили, неразрывно связаны съ развитіемъ социальной точки зрѣнія въ общественныхъ дисциплинахъ. Указать на необходимость классового анализа при изученіи социальныхъ явленій—было первымъ и основнымъ этапомъ въ развитіи социального метода. Обычно родоначальниками и основоположниками его считаются *Родбертусъ*, *Марксъ* и *Энгельсъ*, видѣвшіе въ классовомъ антагонизмѣ и борьбѣ социальныхъ классовъ важнѣйшіе элементы при изученіи социальныхъ явленій. „Если мы желаемъ правильно понять феодальное хозяйство, говоритъ *Марксъ* въ „Ничетѣ Философій“, мы должны разсматривать его, какъ способъ производства, основанный на антагонизмѣ. Мы должны показать, какимъ образомъ внутри этого антагонизма производилось богатство, какимъ образомъ развивались производительныя силы параллельно антагонизму (*Widerstreit*) классовъ, какимъ образомъ одинъ изъ этихъ классовъ, олицетворявшій дурную сторону, являвшійся носителемъ отрицательныхъ чертъ общественнаго строя, непрерывно росъ вплоть до того момента, пока не созрѣли матеріальныя условія его освобожденія.“³⁾)

Эти слова *Маркса* указываютъ на то, что классовый антагонизмъ и борьба классовъ для *Маркса* являются, прежде всего, методомъ изслѣдованія, при помощи котораго только и возможно понять ту или иную систему общественнаго хозяйства. Съ точки зрѣнія этого „классового“ метода объектомъ социального изслѣдованія являются не мотивы поведѣнія отдѣльныхъ лицъ, но побужденія широкихъ массъ, или, точнѣе, различныхъ антагонистическихъ социальныхъ группъ, составляющихъ общество. Послѣдними при-

2) *H. Pesch*. Lehrbuch der Nationalökonomie. 1909. Freiberg in Breisgau. Zweiter Band, стр. 733.

3) *Karl Marx*. Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons „Philosophie des Elends“. Deutsch von E. Bernstein und Kautsky, mit Vorwort und Noten von Friedrich Engels. Stuttgart 1885. Druck und Verlag von I. Dietz, стр. 117.

чинами исторических событий являются, по словам *Энгельса*, не идеи и не побуждения отдельных лиц, но побуждения широких народных масс; эти же последние выступают в лицах отдельных групп или классов, возникших на основе хозяйственной организации данного исторического общества.⁴⁾ „Если дело сводится к тому,—говорит *Энгельс* в другом месте,—чтобы узнать действительные силы, влияющие сознательно или бессознательно—чаще бессознательно—на стимулы исторически действующих людей и служащие в последнем счете действительными движущими силами в истории, то не так важно знать основные побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, как важно знать стимулы, приводящие в движение большие массы, целые народы или целые классы народа и вызывающие не мимолетные, скоротечные всплески, а настоящие движения, приводящие к великим историческим переломам.“⁵⁾

Такую же общественную точку зрения на экономические явления развивал и *Родбертус*. Современная экономическая наука, по его мнению, подчинилась преувеличенному индивидуалистическому направлению времени; она разорвала на клочки то, что в силу разделения труда составляет неразрывное целое и социальное единство, то, что может существовать только при предположении этого целого, и хотела перейти от этих клочков, от индивидуального участия единичных лиц к понятию целого.⁶⁾ Для *Родбертуса*, осветить правильно социальную жизнь может только социальная точка зрения, только социальный метод. „Все политико-экономические понятия—говорит он в письме к *Вагнеру* от 31 мая 1875 года—пропитаны идеей общности, ибо все они исходят от единства социального организма, а не от атомов его, не от индивидуального организма... Национальные потребности имеют совершенно иное содержание, если бы эти индивидуумы не были связаны в социальный организм... Даже

⁴⁾ „Sozialistische Akademiker“, 1895, стр. 873.

⁵⁾ *Fr. Engels*. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Stuttgart 1910. Verlag von I. Dietz. Fünfte Auflage (первое в 1893), стр. 46.

⁶⁾ *Dr. Karl Rodbertus-Jagetzow*. Zur Beleuchtung der sozialen Frage. Theil I. Unveränderter Abdruck meines zweiten und dritten sozialen Briefes an von Kirchmann. Zweite Auflage, herausg. von Moritz Wirth. Berlin 1890, стр. 40-41.

цѣнность есть такое же общественное понятіе, въ которомъ душа социальнаго характера... Если социальная экономія этого долго не замѣчала, то единственно потому лишь, что она до понятія общества доходитъ отъ понятія индивидуума, лишь шагъ за шагомъ, отъ частнаго къ общему... Мы до настоящаго времени не могли избавиться отъ индивидуалистическихъ воззрѣній, и въ этомъ именно и заключается причина нашей сдержанности и робости, нашего отвращенія къ правильному общественному пониманію социальной жизни человѣчества. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ индивидуалистическій фокусъ—покусъ въ концѣ концовъ превратится въ ничто и что только тогда общественная наука сдѣлаетъ самые стремительные успѣхи.“¹⁾

Такого рода социальная точка зрѣнія необходимо вела изслѣдователя къ идеѣ общественныхъ классовъ. Если при изслѣдованіи социальной жизни нельзя было исходить отъ индивида, то нельзя было исходить и отъ общества, какъ отъ какого-либо органическаго цѣлаго, организма. Приходилось общество разлагать на сплоченныя общеніемъ и взаимоотношеніемъ типическія общественныя группы (классы), различныя по своимъ интересамъ.

Требовались, однако, большія усилія въ области социально-методологической мысли, чтобы идеи классоваго расчлененія общества, антагонизма и классовой борьбы, какъ важнѣйшіе элементы социального метода, могли получить себѣ развитіе и укрѣпиться въ социально-научномъ познаніи. Чтобы эти идеи могли приобрести, себѣ методологическое значеніе, необходимо было прежде всего, обратить вниманіе на роль и значеніе социальныхъ группъ въ общественномъ строеніи и, затѣмъ, признать въ этихъ социально-групповыхъ образованіяхъ (общественныхъ классахъ) простѣйшіе и основные элементы общества, являющіеся исходными при изученіи социальныхъ явленій.

Въ разработкѣ этого послѣдняго пункта, важнаго для развитія социальной методологіи и классоваго метода, приняли участіе социальные изслѣдователи-теоретики самыхъ различныхъ научныхъ школъ и направлений въ различныхъ странахъ. Среди нихъ

¹⁾ См. *Ad. Wagner. Einiges von und über Rodbertus. Tabinger Zeitschrift. 1878. Heft I.*

укажемъ на австрійскаго соціолога *Людвига Гумпловича*, на американскаго соціолога *Смолла* и особенно на французскаго философа-методолога *Артура Боэри*, посвятившаго данному предмету основательное изслѣдованіе, подъ названіемъ „*Les classes sociales*“ (Paris 1902).

Важнѣйшая заслуга *Гумпловича* въ томъ, что онъ во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ возстаеъ противъ индивидуалистическаго метода, исходящаго въ своемъ анализѣ социальныхъ фактовъ изъ поведенія отдѣльныхъ индивидовъ; *Гумпловичъ* считаетъ такой методъ ненаучнымъ и не соответствующимъ характеру социальныхъ явленій. „Было бы невозможно—говоритъ онъ въ „*Der Rassenkampf*“—при современномъ состояніи человѣческаго познанія вывести закономерность процесса исторіи изъ *необходимаго* способа дѣйствій и поведенія отдѣльныхъ индивидовъ; это сведеніе къ отдѣльнымъ индивидамъ и ихъ свободной или несвободной волѣ, этотъ атомистическій способъ изслѣдованія даже и не необходимъ для установленія основы естественной исторіи человѣчества; въ данномъ случаѣ необходимо имѣть дѣло и опираться на такіе элементы, которые бы подчинялись „вѣчнымъ желѣзнымъ“ законамъ.“*)

Такіе элементы—находить *Гумпловичъ*—въ исторіи человечества имѣются, именно элементы, съ которыми дѣйствительно можно считаться и которые неизмѣнно и неотвратно слѣдуютъ „вѣчнымъ желѣзнымъ законамъ“. Въ области исторіи человечества только такіе надежные элементы и могутъ служить научнымъ субстратомъ и субъектомъ объективнаго и точнаго наблюденія и изслѣдованія, и развитіе и движеніе ихъ подлежатъ такимъ же постояннымъ законамъ, какъ движеніе планетъ или развитіе организмовъ. Эти элементы, по *Гумпловичу*, суть различныя этніческія и социальныя группы, изъ которыхъ состоитъ человѣческое общество. Тотъ, кто хоть немного довѣрится политической исторіи дня, долженъ знать, думаетъ *Гумпловичъ*, что вся политическая жизнь и ея учетъ (*Calcul*) всегда базируются на поведеніи социальныхъ группъ, (а равнымъ образомъ также и этніческихъ). А поче-

*) *Dr. Ludwig Gumplowicz. „Der Rassenkampf“. Soziologische Untersuchungen* Innsbruck 1883. Verlag der Wagner'schen Univer.-Buchhandlung, crp, 86, 87.

му? да потому уже, что поведеніе отдѣльныхъ индивидовъ учету не подлежитъ, поведеніе же группъ легко учесть, безразлично, будутъ ли таковыми группами весь народъ, или нація, или классы, или сословія; закономерность поведенія такихъ группъ учесть не трудно. „И если мы пожелаемъ бы, говорить *Гумпловичъ*, подойти къ исторической наукѣ, къ естественной исторіи человѣчества, мы должны принять во вниманіе *эти социальныя группы*, должны наблюдать и изслѣдовать ихъ происхожденіе и развитіе, ихъ различные виды и образованіе, ихъ движеніе и эволюцію; лишь при этихъ условіяхъ мы можемъ достигнуть успѣшныхъ результатовъ.“⁹⁾

Мысль о томъ, что предметомъ социальнаго изслѣдованія являются не индивиды, а „соціальныя группы“, проходитъ красной нитью черезъ всю социологическую мысль *Гумпловича*. „Мы считаемъ—говоритъ онъ—отдѣльными реальными элементами въ социальномъ процессѣ природы не отдѣльныхъ лицъ, а социальныя группы; въ исторіи мы будемъ изслѣдовать, такимъ образомъ, не закономерное поведеніе индивидовъ, отдѣльныхъ лицъ, но, если такъ можно выразиться, *закономерное движеніе группъ*“.¹⁰⁾ Предметомъ социальнаго изслѣдованія могутъ быть, по мнѣнію *Гумпловича*, только социальныя образованія, социальныя группы (*Gemeinschaften*),—безразлично, будутъ ли онѣ покоиться на организаціи господства и подчиненія, или на общности опредѣленныхъ матеріальныхъ интересовъ или даже духовныхъ интересовъ; эти социальныя группы возникаютъ въ ходѣ историческаго естественнаго процесса въ различныхъ комбинаціяхъ, строятся одна на другой, взаимно перекрещиваются и перепутываются, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ complicаций, лежащихъ въ основѣ ихъ интересовъ и въ отношеніяхъ зависимости.¹¹⁾

Въ „соціальной группѣ“ *Гумпловичъ* видитъ „первичный элементъ (*Urelement*) социальной эволюціи и простѣйшій факторъ естественнаго процесса исторіи“; эти группы создаются, по его представленію и обуславливаются общими главнѣйшими жизнен-

⁹⁾ *Dr. Ludwig Gumplowicz, ibid., стр. 38.*

¹⁰⁾ *Dr. Ludwig Gumplowicz, ibid., стр. 39—40.*

¹¹⁾ *Dr. Ludwig Gumplowicz, ibid., стр. 172.*

ными интересами (Machtinteressen); сколько таких главных интересов, столько же и соответственных социальных групп; и такъ же, какъ одной личности можетъ принадлежать нѣсколько стремленій, такъ и личность можетъ принадлежать къ нѣсколькимъ группамъ, перефирія которыхъ, поэтому, взаимно пересѣкаются, или же включены одна въ другую. „Исслѣдованіе этихъ отношеній различныхъ социальныхъ группъ, если оно сдѣлано достаточно безпристрастно и серьезно, должно привести—говоритъ *Гумловичъ*—къ поразительному выводу, что эти социальные группы, какъ сложныя цѣлыя, образуютъ единицы, участвующія въ ходѣ событій, какъ родъ высшихъ индивидуальностей (собирательныхъ), и что гораздо легче понять поведеніе этихъ группъ и ихъ дѣйствія, чѣмъ поведеніе отдѣльныхъ индивидовъ... И если мы послѣдуемъ за этой мыслью, всеъ человѣческія событія и дѣйствія, составляющія содержаніе человѣческой исторіи, развернутся передъ нами въ совершенно новой перспективѣ. Передъ нами раскроется новый кругозоръ, и вмѣсто неправильной, непонятной путаницы индивидуальных стремленій и дѣйствій, мы будемъ имѣть передъ глазами социальные группы, движенія и дѣйствія которыхъ управляются удобопонятными, до очевидности ясными, простыми мотивами. Такимъ образомъ, мы получаемъ возможность подвести ихъ поведеніе подъ извѣстные высшіе законы и найти въ немъ извѣстную закономерность. Эта закономерность такъ рѣзко обнаруживается въ этихъ изслѣдованіяхъ, что мы можемъ съ большой вѣроятностью, даже съ увѣренностью опредѣлить дѣйствіе каждой социальной группы при любыхъ данныхъ обстоятельствахъ, следовательно, достигнемъ цѣли всякой точной естественной науки: предвидѣнія будущихъ событій. Но чтобы достигнуть этой цѣли—думаетъ *Гумловичъ*—необходимо должна быть принесена жертва;—тяжелая жертва, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ всехъ историковъ, историковъ культуры и философовъ права. На алтарь своего познанія социологія приноситъ въ жертву человѣческую личность. Этотъ вѣнецъ творенія, главный факторъ историческихъ событій, какъ думаютъ историки, управляющій подобно монарху или министру судьбами народовъ по своей волѣ, несущій передъ судомъ исторіи полную отвѣтственность за свои поступки и полу-

чающий со стороны историковъ то одобреніе, то порицаніе, спускается въ социологін до ничего не значащаго нуля! Въ полявійшую протвѣположность представленіямъ историка, съ точки зрѣнія социологическаго метода изслѣдованія, даже самый могущественный государственный дѣятель есть лишь слѣпое орудіе въ невидимыхъ, но сильныхъ рукахъ своей социальной группы, къ которой снѣ-принадлежитъ, и которая, въ свою очередь, слѣдуетъ непреодолимымъ социальнымъ закономъ природы... Итакъ, не личность, творящая социальныя условія себѣ на радость и пользу, но своей свободной воли и хорошо обдуманному плану,—предметъ социологіе; напротивъ, предметомъ социологін является скорѣе система движеній социальныхъ группъ, повинующаяся столь же вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ, какъ солнце и планеты; движенія этихъ социальныхъ группъ, ихъ взаимныя отношенія, обоюдная борьба ихъ и единеніе, столкновеніе и разобщеніе—могутъ быть объяснены и даже заранѣе опредѣлены путемъ познанія этого высшаго закона, господствующаго надъ социальной системой міра.¹²⁾

Гумпловичъ, какъ мы видимъ, выступаетъ горячимъ и рѣшительнымъ сторонникомъ социальной точки зрѣнія при изслѣдованіи социальныхъ фактовъ. Исходнымъ пунктомъ социального изслѣдованія и социального познанія является, по его мнѣнію, не личность, а социальная группа. Онъ думаетъ, что только анализъ социальныхъ группъ въ любомъ обществѣ можетъ привести къ истинному познанію законовъ социальной жизни.

Эта роль социальныхъ группъ въ процессѣ социального бытія получаетъ себѣ признаніе и среди новѣйшихъ социологовъ. Социальный процессъ, являющійся въ своемъ цѣломъ предметомъ социологін, по словамъ *Смолла*, есть „безпрерывное образованіе группъ вкругъ опредѣленныхъ интересовъ и безпрерывное проявленіе вѣдѣдствія между этими группами“.¹³⁾ Въ образованіи социальныхъ группъ *Смоллъ* видитъ первичный, начальный моментъ социального процесса въ собственномъ смыслѣ, въ отличіе отъ процесса биологическаго, при чемъ въ этомъ процессѣ, подобно

¹²⁾ *Dr. Ludwig Gumplowicz. Soziologie u. Politik. Leipzig 1892, стр. 63, 64, 72—73.*

¹³⁾ *Albion W. Small. General Sociology. An exposition of the main development in sociological theory from Spencer to Ratzschhofer. Chicago-London 1905, стр. 209.*

растенію, тянущемуся по направленію къ солнечнымъ лучамъ, одни лица и группы тянутся другъ къ другу, находя общіе интересы; другіе, наоборотъ, отталкиваются другъ отъ друга, встрѣчая интересы противоположныя; отсюда одні группы и лица стараются жить въ ассоціаціи, въ тѣсномъ взаимномъ общеніи, сохраняя въ тоже время къ другимъ ассоціаціямъ отношенія антагонизма.¹⁴⁾ Подобно *Гумбольдту*, и *Смолл* всю соціальную науку сводитъ къ изслѣдованію процессовъ образованія и формированія соціальныхъ группъ и ихъ соотношеній, становясь, такимъ образомъ, въ защиту соціального метода при изученіи соціальныхъ фактовъ.

Но наиболѣе серьезную попытку обоснованія „классоваго“ метода въ соціальномъ изслѣдованіи, т. е. сведенія изученія соціальныхъ фактовъ къ анализу соціальныхъ классовъ, какъ простѣйшихъ основныхъ элементовъ общественнаго цѣлаго, мы находимъ у *Артура Боэра*, въ его книгѣ „*Les classes sociales*“.¹⁵⁾

Характерно, что *Боэр* является отнюдь не сторонникомъ историческаго матеріализма; наоборотъ, по характеру и складу своего соціального міровоззрѣнія, онъ близокъ къ психологической психолѣ. Это показываетъ, что сами „психологи“, въ лицѣ наиболѣе непристрастныхъ своихъ представителей, ищутъ выхода изъ тѣсныхъ рамокъ своего индивидуалистическаго метода, въ основѣ котораго лежитъ личность съ ея поведеніемъ, а не соціальныя группы.

Книга *Боэра*—исключительно методологическое изслѣдованіе. Основная мысль ея въ томъ, что развитіе отдѣльныхъ индивидовъ и государствъ слишкомъ сложно, чтобы быть доступнымъ научному предсказанію, т. е. установленію точныхъ законовъ ихъ развитія, но что таковое возможно относительно соціальныхъ классовъ; общественная наука возможна лишь постольку, поскольку она опирается на соціальныя факты, открытые для наблюденія; послѣдніе же приводятъ къ раскрытію истины только тогда, если они являются результатомъ дѣятельности общественныхъ классовъ, вытекающей изъ принципа каждому классу „природы“ и изъ отношеній каждаго класса къ другимъ классамъ и къ вѣншему міру. Только

¹⁴⁾ *Albion W. Small*, *ibid.*, стр. 209.

¹⁵⁾ *Arthur Bauer*. Professeur de philosophie. „*Les classes sociales*“. Analyse de la vie sociale. Paris 1902.

изучая такіе соціальные факты, мы приобретаемъ общія понятія, ибо въ нихъ особенности индивидовъ нейтрализуются и исчезаютъ. И если удастся точно формулировать такіа общія понятія, мы можемъ раскрыть соціальные законы, т. е. остающіеся постоянными отношенія, лежащія въ основѣ дѣйствій и соотношеній соціальныхъ классовъ. Только оставаясь на пути изслѣдованія классовъ, соціальный изслѣдователь можетъ уйти отъ бесплодной метафизики и пассивной эмпирики.

Прежде чѣмъ искать болѣе всего приложимыхъ къ соціальной наукѣ методовъ, напрашивается, говорить *Бозеръ*, вопросъ, поддаются ли соціальные факты научному изученію. *Бозеръ* не сомнѣвается въ положительномъ рѣшеніи этого вопроса, но находитъ, что соціальная жизнь, сама по себѣ, непосредственно воспринимаемая, даетъ для нашего познанія весьма грубую матерію, крайне грубый, сырой матеріалъ, который долженъ подвергнуться предварительной переработкѣ и послѣ этого уже дѣлается доступнымъ познанию.¹⁰⁾ Въ данномъ случаѣ *Бозеръ* придаетъ большое значеніе тому важному обстоятельству, что соціальные факты обладаютъ тенденціей къ постояннымъ, неизмѣннымъ соотношеніямъ, что они доступны сведенію ихъ въ опредѣленные ряды, къ опредѣленному порядку. Правда, нѣтъ никакой возможности, при современныхъ данныхъ нашего познанія, свести къ закономерности поведеніе отдѣльных индивидовъ, со всѣми ихъ особенностями и своеобразіемъ. Но это, по мнѣнію *Бозера*, и не нужно для соціальной науки: если бы человечество вообще, или отдѣльные индивиды не поддаются научнымъ требованіямъ, необходимымъ для установленія нѣз. соціальныхъ фактовъ соціальныхъ законовъ, то все же имѣется такой объектъ для соціальной науки, который открыть для научнаго изученія; этотъ объектъ—соціальные классы¹¹⁾.

Знать—замѣчать сходства. Группируя индивидовъ по сходнымъ чертамъ и получая, такимъ образомъ, соціальныя группы, или соціальные классы, мы этимъ самымъ приходимъ, говоритъ *Бозеръ*, къ представленію о типѣ, который является общимъ представленіемъ и, такъ сказать, схемой для данной соціальной группы.

¹⁰⁾ Arthur Bauer, *ibid.*, стр. 48.

¹¹⁾ Arthur Bauer, *ibid.*, стр. 56.

Установленіемъ же такого рода *типовъ* мы получаемъ тѣ необходимыя условія, которыя требуются для научнаго изслѣдованія: это, прежде всего, типъ общій; онъ очищенъ отъ всѣхъ частичныхъ особенностей, которыми отличаются между собой отдѣльные индивиды; онъ содержитъ въ себѣ лишь общія черты; а благодаря всему этому, такой типъ, упрощенный и очищенный отъ всѣхъ непужныхъ особенностей, получаетъ привилегію научныхъ понятій, открытыхъ для научнаго изслѣдованія. „Только социальныя группы даютъ прочную основу для обобщеній“. Поэтому, думаетъ *Боэръ*, социальный изслѣдователь долженъ считаться со всѣми значительными группами, входящими въ составъ общества.

Могутъ сдѣлать упрекъ, что, при такомъ методѣ изслѣдованія, будутъ изучаться не социальные факты, а социальные классы. Но, отвѣчаетъ на этотъ возможный упрекъ *Боэръ*, послѣднее могло бы быть лишь тогда, если бы классы разсматривались, какъ нѣчто инертное, лишнее дѣятельности и жизни; но мы видимъ обратное: самый фактъ и процессъ образованія и формированія социальныхъ классовъ указываютъ на ихъ особешую активность и на то, что они являются непрерывнымъ источникомъ социальныхъ явленій; больше того, самыя эти социальные явленія точно опредѣлены способомъ дѣятельности, свойственнымъ каждому социальному классу, который остается постояннымъ при неизмѣняющихся условіяхъ самой дѣятельности класса; изучая социальные классы, мы, такимъ образомъ, изучаемъ и социальные факты, явившіеся результатомъ дѣятельности самихъ классовъ. На примѣрѣ богатства или собственности *Боэръ* поясняетъ свою мысль: богатство, собственность, его виды, его измѣненія—вотъ тѣ экономическія явленія, которыя играли въ обществахъ во всѣ времена весьма важную роль; но вмѣсто того, чтобы изучать богатство (собственность) само по себѣ, можно изучать обладателей этого богатства, ихъ различные классы, измѣненія, которымъ подвергается каждый типъ собственника богатства, въ зависимости отъ воздѣйствія и вліянія на него каждаго другого типа или класса; въ результатъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ—вопросъ изученія по существу остается однимъ и тѣмъ же; въ послѣднемъ случаѣ, однако, гдѣ изученіе ведется съ точки зрѣнія социальныхъ классовъ, является

то громадное преимущество, что наблюдатель-исследователь схватывает явления в их причинности и находится, поэтому, в самых выгодных условиях для устаровления научных отношений. „Изучение классов, заключает *Бозер*, представляет для научных изысканий очень обширное поле и в то же время и очень надежное.“¹⁸⁾

Для каждой науки, говорит *Бозер*, методъ изслѣдованія сводится къ тому, чтобы открыть наиболѣе всего приложимыя средства для образованія общихъ понятій и установленія законовъ. Для достиженія этого необходимы, по мнѣнью *Бозера*, слѣдующія условія: 1) разложить общество на его различные классы, 2) изучить характерныя тенденціи каждаго класса и 3) изучить измѣненія, происходящія между классами. Когда изучены эти взаимодѣйствія и взаимныя вліянія классовъ, можно придти къ установленію опредѣленныхъ, постоянныхъ соотношеній между классами, которыя являются дѣйствительными социальными законами. Когда изучены, говорит *Бозер*, простѣйшіе элементы общества—социальные классы, не трудно уже изучить и болѣе сложныя группы, т. е. самаго общества.

Можно не соглашаться съ разработкой поставленной *Бозеромъ* проблемы, можно не раздѣлять его ученія о социальныхъ классахъ, какъ таковыхъ, и его анализа этихъ классовъ (объ этомъ будетъ рѣчь ниже), но сама постановка проблемы, сдѣланная *Бозеромъ*, заслуживаетъ вниманія. Къ признанію важности изученія общественныхъ классовъ *Бозеръ* приходитъ, какъ методологъ-философъ. Онъ дѣлаетъ шагъ впередъ послѣ *Гумбольдта*. Если *Гумбольдтъ* только указываетъ на значеніе изученія социальныхъ группъ и ихъ образованія, то *Бозеръ* пытается дать теоретическое обоснованіе проблемы социальныхъ классовъ, какъ метода социального изслѣдованія. Если у *Маркса* и *Энгельса* проблема классовъ была на первомъ планѣ социологической проблемой, а потомъ уже методологической, сводясь къ идеѣ борьбы классовъ, заполняющей всю исторію человѣческихъ обществъ, то у *Бозера* эта проблема классовъ является, прежде всего и главнымъ образомъ, методологичес-

¹⁸⁾ *Arthur Bauer*, ibid, стр. 67, 68.

ской проблемой. Въ послѣднемъ весь интересъ и значеніе изслѣдованія *Бозра*.

То цѣнное, что дано въ данномъ отношеніи *Бозра*, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) вѣтъ изученія социальныя классы не можетъ быть мыслимо никакаго сколько-нибудь научно обоснованнаго изслѣдованія социальной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ;

2) общество, какъ таковое, не можетъ быть научно изучено, прежде чѣмъ не изучены общественныя классы, въ ихъ соотношеніяхъ и взаимодействіи;

3) научному наблюденію и изслѣдованію могутъ подлежать лишь такіе социальные факты, которые являются въ результатѣ дѣйствія и взаимодействія социальныхъ классовъ;

4) единственно научнымъ методомъ социального изслѣдованія можетъ быть только методъ, исходнымъ пунктомъ и основой котораго является изученіе социальныхъ классовъ, какъ простѣйшихъ элементовъ, составляющихъ общество.

Мы видимъ, такимъ образомъ, какое значеніе можетъ имѣть изученіе общественныхъ классовъ для социальной науки. Мы видимъ, какъ тѣсно и неразрывно связанъ социальный методъ изслѣдованія илиг социальная точка зрѣнія, въ противоположность индивидуалистической, съ проблемой общественныхъ классовъ, съ изученіемъ социальныхъ явленій, съ точки зрѣнія жизни, дѣйствій и взаимоотношеній классовъ.

И *Гумпловичъ*, и *Смолль*, и *Бозра* видятъ высокое методологическое значеніе проблемы социальныхъ классовъ собственно лишь въ примѣненіи ея къ социологіи. Но то, что имѣетъ силу по отношенію къ социологіи и социальнымъ фактамъ въ ихъ общемъ соотношеніи, имѣетъ ту же силу и одно и то же методологическое значеніе и по отношенію къ отдѣльнымъ социологическимъ дисциплинамъ, изучающимъ отдѣльныя проявленія социальныхъ фактовъ въ области экономической, правовой, государственной и проч. Если методологически невозможно понять общественную жизнь, въ ея цѣломъ, безъ изученія социальныхъ классовъ, то необходимо заключить, что методологически невозможно понять и общественно-

хозяйственную жизнь, въ анализѣ общественныхъ классовъ. Такой же выводъ одинаково приложимъ и къ области права, государства, этики и т. д.

Для политической экономіи проблема общественныхъ классовъ не являясь изученіемъ имѣть, однако, особенное значеніе, какъ въ области теоріи, такъ и въ области политики. Важнѣйшій и основной отдѣлъ экономической науки, отдѣлъ о производственномъ процессѣ и производственныхъ отношеніяхъ общественнаго хозяйства можетъ быть понятъ въ надлежащемъ значеніи и выясненъ въ истинномъ свѣтѣ только на основѣ социальнаго метода, т. е. съ точки зрѣнія общества, какъ общественнаго цѣлаго и основныхъ элементовъ его—общественныхъ классовъ. Основные категоріи производства—категоріи цѣнности, прибавочной цѣнности, капитала—могутъ быть выяснены только тогда, когда ясны взаимоотношенія между тѣми основными общественными группами или классами, которые такъ или иначе участвуютъ въ общественномъ производствѣ. Если для изслѣдователя ясны категоріи хозяина и работника и ихъ взаимоотношеній, ему никогда не понять сущности ни прибавочной цѣнности, ни капитала. Процессы накопленія капитала и образованія его точно также не могутъ быть выяснены, прежде чѣмъ не изученъ процессъ образованія общественныхъ классовъ и ихъ взаимоотношеній. Частно-хозяйственная же точка зрѣнія при изученіи производственныхъ отношеній можетъ привести къ совершенно превратному представленію о характерѣ процесса общественнаго производства, можетъ привести къ категоріямъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ процессу общественнаго хозяйства.

Еще очевиднѣе значеніе проблемы общественныхъ классовъ въ области явленій распредѣленія и вообще въ ученіи объ общественномъ доходѣ и его различныхъ видахъ. Самое понятіе распредѣленія, въ общественно-хозяйственномъ смыслѣ, предполагаетъ распредѣленіе между общественными классами; чтобы понять и выяснить процессъ распредѣленія и его сущность, необходимо, поэтому, имѣть ясное представленіе объ общественныхъ классахъ, между которыми распредѣляется общественный продуктъ или доходъ. Правда, индивидуалистическая школа въ политической экономіи пытается понять явленія распредѣленія въ смыслѣ рас-

предѣленія между отдѣльными индивидами общественнаго хозяйства, въ смыслѣ распредѣленія per capita, или на единицу площади, или на единицу капитала; но представителямъ этой школы не удается ни на волюсь подвинуть впередъ изученіе распредѣлительныхъ процессовъ хозяйственной жизни, съ точки зрѣнія своего индивидуалистическаго метода, не приложимаго къ социально—экономическимъ явленіямъ и потому ненаучнаго.¹⁹⁾ Безконечное разнообразіе, неустойчивость и пестрота взаимно передупывающихъ хозяйственныхъ построеній и индивидуальныхъ интересовъ, наблюдаемыхъ въ мірѣ хозяйственныхъ явленій среди отдѣльныхъ хозяйствующихъ субъектовъ, въ силу уже самыхъ элементарныхъ требованій научной методологіи, должны вести экономическаго изслѣдователя къ необходимости отвлеченія отъ этой безконечной пестроты и неустойчивости и къ перенесенію поля изслѣдованія отъ наблюденія надъ индивидами къ изученію движенія социальныхъ группъ или классовъ; только въ этомъ случаѣ можетъ исчезнуть все случайное, индивидуальное, нетипическое.

Важное значеніе изученія общественныхъ классовъ еще болѣе ярко всплываетъ, далѣе, въ области социальной и экономической политики, гдѣ приходится оцѣнивать и вырабатывать тѣ или иные экономическія и социальныя мѣропріятія, чтобы способствовать тому или иному направленію въ различныхъ областяхъ хозяйственной жизни и быта. Индивидуалистическая точка зрѣнія здѣсь уже совершенно непригодна, такъ какъ, оставаясь на почтѣ частно—индивидуальныхъ интересовъ, невозможно оцѣнивать и направлять хозяйственную жизнь по теченію, наиболѣе рациональному и цѣлесообразному, наиболѣе соотвѣтствующему интересамъ общественнаго цѣлаго. Последніе же никогда не будутъ точно поняты и уяснены, если не сдѣланъ предварительный анализъ того, въ какомъ отношеніи находятся предпринимаемая мѣры и устанавливаемая оцѣнка къ заинтересованнымъ классамъ. Этого, однако, мало: необходимо еще ясное представленіе о живящихъ тенденціяхъ развитія каждаго изъ общественныхъ классовъ, о

¹⁹⁾ См. посвященную вынесенію этого вопроса нашу книгу „Заработная плата, какъ проблема распределенія“. С.-Петербургъ. 1911 г.

ихъ поднимающемся или падающемъ значеніи и роли въ общественномъ хозяйствѣ, о ихъ положительной или отрицательной работѣ въ общественномъ прогрессѣ.

Чтобы, напримѣръ, въ области аграрной политики обладать надлежащимъ народно—хозяйственнымъ критеріемъ, еще недоста-точно знать о томъ, каково экономическое значеніе мелкаго земле-владѣнія въ общемъ народно—хозяйственномъ развитіи; для этого необходимо еще ясное представленіе о томъ, какое мѣсто занима-ютъ мелко—землевладѣльческія общественныя группы (крестьян-ство) въ социальной борьбѣ, происходящей между основными со-циальными классами современнаго общества: буржуазіей и про-летаріатомъ. Лишь при такихъ условіяхъ аграрный политикъ въ состояніи дать петинную оцѣнку тѣмъ или инымъ сельскохозяй-ственнымъ мѣропріятіямъ въ области крестьянской жизни.

Въ мірѣ же социальной политики изученіе общественныхъ классовъ необходимо особенно въ нашу эпоху быстро нарастаю-щихъ обостреній и столкновеній между классами. „Мы живемъ—говоритъ шведскій профессоръ *Фальбекъ*—подъ режимомъ клас-совой борьбы больше, чѣмъ въ какую-либо предшествующую эпоху. Чтобы счастливо миновать этотъ кризисъ, мнѣ кажется, знаком-ство съ классами, какъ таковыми, ихъ составными элементами, въ ихъ взаимодѣйствіяхъ и соотношеніяхъ, абсолютно необходимо...“²⁰⁾

Міръ социальныхъ отношеній сложенъ чрезвычайно. Эта пестро-та отношеній увеличивается еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что человеческое общество разбито на множество отдѣльныхъ территоріально разграниченныхъ государственныхъ ячеекъ, свое-образныхъ и различныхъ во многихъ отношеніяхъ; народно-хозяй-ственная область отношеній, благодаря этому, осложняется еще новыми отношеніями международныхъ сношеній и борьбы за мі-ровой рынокъ. И въ данномъ случаѣ, такъ же какъ и въ предыду-щихъ, въ рукахъ социального изслѣдователя долженъ находиться надежный критерій, который направлялъ бы изслѣдованіе и слу-жилъ бы прочной основой для анализа. Такой основой и являются

²⁰⁾ *Fahlbeck Pontus. Les classes sociales. Bulletin de l'Institut international de Statistique t. XVIII, 1-re livraison. Paris 1909, стр. 180.*

соціальные классы съ ихъ антагонистическими интересами и различными соотношеніями.

Такимъ образомъ, проблема общественныхъ классовъ имѣетъ важное методологическое значеніе въ области соціального знанія, являясь той основой, на которой соціальныя отношенія получаютъ себѣ научное освѣщеніе.

2.

Историческія предпосылки зарожденія идеи общественныхъ классовъ.

Прежде чѣмъ ученіе объ общественныхъ классахъ могло получить себѣ сколько-нибудь замѣтное развитіе и вырасти въ ту или иную теорію, необходимо было, чтобы въ общественномъ сознаніи предварительно выросла, хотя бы сначала и въ неопредѣленной формѣ, самая идея объ общественныхъ классахъ, идея о томъ, что общество не однородно по своему составу, но что оно раскалывается на то или иное число разнородныхъ составныхъ частей или соціальныхъ группъ, стоящихъ въ извѣстномъ между собою соотношеніи. Для возникновенія такой идеи соціального расчлененія, т. е. идеи соціальныхъ группъ или общественныхъ классовъ, само собой разумѣется, необходимы были извѣстныя историческія предпосылки.

Когда, какъ и гдѣ зародилась идея общественныхъ классовъ и каковы историческія предпосылки ея возникновенія?

Какъ извѣстно, всякія группировки предметовъ, явленій или отношеній происходятъ на основѣ той общей формулы, что сходство соединяетъ, а различіе расчленяетъ. Возникновеніе классового расчлененія предполагаетъ, поэтому, появленіе въ обществѣ какихъ-то такихъ соціальныхъ различій между общественными слоями, которыя рѣзко отдѣляютъ эти слои одни отъ другихъ, причемъ каждый такой обособленный и расчлененный соціальный слой, въ свою очередь, внутри себя сплавляется уже на основѣ сходства, объединяющаго всѣхъ членовъ даннаго слоя въ обособленное цѣлое. И чѣмъ быстрѣ идетъ процессъ внутри-группового соединенія и уплотненія, тѣмъ яснѣе на лицо выступаетъ фактъ общаго соціального расчлененія и обостренія различій между соціальными группами. И наоборотъ: чѣмъ быстрѣ и острѣе

идеть процессъ расчлененія между слоями, тѣмъ сильнѣе сплавляется каждый слой внутри себя. Мы имѣемъ дѣло здѣсь, такимъ образомъ, съ социальными процессами различнаго характера: съ одной стороны—съ процессомъ дифференціаціи или распаденіемъ всего общества на различныя составляющія его части; съ другой стороны—съ процессомъ интеграціи, съ соединеніемъ и уплотненіемъ, происходящими внутри каждой изъ распавшихся частей общества. Мало того: по мѣрѣ роста социальной дифференціаціи происходитъ нарастаніе связи и взаимной обусловленности и между дифференцированными частями общества, въ смыслѣ роста той „органической солидарности“, въ отличіе отъ „механической“, о которой говоритъ въ „*De la division du travail social*“ *Дюркгеймъ*. „Социальный прогрессъ—говоритъ *Дюркгеймъ*—не состоитъ въ непрерывномъ разложеніи; наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе у обществъ глубокое сознаніе себя самихъ и своего единства“.¹⁾ Ростъ такого единства и такого рода интеграціи еще не означаетъ, однако, что въ обществѣ сглаживаются различія между различными слоями. Растущее единство приходится понимать лишь, какъ растущую связанность и взаимость, но не какъ ростъ социальной солидарности. Намъ здѣсь интересуется, однако, не самый процессъ дифференціаціи общества, а лишь моментъ ея возникновенія.

Начало процесса социальной дифференціаціи относится къ глубокому историческому прошлому. Если историки человеческой культуры и отмѣчаютъ на зарѣ человечества существованіе первобытныхъ „обществъ“ съ коммунистическимъ, социально недифференцированнымъ строемъ жизни и хозяйства, то существованіе такихъ „обществъ“ относится собственно къ до—историческому періоду общественной жизни. Вся же дѣйствительная исторія человеческого общества можетъ разсматриваться, какъ процессъ непрерывнаго социального дифференцированія, образованія социальныхъ группъ, ихъ взаимнаго обособленія и внутренняго уплотненія и объединенія. Самый переходъ отъ простого общенія между человеческими индивидами, или состоянія стадности, къ

¹⁾ *Em. Durkheim. De la division du travail social. Paris 1903, стр. 137/138.*

обществу, къ социальности, долженъ былъ характеризоваться и обуславливаться именно процессомъ образованія социальныхъ различій и появленіемъ социального неравенства. Нерѣдко это обстоятельство и служитъ соблазномъ для социологовъ понимать социальные (общественныя) отношенія, просто какъ отношенія неравенства.

Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что съ момента возникновенія общества и общественныхъ отношеній уже начинается и процессъ общественной дифференціаціи. Въ исторіи человечества этотъ процессъ совпадаетъ обыкновенно съ разложеніемъ первобытной общины, вызываемымъ развитіемъ производственной техники въ первобытномъ хозяйствѣ. Къ этому моменту первобытная община достигаетъ такой степени производительности труда, при которой образуется „избыточный продуктъ“, т. е. производство даетъ больше продукта, чѣмъ нужно для простого возстановленія вложеннаго въ производство прошлаго и живого труда.²⁾

Образованіе избыточнаго продукта является поворотнымъ пунктомъ въ жизни первобытной общины. Съ этого момента является возможность для части общины не вкладывать своихъ силъ въ трудовой процессъ для созданія матеріальныхъ цѣнностей, необходимыхъ общинѣ. Съ этого момента часть общины, освобождавшаяся отъ трудового участія въ общинномъ производствѣ, можетъ сохранить за собой лишь общее руководство социально-трудовымъ процессомъ и, обладая, такимъ образомъ, досугомъ, заняться дѣлами управленія общиной, организаціей обороны и нападенія, наукой, искусствомъ и проч.; технически все это приведетъ къ раздѣленію труда и образованію профессій, социально—къ образованію классовъ.

Итакъ, можно сказать, что образованіе избыточнаго продукта, появившагося благодаря измѣненію производственной техники въ первобытномъ хозяйствѣ, явилось важнѣйшей исторической предпосылкой образованія социальныхъ классовъ.

Возникаетъ вопросъ, свойственно ли классовое разслоеніе и обществу до—капиталистическому, или же социальные классы—

²⁾ Ср. *F. Stuart Chapin. An Introduction to the study of social evolution. The prehistoric period.* New-York 1913, гл. IV, стр. 294 и дальше.

категорія только капиталистического строя. И далѣе. Если социальные классы находятъ себѣ мѣсто уже въ до—капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ, то рождается ли идея общественныхъ классовъ уже въ этомъ послѣднемъ, или же идея классовъ возникаетъ въ общественномъ сознаніи лишь при капиталистическомъ производствѣ?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо остановиться нѣсколько на характерѣ классового расчлененія. Обычно смѣшиваютъ или профессию и сословіе, или сословіе и классъ, или то и другое и третье. *Шеффле, Визе, Овербергу, Баумгартнеру, проф. Филипповичу* и многимъ другимъ *сословное* расчлененіе представляется ничѣмъ инымъ, какъ расчлененіемъ, возникшимъ на основѣ различія профессій.³⁾ Между тѣмъ, сущность явленій профессиональнаго расчлененія общества и сословнаго отнюдь не тождественны. Тотъ и другой рядъ явленій лежатъ въ совершенно различныхъ плоскостяхъ. Расчлененіе по *профессіямъ*—это расчлененіе чисто *техническаго* характера; профессиональное разслоеніе имѣетъ дѣло съ образованіемъ различныхъ въ обществѣ группъ, которыя раздѣляетъ не различіе взаимныхъ отношеній ихъ другъ къ другу, а различіе отношеній ихъ къ объекту дѣятельности (сельское хозяйство, индустрія, транспортъ и проч.).

Такого рода техническое разслоеніе можетъ доходить до огромнаго количества видовъ, подвидовъ, различныхъ мелкихъ подраздѣленій; но среди безконечнаго числа этихъ подраздѣленій не образуется еще лѣстницы неравенства. Отсюда, профессія—категорія *техническая*; это—категорія *естественно-техническаго* порядка. Она присуща человѣческому обществу и до-исторического періода и всѣхъ послѣдующихъ стадій. Это—категорія не историческая, не социального порядка. Разслоеніе по профессіямъ,

³⁾ *Dr. A. Schäffle. Bau und Leben des socialen Körpers. Erster Band. Tübingen 1876, стр. 293/289 — Ср. его-же Dritter Band, Spezielle Sozialwissenschaft, erste Hälfte, Tübingen 1878, стр. 90. („Сословный строй мы понимаемъ, какъ разслоеніе по различію профессій, классовый—какъ разслоеніе по владѣнію“). — Dr. Leopold von Wiese. Einführung in die Sozialpolitik, Leipzig 1910, стр. 36—39. — Baumgartner, „Staatslexicon“, 3 и 4 издание, т. V, 1912, статьи „Stände“. („Идея „Stand“ мы понимаемъ группу лицъ внутри какого-либо народа, которая связана общей профессіей“) — Van Overbergh. La classe sociale. Bruxelles 1905, стр. 190. Dr. Eugen von Philippovich. Grundriss der Politischen Oekonomie. Erster Band, 8 Aufl., Tübingen 1909, стр. 95/96.*

какъ чисто техническое разслоеніе, входитъ одинаково во всѣ виды и типы социальной организаціи. Съ сословнымъ разслоеніемъ оно отнюдь не должно быть смѣшиваемо.

Сложнѣе разграничить *сословное* отъ *классоваго* разслоенія. Но какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ, во всякомъ случаѣ, рѣчь идетъ уже о различіяхъ во взаимныхъ отношеніяхъ, о различіяхъ социального характера. То и другое разслоеніе, однако, существенно различны, имѣя различныя базы, на которыхъ они покоятся. Сословное разслоеніе—это область явленій и отношеній *право-политическаго* порядка; это разслоеніе на основѣ право-политическихъ разграниченій, право-политическихъ различій; послѣднія образуютъ лѣстницу социального неравенства въ области право-политическихъ отношеній, съ различными ступеньками, начиная съ самой верхней, содержащей всю полноту правъ и всѣхъскихъ привилегій, и кончая самой нижней, гдѣ отсутствуютъ права и гдѣ нѣрѣдко одні только обязанности. Соціально-неравные группы сословнаго разслоенія выявляются таковыми и возникаютъ не на почвѣ отношеній социально-трудового процесса, не на почвѣ отношеній хозяйства, а на почвѣ, главнымъ образомъ, отношеній права и государства. Сословіе—*право-политическая, юридическая* категорія и, какъ таковая, *историческая* категорія, она можетъ имѣть различныя формы проявленія, въ зависимости отъ историческихъ условій, въ которыхъ развиваются отношенія права и государства.

Въ отличіе отъ сословнаго, *классовое* разслоеніе возникаетъ на основѣ экономическихъ отношеній; область классоваго разслоенія—область общественно-хозяйственныхъ отношеній; это разслоеніе на основѣ различій социально-хозяйственнаго свойства. Классъ въ данномъ случаѣ—уже не техническая и не юридическая категорія, а *экономическая* и, слѣдовательно, также историческая категорія. Здѣсь мы также имѣемъ лѣстницу социального неравенства отношеній, которая въ общемъ, въ абстракціи, сводится къ двумъ основнымъ различнымъ общественнымъ группамъ—ступенямъ: одной—вкладывающихъ въ общественное производство свою рабочую силу и трудъ, другой—не работающихъ, но лишь распоряжающихся рабочей силой и продуктомъ производства. Въ конкретній

дѣйствительности, между этими двумя ступенями расположено множество самых разнообразных социальных групп-ступеней, тяготящихся къ двумъ основнымъ. Въ распределительномъ процессѣ ихъ выявляется столько, сколько имѣется вообще различныхъ видовъ общественного дохода. Въ потребительно-многовомъ процессѣ этихъ социально различныхъ группъ еще больше.

Всѣ три перечисленные вида общественной дифференціаціи исторически далеко не совпадаютъ, не развиваются одновременно. Лишь техническое разслоеніе по профессіямъ проходитъ черезъ всѣ стадіи социальной эволюціи; оно всегда будетъ имѣть мѣсто, гдѣ совершается процессъ воздѣйствія челоука на природу на почвѣ раздѣленія труда. Наоборотъ, сословное разслоеніе обнимаетъ собою періодъ только *простого товарнаго производства*, т. е.—въ общихъ чертахъ—строй античнаго и феодальнаго хозяйствъ. Сословный строй этого періода покоится всецѣло на общественно-разрозненомъ, мало общественно-связанномъ строѣ отношеній простого товарнаго хозяйства, гдѣ производство организуется больше ради потребленія, а не ради производства; гдѣ связь между хозяйственными ячейками крайне незначительна; гдѣ производители разбѣдинены стѣнками частныхъ хозяйствъ; гдѣ обмѣлъ ограниченъ узкимъ кругомъ и тѣсными рамками; и гдѣ вся почти сфера хозяйственныхъ отношеній носитъ характеръ частно-хозяйственныхъ, отношеній, а не социально-производственныхъ. При такихъ условіяхъ общественно-хозяйственной жизни до-капиталистическаго общества, вся социальная связь, которой скрѣпляется плѣтскость и сила любого народа, любого общества, переходитъ въ область сословной организаціи и сословныхъ взаимоотношеній. Но по мѣрѣ роста народно-хозяйственной связи и развитія общественныхъ отношеній, сословный строй теряетъ значеніе, и когда сословная организація стала на дорогѣ развивающагося капитализма, она была сметена послѣднимъ и разрушена, и, такимъ образомъ, сословное разслоеніе въ новомъ общественномъ строѣ отпало.

Періодъ капиталистическаго производства (товарнаго производства въ расширенныхъ размѣрахъ) уже не знаетъ ни сословій, ни сословной организаціи. „Сословный духъ“ въ немъ остается

лишь въ видѣ послѣднихъ остатковъ стараго общества и то лишь въ наиболѣе отсталыхъ странахъ. Въ капиталистическомъ обществѣ сословія отмираютъ, правно-политическія ограниченія отпадаютъ. Въ современномъ безсословномъ обществѣ государство достигаетъ правно-политической свободы, хотя и не достигаетъ вполне политическаго равенства; здѣсь всѣ уравнены въ гражданскихъ правахъ и личныхъ обязанностяхъ; неравенство здѣсь есть уже неравенство лицъ, а не сословій.⁴⁾ На мѣсто сословнаго разслоенія въ капиталистическомъ обществѣ выступаетъ, уже въ чистомъ своемъ видѣ, классовое разслоеніе, классовый строй. „Всюду, гдѣ цивилизація достигла болѣе или менѣе высокой ступени развитія, мы можемъ замѣтить,—говоритъ *Фальбекъ*,—двѣ различныя фазы въ исторіи развитія классовъ. Въ первомъ періодѣ социальныя различія накапливаются и, такъ сказать, выкристаллизовываются безъ посредствующихъ переходныхъ стадій и съ очень ясными легальными различіями. Во второмъ періодѣ—стѣны различій падаютъ и легальныя различія исчезаютъ... Первый періодъ рождаетъ касты и сословія, санкціонируемыя религіей и правомъ; второй—классы въ собственномъ смыслѣ, свободно конституируемые.“⁵⁾

Итакъ, классовый строй становится на смѣну сословнаго. Но это еще не значитъ, что классовое разслоеніе общества рождается лишь съ капиталистическимъ строемъ хозяйства. Классъ, какъ экономическая категорія, существуетъ уже съ того момента, какъ только возникаетъ социально-трудовой процессъ съ обособленными въ немъ экономически различными общественными группами, т. е. съ момента образованія избыточнаго продукта и обособленія между группой непосредственныхъ производителей и группой командующихъ руководителей, т. е. обособленія между *хозяиномъ и работникомъ*. И такимъ образомъ, общественные классы и классовое разслоеніе присущи одинаково, какъ до-капиталистическому обществу, съ простымъ товарнымъ производствомъ, такъ и новому обществу, съ капиталистическимъ хозяйственнымъ строемъ. Раз-

4) В. Каюшевскій. Исторія сословій въ Россіи. Москва 1913, стр. 14 и 15.

5) Pontus Fahlbeck. Les classes sociales. Bulletin de l'Institut internationale de statistique, t. XVIII, 1-re livraison, Paris 1909, стр. 192.

ница лишь в томъ, что въ простомъ товарномъ хозяйствѣ, съ его слабо выраженными и мало развитыми общественно-хозяйственными отношеніями, классовыя категоріи хозяина и работника, какъ соціальныя категоріи, не получали яснаго социального проявленія; эти категоріи здѣсь проявлялись въ такихъ формахъ, социально-производственная сущность которыхъ затемнялась различнаго рода нехозяйственными наслоеніями, главнымъ образомъ, правно-политическаго характера. Въ античномъ хозяйствѣ, наприм., отношенія хозяина и работника выступали въ формѣ отношеній господина и раба, такъ же какъ въ феодальномъ хозяйствѣ— въ формѣ отношеній феодала и крѣпостного. Но *соціально* эти категоріи почти ничѣмъ не были связаны. Отношенія между господами и рабами, такъ же какъ и между феодалами и крѣпостными, не выходили за предѣлы частно-хозяйственныхъ отношеній. Соціально-связанныхъ отношеній между ними въ сущности не было, такъ какъ общественная связь между отдѣльными хозяйствами того времени была вообще довольно слаба. Но все-же сословный строй античнаго міра, который зиждился именно всецѣло на неразвитости социально-производственныхъ отношеній античнаго общества, не могъ, не отражать на себѣ классовыхъ различій двухъ общественныхъ отношеній: хозяина и работника, господина и раба, работающихъ производителей и неработающихъ распорядителей.

Послѣдняго рода отношенія нашли свое выраженіе въ борьбѣ между сословіями. Сословіе обездоленныхъ (плебсъ, мелкое крестьянство) обычно воплощало въ себѣ настроенія и отношенія неимущаго класса производителей; оно вело „освободительную“ борьбу какъ бы за всѣхъ угнетенныхъ; въ то время какъ отношенія господствующаго класса имущихъ цѣликомъ воплощались въ высшемъ сословіи крупныхъ земельныхъ собственниковъ (знати, патриціевъ). Это еще не говоритъ, однако, и за то, что классъ, какъ социально-хозяйственная категорія, въ античномъ обществѣ сливался съ сословіемъ, т. е. что каждое борющееся сословіе являлось по своимъ хозяйственнымъ отношеніямъ въ сущности вполне определеннымъ социальнымъ классомъ, лишь облеченнымъ въ костюмъ правно-политической категоріи сословія. Отсюда

пѣтъ. Сословная борьба древняго міра показываетъ намъ, что классъ производителей (рабы) оставался, наприм., почти внѣ общественной жизни, что борьба сословная происходила только между „непроизводительными“ группами античнаго общества. „Въ древнемъ Римѣ, говорить *Марксъ*, классовая борьба происходила исключительно внутри привилегированнаго меньшинства, между свободными богачами и свободными бѣдняками, тогда какъ вся производительная масса населенія, рабы, представляла собою лишь пассивный пьедесталъ для борющихся сторонъ.“^{а)}

Сословная борьба, повторяемъ, въ своихъ конфликтахъ отражала борьбу классовъ, вскрывая социальныя антагонизмы общественнаго хозяйства, основаннаго на отчужденіи общественнаго продукта отъ его производителей. Какъ ни слабо, но въ борьбѣ сословій все же выступало социальное неравенство производительныхъ отношеній, выражавшихся въ неравенствѣ распредѣленія и неравенствѣ потребленія, а также и въ фактѣ постоянного вытѣсненія одной частью населенія, частью имущихъ крупныхъ собственниковъ другой части маломущаго населенія, постепенно надавшаго въ ряды пролетаріевъ,—свободныхъ, но съ полу-голоднымъ существованіемъ и одной ногой стоявшихъ на порогѣ къ потерѣ свободы и къ полной зависимости. Можно сказать, поэтому, что въ борьбѣ сословій античнаго общества звучитъ уже социальная борьба классовъ, хотя эта борьба и принимаетъ своеобразную форму сословной борьбы, единственно возможную по тому времени форму, которая, хотя бы и косвенно, могла отразить на себѣ социально-хозяйственныя отношенія.

То же самое приложимо и къ сословной борьбѣ средневѣковой. И въ ней отраженно просвѣчивалась социальная борьба классовъ. И здѣсь борьба шла подъ флагомъ „освободительнаго движенія“ отъ ига и господства сильныхъ. И здѣсь, какъ и въ античной борьбѣ, во главѣ „освободительнаго“ движенія стояли наиболѣе безправныя сословія (горожане и крестьяне). Третье сословіе выступало, какъ извѣстно, въ борьбѣ съ феодалами подъ знаменемъ борьбы за свободу, равенство и братство, принимая на себя защиту

а) *K. Marx. Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. Dritte Aufl. Hamburg 1885. (Первое въ 1869). Vorwort, стр. VI.*

слабаго противъ сильнаго, безправнаго и обездоленнаго противъ привилегированной и имущей части населенія. И здѣсь, слѣдовательно, отражалась борьба классовъ, неравенство социальныхъ отношеній. „Выросшее на развалинахъ феодализма—говорятъ авторы Коммунистическаго Манифеста—современное буржуазное общество не уничтожило различія классовъ. Оно только поставило новые классы на мѣсто старыхъ, выработало новые способы угнетенія и новые виды борьбы.“

Итакъ, отвѣчая на поставленный выше вопросъ, мы приходимъ къ тому, что социальныя классы, являясь экономической категоріей, вырастающей на основѣ социально-производственныхъ различій, находятъ себѣ мѣсто какъ въ до-капиталистическомъ (античномъ и феодальномъ), такъ и въ капиталистическомъ обществахъ. Само собою разумѣется, что и тѣ характерныя черты социальной дифференціаціи, которыя вырастаютъ на основѣ социально-производственныхъ различій, именно—социальный антагонизмъ и социальная борьба между классами, свойственны одинаково, какъ до-капиталистическому обществу, такъ и капиталистическому. Но, какъ мы видѣли, въ періодъ простого товарнаго производства, классовая борьба выступаетъ въ формѣ борьбы сословій; въ капиталистическомъ же обществѣ, гдѣ сословія исчезаютъ, она выступаетъ уже въ своемъ чистомъ видѣ, не затемненномъ правдо-исполнительскими отношеніями. Основные отношенія въ производственно-трудовомъ процессѣ—руководство и трудовое исполненіе, господство и подчиненіе, поступленіе общественнаго продукта въ руки нетрудовой части общества, присвоеніе избыточнаго продукта производителями, богатство немногихъ и голодное существованіе трудящихся массъ—имѣютъ мѣсто, хотя бы и въ различныхъ формахъ, на протяженіи всей человѣческой исторіи. Въ историческомъ процессѣ развитія мѣнялись способы производства, мѣнялись формы социальной борьбы, мѣнялась социальная организація, но общій характеръ отношеній между двумя основными слоями общества оставался неизмѣннымъ, отъ первичной ступени социальной дифференціаціи и до новѣйшей крупно-капиталистической; мѣнялись формы, сущность отношеній сохранялась, такъ какъ сохранялись сущность и характеръ

производственныхъ отношеній, построенныхъ на антагонизмѣ. „Повсюду,—читаемъ мы въ „Капиталъ“,—гдѣ средства производства находятся въ монопольномъ владѣніи одной части общества, работникъ—свободный или несвободный—долженъ прибавлять добавочное рабочее время къ тому рабочему времени, которое необходимо для поддержанія его жизни, чтобы произвести средства существованія для владѣльцевъ средствъ производства, будетъ ли такимъ владѣльцемъ афинскій *καλὸς καγαθὸς* этрусскій теократъ, *civis romanus*, нормандскій баронъ, американскій рабовладѣлецъ валахскій бояринъ, современный лэндлордъ или капиталистъ“.¹⁾)

Эта историческая непрерывность и лишь вѣшній трансформизмъ указанныхъ социальныхъ отношеній покоится не въ чемъ иномъ, какъ лишь въ общемъ характерѣ развитія производительныхъ силъ, остающемся до извѣстной степени одинаковымъ для различныхъ историческихъ стадій социальной эволюціи. Недостаточная развитость производства, производственной техники, надо полагать, обуславливало и обуславливаетъ и до сихъ поръ фактъ социального неравенства, наличность въ обществѣ отношеній господства и подчиненія. Пока будетъ имѣть мѣсто эта недостаточная развитость, сохраняются неизмѣнными и отношенія между социальными группами и существованіе ихъ обособленности.

Если классы и классовое разслоеніе присущи одинаково и до—капиталистическому обществу и капиталистическому, то не возникаетъ ли идея общественныхъ классовъ уже въ античной общественной мысли, такъ какъ въ античномъ обществѣ имѣлись уже и социальное неравенство, и антагонизмъ, и классовая борьба?

Дѣйствительно, мы находимъ, что античная общественная мысль, въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ выдающихся представителей, —философовъ, общественныхъ дѣятелей того времени, народныхъ вождей и борцовъ за угнетенныя массы обездоленнаго населенія, —уже отдавала себѣ нѣкоторый отчетъ въ социальномъ расчлененіи античнаго общества, устанавливая въ немъ и наличность социального антагонизма и социальную борьбу между антагонистическими элементами общества. Даже въ еще болѣе раннія эпохи, еще на

¹⁾ К. Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. 5-te Aufl. Hamburg 1903, Buch I, стр. 196.

зарѣ человѣческой культуры, вопросы социального неравенства тревожатъ человѣческую мысль. Уже въ легендахъ и мифахъ древнихъ народовъ, среди религіозной мистики того времени, отразились исканія человѣческой мысли, мучившейся надъ разрѣшеніемъ великой тайны социального неравенства.⁸⁾ „Хотя дѣленіе на классы—говоритъ уже цитированный нами проф. *Фальбекъ*—принадлежитъ къ наименѣе изслѣдованнымъ еще областямъ въ жизни народовъ, оно, однако, всегда было предметомъ человѣческаго размышленія. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ подобнаго рода исканій являются мнѣшескія объясненія происхожденія различныхъ классовъ и смысла ихъ существованія“⁹⁾

Въ античномъ сознаніи идея социального неравенства находить себѣ уже нѣсколько болѣе опредѣленное выраженіе. Уже *Платонъ* говоритъ о современномъ ему государствѣ, что „такое государство необходимо представляетъ изъ себя какъ бы два государства: одно составляютъ бѣдные, другое богатые, и всѣ они живутъ вѣдѣтъ, строя другъ другу всяческія козни“¹⁰⁾ Известный *Мененъ Агерина* точно также находилъ, что „не только у насъ и не въ первый разъ бѣднота возстаетъ противъ богатей, низшіе противъ высшихъ, но, можно сказать, во всѣхъ государствахъ, какъ въ мелкихъ, такъ и въ большихъ, существуетъ враждебная противоположность между большинствомъ и меньшинствомъ“¹¹⁾ Такую же идею борьбы между богачами и немущимъ мы находимъ и у римскаго историка *Саллюстія*, который по поводу антипатіи низшихъ массъ наро-

8) Въ своемъ побольшемъ изслѣдованіи „The primary causes of social inequality“ (Helsingfors 1900.) *Линдманъ* передаетъ одну изъ такихъ легендъ, существующую у насъ. Тевтерифа, сѣдующаго содержанія: Въ началѣ міра Богъ создалъ нѣсколькихъ мужчинъ и нѣсколькихъ женщинъ и далъ имъ столько стада, сколько было нужно для ихъ существованія. По истеченіи нѣкотораго времени были созданы еще нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которыми, однако, Богъ ничего уже не далъ. Когда послѣдніе стали просить о своей долѣ, Богъ имъ сказалъ: „Служите другимъ, и они дадутъ вамъ то, въ чемъ вы нуждаетесь“. Отсюда, прибавляетъ это преданіе, и произошли господа и рабы, или знатные и простой народъ (стр. 77, *Gunnar Lindman*). Известны также легенды объ образованіи индійскихъ кастъ.

9) *P. Fahlbeck. Les classes sociales. Bulletin de l'Institut international de Statistique. t. XVIII. 1-ге livr., Paris 1900, стр. 190.*

10) *Платонъ, Политика, 8-я книга. См. Плэмманъ, Исторія античнаго коммунизма и социализма, ч. I-ая, стр. 83, СПб. 1910. (Общая исторія европейской культуры, т. II-ой).*

11) См. *Плэмманъ, ibid., ч. II, стр. 580.*

да къ революціоннымъ замысламъ Катилины замѣчаетъ, что „это направленіе вообще свойственно самой природѣ всего этого класса (т. е. низшимъ слоямъ народныхъ массъ). Вѣдь всюду немущій относится къ собственнику съ завистью и недоброжелательствомъ; онъ увлекается зачинщиками смутъ, ненавидитъ существующее и стремится къ новымъ порядкамъ. Будучи проникнутъ недовольствомъ своимъ положеніемъ, онъ жаждетъ всеобщаго переворота; митежъ и возмущеніе питаетъ его; ему нечего опасаться потери при этомъ переворотѣ, такъ какъ вѣдь бѣднотѣ нечего терять“.¹²⁾

Но всѣ приведенныя проявленія античной общественной мысли оставались лишь не большіе, какъ отдѣльными проблесками идеи классовъ, которая въ до-капиталистическомъ обществѣ не могла вылиться въ опредѣленную форму, укрѣпиться въ общественномъ сознаніи и получить дальнѣйшее движеніе и развитіе. Для послѣдняго еще не достаточно созрѣли въ до-капиталистическомъ хозяйствѣ общественныя отношенія. Хотя и въ античномъ обществѣ существовалъ „соціальный вопросъ“, хотя и было здѣсь сознаніе о „двухъ государствахъ въ государствѣ“, хотя и были соціальныя конфликты между имущими и неимущими, но тѣмъ не менѣе во всемъ этомъ еще недостаточно было данныхъ для того, чтобы идея классовъ могла найти себѣ прочное мѣсто въ общественномъ сознаніи. Хотя борьба сословій античнаго общества косвенно и была отраженіемъ антагонизма производственныхъ отношеній, но непосредственно въ ней не слышно было жизненныхъ интересовъ дѣйствительныхъ производителей, дѣйствительныхъ представителей трудового элемента общества, которые бы противостояли своимъ антагонистамъ, собственникамъ средствъ производства; эти производительно-трудовые элементы римскаго общества—рабы—оставались здѣсь внѣ сферы соціальныхъ отношеній и соціальной борьбы. Идея общественныхъ классовъ могла выявиться лишь тогда, когда производители—работники, какъ классъ, выступили на соціальную арену. Послѣднее могло произойти послѣ того только, когда производители могли быть объединены самимъ характеромъ

¹²⁾ *C. Sallustius. Catilina*, гл. 37; въ русск. перев. Врублевскаго (СПБ. 1891), стр. 29. См. *Pohlmann, ibid.*, стр. 556.

производственной техники новой эпохи; когда пала замкнутость частных хозяйств; когда производственные отношения, в своих общественных проявлениях, потеряли закрывавшую их правно-политическую оболочку; когда сословная группировка отпала и классовое строение общества пришло на смену сословного строя в своем чистом виде, уже ничем не затемненном. Все это могло произойти только с падением феодального общества, когда на развалинах старого феодализма начинали уже вырисовываться контуры мощного и грандиозного здания капитализма. Впервые это произошло в наиболее развитых странах той эпохи—в Англии и Франции, где в конце XVIII-го века идея общественных классов впервые нашла себя зарождение и толчки для дальнейшего развития.

Итак, историческими предпосылками зарождения идеи общественных классов служили, как мы находим, следующие обстоятельства:

1) образование избыточного продукта, вследствие развития первобытной техники, и последовавший за этим рост социального неравенства по всем линиям общественных отношений;

2) переход от простого товарного хозяйства к капиталистическому и отмирание сословной организации;

3) выступление на арену социальной борьбы объединенного новой производственной техникой класса непосредственных производителей, что впервые произошло лишь в конце XVIII-го века (во Франции и Англии).

Мы видим, что первые контуры проблемы социальных классов могли стать выявляться лишь с конца XVIII-го века и то лишь в наиболее передовых для того времени странах, какими были Англия и Франция. Вот почему важнее всего было бы проследить судьбы в развитии проблемы классов именно на этих странах. В нашу задачу, однако, не входит представить полностью историю развития этой проблемы. Мы ограничимся лишь некоторыми важнейшими моментами, сыгравшими более или менее видную роль в образовании теории общественных классов. Такими важнейшими моментами в истории развития идеи и учения

о классах мы находимъ: для Англіи, эпоху, во-первыхъ, промышленной революціи, съ ея ближайшими результатами, вызвавшими въ общественной мысли Англіи первые зародыши социалистическаго ученія; во вторыхъ—эпоху выступленія раннихъ англійскихъ социалистовъ и демократовъ '30-хъ годовъ XIX-го столѣтія; для Франціи—эпоху великой революціи, ученіе французскихъ социалистовъ-утопистовъ и французскихъ историковъ эпохи реставраціи, а также труды парижскаго социологическаго общества (въ 1903 г.), специально посвященные проблемѣ общественныхъ классовъ. Къ раскрытію этихъ моментовъ въ развитіи проблемы классовъ мы и переходимъ.

П. ВАЖНѢЙШЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗВИТИИ ИДЕИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ КЛАССОВЪ.

1.

Зарожденіе и развитіе идеи общественныхъ классовъ во Франціи.

I.

Идея общественныхъ классовъ въ эпоху Великой Революціи.

Для исторіи зарожденія идеи общественныхъ классовъ Франція является наиболѣе интересной страной, такъ какъ здѣсь, въ концѣ XVIII-го столѣтія, тѣ историческія предпосылки, о которыхъ мы говорили выше, вошли въ жизнь страны особенно бурно, всколыхнуть и пробудить къ дѣятельности всѣ социальныя силы народа. Ни въ одной странѣ не проявилось такъ ярко, какъ здѣсь, столкновение старыхъ и новыхъ началъ, разрѣшившееся великой французской революціей. Последняя же сопровождалась такимъ высокимъ напряженіемъ мысли французскаго общества, что въ ней не могли не отразиться идеи всѣхъ тѣхъ началъ, которыя выросли и строились на развалинахъ феодализма и сословнаго строя.

Прежде всего, во Франціи, разложеніе простого товарнаго хозяйства, воплотившагося въ феодализмъ, и видѣніе въ хозяйственную жизнь страны новаго строя—капитализма, какъ системы товарнаго производства въ расширенныхъ размѣрахъ, достигли къ концу XVIII-го вѣка уже значительной степени. Къ моменту великой французской революціи мы находимъ во Франціи и зачатки крупной промышленности, и довольно солидный по размѣрамъ банковый капиталъ, съ крупными операціями, и раньше незнакомую простому товарному производству, опредѣленно выступившую въ шелковой, напримѣръ, индустріи, капиталистическую фигуру предпринимателя, и довольно солидныя массы промышленнаго пролетаріата, со всѣми его особенностями: низкой заработной платой, безработицей, необезпеченностью существованія, стачками, стремленіемъ къ самоорганизации, столкновеніями съ предприими-

материали и т. д. Правда, особенно развитого производства Франция XVIII вѣка еще не имѣла, но во многихъ наиболѣе промышленныхъ центрахъ, въ такихъ городахъ, какъ Парижъ, Ліонъ, Нантъ, Бордо, Марсель, уже десятки тысячъ рабочихъ имѣли возможность входить въ соприкосновеніе и общеніе другъ съ другомъ и вырабатывать общія формы борьбы, проникаясь растущимъ сознаніемъ своего сплоченнаго цѣлаго. Парижъ насчитывалъ къ моменту великой революціи отъ 100.000 до 150.000 рабочихъ; въ однихъ только „благотворительныхъ мастерскихъ“, на Монмартрѣ, скопилось ихъ къ концу 1789 года около 22 тысячъ.¹⁾

Что прежняя разобщенность производителей къ этому времени рухнула и что промышленные рабочіе, помимо самой технической структуры новаго типа производства, уже имѣли множество различныхъ возможностей и толчковъ для взаимнаго общенія и объединенія, на это указываютъ находившіеся въ широкихъ размѣрахъ мѣсто, накануне и во время революціи, рабочія стачки и рабочіе союзы. Общее беззащитное и тяжелое положеніе рабочаго и общіе интересы рабочихъ одной и той же промышленной вѣтви, одного и того же предмѣстья, района, города, толкаютъ быстро ихъ другъ къ другу, пробуждая и развивая сознаніе ихъ общности. Стачное движеніе 1791 года охватывало плотниковъ, кузнецовъ, слесарей, башмачниковъ, столяровъ, типографскихъ рабочихъ, камельщиковъ, кровельщиковъ; въ Парижѣ къ нему примкнуло до 80.000 человекъ; стачка, по свидѣтельству парижскаго муниципалитета, охватила рабочихъ разнообразныхъ профессій; рабочіе ежедневно собираются въ очень большомъ количествѣ, сталкиваются, выносятъ постановленія; эти постановленія разносятся рабочими по мастерскимъ, сообщаются тамъ и увлекаютъ рабочихъ, не примкнувшихъ еще къ забастовкѣ, къ прекращенію работъ.²⁾

Стачки XVIII-го столѣтія носили во Франціи точно такой же характеръ, какъ и теперь: тѣ же были у нихъ, главнымъ образомъ,

1) См. *Maxime Kowalewsky. La France économique et sociale à la veille de la révolution. Les Campagnes. Paris. Giar et Brière. 1909, т. I, стр. 42 и др. — Е. В. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Историческіе очерки Часть первая. С.-Петербургъ 1903, стр. 4, 64.*

2) *Е. В. Тарле, ibid., стр. 151—153.*

экономическія основы (низкая заработная плата), тѣ же поводы, тѣ же формы—съ бойкотомъ, съ сипманіемъ съ работы, съ уличными движеніями, перѣдко съ бурными проявленіями, съ взаимопомощью на случай прекращенія работъ и т. д.; тѣ же, какъ и теперь, были у правительства и предпринимателей и приемы борьбы съ стачками; наказаніе было лишь нѣсколько суровѣе, доходило до висѣлицы для участниковъ и вождей.³⁾ „Рабочіе,—говорить по этому поводу *Пикар*,—приходили къ чувству классовой принадлежности уже однимъ тѣмъ, что многія производства объединялись въ крупныя предпріятія, отчасти же тѣмъ, что имъ приходилось вмѣстѣ бороться противъ притѣсненій, жертвами которыхъ они были.“⁴⁾

Наконецъ, значительную роль для пробужденія идеи пролетариата, какъ социальнаго цѣлаго и обособленнаго, играли во Франціи разсматриваемой эпохи и рабочіе союзы, которые, по словамъ *Пикара*, „не смотря на запрещеніе властей и преслѣдованія, были всегда многочисленны и дѣятельны“. Наиболѣе краснорѣчивымъ подтвержденіемъ тому, какую силу, значеніе и ростъ имѣли въ концѣ XVIII-го столѣтія рабочія организаціи во Франціи, указываетъ суровое законодательство того времени, направленное противъ рабочихъ союзовъ и стачекъ. Можно отмѣтить въ данномъ случаѣ, наприм., *les lettres patents* отъ 2 января 1749 года, которыми запрещалось рабочимъ своевольно оставлять фабрику и переходить на другую фабрику, а также препятствовать работодателямъ, какими бы то ни было способами и гдѣ бы то ни было, дома или загранично, безразлично, набирать себѣ рабочихъ.⁵⁾ Но еще болѣе характернымъ въ данномъ отношеніи является законъ *Ле-Шапелье* 14 іюня 1791 года; первая же статья этого закона провозглашаетъ уничтоженіе всякаго рода корпорацій для гражданъ одной и той же профессіи. Анализируя этотъ законъ, *Тарле* находитъ, что онъ „проведенъ былъ съ сознательной воли опредѣленной цѣлью

3) См. *Picard Roger*. La théorie de la lutte des classes à la veille de la révolution française. (Révue d' économie politique. Septembre-Octobre 1911, № 5.) Стр. 625, 626 — *E. B. Тарле*. Рабочій классъ во Франціи. Часть первая. 1909, стр. 137 и др.

4) *Picard Roger*. La théorie de la lutte des classes à la veille de la révolution française, *ibid.*, стр. 626.

5) *Roger Picard*. *ibid.*, стр. 626.

уничтожить для рабочих возможность каких бы то ни было организаций не только в будущем, но и в настоящем, нанести стачкам, длившимся с апреля и в июнь (1791) еще не прекратившимся,—окопательный удар.⁶⁾

Такого рода законодательство не могло не способствовать еще большему расхождению и разслоению между рабочими и капиталистами-предпринимателями, раскрывая рязкую противоположность и вызывая непримиримую враждебность между этими классами. Законодательство только обостряло классовый антагонизм. „Промышленное законодательство старого режима, говорить по этому поводу *Пикарь*, диктовалось стремлением обезпечить хозяйственные интересы богатых и общественное спокойствие; оно не могло, поэтому, допустить ни каких бы то ни было тормозов для производства, ни нарушения со стороны рабочих порядка. Соответственно с этим, у рабочего отпало было чуть ли не всякое право свободного распоряжения своей рабочей силой; отношение его къ предпринимателю закрѣплено было полицейскими нормами; в глазах же государственной власти, поскольку она считается с ним, он имѣет только обязанности. Этимъ духомъ полны всѣ законодательныя и административныя нормы, относящіяся къ промышленной дѣятельности наканунѣ революціи. При конфликтахъ, возникавшихъ между предпринимателями и рабочими, правительство всегда принимаетъ сторону первыхъ противъ послѣднихъ.⁷⁾

Мы видимъ, такимъ образомъ, что во Франціи конца XVIII-го вѣка было достаточно историческихъ предпосылокъ, чтобы могла вырасти представлеіе о двухъ основныхъ и важнѣйшихъ въ общественной жизни страны того времени социальныхъ классахъ, другъ къ другу враждебныхъ и со взаимпо-антагонистическими интересами. Правда, идея этихъ общественныхъ классовъ не сразу приобрѣла себѣ опредѣленность выраженія; она высказывалась и развивалась въ различныхъ формахъ, лишь постепенно выясняясь и выявляясь, по мѣрѣ развитія самыхъ социальныхъ отношеній.

6) *Е. В. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Часть первая, СПб. 1909, стр. 179.*

7) *Roger Picard, ibid., стр. 626.*

Выраженіе идеи общественных классовъ, съ ея основными элементами—противоположностью интересовъ и классовой борьбой,—мы находимъ въ до-революціонной и революціонной французской литературѣ XVIII-го вѣка, какъ у энциклопедистовъ и философовъ, такъ и у экономистовъ и публицистовъ—авторовъ всевозможнаго рода народныхъ брошюръ, вылившихся, главнымъ образомъ, въ формѣ наказовъ (*cahiers*), составленныхъ во время выборовъ депутатовъ въ Генеральные Штаты.

Всю относящуюся сюда литературу можно охарактеризовать, въ общихъ чертахъ, по тремъ направленіямъ, по которымъ развивалась во Франціи, какъ и всюду вообще, идея общественныхъ классовъ. Каждое изъ этихъ трехъ различныхъ направленій подходитъ къ идеѣ классовъ съ различной точки зрѣнія: одно находитъ классовыя различія въ неравенствѣ потребленія; другое приходитъ къ идеѣ классоваго расчлененія изъ факта неравнаго распредѣленія; третье, наконецъ, наиболее глубокое, имѣетъ дѣло съ классами, какъ они проявляются въ производствѣ.

Первое направленіе, съ идеей *потребительныхъ* классовъ, въ обществѣ видитъ лишь богатыхъ и бѣдныхъ, т. е. однихъ утопающихъ въ предметахъ потребленія, и другихъ съ крайне недостаточнымъ потребленіемъ. Писатели этого направленія находятся подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ окружающей ихъ нищеты широкихъ народныхъ массъ, съ одной стороны, и богатства немногихъ—съ другой; содержаніе въ такомъ представленіи было не глубокое, но сильная сторона выступленій въ этомъ направленіи лежала въ рѣзкой критикѣ общества, задерживающаго переходъ къ капитализму, и рѣзкомъ противопоставленіи двухъ крайнихъ полюсовъ, которые намѣчались въ новомъ обществѣ, вырастающемъ изъ развалинъ феодализма; здѣсь важно было уже одно то, что идея антагонистическихъ, враждебныхъ и социальноразличныхъ во многихъ отношеніяхъ общественныхъ группъ опредѣленно ставилась на видъ и, такимъ образомъ, входила постепенно въ общественное сознаніе.

Второе направленіе, съ идеей *распредѣлительныхъ* классовъ,—наиболѣе характерное и самое распространенное для разсматриваемой эпохи; здѣсь сдѣланъ уже дальнѣйшій шагъ отъ потре-

нія къ распредѣленію; здѣсь идея общественныхъ классовъ принимаетъ уже нѣсколько болѣе содержательную форму представленія о тѣхъ, кто живетъ только на наемную плату (*salariés*), и тѣхъ, кто живетъ на нетрудовые доходы; здѣсь приходится уже дѣлать болѣе глубокий, чѣмъ раньше, экономическій анализъ и касаться тѣхъ основаній, по которымъ каждая изъ общественныхъ группъ претендуетъ на получение доли изъ общественнаго дохода.

Третье, наконецъ, направленіе, съ идеей *производственныхъ* классовъ, хотя пока еще и глухо, по все же подходитъ здѣсь къ самой основѣ идеи классовъ; оно ищетъ антагонизма въ производствѣ и дѣлитъ общество на группы по ихъ роли въ производствѣ: на тѣхъ, съ одной стороны, которые направляютъ работу, и на тѣхъ, которые выполняютъ ее, являясь производителями въ собственномъ смыслѣ слова. Это послѣднее направленіе, въ виду еще недостаточно развитыхъ въ эту эпоху производственныхъ отношеній, характерныхъ для капиталистическаго хозяйства, могло лишь не больше, какъ болѣе или менѣе близко подходить къ производственной идеѣ классовъ, могло касаться ся въ самыхъ общихъ чертахъ, которыя оно подмѣчало въ развивающихся отношеніяхъ; его заслугой было то, что оно ставило идею классовъ на основу новыхъ, болѣе глубокихъ явленій производства, на основу отношеній труда и капитала, на основу прибавочной цѣнности, и указывало впервые на новыя явленія и отношенія капиталистическаго хозяйства.^{а)}

Всѣ эти различныя направленія у французскихъ писателей кануна великой революціи, конечно, были не рѣзко выражены и отнюдь не являлись у самихъ авторовъ центромъ вниманія ихъ мыслей. Въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, однако, прослѣдить ихъ до нѣкоторой степени можно. Такъ, наприм., представителемъ перваго направленія, развивавшаго идею *потребительныхъ* классовъ, можно считать аббата *Жана Мелье*, писавшаго до появленія фізіократовъ, въ началѣ XVIII-го вѣка; близко къ той же позиціи, хотя и въ другой соціальной плоскости, стояли изъ философовъ и энциклопедистовъ *Вольтеръ* и *Рейналь*. Среди представителей

^{а)} Ср. *Roger Picard, ibid*, стр. 624.

второго направленія, мы находимъ изъ энциклопедистовъ *Дидро* и *Гельвеція*, далѣе *Мабли* и физиократовъ школы *Кенэ*. Наконецъ, среди выразителей третьяго направленія можно считать *Кантільяна*, *Тюрго*, *Неккера*, *Денге* и многочисленныхъ, болышею частью анонимныхъ авторовъ народныхъ брошюръ времени самой революціи, интересныхъ тѣмъ, что въ нихъ впервые рѣзко проводится идея о томъ, что третье сословіе^{а)} далеко не покрываетъ собою рабочій классъ и что интересы послѣдняго не только обособлены отъ интересовъ третьяго сословія, но и прямо противоположны послѣднимъ.^{в)}

Знакомство съ представителями всѣхъ этихъ направленій намъ показываетъ, какъ постепенно развивалась и углублялась во французской общественной мысли идея общественныхъ классовъ, выростая сначала изъ потребительнаго неравенства и затѣмъ дошедши до производственной основы.

Начнемъ съ перваго теченія, представителемъ котораго является *Жанъ Мелье*, причемъ какъ здѣсь, такъ и при изложеніи другихъ французскихъ писателей, будемъ останавливаться только на наиболѣе характерныхъ для насъ моментахъ, такъ какъ теченія общественной мысли Франціи наканунѣ революціи хорошо изучены и достаточно извѣстны.

Жанъ Мелье—писатель, вышедшій изъ крестьянской рабочей среды, хорошо знакомый съ ужасами деревенской нищеты и гнетомъ французскаго крестьянства XVIII-го вѣка. Въ своемъ „Завѣщаніи“, написанномъ еще въ первой трети 18-го вѣка и много лѣтъ ходившемъ по рукамъ въ рукописныхъ экземплярахъ, *Мелье* говоритъ о двухъ неравныхъ частяхъ, на которыя раскололось французское общество его времени,—частяхъ борющихся и взаимно-ненавидящихъ; это, съ одной стороны, небольшая кучка богатыхъ и знатныхъ, съ другой стороны—массы бѣдныхъ, попавшихъ подъ ярмо первыхъ. Существуетъ громадная несоразмѣрность—говоритъ *Мелье*—между различными сословіями и жизненными условіями людей, изъ которыхъ одни родились какъ будто лишь для того, чтобы tyranniser надъ другими и имѣть все

а) Большинство указаній въ этомъ отношеніи мы находимъ у того же *Roger'a Picard'a*, *ibid.*, стр. 627 и дальше.

удовольствія въ жизни и удобства; другіе, наоборотъ, чтобы быть несчастными, презрѣнными рабами и проводить всю свою жизнь въ трудѣ и нищетѣ.¹⁰⁾ *Мелье* возстаетъ не только противъ тиранинъ но и, главнымъ образомъ, противъ церкви и христіанства. Религія, говоритъ онъ, которая называетъ тиранию хорошей, въ то время какъ она существуетъ во вредъ народу, не можетъ быть истинной, идущей отъ Бога.¹¹⁾ Религію и вѣру въ Бога *Мелье* считаетъ изобрѣтеніемъ сильныхъ, придуманнымъ ради того, чтобы держать народъ и личность на уздѣ, въ зависимости и пелѣжествѣ. Съ этой точки зрѣнія *Мелье* на церковь смотреть, какъ на одно изъ важѣйшихъ препятствій въ развитіи человѣка къ свободѣ. Описывая тяжелую картину стараго режима во Франціи—тяжести и гнѣтъ абсолютизма, сего безчисленнаго чиновничества, дворянства, духовенства,—*Мелье* возстаетъ противъ частной собственности, на принципѣ которой построенъ хозяйственный и правовой строй. Ничего нѣтъ болѣе низкаго, болѣе презрѣннаго, чѣмъ французскій крестьянинъ,—пишетъ *Мелье*. Крестьяне—рабы сильныхъ и дворянства, между тѣмъ только они создаютъ послѣднимъ все, не только необходимое для нихъ, но и то, что идетъ для ихъ прихотей и капризовъ.¹²⁾ Въ современномъ ему обществѣ *Мелье* видитъ два класса: къ одному классу богатыхъ принадлежатъ: короли и принцы, дворянство и духовенство, а также банкиры, откупщики и всѣ вообще богатые бездѣльники, существующіе со своей дворней и лакеями на труды другого класса. Этотъ второй классъ—французскіе крестьяне.¹³⁾ Исторія возникновенія перваго класса *Мелье* сводитъ къ исторіи насилія, ограбленія, беззастѣнливаго угнетенія, эксплуатаціи.¹⁴⁾

Между тѣмъ, думаетъ *Мелье*, всѣ люди по природѣ равны. Всѣ имѣютъ равное право на жизнь.¹⁵⁾ Каждому дана естественная

10) Le testament de Jean Meslier, Curé d'Étrépyigny et de But en Champagne décédé en 1733. Amsterdam 1864, въ 3 томахъ; т. II, стр. 169. — Болѣе равное изданіе — похъ названіемъ „Testament de Jean Meslier“. Nouvelle édition—датировано 15-мъ марта 1742 года. Третье изданіе въ 1760 г. Затѣмъ въ 1838 и 1864.

11) Jean Meslier, ibid., II, 287.

12) Jean Meslier, ibid., t. II, стр. 223/224, 178/179.

13) Jean Meslier, ibid., t. II, стр. 223.

14) Jean Meslier, ibid., t. II, стр. 175.

15) Jean Meslier, ibid., t. II, стр. 170.

свободы наслаждаться благами земли и имѣть въ нихъ долю, но это естественное право всѣхъ людей на землѣ не находитъ осуществленія; напротивъ, богатые живутъ на *годовую ренту*, которая ничто иное, какъ трудъ другихъ. Лишь въ устраненіи частной собственности *Мелье* видитъ возможность возстановленія естественнаго права, естественной свободы и наступленія „золотого вѣка.“

Въ ученіи *Мелье* мы видимъ, такимъ образомъ, довольно рѣзкое противопоставленіе богатаго и бѣднаго классовъ; мы находимъ у него и идею антагонизма и идею борьбы между этими двумя неравными частями общества, расколовшагося, благодаря частной собственности и эксплуатаціи сильными слабыми. Изъ раздѣленія людей на имущихъ и неимущихъ, по необходимости, вытекаютъ, съ точки зрѣнія *Мелье*, царящая среди нихъ ненависть и зависть, войны и возстанія, со всею чудовищной ихъ свитой страданій и пороковъ. Вся жизнь превращается въ непрерывную борьбу изъ-за собственности.¹⁶⁾

У *Мелье* мы находимъ и зародыши идей сентъ-симонизма, и позднѣйшаго социализма, и идею естественныхъ правъ, развиваемую позднѣе *Руссо* и энциклопедистами, и идею богатства, какъ продукта земледѣлія, каковую идею развивали впоследствии физиократы. Самая идея общественныхъ классовъ у *Мелье*, однако, не отличается содержательностью, но толчки для дальнѣйшаго ея развитія у него уже даны.¹⁷⁾

Такими же критиками потребительнаго неравенства въ французскомъ обществѣ XVIII вѣка являются и писатели энциклопедисты, особенно *Вольтеръ* и *Рейналь*, которые прекрасно видѣли фактъ классового раздѣла общества, но смотрѣли лишь на него, какъ на фактъ неизбежный, примиряясь съ нимъ. „На нашей несчастной землѣ,—говоритъ *Вольтеръ*—невозможно безъ того, чтобы живя въ обществѣ, люди не были раздѣлены на два класса:

16) *Jean Meslier*, *ibid.*, t. II, стр. 215.

17) *Грюнбертъ* находитъ, между прочимъ, у *Мелье* родство съ позднѣйшими русскими взглядами и социаль-революционизмомъ. („*Die Neue Zeit*“, 1888, стр. 337—350.) Ср. также *E. Petitfils*. *Un socialiste-revolutionnaire au commencement du XVIII siecle* 1908, Paris, стр. I.

одинъ классъ богатыхъ, которые командуютъ (*qui commandent*), и другой классъ бѣдныхъ, которые служатъ (*qui servent*). Эти два подраздѣляются на тысячи другихъ, эти тысячи имѣютъ еще различныя отѣнки¹⁸⁾. Замѣчаютъ эти социальныя послѣдствія института частной собственности и *Рейналь* считающій, однако, собственность полезной и необходимой для экономическаго прогресса. „Всѣ націи—говоритъ *Рейналь*—кажутся раздѣленными на двѣ непримиримыя части. Богатые и бѣдные, собственники и наемники, т. е. господа и рабы составляютъ два класса гражданъ, къ несчастію, противоположныхъ. Напрасно нѣкоторые современные писатели хотѣли установить посредствомъ разнаго рода софизмовъ существованіе мирнаго сообщенія между этими двумя состояніями. Всюду богатые стремятся получить съ бѣднаго какъ можно больше, а издержать какъ можно меньше; бѣдные же всюду стремятся продать свой трудъ какъ можно подороже. На этомъ слишкомъ неравномъ рынкѣ богатый всегда будетъ устанавливать цѣну.“¹⁹⁾

Французскіе писатели второй группы, ставившіе въ основу своей мысли о расчлененіи общества идею распредѣлительныхъ классовъ, болѣе рѣшительны въ своей критикѣ современнаго имъ общества. Пессимизмъ, однако, замѣчается далеко не у всѣхъ среди этихъ писателей. Группа физиократовъ школы *Кенэ*, напримеръ, является скорѣе вполне оптимистическою, проводя въ своихъ ученіяхъ идею гармоніи, естественнаго порядка; она находитъ гармонію и въ раздѣлѣ общества на социальные классы и вѣритъ, что при условіи слѣдованія естественнымъ законамъ возможно согласованное развитіе всѣхъ классовъ и одновременное ихъ процвѣтаніе. Но у энциклопедистовъ преобладаютъ, наоборотъ, скорѣе мрачныя краски, когда они описываютъ современное имъ хозяйство. Неравномѣрность распредѣленія они отмѣчаютъ, какъ типичнѣйшую черту общественнаго строя, видя въ ней осно-

18) Статьи „Egalité“ въ Dictionnaire philosophique portatif. Nouvelle édition revue corrigée et augmentée de divers Articles par l'Auteur. A Londres. MDCCCLXV, стр. 158.

19) *Raynal*. „Histoire philosophique et politique des Etablissements et du Commerce des Européens dans les deux Indes“. Tome sixième. Amsterdam 1772, I. XVIII, стр. 400.

лу социального зла. Такъ, *Дидро* въ своей „Энциклопедии“ говоритъ: „Чистый продуктъ, равномерно распределенный, можно предпочесть большей его массѣ, но распределенной неравномерно, когда народъ распадается на два класса, одинъ изъ которыхъ будетъ утопать въ изобилии, а другой задыхаться въ бѣдности.“²⁰⁾

Равнымъ образомъ, и *Гельвеций* находитъ, что народъ всякой страны дѣлится на два различные класса, при чемъ „счастье и несчастье народовъ—говоритъ онъ—зависитъ не отъ большаго или меньшаго количества національных богатствъ, но отъ болѣе или менѣе неравнаго распределенія... Въ дѣйствительности, почти повсюду народъ раздѣленъ на два класса, изъ которыхъ одинъ не имѣетъ необходимаго и страдаетъ, другой живетъ въ изобилии, въ излишкахъ... Чрезмѣрная роскошь, которая почти повсюду тамъ, гдѣ существуетъ деспотизмъ, предполагаетъ уже націю, раздѣленную на угнетателей и угнетаемыхъ, на тѣхъ, кто грабятъ, и тѣхъ, у кого грабятъ (en voleurs et en volés).“²¹⁾

Здѣсь, какъ мы видимъ, опредѣленно вырисовывается идея двухъ классовъ и подчеркивается распределительный моментъ, какъ основа классового раздѣла, хотя въ этомъ подчеркиваньи отмѣчается скорѣе этическая сторона, чѣмъ распределительно-экономическая. Во всякомъ случаѣ, названные писатели опредѣленно указываютъ на антагонизмъ между двумя различными классами общества, на ихъ непримиримые интересы и на растущее неравенство, ненависть и вражду, которая не исчезнетъ, по ихъ мнѣнью, пока не исчезнетъ частная собственность.

Рядъ указаній подобнаго рода мы также находимъ у *Мабли*, рѣзко нападавшаго на физиократовъ школы *Кенэ*, которые въ каростаніи прибавочной цѣнности (produit net или revenu disponible) и богатствъ земельныхъ собственниковъ не видѣли ничего такого, чтобы нарушало интересы другихъ классовъ общества, чтобы вносило диссонансъ въ социальную гармонию классовыхъ отношеній. *Мабли*, наоборотъ, подчеркиваетъ ростъ неравенства,

20) *Encyclopédie, ou Dictionnaire Raisonné des sciences, des Arts et des Metiers* MDCCCLVII, tome huitième, стр. 278.

21) *Helvétius. Oeuvres complètes. Nouvelle édition. Londres 1781, IV t., стр. 229, 127 и 190.*

рость социальной розни, антагонизма, объясняя все это существующими условиями распределения, при котором класс земельных собственников обогащается, в то время как массы народа остаются в растущей нищете и недовольстве.²²⁾ Называя два класса, на которые распадается общество, *Мабли* держится, однако, еще старой терминологии, хотя основа его деления — не потребление, а распределение. „Собственность делит нас, говорит *Мабли*, на два класса — богатых и бедных, первые всегда предпочитают свое собственное богатство богатству государства; а вторые никогда не будут питать любви к управлению и законам, которые допускают, что они остаются несчастными.“

На такой же распределительной основе классового раздвела общества стоял и другой писатель времени энциклопедистов, аббат *Кондильяк*, который видел в современном обществе также два класса: класс собственников и класс салиариата, т. е. класс наемников, живущих единственно лишь на заработанный доход. Вообще, говорит *Кондильяк*, существуют два класса граждан: класс собственников, которым принадлежат все земли и все производства, и класс наемных работников (*salariés*), которые, не владея ни землей, ни средствами производства, существуют на заработную плату, получаемую ими за свой труд.²³⁾

Мы видим, что идея классов с логически неизбежной идеей социальной борьбы, нашла себя выражение у французских писателей 18-го века уже помимо учения физиократов. Казалось бы, что физиократы, как философы-экономисты своего времени, дадут экономическое содержание идеи общественных классов и углубят ее, или, по крайней мере, дадут ей экономическое обоснование и дальнейшее развитие. На самом деле, у физиократов идея классов ставится на такую почву и на такую основу, которая в дальнейшем неизбежно должна была привести к отрицанию

22) См. Doutes proposés aux philosophes économistes, sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. Par Monsieur l'Abbé de Mably. MDCCLXIII, стр. 22, 23, 24, 34, 35 и др.

23) Dr Condillac l'Abbé. Le commerce et le gouvernement, considérés relativement l'un à l'autre. Ouvrage élémentaire. Amsterdam. MDCCLXXVI, стр. 313, 314.

самых классов. Такой предпосылкой, на которой идея классов не только не могла развиваться, но неизбежно должна была заглохнуть, являлась у физиократов (школы *Кенэ*) идея гармонии интересов, идея естественного порядка, — что стояло в логическом противоречии с идеей классов. Неудивительно, если мы встретимъ въ экономической литературе взглядъ, согласно которому учено французскихъ энциклопедистовъ и антифизиократовъ стояло гораздо выше учения физиократовъ школы *Кенэ* въ вопросѣ объ общественныхъ классахъ. „*Кенэ* и *Гольбахъ* показываютъ намъ, — говоритъ *Пикарь*, — какъ изъ раздѣленія труда возникаютъ классы; но настоящее свое выраженіе теорія классовъ и классовой борьбы въ XVIII вѣкѣ находитъ не у нихъ, а въ писаніяхъ философовъ и энциклопедистовъ.“²⁴⁾ Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, при анализѣ учения физиократовъ о классахъ.

Характерной чертой физиократическаго учения, проходящей красной нитью у всѣхъ физиократовъ, слѣдовавшихъ за *Кенэ*, является ихъ вѣра въ естественный порядокъ и его разумность, вѣра въ возможность согласованности интересовъ при системѣ частной собственности. Ростъ богатства физиократамъ представляется одинаково благотворнымъ для всѣхъ классовъ общества, разъ не нарушенъ естественный порядокъ. Расчлененіе общества на классы, физиократы не находили между послѣднимъ антагонизма.

Распределеніе было у физиократовъ, какъ извѣстно, на первомъ планѣ. Слѣдовательно, классы могли ихъ интересовать, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія только распределительнаго процесса. Благодаря же послѣдняго рода обстоятельству, классовое расчлененіе общества могло представляться физиократамъ только въ формѣ трехчленнаго дѣленія. На распределительной основѣ легко было вырасти идеѣ трехъ классовъ, которая впоследствии занимала весьма видное мѣсто въ ученіи объ общественныхъ классахъ и которая, какъ мы увидимъ, еще не сошла со сцены и въ новѣйшихъ теоріяхъ общественныхъ классовъ. Впрочемъ, идея трехъ классовъ и у физиократовъ не была вполне выдерживаема всѣми представи-

²⁴⁾ *Picard Roger*. La theorie de la lutte des classes à la veille de la révolution française. (Revue d'économie politique. 1911. № 5, стр. 637).

телями физиократин: у *Мерсье-де-ла-Ривьера* она суживалась до идеи двухъ классовъ. Въ основу дѣленія общества *Мерсье-де-ла-Ривьеръ* кладетъ раздѣлъ на два класса: классъ собственниковъ земли и классъ наемныхъ работниковъ (*salariés*). По его учению, все классы общества живутъ исключительно на доходъ отъ земледѣлія, одинъ классъ является первымъ собственникомъ продуктовъ земли; другой же можетъ лишь получать часть этихъ продуктовъ отъ земельныхъ собственниковъ, въ формѣ оплаты своего труда или другихъ оказанныхъ земельнымъ собственникамъ услугъ.²³⁾ По учению физиократовъ школы *Кенэ*, классъ собственниковъ—это классъ „*disponible*“, т. е. такой, который въ производствѣ общественнаго продукта не несетъ никакого труда, но, въ силу права собственности и вложенныхъ въ землю затратъ своихъ, забираетъ себѣ весь чистый доходъ и поэтому свободенъ для функций управленія. Для физиократовъ, земельные собственники—это главный въ обществѣ классъ, который распоряжается всеѣмъ вновь созданнымъ и полученнымъ отъ земли продуктомъ; они распорядители произведенныхъ богатствъ. Второй большой классъ—по учению *Кенэ* и его школы—классъ земледѣльческій, классъ, производящій чистый продуктъ (прибавочную цѣнность); это классъ, поэтому, *производительный*. Третій классъ, наконецъ—классъ *salariata*, который ничего не создаетъ, ничего не производитъ новаго въ общественномъ хозяйствѣ; это классъ въ этомъ смыслѣ бесплодный; это классъ непродводительныхъ наемниковъ.

Выдѣлнить въ классѣ *salariata* рабочаго отъ хозяина физиократы школы *Кенэ* не смогли. Для нихъ все не-земледѣльцы являлись общемою категоріею, состоящею изъ тѣхъ, которые вымѣниваютъ на продукты земли своей трудъ и, такимъ образомъ, „оплачиваются“ на счетъ земледѣлія. Даже въ земледѣліи *Кенэ* считалъ истинными производителями, главнымъ образомъ, богатыхъ земледѣльцевъ, т. е. преимущественно крупныхъ, отнюдь не мелкихъ фермеровъ;²⁴⁾ это, однако, вовсе не сельскіе батраки, не селско-хозяйственные

23) *Mercier de la Rivière. L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*, Eug. Daire. Physiocrates. Paris 1846, t. II, стр. 470.

24) *F. Quesnay. Oeuvres*. Aug. Oncken'a. Paris 1882. *Maximes générales*, XV, стр. 334; также *maxime XXV*, стр. 386.

рабочіе, не земледѣльческіе работники въ собственномъ смыслѣ; послѣднихъ *Кенэ* относитъ къ классу салиаріата, вмѣстѣ съ ремесленниками и торговцами.²⁷⁾ Такимъ образомъ, у *Кенэ* получалось три класса, но крайніе неопредѣленныхъ: 1) классъ собственниковъ; 2) классъ производительный, который въ то же время и классъ организаторовъ въ сѣльскомъ хозяйствѣ, т. е., главнымъ образомъ, классъ капиталистическихъ фермеровъ; и 3) классъ безплотный или непроизводительный, т. е. торговцы, промышленники, рабочіе ремесленники и прочіе оплачиваемые (*salariés*).

Нельзя, однако, сказать, чтобы ученіе *Кенэ* не имѣло никакихъ зародышей научной теоріи въ вопросѣ объ общественныхъ классахъ. Правда, оно далеко было отъ того, чтобы ясно уловить проходящее расчлененіе новаго общественнаго строя на его социальныя слои; оно не замѣчало ни капиталистическаго предпринимателя въ промышленности, ни новый только что формировавшійся классъ промышленнаго пролетаріата.

Въ ученіи объ общественныхъ классахъ *Кенэ*, мы встрѣчаемъ тѣмъ не менѣе и нѣкоторые научныя элементы. Такъ, прежде всего, *Кенэ* проводитъ различіе между классовымъ строемъ и сословной организаціей. Онъ всячески осуждаетъ сословное раздѣленіе общества; въ этомъ расчлененіи онъ видитъ благоприятную почву для нарушенія общаго національнаго интереса и основу для возбужденія социальныхъ треній, сословной борьбы, интригъ, тормозящихъ стройное и согласованное развитіе общественной жизни²⁸⁾; преобладаніе третьяго сословія (фабрикантовъ, ремесленниковъ, торговцевъ) совратило бы націю съ ея истиннаго и правильнаго развитія; сословный строй, по мнѣнію *Кенэ*, съ его сословными привилегіями и властью для однихъ и безправіемъ для другихъ разорилъ бы страну.²⁹⁾ Соціальный же строй, покоящійся на классовомъ расчлененіи, т. е. на политическомъ равенствѣ каждаго и полнѣйшей свободѣ хозяйственнаго поведенія, вполнѣ примиряетъ, по мнѣнію *Кенэ*, интересы различныхъ слоевъ и

27) *F. Quesnay*, Oeuvres économique et philosophiques. Publiées par Aug. Oncken. Frankfurt—Paris 1888. Despotisme de la Chine (1767), стр. 653.

28) *F. Quesnay*, Maxime I, стр. 381 (Oeuvres, изд. Aug. Oncken'a 1888).

29) *F. Quesnay*, Maxime I, ibid., стр. 380.

уничтожаетъ разнь между ними.³⁰⁾ Такимъ образомъ, *Кенэ* смутно, но все же отдавалъ себѣ отчетъ о томъ, какъ задерживалъ и тормозилъ сословный строй феодализма зарождавшееся капиталистическое общество.

Кромѣ того, далѣе, у *Кенэ* мы находимъ едва ли не впервые въ развитіи идеи общественныхъ классовъ попытку методологическаго обоснованія классового расчлененія. Все въ природѣ, говоритъ *Кенэ*, находится во взаимномъ соприкосновеніи; все тѣсно переплетается; расчленять и разсматривать явленія нельзя, поэтому, не прибѣгая къ помощи отвлеченныхъ понятій и безъ установленія причинъ и слѣдствій для различнаго рода отношеній; различныя причины и слѣдствія даютъ и различныя отношенія; но, сопоставляя эти различія, мы можемъ приходить къ типическимъ отношеніямъ и только съ ними имѣть дѣло. „Лишь съ помощью такого отвлеченія—говоритъ *Кенэ*—можно изучить и оцѣнить взаимныя отношенія различныхъ общественныхъ классовъ въ социальномъ строѣ и дать имъ наиболѣе подходящія названія.“³¹⁾ Основаніемъ для различія классовъ *Кенэ* считаетъ идею производства, которая приводитъ его къ двумъ классамъ: производительному (создающему въ производствѣ новыя цѣнности, или „чистый продуктъ“) и непроизводительному (не создающему послѣдняго). Кромѣ этихъ двухъ классовъ *Кенэ* находитъ и третій, какъ мы видѣли,—классъ собственниковъ; выдѣленіе послѣднихъ, по его мнѣнію, неизбежно лишь въ методологическихъ цѣляхъ, для того „чтобы прослѣдить ясно процессы сношеній между различными общественными группами“, оно нужно ему лишь для общей связи.³²⁾

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ *Кенэ* немного содержанія; но, во всякомъ случаѣ, какъ первая попытка, они не лишены значенія и цѣлности. Основа классового расчлененія у *Кенэ*, по его собственному представленію, производственная; но, какъ мы видѣли, классъ собственниковъ у *Кенэ* выступаетъ въ качествѣ, главнымъ образомъ, распредѣлителей богатства и, слѣдовательно, на основѣ

30) *F. Quesnay*. Le droit naturel (1765), т. IV, стр. 372 (Oeuvres, Oecken 1888).

31) *F. Quesnay*. „Sur les travaux des artisans“ (1766), Oeuvres, Aug. Oecken, 1888, стр. 528 (Seconde dialogue).

32) *F. Quesnay*, *ibid.*, стр. 528, 529.

распредѣленія; классъ салиаріата (безплодный) точно также характеризуется у *Кенэ* не ролю или отношеніемъ въ производствѣ, а источникомъ своего дохода (оплатой труда и услугъ); классъ производительный, наконецъ, или классъ капиталистическихъ фермеровъ—единственная у *Кенэ* производственная категория, но и та неопредѣлена и неясна. И такимъ образомъ, его категоріи классовъ больше распредѣлительныя категоріи, чѣмъ производственныя.

Что же даю въ концѣ концовъ ученіе *Кенэ* для развитія идеи общественныхъ классовъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны придти къ слѣдующему: 1) идею двучленнаго раздѣла общества на два большихъ класса фیزیократы пытались замѣнить идеей трехъ классовъ, путемъ введенія въ этотъ раздѣлъ нѣкоторыхъ болѣе частичныхъ подраздѣленій, благодаря которымъ, однако, идея трехъ классовъ теряла у фیزیократовъ стройность и ясность; 2) поставивши идею классовъ подъ принципъ социальной гармоніи интересовъ, фیزیократы школы *Кенэ* лишили идею классовъ ея глубокаго содержанія, обезцвѣтивши самое понятіе общественнаго класса; 3) понятію класса фیزیократы школы *Кенэ* пытались дать впервые методологически-научную основу; но отъ идеи производства они всякій разъ вовлекались въ область распредѣленія; 4) фیزیократамъ школы *Кенэ* оставалось незамѣтнымъ появленіе въ жизни современной имъ Франціи новыхъ откошеній, которыя несли съ собою промышленный капитализмъ и которыя должны были совершенно смести сословно-абсолютическій строй общества; они не придавали никакого значенія развивающейся мануфактурѣ и тѣмъ, классовымъ образованіямъ, которыя намѣчались въ промышленномъ капитализмѣ и капиталистическомъ хозяйствѣ.

Все это, однако, относится къ фیزیократамъ школы *Кенэ*. Но уже у *Кантильона*, *Неккера*, *Тюрго* и *Ленге* мы замѣчаемъ рядъ разногласій съ основными положеніями фیزیократіи, установленными школой *Кенэ*, и находимъ попытки подмѣнить новыя отношенія. Эта группа французскихъ писателей конца 18-го вѣка отмѣчаетъ уже идею *производственныхъ* классовъ. На новое дѣленіе впервые указываетъ *Кантильонъ*, книга котораго, написанная еще между 1730 и 1734 годомъ, самымъ авторомъ была переведена

уничтожаетъ разнь между ними.³⁰⁾ Такимъ образомъ, *Кенэ* смутно, но все же отдавалъ себѣ отчетъ о томъ, какъ задерживалъ и тормозилъ сословный строй феодализма зарождавшееся капиталистическое общество.

Кромѣ того, далѣе, у *Кенэ* мы находимъ едва ли не впервые въ развитіи идеи общественныхъ классовъ попытку методологическаго обоснованія классового расчлененія. Все въ природѣ, говоритъ *Кенэ*, находится во взаимномъ соприкосновеніи; все тѣсно переплетается; расчленять и разсматривать явленія нельзя, поэтому, не прибѣгая къ помощи отвлеченныхъ понятій и безъ установленія причинъ и слѣдствій для различнаго рода отношеній; различныя причины и слѣдствія даютъ и различныя отношенія; но, сопоставляя эти различія, мы можемъ приходить къ типическимъ отношеніямъ и только съ ними имѣть дѣло. „Лишь съ помощью такого отвлеченія—говоритъ *Кенэ*—можно изучить и оцѣнить взаимныя отношенія различныхъ общественныхъ классовъ въ социальномъ строѣ и дать имъ наиболѣе подходящія названія.“³¹⁾ Основаніемъ для различія классовъ *Кенэ* считаетъ идею производства, которая приводитъ его къ двумъ классамъ: производительному (создающему въ производствѣ новыя цѣнности, или „чистый продуктъ“) и непроизводительному (не создающему послѣдняго). Кромѣ этихъ двухъ классовъ *Кенэ* находитъ и третій, какъ мы видѣли,—классъ собственниковъ; выдѣленіе послѣднихъ, по его мнѣнію, неизбежно лишь въ методологическихъ цѣляхъ, для того „чтобы прослѣдить ясно процессы сношеній между различными общественными группами“, оно нужно ему лишь для общей связи.³²⁾

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ *Кенэ* немного содержанія; но, во всякомъ случаѣ, какъ первая попытка, они не лишены значенія и цѣльности. Основа классового расчлененія у *Кенэ*, по его собственному представленію, производственная; но, какъ мы видѣли, классъ собственниковъ у *Кенэ* выступаетъ въ качествѣ, главнымъ образомъ, распредѣлителей богатства и, слѣдовательно, на основѣ

30) F. Quesnay. Le droit naturel (1765), т. IV, стр. 372 (Oeuvres, Oecken 1888).

31) F. Quesnay. „Sur les travaux des artisans“ (1766), Oeuvres, Aug. Oecken, 1888, стр. 528 (Seconde dialogue).

32) F. Quesnay, ibid., стр. 528, 529.

распредѣленія; классъ салиаріата (безплодный) точно также характеризуется у *Кенэ* не ролѣю или отношеніемъ въ производствѣ, а источникомъ своего дохода (оплатой труда и услугъ); классъ производительный, наконецъ, или классъ капиталистическихъ фермеровъ—единственная у *Кенэ* производственная категория, но и та неопредѣленна и неясна. И такимъ образомъ, его категоріи классовъ больше распредѣлительныя категоріи, чѣмъ производственныя.

Что же даю въ концѣ концовъ ученіе *Кенэ* для развитія идеи общественныхъ классовъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны придти къ слѣдующему: 1) идею двучленнаго раздѣла общества на два большихъ класса фیزیократы пытались замѣнить идеей трехъ классовъ, путемъ введенія въ этотъ раздѣлъ нѣкоторыхъ болѣе частичныхъ подраздѣленій, благодаря которымъ, однако, идея трехъ классовъ теряла у фیزیократовъ стройность и ясность; 2) поставивши идею классовъ подъ принципъ социальной гармоніи интересовъ, фیزیократы школы *Кенэ* лишили идею классовъ ея глубокаго содержанія, обезцвѣтивши самое понятіе общественнаго класса; 3) понятію класса фیزیократы школы *Кенэ* пытались дать впервые методологически-научную основу; но отъ идеи производства они всякій разъ вовлекались въ область распредѣленія; 4) фیزیократамъ школы *Кенэ* оставалось незамѣтнымъ появленіе въ жизни современной имъ Франціи новыхъ откошеній, которыя несли съ собою промышленный капитализмъ и которыя должны были совершенно смести сословно-абсолютическій строй общества; они не придавали никакого значенія развивающейся мануфактурѣ и тѣмъ, классовымъ образованіямъ, которыя намѣчались въ промышленномъ капитализмѣ и капиталистическомъ хозяйствѣ.

Все это, однако, относится къ фیزیократамъ школы *Кенэ*. Но уже у *Кантильона*, *Неккера*, *Тюрго* и *Ленге* мы замѣчаемъ рядъ разногласій съ основными положеніями фیزیократіи, установленными школой *Кенэ*, и находимъ попытки подмѣнить новыя отношенія. Эта группа французскихъ писателей конца 18-го вѣка отмѣчаетъ уже идею *производственныхъ* классовъ. На новое дѣленіе впервые указываетъ *Кантильонъ*, книга котораго, написанная еще между 1730 и 1734 годомъ, самымъ авторомъ была переведена

въ его сочиненіяхъ не замѣчается идеи и той гармоніи интересовъ, которую выставила на первый планъ школа *Кенэ*. Напротивъ, *Тюрго* замѣчаетъ тотъ неизбежный и глубоко проходящій антагонизмъ, который существуетъ между хозяиномъ и работникомъ.³⁵⁾

Въ общемъ итогѣ, однако, мы находимъ у *Тюрго* ту же распыленность мысли въ формулировкѣ по вопросу о классахъ, какую мы видѣли и у *Кенэ*. Идея двучленного раздѣла общества у него, какъ и у *Кенэ*, колебалась между идеей трехчленного раздѣла. Если у *Кенэ* фигурировали собственники, производительный классъ и безплодный, то у *Тюрго* мы видимъ похожія категоріи: 1) классъ, располагающій досугомъ, 2) классъ производительный, 3) классъ занятыхъ въ промышленности и торговлѣ. Но въ общемъ *Тюрго* былъ гораздо ближе къ пониманію французской экономической дѣйствительности второй половины 18-го вѣка, чѣмъ *Кенэ* и его школа: онъ уже отмѣчалъ опредѣленно, какъ мы видѣли, категоріи хозяина—предпринимателя и работника—исполнителя.

Опредѣленнѣе и ярче, чѣмъ *Тюрго*, развивалъ идею классового раздѣла общества и классового антагонизма *Жакъ Неккеръ* въ своемъ изслѣдованіи „Essai sur la législation et le commerce des grains“, вышедшемъ въ 1775 году. Здѣсь онъ отмѣчаетъ всѣ ухищренія капиталистовъ, употребляемыя послѣдними по отношенію къ рабочимъ, въ цѣляхъ увеличенія прибыли, и при этомъ онъ прекрасно видитъ, какъ при современномъ общественномъ строѣ все совершается въ интересахъ господствующаго класса собственниковъ. „Остававшаяся мысль на обществѣ и на его отношеніяхъ, говоритъ онъ, поражается одной общей идеей, которая заслуживаетъ дальнѣйшаго развитія и обоснованія,—это именно тѣмъ, что всѣ гражданскія учрежденія основаны для собственниковъ.“³⁶⁾

Неккеръ рнеуетъ далеко не равныя условія борьбы рабочихъ противъ собственниковъ капитала. Богатые—говоритъ онъ—за-

35) Ср. *Picard Roger*. La theorie de la lutte des classes . . etc., стр. 620.

36) *J. Necker*. „Essai sur la législation et le commerce des Grains“ (1775). Изд. Guillaumin'a, 1848, Paris, t. II, стр. 357.

конодатели заработной платы, такъ какъ капиталъ позволяетъ имъ выжидать и диктовать условія, а конкуренція и нужда принуждаютъ рабочаго принимать эти условія.⁴⁰⁾ Даже когда повышаются цѣны на жизненные продукты, собственники продолжаютъ настаивать на прежнемъ уровнѣ заработной платы; въ этомъ случаѣ, говоритъ *Неккеръ*, „между двумя классами общества поднимается глухая, ужасная война, гдѣ нельзя сосчитать числа жертвъ, гдѣ подъ защитой закона сильный уничтожаетъ слабого, гдѣ собственность, силой своихъ прерогативъ, давитъ чловѣка, живущаго трудомъ своихъ рукъ.“⁴¹⁾ Отношенія между рабочими и хозяевами изображаются *Неккеромъ* въ видѣ отношеній львовъ и беззащитныхъ животныхъ, вмѣстѣ живущихъ; долю однихъ нельзя увеличивать, не обманывая бдительности другихъ и не давая имъ времени на нихъ броситься.⁴²⁾ У *Неккера*, такимъ образомъ, мы уже встрѣчаемъ идею двухъ классовъ, поставленную на основу производственныхъ отношеній хозяина и работника.

Суровымъ критикомъ физиократовъ школы *Кена* является и аббатъ *Ленге*, который также говоритъ о двухъ классахъ, на которые онъ расчленяетъ общество. У него такъ же находимъ противоположеніе рабовъ и господъ, рабочаго и предпринимателя.⁴³⁾ Его вниманіе останавливаетъ положеніе наемнаго рабочаго. Онъ видитъ въ немъ не только всѣ ужасы проклятаго рабства; онъ готовъ ставить положеніе рабовъ даже выше положенія современныхъ ему рабочихъ. Угнетеніе рабочихъ, такъ же какъ и рабство, *Ленге* считаетъ одинаково противнымъ естественнымъ законамъ природы и особенно горячо обрушивается противъ ученія физиократовъ, которыхъ онъ ѣдко вышучиваетъ за ихъ идею гармоніи интересовъ, за ихъ одностороннее покровительство земельнымъ собственникамъ, за ихъ игнорированіе условій наемнаго труда, особенно индустриальныхъ рабочихъ.

Особенно мрачными чертами рисуетъ *Ленге* положеніе рабочаго класса, стонущаго подъ игомъ собственниковъ. „Они стоунтъ,

40) *J. Necker*, *ibid.*, стр. 227, 270.

41) *J. Necker*, *ibid.*, стр. 241.

42) *J. Necker*, *ibid.*, стр. 349.

43) *Linguet*. *Theorie des loix civiles ou principes fondamentaux de la société*. Londres. 1767, II, 463 стр.

говорить *Ленге*, подъ отвратительнымъ рубищемъ, которое является ливреей нищеты. Они никогда не обладают достаточной долей въ томъ доходѣ, источникомъ котораго является ихъ трудъ... Это слуги, которые замѣнили собой рабовъ. Между тѣмъ, безъ преувеличенія можно сказать, что это самая многочисленная часть въ каждой странѣ.⁴¹⁾ Въмѣсто стараго рабства рабочіе получили, по мнѣнію *Ленге*, лишь опасеніе умереть каждую минуту съ голоду, чего раньше рабы, по крайней мѣрѣ, не знали". „Послѣ освобожденія крѣпостныхъ общество раздѣлилось на двѣ части: на одной сторонѣ стоятъ богатые, владѣльцы денежнаго капитала, собственники жизненныхъ средствъ; они захватили себѣ исключительное право опредѣлять высоту заработной платы для тѣхъ, кто производитъ; на другой сторонѣ стоятъ изолч- рованные работники, которые остаются беззащитными передъ эксплуатаціей и алчностью богатыхъ собственниковъ, такъ какъ они уже никому болѣе не принадлежатъ и ни господъ, ни другихъ защитниковъ не имѣютъ, которые бы защитевосопны были въ ихъ защитѣ.⁴²⁾

Изъ всего приведеннаго мы видимъ, что уже въ это тяжелое время, во Франціи, идея классовъ находила себѣ отраженіе въ умахъ современниковъ и что энциклопедисты и критики физиократовъ выражали эту идею въ формѣ болѣе близкой къ дѣйстви- тельнымъ отношеніямъ французскаго общества того времени, чѣмъ она была представлена у физиократовъ.

Такъ или иначе, первый шагъ въ ученіи о классовомъ расчле- неніи общества былъ сдѣланъ. По меньшей мѣрѣ, фактъ суще- ствованія общественныхъ классовъ съ различными антагонисти- ческими интересами и борьбой за эти интересы былъ признанъ. „Авторы XVIII вѣка, говоритъ *Пикарь*,—которые замѣтили, при старой политической классификаціи общества, дѣленія экономиче- скаго характера на противоположные классы, довольно много- численны и ихъ разсужденія достаточно опредѣленны, чтобы го-

41) *Linguet*, *ibid.*, t. II, стр. 463, 464.

42) *Linguet*, *Annales politiques, civiles et littéraires du 18-e siècle*, t. I, стр. 94.

ворить, что въ нихъ заложенъ уже зародышъ будущей теоріи классовъ и борьбы классовъ.“⁴⁰⁾

Необходимо однако признать что изъ французскихъ писателей XVIII вѣка лишь очень немногіе, говоря о классовомъ расчлененіи общества, близки къ признанію производственно-экономической основы, на которой зиждется классовое расчлененіе. Мы видѣли, что у однихъ идетъ рѣчь о классахъ богатыхъ и бѣдныхъ (потребительно-экономическая основа), у другихъ—о распределительной основѣ классоваго строенія. Лишь немногіе, главнымъ образомъ, противники физіократовъ указываютъ на новыя производственныя отношенія, возникшія вмѣстѣ съ капитализмомъ, на развалинахъ феодально-сословнаго строя; лишь немногіе говорятъ о промышленномъ пролетаріатѣ, примѣняющемъ въ общественномъ производствѣ свою рабочую силу, съ одной стороны, и обь его антагонистѣ, классѣ капиталистовъ-предпринимателей, съ другой.

Между тѣмъ, отношенія Франціи второй половины XVIII вѣка давали опредѣленные указанія на классовый раздѣлъ новаго вырастающаго общества. „Третье сословіе“ къ этому времени уже опредѣленно раскалывалось на антагонистическія составныя части, рѣзко расходящіяся по своимъ интересамъ. Изъ него опредѣленно вырисовывалось уже „четвертое сословіе“, какъ оно уже само начинаетъ себя называть, чтобы обозначить свое обособленіе отъ собственно „третьяго сословія“ или формирующей буржуазіи. Классовое чувство и сознаніе „четвертаго сословія“, которыя еще и до великой революціи проявлялись въ рабочихъ коалиціяхъ, въ стачкахъ, въ борьбѣ за заработную плату и т. п., это классовое чувство и сознаніе особенно опредѣленнымъ образомъ сказались въ то время, когда нація была призвана для избранія депутатовъ въ Генеральныя Штаты, когда рабочіе были обойдены, ихъ интересы были забыты, о нихъ не хотѣли знать; когда „4-ое сословіе“ оказалось лишнимъ возможности подать свой голосъ и заставить выслушать себя; когда предполагалось, что рабочіе

⁴⁰⁾ *Picard Roger. La theorie de la lutte classes à la veille de la révolution française. (Revue d' économie politique. Septembre Octobre, 1911, № 5, стр. 632.)*

составляют неразрывное цѣлое съ „третьимъ сословіемъ“ и что послѣднее само постарается отстаивать ихъ интересы. Протестъ противъ этого не замедлитъ послѣдовать.

Протестъ рабочаго класса и его собственный голосъ о томъ, что интересы пролетаріата противоположны интересамъ третьяго сословія явились въ рядѣ жадобъ и требований, нашедшихъ мѣсто въ специальныхъ наказахъ (*sahiers*), петиціяхъ, брошюрахъ, рабочей прессѣ, летучихъ листовъ—литературѣ, вышедшей во время собранія генеральныхъ штатовъ. Во всѣхъ этихъ весьма интересныхъ и характерныхъ для великой французской революціи документахъ, къ настоящему моменту уже достаточно изученныхъ, мы находимъ, какъ рельефно выраженную идею классовой борьбы такъ и опредѣленно обозначившееся къ тому времени сознаніе рабочаго класса, какъ обособленнаго класса,—сознаніе имъ собственныхъ интересовъ, діаметрально противоположныхъ интересамъ буржуазіи, или „третьему сословію“. Идея общественныхъ классовъ находитъ себѣ здѣсь новый толчокъ.

Во многихъ народныхъ брошюрахъ этого времени представители или идеологи „четвертаго сословія“ опредѣленно именуютъ его „классомъ“, а уже не „сословіемъ“; при этомъ—классомъ, отличнымъ отъ класса собственниковъ. Въ любопытной брошюрѣ „Бѣднаго діавола“ говорится, наприм., что въ собраніи генеральныхъ штатовъ найдутся люди для защиты интересовъ городовъ, права собственности, земледѣлія, искусствъ и ремеслъ, фабрикъ и т. п., такъ какъ всѣ эти важныя вещи затрачиваютъ интересы многихъ членовъ собранія; „но кто среди этихъ членовъ возьметъ на себя защиту интересовъ самаго низшаго класса народа (*de la dernière classe du peuple*)? Кто возьметъ на себя защиту интересовъ тѣхъ, кто не имѣетъ ни собственности, ни какого бы то ни было богатства, ни состоянія, ни правъ, кромѣ развѣ естественныхъ, связанныхъ, однако, государственными установленіями, или позитивнымъ правомъ, или различными регламентами, которые только мѣшаютъ или стѣбляютъ дѣйствія ихъ? Кто возьметъ защиту тѣхъ, кто не имѣетъ никакого другого источника существованія, кромѣ лишь приложенія своихъ рабочихъ рукъ, и кто живетъ лишь случайнымъ заработкомъ или заработной платой, полу-

чаемой изо дня въ день". Эти несчастные покорились своимъ условіямъ существованія и просятъ только работы, хотя они, эти рабочіе, и не защищены закономъ и платятъ налоги, непомерно высокіе, сравнительно съ ихъ доходами. Для „бѣднаго діавола“ кажутся необходимыми и справедливыми три слѣдующихъ пожеланія: 1) чтобы всегда была работа; 2) чтобы работа обезпечивала существованіе и 3) чтобы налогъ не уменьшалъ дохода рабочихъ. Въ цѣляхъ разрѣшенія этихъ требованій, авторъ брошюры предлагаетъ государству позаботиться объ учрежденіи заводовъ и фабрикъ, объ урегулированіи заработной платы и строгомъ соотвѣтствіи налоговъ съ размѣрами заработной платы, чтобы изъ вычетовъ этихъ налоговъ рабочему было, чѣмъ жить.⁴⁷⁾

Приблизительно въ томъ же духѣ составлена не менѣе характерная „Петиція 150.000 рабочихъ и ремесленниковъ Парижа“ (*Pétitions des cent cinquante mille ouvriers et artisans de Paris*), представляющая собою брошюру изъ восьми страницъ.⁴⁸⁾ „Почему въ тотъ моментъ, когда отечество—читаемъ мы въ этой петиціи—открывается объятія дѣтиямъ своимъ, 150.000 полезныхъ для всѣхъ согражданъ членовъ отталкиваются? Почему забыты мы, бѣдные ремесленники, безъ которыхъ наши братья не могли бы удовлетворить свои необходимыя нужды, ради которыхъ мы неутомимо должны трудиться изо дня въ день? Развѣ мы не люди, не французы, не граждане?... Почему же наши жалобы не могутъ быть ни выслушаны, ни обсуждены.“⁴⁹⁾ Далѣе въ „Наказахъ четвертаго сословія“ (*Cahiers du quatrième ordre*) мы находимъ слѣдующія весьма характерныя строчки: „Сила старыхъ обычаевъ не позволила сдѣлать для этого созыва (Генеральныхъ Штатовъ) всего того, что, быть можетъ, будетъ сдѣлано для одного изъ ближайшихъ созывовъ: еще необходимымъ оказалось дѣлить націю по сословіямъ и число этихъ сословій, по старому, ограничивать тремя.

47) *La vie et les doléances d'un pauvre diable pour servir de ce qu'on voudra aux prochains Etats Généraux*, par Deverite (1789) in 8. В это у *Lichtenberger André*, *Le socialisme au XVIII-e siècle. Etudes sur les idées socialistes dans les écrits français du XVIII-e siècle avant la révolution*. Paris 1896, стр. 430—432.

48) *Chassin Ch. L.* Les élections et les cahiers de Paris en 1789. Documents recueillis, t. II. Paris 1888.

49) *Chassin*, *ibid*, стр. 592, т. II.

Но необходимо ли такое распределение по сословиям? И действительно ли эти три сословия заключаютъ въ себѣ цѣлькомъ всю націю? Можетъ быть этотъ раздѣлъ на сословія будетъ наконецъ оставленъ; хотѣлось бы на это надѣяться. Если же этого не будетъ сдѣлано, необходимо установить четвертое сословіе; необходимо, наконецъ, во всякомъ случаѣ, чтобы такъ или иначе часть націи, которая вопреки ея естественнымъ правамъ не была созвана, была представлена... Почему выброшенъ—читаемъ мы дальше—этотъ огромный классъ наемныхъ рабочихъ, классъ салиариата, безработныхъ, на спинахъ которыхъ проходятъ всѣ революціи и политическія и физическія, классъ, которому нужно внести такъ много запросовъ (*représentations*). Почему удалено это сословіе, которое въ глазахъ сильныхъ и богатыхъ является послѣднимъ, четвертымъ сословіемъ, не въ глазахъ морали и религіи—оно первое священное сословіе обездоленныхъ (*infortunés*)“²⁰⁾

Ту же мысль мы находимъ въ другой брошюрѣ, въ „Наказѣ бѣдныхъ“, гдѣ также обращается вниманіе на то, что сословный раздѣлъ потерялъ уже свой смыслъ... Подъ этимъ дѣленіемъ общества—говорится здѣсь—, которое можетъ быть тройнымъ, какъ во Франціи, или четвернымъ, какъ, напримѣръ, въ Швеціи, всегда подразумѣвались лишь два действительно различныхъ класса гражданъ: классъ собственниковъ и классъ несобственниковъ, изъ которыхъ первымъ принадлежало все, вторымъ ничего.²¹⁾ Равнымъ образомъ въ уже упомянутыхъ „*Doleances*“, представленныхъ отъ имени мануфактурныхъ рабочихъ, чернорабочихъ, ремесленниковъ и другихъ, лишенныхъ всякой собственности, гдѣ раздаются сѣтованія и высказывается недовольство противъ того, выборы предоставлены лишь собственникамъ, говорится: „Мы отнесены собственно къ третьему сословию, получившему возможность быть представленнымъ въ равномъ

20) *Cahiers du quatrième ordre: celui des pauvres journaliers, des infirmes, des indigens, etc. l'ordre sacré des infortunés; ou Correspondance Philantropique entre les infortunés, les hommes sensibles et les Etats généraux* . . и пр. Par Dufourmy de Villiers № 1, 25 Avril 1789. Etats Généraux, janv. -avril 1789, Vol 1 (въ Библиотекѣ Британскаго Музея). — См. также Chassin, II, 582, 584.

21) Chassin, *ibid.*, II, стр. 591.

числѣ съ духовенствомъ и дворянствомъ, но между представителями, избранными отъ этого третьяго сословія, нѣтъ ни одного изъ *нашего класса*; и повидному все сдѣлано въ пользу богатыхъ и собственниковъ.“⁵²⁾

Въ вопросѣ о пробужденіи въ французскомъ обществѣ конца XVIII вѣка идеи двухъ противоположныхъ классовъ—пролетаріата и буржуазіи—весьма показательнымъ является также письмо нѣкоего de Moret къ Неккеру, въ которомъ де Морэ пишетъ, что самый многочисленный, самый полезный и самый драгоценный для государства классъ лишенъ представительства въ Генеральныхъ Штатахъ; что рабочій классъ поддерживать и обогащать „другой классъ третьяго сословія“, (т. е. буржуазію) а между тѣмъ онъ будетъ представленъ такими людьми, „интересы которыхъ совершенно различны и даже противоположны“ интересамъ рабочихъ, ибо они прямо заинтересованы въ томъ, чтобы удерживать другихъ въ рабствѣ и зависимости.“⁵³⁾

Все это говоритъ намъ, что ко времени французской революціи было достаточно данныхъ для рѣзкаго разграниченія двухъ основныхъ классовъ капиталистическаго общества, какъ въ классовомъ сознаніи, такъ и въ экономической дѣйствительности того времени. Многіе французскіе писатели, какъ изъ философовъ и энциклопедистовъ, такъ и изъ экономистовъ и народныхъ публицистовъ и особенно изъ предшественниковъ социализма, уже къ концу XVIII-го вѣка, опредѣленно развивали идею классоваго раздѣла современнаго имъ французскаго общества, сообразно новымъ социальнымъ отношеніямъ развивающагося капитализма. Чувствовалось уже тогда, ко времени революціи, что сословный строй, съ сословнымъ дѣленіемъ общества, теряетъ почву подъ ногами; что вырастаетъ новое классовое общество; что складываются социальные классы, независимо отъ какихъ бы то ни было правно-политическихъ формъ стараго феодально-сословнаго и сословно-абсолютическаго строя. И уже къ концу XVIII вѣка,

52) Doléances du pauvre diable adressées aux Etats généraux, Брассера въ 16 стр., 25 avril 1789, стр. 4.

53) Lettre de M-r de Chevalier de Moret à M-r le Directeur général des finances. Ск. Е. Н. Турле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи, ч. I. СПб. 1909, стр. II.

во Франціи, мы имѣемъ въ сущности опредѣленно выявившуюся идею двухъ основныхъ классовъ капиталистическаго общества: класса собственниковъ-капиталистовъ и класса наемныхъ рабочихъ, собственниковъ только своихъ рабочихъ рукъ. Выѣтъ съ этой идеей двухъ основныхъ социальныхъ классовъ, тогда же развивалась идея антагонизма и борьбы классовъ, идея, неизбежно, внутреннимъ логическимъ единствомъ связанная съ первой. Оставалось ожидать лишь, что эти идеи, какъ первые зародыши учения объ общественныхъ классахъ, станутъ находить себѣ, по мѣрѣ развитія социальныхъ отношеній, болѣе глубокое содержаніе, а само ученіе о классахъ—встрѣчать дальнѣйшее развитіе и обоснованіе, складываясь въ научную теорію. Последнее и происходило на протяжении всего почти XIX вѣка, хотя значеніе и важность проблемы социальныхъ классовъ и къ XX вѣку едва только начинаютъ встрѣчать себѣ признаніе и привлекать широкое вниманіе.

Характерно, что классовое обособленіе пролетаріата отъ „гнетимаго сословія“, отъ буржуазіи, проходитъ черезъ сознаніе рабочаго уже въ тѣ бурные дни жизни французскаго общества, когда несомнѣнно только что начинало очиняться отъ путъ феодализма и стараго режима. Правда, авторы народныхъ брошюръ, рабочихъ истинъ, наказовъ, жалобъ бѣдныхъ и т. д. не всегда извѣстны; они могли быть и не рабочими, и, скорѣе всего, принадлежали къ представителямъ демократической интеллигенціи Франціи того времени; но несомнѣнно одно, что брошюры эти и наказы не могли не быть подлиннымъ выраженіемъ мыслей и чувствъ французскаго пролетаріата. Великая французская революція, давшая толчки въ самыхъ различныхъ областяхъ народной самостоятельности и творчества мысли, впервые зажгла и въ рабочемъ сознаніи идею рабочаго самоопредѣленія, дала толчекъ французскому пролетаріату для осознанія себя, какъ социального класса, отличнаго отъ класса буржуазіи. Для развитія идеи общественныхъ классовъ это было весьма важнымъ этапомъ.

II. Идея классовъ у французскихъ историковъ эпохи реставраціи.

Въ исторіи развитія идеи общественныхъ классовъ во Франціи довольно значительную роль сыграли историки, съ 20-хъ годовъ XIX-го столѣтія выступившіе съ соціальной оцѣнкой событій великой французской революціи. Наибольшее значеніе среди нихъ имѣли въ данномъ отношеніи особенно *Гизо*, *Мишье*, *Тьерри*, *Дюи Бланъ*. Идея общественныхъ классовъ, такъ же какъ и идея борьбы классовъ, кладется у нихъ всюду въ основу историческихъ событій, или, по крайней мѣрѣ, всегда всплываетъ при описаніи и оцѣнѣ историческихъ фактовъ.

Подробный и детальный анализъ взглядовъ всѣхъ этихъ французскихъ историковъ эпохи реставраціи по вопросу объ общественныхъ классахъ могъ бы явиться благодарной задачей для историка. Мы, однако, ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими характеристическими штрихами.

Уже *Мишье*, въ своей „Histoire de la révolution française“, вышедшей первоначально въ 1824 г., отмѣчаетъ фактъ борьбы общественныхъ классовъ, особенно ярко проявившейся въ эпоху великой революціи, причемъ *Мишье* указываетъ на огромное соціальное вліяніе революціи на общественный строй французскаго народа. Французская революція, по его мнѣнію, измѣнила весь внутренній бытъ народа и разрушила существовавшія еще формы средневѣковаго общества, съ его сословнымъ разслоеніемъ, сословнымъ неравенствомъ и сословными распрями. „Французская нація, говоритъ *Мишье*, раздѣленная на три сословія (духовенство, дворянство и среднее сословіе, подъ которымъ *Мишье* разумѣетъ буржуазію), подраздѣлялась еще на нѣсколько классовъ, подвергаясь во всемъ бѣдствіямъ неравенства и деспотизма“.¹) Между этими отдѣльными подраздѣленіями въ средѣ дворянства *Мишье* указываетъ на классъ „живущихъ на счетъ народа“ придворныхъ и занимающихъ высокія должности въ управленіи и въ арміи; на „классъ“ дворянъ, занимающихъ судебныя должности; наконецъ, на дворянъ—землевладѣльцевъ. Духовенство *Мишье* также раздѣ-

¹⁾ *E. A. Mignet, Histoire de la révolution française. Depuis 1789 jusqu'en 1814. Nouvelle édition, t. I, Leipsic 1827, стр. 7.*

лнеть на два „класса“: высшее духовенство (епископы и аббаты), живущее на крупные доходы, и низшее, на долю которого, по его словамъ, „доставались лишь апостольскіе труды и бѣдность“. Среднее сословіе, въ свою очередь, *Минье* представляетъ расщепленнымъ ко времени революціи на различныя, между собой враждующія корпораціи. Правда, „сѣла, богатство, просвѣщеніе и самостоятельность среднего сословія—говорить *Минье*—росли изъ дня въ день“, оно постепенно готовилось къ рѣшительной борьбѣ съ аристократіей и короной. 17 іюня 1789 года *Минье* называетъ днемъ, когда исчезли государственныя сословія²⁾ и когда въ социальномъ строѣ Франціи открылась новая эра.

Очевидно, *Минье* отличаетъ сословіе разслоеніе общества отъ классового, но классовыя подраздѣленія онъ представляетъ себѣ не совсѣмъ ясно; они рисуются ему въ видѣ различныхъ ранговъ, расположенныхъ на различныхъ ступеняхъ социальной лѣстницы. Интересы всѣхъ этихъ различныхъ по рангу слоевъ *Минье* представляетъ взаимно-противоположными: интересы слоевъ дворянства, напрімѣръ, были, по его мнѣнію, противоположны интересамъ народа.³⁾ Общая формула общественнаго движенія въ развитіи каждаго народа *Минье* представляетъ, при этомъ, въ такомъ видѣ: „реформы затрогиваютъ личныя интересы; интересы образуютъ партіи; партіи вступаютъ въ борьбу; и чѣмъ шире побѣда, тѣмъ сильнее жаждѣ мести; такъ было, говорить *Минье*, и во Франціи.“⁴⁾

Дѣлая общій обзоръ революціи во Франціи, *Минье* различаетъ среди классовъ, составившихъ, по его мнѣнію, французскую націю, во-первыхъ, привилегированныя классы, старавшіеся сохранить сословный строй и свои сословныя привилегіи; во-вторыхъ, классъ буржуазіи, который вела борьбу одновременно и противъ привилегированныхъ классовъ и противъ „народной массы“; въ-третьихъ, наконецъ, „народную массу“ (повидимому, подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть низшій классъ), которая хотѣла водворить въ жизнь свою систему, вопреки всѣмъ остальнымъ

2) *E. A. Mignet, ibid., t. I, стр. 66.*

3) *E. A. Mignet, ibid., t. I, стр. 68.*

4) *E. A. Mignet, ibid., t. I, с р. 136.*

сословіяхъ, при помощи конституціи 1793 года. Каждый классъ, такимъ образомъ, представлялъ свою особую систему и каждая система, по мнѣнію *Минье*, не могла быть прочна, такъ какъ исключала всѣ остальные. Но въ борьбѣ каждый классъ уничтожалъ въ другомъ классѣ то, что было нетерпимо и мѣшало развитію прогресса.⁵⁾

Итакъ, на мѣстѣ трехъ сословіи стараго порядка (дворянство, духовенство, среднее сословіе) *Минье* въ новомъ обществѣ видѣтъ столько же „классовъ“, а именно: аристократію (классъ привилегированныхъ), буржуазію (средній классъ) и простонародье (низшій классъ). Это дѣленіе новаго, зарождающагося со времени революціи социальнаго строя, у *Минье* представляется, однако, довольно туманнымъ. Онъ не даетъ анализа ни буржуазіи, какъ класса, ни тѣмъ болѣе—простонародью, или „народной массѣ“. *Минье* не отдаетъ себѣ строгаго отчета ни въ той основѣ, на которой совершается это новое классовое расчлененіе общества, ни въ характеръ взаимоотношеній между классами, ни въ самомъ понятіи класса, какъ социальной категоріи. Онъ лишь отмѣчаетъ самый фактъ новыхъ социальныхъ подраздѣленій въ общественной жизни и подчеркиваетъ идею борьбы классовъ, ясно вскрывшейся особенно во время революціи. Въ послѣднемъ—все то значеніе *Минье*, какое онъ имѣлъ въ развитіи идеи общественныхъ классовъ.

Ту же идею общественныхъ классовъ, классоваго расчлененія общества и борьбы классовъ мы встрѣчаемъ и у *Огюстѣна Тьерри*, бывшаго ученика и ревностнаго послѣдователя *Сенъ-Симона*. Исторію Франціи *Тьерри* представляетъ въ видѣ исторіи долгой и упорной борьбы, происходившей между изжитыми и угнетенными классами, съ одной стороны, и привилегированными—съ другой. „Передъ нами—говоритъ *Тьерри*—развертывается на протяженіи вѣковъ долгая и упорная борьба, въ которой низшіе и угнетенные классы галло-римскаго, галло-французскаго и, наконецъ, французскаго и средневѣковаго общества поднимались съ одной ступени на другую до обладанія гражданскими и политическими права-

⁵⁾ E. A. *Mignet*, *ibid.*, т. II, стр. 119/120.

ми во всей их полнотѣ".⁹⁾ Эта борьба, по мнѣнію *Тьерри*, сопряжена была съ постепеннымъ исчезновеніемъ жестокости и несправедливости неравенства, противоположности раба и господина, побѣдителя и побѣжденнаго, сеньера и крѣпостного, и привела въ концѣ концовъ къ единому народу, единому и равному для всѣхъ закону, къ единой свободной націи. Не смотря на это единство, *Тьерри* видитъ, однако, въ новомъ обществѣ социальный антагонизмъ, народившійся съ новымъ общественнымъ строемъ и считаетъ его при этомъ крайне вреднымъ, угрожающимъ общественной безопасности.⁷⁾

Впрочемъ, антагонизмъ и борьбу классовъ *Тьерри* находитъ не только въ новомъ обществѣ, но и въ старомъ. Но корни антагонизма и борьбы классовъ, лежавшіе въ прошломъ, *Тьерри* считаетъ существенно отличными отъ антагонизма и борьбы настоящаго. Борьба между различными классами стараго общества ему представляется благотворительною, приводившею постепенно къ смягченію социального неравенства; борьбу же новаго времени онъ представляетъ собою разрушительною. Основу антагонизма и социального разслоенія стараго общества *Тьерри* склоненъ искать въ расовыхъ различіяхъ, въ насильственномъ политическомъ сдѣленіи различныхъ народностей, какъ это было съ галло-римскимъ обществомъ. Изъ различныхъ слоевъ побѣжденнаго народа и различныхъ разслоеній народа-побѣдителя складывались, по его мнѣнію, первоначальныя „классы“ стараго французскаго общества. Среди тѣхъ и другихъ *Тьерри* находитъ въ общемъ три различныхъ социальныхъ образованія: двѣ ступени (высшую и низшую) свободы и рабство. Дѣлая въ „Исторіи третьяго сословія“ историческій анализъ постепеннаго развитія этихъ трехъ социальныхъ, разслоеній-образованій, *Тьерри* не различаетъ строго сословнаго дѣленія отъ классоваго. Его классы отдѣлены одинъ отъ другого и различіемъ раба и общественнаго положенія, и различіемъ законовъ, правовъ и даже различіемъ языка. Въ феодальномъ строѣ,

⁹⁾ *Augustin Thierry*. Essai sur l'histoire de la formation et de progrès du tiers état. Suivi de fragments du recueil des monuments inédits de cette histoire. Troisième édition. Oeuvres, t. IX, 1856, Paris, стр. 10.

⁷⁾ *Augustin Thierry*, ibid., t. IX, стр. 1-2 (Préface).

который сложился для Франціи съ X-го вѣка, и въ которомъ, по мнѣнію *Тьерри*, уже исчезаютъ расовыя различія побѣдителей и побѣждаемыхъ, *Тьерри* различаетъ два большихъ класса или „разряда лицъ“: „одинъ классъ—свободный, праздный и военный, въ рукахъ котораго армія, администрація и судъ; другой—классъ подчиненныхъ и трудящихся.“⁹⁾ Этотъ двучленный раздѣлъ феодальнаго общества выражается, въ представленіи *Тьерри*, въ формѣ разслоенія на дворянство и крѣпостныхъ. Но скоро же вырастаетъ, по мнѣнію *Тьерри*, новый классъ, расположившійся между дворянствомъ и классомъ крѣпостныхъ, который уже съ XII-го вѣка, какъ думаетъ *Тьерри*, начинаетъ вести гражданскую борьбу противъ феодаловъ; это—классъ буржуазіи, или „средній классъ націи и высшій классъ третьяго сословія“¹⁰⁾.

Такимъ образомъ, феодальное общество, вплоть до революціи, *Тьерри* сводитъ къ трехчленному раздѣлу: дворянство съ духовенствомъ—высшій классъ, буржуазія—средній классъ—и классъ крѣпостныхъ—нижшій классъ. Все симпатіи *Тьерри*, при этомъ, на сторонѣ средняго класса или буржуазіи, причемъ *Тьерри* опредѣляетъ этотъ классъ тѣми же чертами, какими *Сенъ-Симонъ* характеризовалъ классъ промышленный: стремленіе къ гражданскому равенству, къ независимому труду, стремленіе къ новаторству и дѣятельности, стремленіе къ накопленію капитала,—таковы основныя черты буржуазіи, въ представленіи *Тьерри*.¹⁰⁾

Идея о томъ, что борьба классовъ наполняетъ собою исторію новыхъ временъ, повторяется у *Тьерри* всюду. Въ „Dix ans d'études historiques“, наприм., въ очеркѣ изъ исторіи Англіи, *Тьерри* говоритъ о „борьбѣ классовъ людей и противоположныхъ интересовъ“ (*lutte des classes d'hommes et des intérêts opposés*),—борьбѣ, прѣвшею мѣсто во время великой гражданской войны въ Англіи, т. е. въ 40-хъ годахъ 17-го столѣтія.¹¹⁾ Эту борьбу *Тьерри* представляетъ, какъ результатъ двухъ сталкивающихся противопо-

⁹⁾ *Augustin Thierry*, vol. IX, *ibid.*, стр. 20.

¹⁰⁾ *Augustin Thierry*, *ibid.*, стр. 60.

¹¹⁾ *Augustin Thierry*, *ibid.*, стр. 22.

¹²⁾ *Aug. Thierry*, *Dix ans d'études historiques*. Bruxelles et Leipzig. Allgemeine Niederlandische Buchhandlung. 1835. Histoire d'Angleterre, I, стр. 59 и слѣд.

ложныхъ интересовъ: лозунгомъ одной стороны было „праздность и власть“, лозунгомъ другой—„трудъ и свобода.“¹²⁾

Идею расоваго происхожденія соціальныхъ различій въ современной Франціи *Тьерри* развиваетъ особенно картинно на исторіи *Жака Бонома*.¹³⁾ *Жакъ*—это французское простонародье, низшій классъ французской націи, народная масса, которая тѣмъ когда представляла изъ себя галльскую націю, но потомъ подверглась завоеванію со стороны чужеземныхъ пришельцевъ съ сѣвера (голубоглазыхъ германцевъ). *Жакъ* подчинился игу завоевателей и терпѣливо сносилъ его, предпринимая лишь по временамъ неудачныя попытки къ возмущенію. Но когда, однажды, правительство очутилось безъ денегъ и обратилось къ *Жаку* за со вспоможеніемъ, *Жакъ* потребовалъ, наконецъ, себѣ свободы. Съ этого момента начинается бурная эпоха въ исторіи *Жака Бонома*, которую *Тьерри* доводитъ до времени реставраціи.

Болѣе глубокое содержаніе, чѣмъ у *Минье* и *Тьерри* идея общественныхъ классовъ пріобрѣтаетъ у *Гизо*. У него мы встрѣчаемъ попытку серьезнаго методологическаго обоснованія идеи общественныхъ классовъ, исходящую изъ идеи о необходимости классоваго анализа при изученіи общественной жизни. Для *Гизо*, соціальныя отношенія—основа политическихъ отношеній. Большая часть писателей, ученыхъ, историковъ или публицистовъ, говоритъ *Гизо*, ищутъ познанія сущности общества, опредѣленія степени или характера цивилизаціи путемъ изученія политическихъ учреждений; но, по его мнѣнію, было бы целесообразнѣе изучать сначала общество, какъ таковое, для познанія и пониманія его политическихъ институтвъ, такъ какъ, прежде чѣмъ стать причиной, политическія учрежденія сами являются слѣдствіемъ; Общество сначала ихъ производитъ, а потомъ уже испытываетъ на себѣ ихъ вліяніе и модифицируется. И вмѣсто того, говоритъ *Гизо*, чтобы въ формахъ или въ системѣ управленія искать, какво было въ данный историческій моментъ состояніе народа, нужно сначала изучить состояніе народа, чтобы знать, какимъ могло и

12) *Aug. Thierry*, *ibid.*, стр. 91.

13) *Anth. Thierry*, *ibid.*, Seconde Partie, IX: Histoire véritable de Jacques Bonhomme, d'après les documents authentiques, стр. 308—317 (написано въ 1820 г.).

должно было быть управленіе.¹⁴⁾ „Общество, его составныя части, характеръ существованія въ немъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, сообразно съ общественнымъ положеніемъ каждаго, взаимныя отношенія между различными классами, къ которымъ принадлежатъ эти индивиды, положеніе личности,—вотъ первый вопросъ для вниманія историка, который хочетъ вникнуть въ исторію народа, и для публициста, который хочетъ знать, какъ этотъ народъ управлялся.“¹⁵⁾ При всемъ этомъ, думаетъ *Гизо*, историкъ долженъ считаться, главнымъ образомъ, съ состояніемъ земельныхъ отношеній прежде всего: „чтобы понять различія социальныхъ условій, необходимо знать, говоритъ *Гизо*, природу и отношенія земельной собственности.“

Всю исторію Франціи *Гизо* считаетъ, подобно *Минье* и *Тьерри*, исторіей борьбы классовъ, при этомъ, такъ же какъ и *Тьерри*, *Гизо* близокъ, къ идеѣ расоваго фактора въ образованіи социального неравенства, отмѣчая столкновенія и сліянія, путемъ завоеванія, двухъ различныхъ расъ, какъ важнѣйшую основу возникновенія социальныхъ различій. Въ теченіе тринадцати столѣтій, говоритъ *Гизо*, побѣжденный народъ велъ борьбу, чтобы свергнуть иго народа—побѣдителя.¹⁶⁾ Въ борьбѣ классовъ далекаго прошлаго *Гизо* придастъ, такимъ образомъ, значеніе и расовымъ различіямъ, оказавшимся, по его мнѣнію, не безразличными для процесса социального разслоенія. Въ новомъ реформированномъ послѣ революціи обществѣ *Гизо* видитъ, однако, борьбу классовъ совершенно иного характера, чѣмъ въ старомъ обществѣ.

Во всѣхъ странахъ и во всѣ времена *Гизо* находитъ три общихъ типа социальныхъ состояній или положеній, которыя въ основѣ своей, по его мнѣнію, всегда одни и тѣ же, хотя и различны по своимъ взаимоотношеніямъ: это, во-первыхъ, люди, живущіе отъ доходовъ съ собственности, земельной или иного вида, не вкладывая при этомъ своего труда; во-вторыхъ, люди, эксплуатирующіе

¹⁴⁾ *M. Guizot. Essais sur l'histoire de France. Paris—Leipzig, 1824. Seconde édition, стр. 87.*

¹⁵⁾ *M. Guizot, ibid., стр. 90.*

¹⁶⁾ *M. Guizot. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel. 1820, стр. 1—2.*

и увеличивающіе собственность (движимую и земельную) посредствомъ вкладывающіа въ нее собственнаго труда; въ третьихъ, наконецъ, люди безъ собственности, живущіе только собственнымъ трудомъ.¹⁷⁾ Эти три различныя социальныя состоянія или неравенства въ социальномъ положеніи *Гизо* представляетъ себѣ далеко не случайными въ жизни человеческого общества; напротивъ, они возникаютъ „естественно“ и въ силу опредѣленныхъ законовъ¹⁸⁾. Существованіе этихъ трехъ классовъ (аристократія, буржуазія и народъ) *Гизо* считаетъ фактомъ, который сами классы не въ силахъ отыгнать. Въ силу послѣдняго, *Гизо* настаиваетъ на необходимости для социальныхъ классовъ мириться съ неизбежнымъ фактомъ классоваго разслоенія и жить въ мирѣ; только социальный миръ, по его мнѣнію, можетъ привести Францію къ свободѣ и величію.¹⁹⁾ Съ этой точки зрѣнія, классовую борьбу и домогательство классовъ уничтожить другъ друга *Гизо* считаетъ величайшимъ зломъ, существующимъ въ жизни Франціи, главнымъ образомъ, съ 1789 г.²⁰⁾ Идея компромисса—вотъ во что долженъ вылиться по *Гизо* социальный миръ.

Значительное мѣсто въ своихъ историческихъ сочненіяхъ отводитъ идеѣ общественныхъ классовъ и *Луи Бланъ*. Классовые интересы и борьбу классовъ *Луи Бланъ* кладетъ въ основу исторіи. „Надо понять, говоритъ онъ, что если революція 1789 года пустила въ событіяхъ корень, то это случилось потому, что она не неожиданно овладѣла обществомъ, что, наоборотъ, она служила интересу класса, получившаго господство, именно буржуазіи.“²¹⁾ Исторіи развитія класса буржуазіи во Франціи *Луи Бланъ* удѣляетъ много вниманія, при чемъ подъ буржуазіей онъ разумѣетъ „совокупность гражданъ, которые, обладая орудіями труда или капиталомъ, работаютъ на счетъ своихъ собственныхъ ресурсовъ и лишь

¹⁷⁾ *M. Guizot. De la Démocratie en France. Leipzig. Brockhaus-Avenarius 1849, стр. 34.*

¹⁸⁾ *M. Guizot, ibid., стр. 35.*

¹⁹⁾ *M. Guizot, ibid., стр. 48.*

²⁰⁾ *M. Guizot, ibid., стр. 50.*

²¹⁾ *L. Blanc, Histoire de la révolution française. Paris 1847, t. I, стр. 11.*

до известной степени зависят от других.“²²) Буржуазія *Луи Бланъ* противопоставляет „народъ“, подъ которымъ онъ понимаетъ „совокупность гражданъ, которые, не обладая никакимъ капиталомъ, зависятъ отъ другихъ вполне, даже и въ томъ, что касается первыхъ потребностей жизни“.

Луи Бланъ раздѣляетъ, такимъ образомъ, общество на буржуазію и народъ, или, иначе говоря, на буржуазію и пролетаріевъ, разумѣя подъ „народомъ“ наемныхъ работниковъ (пролетаріевъ)²³). Между буржуазіей и народомъ или пролетаріями *Луи Бланъ* видитъ глубокую пропасть. „Мы видѣли, говоритъ онъ, какъ глубоко, хотя всегда замаскировано общими интересами и общою ненавистью, было всегда различіе между народомъ и буржуазіей.“²⁴) Это различіе *Луи Бланъ* видитъ не только въ области фактовъ, не только въ области реально-матеріальныхъ отношеній. Это различіе, говоритъ онъ, было воспроизведено въ XVIII вѣкѣ и въ области мысли. Двѣ основныя доктрины XVIII-го вѣка, пропитывавшія общественную мысль Франціи того времени,—индивидуализмъ, съ одной стороны, и социализмъ—съ другой, (или, какъ онъ выражается, доктрину, имѣвшую цѣлью ассоціацію равныхъ и отправлявшуюся отъ принципа братства),—*Луи Бланъ* считаетъ продуктомъ двухъ различныхъ классовъ общества: буржуазіи и пролетаріевъ. Буржуазія, по мнѣнію *Луи Блана*, могла довольствоваться индивидуализмомъ: „она обладала богатствомъ, и силой; имѣя въ своемъ распоряженіи орудія труда, которыхъ не было у пролетаріевъ, обладала дѣятельностью и познаніями, которыхъ обыкновенно не имѣли дворяне, буржуазія располагала средствами къ развитію, которыя устраняютъ необходимость ассоціаціи и заставляютъ страшиться стѣннительныхъ сторонъ іерархіи“. Но, обѣщая свободу духа и политическую свободу, буржуазія, оставаясь на своемъ принципѣ индивидуализма, не могла, по мнѣнію *Луи Блана*, выполнить своихъ обѣщаній. „Безъ равенства, говоритъ онъ, составляющаго связь интересовъ, и безъ братства, слу-

²²) *L. Blanc, ibid., I, стр. 121.*—Также въ *Histoire de dix ans 1830—1840 huitième édition, tome I, Paris 1840, стр. 6* (въ фривъчаніи).

²³) *Louis Blanc, Histoire de la révolution française, I t., стр. 123.*

²⁴) *Louis Blanc, ibid., I, стр. 349.*

жаннаго связью сердець, свобода есть не что иное, какъ лицемѣрной деспотизмъ. Вотъ почему буржуазія должна была рано или поздно дать намъ: вмѣсто свободы духа—полную нравственную анархію, вмѣсто политической свободы—олигархію людей, обладающихъ цензомъ, вмѣсто свободы промышленной дѣятельности—конкуренцію богача и бѣдняка, къ выгодѣ богача.“²⁵⁾

Приведенныя положенія и мысли, высказываемыя *Луи Бланомъ*, говорятъ намъ о томъ, какъ рѣзко онъ разграничивалъ другъ отъ друга два большихъ класса, которые онъ находилъ въ современномъ ему обществѣ: буржуазію и пролетаріевъ („народъ“). Эту идею двухъ классовъ *Луи Бланъ*, правда, не вездѣ поддерживалъ. Нерѣдко онъ говоритъ о буржуазіи, какъ о „среднемъ классѣ“, предполагая этимъ, слѣдовательно, существованіе высшаго класса (аристократіи, дворянства) и низшаго (народа, или пролетаріевъ). Но все же идея двухъ противоположныхъ классовъ у *Луи Блана* является преобладающей въ его исторической философіи. Эту идею онъ считалъ одной изъ основныхъ идей, тревожащихъ, по его представленію, общественную мысль 18-го вѣка: „Зачѣмъ, спрашивалъ онъ, классы, рождающіеся счастливыми, а въпизу—безчисленныя толпы существъ стонущихъ, голодныхъ, доведенныхъ до отчаянія?“²⁶⁾ Отвѣтъ и разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ *Луи Бланъ* находилъ только въ борьбѣ; этотъ отвѣтъ можетъ быть найденъ, говоритъ онъ, только цѣною бунта.

Такъ или иначе, у *Луи Блана*, какъ историка, мы находимъ идею классовъ, классовыхъ интересовъ, классового антагонизма и идею борьбы классовъ. Эти идеи не имѣли у него особенно глубокаго и развитаго содержанія и теоретической разработки. Такъ, напримѣръ, опредѣляя буржуазію, *Луи Бланъ* не смогъ строго отграничить труда отъ капитала; онъ соединяетъ съ буржуазіей еще представленіе о трудѣ и трудовой дѣятельности („совокупность гражданъ, которые... работаютъ“ и т. д.). Во всякомъ случаѣ, однако, идеи *Луи Блана*, такъ же какъ и *Гизо*, *Мишье*, *Тьерри*, не могли оставаться безъ вліянія на развитіе общественной мысли

²⁵⁾ *Louis Blanc, ibid., t. I, стр. 350.*

²⁶⁾ *Louis Blanc, ibid., стр. 317.*

и сыграли видную роль въ исторіи возникновенія и роста проблемы классовъ.

Подводя общій итогъ вліянію французскихъ историковъ на развитіе идеи классовъ, мы должны прійти къ заключенію, что распространенное, особенно въ нѣмецкой экономической наукѣ, представленіе о степени этого вліянія (*Шмоллеръ, Зомбартъ*), слишкомъ преувеличено. Если въ „Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert“ (Berlin 1909, гл. 17-ая) *Вернеръ Зомбартъ* говоритъ, что въ сочиненіяхъ *Гизо, Минье* и *Луи Блана* „содержится все, что можно сказать о сущности и процессѣ образованія социальныхъ классовъ“, то это совершенно не соответствуетъ дѣйствительности. Всѣ упомянутые французскіе историки, несомнѣнно, толкнули впередъ идею общественныхъ классовъ; они выставили борьбу классовъ, какъ дѣйствительно важный факторъ въ исторіи народовъ и особенно великой французской революціи; они считались съ классовымъ расчлененіемъ, по крайней мѣрѣ, новаго общества, какъ съ непереложнымъ фактомъ; они затронули вопросъ о происхожденіи социальныхъ классовъ, еще ранѣе поднимаемый, однако, наприм., *Сенъ-Симономъ*; они пробовали представить полную исторію возникновенія и роста буржуазіи; они искали социологическихъ основъ образованія классовъ и классового расчлененія; они подходили къ опредѣленію и самого понятія социального класса. Но, какъ мы могли убѣдиться, все это носило характеръ довольно смутный, имѣло видъ неразработанности, неясности, отсутствія выдержанности: наилучшее опредѣленіе класса (у *Луи Блана*), обнаруживало, напримѣръ, недостаточно ясное представленіе о соотношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ въ новомъ классовомъ обществѣ; основа образованія классовъ, сводившаяся у нихъ къ расовому фактору и къ завоеванію одного народа другимъ, выставлялась у нихъ безъ достаточныхъ доказательствъ и оставляла широкое мѣсто для ударовъ научной критики (см. ниже о расовой теоріи общественныхъ классовъ); идея двухъ классовъ у нихъ нерѣдко пересѣкалась съ идеей трехчленного классового дѣленія; самую борьбу классовъ они считали большимъ социальнымъ зломъ и старались всячески пайти компромиссный путь социального развитія, проповѣдуя вмѣсто классовой борьбы

соціальний миръ (Гизо, Луи Бланъ). Въ концѣ концовъ, „существо и процессъ классового образованія“ остались у нихъ именно далеко не раскрытыми. Въ этомъ отношеніи болѣе плодотворнымъ явилось во Франціи движеніе соціалистической мысли, подъ непосредственнымъ влияніемъ которой находились сами французскіе историки реставраціонной эпохи. Къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ моментовъ въ движеніи соціалистической мысли Франціи, поскольку въ ней находила себѣ мѣсто идея общественныхъ классовъ, мы и переходимъ.

III. Идея классовъ у французскихъ соціалистовъ-утопистовъ.

Къ концу XVIII-го столѣтія, великая французская революція породила въ общественномъ сознаніи Франціи уже съ достаточной опредѣленностью, какъ мы видѣли, идею общественныхъ классовъ. Съ развитіемъ капитализма и усложненіемъ общественныхъ отношеній, идея соціальныхъ классовъ постепенно выростала въ сложную проблему, при чемъ первыми проводниками и проводниками идеи общественныхъ классовъ во Франціи явились, главнымъ образомъ, представители соціалистическаго ученія.

Какъ извѣстно, во Франціи соціализмъ отличался большою долей утопизма и романтизма, особенно въ первой половинѣ XIX-го вѣка. Благодаря этому утопизму, соціалистическая мысль Франціи никогда не смогла поставить проблему общественныхъ классовъ на прочный, строго-научный теоретическій фундаментъ. Зато, во французской соціалистической мысли постепенно развивался и складывался тотъ общій соціологическій базисъ, на почвѣ котораго ученіе о соціальныхъ классахъ пріобрѣтало себѣ широкій соціологическій фундаментъ и находило правильный методъ для своей разработки.

Наиболѣе плодотворными и содержательными, хотя и изложенными въ чрезвычайно неяской и нерѣдко противорѣчивой формѣ, явились въ развитіи идеи общественныхъ классовъ взгляды, прежде всего, знаменитаго *Сенъ-Симона*.

Мы уже отмѣчали, какъ важно было для развитія проблемы классовъ появленіе соціальной точки зрѣнія при изслѣдованіи

общественной жизни и возникновение той социологической концепции, которая кладетъ въ основу социальнаго развитія принципъ борьбы классовъ въ качествѣ важнѣйшей двигательной социальной силы. Первые шаги въ направленіи къ этому „социальному методу“ и историческому материализму, какъ социологической концепции, и дѣлаетъ *Сенъ-Симонъ*.

Въ своихъ „Lettres d' un habitant de Genève à ses contemporains“ (1802) *Сенъ-Симонъ* еще близокъ къ органической основѣ социальнаго изслѣдованія. Во второмъ письмѣ онъ пишетъ: „Друзья мои, всѣ мы представляемъ собою органическія тѣла; и планъ, который я вамъ предлагалъ, я составилъ, разсматривая наши общественныя отношенія, какъ явленія физиологическія; и я докажу вамъ его пригодность при помощи соображеній, очерпнутыхъ въ той системѣ, которой я пользуюсь для установленія связи между физиологическими явленіями.“¹⁾

Подпѣе, въ „Physiologie sociale“ *Сенъ-Симонъ* точно также пишетъ, что „общество не есть простая совокупность живыхъ существъ, ...наоборотъ, соединеніе людей образуетъ самостоятельное существо, развивающееся подобно индивиду“.²⁾ Но такое органическое пониманіе общества у *Сенъ-Симона* стояло вѣтъ всякой связи съ общимъ и основнымъ направленіемъ его мысли, которая довольно замѣтно пропитана идеями, легшими впоследствіи въ основу историческаго материализма: *Сенъ-Симонъ*—врагъ метафизики; онъ всячески старается „объявить ей войну и поставить факты на мѣсто разсужденій метафизиковъ“³⁾; онъ старается освѣщать общественные факты исторически, каждому „социальному строю“ приписывая свой опредѣленный характеръ, отвѣчающій данной исторической эпохѣ⁴⁾; онъ находитъ, что научныя предсказанія возможны только на основаніи того, что уже произошло; въ исторіи народовъ онъ видитъ постоянно протекавшую борьбу классовъ и съ точки зрѣнія классовой борьбы онъ

1) *Saint-Simon. Oeuvres. Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains. Capelle, Libraire-Editeur, Paris, 1841, стр. 39.*

2) *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. Paris 1865—1878. v. X, стр. 173, 179.*

3) *Saint-Simon. Oeuvres. Catéchisme politique des industriels. Paris 1841, стр. 39/40.*

4) *Saint-Simon. Oeuvres, ibid., стр. 45.*

понецъ объясненія французской революціи и исторіи Франціи вообще.

Видъ всякаго сомнѣнія, идеи классовъ и классовой борьбы дала *Сенъ-Симону* великая французская революція. Вмѣстѣ съ „соціальной точкой зрѣнія“, или вѣрнѣе—съ зачатками „соціального метода“, какъ основы будущей соціологической концепціи историческаго матеріализма, эти идеи дали возможность *Сенъ-Симону* высказать рядъ цѣнныхъ, глубокихъ, хотя иногда смутно сознанныхъ и не всегда поэтому стройныхъ своею внутреннею логическою связью, положеній по вопросу объ общественныхъ классахъ. Эти положенія у *Сенъ-Симона* сводятся къ слѣдующему.

Человѣчество, по *Сенъ-Симону*, распадается на три класса: *первый классъ*—это ученые, артисты и всѣ вообще, раздѣляющіе либеральныя идеи; въ рукахъ ученыхъ и артистовъ—„скипетръ общественнаго мнѣнія“; этотъ классъ можетъ быть носителемъ новыхъ идей; онъ можетъ повести общество къ новому строю, пересоздать его путемъ просвѣщенія и знанія и взять на себя руководство и организацію новаго общества; это классъ, идущій подъ флагомъ прогресса человѣческаго разума; *второй классъ*—это классъ собственникоу; на знамени его написано: никакихъ нововведеній! это классъ консервативный и сравнительно малочисленный; *третій классъ*—по имѣющимъ собственности, обнимающій все остальное человечество; основной принципъ, объединяющій этотъ классъ,—идея равенства. Первый классъ идетъ въ союзъ съ немущими; поэтому, первый и третій классы могутъ быть противопоставлены второму, или классу собственникоу. Между тѣми и другими, т. е. между классомъ имущихъ и классомъ немущихъ, „всегда и неизбежно, къ силу самой природы вещей, происходитъ борьба.“ Отношенія между классомъ имущимъ и классомъ немущихъ являются отношеніями господства и подчиненія; первые командуютъ, управляютъ, принуждаютъ работать на себя послѣднихъ. Хотя немущихъ и во много разъ больше, чѣмъ богатыхъ, тѣмъ не менѣе богатые повелѣваютъ бѣдными; это происходитъ потому, что собственники, хотя ихъ и гораздо меньше числомъ, обладаютъ большей степенью просвѣщенія; „въ интересахъ же общаго блага господство должно рас-

предѣляться пропорціонально просвѣщенію“.⁵⁾ Причины возникновенія господства въ обществѣ коренятся въ человѣческой психикѣ: „длиннымъ рядомъ наблюденій удостовѣренъ тотъ фактъ, что каждый человѣкъ испытываетъ въ большей или меньшей степени желаніе господствовать надъ всѣми остальными людьми.“ Но какъ бы тамъ ни было, фактъ господства не можетъ не вызывать раздраженія со стороны управляемыхъ; послѣдніе борются, оказываютъ противодѣйствіе. Эта борьба приводитъ къ тому, что въ настоящій моментъ (1802) всѣ передовые народы (Франція, Италия, Англія, Германія) испытываютъ на себѣ кризисы, „которые не можетъ предотвратить никакая сила въ мірѣ“, и идутъ по пути къ тому всеобщему броженію, которое испытывало уже французское населеніе и при которомъ „всѣ отношенія между членами одной и той же страны становятся ненадежными, а величайшій изъ всѣхъ бичей—анархія свободно производитъ свои опустошенія до тѣхъ поръ, пока обусловливаемая ею нищета не порождаетъ въ дуплѣ даже самыхъ нечужестранныхъ членовъ общества желанія возстановить порядокъ“.⁶⁾ Выходъ изъ такого состоянія анархіи и кризисовъ ищется. Для этого нужно лишь существенно перереформировать существующій строй общества въ такомъ направленіи, чтобы люди непросвѣщенные работали физическимъ трудомъ, а люди науки и знанія управляли, но чтобы право выбора власти принадлежало всему народу. „Я думаю, говоритъ *Сенъ-Симонъ*, что всѣмъ классамъ общества будетъ хорошо при такомъ устройствѣ: духовная власть—въ рукахъ ученыхъ, свѣтская власть—въ рукахъ собственниковъ; власть же выбирать людей, призванныхъ выполнять обязанности великихъ вождей человѣчества—въ рукахъ всего народа.“⁷⁾

Всѣ эти идеи, высказанныя еще въ 1802 г., *Сенъ-Симонъ* продолжаетъ развивать и позднѣе: въ „*Système industriel*“, въ „*L'Organisateur*“ и особенно въ „*Catéchisme des industriels*“ идеи *Сенъ-Симона* находятъ себѣ большее развитіе и болѣе закрѣпля-

⁵⁾ *Saint-Simon*. Oeuvres. Lettres d'un habitant de Genève. Paris 1811, стр. 40.

⁶⁾ *Saint-Simon*. Oeuvres, ibid., стр. 29-30.

⁷⁾ *Saint-Simon*. Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains. Oeuvres Paris 1811, стр. 47-48.

ются. Но здѣсь *Сенъ-Симонъ* видитъ въ современномъ обществѣ не три класса, а два. Соціальная организація прошлаго и настоящаго обнаруживаетъ, говоритъ *Сенъ-Симонъ*, существованіе въ обществѣ двухъ классовъ: класса командующаго и класса подчиненнаго, или управляющаго и управляемаго. Большая ошибка думать, что „командующіе классы“ находятся въ согласіи съ народомъ; этого согласія, по мнѣнію *Сенъ-Симона*, быть не можетъ, такъ какъ оно противорѣчитъ природѣ вещей; всякое же общество, построенное на учрежденіяхъ различной природы, гдѣ одновременно существуютъ два взаимно враждующихъ принципа, находится въ состояніи разстройства, безпорядка.⁸⁾ Таковымъ рисуетъ *Сенъ-Симонъ* общество въ новое время. Но таково оно было, по его представленію, и въ древнее время; въ древнемъ Римѣ оно раздѣлялось на два большихъ класса: на господъ и рабовъ; въ свою очередь, классъ господъ распадался на двѣ касты—на патриціевъ и безправныхъ плебеевъ; послѣдніе подчинялись законамъ, въ составленіи которыхъ не участвовали. Ко времени средневѣковья—ко времени *Лютера*—соціальная организація покоилась уже на новыхъ основахъ: рабство было почти совершенно устранено; патриціи уже не владѣли исключительнымъ правомъ законодательства; изъ класса плебеевъ образовалась уже аристократія таланта, а также и богатства, которая стояла на одномъ рынкѣ съ родовой аристократіей; еще позднѣе, къ нашему времени, рабство окончательно исчезло; классы же стали отдѣляться между собою лишь незначительными границами.⁹⁾ Это происхожденіе двухъ различныхъ классовъ—управляемыхъ и командующихъ—теряется, въ представленіи *Сенъ-Симона*, въ далекомъ прошломъ; оно лежитъ въ завоеваніи одного народа другимъ; такъ, послѣ переселенія франковъ въ Галлію образовалось два различныхъ класса: франки—господа и галлы—рабы; завоеватели стали господами, завоеванные—рабами; но позднѣе, съ развитіемъ обмѣна и денежной потребности, особенно со времени крестовыхъ походовъ, въ средѣ подчиненнаго класса, начинаетъ вырастать

8) *Saint Simon. Oeuvres. Cathéchisme politique des industriels. Paris 1841, стр. 37-39.*

9) *Saint-Simon. Oeuvres. Nouveau Christianisme. Paris 1841, стр. 136-137.*

денежный капиталъ, развиваться ремесла и торговля, образовываться „буржуазія“, активно выступившая въ революціи 1789 года.

Итакъ, по мнѣнію *Сенъ-Симона*, какъ общество пропало, такъ и современная система покинута на подчиненіи и господствѣ. Благодаря этому, современная социальная организація представляется *Сенъ-Симономъ* весьма несовершенной: люди въ ней до сихъ поръ еще позволяютъ себя эксплуатировать посредствомъ насилия и обмана; въ политическомъ отношеніи родъ человеческій еще погруженъ въ безправственность, такъ какъ ученые, артисты и промышленники, работа которыхъ дѣйствительно полезна обществу, подчинены правительственнымъ властямъ, являющимся лишь неспособными рутинерами, а великіе преступники и всеобщіе воры („les plus grands coupables, les voleurs généraux“), угнетающіе гражданъ и отнимающіе у нихъ производимый ими продуктъ, облечены властью;—иначе говоря, во всѣхъ родахъ занятій неспособные люди руководятъ способными, самые безправственные призваны блюсти въ людяхъ добродѣтель и т. д.¹⁰⁾ Господство и подчиненіе—это, по мнѣнію *Сенъ-Симона*, какъ бы общій принципъ социальной организаціи пропалаго и настоящаго. Въ частности же каждая историческая эпоха, думаетъ *Сенъ-Симонъ*, имѣетъ свой общественный строй съ своимъ опредѣленнымъ классовымъ расчлененіемъ. До великой революціи было три большихъ социальныхъ класса: дворяне, буржуазія (городское сословіе) и промышленники, причемъ дворяне были правящимъ классомъ, а буржуазія и промышленники—подчиненными классами. Непосредственно же послѣ революціи, Франція раздѣлилась всего на два класса: классъ буржуазіи, которая являлась главнымъ активнымъ дѣятелемъ революціи и вошла въ классъ правящихъ, и классъ „промышленниковъ“, которые одни остались подчиненными буржуазіи. Что же это за буржуазія и что такое промышленники? Буржуазія—говоритъ *Сенъ-Симонъ*—это, военные не дворянскаго происхожденія, юристы, разночинцы и рантыеры, не пользовавшиеся привилегіями“; въ политическомъ отношеніи это—либераль-

¹⁰⁾ *Saint-Simon. Oeuvres. „Parabole de Saint-Simon“ (1819). Изъ „Organisateur“—Paris 1841, стр. 79-80.*

лы; „промышленники“ же, составляющіе ²⁴/₂₅ націи, представляютъ классъ управляемыхъ; они производятъ все богатства въ странѣ; въ ихъ рукахъ вся денежная сила; но въ силу того, что они не объединены, они поработены дворянами, военными, юристами, раптьерами и бюрократіей; они состоятъ изъ хлѣбопашцевъ, фабрикантовъ, купцовъ и рабочихъ; „промышленникъ—это человекъ, работающій съ цѣлью производства матеріальныхъ благъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей“; это классъ наиболѣе способный и наиболѣе полезный для общества; онъ является носителемъ новыхъ идей; въ немъ уже имѣтъ стремленія командовать, хотя, равнымъ образомъ, онъ не склоненъ и подчиняться; это классъ, несущій съ собой идеи равенства и социальнаго мира; ему дано перереформировать общество, сдѣлавшись первымъ классомъ по знанію своему и роли въ обществѣ; а это будетъ тогда, когда промышленный классъ будетъ обладать своимъ собственнымъ политическимъ мнѣніемъ, которое будетъ въ то же время тогда и общественнымъ мнѣніемъ, благодаря численному преобладанію этого класса; „общественное же мнѣніе, по пословицѣ, владыка міра; выразителемъ этого общественнаго мнѣнія долженъ явиться король, такъ какъ „вполнѣ соответствуетъ природѣ вещей, чтобы король носилъ титулъ перваго члена первенствующаго класса французовъ“. Итакъ, промышленному классу дано установить совершенное равенство, благодѣяніе и социальный миръ, устранивъ дворянъ, военныхъ, юристовъ и раптьеровъ отъ власти и передавши функціи управленія наиболѣе достойнымъ изъ своей среды. Но это должно быть сдѣлано, предостерегаетъ *Сенъ-Симонъ*, „единственно мирными средствами, т. е. обсужденіемъ, доказательствами и убѣжденіемъ“).

Отцѣнивая и сводя къ общему итогу взгляды *Сенъ-Симона* по вопросу о социальныхъ классахъ, мы находимъ: 1) *Сенъ-Симонъ* впиталъ въ своемъ міровоззрѣніи и ученіи все новыя идеи, порожденныя великой революціей, но не смогъ воплотить ихъ въ стройную систему и дать имъ ясную форму; 2) въ своемъ ученіи

1) *Saint-Simon, Oeuvres. Catéchisme politique des industriels. Paris 1811, стр. 76, 76 и др.*

объ общества и его составныхъ элементахъ *Сенъ-Симонъ* ближе къ идеѣ двухъ классовъ, чѣмъ къ идеѣ трехчленнаго разслоенія; 3) *Сенъ-Симонъ* правильно формулируетъ общую соціологическую сторону идеи классовъ, устанавливая существованіе классовъ правящаго и управляемаго, но разработка этой общей идеи, такъ же какъ и примѣненіе ея къ фактамъ переживаемой эпохи ему не давались; 4) социальная категорія „промышленниковъ“, какъ особаго класса, складывалась у *Сенъ-Симона* изъ совершенно гетерогенныхъ, антагонистическихъ элементовъ, обнимая собою однихъ и собственниковъ средствъ производства и пролетаріевъ; этого антагонизма *Сенъ-Симонъ* не видѣлъ; 5) устанавливая отношенія господства и подчиненія, *Сенъ-Симонъ* не уяснялъ себѣ экономической сущности отношеній труда и капитала; 6) благодаря послѣднему обстоятельству, *Сенъ-Симонъ* въ своемъ ученіи затушовываетъ ясно обозначившееся въ моментъ французской революціи разложеніе „третьяго сословія“ на буржуазію и пролетаріатъ, какъ расхожденіе двухъ полюсовъ, вокругъ которыхъ обрзовывалась социальная организація капиталистическаго общества; 7) устанавливая въ исторіи человѣческаго общества идею борьбы классовъ, *Сенъ-Симонъ* видитъ, однако, въ борьбѣ классовъ причину „соціального разстройства“; онъ склоненъ къ признанію факта сглаживанія этой борьбы и смятченія ея, по мѣрѣ развитія общественнаго прогресса; онъ больше вѣритъ въ благотѣльное дѣйствіе силы нравственнаго чувства и устной и печатной проповѣди, чѣмъ въ благотѣльную силу борьбы классовъ; 8) несмотря на высказываніе взглядовъ, близкихъ къ органическому пониманію общества, и на развиваемую имъ идею расовой основы возникновенія социальныхъ классовъ путемъ завоеваній, *Сенъ-Симонъ* впервые закладываетъ научный фундаментъ для соціологической доктрины историческаго матеріализма, имѣвшей огромное вліяніе на развитіе ученія объ общественныхъ классахъ; 9) общая основа социальныхъ классовъ у *Сенъ-Симона*—экономическая, какъ это вытекаетъ изъ общей совокупности взглядовъ и воззрѣній *Сенъ-Симона*; эта экономическая основа класса не веоду, однако, выдержана у него, благодаря сильно выраженнымъ въ ученіи *Сенъ-Симона* утопическимъ элементамъ.

Уже ближайшіе ученики *Сенъ-Симона* стали освобождать его ученіе отъ содержащихся въ немъ неясностей и противорѣчій въ вопросѣ объ общественныхъ классахъ. Въ данномъ случаѣ, послѣдователи *Сенъ-Симона* находились подъ вліяніемъ, помимо своего учителя, также идей женеваца *Сисмонди*, развитыхъ послѣднимъ, главнымъ образомъ, въ его „Nouveaux principes d'Économie politique“.¹²⁾ *Сисмонди* развиваетъ здѣсь идею двухъ социальныхъ классовъ, лежащихъ въ основѣ общества; эти классы являются у него подъ различными наименованіями; то класса богатыхъ и класса бѣдныхъ, то класса праздныхъ и класса трудового, то класса капиталистовъ и класса рабочихъ. Послѣднія двѣ категоріи *Сисмонди* во всякомъ случаѣ уже хорошо знакомы. Вместе съ тѣмъ, *Сисмонди* опредѣленно говоритъ и о противоположныхъ интересахъ между капиталистомъ и рабочимъ и о постоянно происходящихъ столкновеніяхъ и борьбѣ между ними,—борьбѣ, по его мнѣнію, далеко не равной.¹³⁾ Классовое разслоеніе въ современномъ обществѣ *Сисмонди* строитъ, при этомъ, всецѣло на распредѣлительной основѣ; въ неравномѣрномъ распредѣленіи онъ видитъ основной источникъ социального зла. Исходя изъ распредѣленія, онъ приходитъ къ установленію собственно четырехъ социальныхъ классовъ, соответствующихъ четыремъ видамъ національнаго дохода (ренды, процента, прибыли и заработной платы): землевладѣльцы, „Национальный доходъ—говоритъ *Сисмонди*—рождается благодаря „Национальный доходъ—говоритъ *Сисмонди*—рождается благодаря совместной дѣятельности четырехъ классовъ, а именно: землевладѣльцевъ, капиталистовъ, всѣхъ тѣхъ, кто примѣняетъ капиталы въ той или иной отрасли промышленности, и поденщиковъ (les journaliers)“.¹⁴⁾ Но ради простоты и удобства изслѣдованія социальной борьбы между классами, которую *Сисмонди* считаетъ чрезвычайно важной, онъ допускаетъ методологическую абстракцію (научно вполне правильную), соединяя въ одну категорію

¹²⁾ *Simonde de Sismondi*, Nouveaux Principes d'Économie politique, ou de la richesse dans les rapports avec la population. Tome I—II. Paris 1819 (второе изданіе—1827).

¹³⁾ *S. de Sismondi*, *ibid.*, (1827), I, стр. 103, 408; II, стр. 347, 348.

¹⁴⁾ *S. de Sismondi*, *ibid.*, II, стр. 165.

доходы съ земли и съ капитала, въ какой бы формѣ послѣдній ни былъ вложенъ въ дѣло, и противопоставляя этой категоріи антагонистическую ей категорію заработной платы.¹⁵⁾ Отсюда *Сисмонди* получаетъ свою двучленную формулу социальной борьбы и социальных классовъ: одного класса труда (рабочихъ) и другого—класса богатства (капиталистовъ), „классъ владѣльцевъ накопленнаго труда, обладающаго досугомъ, и классъ лицъ, владѣющихъ лишь физической силой и продающихъ свой трудъ“.¹⁶⁾ Разобщеніе, противоположность интересовъ и борьбу между этими двумя социальными классами *Сисмонди* считаетъ, однако, результатомъ искусственной организаціи общества. Онъ хочетъ направить общественную жизнь по „естественному ходу общественного прогресса“, признавая возможнымъ устранить антагонизмъ и борьбу классовъ. *Сисмонди* вѣрить, подобно *Сенъ-Симону*, что при извѣстныхъ условіяхъ возможна солидарность между трудомъ и капиталомъ. По его мнѣнію, социальной гармоніи, союза труда и капитала можно достигнуть „властью законодателя“; онъ предлагаетъ въ данномъ случаѣ рядъ социальныхъ реформъ: насакденіе законодательнымъ порядкомъ мелкаго землевладѣнія и земледѣлія, борьбу съ ростомъ крупной промышленности, развитіе и поощреніе средней и мелкой промышленности, участіе рабочихъ въ прибыли предпринимателя, обязанность предпринимателей содержать рабочихъ въ случаѣ ихъ болѣзни, инвалидности, старости, безработицы и т. д.¹⁷⁾; разобщеніе между хозяиномъ и рабочимъ *Сисмонди* не считаетъ неизбежной необходимостью. Путемъ „медленныхъ косвенныхъ мѣръ со стороны законодательства“ *Сисмонди* думаетъ побороть и упиточить классовое расчлененіе со всѣми его ужасными социальными послѣдствіями. Въ послѣднемъ—выдѣленъ весь утопизмъ *Сисмонди*, который замѣтенъ и у *Сенъ-Симона* и который такъ присущъ французскимъ социалистамъ первой половины XIX в. Характерна двойственность *Сисмонди* въ установленіи категоріи рабочаго въ отношеніи послѣдняго къ капиталу: съ одной стороны, по *Сисмонди*, рабочій, какъ представитель тру-

15) *S. de Sismondi*, *ibid.*, стр. 105 (изд. 1810 г.).

16) *S. de Sismondi*, *ibid.*, II, стр. 347.

17) *S. de Sismondi*, *ibid.*, II, стр. 365-366

да, противостоять капиталисту, какъ представителю капитала, являясь передъ послѣднимъ лишеннымъ какой бы то ни было собственности; съ другой стороны, отдѣленіе работника отъ хозяина, т. е. труда отъ капитала, *Сисмонди* не считаетъ неизбежнымъ. Эта двойственность, мѣшавшая опредѣленности и ясности возрѣшій французскихъ утопистовъ на классовыя отношенія въ капиталистическомъ обществѣ, повторяется, какъ мы увидимъ, у большинства изъ нихъ, являясь основной чертой утопизма.

Идеи *Сисмонди* не оставались безъ вліянія на учениковъ и послѣдователей *Сень-Симона*, способствуя развитію тѣхъ глубокихъ и плодотворныхъ положеній, которыя такъ туманно и такъ противорѣчиво были изложены у *Сень-Симона*. Такъ, уже у *Анфантэна* мы находимъ болѣе ясное и болѣе отвѣчающее дѣйствительности того времени представленіе о правящемъ и управляемомъ классахъ, чѣмъ оно было у его учителя. Въ то же время *Анфантэнъ* не оставляетъ и тѣхъ прочныхъ основъ сень-симонизма, развитіе которыхъ обеспечивало болѣе правильный путь установленія и разрѣшенія проблемы классовъ. Въ „*Economie politique et politique*“ *Анфантэнъ* говоритъ о великой политической проблемѣ, обнимающей въ одно и то же время существованіе и отношенія *владѣющихъ* и *невладѣющихъ*, т. е. людей, живущихъ на свои доходы, и тѣхъ, кто живетъ на свой собственный трудъ, иначе говоря—праздныхъ и людей труда. Рѣчь идетъ у него, такимъ образомъ, о двухъ социальныхъ классахъ: рабочемъ и перабочемъ, производительномъ и праздномъ, низшемъ и высшемъ. Классъ праздныхъ, къ счастью, замѣчаетъ *Анфантэнъ*, классъ весьма немногочисленный. Это классъ тѣхъ, кто „все хотѣлъ бы потреблять, ничего не производя“. Это классъ, владѣющій орудіями труда, въ то время какъ другой классъ, классъ рабочихъ отдаетъ трудъ въ наемъ. Первый классъ живетъ на прибыль, послѣдній—только на собственный трудъ. Согласно законамъ развитія человеческого общества („по политическому человеческому закону“), праздность обрекаетъ представителей перваго класса—землеулабѣльцевъ, капиталистовъ, баркировъ—на прогрессирующее вырожденіе; въ то время какъ трудъ постепенно завоевываетъ себѣ уваженіе. Трудъ и праздность, классъ трудящихся и тунеядцевъ—

это двѣ враждующія силы. Одна сила—мира, другая—меча. Ихъ раздѣляютъ не только различные интересы, но и прямо противоположныя, въ силу чего между ними происходитъ постоянная борьба. Сама же противоположность интересовъ между этими двумя классами происходитъ, по мнѣнію *Анфантэна*, оттого, что въ то время какъ одинъ классъ, классъ тунеядцевъ, проводитъ или можетъ проводить время въ праздности, другой классъ, классъ труда, работаетъ и ни на годъ, ни на мѣсяцъ, ни даже на одинъ хотя бы день не можетъ отказаться отъ работы безъ того, чтобы не голодать. Но эта война между двумя противоположными классами дастъ толчокъ развитію общества, она служитъ лучшимъ доказательствомъ способности человѣчества къ совершенствованію. Эта война исчезнетъ тогда лишь, когда людей объединитъ общій интересъ, когда они организуются не на началахъ „общества“, а на началахъ „товарищества“, при которомъ уже не будетъ мѣста эксплуатаціи одного класса другимъ.

Современную ему социальную организацію *Анфантэнъ* рисуетъ, какъ вѣкъ буржуазіи. „Буржуа же—говоритъ онъ—это человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ и который, поэтому, боится тѣхъ, кто что-нибудь дѣлаетъ; онъ живетъ на трудъ другого; вслѣдствіе этого онъ въ постоянной заботѣ о томъ, какъ бы его кормилецъ не сократилъ ему жизненнаго содержанія.“¹⁸⁾

Проблему классовъ *Анфантэнъ* представляетъ собственно въ формѣ „соціального вопроса“, который въ настоящее время, говоритъ онъ, поставленъ ясно и становится яснѣе съ каждымъ днемъ, благодаря старанію тѣхъ, кто дѣлалъ все возможное, чтобы его затормозить и затемнить. Этотъ „соціальный вопросъ“ выражается въ томъ, по мнѣнію *Анфантэна*, что на одной сторонѣ мы видимъ многочисленный и бѣднѣйшій классъ тѣхъ, у кого отсутствуютъ и образованіе, и воспитаніе, и хлѣбъ; на другой же—мы находимъ немногочисленный классъ ничего не дѣлающихъ собственниковъ. Отмѣчая этотъ „соціальный вопросъ“, *Анфантэнъ* указываетъ и на социологическую основу его разрѣшенія, слѣдующую въ данномъ слу-

¹⁸⁾ *Enfantin*, *Economie politique et politique*. Articles et traits du Globe. Paris 1832, стр. 73.

чаѣ пути, проложелному *Сенъ-Симономъ*. Эта основа—въ пониманіи общества съ точки зрѣнія социальна-классовыхъ отношеній. „Наука о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи, говоритъ *Анфантанъ*, прежде всего и всегда зависитъ отъ вида и способа, какими разсматриваются отношенія, существующія между тѣми, кто только *владеетъ*, и тѣми, кто только *работаетъ*. т. е. между тупеядцами и трудящимися“.¹⁹⁾

Указывая на необходимость изслѣдованія этихъ отношеній между общественными классами, *Анфантанъ* отводитъ мѣсто необходимости и историческаго изслѣдованія. „Мы знаемъ исторію королей, говоритъ онъ, но не знаемъ исторіи народа; мы знаемъ исторію нашей арміи, но не знаемъ исторіи индустріи“. Зарожденіе современной индустріи онъ находитъ, слѣдуя за своимъ учителемъ, въ образованіи и развитіи полусвободнаго сословія, стоявшаго некогда между дворянствомъ и третьимъ сословіемъ, т. е. между господами и крѣпостными; вышедшій изъ класса работъ, полусвободный, работающій и прилежный, понемному накопляющій и занятый сначала въ торговлѣ, этотъ классъ все же временемъ ложился на народныя массы, такъ какъ ставилъ въ образецъ для своего поведенія въ жизни своихъ прежнихъ господъ; представители этого класса явились первыми отцами современной индустріи; несмотря на свои отрицательныя стороны, они были людьми, которые, въ теченіе по крайней мѣрѣ трехъ столѣтій, внесли болѣе всего положительнаго въ эволюцію матеріальныхъ условий человѣческаго общества“.²⁰⁾ Очевидно, рѣчь идетъ о промышленной буржуазіи.

У *Анфантана*, какъ мы видимъ, идея двухъ социальныхъ классовъ, съ діаметрально противоположными интересами,—класса имущихъ и класса неимущихъ,—проведена болѣе рѣзко, чѣмъ у его учителя (*Сенъ-Симона*); но, такъ же какъ и *Сенъ-Симонъ*, *Анфантанъ* разсматриваетъ общество съ точки зрѣнія социальна-классовыхъ отношеній; при этомъ, понятіе „буржуазіи“ у *Анфан-*

¹⁹⁾ *Enfantin*, *ibid.*, въ иѣм. перел. (Leipzig 1907, изд. подъ ред. Georg'a Adler'a), стр. 67.

²⁰⁾ *Enfantin*, *ibid.*, стр. 65.

тэни уже болѣе правильно и болѣе точно, чѣмъ у *Сень-Симона*; въ общемъ, однако, въ развитіе идеи общественныхъ классовъ *Анфантанъ* не прибавилъ собственно ничего новаго и существеннаго къ содержанію ученія *Сень-Симона*, подчеркивъ лишь болѣе опредѣленно, чѣмъ его учитель, производственные отношенія, какъ основу социальныхъ классовъ.

Такую же позицію въ отношеніи къ идеѣ общественныхъ классовъ, какъ и школа сень-симонизма, занимала въ общихъ чертахъ и школа *Фурье*, особенно въ лицѣ ея наиболѣе талантливыхъ представителей. Основнымъ фономъ ученія фурьеристовъ являлась та же идея „войны бѣднаго противъ богатаго“, какъ и у сенсимонистовъ. Не бьетъ ли въ глаза тотъ фактъ, спрашивать, напр., *Консидеранъ* въ „*Destinée sociale*“, что индивиды или классъ имѣютъ не владѣющихъ, не имѣющихъ въ своихъ рукахъ ни капитала, ни орудій производства, ни кредита для своего существованія, находится въ положеніи зависимости и социального плетства, которое носитъ разное имя: рабства, крѣпостничества, пролетаріата? Не безспорно ли, что, при любомъ политическомъ строѣ, существуетъ классъ, всѣ сочлены котораго, подъ угрозой наказанія голодной смерти для себя и семьи, принуждены каждый день чувствовать на себѣ господство другого класса? Въ нашемъ обществѣ „все яснѣе и яснѣе, говоритъ *Консидеранъ*, выявляются двѣ социальные категоріи: категорія тѣхъ, кто имѣетъ, и категорія неимѣющихъ“.²¹⁾ Онъ различаетъ низшій слой, или „паріевъ цивилизаціи“—пролетаріевъ и „промышленные“ низы (*les bas-industriels*)—и высшій слой—обладателей богатствъ, которымъ подчинены первые²²⁾ и которые находятся въ особо благоприятныхъ условіяхъ для увеличенія своихъ богатствъ, сравнительно съ положеніемъ неимѣющихъ. Въ эксплуатаціи современныхъ ему пролетаріевъ *Консидеранъ* видитъ „новое коллективное рабство, отдающее низшіе классы въ распоряженіе владѣльцевъ богатствъ, феодаловъ промышленности и собственниковъ,—рабство, ставшее на мѣсто стараго индивидуального рабства“.²³⁾

²¹⁾ *Victor Considérant, Destinée sociale. Paris 1835, 1 tome, стр. 192.*

²²⁾ *Victor Considérant, ibid., стр. 191.*

²³⁾ *Victor Considérant, ibid., стр. 204.*

Еще яснѣе и опредѣленнѣе *Консидеранъ* развиваетъ идею общественныхъ классовъ въ „*Principes du socialisme*“, въ известномъ „*Манифестѣ демократіи XIX-го столѣтія*“.²⁴⁾ Здѣсь мы встрѣчаемъ уже вполне опредѣленное противопоставленіе „пролетаріата“ „буржуазіи“, причемъ эти „категоріи“ *Консидеранъ* ставитъ на опредѣленную экономическую основу и даетъ имъ вполне опредѣленное историческое освѣщеніе. Свободные—плебей или патріцій—вели войны, читаемъ мы въ „*Principes du socialisme*“, а производителемъ былъ рабъ. Новый общественный строй выросъ изъ феодализма путемъ развитія промышленности, науки и труда. Въ наши дни развивается чрезвычайно важное явленіе—это могущественный и быстрый ростъ новаго феодализма, феодализма индустріальнаго и финансоваго, заступающаго постепенно мѣсто аристократіи стараго порядка. Онъ породилъ общее порабощеніе, подчиненіе массъ, лишенныхъ капиталовъ, орудій труда и образованія. Индустріальный феодализмъ, какъ и военный, создается побѣдой и господствомъ сильныхъ надъ слабыми. „Пролетаріатъ—это повѣйшее крѣпостное право“.²⁵⁾ Теперь самымъ рожденіемъ людей въ высшихъ или низшихъ слояхъ увѣковѣчиваются *классы*. Только теперь уже не законъ, не право и не политическій принципъ служатъ перегородкой, раздѣляющей двѣ крупныя категоріи (*catégories*) французскаго народа, а экономическая организація, сама социальная организація. Цивилизація, начатая дворянскимъ феодализмомъ, развитіе котораго освободило промышленные классы отъ личнаго порабощенія, въ наши дни завершается феодализмомъ индустріальнымъ, создающимъ общее порабощеніе рабочихъ.

Мы видимъ, что *Консидеранъ* классовое расчлененіе современнаго ему общества ставитъ на экономическій базисъ, выводитъ его изъ экономической организаціи общества. Классовый строй общества онъ рѣзко отличаетъ отъ предшествоващаго этому строю расчлененія общества, которое раньше строилось на правно-политической базѣ. Въ данномъ случаѣ, *Консидеранъ* близокъ къ тому, что—

²⁴⁾ Victor Considérant, *Principes du socialisme. Manifeste de la démocratie au XIX-e siècle*. Deuxième édition, Paris 1847.

²⁵⁾ Victor Considérant, *ibid.*, стр. 11.

бы понятіе соціального класса опредѣленно отрицать отъ понятія состоянія.

Консидеранъ устанавливаетъ два соціальныхъ класса, раздѣляющихъ общество: меньшинство, обладающее всемъ, и громадное большинство, лишенное всего; одни вооружены съ ногъ до головы, обучены, образованы, богаты; захватили всѣ лучшія позиціи; другіе—посѣжественны, раздѣлы, изгождались, будучи принуждены жить на скудную заработную плату, чтобы кормить и себя и своихъ антагонистовъ. Это, по мысли *Консидерана*, представители труда и капитала, причемъ трудъ и капиталъ—въ постоянной враждѣ между собою. Производственный мастерскій—ничто иное, по словамъ *Консидерана*, какъ поле вѣчной битвы между трудомъ и капиталомъ, этимъ хозяйству орудій труда.²⁶⁾ „Городскіе и сельскіе пролетаріи, говоритъ *Консидеранъ* въ другомъ мѣстѣ, взятыя коллективно, находятся въ полнѣйшей зависимости отъ класса, владѣющаго орудіями труда; этотъ великій экономическій и политическій фактъ выражается въ слѣдующей практической формулѣ: чтобы имѣть кусокъ хлѣба, каждый пролетарій долженъ найти себя господина; вмѣсто „господничать“, правда, теперь принято говорить „патронъ“, но нашъ языкъ въ своей неловкости упорно повторяетъ „господничать“ и онъ правъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не установится новый порядокъ, пока экономическія отношенія индустріальнаго, финансоваго и торговаго феодализма, при которыхъ мы живемъ, не замѣнятся новыми экономическими отношеніями новаго порядка“.²⁷⁾

Какъ вѣрный выразитель идей фурьеризма, *Консидеранъ*, однако, не свободенъ отъ элементовъ утопізма. Въ новомъ грядущемъ порядкѣ онъ не видитъ исчезновенія соціальныхъ классовъ; новый порядокъ представляется ему такимъ, гдѣ „индивидуализмъ добровольно комбинируется съ коллективизмомъ, гдѣ свобода уживается съ іерархическимъ строемъ, гдѣ капиталъ, т. е. доведенный до совершеннаго состоянія трудъ, сочетается съ трудомъ, т. е. капиталомъ, находящимся еще въ зачаточномъ состояніи; гдѣ всѣ ин-

²⁶⁾ Victor Considérant, ibidem, стр. 2—13.

²⁷⁾ Victor Considérant. Le socialisme devant le vieux monde ou le vivant devant les morts. Paris 1850, четв. изд. (первое въ 1848), стр. 14.

тересы, все права, все элементы общества, все классы найдутъ, наконецъ, себя законъ для братскаго слиянія и гармоническую равновѣснѣя“.²⁸⁾ Основной формулой консидерановскаго социализма является именно „установленіе братскихъ и гармоническихъ отношеній между всеми классами“, „свободной и добровольной ассоціаціи капитала, труда и таланта“.²⁹⁾

У *Консидерана* мы видимъ, такимъ образомъ, уже знакомую намъ идею двухъ классовъ, причемъ у него понятіе объ общественныхъ классахъ и характеръ классоваго расчлененія въ современномъ (капиталистическомъ) обществѣ уже значительно болѣе отпичены отъ тѣхъ послоній прошлаго и тѣхъ противорѣчій, которыя встрѣчались въ ученіи социалистовъ первыхъ десятилѣтій XIX-го вѣка. Въ ученіи *Консидерана* передъ нами стоятъ уже въ болѣе чистомъ видѣ отношенія хозяина и работника, труда и капитала, буржуа и пролетарія, капиталиста и рабочаго, эксплуатирующаго и эксплуатируемаго. Въ то же время, правда, въ идеяхъ *Консидерана* мы находимъ также и хорошо знакомыя намъ черты утопизма, характернаго какъ для фурьеризма, такъ одинаково и для сентимонизма, какъ мы на это уже выше указывали: это именно вѣра въ социальную гармонию, возможность и желательность ширкой ассоціаціи и дружнаго сожителства труда и капитала.

Но еще раньше *Консидерана* и съ еще болѣею ясностью и съ болѣею теоретической обоснованностью, развиваетъ идею классовъ *Бюрэ*, въ своей увѣчливой преміей французской академіи лаппиѣ „De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France“ (О нищетѣ трудящихся классовъ въ Англіи и Франціи).³⁰⁾ У *Бюрэ* мы находимъ уже указанія на производственную основу классоваго расчлененія и анализъ понятія классовъ съ точки зрѣнія отношеній въ производствѣ. Все увеличивающееся взаимное отчужденіе въ производствѣ двухъ его элементовъ—труда и капитала—вызываетъ—говоритъ *Бюрэ*—все обостряющійся антагонизмъ и войну между трудомъ и капиталомъ, между орудіями труда и человѣ-

²⁸⁾ *Victor Considérant*, *ibid.*, стр. 18.

²⁹⁾ *Victor Considérant*, *ibid.*, стр. 19.

³⁰⁾ *Eugène Buret*. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France; de la nature de la misère etc. I—II t., Paris 1840.

комъ, ихъ примѣняющимъ; можно признать за аксіому, что физическія и нравственныя условія рабочихъ съ точностью измѣряются положеніемъ ихъ относительно орудій труда и капитала, употребляемыхъ въ производствѣ.³¹⁾ Идея дружбы классовъ и отношенія между трудомъ и капиталомъ развиваются у *Бюро* съ ясностью и опредѣленностью. „Капиталъ—говоритъ онъ—сила. Онъ командуетъ трудомъ. Та система промышленнаго режима, которую мы изучаемъ, очевидно, имѣетъ тенденцію къ тому, чтобы капиталы переходили въ руки немногихъ, угрожая раздѣленію общества на два класса индивидовъ, съ противоположными интересами, съ тенденціей къ еще большему расхожденію и разобщенію между ними: одинъ классъ—владѣльцевъ орудій труда, капиталовъ и машинъ; другой—классъ тѣхъ, кто ничѣмъ не владѣетъ, кромѣ собственной жизни, и кто принужденъ ради существованія отдавать свой трудъ въ распоряженіе другихъ или заимать у другихъ орудія, необходимые для производства.“³²⁾

Соціальныя классы, въ представленіи *Бюро*,—производительныя категоріи: указывая на вытѣсненіе мелкой промышленности крупною, при машинномъ производствѣ, *Бюро* замѣчаетъ, что послѣднее дѣлаетъ участвующее въ производствѣ населеніе на два различныхъ класса, каждый съ противоположными интересами: на классъ капиталистовъ, какъ собственниковъ орудій производства, и на классъ наемныхъ работниковъ (*travailleurs salariés*).³³⁾ Подобно своимъ предшественникамъ, *Бюро* также пытается установить связь между переживаемымъ классовымъ расчлененіемъ общества и социальнымъ строеніемъ античнаго міра и средневѣковья. Древніе рабы, говоритъ онъ, бывшіе собственностью ихъ господъ, превратились въ крупнотныхъ и вассаловъ въ эпоху вавилонства и дѣлались рабами земли, а не человека; послѣ же ряда измѣненій въ наши дни, они стали свободными по отношенію къ людямъ, но остались юридическими вещами, стали рабами потребностей собственнаго организма, насильно обреченными на еще большее изнуреніе и страданія, чѣмъ рабы, и при меньшей увѣрен-

³¹⁾ *Eugène Buret*, *ibid.*, стр. 337 и 126, т. II.

³²⁾ *Eugène Buret*, *ibid.*, II, стр. 205.

³³⁾ *Eugène Buret*, *ibid.*, II, стр. 165.

ности въ завтрашнемъ днѣ. Пролетаріи, живущіе только на заработную плату,—прямые потомки крѣпостныхъ, какъ послѣдствіе были потомками древнихъ рабовъ. Крѣпостная цѣль была разбита, но кольцо, приковывавшее къ рабству, оставалось, и не одинъ изъ ожесточеннѣйшихъ тащитъ на себѣ обрывки этой цѣли.³⁴⁾ Здѣсь мы находимъ у *Бюрэ* характерную для французской социалистической мысли черту широкаго историческаго кругозора, не ограничивающагося эпохой индустриализма, а захватывающаго въ цѣль социальнаго анализа всю исторію человѣческаго развитія, съ момента образованія и появленія рабства, и сводящаго весь прогрессъ социальной организациі въ одну неразрывное цѣлое.

Развивая идею социальныхъ классовъ, *Бюрэ* опредѣленно различаетъ понятіе класса отъ понятія касты, сословія. „Въ тѣ времена,—говоритъ онъ, между прочимъ,—когда націи были раздѣлены на двѣ касты, между которыми абсолютно не могло быть никакого сближенія, именно—на дворянство и крѣпостное крестьянство, было много больше равенства между классами, участвующими въ производствѣ, чѣмъ въ настоящее время, когда, тѣмъ не менѣе, равенство является первой статьёй основныхъ законовъ страны“³⁵⁾. Но *Бюрэ* все же не чуждъ того утопізма, которымъ полна школа фурьеризма и сент-симонизма. Для реконструирования общества онъ возлагаетъ надежды на реформы; онъ ожидаетъ, что появятся законодатели которые сумѣютъ спасти народы отъ разложенія³⁶⁾; онъ мало полагается на планы фурьеризма о социальной гармоніи между трудомъ, капиталомъ и талантомъ; но думаетъ, что спасеніе общества—въ принципахъ правды и справедливости, въ свѣтѣльской жизни, въ республично-христіанскомъ союзѣ, сплоченномъ общностью вѣры, милосердія и надежды³⁷⁾. Очевидно, для *Бюрэ* классовая борьба, классовой антагонизмъ, саміе классы и классовое расчлененіе—все это можетъ исчезнуть постепенно, благодаря смятенію интересовъ, не на почвѣ эконо-

³⁴⁾ *Engène Buret*, *ibid.*, II, стр. 68, 69, 75.

³⁵⁾ *Engène Buret*, *ibid.*, II, стр. 46.

³⁶⁾ *Engène Buret*, *ibid.*, стр. 334, 335.

³⁷⁾ *Engène Buret*, *ibid.*, II, стр. 492.

мического преобразования общества, а на почвѣ этического и религиознаго.

Приблизительно на одинаковой позиціи въ пониманіи и изложениі вопроса о социальныхъ классахъ стоятъ и рядъ многихъ другихъ французскихъ социалистовъ, каковы: *Луи-Бланъ*, *Рейно*, *Пьеръ Леру*, *Прудонъ*, *Секзръ*, *Видалъ* и др.³⁸). Всѣ они развиваютъ болѣе или менѣе опредѣленно идею двухъ классовъ, идею антагонизма и борьбы классовъ; у всѣхъ у нихъ болѣе или менѣе ясно выражены отношенія труда и капитала, буржуазіи и пролетаріата, хозяевъ и работниковъ, капиталистовъ-предпринимателей и рабочихъ; и въ то же время всѣ они одинаково вѣрятъ въ возможность гармоническаго сожительства, мирнаго альянса между трудомъ и капиталомъ, если не на почвѣ этической, то по крайней мѣрѣ на почвѣ законодательныхъ реформъ, могущихъ перестроить общество. Всѣ эти утопическіе социалисты въ содержаніи и развитіи идеи классовъ не вносятъ ничего особеннаго новаго, сравнительно съ своими предшественниками, за исключеніемъ развѣ лишь *Рейно* и *Пьера Леру*, у которыхъ звучатъ нѣкоторые новые мотивы, выросшіе вполнѣдствіи въ сложные и спорные вопросы въ проблемѣ классовъ.

Такъ, у *Рейно* мы находимъ попытку болѣе точнаго и болѣе строгаго анализа понятій буржуа и пролетарія, а также обоснованія идеи двухчлennaго классоваго расчлененія, при многосложности социальныхъ слоевъ и различій между ними. Населеніе состоитъ, говоритъ *Рейно*, изъ двухъ различныхъ по своему положенію и своимъ интересамъ классовъ: пролетаріевъ и буржуазіи. Пролетаріи—это производители всѣхъ богатствъ націи, не имѣющие ничего, за исключеніемъ подешвой платы за трудъ; работа ихъ зависитъ

³⁸ *P. J. Proudhon. Oeuvres complètes. Système des contradictions économiques ou philosophie de la Misère. Nouvelle édition, 1-11 t. Paris Ern. Flammarion (premier éd. 1846), II t., стр. 330, 331 и др., I, стр. 236 и др.; 2. Proudhon. Des améliorations matérielles dans leurs rapports avec la liberté. Seconde édit. Paris 1841, стр. 166, 185—188 и др.; 3. Vidal. De la répartition de la richesses, ou de la justice, distributive en économie sociale. Paris 1846, стр. 10, 218 и др.; 4. Pierre Leroux, De la plutocratie, 1848; также Oeuvres, t. I, Paris 1850; Jean Reynaud, ibid., стр. 346—364. (См. о Леру и Рейно обстоятельную статью Пасанова „Французскій утопическій социализмъ XIX-го вѣка“ въ *Соверем. Мірѣ*, июнь и июль 1913 г.)*

отъ причинитъ, не находящихся въ ихъ власти; отъ плода своего труда имѣютъ они лишь небольшую часть, уменьшающуюся конкуренціей; въ старости ихъ ждетъ мѣсто въ больницы, или же они не доживаютъ до старости, умирая преждевременно. Буржуа же, въ представленіи *Рейно*,—люди, обладающіе капиталомъ и живущіе доходами съ капитала; отъ нихъ зависитъ развитіе промышленности и т. д. На возраженіе противъ дѣленія общества всего на два класса, не смотря на существованіе промежуточныхъ слоевъ, *Рейно* отвѣчаетъ, что и между самыми рѣзкими отщепенцами есть всегда отщепенки промежуточные и что существованіе бѣлыхъ и черныхъ никому не придетъ въ голову отрицать на томъ основаніи, что между ними попадаются мулаты и метисы.

Но то новое, что собственно вносятъ *Рейно* и *Леру* въ проблему общественныхъ классовъ,—это вопросъ о крестьянствѣ: выходитъ ли крестьянство въ категорію пролетаріата или это слои не пролетарскіе по своей сущности? Подробнѣе на этомъ останавливается *Пьеръ Леру* въ „De la plutocratie“ (1848, гл. 34). Его занимаетъ вопросъ: пролетарій или непролетарій крестьянинъ, имѣющій одинъ гектаръ земли? Отыскивая разрѣшенія этому вопросу, *Леру* обращаетъ вниманіе на трудовую основу дѣятельности мелкаго крестьянства, при которой земля едва оплачиваетъ затраченный на нее трудъ крестьянина и не приноситъ ренты; въ этомъ смыслѣ крестьянство (мелкое и трудовое) *Леру* относитъ къ категоріи пролетаріевъ, такъ какъ, по его представленію, категоріи собственниковъ начинается только тамъ, гдѣ появляется нетрудовой доходъ (рента). Такимъ образомъ, согласно *Леру*, мелкій крестьянинъ-собственникъ, работающій собственными средствами производства и не оторванный еще отъ послѣднихъ, является пролетаріемъ. Отсюда, понятіе пролетарія, какъ абстрактной социальной категоріи, у него является двойственнымъ: пролетарій—это оторванный отъ собственныхъ орудій труда непосредственный производитель, живущій наемнымъ трудомъ; но въ то же время, пролетарій—и не оторванный отъ средствъ производства трудовой крестьянинъ³⁹).

³⁹) Подробнѣе см. вышеуказанную статью *Плеханова* „Французскій утопическій социализмъ и проч.“ („Соврем. Мѣсь“, 1913 г., кн. 7, стр. 164—167).

Поставленный Рейно и Леру вопрос о трудящем крестьянстве, как социальной категории, позднее занял в проблеме социальных классов довольно почетное место; этим вопросом записываются особенно социалистические и полу-социалистические писатели земледельческих стран, озабоченные сохранением мелкого крестьянства, вытесняемого и разоряемого с развитием капитализма.

Определяя в общих чертах значение французских социалистов-утопистов в развитии идеи общественных классов, мы должны признать, что заслуга их в данном отношении довольно значительна. Ярко выразившие идеи великой французской революции, потонувшие затѣмъ въ будняхъ французской действительности, французские утописты-социалисты дѣятельно развивали, отмѣчая и идею двухъ классовъ, и идеи классовой борьбы, и идею социальныхъ антагонизмовъ. Слѣдуя за развитиемъ отношений вырастающаго капитализма, французские социалисты-утописты подошли довольно близко къ дѣйствительности въ своемъ анализѣ классового расчлененія современнаго общества. Идеи труда и капитала, хозяина и работника, буржуа и пролетарія проходятъ красною нитью чрезъ всю социалистическую мысль Франціи. Идеи же историческаго матеріализма, развиваемыя социалистами-утопистами, начиная съ *Сенъ-Симона*, развиваемая, правда, пока еще лишь въ самыхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, ставятъ ихъ анализъ капиталистическихъ отношеній на прочный социологическій фундаментъ, указывая надежный и вѣрный путь (методъ) для развитія идеи общественныхъ классовъ. Но своеобразный характеръ развитія Франціи XIX-го вѣка налагалъ на французскую социалистическую мысль особый отпечатокъ, выразившійся въ присущихъ ей элементахъ утопизма. Этотъ утопизмъ французскихъ социалистовъ сказался, главнымъ образомъ, въ ихъ вѣрѣ въ возможность мирнаго сожительства труда и капитала, вѣрѣ въ „социальный миръ“, при сохраненіи классового строя, на почвѣ этики, религіи или законодательныхъ реформъ,—что лишало въ идеѣ социальныхъ классовъ и классовой борьбы ея важнѣйшаго, существеннаго содержанія.

III. Парижское Соціологическое Общество о социальных классах (1903).

Социалистическое направление, о котором мы только что говорили, своимъ влияніемъ и значеніемъ въ развитіи ученія объ общественныхъ классахъ, обязано было, въ значительной степени, социологической концепціи историческаго матеріализма, вышедшей изъ нѣдръ социалистическаго міровоззрѣнія. Родоначальниками социологической концепціи историческаго матеріализма идея общественныхъ классовъ, вылившаяся первоначально въ форму идеи борьбы классовъ, была провозглашена въ качествѣ основного базиса общественнаго прогресса, социальной эволюціи. Вполнѣ понятно, поэтому, что вмѣстѣ съ возрастаніемъ интереса къ концепціи историческаго матеріализма выросталъ интересъ и къ идее общественныхъ классовъ. Вниманіе же къ историческому матеріализму, какъ социологической системѣ, росло вообще по мѣрѣ развитія социологін, а равнымъ образомъ и по мѣрѣ развитія и роста самой социологической школы историческаго матеріализма.

Развитіе социологін тѣсно связано съ судьбой проблемы общественныхъ классовъ уже по одному тому, что проблема общественныхъ классовъ является столько же экономической, сколько и социологической. „Если нельзя сказать, говоритъ бельгійскій социологъ *ванъ Овербергъ*, что социальные классы являются единственнымъ предметомъ социологін, то, безспорно, эта проблема составляетъ одну изъ наиболее важныхъ частей социологін“¹⁾. Являясь экономической категоріей, социальные классы, однако, тѣсно переплетаются отношеніями со всѣми другими сторонами социальной жизни (права, государства и т. д.). Слѣдовательно, ученіе объ общественныхъ классахъ, естественно, должно было развиваться въ рукахъ социологовъ, съ одной стороны, и экономистовъ, съ другой. Но благодаря преобладанію индивидуалистическаго метода изслѣдованія въ господствующихъ теченіяхъ экономической науки, экономика, какъ наука, немногое дала, въ смыслѣ разработки проблемы общественныхъ классовъ. Что же касается социологін, то и ея вниманіе къ проблемѣ классовъ, какъ самосто-

¹⁾ *Cyr, van Overbergh. La classe sociale. Bruxelles 1905, стр. 5.*

ительной проблемѣ, пробуждалась лишь въ самое послѣднее время. Замѣчательное для своего времени изслѣдованіе *Лоренца фонъ Штейна* „Die Gesellschaftslehre. Der Begriff der Gesellschaft und die Lehre von den Gesellschaftsklassen“, появившееся еще въ 1854 году, оставалось безъ особаго вниманія на современниковъ, въ силу крайне слабаго въ то время состоянія социологической мысли, и не вызвало къ себѣ интереса, какъ того заслуживало по своей темѣ и по затрагиваемымъ въ ней вопросамъ. Социологическія же изслѣдованія позднѣйшаго времени, начиная съ появленія „Принциповъ Соціологій“ *Герберта Спенсера* и трудовъ *Шеффле*, *Гумпловича*, *Уорда* и *Ритценгофера*, и кончая мелѣе значительными работами *Амьона*, *Вольмана* и другихъ, если и касались общественныхъ классовъ, то лишь вскользь, во всякомъ случаѣ не ставили проблему классовъ въ центръ вниманія, не трактовали её въ качествѣ самостоятельно-цѣнной проблемы. Къ тому же, всѣ означенныя социологическія изслѣдованія не видѣли въ понятіи социальнаго класса экономической основы, отчего проблема классовъ получала въ нихъ неправильное освѣщеніе и въ своей теоретической сущности оставалась безъ разработки.

Поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ социологической мысли къ проблемѣ социальныхъ классовъ можно считать 1903 годъ, когда Парижское Социологическое общество впервые занялось проблемой социальныхъ классовъ, чѣмъ дало толчокъ для привлеченія вниманія къ этому вопросу со стороны самыхъ широкихъ круговъ общественной мысли. Такъ, вѣдѣвъ за парижскимъ социологическимъ обществомъ, ту же проблему социальныхъ классовъ ставить предметомъ своихъ научныхъ занятій бельгийское социологическое общество въ Брюсселѣ (*Société belge de sociologie*) въ 1905 г.²⁾ Еще черезъ годъ, на Лондонскомъ конгрессѣ социологическаго международнаго института, „соціальная борьба“ уже ставится на обсужденіе международнаго конгресса, порождая рядъ докладовъ, рѣчей, вызывая горячіе споры.³⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ,

¹⁾ См. „Annales de la Société belge de sociologie.“ 2-e serie. Bruxelles 1905.

²⁾ См. „Annales de l'Institut international de sociologie“, publiées sous la direction de René Worms, Tome XI. Въ данномъ случаѣ, обращаютъ на себя вниманіе доклады

оживляется интересъ къ проблемѣмъ социальныхъ классовъ и въ монографической и въ журнальной социологической прессѣ всѣхъ стрѣхъ.⁴⁾

Такимъ образомъ, засѣданія парижскаго социологическаго общества, посвященные выясненію понятія социальныхъ классовъ, являются какъ бы виднымъ этапомъ въ развитіи проблемы классовъ. Поэтому, представляется не лишнимъ остановиться на работахъ этого общества нѣсколько вниманія.⁵⁾ Мы увидимъ, что результаты обсужденій парижскаго социологическаго общества въ научномъ отношеніи невелики. Но значеніе ихъ не въ томъ, что они могли внести въ теоретическую разработку проблемы классовъ, а въ томъ, что они привлекли къ этой важной для развитія социальной науки проблемѣ вниманіе широкихъ круговъ.

Обсужденіе проблемы социальныхъ классовъ началось съ доклада *Артура Боэра*, развивавшаго передъ членами Общества основныя положенія своего не задолго передъ тѣмъ вышедшаго въ свѣтъ методологическаго изслѣдованія „*Les classes sociales. Analyse de la vie sociale*“ (Paris 1902). Въ своемъ докладѣ Боэръ предлагалъ на обсужденіе развитую въ его книгѣ идею о роли „социальныхъ классовъ“ въ социологіи. Содержаніе этой идеи охв.

Леопольда Уорда („*Les luttes sociales et les luttes biologiques*“), *Людвига Шпенкера* („*Herbert Spencer et la theorie de la lutte sociale*“), *Л. Гумилевича* („*Le role des luttes sociales dans l'evolution de l'humanité*“), *Райла де ля Гроссерри* („*Les luttes sociales*“) и др.

⁴⁾ Изъ журнальныхъ статей можно отмѣтить статьи *Уорда* въ „*American Journal of Sociology*“ (VIII, стр. 721—745; V, стр. 617—627); *Бунэ* въ „*L'annee sociologique*“ (t. X, 1905—06), *М' Ути* въ „*The sociological Review*“ (v. III, octobre 1910, стр. 267—276), *Декампи* въ „*La science sociale*“, Paris, octobre 1911, стр. 782—882.

⁵⁾ Упомянутыя засѣданія парижскаго социологическаго общества, посвященные вопросу о социальныхъ классахъ, происходили въ 1903 году, ежемесячно, въ теченіе первой половины года (январь—июнь), причемъ въ обсужденіи принимали участіе не только вышеупомянутые французскіе социологи, но и ученые-социологи разныхъ странъ. Въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ засѣданіяхъ общества по вопросу о социальныхъ классахъ: *Артуръ Боэръ*, *Э. Тирри*, *Рене Вормс*, *Блондель*, *Дельбо*, *Ж. Лафаргъ*, *Р. де ля Гроссерри*, *Ламузля*, *Монанъ*, *Масильонъ Куаку*, *Леонъ Филлиппъ*, *Лео-Уильямъ*, *Лука*, *Флоримонъ*, *Ваванъ*, *Кламадье*, *Шейсонъ*, *Марсель Пурнзъ*, *Гайяни*, *Густавъ Шпигель*, *Д. Дришеско*, *де Роберти*, *М. М. Ковалевскій*, *Н. В. Луницкій*, *Костылевъ*, *Семеновъ*, г-жа *Мурондери* (См. Société de Sociologie de Paris. Revue internationale de Sociologie. Publiée tous les mois, sous la direction de René Tournes, 1903. 2—7 Fevr.—Juillet).

сводить вкратцѣ къ слѣдующему: наука состоитъ въ познаніи сходствъ, существующихъ между различными индивидами и фактами; эти сходства можно раскрыть путемъ тщательнаго анализа, причемъ наблюдѣніе должно сопровождаться спекулятивными дѣйствіями, которыя станутъ опредѣленными, когда выдержать контроль опыта; самый анализъ долженъ въ своемъ исходномъ пунктѣ быть доведенъ до элементовъ, которыхъ болѣе уже нельзя разложить; такими неразложимыми элементами въ обществахъ являются социальные классы; познаніе этихъ социальныхъ классовъ для социального знанія необходимо, такъ какъ только оно ведетъ къ познанію общественныхъ законовъ. Въ общественной жизни, говоритъ *Боэръ*, царитъ безконечное разнообразіе, безпрестанное движеніе и измѣненіе; но нашъ разумъ не можетъ мириться съ этимъ разнообразіемъ; всю множественность и разнообразіе формъ онъ старается свести къ какой-либо общей идее, создавая общія категоріи для индивидовъ или фактовъ, обладающихъ наибольшими и напачтѣйшими сходствами между собою. Идея, которая можетъ стать руководящей въ образованіи такихъ общихъ категорій, такихъ социальныхъ группъ, является, по представленію *Боэра*, то доминирующее вліяніе, которая оказываетъ на человека его профессія. Одинаковая профессія служитъ главнымъ признакомъ, характеризующимъ понятіе социального класса. „Социальные классы—это, по мнѣнію *Боэра*, различныя группы, составляющія общество; это группы, образованныя изъ всѣхъ индивидовъ, получившихъ одинаковое образованіе, развившихся въ аналогичной средѣ и, въ особенности, занятыхъ въ одинаковой профессіи“. Профессія накладываетъ свой опредѣленный отпечатокъ на всѣхъ, кто ею занимается. Отсюда вытекаетъ возможность начертить фпзіономію социальныхъ классовъ, опредѣлить характерныя черты каждаго изъ социальныхъ типовъ. Правда, социальные типы не остаются неподвижными въ ходѣ времени и въ различныхъ обществахъ; они подвержены измѣненіямъ. Поэтому, необходимо считаться и учитывать всѣ эти измѣненія, чтобы полностью познать тотъ или иной социальный типъ. Познаніе же социальныхъ классовъ, способность познать различные виды характеризующихъ социальные типы социальныхъ чертъ и особенностей—имѣетъ результатомъ своимъ полученіе полнаго

анализа общества. Въ общемъ, социальныя типы характеризуются, по мнѣнію Боэра, тою спеціальною функціею, которую каждый изъ нихъ выполняетъ въ обществѣ. Отсюда, сколько въ обществѣ спеціальныхъ функцій, столько въ немъ и социальныхъ классовъ. Соціальныя классы Боэръ дѣлитъ на 4 основныхъ группы, по числу четырехъ основныхъ функцій въ обществѣ: 1) представителей моральныхъ силъ (свѣтской и духовной); 2) представителей экономическихъ силъ (крестьяне, рабочіе, предприниматели, торговцы и занятые въ транспортѣ); 3) классъ бѣдныхъ и 4) преступные элементы. Послѣдніе два класса образуютъ собою социальную патологію. Въ первой группѣ Боэръ находитъ 7 классовъ (законодателей, судей, представителей или главъ государства, представителей исполнительной власти, армию; духовенство и руководящую интеллигенцію, т. е. ученыхъ, литераторовъ, артистовъ, поэтовъ, публицистовъ, философовъ, учителей, журналистовъ). Всего у него, такимъ образомъ, 14 классовъ, при чемъ женщины въ эту классификацію не входятъ. Но въ виду спеціальной роли женщины, которую выполняетъ послѣдняя въ обществѣ и выполняла въ теченіе всей исторической жизни человѣчества, Боэръ не прочь отвести особый, 15-й классъ, и женщинамъ, причемъ, для полноты познанія социальныхъ законовъ, Боэръ считаетъ необходимымъ послѣдовательно и методическое изученіе слѣдующаго рода отношеній: 1) отношеній внутреннихъ, протекающихъ между индивидами одного и того же класса, внутри класса; 2) отношеній между классами въ одномъ и томъ же обществѣ; 3) отношеній между обществами, составляющихъ область отношеній международнаго характера, которыя точно также могли бы быть объяснены отношеніями классовъ; 4) отношеній къ высшему міру, къ природѣ; и 5) отношеній къ прошлому, которое, какъ мертвое и инертное, само по себѣ, не могло бы оказывать никакого дѣйствія, если бы живущія поколѣнія не давали этому прошлому жизни и вліянія.⁴⁾

Центральнымъ вопросомъ, который поднимаетъ Боэръ и въ своемъ книгѣ „Des classes sociales“ и на докладѣ парижскаго социологиче-

⁴⁾ Revue internationale de Sociologie. Publié tous les mois, sous la direction de René Worms. 1903, 2—7 (Fevr.—Juillet); № 2, стр. 119—125 (заключеніе 14-го января 1903 года).

скаго общества, былъ въ сущности вопросъ о роли „соціальныхъ классовъ“ въ социологiи. Самъ онъ именно такъ и формулировалъ свою основную идею доклада. Этотъ центральный, затронутый *Бозромъ* вопросъ прошелъ, къ сожалѣнію, мимо вниманія участниковъ засѣданія; главный же центръ тяжести былъ перенесенъ ими на вопросъ объ опредѣленіи понятія „общественный классъ“. Въ выясненіи этого пункта, составляющаго слабое мѣсто въ теоріи общественныхъ классовъ, приняли участіе многіе изъ виднѣйшихъ социологовъ Франціи. Такъ, наприм., *Тардъ*, возражая *Бозру*, указывалъ, что *Бозръ* повидимому смѣшиваетъ двѣ совершенно различныя вещи: *классъ* и *профессію*. А это, по мнѣнію *Тарда*, далеко не одно и то же. Классъ,—напримѣръ, классъ крестьянъ,—можетъ охватывать одну профессію (земледѣліе), но нѣтъ ни одной такой профессіи, для выполненія которой не требовалось бы участія индивидовъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ классамъ; земледѣльческая профессія обнимаетъ собой и собственниковъ, и фермеровъ, и рабочихъ—крестьянъ; въ любой индустриальной профессіи имѣется управляющій—буржуа наряду съ работающимъ подъ его управленіемъ рабочимъ. По мѣрѣ роста общественнаго прогресса, по мѣрѣ того какъ общества демократизируются и цѣвизируются, число классовъ, думаетъ *Тардъ*, уменьшается; число же профессій непрерывно увеличивается.

Тардъ пытается, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать и свое опредѣленіе „соціального класса“. Понятіе класса, по его мнѣнію, покоится на существованіи соціальной іерархіи, цѣлаго ряда восходящихъ и нисходящихъ соціальныхъ ранговъ. Понятіе класса—говоритъ *Тардъ*—отвѣчаетъ нашей потребности инстинктивно вѣрить въ соціальную іерархію; мы проникнуты вѣрой въ неравенство и въ теченіе всей жизни ставимъ своей задачей карабкаться по воображаемой соціальной лѣстницѣ этого неравенства, со ступеньки на ступеньку. Между тѣмъ, по мнѣнію *Тарда*, источникъ идеи профессіи—совершенно иной; идея профессіи вытекаетъ изъ раздѣленія труда; въ основѣ ея лежитъ потребность *соціальнаго сотрудничества*, а не *соціальнаго восхожденія*. Въ обществѣ, думаетъ *Тардъ*, существуютъ по крайней мѣрѣ три или четыре соціальныхъ класса. Какіе именно эти классы, *Тардъ* не указываетъ, но находитъ, что су-

Вормс насчитывает несколько, но каковы именно эти классы или уровни, он не указывает.³⁾

Подробнѣе останавливается на вопросѣ о понятіи социальнаго класса *Дельбэ* (Delbet). Онъ напоминаетъ, что когда покойный *Костъ* предлагалъ для дискуссіи вопросъ о социальныхъ классахъ, онъ имѣлъ собственно въ виду объективное и историческое изслѣдованіе вопроса. Имѣя до нѣкоторой степени это обстоятельство, *Дельбэ* дѣлаетъ попытку филологическаго изысканія въ прошломъ слова *классъ* (classe). Это слово—латинскаго происхожденія и обозначаетъ, по его мнѣнію, идею переключенія, перепиши, имѣя смыслъ, аналогичный понятію *calendes*. Классы *Сервія Туллія* и книги „Чиселъ“ въ библии пришли одинаково къ однимъ и тѣмъ же результатамъ: они распредѣлили население по группамъ на соответствующей основѣ, и послѣ этого установилась между образовавшимися группами извѣстная іерархія. Эти двѣ идеи—идея распредѣленія на группы на той или иной основѣ и идея іерархіи—всегда входятъ въ понятіе класса, разсматриваемаго съ социальной точки зрѣнія, какъ думаетъ *Дельбэ*. Въ установленіи этой іерархіи большую роль сыграла въ исторіи общества, по мнѣнію *Дельбэ*, религія. Всюду, говоритъ *Дельбэ*, существуетъ тѣсное соотношеніе между социальной организаціей и религіозной системой; если социальная организація и не является функціей религіи, то послѣдняя своимъ высокимъ авторитетомъ санкціонируетъ ее. Режимъ кастъ неотдѣлимъ, по мнѣнію *Дельбэ*, отъ теократіи; а этотъ режимъ кастъ онъ считаетъ самымъ чистымъ типомъ классовой социальной организаціи. Если происхожденіе кастъ *Дельбэ* представляется темнымъ, то цѣль и основной характеръ ихъ образованія онъ считаетъ ясными и всюду одинаковыми: это именно—обеспеченіе обществу организаціи и сохраненіе, путемъ послѣдственной передачи, профессиональной выучки, специальныхъ знаній и способностей,—что обеспечиваетъ непрерывность развитія послѣднихъ. Отсюда, режимъ кастъ обеспечиваетъ обществу, по мнѣнію *Дельбэ*, и солидарность и непрерывность развитія.

³⁾ Подробнѣе свои взгляды на вопросъ объ общественныхъ классахъ *Вормс* развиваетъ въ вышедшемъ поздно трудѣ „*Philosophie des sciences sociales*“. I—III. 1907. главнымъ образомъ въ III-мъ томѣ. (Объ этомъ см. ниже.)

Критерій и основу классовой организаціи *Дельбэ* видитъ, такимъ образомъ, въ различіи социальныхъ функций, которыя несутъ въ обществѣ различныя социальныя группы. Соціальное неравенство и различныя ранги, существующіе въ обществѣ, *Дельбэ* объясняетъ именно „относительной важностью функций“ социальныхъ группъ. Между этими функциями онъ различаетъ главныя и второстепенныя. Останавливаясь, однако, надъ анализомъ социального неравенства въ современномъ обществѣ, *Дельбэ* принужденъ отмѣтить новый факторъ социальной дифференціаціи, выступающій въ новомъ обществѣ въ качествѣ превалирующаго фактора. Въ данномъ случаѣ, *Дельбэ* имѣетъ въ виду богатство и различныя степени его. „Ни въ одну историческую эпоху, говоритъ онъ, богатство не создавало между людьми болышихъ различій, чѣмъ въ настоящемъ обществѣ“. Американское общество, не смотря на его претензіи къ равенству, въ этомъ отношеніи для *Дельбэ* всего характернѣй. Изъ этой основы *Дельбэ* выводитъ и современную борьбу между богатыми и бѣдными, „которую, замѣчаетъ *Дельбэ*, называютъ борьбой классовъ и которая играетъ столь видную роль въ нашей социальной жизни“. Граньцу между этими двумя „категоріями гражданъ“, богатыми и бѣдными, *Дельбэ* считаетъ однако весьма неопредѣленной.

Въ общемъ, основныя черты современной социальной организаціи *Дельбэ* сводитъ къ слѣдующему: 1) социальная масса раздѣляется на двѣ большія группы: на одной сторонѣ стоятъ владѣльцы капитала въ его различныхъ видахъ—капиталисты, рентеры, предприниматели; на другой сторонѣ—рабочіе, занятые въ различныхъ отрасляхъ дѣятельности, не имѣя никакихъ капиталовъ, съ крайне непрочнымъ и неустойчивымъ социальнымъ положеніемъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ; 2) эти двѣ социально-различныя массы стремятся сорганизоваться, въ цѣльхъ образованія болѣе устойчивыхъ коллективовъ, на почвѣ главнымъ образомъ профессиональной солидарности; послѣдняя обнаруживаетъ тенденцію распространяться за предѣлы территориальныхъ границъ, приводя къ международнымъ ассоціаціямъ (тресты); 3) профессиональныя ассоціаціи, вырастая, приводятъ къ новому хозяйственному строю, на принципѣ подчиненія индивида коллек-

тиву; и государственной жизни и экономической приходится считаться съ развитіемъ этихъ ассоціацій; 4) на ряду съ подобнаго рода социальными образованіями въ обществѣ вырастають и „искусственные“ образованія, сохраняющіеся въ видѣ пережитковъ (дворянство).⁹⁾

Какъ можно видѣть, взгляды *Дельбэ* по вопросу о социальныхъ классахъ не отличаются большой опредѣленностью. Основа социальныхъ классовъ остается у него совершенно неясной. Невыясненнымъ является и понятіе о „социальныхъ функціяхъ“, различіе которыхъ вмѣстѣ съ различіями богатства вызываетъ, по мнѣнію *Дельбэ*, различіе классовъ. Повидимому, *Дельбэ* близокъ къ идее двухъ классовъ, поскольку классовую борьбу онъ представляетъ въ видѣ борьбы между богатыми и бѣдными.

Въ противоположность *Дельбэ*, *Леви-Ульманъ* находятъ, что дѣленіе общества на классъ бѣдныхъ и классъ богатыхъ не является основнымъ, но что основными классами общества являются Различія собственности и богатства лежатъ, по мнѣнію *Леви-Ульмана*, классъ управляемыхъ (*dirigés*) и классъ правящихъ (*dirigeants*). *Леви-Ульманъ*, уже на второмъ планѣ, они выступаютъ лишь позднѣе, какъ слѣдствіе, а не какъ первопричина. Въ стремленіи къ командованію, къ господству надъ другими *Леви-Ульманъ* видитъ основу классового расчлененія общества. Если помѣстить, думаетъ *Леви-Ульманъ*, на уединенномъ островѣ нѣсколько лицъ, непременно произойдетъ такъ, что одни изъ нихъ станутъ стремиться къ командованію надъ другими, причемъ это будетъ по мнѣнію *Леви-Ульмана*, или самые сильные, или самые умные, или же самые хитрые. Если наблюдать играющихъ дѣтей, говоритъ *Леви-Ульманъ*, можно замѣтить, что одна часть будетъ командовать надъ другой. Такое разслоеніе на правящихъ и подчиненныхъ *Леви-Ульманъ* видитъ во всѣхъ общественныхъ образованіяхъ, каковы бы они ни были: политическихъ, экономическихъ или другихъ. Это разслоеніе онъ видитъ во всѣхъ странахъ, при всякой стадіи цивилизаціи, при всякихъ способахъ правленія и во все время.

⁹⁾ Засѣданіе 11 февраля. *Revue internationale de Sociologie*, 1903. ма, тт, стр. 247—250.

Леви-Ульманъ останавливается, такимъ образомъ, свое вниманіе въ проблемѣ о соціальныхъ классахъ, главнымъ образомъ, на вопросѣ объ основахъ, на которыхъ строится и вырастаетъ классовое разлоноеіе въ обществѣ. Тотъ же вопросъ занимаетъ вниманіе и *Блондэля*. Подобно *Дельбэ*, *Блондэль* также различаетъ искусственные классы и „естественные“, останавливаясь лишь на послѣднихъ. Въ „естественномъ“ разлоноеіи общества *Блондэль* находитъ два большихъ класса: классъ побѣдителей и классъ побѣжденныхъ, отсюда—классъ господъ и классъ рабовъ, а въ настоящее время и всегда—богатыхъ и бѣдныхъ, т. е. владѣющихъ и неимущихъ, пролетаріевъ. Это два основныхъ класса, на ряду съ которыми существуютъ, по мнѣнію *Блондэля*, многіе другіе, покоющіеся или на основѣ духовныхъ различій, или на принципѣ раздѣленія труда. вмѣстѣ съ тѣмъ, *Блондэль* раздѣляетъ классы на патологическіе и нормальные. Классовое расчлененіе, построенное на антагонизмѣ, *Блондэль* считаетъ патологическимъ расчлененіемъ и борьбу между богатыми и бѣдными считаетъ явленіемъ патологическимъ, ненормальнымъ. Отсюда, классъ богатыхъ и бѣдныхъ, согласно *Блондэлю*, классы патологическіе. Среди нормальныхъ классовъ *Блондэль* не допускаетъ борьбы. Подобно *Тарду*, *Блондэль* также обосновываетъ классовую іерархію на врожденныхъ инстинктахъ, оставляя, въ концѣ концовъ, безъ опредѣленнаго выясненія какъ понятіе соціальнаго класса, такъ и основы классоваго расчлененія“).

Своеобразное толкованіе по вопросу о причинахъ образованія общественныхъ классовъ находимъ мы у *Грассери*¹¹⁾. Такъ же какъ *Тардъ* и *Блондэль*, *Грассери* придаетъ большое значеніе психологической основѣ происхожденія классовъ. Въ образованіи классовъ онъ видитъ слѣдующіе два „глубокіе“ инстинкта: 1) потребность въ ассоціаціи и 2) потребность въ іерархическомъ неравенствѣ между людьми, т. е. потребность имѣть людей ниже себя. Но этихъ инстинктамъ *Грассери* отводитъ все же лишь второстепенное мѣсто въ образованіи классовъ. На первомъ мѣстѣ онъ

¹¹⁾ Засѣданіе 11 марта, *ibid.*, стр. 311—313.

¹²⁾ Засѣданіе 10 июня, *ibid.*, стр. 577—581.

ставить въ данномъ случаѣ *антропологическій* принципъ, какъ наиболѣе важный и наиболѣе „первичный“ факторъ. На основѣ этого принципа *Грассери* устанавливаетъ слѣдующаго рода социальныя группировки въ обществѣ: 1) группировку, исходящую изъ такихъ глубокихъ антропологическихъ различій, что низшія группы разсматриваются какъ бы отличными биологически отъ высшихъ по своему происхожденію; это—*кастовая* группировка; 2) группировку, основанную не столько на антропологическихъ различіяхъ, сколько на различіяхъ, появившихся позднѣе, въ видѣ вторичнаго образованія,—именно на различіяхъ въ личныхъ способностяхъ и духовныхъ качествахъ, передающихся также наследственно; это въ собственномъ смыслѣ *классовая* группировка; классъ отличается отъ касты тѣмъ, что наследственность и физическое происхожденіе являются уже не непосредственной базой для различій группъ, а средствомъ для сохраненія пріобрѣтенныхъ качествъ; такихъ классовъ два: аристократія и демократія; аристократія—высшій классъ, такъ какъ состоитъ изъ людей, обладающихъ высшими социальными качествами и „наиболѣе полезными въ данную эпоху“; демократія же такими качествами не обладаетъ или, если и обладаетъ, то въ гораздо низшей степени; 3) группировку, гдѣ антропологическій признакъ исчезъ совершенно и гдѣ групповыя различія сводятся къ различію въ занятіяхъ и образѣ жизни; это—*профессиональная* группировка; 4) наконецъ, группировку на основѣ чисто идейной связи, гдѣ лица объединены сходствомъ убѣжденій и настроеній; это—*партийная* группировка. Каста можетъ существовать, говорить при этомъ *Грассери*, и на ряду съ классомъ, такъ же какъ классъ—съ профессіей и партией.

Устанавливая различіе качествъ и способностей, какъ основу классовъ, *Грассери* признаетъ, какъ мы видѣли, что для одной исторической эпохи могутъ быть социально полезны одни качества, для другой—другія. Въ болѣе раннія эпохи онъ отмѣчаетъ важную аристократію, какъ наиболѣе социально-полезную; въ современную эпоху наиболѣе социально-полезной является, по его мнѣнію, денежная аристократія; вслѣдъ за послѣдней выдвигается

новый видъ такой аристократіи—аристократія интеллекта, аристократія знаній.

Итакъ, для переживаемой эпохи, *Грассери* основу дѣленія общества на классы (собственно—на два класса) сводитъ на деньги. Но почему деньги въ нашу эпоху болѣе социальны полезны, чѣмъ, наприм., трудъ,—отвѣта и разъясненія у него мы не находимъ. Кромѣ того, сводя основу классоваго расчлененія къ деньгамъ, *Грассери* собственно порываетъ связь съ тѣмъ антропологическимъ принципомъ, который онъ считаетъ рѣшающимъ и основнымъ при объясненіи классовой группировки общества.

Приведенными социологами почти исчерпывается все то теоретически-цѣнное, что было сказано о социальныхъ классахъ въ парижскомъ социологическомъ обществѣ. Мы видимъ, что теоретическая цѣнность обсужденій по вопросу о классахъ и классовомъ расчлененіи въ обществѣ, въ общемъ, не высока. Всѣ почти обсужденія сводились къ установленію основы, на которой происходитъ и развивается классовое расчлененіе, чтобы, отыскавъ такую основу, опредѣлить понятіе класса. Одни видѣли такую основу въ раздѣленіи труда и въ профессіяхъ (*Бозъ*), другіе въ инстинктивной потребности и стремленіи къ іерархіи, къ неравенству (*Тардъ*, *Блондаль*), третьи—въ частомъ общеніи (*Лимузэнъ*), иные—въ богатствѣ и въ различіи ранговъ (*Вормъ*), или въ различіи социальныхъ функций (*Дельбэ*), или, наконецъ, въ инстинктивномъ стремленіи къ господству (*Леви-Ульманъ*) и въ антропологическихъ различіяхъ (*Грассери*). Всѣ такого рода попытки не отличались, при этомъ, ясностью и послѣдовательностью, производили впечатлѣніе лишь предварительныхъ исканій, а не разрѣшенія вопроса. Любопытно, что ни одинъ изъ французскихъ социологовъ, выступавшихъ при обсужденіи проблемы социальныхъ классовъ, не предполагалъ, что ученіе о социальныхъ классахъ имѣетъ свою длинную исторію и что до него уже кое-что сдѣлано въ этомъ направленіи его предшественниками. На засѣданіяхъ парижскаго социологическаго общества никѣмъ не были даже упомянуты ни английскіе ранніе социалисты, ни французскіе историки, ни фран-

цускiе социалисты—утописты, ни *Маркс* и *Энгельс*, такъ много сдѣлавшіе въ смыслѣ разработки вопроса о социальныхъ классахъ, какъ это мы увидимъ ниже, ни *Доренцъ Штейнъ*. Настолько социологическая мысль начала 20-го вѣка оказалась мало подготовленною и мало знакомою съ вопросомъ о социальныхъ классахъ! Въ отношеніи историческаго освѣщенія вопроса лишь русскіе ученые (*М. М. Ковалевскій* и *Н. В. Луцицкій*) оказались исключеніемъ, давши богатый историческій матеріалъ по вопросу о развитіи общественныхъ классовъ, въ связи съ сословнымъ строемъ, въ Россіи (Великороссіи и Малороссіи).¹²⁾

Къ сожалѣнію, Россія отнюдь не могла быть такою страной, исторія которой отразила бы съ ясностью и опредѣленностью эволюцію образованія социальныхъ классовъ. Послѣднего не могло быть уже по одному тому, что социальные классы, какъ находить *М. М. Ковалевскій*, различнымъ образомъ складывались въ Велико-россіи и Малороссіи, въ Литвѣ и Прибалтійскомъ краѣ, подвергшемся вліянію нѣмецкаго права. Въ этомъ отношеніи, говорить объ исторіи социальныхъ классовъ въ Россіи значило бы, по мнѣнію *М. М. Ковалевскаго*, представить не столько эволюцію русскаго народа, сколько рядъ параллельныхъ эволюцій.¹³⁾ Для Россіи вопросъ осложняется еще существованіемъ различныхъ по своему историческому развитію отдѣльныхъ государствъ, нѣкогда аттентированныхъ Россіей, каковы—Польша, Финляндія, Кавказъ и Крымъ, которыя сами по себѣ составляютъ отдѣльные міры, проходившіе самыя различныя фазы экономической эволюціи, а различнымъ образомъ правовой и политической. Даже для одного и того же края *М. М. Ковалевскій* находитъ весьма различныя социальные структуры: на Кавказѣ, наприм., рядомъ съ демократической общественной структурой у осетинъ или армянъ, можно встрѣтить сильно іерархизованную социальную среду у кабардинцевъ, такъ же какъ полу-феодалный строй у грузинъ или татаръ. Въ виду такого разнообразія социальныхъ структуръ, изъ которыхъ складывается Россія, *М. М. Ковалевскій* останавливаетъ свое вниманіе на

¹²⁾ См. Засѣданіе 13 мая, *ibid.*, № 6, стр. 476—484 (*Ковалевскій*) и стр. 485—492 (*Луцицкій*).

¹³⁾ *Ibid.*, стр. 476—477.

исторіи образованія классовъ только для Великороссіи, какъ доминирующей въ странѣ пародности.

Оставаясь въ намѣченныхъ границахъ, *Ковалевскій* представляетъ структуру русскаго общества весьма сложной и до крайней степени смѣшанной. Реформа 1861 года не измѣнила, по его мнѣнію, духа феодализма, которымъ пропитана русская общественная жизнь. Сословная организація, съ сословной іерархіей остается въ ней въ силѣ, не смотря на то, что экономическое развитіе уже далеко заплыло по пути къ капитализму. Благодаря этому, какъ находитъ *Ковалевскій*, въ Россіи сословный строй своеобразно уживается съ социально—классовой организаціей. Наши указы при Александрѣ III и Николаѣ II всѣчески поддерживаютъ, говоритъ *Ковалевскій*, дворянскія привилегіи; хотя они и не идутъ такъ далеко, чтобы вернуться къ крѣпостному праву, но все же не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы обогащать дворянство на счетъ другихъ классовъ¹⁴⁾. И тѣмъ не менѣе, указываетъ *Ковалевскій*, эта тенденція находитъ себѣ мѣсто въ обществѣ, которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе демократизируется, благодаря быстрому развитію промышленности, обремененной протекціонной системѣ и всѣческими поощреніями со стороны правительства (сахарныя преміи, высокія тарифы на иностранную мануфактуру, иностранные займы для постройки желѣзно-дорожной сѣти и проч.). Въ этомъ противорѣчій русской общественной жизни *Ковалевскій* видитъ главную причину того факта, что наше дворянство исчезаетъ и гибнетъ, какъ экономическій классъ, увеличивая въ то же время число своихъ привилегированныхъ, какъ социальное сословіе¹⁵⁾. Сословная іерархія существуетъ, такимъ образомъ, на ряду съ подвижной лѣстницей социальныхъ классовъ. Мы помѣнимъ въ Россіи, говоритъ *Ковалевскій*, какъ сословія: 1) два вида дворянства—потомственное и купеческое; 2) торговый классъ, состоящій изъ почетныхъ гражданъ, купцовъ 1-ой и 2-ой гильдій; 3) мѣщанство; 4) крестьянство и 5) духовенство, являющееся также отдѣльнымъ сословіемъ. Среди же социальныхъ классовъ въ русскомъ обществѣ *Ковалевскій* находитъ: 1) городской и сельскій

¹⁴⁾ Ibid., стр. 478.

¹⁵⁾ Ibid., стр. 479.

пролетариатъ, занимающій самую низшую ступень социальной лестницы; 2) слѣдующую ступень занимаютъ крестьяне—общинники, члены „мира“; 3) ступенькой выше стоитъ сельское духовенство, пользующееся нѣкоторымъ количествомъ земель, прикрѣпленной къ приходу; 4) поднимаясь выше, мы приходимъ къ мелкимъ городскимъ и сельскимъ частнымъ собственникамъ, набирающимся калъ изъ крестьянскаго сословія и мелкой буржуазіи, такъ и изъ мелкаго дворянства и бюрократіи; 5) на верху социальной лестницы стоятъ разбогатѣвшій купецъ и промышленникъ. Эти двѣ іерархіи—сословная и классовая—взаимно пропѣкаютъ одна другую; ежедневно мы наблюдаемъ, говоритъ *Ковалевскій*, что дворянство спускается въ классъ пролетариата, или, наоборотъ, восходитъ до купцовъ и промышленниковъ; родъ Меншиковыхъ ведетъ свою аристократическую линію отъ булочника; въ то же время старинныя родовитыя фамиліи, происходящія изъ рода Рюрика, перѣдко встрѣчаются среди мелкихъ чиновниковъ или даже стоятъ въ главѣ рабочаго интернаціональнаго движенія (испавъ Петръ Крапоткинъ)¹⁶).

Выдающеися чертой въ развитіи сословій въ Россіи *Ковалевскій* считаетъ запоздалость появленія третьяго сословія, которое въ теченіе долгаго времени совсѣмъ не выдѣлялось изъ крестьянства. Эту запоздалость *Ковалевскій* ставитъ въ связь съ земледѣльческимъ характеромъ производственной дѣятельности страны и медленной дифференціаціей русскихъ городовъ, которые еще и въ XVI вѣкѣ смѣшивались съ деревнями. Развитіе третьяго сословія въ Россіи запаздываетъ, по мнѣнію *Ковалевскаго*, на нѣсколько столѣтій, за то теперь совершается съ большою стремительностью, въ связи съ быстрымъ развитіемъ нашей промышленности, вызвавшей соответственно и быстрый ростъ социальной дифференціаціи. Различіе богатства, говоритъ *Ковалевскій*, все болѣе и болѣе стремится стать основой социальныхъ различій; классовый режимъ постепенно приходитъ на смѣну историческихъ сословій, и русская социальная эволюція все ближе становится къ эволюціи европейскихъ обществъ¹⁷).

¹⁶ Ibid., стр. 482.

¹⁷ Ibid., стр. 483—484.

Какъ мы видимъ, представляя исторію социальныхъ классовъ въ Россіи, *Ковалевскій* ограничивается лишь самыми общими штрихами. При этомъ, исторію классовъ *Ковалевскій* не отдѣляетъ отъ исторіи сословій, отличая, однако, сословный строй отъ классовой структуры общества. Это разграниченіе, весьма важное въ разсматриваемой проблемѣ, онъ не вездѣ выдерживаетъ строго. Такъ, напримѣръ, на второй и третьей ступеняхъ социальной лѣстницы классовъ въ Россіи, которую даетъ *Ковалевскій*, мы находимъ крестьянство, какъ социальный классъ, и сельское духовенство, какъ такой же социальный классъ. Но тѣ же социальные категории мы находимъ у него и среди сословной іерархіи, въ сословной структурѣ русскаго общества. Очевидно, различіе понятій класса и сословія, какъ социальныхъ категорій, *Ковалевскій* представляетъ себѣ не совсѣмъ ясно. Какъ попытка историческаго освѣщенія сословно—классовой структуры русскаго общества, докладъ *Ковалевскаго* въ парижскомъ социологическомъ обществѣ представляетъ, однако, значительный интересъ, если не теоретическій, то во всякомъ случаѣ историческій, поскольку онъ даетъ широкій историческій фонъ, на которомъ развивалась классовая дифференціация въ Россіи.

Значеніе парижскаго социологическаго общества и его обсужденій вопроса о социальныхъ классахъ лежитъ не въ какихъ-либо теоретически цѣнныхъ результатахъ, а, какъ мы уже указывали на это, въ томъ толкѣ, какой былъ данъ парижскимъ социологическимъ обществомъ проблемѣ социальныхъ классовъ, сдѣлавшейся предметомъ изученія и общаго вниманія. Отъ социалистическихъ круговъ вопросъ о социальныхъ классахъ переносится въ круги официальной социальной науки, привлекая къ себѣ вниманіе представителей самыхъ различныхъ отраслей социального знанія.

Отъ великой французской революціи, черезъ французскихъ историковъ эпохи реставраціи и социалистовъ—утопистовъ, къ французскимъ социологамъ—таковъ путь развитія идеи общественныхъ классовъ въ Франціи, этой классической странѣ ученія о классахъ.

Посмотримъ теперь, какъ развивалась идея общественныхъ классовъ въ Англіи.

Зарождение и развитие идеи общественных классовъ въ Англіи.

1. Идея классового расчлененія у предшественниковъ англійскаго социализма.

На примѣрѣ Франціи мы видѣли, что впервые идея объ общественныхъ классахъ и классовомъ расчлененіи общества является съ развитіемъ капитализма и обособленіемъ буржуазіи и промышленнаго пролетаріата. Съ этого момента, экономическія отношенія, затѣмнившіяся при феодальной системѣ хозяйства покрываломъ правно-политическихъ отношеній, открываются въ своемъ болѣе чистомъ видѣ. Ученіе объ общественныхъ классахъ развивается, такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія борьбы классовъ, наиболѣе ярко характеризующей собою капиталистическое общество. Франція конца XVIII-го вѣка и складывающіяся въ ней въ это время экономическія отношенія съ достаточной убѣдительностью намъ это доказываютъ.

Экономическій антагонизмъ классовыхъ интересовъ не всегда, однако, выражался въ такой бурной формѣ, какъ во время великой французской революціи. Въ Англіи процессъ капиталистическаго развитія не носилъ бурнаго характера, тѣмъ не менѣе экономическія отношенія понаго классового общества складывались здѣсь еще болѣе характерно для капиталистическаго хозяйства, чѣмъ гдѣ бы то ни было. И такъ какъ въ Англіи капитализмъ раньше французскаго очистилъ себѣ пути развитія, свергнувъ феодальныя отношенія стараго режима еще задолго до французской революціи, то нужно было ожидать, что идея общественныхъ классовъ и ученіе о классовомъ расчлененіи найдетъ себѣ въ Англіи мѣсто гораздо раньше, чѣмъ это было во Франціи.

Мы увидимъ, однако, что, въ общемъ, развитіе идеи классовъ шло въ той и другой странѣ приблизительно одновременно и не

безъ взаимнаго вліянія. Было, однако, и существенное различіе въ томъ и другомъ развитіи, въ французскомъ и англійскомъ. Это различіе въ томъ, что англійскій типъ развитія идеи классовъ былъ менѣе яркъ по своей вѣдшей красочности, но болѣе глубока и послѣдователенъ въ своемъ содержаніи. И въ результатѣ, когда шумъ революціи стихъ и когда въ половинѣ XIX-го вѣка можно было уже приступить спокойно къ созданію или опытамъ созданія первыхъ научныхъ теорій общественныхъ классовъ, оказалось, что въ основу послѣднихъ могло лечь ученіе англійскихъ мыслителей болѣе, чѣмъ французскихъ.

Къ началу 60-хъ годовъ XVIII-го столѣтія Англія наслаждалась сравнительнымъ спокойствіемъ. Это было время высокаго экономическаго подъема, быстрого роста колоній; никакого сколько-нибудь глубокаго демократическаго движенія въ странѣ замѣтно не было. Не было и рѣзко выраженныхъ классовыхъ интересовъ, классовой борьбы, рѣзко обнаруживавшихся классовыхъ различій и классоваго сознанія, вплоть до промышленной революціи, разразившейся въ началѣ 60-хъ годовъ XVIII-го столѣтія. Значеніе и вліяніе этой промышленной революціи были громадны и чувствовались не въ одной только Англіи. „Все человѣчество—говоритъ по поводу этого вліянія историкъ англійскаго социализма *Бееръ*—вовлекалось на путь индустріальной революціи: ея дѣйствія были несравненно глубже и шире, чѣмъ вліяніе античной культуры, крестовыхъ походовъ, ренессанса, реформациі, великой французской революціи, наполеоновскихъ войнъ, національной борьбы и повѣйнаго имперіализма. Она создавала основу новаго соціального порядка; она создавала средства для устраненія бѣдности, угнетенія человѣка и классовъ: она создавала современный социализмъ“¹⁾.

Англійская промышленная революція выразилась, прежде всего, въ обостреніи соціальной борьбы, благодаря введенію машинъ и быстрой пролетаризаціи англійскаго населенія, съ одной сторо-

¹⁾ *M. Beer. Geschichte des Sozialismus in England. Stuttgart. 1913. Verlag von Dietz, стр. 24.*

пы, и концентрация капиталовъ и образованія крупныхъ богатствъ— съ другой. Среднее крестьянство и все трудовое население, работающее собственными средствами производства, оказалось оторваннымъ отъ собственныхъ орудій труда. Въ деревняхъ и въ разрастающихся городахъ быстро нарастала армія пролетаріата, которая увеличивалась къ тому же частью освобождавшихся рабочихъ рукъ на мануфактурахъ, съ введеніемъ машинъ. Быстро шло социальное разслоеніе населенія. Соціальное неравенство, избытокъ богатствъ и нищета массъ народа рѣзко выступали наружу. Начинало свое выступленіе и социальное-политическое броженіе.

Антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ сказался и здѣсь, разумеется, еще задолго до промышленной революціи. „Конфликты—говоритъ по этому поводу *Манту*—не ждали появленія машинизма и даже мануфактуръ, чтобы часто проявиться и принимать значительныя размѣры. Какъ только средства производства перестали принадлежать производителю, какъ только образовался классъ людей, продающихъ свою рабочую силу, и другой классъ—покупающихъ эту силу, тотчасъ же мы начинаемъ замѣчать неизбѣжно проявляющійся антагонизмъ. Главная причина послѣдняго—это разобщеніе средствъ производства отъ производителя... Исторія коалицій и стачекъ такъ же стара, какъ и развитіе самой промышленности“²⁾. Годы 1750, 1761, 1763—1773—это годы постоянныхъ, упорныхъ стачекъ въ Англіи, иногда длившихся многія недѣли.³⁾ Но послѣ промышленной революціи, конфликты труда и капитала, антагонизмы двухъ образовавшихся социальныхъ классовъ окончательно опредѣлились, раскрывши свою социальную сущность.

При такихъ условіяхъ, складывавшихся въ Англіи въ послѣдней трети XVIII-го вѣка, нашло себѣ мѣсто въ это время и первое проявленіе у англичанъ идеи общественныхъ классовъ. Путь, по которому шло развитіе ученія объ общественныхъ классахъ въ Англіи, былъ тотъ же, что и во Франціи. Сначала, на почвѣ новыхъ отношеній, вырабатывалась философскій, политическій и религіоз-

²⁾ *Paul Mantoux. La révolution industrielle au XVIII-e siècle. Essai sur les commencements de la grande industrie moderne en Angleterre. Paris 1906, стр. 55.*

³⁾ *Paul Mantoux, ibid., стр. 55.*

ный радикализм; затѣмъ, на фактахъ разительнаго социальнаго неравенства въ странѣ, складывалось ученіе объ естественныхъ правахъ человѣка, которое ницѣтъ объясненія причинѣ социальнаго неравенства; далѣе, появляются попытки коммунистическихъ построеній, съ болѣе или менѣе рѣзкимъ протестомъ противъ существующаго порядка вещей, политическихъ и экономическихъ укладовъ; при чемъ нерѣдко эти построенія и протесты носили опредѣленно консервативный характеръ; наконецъ, вниманіе обращается на новое, классовое расчлененіе общества, особенно со стороны экономистовъ и выросающаго социализма, въ теоретическихъ ученіяхъ а также и въ практическихъ выступленіяхъ и движеніяхъ котораго идея классовъ находитъ себѣ наиболѣе богатое содержаніе, ставясь здѣсь на базисъ идеи социальной борьбы.

Въ Англіи мысль о классовомъ расчлененіи общества, освобожденная отъ старо-сословныхъ рамокъ, рождается довольно рано.⁴⁾ Но сначала здѣсь, какъ и всюду, обращаютъ вниманіе на потребительскую сторону классоваго расчлененія, на раздѣлъ общества на богатыхъ и бѣдныхъ. Рѣзкій контрастъ нищеты и богатства бросается въ глаза прежде всего. И долгое время, начиная съ 17 столѣтія, въ Англіи, понятіе бѣдняка (poor), „промышленный бѣднякъ“ („industrious poor“) рабочій бѣднякъ (labouring poor) и просто „рабочій“ сливаются; при этомъ, рабочія массы населенія называються то классомъ бѣдныхъ, то лишимъ классомъ, то рабочимъ классомъ; во всѣхъ почти случаяхъ, однако, понятіемъ „класса“ пользуются, какъ установленнымъ понятіемъ, въ теченіе всего 18-го вѣка.

Рѣзкій социальный контрастъ между общественными классами новаго общественнаго порядка и, главнымъ образомъ, между богат-

⁴⁾ Еще въ 1656 году, въ толковомъ словарѣ „новыхъ“ словъ, составленномъ Блаунтомъ, мы встрѣчаемъ уже объясненіе слова *классъ*, въ смыслѣ „порядка или распределенія населенія по различнымъ рангамъ“ (Th. Blount) *Glossographia: or a Dictionary, interpreting all such hard Words of what soever Language, not used in our refined English Tongue etc.* London, 1681. (Первое изд. 1656). Стр. CL.

⁵⁾ Ср. *Hamway. Observations on the dissoluteness of the lower classes.* London 1772. — *Sir Fr. Morton Eden. The state of the Poor: or, an History of the labouring classes in England . . . etc., in three volumes.* London 1797, стр. 2. — *Young Arthur. Enquiry into the state of the Public Mind amongst the lower classes.* 1798.

ствомъ и бѣдностью, вызываетъ появленіе въ 1756 г. анонимнаго памфлета, подъ названіемъ „Въ защиту естественнаго общества“ („A vindication of natural society“¹). Авторъ его находитъ на протяженіи исторіи человѣческихъ обществъ два послѣдовательно развившихся типа общества: одно *естественное* общество, гдѣ люди живутъ *въ полномъ равенствѣ*, и другое—*политическое* общество, которое можно характеризовать съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, въ смыслѣ внѣшнихъ отношеній, существующихъ между обществами; во-вторыхъ, со стороны внутренней, т. е. въ смыслѣ отношеній, существующихъ въ каждомъ политическомъ обществѣ внутри, между разными составляющими общество частями. Въ первомъ случаѣ авторъ находитъ, ссылаясь на Гоббса и Макиавелли, что внѣшняя исторія государствъ—это исторія войнъ: „Всѣ имперіи—говоритъ онъ—цементированы на крови“²). Что же касается второй, внутренней стороны, то авторъ находитъ въ каждомъ политическомъ обществѣ расчлененіе на двѣ части: одну часть правящихъ (the governing) другую управляемыхъ (the governed), господъ и подчиненныхъ. Иначе говоря, внутри каждого государства царитъ, по мнѣнію автора, деспотизмъ, сплетенный съ аристократіей, и рабство. Тиралія и рабство—необходимыя условія, на которыхъ зиждется политическое общество, хотя политики и стараются увѣрить, что законы существуютъ якобы для защиты слабыхъ и бѣдныхъ отъ притѣсненія со стороны богатыхъ и сильныхъ. Это дѣленіе общества на богатыхъ и бѣдныхъ представляется автору наиболѣе очевиднымъ. Но не менѣе очевиднымъ онъ считаетъ и тотъ фактъ, что число богатыхъ—въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи съ числомъ бѣдныхъ. И все занятіе послѣднихъ направлено лишь къ тому, чтобы потворствовать праздности, прихоти и роскоши богатыхъ. Задача же богатыхъ, напротивъ, въ томъ, чтобы изобрѣтать всевозможные способы для укрѣпленія рабства и увеличенія бремени бѣдныхъ³). Это постоянный, вѣчный законъ всякаго искусственнаго

¹ A late noble Writer. A vindication of Natural society: or, a view of the Miseries and Evils arising to Mankind from every Species of artificial Society. In a letter to Lord****. London Printed for M. Cooper . . . 1756.

² A late noble Writer, *ibid.*, стр. 12.

³ A late noble Writer, *ibid.*, стр. 89, 90.

(политического) общества, что тѣ, кто работаютъ больше всего, меньше всего наслаждаются, и что тѣ, кто совсѣмъ не работаютъ, обладаютъ наибольшимъ числомъ средствъ для наслажденія. „Я полагаю, говоритъ авторъ памфлета, что въ Великобританіи найдется до 100.000 лицъ, занятыхъ въ свинцовыхъ, цинковыхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ и угольныхъ коняхъ. Они погребены въ землѣ, едва видятъ солнечный свѣтъ. Да кромѣ того, по крайней мѣрѣ, еще такихъ же 100.000, если не больше, ежедневно испытываютъ въ удручающемъ чадѣ, у раскаленного огня, въ постоянной грязной работѣ, которая требуется для очистки и обработки продуктовъ этихъ копей... Но это ничто, въ сравненіи съ страдавшими, которыми положить остальной мѣрь... Ежедневно миллионы заняты въ отравляющихъ здоровье, сырыхъ, разрушающихъ испареніяхъ свинца, серебра, мѣди, сѣры“⁹¹). Авторъ знаетъ, что государственные политики ему могутъ возразить, что неравенство необходимо, что безъ него не могли бы процвѣтать искусства, облагораживающія человѣческую жизнь. Но въ отвѣтъ на эти возраженія онъ спрашиваетъ: да необходимы ли эти искусства?.. А между тѣмъ, во всемъ мѣрѣ, говоритъ авторъ, всюду, гдѣ существуетъ политическое общество, въ какой бы ни было формѣ, многіе дѣлаются собственностью въ рукахъ немногихъ“⁹²).

Анонимный авторъ не идетъ въ своемъ памфлетѣ дальше дѣленія общества на богатыхъ и бѣдныхъ, правящихъ и управляемыхъ, но въ смыслѣ рѣзкой критики отношеній, создававшихся новымъ капиталистическимъ строемъ, памфлетъ имѣлъ большое вліяніе на развитие социалистической критики въ концѣ XVIII-го вѣка, давая дальнѣйшіе толчки для развитія идеи социальнаго расчисленія формирующагося новаго общества.

⁹¹ *A late noble Writer*, *ibid.*, стр. 91. 92.

⁹² *A late noble Writer*, *ibid.*, стр. 97—99. — Авторомъ этого, социалистическаго по формѣ и по содержанію памфлета, напоминавшаго мѣстами *Morelli* и *Fusco*, былъ *Эдмундъ Борк* (*Edmund Burke*), впоследствии консервативнѣйшій писатель и реакціоннѣйшій государственнѣйшій дѣятель Англіи, выступившій въ самомъ концѣ XVIII-го столѣтія съ рѣзкими и рѣшительными нападеніями противъ великой французской революціи и ея освободительныхъ войнъ. — Объ отношеніи *Борка* къ французской революціи, между прочимъ, см. *Friedrich Meusel*, „*Edmund Burke und die französische Revolution*“, Berlin 1913, гдѣ дана и соответствующая литература.

Такимъ социалистическимъ критикомъ XVIII-го вѣка, выпадавшимъ вѣдѣть за анонимнымъ авторомъ упомянутого памфлета на существующій строй явился въ 1761 году *Робертъ Уоллэсъ*, высокообразованный шотландецъ, съ своей выпущенной анонимно книгой „Various prospects of Mankind. Nature and Providence“ гдѣ мы находимъ опять-таки рядъ противопоставленій крайности богатства и бѣдности¹¹⁾. Въ главѣ „Общій взглядъ на несовершенство человѣческаго общества и на источники, изъ которыхъ оно вытекаетъ“ авторъ отмѣчаетъ, какъ далеки существующія всюду системы отъ совершенства; во всѣхъ государствахъ идетъ борьба за богатство и власть, протекать кровавыя войны, гибнуть миллионы людей, въ то время какъ бѣдность растетъ, создавая препятствія для развитія человѣчества¹²⁾. *Уоллэсъ* описываетъ систему коммунистическаго общества, ссылаясь на „Государство“ *Платона*, „Утопію“ *Томаса Мора* и „Оксанію“ *Гаррингтона* и понимая всю трудность проведенія коммунизма въ жизнь, такъ какъ „богатая и сильная часть населенія обладаетъ слишкомъ большими преимуществами, сравнительно съ другою частью—бѣдныхъ и слабыхъ, чтобы подѣлиться съ послѣдними, а самимъ спуститься до уровня со стоящими ниже себя“¹³⁾. По мнѣнію автора, для возможности проведенія коммунизма нуженъ слишкомъ высокій душевный подъемъ, энтузіазмъ, какой можетъ придти лишь въ моменты великой революціи¹⁴⁾.

И *Боркъ*, и *Уоллэсъ* сходятся во взглядахъ на несовершенство общественнаго строя и, какъ мы могли видѣть, рѣзко нападаютъ на расчлененіе общества на богатыхъ и бѣдныхъ. Такое же расчлененіе общества на потребительной основѣ отмѣчаютъ и многіе другіе писатели XVIII-го столѣтія въ Англіи, принадлежащіе къ самымъ различнымъ политическимъ лагерямъ. Такъ, въ 1785 году, консервативнѣйшій *Пэли* (Paley), въ своей популярной въ то время въ Англіи „Моральной и политической философіи“, пишетъ, что въ

¹¹⁾ (Robert Wallace.) Various Prospects of Mankind, Nature and Providence. London printed for A. Millar. MDCCCLXII.

¹²⁾ R. Wallace, ibid., стр. 25, 26.

¹³⁾ R. Wallace, ibid., стр. 57, 58.

¹⁴⁾ R. Wallace, ibid., стр. 67.

современномъ обществѣ 99 изъ 100 трудятся лишь надъ тѣмъ, чтобы на результаты ихъ труда 1 жилъ въ избыткѣ, въ то время какъ они сами довольствуются самыми примитивными средствами къ жизни. И они все производятъ и отдаютъ своему счастливому сочлену, хотя бы послѣдній былъ неислѣдимѣйшій или неисчислимыи между ними: ребенокъ, женщина, идиотъ, развратникъ, при чемъ спокойно смотрятъ, какъ тотъ истребляетъ и пожираетъ плоды ихъ труда. Но если бы кто-нибудь изъ нихъ дотронулся хотя бы до ничтожнаго кусочка этихъ избытковъ, ими же созданныхъ, его бы тотчасъ же схватили и судили за воровство, какъ преступника¹²⁾.

Все приведенные англійскіе писатели сходятся въ одномъ: въ установленіи факта расчлененія общества на богатыхъ и бѣдныхъ, а также въ признаніи факта противоположности между тѣми и другими. Отъ этихъ фактовъ былъ непосредственный переходъ къ тому, чтобы подмѣтить и обосновать фактъ антагонизма между социальными-различными частями общества и отсюда перейти къ идеѣ классовой борьбы. Послѣднюю, однако, трудно было ожидать въ Англии до конца XVIII-го столѣтія. Лишь послѣ того, какъ къ концу послѣднихъ десятилѣтій сказались результаты промышленной революціи, стали появляться болѣе опредѣленные указанія на классовый антагонизмъ и сами классы обозначаться въ болѣе опредѣленномъ и болѣе близкомъ къ дѣйствительному разсеченію видѣ, чѣмъ это дѣлалось англійскими писателями болѣе раннюю времени. Къ этому времени, переживаемому Англійей, идея социальныхъ классовъ не могла не отразиться и на англійскихъ экономистахъ, которые, однако, не толкнули впередъ развитіе этой идеи. Въ 1776 г. появившееся знаменитое изслѣдованіе *Адама Смита* „*The Wealth of Nations*“ оставило мало слѣда на движеніи и развитіи идеи классовъ. *А. Смитъ* находитъ въ каждомъ цивилизованномъ обществѣ три основныхъ класса: земледѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ. „Весь годовою продуктъ земли и труда любой страны естественно раздѣляется—говоритъ *А. Смитъ*—на три части:

¹²⁾ *W. Paley, The Principles of Moral and political Philosophy* (1785), 26-th edition, vol. I, Edinburgh 1817, стр. 108.

земельную ренту, заработную плату и прибыль съ капитала, что составляеть доходъ трехъ различныхъ классовъ (orders) населенія, — тѣхъ, кто живетъ на заработную плату, тѣхъ, кто живетъ на земельную ренту, и тѣхъ, кто живетъ на прибыль. Таковы три основныя, первоначальныя (original) части, изъ которыхъ составляется любое цивилизованное общество¹⁴⁾. Идея классовъ выражается здѣсь у *А. Смита* въ формѣ идеи распредѣлительныхъ классовъ. Но не этотъ распредѣлительный характеръ классового расчлененія мѣшалъ тому, что ученіе *А. Смита* не внесло въ развитіе идеи общественныхъ классовъ ничего положительнаго и оставалось совершенно безъ всякаго вліянія на ея движеніе. Главной причиною этому было то обстоятельство, что все ученіе *А. Смита* проникнуто насквозь самымъ рѣшительнымъ индивидуализмомъ. Личность, личный интересъ, свобода хозяйствующаго индивида, свобода конкуренціи,—все это было центральнымъ душетомъ смитовской системы. *А. Смитъ* былъ далекъ отъ соціальной точки зрѣнія на общественно-хозяйственный строй и въ своихъ трехъ общественныхъ классахъ не видѣлъ тѣхъ основныхъ соціальныхъ причинъ, вокругъ которыхъ шла бы общественная борьба, происходило бы движеніе общественной жизни, складывался хозяйственный строй. Вотъ почему объ общественныхъ классахъ онъ говоритъ какъ бы вскользь. Самый анализъ интересовъ этихъ классовъ, который могъ бы характеризовать природу классовъ, у него проистекать чисто индивидуалистической основой. На заработную плату, земельную ренту и прибыль *А. Смитъ* смотритъ не какъ на три составныхъ части всего общественнаго (національнаго) дохода страны. Отсюда нѣтъ. Прибыль для него—это то, что выпадаетъ въ среднемъ капиталисту на 100 единицъ его капитала, вложеннаго въ производство; рента—это доходъ съ единицы земельной площади; заработная плата—это плата лишь за голову средняго рабочаго. При такомъ анализѣ, идея общественныхъ классовъ остается совершенно пустымъ звукомъ, теряя всякое содержаніе. Если же приять во вниманіе то обстоятельство, что у *А. Смита* довольно замѣтно просвѣчиваетъ идея соціальной гармоніи и естественныхъ законовъ, находящихъ

¹⁴⁾ *Adam Smith. An inquiry into the Nature and causes of the Wealth of Nations. London, George Routledge and Sons, стр. 201. (Book I.)*

себѣ мѣсто при наличности условій свободы конкуренціи и свободной игры личныхъ интересовъ, то будетъ понятно, что идея общественныхъ классовъ, которая логически связала съ идеей антагонизма общественныхъ группъ, по существу даже чужда смитовской системѣ.

Напротивъ, не безъ влияния на англійскую общественную мысль въ вопросѣ о социальныхъ классахъ проходили событія французской революціи 1789 года, съ ея богатѣйшими по глубинѣ и содержанію идеями. Съ этого момента, т. е. со времени послѣдняго десятилѣтія XVIII столѣтія, идея классовъ даетъ новый толчокъ возникшему политическому движенію рабочей демократіи Англій.

Среди политическихъ писателей и дѣятелей этого времени, повлиявшихъ на развитіе идеи и ученія объ общественныхъ классахъ, можно отмѣтить *Томаса Пэна*, *Джона Тэллола* и *Томаса Спенса*.

Среди многочисленныхъ сочиненій и памфлетовъ *Пэна*, изъ имѣвшихъ наибольшее влияние на его современниковъ, въ интересующемъ насъ направленіи, можно указать на его „Права человѣка“ и „Аграрную справедливость“¹⁷⁾, гдѣ авторъ развиваетъ уже знакомыя намъ идеи о естественномъ и политическомъ состояніи общества, о равенствѣ и свободѣ съ одной стороны, о равенствѣ и неравенствѣ съ другой. „Права человѣка“ написаны *Пэномъ* противъ *Эдмунда Борка*, въ защиту французской революціи, а „Аграрная справедливость“—противъ одного англійскаго епископа—*Уотсона* (*Watson*), доказывавшаго, что бѣднаго и богатого „такъ создалъ Богъ“. *Пэнъ* возражаетъ послѣднему, указывая, что богатство и бѣдность—продуктъ современной цивилизаціи, и отмѣчаетъ, что контрасты между богатствомъ и бѣдностью и пропасть между богатыми и бѣдными постоянно растутъ.¹⁸⁾

Нельзя не отмѣтить, что выступленіе *Борка* противъ признанія благотворности социальныхъ результатовъ великой французской

¹⁷⁾ *Paine. Rights of Man: being an answer to Mr. Burke's attack on the French Revolution. London 1791 (Part 1). London 1792. (Part the second). — Paine Thomasq Agrarian Justice, opposed to Agrarian Law, and Agrarian Monopoly. Being a plan for ameliorating the condition of man, by creating in every nation a National Fund. Paris—London. 1797.*

¹⁸⁾ *Thomas Paine. Agrarian Justice. „The writings of Thomas Paine collected and edited by Monseigneur Daniel Conway“. Vol. III. 1791—1804. London 1896, стр. 337, 39.*

революціи сыграю чрезвычайно большую роль въ смыслѣ толчка къ развитію идеи классовъ въ Англіи. Вокругъ критики противъ выпадовъ *Борка* соединилась почти вся демократически мыслящая Англія; появилась обширная литература, въ формѣ болышего частью анонимныхъ памфлетовъ, которая значительно содѣйствовала англійской общественной мысли того времени свести въ одно болѣе или менѣе стройное цѣлое существовавшіе тогда взгляды по вопросу классоваго разслоенія и социальныхъ антагонизмовъ.

У *Джона Тэлола* мы встрѣчаемъ уже болѣе строгое расчлененіе общества и болѣе детальное раскрытіе смысла и содержанія понятія „богатые“. Въ своихъ „Естественныхъ и конституціонныхъ правахъ Британцевъ“ *Тэлолъ* возмущается отсутствіемъ парламентскаго представительства отъ рабочаго класса. Нормально ли это? Почему, спрашиваетъ онъ, промышленники (factors), купцы, крупные оптовики и богатые фабриканты безнаказанно организуются въ союзы, все монополизировать, устанавливая, какъ имъ хочется, товарныя цѣны, въ то время какъ промышленные и сельскіе рабочіе (mechanics and labourers) третированы, какъ преступники, если они организуются въ коалиціи съ цѣлью защиты своихъ интересовъ? Почему промышленность и торговля, увеличивъ богатства, роскошь и комфортъ немногихъ, еще глубже погрузили въ нищету рабочихъ (industrious poor)? Почему работниковъ оторвали отъ своего плуга, малуфактурный рабочій (manufacturer) отъ своего станка, чтобы въ чужихъ странахъ поливать своею кровью иноземныя поля, въ то время, какъ богачи наслаждаются дома покойемъ? Почему все это? Потому, отвѣчаетъ авторъ, что въ парламентѣ представлены только богатые и сильные и что поэтому только ихъ интересы и защищены; а между тѣмъ, что иное представляетъ изъ себя собственность, какъ не человеческій трудъ, какъ не потъ съ лица рабочихъ (бѣдныхъ), на которомъ зиждется вся собственность въ рукахъ другихъ¹⁹⁾. *Тэлолъ* думаетъ, что такое положеніе ненормально и что сами богатые должны нести вину за послѣдствія этой ненормальности: онъ приводитъ слова *Макиавеля*

¹⁹⁾ *John Theobald*. The natural and constitutional right of Britons. To annual Parliaments universal Suffrage, and the freedom of popular Association . . . etc. London 1795, стр. 42 44.

ли, что „мятежи и беспорядки“ чаще создаются богатством и сильными, чѣмъ бѣдными классами²⁰⁾.

Вслѣдъ за *Томасомъ*, большое влияние на развитіе идеи классовъ имѣлъ *Томасъ Спенсъ*, извѣстный, какъ аграрный коммунистъ, который выступаетъ въ рядѣ памфлетовъ („Дѣйствительные права человека“—1793, „Высшій пунктъ свободы“—1796) и въ рабочей прессѣ, особенно въ „Pig's Meat“.

„Pig's Meat“—еженедѣльный органъ, издававшійся *Спенсомъ* въ Лондонѣ въ теченіе 1793, 1794 и 1795 годовъ и распространившійся, главнымъ образомъ, среди массъ рабочаго населенія. Въ этомъ отношеніи, мысли, развиваемыя въ „Pig's Meat“, весьма показательны. Здѣсь не только опредѣленно звучитъ идея противоположности и рѣзкаго антагонизма между общественными классами, но и слышится съ трудомъ сдерживаемое чувство ненависти, обиды, протеста противъ неравномѣрности распредѣленія, противъ порабожденія сильнымъ и богатымъ бѣдыка-рабочаго. „Богатые должны знать,—читаемъ мы въ первыхъ же номерахъ журнала,—что въ то время какъ они живутъ въ роскоши, а бѣдные (рабочіе) довольствуются лишь скудными крохами, падающими со стола богатыхъ, они дѣлаютъ совершенно противоположное евангелію, въ которое, какъ они говорятъ, они вѣрятъ. Это не соответствуетъ природѣ вещей или не имѣетъ вообще подъ собою достаточно разумнаго основанія, что одни должны отъ избытка разрушать свое здоровье, въ то время какъ другіе должны оставаться безъ самаго необходимаго въ жизни. Нѣтъ,—каждое существо „которое природа надѣлила ртомъ и пищеварительными органами, имѣетъ равныя права на участіе въ благахъ природы... Богатство и собственность должны быть, наконецъ, изъяты изъ рукъ грабежа и праздности и раздѣлены между всеми людьми, пропорціонально заслугамъ каждого“.²¹⁾ Бѣдные (рабочіе), читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, пролива-

²⁰⁾ *Pig's Meat*, or lessons for the Swinish multitude (лекція для стада свиней; такъ называли рабочихъ *Эдмундъ Борк*). Published in weekly penny numbers. Collected by the Poor Man's advocate (an old veteran in the cause of freedom) и проч. The second edition. London (1793—1795), стр. 64, vol. 1.

²¹⁾ *John Thelwall*, *ibid.*, стр. 57.

иуть незамѣтныя для другихъ слѣды, будучи преслѣдуемы великоулыбно организованной противъ нихъ тираніей; и каждый законъ, который благопріятель другимъ, враждебенъ имъ и направленъ противъ нихъ²³⁾. Не нужно особой проникательности, чтобы видѣть, что законы объ охотѣ, законъ противъ стачекъ (riot act), законы противъ бродяжничества и пр. и пр., направлены главнымъ образомъ въ сторону, благопріятную богатымъ, и противъ бѣдныхъ, способствуя ихъ разоренію. Что-же бѣднымъ благопріятствуетъ, чтобы давить и причинять насилія богатымъ? Конечно, ничего. Всякій жизненный комфортъ извлекается изъ земли; а такъ какъ богатые являются собственниками земли, то уже въ силу этого въ ихъ рукахъ концы отъ жизни и смерти; и въ то время какъ они увеличиваютъ свои ренты непрерывно, безгранично и безпрепятственно, увеличивается и ихъ сила не только надъ счастьемъ, но даже и надъ жизнью широкихъ массъ народа²⁴⁾.

Въ томъ же духѣ написаны главы о „причинахъ англійской нищеты“²⁵⁾ и о „балансѣ силъ между богатыми и бѣдными“. „Я полагаю, съ грустью констатируетъ здѣсь авторъ, что половина жителей королевства умираетъ съ голоду и выржена въ нищету, въ то время какъ другая половина, благодаря тому, что утопаетъ въ изобиліи, умираетъ отъ переполненія желудка“²⁶⁾ „Нельзя отрицать—продолжаетъ авторъ,—что большая часть общества, и именно наиболѣе всего работающая (industrious), болѣе всего угнетена... Крестьянство, рабочій, чернорабочій (или какъ называлъ бы ихъ закоренѣлый врагъ человѣчества—Воркъ—стадо свиней) находится въ постоянномъ порабощеніи въ рукахъ корпораціи собственниковъ, аристократіи собственности...“²⁷⁾.

Въ рабочемъ журналѣ *Спенса* мы находимъ много ссылокъ на *Годвина*, на „Океанію“ *Гаррингтона* а также и много переводныхъ статей изъ *Руссо* и другихъ французскихъ писателей, конца XVIII столѣтія. Среди послѣднихъ представляетъ интересъ переводъ изъ

²³⁾ *Pig's Meat*, ibid., II v., стр. 23.

²⁴⁾ *Pig's Meat*, ibid. стр. 89, vol. II.

²⁵⁾ *Pig's Meat*, ibid., стр. 110—112, vol. II.

²⁶⁾ *Pig's Meat*, ibid., vol. II, стр. 110.

²⁷⁾ *Pig's Meat*, ibid., vol. II, стр. 166.

„Руины“ графа *де Вольней*, показывающей, какъ быстро пію усвоение идей французской революціи въ Англіи и какую благопріятную почву находили онѣ среди широкихъ массъ англійскаго рабочаго класса того времени.²⁷⁾

Несомнѣнно, идеи *Вольней* отвѣчали настроенію демократической Англіи конца XVIII-го вѣка. Чтобы видѣть, каково было это настроеніе, приведемъ изъ помѣщенной въ „Pig's Meat“ 15-й главы „Руины“, озаглавленной „Новый вѣкъ“, нѣсколько характерныхъ мѣстъ, какъ для Франціи, гдѣ написана источникъ, такъ и для Англіи разсматриваемой эпохи, гдѣ эта глава изъ книги *Вольней* находила широкій кругъ демократическихъ читателей; характерныхъ, наконецъ, и для взглядовъ самого *Спенсера*. „Я направилъ туда свой взоръ—читаемъ мы въ „Pig's Meat“—и за Средиземнымъ моремъ, въ области одной изъ европейскихъ націй, замѣтилъ необычайное движеніе... Изъ общаго шума и криковъ мой слухъ улавливалъ по временамъ слѣдующія фразы: „Откуда это такое чудовище? откуда эти ужасные удары бича? Мы представляемъ собою огромную націю, а у насъ не достаетъ рукъ! Мы властвуемъ великолѣпной почвой, а имѣемъ недостатокъ въ жизненныхъ продуктахъ! Мы трудолюбивы, энергичны, а живемъ въ недостаткѣ! Мы платимъ колоссальныя подати, а намъ говорятъ, что ихъ недостаточно! Мы имѣемъ по сѣбѣству съ своей страной друзей, а наша личность и наши блага внутри собственной страны не въ безопасности! Кто же это за таинственный врагъ, который насъ пожираетъ?“ И послышались голоса, исходящіе изъ нѣдръ толпы: „разверните высокое знамя, вокругъ котораго должны собраться все, кто кормятъ общество своимъ полезнымъ трудомъ; тогда вы увидите врага, который васъ истребляетъ“. Было развернуто знамя, и нація внезапно распалась на двѣ неравныя части, одна отъ другой совершенно отличная. Одна часть, громадная по своему количеству и охватывающая едва не всю націю, представляла, въ общемъ, судя по бѣдной одеждѣ, по худому и жалкому виду, все признаки нищеты и труда; у другой части, численно совершенно

²⁷⁾ S. Fr. Volney. Voyage en Syrie et en Égypte. Tome troisième, 1792: Les Ruines ou Méditation sur les révolutions des Empires.

незначительной, такъ что ее легко было пересчитать, были замѣтны, наоборотъ, признаки бездѣлья и избытка, судя по полнотѣ и округленности ихъ лицъ, по богатству платья, отдѣланнаго серебромъ и золотомъ. Разсматривая внимательнѣе эти двѣ разныя группы людей, я узналъ, что первая многочисленная часть состояла изъ рабочихъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ,—словомъ—изъ всѣхъ сословій, полезныхъ обществу; въ меньшей же части находились монахи и священники высшаго ранга, банкиры, дворяне, придворные, военные, гражданскіе и другіе правительственные чиновники. Та и другая группа стояли другъ противъ друга, съ удивленіемъ оглядывая одна другую. У первыхъ я замѣтилъ гнѣвъ и негодование; среди второй группы—возрастающій страхъ. Наконецъ, первая, многочисленная группа обратилась ко второй съ вопросомъ: „Почему же это вы отдѣлились отъ насъ? Развѣ вы къ намъ не принадлежите? Развѣ мы не вмѣстѣ составляемъ одинъ народъ?—Нѣтъ, отвѣчала вторая группа; вы—народъ, а мы—нѣчто совершенно иное; мы—классъ избранныхъ (*distinguished class*, фр. *toketse*—*classe distinguée*); мы имѣемъ особые законы, свои обычаи, свои особые права.—*Народъ*: А что за трудъ песете вы въ нашемъ отечествѣ? *Классъ избранныхъ*: Никакого; мы не для того созданы, чтобы работать. *Народъ*: Какъ же вы приобрѣли такіа богатства? *Классъ избранныхъ*: эти богатства мы приобрѣли потому, что мы беремъ на себя безпокойство (*trouble*) вамъ управлять. *Народъ*: Ахъ, вотъ какъ! Вы это называете управлять? Мы трудимся, а вы наслаждаетесь; мы создаемъ, а вы уничтожаете. Отъ насъ идутъ богатства, а вы ихъ истребляете. Особенные, избранные люди! Классъ, который, однако, не составляетъ народа: образуйте же въ такомъ случаѣ свою отдѣльную націю и управляйте сами собою!—Небольшая, вторая группа отдѣлвшихся стала обсуждать это предложеніе; одни, очень немногіе изъ нихъ, говорили: „мы должны снова соединиться съ народомъ и раздѣлить его тяжести, его трудъ, такъ какъ они такіе же люди, какъ и мы“; другіе возражали: „было бы стыдно и недостойно, если бы мы смѣшались съ чернью; послѣдняя существуетъ для того, чтобы служить намъ. Мы же происходимъ изъ благородной чистой расы—завоевателей этой страны. Мы взыскаемъ къ нашимъ правамъ и на-

пиему происхожденію... Мы люди разной расы"... Наконецъ, послѣдніе обратились къ народу съ такими словами: „Народъ! ты забываешь, что наши предки завоевали эту страну и что они дали вашему поколѣнію жизнь только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы вы служили намъ. Это нашъ союзный договоръ. Это вопиющій въ обществѣ и освященный временемъ способъ управленія“. Народъ: Чистое поколѣніе завоевателей, покажи же намъ, однако, твою родословную, чтобы мы могли посмотреть, можетъ ли быть добродѣтельно въ глазахъ нации то, что въ глазахъ отдѣльных лицъ является воровствомъ и обманомъ.—Въ ту же минуту съ разныхъ сторонъ послышались голоса; многіе изъ знати старались раскрыть свое происхожденіе и родство; рассказывали, кто былъ ихъ дѣдъ, прадедъ или отецъ, купившій за деньги дворянство; и оказались лишь очень немногіе изъ ихъ лица древняго рода и стариннаго происхожденія.

Этотъ разговоръ между народомъ и праздными классами (classes oisives), говоритъ въ примѣчаніи авторъ, содержитъ объясненіе всего общества. Всѣ политическія неурядицы и анархія сводятся къ слѣдующему: люди, ничего не дѣлающіе и уничтожающіе то, что составляетъ содержаніе другихъ; люди, обладающіе особыми правами и исключительными привилегіями на богатство и праздность,—вотъ основа всѣхъ неустойчивостей, существующихъ у всѣхъ націй. Сравните мамелюковъ въ Египтѣ, дворянъ въ Европѣ, патріціевъ въ Римѣ, натровъ въ Индіи, змановъ, эмировъ въ Аравіи, браминновъ, бонзъ, ламъ и т. д., и вы найдете одну и то же: все это—праздные люди, живущіе на счетъ тѣхъ, кто работаетъ²⁸⁾.

Приведенныя выдержки изъ „Pig's Meat“, показываютъ намъ, что идея двухъ основныхъ классовъ, на которые распадется общество, глубоко уже вкоренилась въ сознаніи демократической части англійскаго общества конца XVIII-го вѣка. Очевидно, смитовское ученіе о трехъ общественныхъ классахъ здѣсь не находило себѣ отголоска. Въ представленіи трудовыхъ массъ населенія труду могла быть противопоставлена лишь одна сила,—сила капитала, безразлично, во что бы ни воплощался этотъ капиталъ: въ видѣ

²⁸⁾ *Pig's Meat*, *ibid.*, стр. 60—73.

ли земельного лэндлорда, фабриканта-предпринимателя или батшира.

Изложенные взгляды предшественников англійскаго социализма по вопросу о социальномъ расчлененіи, по общему своему тону, аналогичны ученію французскихъ предшественниковъ социализма. Мы видимъ, что англійскія и французскія идеи общественныхъ классовъ возникаютъ почти одновременно и въ своемъ развитіи оказываютъ одинъ на другія непосредственное взаимное вліяніе. Мы видимъ, далѣе, что идея классоваго расчлененія въ Англіи возникаетъ подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ промышленной революціи, раскалывающей общество на двѣ большія социально-антагонистическія части, и что она, къ концу XVIII вѣка, находитъ свое выраженіе, поэтому, въ формулѣ двучленного раздѣла. Развиваютъ эту идею двухъ классовъ, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, предшественники социализма; въ этомъ отношеніи на нихъ не оказали никакого вліянія трехчленная формула смитовскаго ученія, заимствовавшая у французскихъ физиократовъ школы Кенэ. Во всякомъ случаѣ, къ концу XVIII вѣка, въ Англіи была раскрыта идея общественныхъ классовъ широкой и торной путь.

II. Ранніе англійскіе социалисты и демократы первой трети XIX-го столѣтія о социальныхъ классахъ,

Въ ученіи англійскихъ социалистовъ идея общественныхъ классовъ нашла себѣ выраженіе на первыхъ же шагахъ развитія социалистической мысли. Среди раннихъ англійскихъ социалистовъ, выдвигавшихъ уже опредѣленно идею классовъ, можно назвать *Годвина, Хоула Рабенетона, Томпсона, Грея; Ходжскина; Брея*. Эти социалистическіе писатели, появившись съ конца XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка, заложили своими идеями тотъ теоретическій фундаментъ, на основѣ котораго былъ построенъ впоследствии научный социализмъ *Маркса-Энгельса*. Въ этомъ отношеніи англійскій ранній социализмъ стоялъ неизмѣримо выше теоретическаго багажа французскихъ социалистическихъ утопистовъ первой половины XIX-го столѣтія. Уже къ первой четверти XIX-го в.

у ранних английских социалистов мы находим весьма определенные указания на идею двухчленного раздѣла современного общества, на борьбу классовъ, противоположность классовыхъ интересовъ, т. е. на всѣ тѣ главнѣйшіе элементы, изъ которыхъ впоследствии сложилось ученіе объ общественныхъ классахъ.

Когда въ рабочемъ движеніи 30-хъ годовъ идеи этой школы ранняго англійскаго социализма нашли себѣ практическое приложеніе и жизненное выраженіе, онѣ еще болѣе окрѣпли, очистились отъ лежавшихъ на нихъ утопическихъ элементовъ и съ тѣмъ большей силой проявили свое вліяніе на социалистическія ученія о социальныхъ классахъ.

Социалистическая школа раннихъ англійскихъ писателей, не многочисленная по количеству, имѣла, безспорно, громадное вліяніе на позднѣйшее движеніе социалистической мысли и, въ частности, на развитіе проблемы классовъ. Большинство представителей этой школы, которую *Фокусаль* ставитъ такъ высоко за „оригинальность, самостоятельность, радикализмъ и смѣлость мысли“¹⁾, находилось подъ замѣтнымъ вліяніемъ попытки *Колькюна* дать учетъ распредѣленію національнаго дохода между различными классами современнаго ему общества (1814 г.)²⁾. Книжку *Колькюна* читали въ Англіи всѣ, кто только интересовался экономическими, государственными и социальными-политическими вопросами; ее цитировало большинство социалистовъ того времени; она служила „статистической основой социальнаго-экономическаго мышленія той эпохи“³⁾; она была „статистической основой социалистическаго движенія“⁴⁾. Самъ *Колькюнъ* называетъ приводимую имъ въ книгѣ свою таблицку распредѣленія англійскаго дохода „картой гражданскаго общества“. „Каждая нація, говоритъ между прочимъ *Колькюнъ*, живетъ на счетъ арміи бѣдныхъ (т. е. рабочихъ), которые численно преобладаютъ въ обществѣ. Безъ существованія

¹⁾ H. S. Foxwell, prof. in Cambridge. Geschichte der sozialistischen Ideen in England, Berlin 1903, стр. XI. (См. вступительное предисловіе къ нѣмецкому переводу книги W. Thompson „An Inquiry into the principles of the Distribution of Wealth . . etc.“).

²⁾ P. Colquhoun. A treatise of the Wealth, Power and Resources of the British Empire. London 1815 (первое изд. 1814).

³⁾ M. Beer. Geschichte des Sozialismus in England. Stuttgart 1913, стр. 160.

⁴⁾ H. S. Foxwell, ibid., стр. XXVIII.

огромного класса бѣдныхъ (т. е. рабочихъ) ни въ одной странѣ не могло бы быть богатства, такъ какъ богатство—дѣтя труда, а трудъ—существуетъ лишь въ силу бѣдности. Бѣдность же—это такое состояніе общества, при которомъ имѣются индивиды, не обладающіе прибавочнымъ трудомъ (*surplus labour*), или иначе говоря—не владѣющіе никакой собственностью или средствами существованія, кромѣ заработной платы, которую они получаютъ въ различныхъ отрасляхъ дѣятельности за примѣненіе своей рабочей силы. Поэтому бѣдность—необходима и является абсолютно неизбѣжной составной частью общества; безъ нея страны и народы не были бы въ состояніи пользоваться благами цивилизаціи“.³⁾

Подъ вліяніемъ таблицы *Кольюна* ранніе англійскіе социалисты все свое вниманіе направляли на различіе, существовавшее уже въ ихъ время ранняго капитализма, между производительными и непроизводительными слоями населенія. На этой почвѣ и выросла передъ ихъ умственнымъ взоромъ идея общественныхъ классовъ, которой они дали глубокое содержаніе. Правда, въ ученіи этой школы англійскаго социализма идея классовъ не служила предметомъ самостоятельнаго анализа; но даже въ трудахъ позднѣйшаго научнаго социализма, въ трудахъ *Маркса-Энгельса*, мы не найдемъ такого анализа, въ качествѣ самостоятельнаго объекта изслѣдованія.

Представителей ранняго англійскаго социализма занимала, главнымъ образомъ, идея борьбы классовъ. Общественные классы, классовое расчлененіе общества, принимались, какъ фактъ. Все же вниманіе было посвящено анализу борьбы классовъ, поскольку послѣдняя отражалась на положеніи рабочихъ классовъ и поскольку вообще вся система капиталистическаго производства вела къ бѣдности и нищетѣ большинство населенія страны, съ одной стороны, и обогащенію собственностию капитала—съ другой. Но и въ такой своей формѣ идея классовъ явилась въ трудахъ раннихъ англійскихъ социалистовъ весьма плодотворной. Она расчищала путь дальнѣйшему развитію ученію о классахъ, указывала на тѣ основы, на которыхъ должны быть построены изученіе и анализъ классовъ.

³⁾ *P. Colquhoun, ibid., стр. 110 (London 1815).*

Въ числѣ первыхъ представителей школы ранняго англійскаго социализма, наиболѣе рѣзко и рѣшительно критикуетъ общественную систему развивающагося капитализма, вскрывая всѣ отрицательныя стороны социальнаго разслоенія и констатируя послѣднее. *Вильямъ Годвинъ*, извѣстное изслѣдованіе котораго о „политической справедливости“ („*Inquiry concerning political justice*“) отпослано къ 1793 году⁹). *Годвинъ* въ этомъ изслѣдованіи находитъсь подъ вліяніемъ идей французскихъ энциклопедистовъ и философовъ (*Гольбаха, Гельвеція, Руссо*), съ одной стороны, французской революціи—съ другой. Подъ вліяніемъ идей рационализма онъ вѣритъ въ силу идей, въ силу разума, въ перерождающую силу просвѣщенія и убѣжденія. Подъ вліяніемъ событій французской революціи—онъ не довольствуется одной критикой буржуазнаго общества; онъ ищетъ рѣшительныхъ измѣненій и переустройствъ, строитъ планы новаго общественнаго строя, гдѣ нѣтъ ненавистнаго ему неравенства. *Годвинъ*—социалистъ, но онъ социалистъ-индивидуалистъ. Онъ стремится къ одному—чтобы личность человѣка была свободна, чтобы даже кооперативный трудъ, социальное сотрудничество не давило ея, не говоря уже о политической организаціи.

Подобно предшественникамъ своимъ въ критикѣ современной ему системы общества (*Уоллесъ, Теллолъ*), *Годвинъ* развиваетъ идею двухъ социальныхъ классовъ—класса богатыхъ и класса бѣдныхъ. Эти классы, находитъ онъ,—продуктомъ социального неравенства, вытекающаго изъ института частной собственности. Неравенство—коренной источникъ социального зла. Оно ведетъ къ честолюбію, тщеславію, къ господству человѣка надъ человѣкомъ. Оно ведетъ къ войнамъ, къ кровопролитію, къ нищетѣ. Оно зажигаетъ въ народахъ взаимную ненависть, вызываетъ пламя войны. Вся общественная система, покоящаяся на частной собственности, ведетъ къ тому, что въ основу человѣческаго поведенія въ концѣ концовъ ложится самый низменнѣйшій эгоизмъ. „Каждый—говоритъ *Годвинъ*—имѣетъ право на необходимыя средства къ жизни, но и на удовольствія и вообще на досугъ, который позволитъ

⁹ *William Godwin. An Inquiry concerning Political Justice and its influence on general virtue and hapiness, London MDCCXIII (1793).*

бы ему развивать духовныя дарованія. А что же мы видимъ въ настоящее время? Что рабочій классъ, который создаетъ все благосостояніе государства и производитъ своимъ трудомъ національный доходъ, обладаетъ, однако, меньше всего досугомъ и наименьшей долей въ національномъ доходѣ, въ то время какъ богатые утопаютъ въ роскоши". Для описанія тяжелаго положенія рабочаго класса, который *Годвинъ* называетъ то „низшимъ“ классомъ, то „бѣдными“, то „рабочими“, онъ не жалѣетъ красокъ. Онъ сравниваетъ ихъ положеніе съ положеніемъ выючныхъ животныхъ, походя, что въ такомъ положеніи находятоя при господствующей системѣ по меньшей мѣрѣ девяносто восемь сотыхъ всего населенія страны. Противопоставляя классъ богатыхъ классу бѣдныхъ (рабочихъ), *Годвинъ* первый изображаетъ, какъ кучку немногихъ, утопающихъ въ изобиліи и роскоши, послѣдній же, какъ народную массу, погруженную въ нищету, постоянный трудъ, невѣжество, обреченную на вырожденіе. Первые въ его представленіи—это „господствующие и правящіе“, вторые—угнетенные и рабы. Быть богатымъ, говоритъ *Годвинъ*, значитъ имѣть патентъ, позволяющій одному лицу распоряжаться продуктомъ труда другого. Господствующая и правящая часть общества похожа на льва, отправляющагося на охоту вмѣстѣ съ болѣе слабыми животными. Сначала беретъ себѣ долю землевладѣлецъ, несоизмѣрно большую при этомъ; за нимъ слѣдуетъ капиталистъ, который оказывается такимъ же ненасытнымъ, какъ и первый. Между тѣмъ какъ при иномъ устройствѣ общества, по мнѣнію *Годвина*, можно было бы прекрасно обойтись безъ этихъ двухъ классовъ общества. Для этого нужно лишь уничтоженіе неравенства. Только скопленіе собственности въ рукахъ немногихъ руководителей дѣлаетъ изъ всего человѣчества трубую массу, которой можно управлять и распоряжаться, какъ простой машиной.

Рисуя такими мрачными красками отношенія между двумя главными классами общества и сливая землевладѣльцевъ и капиталистовъ въ одинъ классъ—богатыхъ, *Годвинъ* изображаетъ всю арену человѣческой дѣятельности и сношеній между людьми, въ обществѣ съ системой частной собственности, какъ арену дѣйствія взаимной вражды, ненависти, насилія, борьбы всѣхъ противъ всѣхъ.

зависти, вызывающей въ концѣ концовъ столкновенія націй между собою и войны; когда люди гибнутъ—говорить онъ—отъ землетрясеній, оставшимся въ живыхъ можно только оплакивать погибшихъ; по совершенно иное, когда человѣкъ гибнетъ отъ ударовъ другого человѣка; здѣсь дѣлаются люди жестокими, неумолимыми, безчеловѣчными; кто теряетъ здѣсь друга, исполняется негодованіемъ и злобой; распространяется недобѣрае человѣка къ человѣку, расторгаются самыя драгоцѣпныя узы человѣческаго общенія.¹⁾

Мы видимъ, такимъ образомъ, у *Годвина* идею антагонизмовъ и социальной борьбы, но она носитъ въ себѣ всѣ черты годвиновскаго индивидуализма. Проявленія сознанія классового антагонизма мы у него еще не находимъ. Отъ идеи борьбы *классовъ Годвинъ* далекъ, или къ ней равнодушенъ, такъ какъ не въ социальной борьбѣ видитъ онъ возможность измѣнить общественную систему частной собственности и неравенства, а во внутреннемъ перерожденіи индивидуальной психики, индивидуальнаго сознанія,—перерожденіи, которое можетъ наступить въ результатѣ мирнаго убѣжденія, путемъ проповѣданія. *Годвинъ* видитъ социальное расщепленіе общества, видитъ въ немъ два основныхъ класса (классъ богатыхъ и „классъ тѣхъ, которые всегда голодны и живутъ въ нуждѣ, не имѣя времени для какихъ-нибудь **меньше грубыхъ и меньше матеріальныхъ** потребностей“), но социальныхъ выводовъ отсюда онъ не дѣлаетъ: онъ врагъ частной собственности, но онъ индивидуалистъ; онъ стоитъ за полное равенство, но въ то же время онъ врагъ даже общественной организаціи на принципахъ социального сотрудничества; въ послѣднемъ онъ видитъ опасность для свободы личности.

Въ развитіи идеи классовъ заслуга *Годвина*, такимъ образомъ, лишь въ установленіи факта классоваго расчлененія общества и въ опредѣленіи отношеній между классами, какъ отношеній господства и подчиненія, командованія и исполненія, какъ отношеній, построенныхъ на эксплуатаціи слабаго сильнымъ. Идея социального антагонизма, проявляющагося въ формѣ борьбы между классами, *Годвину* еще не ясна, хотя онъ смутно и подходитъ къ ней, говоря о борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, о столкновеніяхъ, о войнахъ между народами.

¹⁾ *W. Godwin, ibid., vol. II, стр. 789—823.*

Более ясно выраженную идею классов, вмѣстѣ съ идеей классового антагонизма и борьбы между классами, мы находимъ у Холла, который послѣ Годвина уже дѣлаетъ значительный шагъ впередъ по пути къ социальной точкѣ зрѣнія въ изслѣдованіи фактовъ социального неравенства и социального раскола.

Холлъ выступаетъ съ чрезвычайно интересной для историческаго освѣщенія многихъ теоретическихъ вопросовъ социализма книгой, посвятившей названіе „Вліяніе цивилизаціи на народы европейскихъ государствъ“ (1805)⁹⁾. Въ своей книгѣ онъ развиваетъ рядъ положеній, легшихъ въ основу социализма, которые перѣдко приписываются Рикардо. Въ книгѣ Холла мы находимъ специальную главу, посвященную названію „Раздѣлъ населенія страны на два порядка“ (глава II, section II). Въ этой главѣ Холлъ устанавливаетъ существованіе двухъ основныхъ классовъ, на которые раздѣляется, по его мнѣнію, общество цивилизованныхъ государствъ. Но такой раздѣлъ имѣетъ значеніе для Холла лишь *методологическое*. „Народонаселеніе въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ—говоритъ онъ—можетъ быть раздѣлено на множество различныхъ порядковъ (ordres); но въ цѣляхъ изслѣдованія того, какимъ образомъ одни наслаждаются, а другіе лишены необходимаго для поддержанія жизни, необходимо раздѣлять населеніе только на два класса, т. е. на богатыхъ и бѣдныхъ“¹⁰⁾. Въ этомъ положеніи, устанавливаемомъ Холломъ, уже ясно проглядываютъ зачатки того основного метода социального изслѣдованія, который легъ въ основу всѣхъ теоретическихъ построеній позднѣе развившагося историческаго материализма и который сыгралъ главнѣйшую роль въ развитіи проблемы общественныхъ классовъ.

Въ особой главѣ о различныхъ интересахъ богатыхъ и бѣдныхъ¹¹⁾ Холлъ говоритъ о постоянномъ столкновеніи, борьбѣ и антагонизмѣ между двумя классами и ищетъ основы этого антагонизма. „Каждый изъ класса богатыхъ—говоритъ Холлъ—можетъ рассматри-

⁹⁾ The Effects of civilisation on the People in European States. By Charles Hall M. D. London, MDCCCL, The Phoenix Library (Первое изд. въ 1805).

¹⁾ Hall Ch., *ibid.*, стр. 3.

¹⁰⁾ Ch. Hall, *ibid.*, стр. 90—94.

ваться, какъ покупатель; каждый бѣднякъ, какъ продавецъ и именно продавецъ труда. Въ интересахъ перваго получить какъ можно больше труда отъ бѣднаго, а дать послѣднему за этотъ трудъ лишь ничтожную часть продукта его труда. Отсюда, въ классѣ бѣдныхъ—духъ противодѣйствія, духъ сопротивленія; отсюда борьба классовъ. Силы борьбы и условія этой борьбы Холлъ считаетъ, однако, далеко не благоприятными для бѣднаго класса, такъ какъ въ рукахъ богатаго класса и земли, и сырье для производства, и машины, и все создаваемыя блага¹¹⁾),—словомъ все предметы, обладаніе и совокупность которыхъ составляетъ богатство.

Холлъ считается и съ машиннымъ производствомъ, уже проявившимъ свое дѣйствіе на фактъ социальнаго разслоенія и на классовыхъ отношеніяхъ, со времени промышленной революціи. Тотъ машинизмъ, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ, который въ правильно организованномъ обществѣ являлся бы общественнымъ благомъ, при существующей хозяйственной системѣ лишь увеличиваетъ борьбу и интенсивность конкуренціи, и тяжело отражается на трудовомъ рынкѣ, вызывая въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, двѣ крайности: избытка и лишенія¹²⁾). Рисуя положеніе рабочихъ, класса трудового населенія, ухудшающагося, по мѣрѣ роста цивилизаціи и обогащенія немногихъ, Холлъ предвидитъ, что духъ противодѣйствія со стороны обдѣленныхъ можетъ вылиться въ концѣ концовъ въ открытое возстаніе; „приходится принимать, поэтому,—говоритъ онъ,—рядъ принудительныхъ мѣръ, издавать рядъ новыхъ, болѣе суровыхъ законовъ, которые бы могли защитить собственность; приходится содержать большую военную силу,—короче говоря, приходится учредить военное управленіе страной; а чтобы солдаты принудить къ выступленію противъ собственныхъ отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ и къ нарушенію ими естественныхъ и моральныхъ связей и отношеній, приходится значительно увеличивать имъ плату и содержать ихъ отдѣльно отъ родныхъ и знакомыхъ, въ особыхъ казармахъ, гарнизонахъ и т. д.¹³⁾).

¹¹⁾ Ch. Hall, стр. 35, 36.

¹²⁾ Ch. Hall, *ibid.*, стр. VII (Preface).

¹³⁾ Ch. Hall, *ibid.*, стр. 80, 81.

Отъ анализа *Холла* не ускользаетъ и то обстоятельство, что при противоположности между классами, въ классовой борьбѣ выгоды далеко не всегда на сторонѣ трудового класса. Работодатели или хозяева, говоритъ онъ, стараются уменьшить долю трудового дохода, поступающую рабочимъ; рабочіе, наоборотъ, стараются эту долю увеличить; но такъ какъ стороны неравныя, то рабочіе рѣдко достигаютъ успѣха: рабочимъ обычно приходится скоро же сдаваться, какъ тарану крѣпости, который не надолго обезпечитъ запасомъ¹¹⁾. *Холлъ* въ данномъ случаѣ болыной пессимистъ, такъ какъ онъ не видитъ еще среди рабочихъ своего времени такихъ организацій борьбы и защиты рабочихъ интересовъ, чтобы положеніе рабочихъ могло представиться ему въ болѣе радужномъ свѣтѣ.

Идея общественныхъ классовъ у *Холла*, какъ мы видимъ, идетъ много дальше, чѣмъ у *Годвина*. Онъ не ограничивается простымъ лишь признаніемъ двухъ классовъ, на которые, по его мнѣнію, методологически слѣдовало бы расчленять капиталистическое („цивилизованное“) общество. Онъ опредѣленно устанавливаетъ и существованіе социальнаго антагонизма между этими двумя классами, причину котораго онъ видитъ не въ политическихъ правахъ и преимуществахъ, которыми могъ быть надѣленъ одинъ классъ въ ущербъ другому, но въ экономическихъ условіяхъ, въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ системы производства; *Холлъ*, поэтому, не придаетъ особаго значенія тому обстоятельству, что, напримѣръ, Соединенные Штаты сбавили титулъ дворянства: они за то сохранили основной корень социальнаго зла—постоянный приростъ аристократіи богатства. На той же экономической базѣ строитъ *Холлъ* и идею борьбы между классами, какъ неизбежный результатъ противоположности классовыхъ интересовъ,—борьбы, все возрастающей и непримиримой.¹²⁾

Книга *Холла*, издавать которую автору приходилось съ большимъ трудомъ, благодаря отсутствію денежныхъ средствъ, не имѣла распространенія въ широкихъ кругахъ англійскаго населенія, но она заботливо и ревностно штудировалась въ тѣсномъ кругу

¹¹⁾ *Ch. Hall*, *ibid.*, стр. 80—81.

¹²⁾ *Ch. Hall*, *ibid.*, стр. 93.

современнаго *Холла* критическаго социализма Англіи, первой четверти XIX-го вѣка. Она являлась первымъ шагомъ къ научному социализму и въ развитіи проблемы классовъ сыграла очень видную роль. Заслуга *Холла* лежала, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ, во-первыхъ, рѣзко подчеркнул антагонизмъ между классами, что, во-вторыхъ, природу этого классоваго антагонизма онъ выводилъ не изъ потребления, а изъ социально-хозяйственныхъ процессовъ производства и распредѣленія; (производственный моментъ звучалъ, правда, еще слабо, по, хотъ и смутно, онъ сознавался *Холломъ*); что, въ третьихъ, онъ опредѣленно развилъ идею борьбы классовъ, какъ неизбежное слѣдствіе противоположности классовыхъ интересовъ, и поставилъ эту идею борьбы между классами подъ угломъ социальнаго метода, социальной точки зрѣнія: во всемъ анализѣ социального вопроса у *Холла* мы не встречаемъ указаній на мотивы личныхъ интересовъ, на индивидуалистическіе моменты, какъ у *Годвина*; напротивъ, *Холлъ* свой анализъ ведетъ съ точки зрѣнія социальныхъ отношеній (противоположеніе доли труда и доли капитала въ общественномъ продуктѣ, законъ обратной зависимости, идея пропорцій, или отношеній, раздѣлъ національнаго дохода между классами и т. д.)¹⁹). Характеризуя *Холла* и оцѣнивая его „Effects of Civilisations on the People in European States“, *Беръ* говоритъ, что „онъ (*Холлъ*) былъ первый англійскій критикъ—социалистъ, предпринявшій попытку раскрыть влияние промышленной революціи на рабочихъ, которыхъ онъ—по терминологіи своего времени—называетъ „бѣдными“; онъ уже видѣлъ то новое классовое расчлененіе, которое вызвала капиталистическая система хозяйства; съ неумолимою логикой и выразительностью онъ раскрывалъ классовыя противоположности; въ этомъ пунктѣ онъ стоялъ даже много выше *Рикардо*, установившаго три класса; *Холлъ* уже видѣлъ, что классъ землевладельцевъ подпадалъ подъ власть промышленнаго и торговаго капитала; въ основѣ своей критики онъ еще находился подъ вліяніемъ идей естественнаго права, а кое-гдѣ и подъ вліяніемъ идей утилитарной

¹⁹ См. объ этомъ нашу книгу „Заработная плата, какъ проблема распредѣленія“. С.-Петербургъ 1911, стр. 247 и далѣе.

философин; у него, правда, еще отсутствовало совершенно историческое пониманіе или понятіе историческаго развитія, которое дало бы ему возможность смотрѣть на цивилизацію, не какъ на таковую только, но какъ на необходимую ступень въ историческомъ движеніи человечества.¹¹⁷⁾

Анализъ социальныхъ классовъ и классоваго расчлененія общества, сдѣланный Холломъ въ 1805 г., продолжаетъ въ 1821 г. Равенстонъ, послѣдователь школы Годвина. Въ своей книгѣ „A few doubts as to the correctness of some opinions generally entertained on the subjects of Political Economy“ („Нѣсколько сомнѣній относительно нѣкоторыхъ ходячихъ мнѣній въ области политической экономіи“) Равенстонъ говоритъ также о двухъ классахъ общества—производительномъ и непроизводительномъ—и съ вопресомъ распредѣленія переводитъ свое вниманіе на производство. Основными силами въ обществѣ онъ считаетъ „человѣческое и хозяйственное производство“ и останавливается на анализѣ капитала; послѣдній, по его мнѣнію, есть нечто иное какъ сбереженный трудъ, „между тѣмъ онъ дѣлается фетишемъ, становится метафизическою сущностью; ему приписываютъ весь прогрессъ социальной жизни, въ то время какъ трудъ, создающій дѣйствительный капиталъ, разсматривается, какъ индій, живущій и кормящійся по милости метафизической сущности“. Какимъ же образомъ непроизводительный классъ забираетъ въ свои руки и удерживаетъ за собой этотъ накопленный трудъ? Только силой—отвѣчаетъ на это Равенстонъ, при чемъ онъ пытается дать историческую картину процесса присвоенія общественнаго продукта непроизводительнымъ классомъ: пылѣшіе узурпаторы и присваиватели накопленнаго и сбереженнаго труда первоначально были лишь избранные пародомъ начальники и должностныя лица: люди повидимому слишкомъ слабы, чтобы могли жить безъ начальства; но съ теченіемъ времени они узурпировали жизненные источники страды и приобрѣли политическую силу; экономическая и политическая сила всегда идутъ рука въ руку; завладѣвъ же политической силой, властители начали больше и больше давить на трудъ. Отсюда Равенстонъ выводитъ противоположность между

¹¹⁷⁾ M. Beer. Geschichte des socialismus in England. Stuttgart 1913, стр. 124—125.

трудомъ и капиталомъ, которая стала теперь неопроходимой пропастью. Отсюда борьба труда и капитала, производительнаго и непроизводительнаго классовъ. Но эту борьбу онъ считаетъ безнадежной для рабочаго класса; это, говоритъ онъ, борьба между осѣдлаемой лошадыю и снабженнымъ шпорами всадникомъ, борьба между слабыми и сильными. Только путемъ революціи можетъ освободиться страна отъ ига капитала.¹⁹⁾

У *Равенстона* мы находимъ, такимъ образомъ, такой же пессимизмъ, какой мы видѣли и у *Холла*.

Въ 1822 г. заканчиваетъ и черезъ два года послѣ этого выпускаетъ въ свѣтъ свое извѣстное изслѣдованіе о „принципахъ распредѣленія богатства примѣнительно къ человѣческому счастью“ *Вилльямъ Томпсонъ* („An Inquiry into the principles of the Distribution of Wealth most conducive to hapiness“). У *Томпсона* мы находимъ уже болѣе опредѣленное указаніе, чѣмъ это было сдѣлано до него, на классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ. Подобно *Холлу*, *Томпсонъ*, равнымъ образомъ, стоитъ на признаніи рѣзко противоположныхъ интересовъ между этими двумя классами, которые ему представляются, какъ собственники капитала—съ одной стороны, и собственники рабочей силы („труда“ по выраженію *Томпсона*)—съ другой; та и другая масса интересовъ, по его мнѣнію, не только взаимно противоположны, но и враждебны. *Томпсонъ*, точно такъ же, какъ и *Холлъ*, обосновываетъ эту противоположность и враждебность классовыхъ интересовъ экономическими отношеніями: онъ видитъ основу ея въ фактѣ обратной зависимости, существующей въ образованіи доходовъ отъ труда и капитала. Самый размѣръ этихъ доходовъ *Томпсонъ* сводитъ къ классовой борьбѣ, къ взаимоотношенію социальныхъ силъ между двумя классами. Онъ говоритъ о двухъ тенденціяхъ, капиталистической и рабочей, которыя дѣйствуютъ при установленіи долей труда и капитала въ противоположныхъ направленіяхъ. И весь свой социальный анализъ современнаго ему общества и классовъ, на которые послѣднее распадается, *Томпсонъ* производитъ исключительно на основѣ распредѣленія; распредѣленіе и система распре-

¹⁹⁾ *Piercy Ravenstone*. A few doubts as to the correctness of some opinions generally entertained on the subjects of Political Economy, 1821, стр. 434 и друг.

дѣлешя для него составляет тотъ важный базисъ, отъ котораго зависить все счастье и благосостояніе человечества¹⁹⁾. Последнимъ обстоятельствомъ объясняются и нѣкоторые противорѣчія, которыя попадаются въ „Исслѣдованіи“ Томпсона. Такъ, напр., отмѣчая существованіе двухъ социальныхъ классовъ, собственниковъ капитала и собственниковъ рабочей силы, которыхъ онъ перѣдко также соответственно называетъ классомъ „празднымъ“ или „непроизводительнымъ“ и классомъ „производительнымъ“, а первый классъ также и классомъ „правящихъ“ (the governing classes), Томпсонъ говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о „среднихъ классахъ“, вводя, такимъ образомъ, наряду съ формулой двухчленинаго раздѣла, идею трехъ классовъ, которую развивали феодалы и за ними А. Смитъ, а позднѣе Смита—Рикардо. „Относительно богатства—говоритъ Томпсонъ—существуетъ такая тенденція въ дѣйствующей социальной системѣ, что немногіе обогащаются на счетъ массы производителей; что бѣдность бѣдныхъ становится еще болѣе безнадежною; что средніе классы вовлекаются въ ряды бѣдныхъ; что эти немногіе являются въ состояніи не только накопить до опасныхъ и гибельныхъ размѣровъ массу капитала націи, представляющаго сумму капиталовъ отдѣльныхъ индивидовъ, но и кромѣ того распоряжаться, благодаря этому накопленному капиталу, результатомъ годового труда общества.“²⁰⁾

Томпсонъ въ данномъ случаѣ категорію „среднихъ классовъ“ противопоставляетъ „высшимъ“ классамъ (капиталистамъ) и низшимъ (рабочій классъ). Этотъ раздѣлъ общества на три класса у Томпсона стоитъ въ противорѣчіи съ его же двухчленнымъ раздѣломъ на капиталистовъ и рабочихъ. Очевидно, идея трехъ классовъ уже ко времени Томпсона начинаетъ прощипать себя путь, хотя она и преломляется въ другой нѣсколько формѣ, чѣмъ она была установлена А. Смитомъ и Рикардо. Эти экономисты, какъ извѣстно, учили о трехъ классахъ—классѣ капиталистовъ, классѣ землевладѣльцевъ и классѣ рабочихъ. У Томпсона эта трехчленная

¹⁹⁾ William Thompson. An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth, most conducive to human Happiness; applied to the newly proposed System of Voluntary Equality of Wealth. London 1824, стр. IX.

²⁰⁾ W. Thompson, ibid., стр. XIV (въ примѣчаніи).

формула принимает нѣсколько иную форму: классъ высшій, средний и массы народа (низшій).

Послѣдняя формула идеи трехъ классовъ, повидимому, была болѣе распространенной, чѣмъ смитовская, во всякомъ случаѣ въ первой половинѣ XIX-го столѣтія. По крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ новому (сокращенн.) изданію (1850) книги Томпсона, его издатель *Вильямъ Паръ* (William Pare) говоритъ о вліяніи существующей капиталистической системы хозяйства на трехъ большихъ классовъ (массъ, среднихъ и высшихъ), какъ о предметѣ изслѣдованія Томпсона, и замѣчаетъ при этомъ, что эти три класса представляютъ самое распространенное (usually) дѣленіе общества.²¹⁾

Со времени Томпсона идея трехъ классовъ начинаетъ все болѣе и болѣе занимать социалистическую мысль и выставляться на ряду съ идеей двухъ классовъ. Основа возникновенія ея лежитъ въ различнаго рода обстоятельствахъ. Во-первыхъ, отъ старой системы феодализма въ Англіи оставалась старая категорія лэнд-лордовъ, какъ аристократическаго слоя населенія страны, обладавшаго благодаря сильному росту земельной ренты большими богатствами. Эта категорія могла составлять собою высшій „классъ“ и противопоставляться промышленной и торговой буржуазіи, какъ уже среднему классу, въ отличіе отъ низшаго или рабочаго класса. Во вторыхъ, въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія политическая жизнь Англіи выдвинула необходимость для рабочаго класса борьбы за парламентскую реформу, въ сторону расширенія избирательныхъ правъ для рабочаго представительства въ парламентѣ. Къ этому времени избирательное право въ Англіи было весьма ограничено, простираясь лишь на земельную аристократію и на болѣе состоятельную часть англійскаго общества и оставляя безъ правъ не только рабочихъ, но и многія категоріи среднихъ слоевъ населенія и, главнымъ образомъ, слоевъ средней буржуазіи. У рабочихъ, поэтому, легко выдвигалась идея, хотя и не всеми рабочими раздѣляемая,—добиваться примѣненія парламентской рефор-

²¹⁾ An Inquiry into the principles of the Distribution of Wealth и т. д. By William Thompson. A new edition by William Pare. London MDCCCI, (1850), стр. X.

мы въ союзѣ съ средними слоями; отсюда идея о среднемъ слое превращается въ идею среднихъ классовъ.

Въ третьихъ, наконецъ, идея трехъ классовъ могла вырасти на основѣ идей распредѣленія, лежавшаго въ центрѣ социалистическаго міровоззрѣнія того времени. *Томпсонъ* передвигалъ, какъ мы видѣли, центръ своего вниманія съ производственнаго момента на распредѣлительный, видя въ распредѣленіи основу социальнаго развитія и существующихъ въ обществѣ отношений. Это логически неизбежно и приводило его къ идеѣ трехъ классовъ. Если идея двухчленного общества базировалась на производственной основѣ, то идея трехъ классовъ вытекала всецѣло изъ распредѣлительной основы. Это обстоятельство, такъ же какъ и причина его, не ускользали изъ вниманія нѣкоторыхъ наиболѣе вдумчивыхъ ищателей—экономистовъ уже разсматриваемой эпохи. Такъ, *Джемсъ Милль* въ „Elements of Political Economy“ (1821) говоритъ, что „въ производствѣ участвуютъ собственно два класса лицъ, именно классъ рабочихъ и классъ капиталистовъ;“ одинъ классъ—тѣхъ, кто вкладываетъ въ производство свой трудъ; другой—тѣхъ, кто распоряжается произведеннымъ продуктомъ, въ которомъ нуждается общество. Въ дѣлѣ же этого продукта, въ распредѣленіи долей его участвуютъ уже три класса—земледѣльцы, капиталисты и рабочіе. Землевладѣльцы—собственники, по мысли *Джемса Милля*, въ производствѣ продукта страны не участвуютъ; но „земля является однимъ изъ орудій производства;“ поэтому, когда дѣло доходитъ до распредѣленія, нѣкоторая доля создаваемыхъ въ странѣ благъ идетъ и земельнымъ собственникамъ; въ процессѣ раздѣла, этотъ классъ земельныхъ собственниковъ, такимъ образомъ, и выплываетъ²²⁾. Книгу *Джемса Милля* социалисты штудировали въ Англіи весьма тщательно; поэтому она не могла остаться безъ вліянія и на *Томпсона*. Но послѣдній трехчленную формулу классоваго раздѣла въ распредѣлительномъ процессѣ перевелъ въ формулу чисто количественнаго порядка: высшій классъ, средний и низшій, подъ вліяніемъ складывавшихся политическихъ отношений и выдвигавшихся практическихъ задачъ борьбы за парламентскую реформу. Во всякомъ случаѣ, идея среднихъ классовъ

²²⁾ *James Mill*, esq. Elements of Political Economy. London 1821, стр. 8 и 11.

начинает уже с этого времени занимать социалистическую мысль и позднее она вырастает в сложную проблему средних классов, уже с иным содержанием. Пока же под средним классом обычно разумелась буржуазия, в отличие от земельной аристократии (высший класс) и рабочих (нижний класс).

Идея трех классов, в какой бы форме она ни входила в общественную мысль, мало способствовала уяснению проблемы социальных классов и вела к постоянному колебанию между нею и идеей двухчленного раздѣла, которое замѣтно у многих представителей раннего англійскаго социализма. Самое понятие социального класса у них, при этом, расплывалось, теряло свой смысл и употреблялось для обозначения вообще любой группы населения, безразлично от того, на какой основѣ эта группа объединялась и различалась. Къ такого рода писателям-социалистамъ принадлежалъ *Джонъ Грей*, слѣдовавшій непосредственно за *Томпсономъ*.

Въ своей книгѣ „A Lecture on human happiness“, которую *Г. Адлеръ* считаетъ „блестящимъ социалистическимъ манифестомъ своего времени“²³⁾, *Грей* продолжаетъ социалистическую критику господствующей общественной системы, начатую еще *Годдиномъ* и другими. Онъ отмѣчаетъ существованіе собственно двухъ социальных классов, изъ которыхъ одинъ живетъ на счетъ другого: это классъ богатыхъ, или непроизводительный, и классъ бѣдныхъ, или классъ производителей, т. е. рабочий классъ. Если въ обществѣ царитъ нищета и вырожденіе, если „все живутъ въ рабствѣ и каждый видитъ въ своемъ братѣ такого же раба, какъ онъ самъ“, то причина лежитъ, по мнѣнію *Грея*, въ неравенствѣ распредѣленія и въ томъ, что продуктъ труда не принадлежитъ производителю, а вырывается у послѣдняго собственниками. Отношенія между производительнымъ классомъ и непроизводительнымъ *Грей* характеризуетъ, какъ отношенія между работополучателями и работодателями. Положеніе первыхъ онъ рисуетъ весьма мрачными красками: это закованные въ цѣпи рабы, которые могутъ завидовать зѣбрымъ и птицамъ; рабы которые живутъ въ бѣдности, обреченные на вырожденіе. *Грей* рисуетъ себѣ тотъ свѣтлый день,

²³⁾ *G. Adler. Der englische Sozialismus im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts. Hauptwerke des Sozialismus und der Sozialpolitik, Heft 8. Leipzig 1907, стр. 35.*

„когда солнце правды бросит свои лучи на тѣ многочисленныя массы, которыя терпѣливо исеутъ теперь свои цѣпи“, и думаетъ, что этотъ день настанетъ, когда исчезнетъ „конкуренція капиталовъ“ и „противоположность интересовъ“²⁴⁾. Но, на ряду съ этимъ, *Грей* говоритъ и о торговомъ классѣ²⁵⁾, и о дѣленіи общества на средній, высшій и низшій классы²⁶⁾; классы производительный и непроизводительный онъ въ свою очередь разбиваетъ на рядъ болѣе мелкихъ дѣлепѣй, называя эти дѣлепѣя также „классами“. Словомъ, для развитія ученія о классахъ у *Грея* мы не находимъ ничего сколько-нибудь цѣннаго для развитія ученія о классахъ.

Въ развитіи идеи общественныхъ классовъ болѣе плодотворно было ученіе сѣдоваващаго за *Греемъ* представителя школы ранняго англійскаго социализма—*Ходжскина*.

Ходжскинъ примыкаетъ по своимъ взглядамъ къ *Равенстону*. Но въ то время какъ *Равенстонъ*, какъ мы видѣли, глубокой pessimistъ, *Ходжскинъ* смотритъ на борьбу труда и капитала, наоборотъ, болѣе оптимистически. Въ своей аполитично выпущенной книгѣ „Labour defended against the claims of capital“ (1825) онъ находится подъ вліяніемъ незадолго лишь прошедшаго въ парламентъ закона о правѣ рабочихъ союзовъ (1824)²⁷⁾. На борьбу между капиталомъ и трудомъ этотъ законъ, конечно, не могъ не отразиться. Онъ поднималъ въ рабочемъ классѣ классовое самосознаніе, что давало еще болѣе благоприятную почву для развитія идеи классовъ и классоваго самонализа для представителей социализма. Анализомъ именно этой борьбы между трудомъ и капиталомъ, которая „происходитъ въ настоящее время по всей странѣ“, и занимая *Ходжскинъ* въ своей книгѣ. Этотъ анализъ несомнѣнно спо-

²⁴⁾ *J. Gray, A. Lecture on human happiness, being the first of a series of lectures on that subject in which will be comprehended a general review of the causes of the existing evils of society . . . London 1825.* Англійскій текстъ этой книги — большая рѣдкость, его нѣтъ и въ библиотекѣ Британскаго Музея. Мы пользовались нѣмецкимъ переводнымъ текстомъ, въ изданіи *Г. Адлера*: „Vom menschlichen Glück“. Aus dem Englischen übersetzt von *Adolph M. Freund.* Leipzig 1907, см. стр. 69, 79, 82, 95, 98, 102, 104.

²⁵⁾ *J. Gray, ibid.*, стр. 98.

²⁶⁾ *J. Gray, ibid.*, стр. 105.

²⁷⁾ (*Hodgskin Thomas*) „Labour de'ended against the claims of capital“ и т. д. London 1825.

собетовалъ вынесенію понятій класса капиталистовъ и класса трудового, т. е. тѣхъ основныхъ двухъ классовъ, между каковыми идетъ борьба. *Ходжскинъ* устанавливаетъ историческую преемственность категорій современнаго рабочаго и категорій раба и крѣпостного въ прошломъ²⁹). Въ современномъ обществѣ онъ находитъ двѣ основныя категоріи, между которыми ничего третьяго, по его мнѣнію, не стоитъ; это капиталисты и рабочіе, борьба между которыми должна рѣшаться, поэтому, ихъ собственными силами. Трудъ и капиталъ для *Ходжскина* это двѣ главныя и діаметрально противоположныя силы. Подобно *Холлу*, *Ходжскинъ* ищетъ основъ империализма, интересовъ капиталиста и рабочаго въ экономическихъ отношеніяхъ; онъ видитъ основу этого непримиримаго антагонизма между ними въ экономическомъ законѣ, по которому „прибыль на капиталъ или доля капиталистовъ въ національномъ продуктѣ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ заработной платѣ или долѣ рабочихъ“; если возрастаетъ прибыль, падаетъ заработная плата и обратно³⁰). Это положеніе *Ходжскинъ* рекомендуетъ рабочимъ твердо заломпить, не допуская возможности для какой бы то ни было гармоніи интересовъ между рабочими и капиталистами.

Впослѣдствіи, когда среди рабочихъ шла агитація за парламентскую реформу и за союзъ съ средними классами, противники послѣдняго всегда обращались къ только-что упомянутому положенію *Ходжскина*. Оно твердо вошло въ экономическую научную социализма и нерѣдко цитировалось въ рабочей прессѣ, когда рѣчь шла о возможности сліянія съ тѣми или иными буржуазными группами.

Далеко, однако, не всѣ представители ранней англійской социалистической мысли развивали идею трехклассоваго расчлененія общества. У *Брея* мы находимъ уже болѣе послѣдовательное проведеніе идеи двухъ классовъ и болѣе строгое расчлененіе современнаго общества на капиталистовъ и рабочихъ. Въ „*Labour's wrongs and labour's remedy*“ *Брей* различаетъ два основныхъ положенія въ обществѣ: высшее и низшее; первое—положеніе хозяина, второе—положеніе рабочаго. Образованіе того и другого *Брей* ви-

²⁹) (*Hodgskin Thomas*), *ibid.*, стр. 4.

³⁰) (*Hodgskin Thomas*), *ibid.*, стр. 5.

дѣить въ институтѣ частной собственности³⁰). При сохраненіи существующаго неравенства въ области обмена цѣнностями, капиталисты—думаетъ *Брей*—вѣчно будутъ капиталистами, а рабочіе—рабочими, одни—классомъ тираговъ, а другіе—классомъ рабовъ. Равенство въ обменѣ, по мнѣнію *Брея*, не можетъ существовать, пока общество раздѣлено на капиталистовъ и производителей, изъ которыхъ послѣдніе живутъ на оной трудъ, тогда какъ первые живутъ отъ барышей, получаемыхъ съ этого труда. Противорѣчіе это и антагонизмъ между капиталистомъ и богачемъ, съ одной стороны, и бѣднякомъ (т. е. рабочимъ)—съ другой, *Брей* считаетъ необходимымъ результатомъ господствующаго социальнаго строя, при которомъ, по мнѣнію *Брея*, производители всегда будутъ столь же негѣжественны, столь же обременены работой, какъ и теперь³¹). *Брей* видитъ, такимъ образомъ, въ современномъ ему обществѣ два основныхъ социальныхъ слоя, предъ которыми все остальное затуповывалось, расплывалось: капиталистовъ и рабочихъ, классъ хозяевъ и работниковъ, тираговъ и рабовъ, распредѣлителей и производителей, эксплуататоровъ и угнетенныхъ.

Выше мы говорили, что идеи социального антагонизма, классового расчлененія и классовой борьбы, которыя развивались теоретиками ранняго англійскаго социализма первой четверти XIX-го столѣтія, должны были столкнуться съ реальной дѣйствительностью, во время демократическаго движенія въ Англійи конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ,—движенія, происходившаго на почвѣ, главнымъ образомъ, парламентской реформы, сводившейся къ борьбѣ за право рабочихъ на представительство въ парламентѣ. Эта борьба должна была провести еще болѣе рѣзкую тропь между буржуазіей и пролетаріатомъ и закрѣпить въ общественномъ сознаніи идею двухъ рѣзко противоположныхъ общественныхъ классовъ. Борьба рабочихъ за равное избирательное право, закончившаяся въ 1832 году полнымъ пораженіемъ рабочей демократіи, рассчитывавшей на „средніе классы“ и ихъ поддержку, сыграла въ Англійи вид-

³⁰ J. Bray. Labour's wrongs and labour's remedy or the age of might and the age of Right. Leeds 1880, стр. 86.

³¹ J. Bray, *ibid.*, стр. 54, 56, 76

ную роль въ смыслѣ выясненія идеи классового обособленія и классовой противоположности, раскрывши разнь между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Борьба за парламентскую реформу въ Англіи выдвинула рядъ вождей-демократовъ, которые въ рабочей прессѣ, въ рѣчахъ на митингахъ, въ клубахъ и другихъ разнаго рода рабочихъ собраніяхъ, развивали идеи борьбы классовъ, давая социалистамъ-теоретикамъ богатѣйшій матеріалъ для анализа существовавшихъ въ то время общественныхъ отношеній, толкая, такимъ образомъ, впередъ учение о социальныхъ классахъ.

Среди представителей демократическаго движенія этого времени,—движенія, въ которомъ идея классовъ получила въ той или иной формѣ свое выраженіе и развитіе, оставалывливають на себя вниманіе имена двухъ вождей рабочаго движенія въ Англіи первой трети XIX-го вѣка: это—*Томасъ Эттсвудъ* и *Джеймсъ Бронтерртъ О'Бріанъ*. Первый стоялъ за союзъ рабочаго класса съ „средними классами“ (буржуазіей), въ борьбѣ за парламентскую реформу. Второй отстаивалъ необходимость для пролетаріата не разсчитывал на поддержку „среднихъ классовъ“, полагаться только на свои собственные силы. На сторонѣ *Эттсвуда* стояли овеннеты. Подъ нпльнпемъ послѣднихъ идея борьбы классовъ здѣсь замѣтно смягчалась, сглаживалась. На сторонѣ *О'Бріана* стояли вожди чартизма. Идеиое разногласіе по поводу отношеній къ „среднимъ классамъ“, несомнѣнно, способствовало болѣе строгому выясненію сущности классовъ, выдвигая уже одной практической стороной вопроса проблему классовъ на первый планъ.

Рабочая пресса Англіи этого времени, являясь въ достаточной степени отраженіемъ рабочаго самосознанія, указывать намъ, насколько подготовлено было предшествующимъ развитіемъ сознанія английскихъ рабочихъ, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, къ тому, чтобы отдавать себѣ отчетъ о совершавшихся процессахъ социального расчлененія въ английскомъ обществѣ. Въ данномъ случаѣ, наиболѣе характернымъ являлся органъ *О'Бріана*, „*Poor Man's Guardian*“, и особенно въ немъ рядъ анонимныхъ корреспонденцій, авторами которыхъ одни считаютъ самого *О'Бріана*, другіе, наоборотъ, простыхъ рабочихъ. Въ этихъ корреспонденціяхъ мы находимъ идею не только противопоставленія

интересовъ рабочаго класса капиталистическимъ интересамъ, но и попытки теоретическаго обоснованія классоваго антагонизма. „Тѣ, кто сейчасъ законодательствуютъ въ парламентъ,—говорится въ одной изъ корреспонденцій отъ 29 апрѣля 1831 года,—равнымъ образомъ какъ и тѣ, кто будетъ законодательствовать послѣ принятія билля, живутъ на прибыль. Поэтому, они будутъ издавать такіе законы, чтобы прибыль росла, а заработная плата падала. Если парламентскіе представители и тѣ, кого они представляютъ, принадлежать къ различнымъ классамъ, или если эти представители живутъ на источники, противоположные интересамъ тѣхъ, кого они собой представляютъ, то такое представительство—жалкая комедія, а кто преддастъ народу такое представительство, тотъ или идиотъ, или обманщикъ“²²⁾).

Другой авторъ, въ корреспонденціи „бѣднаго человѣка“ къ „Poor Man's Guardian“, отъ 29 іюня 1831 г., развиваетъ идею права рабочаго на полный продуктъ труда,—идею, весьма популярную въ то время въ англійской социалистической литературѣ. „Въ каждомъ обществѣ—говорится въ корреспонденціи—земли, продукты земли, такъ же какъ продуктъ человѣческой промышленности, принадлежатъ, по непреклонному праву, рабочему народу. Тому, кто ничего не дѣлаетъ, или кто ничего не сдѣлалъ за то, что онъ имѣетъ, ничего не можетъ и принадлежать. Все богатство такого человѣка или его доходъ приобрѣтены тѣмъ или инымъ путемъ посредствомъ обмана другихъ“²³⁾). Въ корреспонденціи отъ 4 ноября 1831 года изъ Манчестера, подписанной „однимъ изъ ничего не знающихъ“, авторъ полемизируетъ съ Карпентеромъ, утверждавшимъ, что нѣтъ противоположности между интересами „средняго“ или торгово-промышленнаго класса и интересами рабочихъ. Авторъ корреспонденціи доказываетъ обратное, при чемъ свое доказательство строить на экономическомъ анализѣ источниковъ доходовъ, получаемыхъ разными классами. „Въ той самой мѣрѣ, говоритъ авторъ, какъ земельная рента, десятины и другіе виды прибыли увеличиваются, заработная плата рабочаго люда всегда должна падать..

²²⁾ The Poor Man's Guardian. A weekly Newspaper for the people. 1831. См. корреспонденцію отъ 29 апрѣля.

²³⁾ „The Poor Man's Guardian“. № 4. Saturday July 30, 1831.

Слѣдовательно, всякое увеличеніе какого-бы то ни было вида прибыли равно уменьшенію заработной платы въ той же самой пропорціи, въ какой увеличивается прибыль. Я думаю, поэтому, и можно доказать, прибавляетъ авторъ, что не только интересы промышленниковъ, торговцевъ, или людей средняго класса, но что *интересъ* каждаго, кто живетъ на ренту, десятигу и другіе виды прибыли,... прямо противоположны интересамъ тѣхъ, кто работаетъ... Теперь спрашивается—говорить авторъ корреспонденціи—будутъ ли тѣ, кто живетъ на прибыль, стоять за удержаніе привилегій,... или же они будутъ индивидуально или коллективно отстаивать уменьшеніе своихъ прибылей? Будутъ ли владѣльцы заводовъ и торговцы, избираемые отъ крупныхъ городовъ, настаивать на уменьшеніи своей прибыли? Или же наоборотъ?.. Я указывалъ, что всякое увеличеніе прибыли отзывается уменьшеніемъ заработной платы на рабочихъ“.⁴¹⁾ „Между интересами рабочихъ и интересами живущихъ на прибыль—говорить тотъ же авторъ въ другой корреспонденціи—нѣтъ никакой гармоніи. Ясно, какъ день, что въ той самой мѣрѣ, въ какой увеличиваются капиталы, увеличивается и бѣдность... И если Вы, хотите знать, кто Вашъ неизлѣимый врагъ, посмотрите на тѣхъ, кто получаетъ наибольшій доходъ“.⁴²⁾

Во всѣхъ этихъ корреспонденціяхъ рабочей прессы мы видимъ у рабочихъ тенденцію отмежеваться отъ буржуазіи. Авторы ихъ опредѣленнымъ образомъ проводятъ грань между категоріей лицъ, получающихъ заработную плату, и категоріей тѣхъ, кто живетъ на прибыль. Количественнымъ различіемъ въ данномъ случаѣ они не придмютъ значенія: средніе ли это слои тѣхъ, кто получаетъ прибыль, или верхніе, отъ этого сущность дѣла не мѣняется въ ихъ представленіи. Мы видимъ здѣсь, такимъ образомъ, фактъ признанія рабочими расчлененія общества на двѣ классовыя категоріи: буржуазіи и пролетаріата, рабочихъ и капиталистовъ. Мы видимъ здѣсь точно также и попытки теоретическаго объясненія идеи противоположности и непримиримости интересовъ труда и капитала,—объясненія, которое мы находимъ у социалистическихъ теоретиковъ этой эпохи: Холла, Томпсона, Ходжскина.

⁴¹⁾ „The Poor Man's Guardian“, № 23, 1831.

⁴²⁾ *ibid.*, № 44, отъ 14 апрѣля 1832 г.

Въ 1832 г., съ принятіемъ билля парламентской реформы, пали послѣднія иллюзіи у тѣхъ изъ идеологовъ рабочаго класса, кто еще вѣрилъ въ возможность согласованія интересовъ рабочихъ и буржуазіи. *Беръ* пишетъ по этому поводу въ своей „Исторіи социализма въ Англіи“, что „работіе уже въ теченіе десятилѣтій чувствовали экономическую противоположность интересовъ между трудомъ и капиталомъ, но такъ какъ до 1832 года буржуазія въ парламентскомъ отношеніи была также безправна, какъ и пролетаріатъ, то классовая противоположность до нѣкоторой степени еще закрывалась пеленой, и оба класса выступали, какъ союзники, въ борьбѣ за реформы. Съ 1832 года никакой альянсъ между ними уже не былъ возможенъ. Раздѣленіе классовъ открывалось теперь во всѣхъ областяхъ“²⁰).

Такимъ образомъ, и ученіе теоретиковъ школы раннихъ англійскихъ социалистовъ, и сама жизнь, и непосредственные вожди и представители рабочаго класса, къ концу первой половины XIX-го вѣка, дали уже солидный матеріалъ для ученія объ общественныхъ классахъ. И когда *Энгельсъ* и *Марксъ* въ сороковыхъ годахъ создавали теоретическія начала современнаго научнаго социализма, они нашли въ Англіи, уже въ значительно разработанномъ видѣ, всѣ основныя предпосылки для болѣе широкаго ученія объ общественныхъ классахъ.—

Къ нашему времени ученіе объ общественныхъ классахъ нашло себѣ выраженіе у авторовъ самыхъ различныхъ направленій и теченій общественной мысли. Въ виду пестроты и разнообразія основъ, принциповъ и исходныхъ точекъ зрѣнія, на которыхъ строится у различныхъ авторовъ это ученіе, оно нуждается, поэтому, въ нѣкоторой систематизаціи, въ цѣляхъ его научнаго освѣщенія и критической оцѣнки. Къ этой послѣдней задачѣ мы и переходимъ.

²⁰ *M. Beer. Geschichte des Sozialismus in England. Stuttgart 1913, стр. 252.*

III. ОСНОВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ УЧЕНІИ ОБЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ КЛАССАХЪ.

Все разнообразіе существующихъ ученій по вопросу объ общественныхъ классахъ правильнѣе всего, какъ намъ кажется, представить въ порядкѣ тѣхъ различныхъ основъ, изъ которыхъ исходятъ авторы ихъ въ своемъ представленіи о социальномъ расчлененіи общества. Всякія попытки расчлененія общества на социально-различныя составляющія его части должны опираться на тотъ или иной признакъ, на основѣ котораго происходитъ расчлененіе. Такой основной признакъ и составляетъ основу расчлененія, основу всякой классификаціи (*principium divisionis*). Въ различныхъ ученіяхъ объ общественныхъ классахъ такихъ различныхъ основъ социального раздѣленія общества, изъ которыхъ въ своихъ теоретическихкихъ построеніяхъ исходятъ авторы, хотя бы иногда и не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета, можно установить нѣсколько и притомъ самой различной природы: то считаютъ основой классового расчлененія, въ качествѣ *principium divisionis*, естественный отборъ; то расу; то различіе хозяйственныхъ системъ; то раздѣленіе труда и образованіе профессій; то социальный рангъ; то просто уровень жизни (*standard of life*); то фактъ богатства; то отношенія распредѣленія; то, наконецъ, отношенія въ производствѣ.

Такого рода систематизація ученій по вопросу объ общественныхъ классахъ т. е. систематизація на основѣ классового расчлененія, нѣрѣдко затруднительна лишь по отношенію къ тѣмъ ученіямъ, которыя въ своемъ представленіи о классахъ и классовомъ расчлененіи общества исходятъ не изъ одной какой-либо основы, а сразу изъ ряда различныхъ основъ. Таковы, напримѣръ, ученія всѣхъ эклектиковъ, которымъ вообще несвойственно сводить теоріи къ одному началу. Изъ этого затрудненія представляется,

однако, возможность выхода. Дѣлю въ томъ, что какъ бы ни старались эклектики такого рода исходить изъ различныхъ основъ, въ концѣ концовъ, все-таки, хотя бы и безсознательно, они обычно отдають какой-либо одной изъ своихъ основъ предпочтеніе, выдвигая её на первое мѣсто. Этимъ послѣднимъ можно опредѣлять въ такихъ случаяхъ и мѣсто автора въ общей системѣ.

Классифицируя указаннымъ образомъ различные существующія ученія объ общественныхъ классахъ, мы получаемъ слѣдующаго рода ученія и теоріи:

1., естественно-органическія ученія объ общественныхъ классахъ (на основѣ естественно-органическаго *отбора*);

2., расовую теорію общественныхъ классовъ (на основѣ различія *расъ*);

3., теорію общественныхъ классовъ на основѣ *раздѣленія труда и образованія профессій*;

4., теорію историческихъ наслоеній и воплощеній (на основѣ различныхъ *хозяйственныхъ системъ*, послѣдовательно смѣнявшихся въ ходѣ историческаго развитія общества и воплощавшихся въ какой-либо изъ социальныхъ группъ, входящихъ въ составъ общества въ каждый данный моментъ);

5., теорію общественныхъ классовъ на основѣ различія *соціального ранга*;

6., теорію *standard of life* (на основѣ различныхъ *уровней жизни*);

7., теоріи общественныхъ классовъ на основѣ имущественныхъ различій (теоріи *богатства*);

8., распределительныя теоріи общественныхъ классовъ (на основѣ *отношеній распредѣленія*);

9., производственныя теоріи общественныхъ классовъ (на основѣ *отношеній въ производствѣ*).

1.

Естественно-органическія ученія объ общественныхъ классахъ.

Естественно-органическія теоріи классовъ исходятъ изъ естественно-антропологической или естественно-органической основы.

Онъ ищетъ объясненія явленій классоваго расчлененія или въ принципахъ борьбы за существованіе, въ принципѣ естественнаго отбора и выживающа сильнѣйшихъ, или же обращается къ аналогіямъ съ образованіями различныхъ слоевъ у живыхъ существъ животнаго міра и по этимъ аналогіямъ приходятъ къ установленію законовъ образованія классовъ въ обществѣ. Къ представителямъ учений, имѣющихъ дѣло съ аналогіями изъ жизни животныхъ организмовъ, можно отнести *Спенсера*. Наибольше же типичнымъ представителемъ естественно-антропологической теоріи классовъ, базирующей на основѣ „естественнаго отбора“, можно считать *Отто Аммона*.

Ученіе о классахъ, которое развиваютъ представители естественно-антропологической школы, является наиболѣе слабымъ въ научномъ отношеніи. Свои взгляды по вопросу объ общественныхъ классахъ *Аммонъ* развиваетъ въ „Die Gesellschaftsordnung und ihre natürliche Grundlagen“, гдѣ онъ самъ указываетъ писателей, къ которымъ онъ близокъ по своимъ основнымъ положеніямъ; это—*Шеффле* и *Гартманъ* въ Германіи, *Лануэжъ* во Франціи, *Дарвинъ*, *Францисъ Гальтонъ*, *Спенсеръ* и *Киддъ*—въ Англіи¹⁾. Свои взгляды *Аммонъ* предназначаетъ, главнымъ образомъ, для широкихъ круговъ образованной буржуазіи и вообще „средняго класса“ (*Mittelstand*), думая, что въ ней онъ прокладываетъ новые пути изслѣдованія основъ общественной жизни (Предисловіе къ третьему изд., Jena 1900, стр. III и IV). Человѣкъ, какъ членъ общества, представляется *Аммону* не только производителемъ хозяйственныхъ благъ и не только ихъ потребителемъ, но и прежде всего „естественнымъ существомъ“, одареннымъ опредѣленными врожденными способностями, безъ которыхъ были бы немыслимы ни его собственное существованіе, ни общественная жизнь, по его мнѣнію.

Исходнымъ пунктомъ, отъ котораго отправляются все социологическо-органическія исканія *Аммона*, является „соціальный вопросъ“, проблема социальнаго неравенства, современнѣй „общест-

¹⁾ *Otto Ammon. Die Gesellschaftsordnung und ihre natürliche Grundlagen. Entwurf einer Sozial-Anthropologie zum Gebrauch für alle Gebildeten, die sich mit sozialen Fragen befassen. Zweite, verbesserte und vermehrte Auflage. Mit 6 Figuren im Text. Jena, Fischer, 1896, стр. 8.*

вѣншій порядокъ". Его задача—дать такое обоснованіе этого „общественнаго порядка“, на почвѣ котораго можно было бы объяснить, почему въ современномъ обществѣ „одни живутъ въ полномъ благоденствіи, въ то время какъ другіе въ крайнемъ лишеніи и нищетѣ“. Въ своемъ разрышеніи „соціального вопроса“, Аммонъ и сталкивается, съ вопросами о классахъ и классовомъ расчлененіи общества. Въ соціальной проблемѣ его не удовлетворяетъ ни та основа, на которой стоитъ „катэдръ-соціализмъ“, ни та, на которой строить свое ученіе соціализмъ. Онъ ближе къ закону свободной конкуренціи, который выдвинутъ былъ классиками во главѣ съ А. Смитомъ. Но Аммонъ предлагаетъ замѣнить понятіе конкуренціи тѣмъ, что она есть, по его мнѣнію, на самомъ дѣлѣ, а именно—понятіемъ „борьбы за существованіе“. Этотъ дарвиновскій принципъ Аммонъ и считаетъ необходимымъ перенести въ соціальную жизнь, вмѣстѣ съ принципомъ естественнаго подбора, выживаніемъ болѣе приспособленныхъ,—перенести въ качествѣ той естественно-научной основы, на которой происходятъ всѣ соціальныя образованія, вся государственная и политическая жизнь народовъ.

Съ точки зрѣнія своей основы, этого закона естественнаго подбора, Аммонъ считаетъ наиболѣе совершеннымъ такой общественный порядокъ, при которомъ каждый индивидъ въ обществѣ и каждая общественная группа, каждый „классъ или сословіе“ (Аммонъ предпочитаетъ послѣднее понятіе, въ особенности по отношенію къ рабочимъ) могли бы на своемъ мѣстѣ, соответственно своимъ способностямъ и функціямъ въ обществѣ. *Промышленными предпринимателями*, по мнѣнію Аммона, должны быть въ современномъ обществѣ такіе люди, которые обладаютъ въ достаточной степени требуемыми техническими и организаторскими талантами. А *рабочій классъ* (по терминологіи Аммона—рабочее сословіе—*der Arbeiterstand*) должны въ этомъ современномъ обществѣ обладать достаточною ловкостью, чтобы все болѣе и болѣе совершенствоваться въ выполненіи всѣхъ техническихъ требованій индустріи, причемъ рабочій классъ долженъ посвящать себя этой задачѣ охотнѣе, отъ души²⁾. Равнымъ образомъ, и крестья-

²⁾ O. Ammon, *ibid.*, стр. 29.

яство („крестьянское сословіе“) должно строго выполнять свою функцию: производить не только хлѣбъ для всѣхъ остальныхъ сословій и профессій, но и человѣческой матеріалъ. „Вышіе и низшіе классы, говоритъ Аммонъ, необходимо должны быть взаимно связаны, ибо они представляютъ собою только приспособленіе (Anpassungen) къ опредѣленнымъ задачамъ служащей общему благосостоянію общественной жизни... Нѣтъ никакого смысла разрывать границу, раздѣляющую классы, такъ какъ ни одна часть не можетъ выполнять свои задачи безъ другой; равнымъ образомъ, нѣтъ смысла насильственно смѣшивать классы, такъ какъ всегда должна быть налицо извѣстная социальная обособленность, имѣющая гораздо болѣе серьезное значеніе, чѣмъ думалъ Ницше“^{*)}).

Аммонъ не различаетъ, какъ мы видѣли, сословныхъ образованій отъ классовыхъ. Для него это однозначныя категоріи. Но онъ придаетъ имъ большое значеніе. „Сословныя (классовыя) образованія, говоритъ онъ, продолжаютъ работу естественнаго отбора и даютъ основу для возможности естественно-половаго подбора (Züchtung), въ смыслѣ Дарвина“ (стр. 61). Въ общемъ Аммонъ сводитъ все социальное значеніе факта социального разслоенія общества на классы или сословія къ четыремъ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Сословныя (классовыя) образованія ограничиваютъ возможность смѣшиванія индивидовъ высшаго и низшаго порядка, т. е. панмиксію, или спариваніе индивидовъ безъ предварительнаго выбора, и, благодаря этому ограниченію, способствуютъ возможности болѣе частаго появленія высокоодаренныхъ индивидовъ; въ этомъ отношеніи социальное разслоеніе общества представляетъ, по Аммону, важнѣйшее условіе для естественнаго отбора среди людей, живущихъ въ обществѣ;

2) Сословныя (классовыя) образованія сопровождаютъ обособленіемъ дѣтей привилегированныхъ сословій отъ дѣтей широкихъ массъ простого народа, а это обстоятельство дѣлаетъ возможнымъ болѣе заботливое воспитаніе ихъ;

3) Сословныя (классовыя) образованія ведутъ къ лучшему питанію и необремененному заботами образу жизни для тѣхъ инди-

*) O. Ammon, *ibid.*, стр. 33.

видовъ, которые принадлежать къ болѣе привилегированнымъ сословіямъ, а это способствуетъ развитію высшихъ духовныхъ дарованій;

4) и, наконецъ, социальное разслоеніе создастъ болѣе благопріятныя жизненныя условія для высшихъ сословій и этимъ вызываетъ у членовъ низшихъ сословій соревнованіе, толкая впередъ ихъ силы и дарованія⁴⁾.

Большинство нашей образованной части общества, говоритъ Аммонъ, а также и большинство социальныхъ политиковъ, смотрятъ на взаимное обособленіе и замкнутость сословій, какъ на печальный и вредный пережитокъ времени варварства, съ которымъ слѣдовало бы, какъ думать большинству, скорѣе покончить, если бы только это было возможно. Но, замѣчаетъ на это Аммонъ, общественный инстинктъ индивидовъ бесконечно сильнѣе, чѣмъ умозрительныя абстракціи о равенствѣ всѣхъ людей⁵⁾. По мнѣнію Аммона, для роста социально-полезныхъ качествъ въ обществѣ необходимъ „методическій или естественный отборъ“. Случайное смѣшеніе, безъ предварительнаго подбора, Аммонъ считаетъ факторомъ, дѣйствующимъ во вредъ явленіямъ отбора, такъ какъ индивиды („виды“) не могутъ, по его мнѣнію, стоять на высотѣ своего развитія безъ предварительнаго выбора. Классовое строеніе и классовое („сословное“) расчлененіе и должно служить, по мнѣнію Аммона, устраненію возможности такого вреднаго смѣшенія, такой панмиксии. Оно ограничиваетъ панмиксію. **Наличность въ обществѣ нѣкотораго числа гениевъ и таланта** объясняется, какъ думаетъ Аммонъ, именно и главнымъ образомъ наличностью въ обществѣ классового („сословнаго“) строя; при панмиксии число гениевъ и талантовъ въ обществѣ, по мнѣнію Аммона, сократилось бы. Самый „сословный“ (классовый, строй представляется Аммону строемъ, который всецѣло покоится на порядкѣ дарованій и способностей индивидовъ; это—строй, соответствующій порядку дарованій, развѣ лишь за немногими исключеніями⁶⁾.

⁴⁾ Otto Ammon, *ibid.*, стр. 81.

⁵⁾ Otto Ammon, *ibid.*, стр. 85, 86 (изд. 1900 г.).

⁶⁾ Otto Ammon, *ibid.*, стр. 67 (1900).

Особенно большую роль и значеніе придасть *Аммонъ* „сословно-му“ (классовому) образованію и обособленію и въ томъ отношеніи, что послѣднее предохраняетъ отъ вреднаго вліянія дѣтей пролетаріата на дѣтей богатыхъ классовъ,—вліянія, которое можетъ имѣть мѣсто особенно въ школахъ. *Аммонъ* считаетъ, поэтому, въ социальномъ отношеніи крайне вредной идею „единой народной школы“, гдѣ сыны богатыхъ родителей принуждены были бы сидѣть на одной скамьѣ съ сыномъ бѣдняка. Истинныхъ родителей, однако, достаточно предохраняетъ, по мнѣнію *Аммона*, общество отъ такого единенія. „Дѣти, предназначенныя для высокаго положенія въ жизни, не должны,—говоритъ по этому поводу *Аммонъ*,—посѣщать школу, которую посѣщаютъ дѣти пролетаріата; ихъ необходимо избавить отъ вліянія послѣднихъ“¹⁾.

Соціальныя выгоды „сословнаго“ (классоваго) строя и благотворительное вліяніе послѣдняго на общественное развитіе особенно велики и ощутительны благодаря еще тому, думаетъ *Аммонъ*, что гени и таланты передаются по наслѣдству. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ у *Аммона* точка соприкосновенія съ *Гальтономъ* („Hereditary Genius“), *Кандоллемъ* („Histoire des sciences et des savants deux siècles“ 1885), *Лапуассемъ* („Les selections sociales“ 1896) и вообще школой, стоящей за наслѣдственность передачи таланта, гения, научныхъ склонностей и т. п.

Аммонъ даетъ и собственную классификацію социальныхъ слоевъ современнаго общества, съ точки зрѣнія своей „естественно-научной“ основы. Эта классификація довольно характерна для органической теоріи общественныхъ классовъ. Свою классификацію *Аммонъ* строитъ не на расѣ, не на богатствѣ, не на деньгахъ, какъ онъ выражается, а на образовательномъ цензѣ²⁾.

Прежде всего, *Аммонъ* пытается провести нѣкоторыя границы между старыми „сословными образованіями“ и „сословіями“ новаго общества. Онъ находитъ, что лица, принадлежащія къ старымъ привилегированнымъ сословіямъ, если и обладаютъ вліяніемъ, то уже не какъ сословія стараго порядка, но какъ сочлены вновь образовавшихся „сословій“. Въ новомъ обществѣ *Аммонъ* находитъ три

¹⁾ Otto Ammon, *ibid.*, стр. 81 (1900).

²⁾ Otto Ammon, *ibid.*, стр. 92 (изд. 1896).

сословія: 1) *высшее сословіе*, обнимающее въ настоящее время *всѣхъ образованныхъ*, а именно: ученыхъ, чиновниковъ высшихъ ранговъ и другихъ лицъ, выдающихся по своему значенію, безразлично, будутъ ли они крупными помѣщиками, крупными промышленниками, купцами, капиталистами или rantъ, будутъ ли они носить передъ собой фамиліей „фонъ“ или нѣтъ; браки ученыхъ съ дочерьми промышленниковъ, при этомъ, по мнѣнію *Аммона*, крайне полезны, такъ какъ потомству передаются въ счастливомъ сочетаніи не только высшая интеллектуальность одной стороны, но и высшая дѣловитость другой; характерной, отличительной чертой, отличительнымъ признакомъ лицъ высшаго сословія *Аммонъ* считаетъ академическое образованіе; 2) второе или *среднее сословіе* обнимаетъ собою *всѣхъ* промышленниковъ, купцовъ, чиновниковъ средняго ранга, словомъ—*всѣхъ тѣхъ*, кого мы называемъ „въ собственномъ смыслѣ слова буржуазіей“, или „образованнымъ среднимъ сословіемъ“; здѣсь, по утверженію *Аммона*, браки заключаются также предпочтительно между лицами собственного сословія, причемъ принимается во вниманіе—и исполнѣ правильно, добавляетъ *Аммонъ*—съ обѣихъ сторонъ имущественное состояніе, ибо степени этого имущественнаго состоянія соотвѣтствуетъ, какъ думаетъ *Аммонъ*, и степень духовныхъ дарованій^{*)}; отличительнымъ признакомъ здѣсь является образованіе, соотвѣтствующее тому, которое даетъ право на одnogодичную военную службу; кто не обладаетъ необходимой для этого степенью знаній, не можетъ быть причисленъ къ этому социальному классу, даже если бы онъ владѣлъ сравнительно высокимъ доходомъ; исключеніе авторъ дѣлаетъ лишь для *народныхъ учителей*, отъ коихъ послѣднихъ также къ среднему „сословію“; 3) къ *низшему сословію* (классу), наконецъ, *Аммонъ* причисляетъ рабочихъ *всѣхъ* видовъ, какъ на фабрикахъ и заводахъ, такъ и въ ремесленныхъ мастерскихъ, низшаго ранга чиновниковъ, получившихъ образованіе лишь въ народной школѣ и не обладающихъ правомъ на одnogодичную службу; здѣсь, въ этомъ классѣ, пролетаріатъ образуетъ, согласно *Аммону*, два раздѣленія, между которыми, однако, въ образованіи нѣтъ никакаго различія: одно, стоящее выше предѣльной границы социаль-

^{*)} Otto Ammon, *ibid*, стр. 91—92 (изд. 1898).

ной подности, другое,—состоящее изъ лицъ социальнаго негодныхъ или даже социальнаго вредныхъ, къ которымъ относится преступныя отбросы общества, алкоголики, калѣки, неспособные и т. п.; къ этому же низшему классу примыкають, по *Аммону*, и *крестьяне*; послѣднихъ, однако, не слѣдуетъ, по мнѣнію *Аммона*, смѣшивать съ городскими или промышленными рабочими, такъ какъ они образуютъ собою особое сословіе für sich, отличное отъ рабочаго сословія (класса).

Ученіе объ исчезновеніи средняго класса (*Mittelstand*) и растущемъ обостреніи между богатыми и бѣдными *Аммонъ* считаетъ совершенно невѣрнымъ въ своей основѣ. Въ подтвержденіе своихъ аргументовъ о неправомерности этого ученія онъ ссылается на цифры подходящей статистики, которыя, однако, не являются убѣдительными¹⁰).

Аммонъ не ограничивается своей основой различій въ образованіи, на которой онъ строить свою трехчленную лѣстницу социальнаго неравенства въ обществѣ. Къ различіямъ въ образованіи и образованности онъ присоединяетъ еще антропологическое различіе, которыми рѣзко обособлены, по его мнѣнію, высшіе и низшіе классы въ его схемѣ. Указывая, съ одной стороны, на сообщеніе *Юлуса Вольфа* о шляпныхъ магазинахъ Париза, гдѣ въ отдѣльныхъ для рабочихъ шляпы меньшаго размѣра, чѣмъ для головъ буржуазіи, съ другой стороны, на собственныя антропологическія изслѣдованія въ Баденѣ (1888—1894 гг.), *Аммонъ* находитъ, что среди членовъ высшаго класса его социальнѣйшей лѣстницы современнаго общества большинство длинголовыхъ, но чаще шатеновъ, однако, чѣмъ блондиновъ. Наоборотъ, въ среднемъ классѣ—преимущественно круглогловые, но съ болѣе свѣтлой окраской волосъ, чѣмъ это обычно наблюдается у расы круглогловыхъ. Наконецъ, въ низшемъ классѣ *Аммонъ* находитъ полнѣйшую смѣсь разнообразныхъ видовъ и различныхъ степеней. Все это, по даннымъ *Аммона*, низшіе классы городовъ богаче длинголовыми, чѣмъ крестьяне въ деревняхъ¹¹). Съ точки зрѣнія *Аммона*, такимъ образомъ, низшіе

¹⁰) См. объ этомъ нашу книгу „Заработная плата, какъ проблема распредѣленія“, С.-Петербургъ, 1911, стр. 389—399, 406, 408 и далѣе.

¹¹) *Оно Аммон*, *ibid.*, стр. 113 (1900 г.).

классы—представители и потомки низшей расы, отличающейся круглоголовостью и темнымъ цвѣтомъ волосъ, въ то время какъ высшій и средній классы—представляютъ собою высшую расу длинноголовыхъ и свѣтловолосыхъ. Въ этомъ пунктѣ ученіе *Аммон* соприкасается съ ученіемъ расовой теоріи, сводящей борьбу классовъ къ борьбѣ расъ.

Таковы взгляды *Аммон* по вопросу о социальномъ расчлененіи современнаго общества. Процессъ этого расчлененія и вмѣстѣ съ тѣмъ процессъ возникновенія и образованія общественныхъ классовъ, по *Аммону*, подчинены, какъ мы видимъ, всецѣло естественнорганическому закону отбора и выживанія болѣе приспособленныхъ, и біологическому закону борьбы за существованіе. Наиболѣе приспособленнымъ, съ точки зрѣнія *Аммон*, въ современномъ общественномъ строѣ, является наиболѣе образованный, почему признакъ образованности *Аммонъ* и кладетъ въ основу классоваго расчлененія общества. Но уже здѣсь начинается цѣлый рядъ противорѣчій, которыми полно ученіе *Аммон*.

Согласно *Аммону*, законъ естественнаго отбора и вытѣсненія слабѣйшаго болѣе сильнымъ и болѣе приспособленнымъ, простирается на всѣ народы, на всѣ расы и на всѣ времена. „Сильный появляется, слабый уступаетъ; энергичный и дѣятельный побѣждаетъ, слабовольный—падаетъ побѣжденнымъ“. Въ свое время, говоритъ *Аммонъ*, Римъ завоевалъ большую часть стараго міра, такъ какъ былъ болѣе друтихъ жизнедѣятель и энергиченъ; но позднѣе, когда сталъ лѣнливымъ и дряхлымъ (*moatsch*), опъ былъ завоеванъ въ свою очередь болѣе молодымъ и болѣе свѣжимъ народомъ. То-же было въ 1870 году съ Франціей и Германіей и т. д. Но развѣ варварскіе, полудикіе народы, завоевавшіе Римскую Имперію, превосходили Римлянъ своею образованностью? Какъ разъ историческіе примѣры *Аммон* показываютъ, что дѣло не въ образованіи, и что не образованіе само по себѣ является рѣшающимъ факторомъ въ столкновеніяхъ между народами. Кромѣ того, можно найти противорѣчіе у *Аммон* и въ его утвержденіи о подчиненіи закону естественнаго отбора также и явленій распредѣленія: пирамида богатствъ у *Аммон* должна возвышаться параллельно пирамидѣ талантовъ, способностей и образованія, т. е. „пирамидѣ

умовъ". Это значитъ, что, по мнѣнію *Аммона*, богатства отдѣльныхъ лицъ или социальныхъ группъ—продуктъ таланта и ума ихъ. Классовое расчлененіе общества, по его мнѣнію, всецѣло покоится на биологической почвѣ, на дифференціаціи людей по ихъ способностямъ. „Что можетъ быть—говорить по этому поводу *Loria*—болѣе ложнымъ, чѣмъ эта претензія богатыхъ классовъ на физическое и умственное превосходство? Конечно, мы не будемъ приводить въ опроверженіе *Аммона* положенія *Гельвеція* и *А. Смита*, согласно которымъ богатые не потому богаты, что они интеллигентны, а наоборотъ: интеллигентны потому, что они богаты. Но въ этомъ положеніи во всякомъ случаѣ гораздо больше истины, чѣмъ въ только что указанномъ ученіи *Аммона*. Чтобы доказать это, достаточно указать на тотъ фактъ, на которомъ настаиваетъ самъ же *Аммонъ*; именно тотъ фактъ, что благородныя и богатыя фамиліи дали, относительно и абсолютно, большее число ученыхъ и художниковъ: причина этого факта въ томъ, что одніи лишь достаточно обезпеченныя семьи могутъ дать дѣтямъ необходимое для либеральной профессіи образованіе. Следовательно, талантъ, а если и не талантъ, то хотя возможность его проявленія въ жизни, предполагаетъ предварительное обладаніе доходомъ, а это значитъ, что эта возможность коренится въ фактѣ собственности“¹²⁾. *Loria* ссылается, при этомъ, на нѣкоторые отдѣльные примѣры, указывающіе, что во многихъ случаяхъ не талантъ, а нѣчто совершенно иное можетъ лежать въ основѣ созданія богатствъ (*Лавуазье* во Франціи, *Лазаревы* въ Россіи)¹³⁾. Но предположимъ, говорить *Loria*, что имѣется такая аналогичная кривая между талантомъ и доходами; что же доказываетъ такая кривая по отношенію къ нашему вопросу? Для того, чтобы аналогія эта могла что-нибудь доказать, нужно еще предварительно доказать, что индивиды, стоящіе на различныхъ ступеняхъ кривой доходовъ, какъ разъ тѣ же, что и на соответствующихъ ступеняхъ кривой талантовъ; иначе говоря, нужно еще доказать, что послѣдовательно возвышающіяся группы, напр., богатыхъ ранѣе состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ индивидовъ, изъ ко-

¹²⁾ *A. Loria. La Morphologie Sociale. Conference tenue à l' université Nouvelle de Bruxelles au moi de Mars 1905, стр. 101, 102.*

¹³⁾ *A. Loria, ibid., стр. 102.*

терныхъ состоятъ соотвѣтствующія группы талантовъ. Этого доказательства, однако, кривыя *Аммона* не даютъ, а безъ него кривыя *Аммона* остаются совершенно неубѣдительными¹⁴⁾. *Loria* называетъ теорію *Аммона* „возмутительнѣйшей теоріей, которая хотѣла бы на вѣки приковать сына пролетарія къ его труду, а сына собственника къ его благоденствію; даже въ тѣ несчастныя времена, когда законъ прикрѣплялъ сына къ ремеслу или къ социальному положенію его отца, даже въ эти годы теорія *Аммона* не находила собѣ абсолютнаго примѣненія, и Giotto—сынъ пастуха, и Камтъ—сынъ шорника, и Лютеръ—сынъ рудокопа протестуютъ противъ мрачной теоріи роковой наслѣдственности“¹⁵⁾.

Всѣмъ съ *Loria* нельзя не протестовать противъ „аристократической теоріи фатальной наслѣдственности“, какой является органическое ученіе о социальныхъ классахъ *Аммона*. Научныя основы этой теоріи крайне шатки. Какъ и всякая естественно-органическая теорія, она покоится на вѣрѣ въ „естественный порядокъ“ общества, на гипотезѣ объ естественныхъ законахъ, которымъ яко бы подлежить социальная жизнь, и на представленіи объ обществѣ, какъ живомъ существѣ, которое обладаетъ органами съ предопредѣленными функціями. Такого рода теорія никоимъ образомъ не можетъ разсчитывать на научное признаніе. Въ вопросѣ объ естественныхъ классахъ она не далеко ушла отъ тѣхъ временъ далекаго прошлаго, когда на дѣленіе на классы смотрѣли, какъ на продуктъ божественной воли, когда классамъ приписывали божественное происхожденіе и освящали существованіе ихъ премудрымъ предопредѣленіемъ божества, направляющаго социальный порядокъ въ обществѣ по пути своихъ предназначеній¹⁶⁾.

Аммонъ, какъ мы видѣли, въ объясненіи явленій классовому расчлененію въ обществѣ исходитъ какъ изъ идеи естественнаго отбора и „разведенія“ (*Züchtung*), которыя онъ находитъ дѣйствую-

¹⁴⁾ *Achille Loria*, *ibid.*, стр. 103.—Ср. также *de Greef*, *La structure générale des sociétés*. V. III, Paris 1908, стр. 852.

¹⁵⁾ *Achille Loria*, *ibid.*, стр. 103.

¹⁶⁾ Ср. *Fahlbeck P.*, *Les classes sociales*. Bulletin de l'Institut international de Statistique, t. XVIII, 1-re livraison. Paris 1909, стр. 191.

приме въ обществахъ, такъ и изъ устанавливаемой имъ наследственной передачи расовыхъ особенностей и духовныхъ способностей. На нѣсколько иной почвѣ стоитъ отецъ органической школы въ социологiи *Гербертъ Спенсеръ*.

Взгляды *Герберта Спенсера* по вопросу объ общественныхъ классахъ занимають среднее мѣсто между ученiемъ *Амьона* съ одной стороны и ученiемъ *Гумбольдта* съ другой. Согласно основнымъ принципамъ своего метода *Спенсеръ* пытается понять и объяснить классовое строенiе общества по аналогiи съ животнымъ организмомъ, обладающимъ опредѣленными органами съ опредѣленными функциями. Какъ послѣднiе въ животномъ организмѣ, такъ и общественные классы въ общественномъ организмѣ, по *Спенсеру*, являются общественными органами, имѣющими каждый опредѣленныя общественныя функцiи. Дѣленiе на классы, говоритъ *Спенсеръ*, зарождается при самомъ началѣ социальной жизни. Съ его точки зрѣнiя, общественные классы—это тѣсно связанныя части одного социального цѣлаго и являются результатомъ одновременнаго дѣйствiя двухъ различныхъ процессовъ въ социальной жизни: интеграцiи и дифференциаци.

Общая схема классоваго строенiя въ обществахъ, по представленiю *Спенсера*, аналогична строенiю животнаго организма. У простѣйшихъ организмовъ, напр., у *Coelenterata* можно найти два слоя: **внутреннiй и наружный, или внѣшнiй**; внѣшнiй слой находится въ соприкосновенiи съ окружающей средой; изъ составляющихъ его единицъ образуются щупальцы, которыми полипы пользуются какъ для ловли пищи, такъ и для борьбы съ врагами; пойманную пищу они передаютъ внутреннему слою; этотъ послѣднiй ограничиваетъ собою пищеварительную полость и находится въ соприкосновенiи только съ пищей; онъ выделяетъ изъ себя особый растворитель, чтобы сдѣлать пищу годной для всасыванiя, и этой пищей и самъ питается, и питаетъ внѣшнiй слой. Эти два слоя, въ дальнѣйшемъ развитiи организма усложняются: въ каждомъ изъ нихъ появляются особые разсоеднѣнiя; во внѣшнемъ слой образуются скелетъ, нервно-мышечная система, предохранительные аппа-

раты и пр.; во внутреннемъ—образуется пищеварительный каналъ съ многочисленными органами внутренней полости¹⁷⁾. По мѣрѣ усложненія жизни организма, съ того момента, когда внѣшняя и внутренняя системы достаточно рѣзко обозначились и отграничились одна отъ другой, появляется третья система, лежащая между двумя предыдущими и облегчающая ихъ сотрудничество. Эта третья посредническая система развивается постепенно и пропорціонально все большему и большему развитію первыхъ двухъ системъ; такъ, у простѣйшаго представителя Coelenterata между внутреннимъ и внѣшнимъ слоями имѣется промежуточная протоплазма, передающая поглощенную пищу изъ внутреннего слоя внѣшнему; у болѣе высокаго типа, у полипа, третій слой представляетъ собой уже особый резервуаръ для пищи, представляющій зародышъ будущей распределительной системы; у еще болѣе высокихъ янтаръ изъ третьяго слоя развивается сложный аппаратъ, съ сетью кровеносныхъ сосудовъ, регулирующей правильное распределеніе пищевыхъ веществъ между внѣшними и внутренними органами, пропорціонально ихъ нуждамъ¹⁸⁾.

Подобное, говорить *Спенсеръ*, мы видимъ и въ обществахъ. Когда съ самыхъ низшихъ, совершенно недифференцированныхъ племенъ мы переходимъ къ племенамъ болѣе развитымъ, мы находимъ у нихъ классъ господъ и классъ рабовъ; классъ господъ въ качествѣ воиновъ, выполняя оборонительную и наступательную дѣятельность въ жизни племени, находится въ особую тѣсную соприкосновеніи съ окружающей средой; классъ рабовъ, наоборотъ, занятъ дѣятельностью внутри племени; ихъ внутренняя дѣятельность направлена на поддержаніе жизни всего племени: сначала господа, а затѣмъ и ихъ самихъ. Вначалѣ, однако, замѣчаетъ здѣсь *Спенсеръ*, это сходство между двумя первичными классами общества очень неопредѣленно; пока племя живетъ охотой, члены его господствующаго класса, будучи не только воинами, но и охотниками, принимаютъ участіе и въ добываніи пищи; а ихъ немногочисленные слѣдники, захваченные на войнѣ, образуютъ подчиненный классъ и выполняютъ болѣе тяжелые и менѣе искусные про-

¹⁷⁾ H. Spencer. The Principles of sociology, vol. I, Edinburgh 1893, стр. 482—483.

¹⁸⁾ H. Spencer, ibid., I, стр. 493—495.

цессы труда. Но дифференціація между классами становится болѣе рѣзкою уже съ наступленіемъ земледѣльческаго состоянія; здѣсь подчиненный классъ—единственный классъ, находящійся въ соприкосновеніи съ пищей; господствующій же классъ только управляетъ внутреннею дѣятельностью общества и надзираетъ за работою рабовъ; ему принадлежитъ управленіе и исполненіе въ области внѣшней дѣятельности (оборонительной и наступательной).

Процессъ на этомъ, однако, не останавливается. По *Спенсеру*, эти два первичныхъ общественныхъ слоя, по мѣрѣ роста племени и образованія крупныхъ агрегатовъ племенъ, начинаютъ усложняться, вследствие возникновенія въ каждомъ изъ нихъ іерархическихъ степеней и различій. Какъ въ высшемъ слое, такъ и въ низшемъ начинаютъ совершаться внутреннія дифференціація, особенно въ обществахъ съ болѣе развитыми промышленными аппаратами: высшій классъ, помимо различныхъ мелкихъ появляющихся въ немъ разслоеній, всюду порождаетъ дополнительный классъ личныхъ прислѣжниковъ, которые по большей части бываютъ также воинами; а низшій классъ распадается на крѣпостныхъ и свободныхъ... Примеромъ такихъ усложненныхъ обществъ съ первичнымъ классовымъ дѣленіемъ у *Спенсера* служатъ болыпство малайско-полинезійскихъ обществъ, подразделяющихся на короля и классъ воиновъ, съ одной стороны, простолюдиѣ, и рабовъ—съ другой; первые управляютъ и ведутъ войны, вторые доставляютъ обществу все необходимое для поддержанія жизни¹⁹⁾.

На низшей стадіи развитія общества низшій и высшій общественные слои, хотя бы и нѣсколько дифференцированыя внутри себя, находятся другъ съ другомъ въ непосредственномъ соприкосновеніи. Здѣсь нѣтъ еще слѣдовъ распределительной системы: рабы, находящіеся во владѣніи извѣстнаго числа лицъ господствующаго класса, стоятъ въ прямомъ отношеніи къ этимъ лицамъ, и передача произведенныхъ въ низшемъ классѣ пищевыхъ продуктовъ въ высшій классъ совершается безъ посредниковъ. Отсутствіе распределительной системы продолжается до тѣхъ лишь поръ, пока существуетъ только классъ господъ да классъ рабовъ. Съ

¹⁹⁾ *Herbert Spencer, ibidem, 1, стр. 481—482.*

развитіємъ и усложненіємъ общественной жизни, когда племена начинаютъ тѣмъ или инымъ путемъ интегрироваться, сливаться и сплавиваться,—начинаютъ появляться сначала случайные сборища для зѣлноваго торгова, затѣмъ происходитъ локалізація промысловъ, послѣ чего появляется сначала одиночный торговецъ—разпосчикъ, потомъ страстующія торговля товарищества и, наконецъ, цѣлая организованная „распредѣлительная система“²⁰). Итакъ, согласно *Спенсеру*, въ общественной жизни мы замѣчаемъ по аналогіи съ жизнью и развитіемъ животныхъ организмовъ, двѣ стадіи развитія: низшую, первичную, съ двумя социальными слоями, или классами, непосредственно соприкасающимися, (классъ господъ и рабовъ); и высшую—, изъ между господами и рабами возникаетъ новый слой, третья система, съ особыми „распредѣлительными“ и посредническими функциями.

Въ развитомъ, болѣе или менѣе, обществѣ *Спенсеръ* находитъ, такимъ образомъ, три крупнѣйшхъ системы органовъ, три крупнѣйшихъ общественныхъ класса. *Низшій классъ* имѣетъ своей функцией поддержаніе жизни общества путемъ добыванія матеріаловъ для пищи и приготовленія ея; это классъ ручнаго труда; онъ распадается на два слоя: одинъ слой тѣхъ, которые извлекаютъ изъ почвы необходимыя для пищи вещества; другой, болѣе высшій слой тѣхъ, которые дѣлаютъ эти вещества годными для потребленія, перерабатывая ихъ въ мастерскихъ и на фабрикахъ. *Средній классъ*—это слой людей, занятыхъ доставкой произведенныхъ предметовъ потребителямъ, путемъ покупки и продажи ихъ; ихъ функція аналогична функціи сосудистой системы въ животномъ организмѣ, которая приспособитъ каждому органу и каждой единицѣ организма запасъ пищевыхъ веществъ, въ количествѣ пропорціональномъ дѣятельности каждаго изъ нихъ. Наконецъ, третій классъ—классъ контролирующей, регулирующей, направляющей.

Итакъ, по аналогіи съ тремя системами органовъ въ животномъ организмѣ (органы питанія, распредѣлительная система и регулятивная), *Спенсеръ* находитъ въ общественномъ строѣ три класса: низшій—питающій себя и другихъ, съ оперативными функциями; средній—играющій роль посредника между двумя крайними, съ

²⁰) *Herbert Spencer, ibidem, I, стр. 493.*

функциями „распредѣлительными“ (мѣновыми); и высшій классъ, съ функциями регулятивными, или господствующій, правящій классъ.

Такова общая схема классового строенія общества по *Спенсеру*. Можно было бы ожидать, что въ основу классового образованія въ обществѣ *Спенсеръ* положить біологическій принципъ, въ родѣ, напр., естественнаго приспособленія къ окружающей средѣ, аналогично процессамъ развитія въ строеніи животныхъ организмовъ. Но тѣ историческія детали по вопросу о происхожденіи общественныхъ классовъ, которыя мы находимъ въ пятой части „*The Principles of Sociology*“ („Политическія учрежденія“), указываютъ на другое. Здѣсь мы находимъ, что основу развитія и образованія классовъ *Спенсеръ* видитъ въ борьбѣ и столкновеніяхъ между расами, въ покореніи и подчиненіи одной расы или племени другой расой или другимъ племенемъ, въ завоеваніи. Активной причиною дифференціаціи на классы *Спенсеръ* считаетъ войну, которая ведетъ къ неравенству положеній, къ появленію господъ—завоевателей и рабовъ—покоренныхъ. Самое слово *господить* и *рабъ* означало собственно, говорить *Спенсеръ*, *побѣдителя и плѣнника*²¹⁾. Это раздѣленіе на классы, возникшее изъ войны, поддерживается затѣмъ, по мнѣнію *Спенсера*, и усиливается различными путями. Во всякомъ случаѣ, говорить *Спенсеръ*, съ образованіемъ класса рабовъ начинается та дифференціація общества на управляющія структуры и структуры подвластныя, которая продолжаетъ идти черезъ всѣ болѣе высокія формы соціальной эволюціи. Появленіе отношеній господства и подчиненія, образованіе класса правящихъ и управляемыхъ—это первичный, элементарный результатъ соціальной дифференціаціи, съ точки зрѣнія *Спенсера*! простѣйшая форма этой классовой дифференціаціи—господа и рабы. „Пріобрѣтеніе рабовъ, которое вначалѣ является случайнымъ результатомъ войны, становится въ послѣдствіи цѣлью войны“. Съ дальнейшимъ развитіемъ общества, растетъ и его дифференціація. Совершенно отсутствующія вначалѣ классовыя дѣленія, а затѣмъ еще весьма неопредѣленные, пріобрѣтаютъ въ концѣ концовъ очень крупныя разлінія; начинается совершаться процессъ внутренней дифференціаціи и раз-

²¹⁾ *Herbert Spencer, ibid.*, II, стр. 194.

слоенія: какъ въ высшемъ слоѣ правящихъ, такъ и въ низшемъ—управляемыхъ начинаютъ происходить новыя образованія, ведущія къ появленію новыхъ классовъ. Въ низшемъ классѣ, съ оперативнорбочими функциями, возникаетъ новая категорія—крѣпостныхъ. Обыкновенно полагаютъ, что крѣпостное состояніе происходитъ изъ ослабленія рабства, но изслѣдовавіе фактовъ показываетъ, говоритъ *Спенсеръ*, что оно возникаетъ инымъ путемъ. „Образованіе класса крѣпостныхъ людей, класса значительно высшаго и имѣющаго опредѣленное социальное *положеніе*, сопровождается тѣ болѣе поздніе и болѣе широкіе процессы роста, при которыхъ одно общество присоединяетъ къ себѣ другое въ цѣломъ его составѣ; крѣпостное состояніе возникаетъ вмѣстѣ съ завоеваніемъ и присоединеніемъ цѣлыхъ областей; при этомъ, добавляетъ *Спенсеръ*, если рабство первобытною типомъ можетъ существовать и существуетъ на самомъ дѣлѣ среди дикихъ и кочевыхъ племенъ, рабство крѣпостной зависимости становится возможнымъ только на земледѣльской ступени развитія, потому что на этой ступени можно наблюдать случаи покоренія одного общества въ цѣломъ его составѣ другимъ обществомъ, и только эта земледѣльская ступень развитія даетъ какую-либо возможность прикрѣпленія къ землѣ. Рабство и крѣпостничество не исчерпываетъ, по мнѣнію *Спенсера*, эволюціи низшаго „рабочаго“ класса, т. е. класса съ оперативными, рабочими функциями; рабочіе классы, говоритъ онъ, могутъ подраздѣляться: на рабовъ, на крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, и на рабочихъ, нанятыхъ за известную плату, т. е. свободныхъ наемныхъ рабочихъ.

Высшій, правящій классъ господъ въ свою очередь, проходитъ рядъ измѣненій въ сторону дифференціаціи и образованія новыхъ наслоеній. Вначалѣ, походитъ *Спенсеръ*, въ классѣ господъ воины тождественны съ землевладѣльцами; въ тѣхъ группахъ, которыя живутъ охотою, и въ тѣхъ, которыя занимаются скотоводствомъ, рабы одинаково исключены изъ пользованія землей, а свободные люди, которые въ тоже время и воины, само собою разумѣется, становятся владѣтелями территории. Въ далѣйшемъ, этотъ классъ воиновъ-землевладѣльцевъ начинаетъ дифференцироваться на классъ дворянъ и классъ просто свободныхъ; этому способствуетъ съ одной

стороны образованіе имущественнаго, неравенства среди класса господъ и появленіе маломундичь и немундичь группъ среди нихъ, которыя въ концѣ концовъ вмѣстѣ съ богатствомъ теряютъ свое независимое и господствующее положеніе и превращаются въ классъ просто свободныхъ; эти группы свободныхъ, но утратившихъ свое господство, въ далыѣйшемъ, снова переживаютъ рядъ дифференціацій, вплоть до перехода нѣкоторыхъ изъ нихъ въ зависимое положеніе, до положенія слугъ при господахъ. На всѣ такія дѣленія влияют, однако, по мнѣнію *Спенсера*, отношенія побѣдителей и побѣжденныхъ, значительно усложняющія классовыя расчлененія, образовавшіяся вышеуказаннымъ способомъ. Такъ, въ Англіи, благодаря завоеванію, изъ потомковъ норманновъ-завоевателей возникли два класса высшихъ и низшихъ бароновъ, получившихъ свои земли непосредственно отъ короля, въ то время какъ древніе англійскіе феодалы были низведены на степень субфеодаловъ²²⁾.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, въ образованіи и развитіи социальныхъ классовъ *Спенсеръ* склоняется болыше къ фактору политическому (завоеваніе и подчиненіе) и расовому, чѣмъ къ естественно-біологическому. Въ этомъ отношеніи *Спенсеръ* близокъ къ *Гумбольдту*, *Ратценгоферу* и *Уорду*. Но въ объясненіи тѣхъ различій, которыя возникаютъ между различными классами, благодаря неравенству социальнаго положенія классовъ, *Спенсеръ* прибѣгаетъ до нѣкоторой степени къ естественно-біологической сновѣ и въ данномъ случаѣ близокъ къ ученію *Аммон* и *Гальтона*. Неравенство между классами *Спенсеръ* видитъ заисходнымъ такъ глубоко, что онъ доводитъ его вплоть до неравенства въ физическомъ тѣлосложеніи. Неравенство социальныхъ функций, ведетъ по его мнѣнію, къ неравенству социальнаго положенія, которое сопровождается неравенствомъ достатка; образуется имущественное неравенство, которое, разъ установившись, усиливается само собою, давая болѣе богатымъ новыя и новыя средства къ поддержанію своего могущества, сосредоточивая въ ихъ рукахъ удобства нападенія и обороны. Неравенство же въ достаткѣ ведетъ къ различію въ пищѣ; всюду наблюдается постоянная склонность сильнѣйшихъ питаться въ ущербъ слабѣйшихъ; всюду замѣчается лучшее питаніе высшихъ

²²⁾ *Herbert Spencer, ibid., vol. II, стр. 304.*

классовъ сравнительно съ низшими. Въмѣстѣ съ этимъ, имущественное и социальное неравенство ведетъ къ различію въ одеждѣ, въ жилищѣ, въ укладѣ жизни. А въ связи со всѣми этими различіями возникаютъ различія, по мнѣнію *Спенсера*, и въ тѣлесной природѣ людей, принадлежащихъ къ различнымъ социальнымъ классамъ. Ссылаясь на „Transactions of the Anthropological Institute“, а также на труды *Кука*, *Эллиса* и *Рида*, *Спенсеръ* находитъ, что люди высшаго, правящаго класса выше ростомъ, плотнѣе и строинѣе физически, чѣмъ рабочіе; среди африканскихъ расъ, говоритъ *Спенсеръ* со словъ *Рида*, „придворныя дамы высоки и элегантны; ихъ кожа гладка и прозрачна; ихъ красота жизненна и долговѣчна; двушникъ среднихъ классовъ часто также красивы, но въ большинствѣ случаевъ малы ростомъ, грубы и скоро отцвѣтаютъ; если же мы спустимся въ низшіе классы, то тамъ рѣдко можемъ встрѣтить красивую наружность; мы встрѣтимъ тамъ фигуры согнутыя, малорослыя, иногда почти уродливыя“. Въмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ *Спенсеръ*, между правящими и подданными классами возникаетъ различіе и въ физической ловкости. Вышніе классы, отличающіяся большей долговѣчностью, передаютъ изъ рода въ родъ сложнѣешее физическое превосходство, въ то время какъ низшіе классы, занятые земледѣліемъ, переноской тяжестей и другими черными работами, мало-по-малу теряютъ ту ловкость и стройность, которая имъ были даны природой. За физическими различіями идутъ, продолжаетъ *Спенсеръ*, вслѣдствіе соответственныхъ житейскихъ привычекъ, и различія духовныя, эмоциональныя и интеллектуальныя, укрѣпляющія общее природное различіе. Этимъ *Спенсеръ* устанавливаетъ наслѣдственность передачи какъ физическихъ различій классовъ, такъ и психическихъ и интеллектуальныхъ обособленностей, отличающихъ одни классы отъ другихъ.

Какъ мы видѣли, согласно *Спенсеру*, процессъ социальной дифференціаціи совершается по мѣрѣ роста социальной интеграціи. При этомъ, однако, какъ находитъ *Спенсеръ*, классовыя дѣленія малыхъ социальныхъ агрегатовъ, при сліяніи ихъ съ другими болѣе обширными агрегатами, стираются и затемняются, замѣняясь дѣленіемъ на классы, имѣющимся въ общей организаціи. Особенно же дѣйствительнымъ средствомъ къ уничтоженію перво-

начальных „политических“ дѣлений, возникшихъ въ обществѣ въслѣдствіе войны, служить вырастаніе индустриализма. Последний, по мнѣнію *Спенсера*, создаетъ, во-первыхъ, классъ, могущество котораго имѣетъ иное основаніе, чѣмъ владѣніе землей или политическое положеніе; во-вторыхъ, даетъ начало идеямъ и чувствамъ идущимъ въ разрѣзъ съ старымъ пониманіемъ классового превосходства, въ сторону выравниванія политическихъ правъ каждаго члена общества передъ закономъ. Это, однако, не означаетъ еще того, по мысли *Спенсера*, что классовыя различія ступенообразуются по мѣрѣ роста индустриальной жизни и исчезаютъ; напротивъ, уплываются одни классовыя дѣленія, возникшія на основѣ завоеванія и политическаго господства, но за то устанавливаются другія классовыя дѣленія, „базирующія на различіяхъ въ пригодности къ исполненію тѣхъ или другихъ функций, необходимыхъ въ промышленномъ обществѣ“.

Последнее положеніе *Спенсера* въ значительной степени ослабляетъ то значеніе, которое придаетъ *Спенсеръ* завоеванію, какъ классообразующему фактору; повидимому, этотъ политическій факторъ, въ представленіи *Спенсера*, начинаетъ терять свою силу для промышленнаго общества; повидимому, для индустриальнаго періода общественной жизни *Спенсеръ* находитъ другую основу образованія классовъ, не столько политическую, сколько естественно-біологическую („пригодность къ исполненію необходимыхъ функций“).

Сводя въ одно шѣло ученіе *Спенсера* объ общественныхъ классахъ и характеризуя его въ общихъ чертахъ, мы должны замѣтить, что это ученіе о социальныхъ классахъ у *Спенсера* не отличается большой опредѣленностью и ясностью; оно слишкомъ схематично; хотя нѣкоторыя положенія общей схемы и развиты на историческихъ примѣрахъ, но, въ общемъ, *схема Спенсера* осталась до конца нераскрытой. По схемѣ *Спенсера*, нужно было ожидать для развитаго общества, какъ-то является оно въ періодъ индустриализма, три основныхъ социальныхъ класса: высшій—правящій, низшій—рабочій и средній—торговый. Но этой идеи трехчленнаго раздѣла индустриальнаго общества *Спенсеръ* нигдѣ не развиваетъ. Неудивительно, что *Спенсеръ* не даетъ яснаго указанія и на самую основу

образования классовъ. Его ученіе одинаково могло вліять и на расовую теорію классовъ *Гумбольдта* и на естественнo-біологическія ученія въ духѣ *Дарвина*. Аналогія съ животнымъ организмомъ, правда, помогла *Спенсеру* подойти къ проблемѣ классовъ и поставить нѣкоторые изъ важнѣйшихъ вопросовъ этой проблемы; но она не дала ему ни правильной и ясной постановки проблемы, ни опредѣленнаго разрѣшенія ея.

Близко къ ученію *Спенсера* стоитъ и нѣмецкій соціологъ и экономистъ *Шеффле*, который въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „*Bau und Leben des sozialen Körpers*“ удѣляетъ значительное вниманіе вопросу о сословномъ и классовомъ расчлененіи общества. Являясь, однако, выразителемъ органическаго пониманія общества въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ оно развивалось и примѣнялось *Спенсеромъ*, *Шеффле* тѣмъ же менѣе въ образованіи классоваго строя и возникновеніи классовъ видитъ неключительно социально-хозяйственную основу. Въ даппомъ случаѣ у *Шеффле* на первомъ планѣ былъ поставленъ экономическій анализъ общественныхъ отношеній. Какъ экономистъ, *Шеффле* не могъ не видѣть, что сведеніе процесса классоваго образованія на основу органическаго или біологическаго процесса зоологической борьбы за существованіе и естественнаго подбора мало способствовало пониманію и разрѣшенію проблемы общественныхъ классовъ. Но, давая *экономическое* толкованіе образованію классоваго строя, *соціологически Шеффле* все-таки оставившись на почвѣ примѣненія въ общественно-классовой жизни принципа естественнаго подбора, хотя онъ и старался замѣнить послѣднее понятіе понятіемъ „соціального“ подбора. Его отношеніе къ ученію объ общественныхъ классахъ колеблется, такимъ образомъ, между двумя позиціями: съ точки зрѣнія общахъ соціологическихъ принциповъ, на почвѣ которыхъ онъ трактуетъ вопросъ о расчлененіи общества на классы, *Шеффле* долженъ быть отнесенъ къ представителямъ органическихъ ученій; съ точки же зрѣнія той основы, на которую онъ ставитъ процесъ классоваго образованія и классоваго формировавія общества, онъ долженъ собственно занять мѣсто среди представителей экономическихъ ученій, и именно той изъ этихъ теорій, которую можно назвать теоріей богатства. Удобоѣ, поэтому, рассмотреть взгляды

Шеффиле по вопросу объ общественных классахъ вмѣстѣ съ изложеніемъ теорій богатства. (См. ниже).

2.

Расовая теорія общественныхъ классовъ.

Блестящимъ и наиболѣе типичнымъ выразителемъ расовой теоріи общественныхъ классовъ является австрійскій социологъ *Людвигъ Гумпловичъ*, развѣтывшій ученіе о социальныхъ классахъ, главнымъ образомъ, въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Der Rassenkampf“¹⁾ и находившійся до нѣкоторой степени подъ влияніемъ „Essai sur l'inegalité des Races“ графа *Гобино*; послѣдняго *Гумпловичъ* называетъ „высокоодареннымъ французомъ, книгу котораго можно рекомендовать, не смотря на ея огромныя заблужденія“²⁾.

Къ вопросу о социальныхъ классахъ *Гумпловичъ* подходитъ, благодаря своему „социальному“, или „групповому“ методу изслѣдованія. По мнѣнію *Гумпловича*, если ставить задачей социальнаго изслѣдованія познаніе закономерности общественной жизни человѣчества, то необходимо класть въ основу изученія общественныхъ процессовъ не индивида, не личность, а социальную группу. *Гумпловичъ*, какъ мы уже имѣли случай указывать (см. введеніе), изслѣдуетъ „не закономерное поведеніе индивидовъ, отдѣльныхъ лицъ, а, такъ сказать, закономерныя движенія группъ“³⁾.

Съ точки зрѣнія *Гумпловича*, социальная группа, или социальное сообщество является первичнымъ и основнымъ элементомъ общества, а само общество—совокупностью отношеній, возникающихъ между различными социальными группами, рангами, классами, сословіями. Всѣ эти социальные сообщества, различно развиваясь и строясь въ ходѣ историческаго процесса, въ своей структурѣ находятся въ зависимости отъ сложныхъ и разнообразныхъ интересовъ, а также и отношеній господства, лежащихъ въ основѣ социальныхъ обществъ⁴⁾.

¹⁾ Dr. Ludwig Gumplowicz. Der Rassenkampf. Soziologische Untersuchungen. Innsbruck 1893. Verlag der Wagner'schen Univ.—Buchhandlung.

²⁾ L. Gumplowicz, ibid., стр. 38.

³⁾ L. Gumplowicz, ibid., стр. 39/40.

⁴⁾ L. Gumplowicz, ibid., стр. 172.

Въ природѣ всѣхъ общеній, или социальныхъ образований, какъ „этническихъ“, такъ и „социальныхъ“ въ широкомъ смыслѣ слова, Гумпловичъ находитъ слѣдующіе два основные момента, характерные не только для процессовъ общественнаго порядка, но и для всѣхъ процессовъ міровой жизни, какъ растительнаго царства, такъ и животнаго: это, во-первыхъ, моментъ *гетерогенности* социальныхъ и этническихъ элементовъ, во-вторыхъ, моментъ *взаимодѣйствія* этихъ элементовъ между собою. Первый моментъ вытекаетъ изъ факта полнотеннизма, который, какъ думаетъ Гумпловичъ, имѣлъ мѣсто въ исторіи человечества, и проявляется въ *противоположности интересовъ*, существующей между социальными группами. Второй же моментъ, моментъ взаимодѣйствія, всюду и всегда приводитъ къ тому, что всякій болѣе сильный этнический или социальный элементъ стремится подчинить своимъ цѣлямъ слабѣйшій элементъ. Такова, по мнѣнію Гумпловича, общая формула, по которой происходитъ взаимодѣйствіе между элементами. Таковъ общій законъ ихъ взаимоотношеній: всюду и всегда болѣе сильный старается сдѣлаться *господиномъ слабѣйшаго*, чтобы заставить его *работать* на себя; если послѣднее удастся, то между гетерогенными элементами возникнетъ *отношеніе господства*, возникнетъ *рабство* и *крепостничество*). Подтвержденіе этого положенія Гумпловичъ видитъ въ исторіи: что такое, спрашиваетъ онъ, представляютъ изъ себя войны между государствами и народами, какъ не организованный походъ грабителей, съ цѣлью эксплуатаціи гетерогенныхъ этническихъ и социальныхъ элементовъ? Войны—лишь „высшія формы“ примитивнаго грабежа и разбоя, хотя бы онѣ и велись подъ прикрытіемъ фразъ о „цивилизаторскихъ“ и политическихъ „идеяхъ“ за „свободу“, за „человѣчество“, или за „европейское равновѣсіе“^{а)}. Цѣль такихъ войнъ—заставить врага служить средствомъ удовлетворенія потребностей побѣдителей.

Итакъ, отношенія господства и подчиненія—результатъ взаимодѣйствія гетерогенныхъ социальныхъ и этническихъ элементовъ. „Но въ то же самое время, эти отношенія господства и подчиненія, по мнѣнію Гумпловича, всегда представляютъ собою и отношенія

^{а)} L. Gumplowicz, Der. Rassenkampf, стр. 163—164.

^{б)} L. Gumplowicz, ibid., стр. 166.

раздѣленія народно-хозяйственнаго труда между отдѣльными элементами, составляющими общество⁷⁾). Такое *соціальное разслоеніе* общества, сопровождаемое одновременно и раздѣленіемъ соціально-хозяйственнаго труда, *Гумпловичъ* находитъ всюду; это соціальное разслоеніе и есть, по его представленію, *классовое разслоеніе*, т. е. *разслоеніе общества, съ одной стороны, на классъ господствующій или классъ господъ, съ другой—классъ зависящихъ и подчиненныхъ*. Впрочемъ, для *Гумпловича*, безразлично—называть ли такого рода соціальныя образованія въ обществѣ *классовыми* расчлененіемъ общества, или *сословными*; для него всё эти понятія—одни и тѣ же понятія; все это различныя формы одной и той же сущности⁸⁾.

Классовое расчлененіе, въ смыслѣ расчлененія по принципу господства и подчиненія, по мнѣнію *Гумпловича*, особенно рѣзко выступаетъ тамъ, гдѣ сохранились и еще не окончательно затухали этническія различія между составными частями общества. Но такое же классовое или сословное расчлененіе видитъ *Гумпловичъ* и въ національно-единыхъ государствахъ, причемъ онъ находитъ „ясное различіе“ трехъ соціальныхъ классовъ: дворянства, буржуазіи (торгово-промышленнаго бюргерства) и крестьянства.⁹⁾ Эти три общесреднѣхъ слоя, класса или сословія *Гумпловичъ* характеризуетъ, какъ слои до нѣкоторой степени замкнутые, въ смыслѣ ихъ взаимныхъ соотношеній, причемъ замкнутость эта поддерживается, по его мнѣнію, наслѣдственной передачей имущества, профессіи и общественнаго положенія; и никакой параграфъ конституціи, какъ бы торжественно ни провозглашалъ онъ равенство гражданскихъ правъ, не въ силахъ, по мнѣнію *Гумпловича*, устранить фактъ расчлененія современнаго европейскаго общества на три сословія (класса): дворянъ, буржуазію и крестьянъ; весьма рѣзкія различія между ними, все равно, остаются и представляютъ собою важный соціологическій фактъ¹⁰⁾.

Между всѣми этими тремя классовыми образованіями *Гумпловичъ* находитъ глубокія противоположности, корень которыхъ ле-

⁷⁾ *L. Gumplowicz, ibid., стр. 206.*

⁸⁾ *L. Gumplowicz, ibid., стр. 216—217.*

⁹⁾ *L. Gumplowicz, ibid., стр. 208—209.*

¹⁰⁾ *L. Gumplowicz, ibid., стр. 209.*

жить, по его мнѣнію, въ этнической гетерогенности социальныхъ элементовъ общества, что особенно ясно видно, по его мнѣнію, въ странахъ съ болѣе молодой культурой, напр., въ Восточной Европѣ, гдѣ всѣ три большія социально-классовыя образованія безспорно представляютъ изъ себя особые родственно-племенные слои: высшій и низшій классы, т. е. классъ дворянъ и крестьянъ, здѣсь этнически чужды между собою и противостоятъ одинъ другому, какъ два различныхъ по происхожденію этническихъ слоя; средній же классъ, т. е. стоящее между этими двумя классами торгово-промышленное „сословіе“ городовъ, здѣсь всюду по большей части нѣмцы; это можно встрѣтить и въ Венгріи, и въ Польшѣ, и въ Россіи, и даже въ Богеміи¹¹⁾).

Между двумя крайними социальными классами, т. е. высшимъ и низшимъ, существуютъ, какъ мы видѣли, отношенія господства и подчиненія. *Гумловичъ* не можетъ себѣ представить, чтобы такого рода отношенія могли создаваться добровольно по взаимному соглашенію, между членами какого-либо одинаго, „сингенетическаго“ племени; добровольно никто не согласился бы быть рабомъ; такого рода отношенія—продуктъ войны, продуктъ завоеванія, продуктъ борьбы; „расовая борьба за господство“, во всѣхъ своихъ формахъ, открытых и насильственныхъ, скрытыхъ и свободныхъ,—такова, по мнѣнію *Гумловича*, движущая сила исторіи¹²⁾. Но образованіе среднего, торгово-промышленнаго класса *Гумловичъ* рисуетъ, наоборотъ какъ результатъ мирнаго экономическаго процесса развитія. Онъ, правда, рекрутировался первоначально изъ элементовъ, которые этнически не были родственны ни „сословію“ господъ, ни „сословію“ крестьянъ; онъ рекрутировался изъ чужеродныхъ элементовъ. Съ развитіемъ потребностей господъ, какъ думаетъ *Гумловичъ*, между господами и рабами появляется посторонній купецъ, который является впервые въ качествѣ гостя, выставляя на продажу свои товары. Онъ не принадлежитъ ни къ господамъ, ни къ рабамъ; мало по малу гости начинаютъ цѣнить и терпѣть; гость переселяется, устраиваетъ колонію и, оставаясь лично свободнымъ, онъ ограничивается сверху и снизу, создавая себѣ правовыя гарантіи.

¹¹⁾ *L. Gumplowicz, ibid.*, стр. 210.

¹²⁾ *L. Gumplowicz, ibid.*, стр. 218.

Появляется третье сословіе¹³⁾. Последнее начинает постепенно расти, сосредоточивая въ своихъ рукахъ все больше матеріальныхъ благъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все настойчивѣе и настойчивѣе претендуя на участіе въ господствѣ. Такимъ образомъ, всѣ три крупные и основные социальныя классы, на которые расчленяетъ *Гумпловичъ* современное общество, находятся въ состояніи постоянной борьбы. „Одинъ общественный слой (классъ) всегда выступаетъ противъ другого съ той же неумолимой послѣдовательностью, какъ и орда противъ орды, какъ государство противъ государства. Исходнымъ моментомъ этой борьбы является интересъ **собственного класса**“¹⁴⁾. Эта борьба между различными социальными группами (классами) является душой плутрепей и вѣншей государственной жизни, вѣдѣющей двигательной силой всей вѣншей и внутренней политики; она является борьбой за самосохраненіе класса, за увеличеніе благосостоянія, принимая всюду форму борьбы за господство¹⁵⁾. Эта борьба всюду одна и та же, вытекающая всегда изъ однихъ и тѣхъ же мотивовъ, съ одними и тѣми же цѣлями. И результатъ этой борьбы всюду одинъ и тотъ же: развитіе культуры, ассимилированіе и сліяніе гетерогенныхъ элементовъ, ростъ раздѣленія труда, толкающій по пути къ прогрессу¹⁶⁾. Эта борьба идетъ и развивается между всѣми тремя социальными классами. „Мы знаемъ, говоритъ *Гумпловичъ*, что исторія европейскихъ государствъ вертится главнымъ образомъ вокругъ этой борьбы **низшихъ классовъ** за достиженіе участія въ законодательствѣ; мы знаемъ, что эта борьба частью была успѣшна, частью же все еще продолжается. Исторія этой борьбы далеко еще не закончена. Послѣ третьяго сословія теперь выступаетъ четвертое. Но изъ-за чего идетъ борьба? За *возможность* вести *соціальную* борьбу съ одинаковымъ оружіемъ въ рукахъ“¹⁷⁾. Эту борьбу вслѣдствіе социальныхъ группъ, не однихъ только этническихъ, *Гумпловичъ* и называетъ *расовой борьбой* въ широкомъ смыслѣ слова, видя въ этой борьбѣ самыхъ различныхъ гетерогенныхъ этниче-

¹³⁾ *L. Gumplowicz*, „Der Rassenkampf“, стр. 212—213; „Grundriss der Soziologie, Wien 1885, стр. 129.

¹⁴⁾ *L. Gumplowicz*, Grundriss der Soziologie. Wien 1885, стр. 150.

¹⁵⁾ *L. Gumplowicz*, Soziologie und Politik, Leipzig 1892, стр. 83.

¹⁶⁾ *L. Gumplowicz*, „Der Rassenkampf“, стр. 347.

¹⁷⁾ *L. Gumplowicz*, „Grundriss der. Soziologie“, стр. 150.

ских и социальных единиц, групп и общинной сущности исторического процесса¹⁸⁾.

Как мы видели, говоря о социальном расчленении, *Гумплович* придерживается идеи трех классов. Особенно подробно о „среднем сословии“ говорит онъ въ „Der Staat und die sozialen Gruppen“¹⁹⁾. Здѣсь *Гумплович* развиваетъ вообще уже знакомые намъ взгляды на сущность и характеръ развитія социальных классовъ, но на вопросъ о происхожденіи и возникновеніи среднего слоя онъ останавливается подробнѣе. Чтобы правильно понять государство, говоритъ *Гумплович*, нужно на него смотрѣть, какъ на комплексъ социальных группъ. Въ самый моментъ возникновенія государства *Гумплович* находитъ уже въ немъ двѣ различныя социальные группы: побѣдителей и подчиненное населеніе; но во всѣхъ государствахъ безъ исключенія, вскорѣ же послѣ ихъ возникновенія, можно констатировать, говоритъ онъ, существованіе и третьяго слоя, который вклиняется между господами и зависимыми, въ видѣ особаго буфернаго слоя. О происхожденіи и развитіи этого среднего слоя существуютъ, по мнѣнію *Гумпловича*, два различные взгляда, изъ которыхъ каждый, какъ думаетъ *Гумплович*, правиленъ лишь отчасти, а оба взгѣтъ взяты содержать въ себѣ, вѣроятно, всю истину. Одинъ взглядъ—это взглядъ *Лестера Уорда*. Согласно послѣднему, средний слой населенія рекрутируется, подъ вліяніемъ экономическихъ законовъ, изъ членовъ столько же господствующаго класса, сколько и зависимаго въ каждомъ примитивномъ государствѣ, развиваясь до образованія „первичной буржуазіи“ („urtypischen Bourgeoisie“)²⁰⁾. Этотъ взглядъ *Уорда* находитъ себѣ подтвержденіе, по мнѣнію *Гумпловича*, и въ ученіи о третьемъ сословіи, которое развивалъ *Огюстенъ Тьерри*. По другому же взгляду, въ большинствѣ государствъ прошлаго, равно какъ и настоящаго, средний слой состоитъ преимущественно изъ иностранцевъ, не принадлежащихъ ни къ господствующему классу, ни къ закрѣпощенному. Въ пользу этого взгляда, думаетъ

18) *L. Gumplowicz*, Der Rassenkampf, стр. 194, 215.

19) Prof. *Ludwig Gumplowicz* (Graz), „Der Staat und die sozialen Gruppen“. (Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie mit Berücksichtigung der Gesetzgebungsfragen. 1907. II. 1., стр. 57 - 66.

20) Prof. *L. Gumplowicz*, ibid., стр. 57.

Гумпловичъ, говорить не только значительное количество исторических фактовъ, но и то еще обстоятельство, что государственные теоретики, разрабатывая планы государственнаго строительства, всегда предлагали въ данномъ случаѣ сформировать среднее сословіе изъ иностранцевъ (например, *Ола Аквинскій*). Во всякомъ случаѣ, говоритъ *Гумпловичъ*, всюду одинаковое появленіе такого средняго слоя уже само по себѣ предполагаетъ нѣкоторую общую естественную причину. Эта причина въ томъ, что средній слой соответствуетъ потребности класса господъ, такъ какъ онъ заботится объ удовлетвореніи такихъ жизненныхъ потребностей, которыя не могутъ быть удовлетворены одной только работой рабовъ: трудъ зависимаго населенія направленъ быть прежде всего на производство сырья (земледѣліе, скотоводство, работа на плантаціяхъ, горное дѣло и т. д.); между тѣмъ какъ средній классъ частью занимался обработкой этого сырья (въ ремеслѣ), частью доставкой различныхъ продуктовъ индустріи заграничнаго производства (въ торговлѣ). Функции средняго класса не ограничиваются, однако, по мнѣнію *Гумпловича*, хозяйственной только стороною; онъ имѣетъ и политическое значеніе, уменьшая плоскость тренія между слоями господъ и зависимаго населенія; отсюда вытекаетъ и значеніе средняго класса, какъ буфернаго слоя; онъ перѣдко отвлекаетъ на себя то чувство ненависти, которое накапливается обыкновенно въ слоеъ зависимаго населенія противъ класса господъ, играя роль часто козла отпущенія, на спинѣ котораго разряжается чувство мести и ненависти²¹⁾. Въ видѣ иллюстраціи къ этому положенію, *Гумпловичъ* вспоминаетъ ту роль, которую не такъ давно занимали арендаторы-евреи въ Румыніи, на которыхъ разряжалась ненависть крестьянъ противъ давившихъ ихъ аграріевъ²²⁾.

Существованію въ обществѣ буферныхъ слоевъ *Гумпловичъ* придаетъ огромное социальное значеніе; такой слой онъ считаетъ необходимымъ для сохраненія общественной организаціи; при возстаніи рабовъ или крестьянъ онъ обычно всегда являлся объектомъ для непосредственнаго нападеній, что лежало въ интересахъ обществен-

21) Prof. L. Gumplowicz, ibid., стр. 58.

22) Prof. L. Gumplowicz, ibid., стр. 58.

ной организации, которая была бы обречена на гибель при отсутствіи такихъ буферныхъ слоевъ.

Говоря вообще объ образованіи различныхъ социальныхъ группъ съ ростомъ государства, *Гумпловичъ* различаетъ между ними примарныя группы и секундарныя. Къ первымъ онъ относитъ зависимое несвободное населеніе, классъ господъ и средний классъ. Ко вторымъ—все различныя социальные группы, дифференцирующіяся изъ примарныхъ трехъ слоевъ. Къ такой секундарной группѣ въ современному обществу принадлежитъ, напримѣръ, по мнѣнію *Гумпловича*, классъ рабочихъ, образовавшійся изъ сельскаго крѣпостного населенія; таковы въ среднемъ слое группы духовенства, военныхъ, чиновниковъ, крупныхъ промышленниковъ, каковыя группы вербуются точно также и на счетъ разложенія господствующаго класса. Происхожденіе каждой изъ вновь образовавшихся социальныхъ группъ совершается, при этомъ, по мнѣнію *Гумпловича*, всегда въ интересахъ господствующаго класса, если и не непосредственно по инициативѣ послѣдняго, то во всякомъ случаѣ съ содѣйствіемъ его²³). Изъ трехъ примарныхъ группъ, среднему классу *Гумпловичъ* отводитъ второе мѣсто, непосредственно слѣдующее послѣ класса господствующихъ: средний классъ пользуется и личной свободой, и различными привилегіями; лишь въ управленіи страной онъ не имѣетъ сначала участія. Но въ послѣдствіи, по мѣрѣ возрастанія денежной мощи средняго класса, его капитала и интеллектуальныхъ силъ его членовъ, средний классъ, прибѣгаетъ къ помощи „народа“ и, обѣщая ему богатую добычу, излагаетъ господъ; обѣщанія свои средний классъ, говоритъ *Гумпловичъ*, однако, не исполняетъ; напротивъ, онъ входитъ въ союзъ съ побѣжденнымъ классомъ господъ, чтобы вмѣстѣ господствовать и угнетать массы; то обстоятельство, что эти массы своею кровью добывали для средняго класса его настоящее положеніе, послѣдній, конечно, мало смущаетъ²⁴).

Гумпловичъ, какъ мы видѣли, выводитъ существующія въ обществѣ классовыя и сословныя различія изъ различій расовыхъ и племенныхъ; корень же послѣднихъ онъ находитъ въ политеннизмѣ.

²³) Prof. L. Gumplowicz, *ibid.*, стр. 59.

²⁴) Prof. L. Gumplowicz, *ibid.*, стр. 60.

Гипотезу происхожденія человѣчества изъ одного общаго генеалогическаго корня *Гумпловичъ* считаетъ глубокимъ заблужденіемъ. Напротивъ, человѣчество происходитъ, согласно *Гумпловичу*, отъ безчисленныхъ примитивныхъ ордъ, которыхъ было много во всѣхъ частяхъ свѣта, и социальная эволюція шла и идетъ, по его мнѣнію, не по пути къ дифференціаціи и развѣтвленіямъ, а наоборотъ—къ все большей и большей аггломерациіи и интеграціи. Въ защиту политеизма *Гумпловичъ* ссылается на изслѣдованія *Росмслера*, *Карла Фогта*, *Бурлейстера*, *Агассица*, *Пуше*, *Топинара* и мног. другихъ. Эти изслѣдованія приводятъ *Гумпловича* къ выводу, что человѣчество происходитъ не отъ одной пары, а отъ огромнаго числа прародительскихъ паръ или человѣческихъ ордъ, которыя въ самыхъ различныхъ пунктахъ и частяхъ земли и, при этомъ, неодновременно, а въ разные эпохи доисторическаго человѣка, развивались изъ существъ низшаго порядка вплоть до человѣка²⁵⁾. Отсюда *Гумпловичъ* и выводитъ различія племенъ, составляющихъ государство, въ которомъ различія племенъ переходятъ постепенно въ различія сословій и классовъ. Это превращеніе племенъ въ классы и сословія возникаетъ, по мнѣнію *Гумпловича*, подъ воздѣйствіемъ общаго закона развитія человѣчества, именно подъ вліяніемъ борьбы и конфликтовъ между разнородными социальными элементами,— борьбы, приводящей въ концѣ концовъ къ сближенію и сліянію²⁶⁾.

Резюмируя взгляды и положенія *Гумпловича* по вопросу объ общественныхъ классахъ, мы приходимъ къ слѣдующему:

1) классовое расчлененіе общества начинается, по мнѣнію *Гумпловича*, съ момента возникновенія отношеній господства и подчиненія, т. е. съ момента возникновенія рабства; къ этому же моменту относить *Гумпловичъ* и образованіе государства вообще;

2) основу классоваго расчлененія *Гумпловичъ* видитъ въ этнической гетерогенности социальныхъ элементовъ, исторически сложившихся въ общество, націю, государство; эта этническая или расовая и племенная гетерогенность привела, по мнѣнію *Гумпловича*, къ войнѣ между первобытными ордами и различными обра-

²⁵⁾ *L. Gumplowicz. Allgemeines Staatsrecht. Graz 1897.* (2-я изд.). Русскій перен. С.-Петербургъ, 1910, стр. 127.

²⁶⁾ *L. Gumplowicz, ibid.,* стр. 130—131.

зованіями; результатъ войны и выразился въ появленіи господъ и рабовъ, господствующаго класса и подчиненнаго;

3) этническую гетерогенность *Гумпловичъ* строитъ на основѣ полигеннизма, т. е. на призваніи множественности различныхъ первичныхъ паръ, изъ которыхъ произошло человѣчество, и на отрицаніи гипотезы объ единомъ общемъ генеалогическомъ корнѣ, единой парѣ, изъ которой яко-бы развивалось общество;

4) въ социальномъ строеніи современныхъ обществъ-государствъ, такъ же какъ и въ структурѣ обществъ далекаго историческаго прошлаго, *Гумпловичъ* всюду находитъ наличность трехъ социальныхъ классовъ: высшій и низшій, т. е. дворянство и крестьянство, и между ними средній классъ—торгово-промышленную буржуазію; при этомъ, высшій и низшій классы онъ выводитъ изъ борьбы и завоеваній, средній же классъ считаетъ результатомъ мирнаго образованія;

5) между социальными классами происходитъ, по мнѣнію *Гумпловича*, постоянная борьба на экономической почвѣ, направленная къ защитѣ экономическихъ интересовъ класса; эта борьба классовъ выражается въ формѣ борьбы за господство и за освобожденіе и можетъ быть названа въ широкомъ смыслѣ слова борьбой расъ.

Гумпловичъ, какъ мы видимъ, не различаетъ классового расчлененія отъ сословнаго. Нигдѣ не даетъ онъ и опредѣленія понятію социального класса. Социальный классъ для *Гумпловича*—просто социальная группа, связанная, по крайней мѣрѣ въ прошломъ, единствомъ происхожденія, единствомъ расовой крови и племенного родства, и имѣющая общіе интересы, противоположные интересамъ другихъ социальныхъ группъ, составляющихъ общество. Такое опредѣленіе класса не даетъ *Гумпловичу* надежнаго критерія для яснаго анализа социальныхъ классовъ въ новомъ капиталистическомъ обществѣ, въ отличіе отъ классовъ стараго сословнаго общества. Чтобы распутать неясность, *Гумпловичъ* прибѣгаетъ къ установленію двойкаго рода социальныхъ группъ: первичныхъ и вторичныхъ, примарныхъ и секундарныхъ. Но сколько-нибудь полного и подробнаго анализа этихъ двухъ группъ *Гумпловичъ* нигдѣ не даетъ.—

Центръ всего учения *Гумпловича* о социальных классах лежитъ, однако, какъ мы видѣли, въ расовой основѣ возникновенія и образованія классовъ. Сведеніемъ всего процесса историческаго образованія и развитія общества и государствъ къ расовому фактору, къ этнической гетерогенности и племенной борьбѣ *Гумпловичъ* и повелъ за собой, главнымъ образомъ, рядъ социологовъ и историковъ, считавъ, такимъ образомъ, основателемъ расовой теоріи, какъ въ социологіи вообще, такъ и въ ученіи о классахъ въ частности. Въ этомъ отношеніи влияние *Гумпловича* отразилось особенно замѣтно на ученіи *Ратценгофера* въ Германіи и *Дестери Уорда* въ Америкѣ. Посмотримъ, какъ преломились идеи *Гумпловича* по вопросу о социальных классахъ на ученіи этихъ двухъ послѣднихъ социологовъ.

Расовый принципъ въ объясненіи социального неравенства и социального разслоенія общества имѣлъ въ социологіи вообще громадный успѣхъ. Въ этомъ отношеніи *Гумпловичъ* имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей, среди которыхъ *Ратценгоферъ* наиболѣе близокъ къ *Гумпловичу*. Но, строго говоря, въ вопросѣ объ объясненіи классовъ, *Ратценгоферъ* внесъ мало новаго: онъ въ *Гумпловича*. Онъ даже затушевалъ ту острую по формѣ и яркую по идеямъ постановку вопроса о классахъ, какую мы видѣли у автора „Борьбы расъ“. Правда, принципъ „соціальной борьбы“, принявшій у *Гумпловича* старую форму „расовой борьбы“, звучитъ у *Ратценгофера* болѣе опредѣленно. Но зато социологической стороной проблемы классовыхъ „образованій“ *Ратценгоферъ* мало интересуется и нигдѣ не дѣлаетъ попытки подойти къ экономической и социальной структурѣ этихъ „образованій“. Въ сущности, для него нѣтъ классовъ, сословій, профессій, какъ таковыхъ. Все это для него—просто „социальные образованія“ въ государствѣ-обществѣ, ведущія „социальную борьбу“ за свои „врожденные“ интересы. Этихъ врожденныхъ интересовъ, которые преслѣдуются различными „социальными образованіями“, у *Ратценгофера* имѣется цѣлая сложная іерархія: тутъ и расовые интересы, и физиологическіе, и индивидуальныя, и социальные, и даже „трагсцендентальныя“, и тѣмъ не менѣе все это весьма мало выясняетъ суть дѣла²⁷⁾.

27) *Gustav Ratzenhofer. Die soziologische Erkenntniss. Positive Philosophie des sozialen Lebens. Leipzig, Brockhaus. 1898, стр. 56, 57.*

Подобно *Гумловичу*, *Ратценгоферъ* отрицаетъ возможность появленія социальной дифференціаціи и образованія социально-дифференцированныхъ различныхъ группъ внутри одной и той же однородной орды или племени. Въ его представленіи, примитивныя общины, примитивныя орды и племена не могли въ себѣ имѣть никакихъ элементовъ, которые бы могли привести къ социальной дифференціаціи. Последняя могла наступить, по мнѣнію *Ратценгофера*, лишь послѣ того, когда орда раскалывается и когда нѣкоторыя части ея, отдѣлившись одна отъ другой, въ теченіе продолжительнаго періода времени ведутъ свое существованіе вдали отъ другихъ родственныхъ частей, при различныхъ условіяхъ²⁸). Когда затѣмъ орда начинаетъ передвигаться въ поискахъ пищи и корма, она рано или поздно сталкивается съ другой ордой. Это столкновеніе ведетъ къ борьбѣ, которая приводитъ или къ истребленію или къ подчиненію одной изъ нихъ другой. Побѣжденные дѣлаются рабами и принуждаются къ работѣ, побѣдители занимаютъ привилегированное положеніе и образуютъ слой господъ въ пропешедшемъ соединеніи. Такой характеръ имѣютъ, по *Ратценгоферу*, все первоначальныя социальныя образованія и въ нихъ уже заложены все основныя явленія, которыми возникаютъ позднѣе въ высшѣе высока развитыхъ обществахъ: и *соціальное неравенство*, ведущее къ опредѣленнымъ социальнымъ образованіямъ, соединеніямъ, организаціямъ, и *политическое неравенство*, и *индивидуальное неравенство*, и т. д.²⁹). Мы знаемъ, говоритъ *Ратценгоферъ*, что органическій міръ представляетъ варіацію и высшее развитіе примитивныхъ элементовъ путемъ соединенія двухъ зародышевыхъ кѣлочекъ или двухъ монопластидъ; аналогичное же происходитъ и въ социальномъ мірѣ³⁰).

Къ отождествленію законовъ социальной дифференціаціи съ законами естественными *Ратценгоферъ* прибываетъ вообще весьма охотно. „Группированіе индивидовъ—говоритъ, напримѣръ, онъ въ

28) *Gustav Ratzenhofer*. Die soziologische Erkenntniss Positive Philosophie des sozialen Lebens, 1898, стр. 130.

29) *G. Ratzenhofer*. Wesen und Zweck der Politik, als Theil der Soziologie und Grundlage der Staatswissenschaften. 1—3 Bände Leipzig, Brockhaus 1893, B. I, стр. 2, 3.

30) *Gustav Ratzenhofer*. Die soziologische Erkenntniss, стр. 177.

другомъ мѣстѣ—совершается по такимъ же законамъ, какъ и группъ атомовъ и молекулъ при дѣйствіи химическихъ силъ³¹⁾.

Итакъ, столкновение двухъ различныхъ ордъ ведетъ къ социальному неравенству. На этомъ фактѣ *Ратценгоферъ* стренитъ сдѣять изъ своихъ социологическихъ законовъ, который онъ формулируетъ такъ: „соприкосновение въ общественномъ отношеніи чужеродныхъ общественныхъ образованій является причиной социальной борьбы“³²⁾. Этому принципу „социальной борьбы“ (у *Гумбольдта*—„расовой борьбы“) *Ратценгоферъ* придаетъ громадное значеніе, какъ фактору социальной жизни. „Общественная борьба, говоритъ онъ, даетъ ростки для развитія моральной жизни и толкаетъ впередъ культуру“³³⁾. Но вмѣстѣ съ этимъ, *Ратценгоферъ* отводитъ мѣсто и *труду*, какъ фактору социальной жизни. Соціальное дѣйствіе начинающейся культуры, говоритъ онъ, есть *трудъ*; для планомѣрной же хозяйственной дѣятельности необходима *организация общенія*, подчиняющаго каждому хозяйственному цѣлямъ; „общеніе требуетъ извѣстныхъ *отношеній господства*, такъ какъ хозяйственная цѣль обеспечивается органами порядка“³⁴⁾. Итакъ, съ одной стороны, отношенія господства и поддерживающая ихъ организация являются, какъ результатъ завоеванія и обеспечения со стороны привилегированныхъ ихъ привилегированнаго положенія. Съ другой стороны, отношенія господства—результатъ требованій хозяйственнаго порядка. Строгаго согласованія того и другого фактора *Ратценгоферъ* не даетъ, не смотря на свой „позитивный монизмъ“.

Такъ или иначе, возникаетъ, однако, организация общества и государство. Какія же расчлененія видитъ *Ратценгоферъ* въ этомъ организмовомъ въ государство обществѣ? „Съ появляемъ государства, говоритъ онъ, начинается внутренняя дифференціация обществъ, на основѣ отношеній государства, владѣнія и формъ промышленной дѣятельности, обогащенія. Появляются *соціальныя соединенія* (Sozialverbände), которыя образуютъ въ государственномъ организмѣ сословныя индивидуальности; эти сословныя сое-

31) *Gustav Ratzenhofer*, *ibid.*, стр. 169.

32) *G. Ratzenhofer*, *Wesen und Zweck der Politik*, стр. 7.

33) *G. Ratzenhofer*, *Wesen u. Zweck*, стр. 2—3.

34) *G. Ratzenhofer*, *Die Soziologische Erkenntnis*, стр. 130—140.

дншенія, съ точки зрѣнія борьбы за существованіе, суть *политическія партіи*". „Сословное расчлененіе на различные слои по ихъ вліянію въ государствѣ обнимаетъ: династію, дворянство, или коротко говори—привилегированныхъ; затѣмъ, духовенство, военное сословіе, среднее сословіе, рабочихъ и, наконецъ, лицъ не пользующихся въ государствѣ никакимъ вліяніемъ (Einflusslosen). Сословное расчлененіе на слои по ихъ владѣнію опредѣляется хозяйственными условіями общества, но вообще распадается на владѣющихъ источниками производства, владѣющихъ мѣновыми цѣнностями (очевидно торгово-промышленный классъ) и невладѣющихъ"²⁵). Сословное же расчлененіе по формѣ промышленной дѣятельности или обогащенія раздѣляетъ общество, какъ находитъ *Ратценгоферъ*, на интеллектуальныхъ работниковъ и физическихъ, а каждая изъ этихъ двухъ большихъ группъ въ свою очередь распадается на работающихъ для собственнаго обогащенія и работающихъ на другихъ. Имѣется, наконецъ, по *Ратценгоферу*, и еще одна группировка: на лицъ, презирающихъ трудъ, и лицъ трудолюбивыхъ"²⁶).

Ратценгоферъ останавливаетъ свое особое вниманіе на „сословномъ“ расчлененіи, говоря подробно о „сословныхъ интересахъ“²⁷). Сословные интересы онъ опредѣляетъ, какъ интересы тѣхъ слоевъ, которые являются соучастниками борьбы, образованной хозяйственной и политической организаціей государственнаго общества, т. е. общества, организованнаго въ государство. Каждый изъ этихъ общественныхъ слоевъ борется за свое мѣсто въ общественной жизни, чтобы не потерять его и не опуститься въ тѣ слои, гдѣ кромѣ заботы о хлѣбѣ насущномъ нѣтъ другихъ интересовъ. Что касается того, какіе именно эти слои, то каждое государство, говоритъ *Ратценгоферъ*, если не по формѣ, то по существу, разлагается одинаково. Въ каждомъ государствѣ общество расчленяется, по его мнѣнію, на три главныхъ группы: на группу привилегированныхъ, среднее сословіе и невладѣющихъ (или имуществомъ, ни правами, ни политическимъ вліяніемъ), причемъ это

²⁵) *Gustav Ratzenhofer*, ibid., стр. 231, 232.

²⁶) *Gustav Ratzenhofer*, ibid., стр. 232.

²⁷) *G. Ratzenhofer*, Wesen und Zweck, I, стр. 173.

разслоеніе происходит первоначально не въ политической жизни, а благодаря хозяйственной борьбѣ⁸⁹).

Таково въ общихъ чертахъ ученіе *Ратценгофера*, поскольку послѣдній касается проблемы социальныхъ классовъ. Резюмируя взгляды *Ратценгофера* въ интересующей насъ проблемѣ, мы должны придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) основой социального расчлененія *Ратценгоферъ* считаетъ столкновение разнородныхъ расъ;

2) все разнообразіе социальныхъ слоевъ въ развитомъ обществѣ *Ратценгоферъ* сводитъ къ разнообразію *сословнаго* расчлененія; при этомъ, подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ не только разслоеніе на основѣ право-политическихъ различій, но и „соціальное“ разслоеніе, на основѣ отношеній господства и зависимости;

3) различій *сословнаго* расчлененія отъ классоваго для *Ратценгофера* не существуетъ;

4) *сословное* расчлененіе въ развитомъ обществѣ *Ратценгоферъ* классифицируетъ по четыремъ различнымъ основамъ: а) по политической силѣ, б) по факту владѣнія или невладѣнія, в) по формамъ обогащенія (промышленной дѣятельности), г) по психологическому отношенію къ труду;

5) типической формой *сословно-соціально-политическаго* расчлененія общества *Ратценгоферъ* считаетъ трехчленное дѣленіе на привилегированныхъ, безправныхъ и среднее „сословіе“, занимающее среднее мѣсто между первыми и вторыми, какъ по своему незначительному политическому вліянію, такъ и по своему незначительному имущественному владѣнію;

6) въ своемъ „позитивномъ моизмѣ“ *Ратценгоферъ* близокъ къ естественно-органическимъ ученіямъ, сводя законы социальной дифференціаціи къ естественнымъ (физическимъ и химическимъ) законамъ.

Какъ можно видѣть, все это мало выясняетъ сущность классоваго расчлененія и процессъ образованія социальныхъ классовъ. „*Ратценгоферъ*—такъ характеризуетъ его *Бенгли*—къ несчастью, не хочетъ брать факты такъ, какъ они открыты для ихъ наблюденія... Въмѣсто этого, онъ старается втиснуть ихъ въ удивительно

⁸⁹) *Gustav Ratschenhofer*, *Wesen und Zweck*, I, стр. 173.

скудную и тягучую метафизику, которую онъ называетъ позитивнымъ монизмомъ, но которая не является ни позитивной, ни материалистической... Съ этой метафизикой онъ думаетъ, что онъ далеко ушелъ впередъ отъ *Гумбольдта*, между тѣмъ какъ на самомъ-то дѣлѣ онъ остается позади послѣдняго, не продвинувшись ни на шагъ⁴⁰⁾).

Подобно *Ратценгоферу*, подъ значительнымъ вліяніемъ „Борьбы расъ“ находится и *Лестеръ Уордъ*, въ вопросахъ о социальныхъ классахъ и социальной дифференціаціи вообще. Проблемы социальныхъ классовъ *Уордъ* касается главнымъ образомъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ „*American Journal of Sociology*“, подъ названіемъ „Соціальныя классы при свѣтѣ социологической теоріи“⁴¹⁾, а также въ различныхъ своихъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ вопросу о дифференціаціи и интеграціи общества⁴²⁾.

Основные положенія „Борьбы расъ“ *Уордъ* раздѣляетъ цѣлкомъ. „*Гумбольдтъ* и *Ратценгоферъ*—говоритъ онъ въ „*Pure sociology*“—доказали убѣдительно, что генезисъ общества, насколько мы можемъ знать, поклится всецѣло на борьбѣ расъ. Я ничего не прибавлю къ ихъ мастерскому изложенію этой истины, которая безспорно внесла весьма цѣнное пріобрѣтеніе въ социологическую науку. Въ этомъ ученіи ихъ мы имѣемъ наконецъ вѣрный ключъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи общества. Это не всё, но это основа всего... Это стоитъ въ полной гармоніи со всѣми фактами этнологіи и антропологіи“⁴³⁾.

Первый шагъ въ борьбѣ расъ, говоритъ *Уордъ*, это покореніе одной расы другой. Болѣе сильная раса подчиняетъ себѣ слабую. На поздней стадіи этого процесса покореніе сопровождалось истребленіемъ покоренной расы; низшіе дикари по большей части—камышбалы; большинство примитивныхъ войнъ было не чѣмъ инымъ, какъ охотой, гдѣ человѣкъ для обѣихъ сторонъ являлся

⁴⁰⁾ *Arthur Bentley*. The process of government, Study of social pressures. Chicago-London, 1908, стр. 476.

⁴¹⁾ *Lester F. Ward*. Social classes in the light of modern sociological theory. Amer. Journal of Sociology, Vol. XIII, стр. 617—627.

⁴²⁾ *Lester F. Ward*. Pure sociology. A treatise on the origine and spontaneous development of Society. New York 1903, т. X; *L. F. Ward*. Social Differentiation and Social Integration (Amer. J. of S. vol. VIII. 1903, May, стр. 726—745.

⁴³⁾ *Lester F. Ward*. Pure Sociology, 1903, стр. 203, 204.

взаимной добычей. На болѣе поздней, высшей стадіи, охота, каннибализмъ и истребленіе покоренной расы было вытѣснено различными формами рабства. Истребленіе покоренной расы представлялось непрактичнымъ. Съ этого момента, послѣ покоренія, двѣ различныя расы, побѣдившая и покоренная, приходятъ въ тѣсное соприкосновеніе одна съ другой. Полная ассимиляція между ними, однако, невозможна, такъ какъ расы эти слишкомъ различны. Побѣдившая раса смотритъ съ презрѣніемъ на побѣжденную и заставляетъ ее служить себѣ. Побѣжденная раса, въ свою очередь, подчиняясь злой необходимости, ничего другого не можетъ, какъ расѣ побѣдителей, кромѣ глубокой ненависти, и во всемъ подчиняется только грубой силѣ. Таково происхожденіе *касты*, по мнѣнію *Уорда*, и онъ не удивляется, если кастовый духъ такъ глубоко внедряется въ жизнь всякаго общества, что его трудно совершенно искоренить⁴³⁾.

Объяснить враждебность и гетерогенность расъ полигенизмомъ, какъ это дѣлаетъ *Гумпловичъ*, *Уордъ* считаетъ, однако, недостаточнымъ. Теорія полигенизма для объясненія этого, по его мнѣнію, непригодна потому уже, что она не имѣетъ никакого отношенія къ социологическимъ фактамъ: „соціологи, какъ таковой, не имѣетъ никакого дѣла съ происхожденіемъ человѣка“. Причину гетерогенности расъ *Уордъ* видитъ въ процессѣ дифференціаціи ихъ, которая началась съ того момента, когда орды и классы, по мѣрѣ своего разрастанія, стали распространяться по обширной территории земной поверхности, въ поискахъ пищи, и постепенно терли всякое воспоминаніе другъ о другѣ и о своихъ сородичахъ, развивая въ себѣ особый языкъ, вырабатывая особые привычки, нравы, обычаи, религиозные обряды, создавая свой особый культъ боговъ, тотемовъ. Неудивительно, поэтому, если первобытныя человѣческія группы смотрѣли одна на другую съ крайнею ненавистью и не видѣли ничего общаго между собою, всегда готовы напасть другъ на друга, борясь за собственное существованіе⁴⁴⁾.

Исторіи расовой дифференціаціи и образованія расъ путемъ расовой борьбы и особенно открытію принципа естественнаго про-

⁴³⁾ *Lester Ward. Pure Sociology*, стр. 204, 205, 206.

⁴⁴⁾ *Lester Ward Pure Sociology*, стр. 201; также въ статьѣ „Social differentiation and social integration“ (*Amer. Journal of Sociology*, vol. VIII, 1903, May), стр. 725, 726.

поскольку политические общества и правовое государство, связанному с именем Гумбольдта и теорией борьбы рас, Уорд придает громадное научное значение для социальных проблем, выходящее тому, какое имело в области биологических знаний открытие принципа естественного подбора⁴⁵⁾. Расовая теория дает возможность Уорду подойти к проблеме происхождения и природы социальных классов с новой точки зрения. Происхождение социальных классов, по мнению Уорда, составляет интегральную часть общего социального процесса, осязаемого расовой борьбой.

Классы должны были развиваться, какъ находить Уордъ, вмѣстѣ со всѣми другими социальными образованиями, изъ родовой общины, которая классовъ не знала. Зарожденіе социальных классовъ Уордъ ищетъ въ образованіи и развитіи *кастъ*. Какъ хорошо извѣстно, говоритъ онъ, однимъ изъ первыхъ результатовъ завоеванія является появленіе въ обществѣ различныхъ разслоеній, называемыхъ кастами. Раса завоевателей становится, при этомъ, высшей кастой, завоеванная—низшей. Между ними рождается промежуточная каста, существованіе которой вызывается требованіемъ самой жизни общества. Высшая каста дифференцируется, распадаясь на жреческую касту и касту воиновъ, а промежуточная развивается изъ наиболѣе образованныхъ элементовъ какъ расы побѣдителей, такъ и расы побѣжденныхъ, и завѣдуетъ матеріальнымъ производствомъ новаго общества. Низшая же раса исполняетъ за всѣхъ трудъ, или въ качествѣ рабовъ, или въ качествѣ касты ремесленниковъ, которая въ свою очередь распадается изрѣдко на множество подъ-кастъ и гильдій съ наследственнымъ характеромъ. Изъ этихъ кастовыхъ образованій и выросли, по мнѣнію Уорда, тѣ социальные классы, которые мы находимъ въ настоящее время во всѣхъ развитыхъ странахъ. Современные классы—это модифицированныя касты, и тѣ четыре такъ называемыхъ „сословія“ (estates) европейской исторіи, которыя такъ опредѣленно вырисовались уже въ 18 столѣтіи, точно соответствуютъ четыремъ большимъ кастамъ Индіи: каста *брахманоу*—это позднѣй-

⁴⁵⁾ *Lester Ward. Social classes in the light of modern sociological theory. (Americ. Journ. of Sociology. Vol. XIII), стр. 617.*

шее первое сословіе, духовенство; *киатри* получили себя теперь имя второго сословія, свѣтской аристократіи, господствующаго, правящаго класса; *вайшья*—это современная буржуазія, торгово-промышленники; наконецъ, *шудры*—это современное четвертое сословіе, промышленный пролетаріатъ. И такъ какъ касты представляютъ собою продуктъ завоеванія и борьбы расъ, то и классы, слѣдовательно, покоются на расовомъ принципѣ. Но этотъ великій этническій принципъ, лежащій въ основѣ социальныхъ классовъ, какъ думаетъ *Уордъ*, въ теченіе долгаго времени, былъ скрытъ отъ вниманія изслѣдователей. Съ теченіемъ времени забывалось, что касты выросли изъ завоеванія. Господствующія касты, старались увѣрить и себя и другихъ, что касты имѣютъ божественное происхожденіе, или во всякомъ случаѣ опираются на естественный порядокъ. Развивалось представленіе, что высшія и низшія касты стали таковыми въ силу естественнаго порядка, согласно дѣйствительной природѣ вещей. Греки, напримѣръ,—говоритъ *Уордъ*—были расой-побѣдительницей, которая еще въ догомеровское время напала на Грецію и Малую Азію и подчинила себя народы, которые она тамъ нашла, превративъ ихъ въ рабовъ. Но такъ какъ, писанная исторія началась еще много позднѣе этого времени, то было забыто, кѣмъ были рабы въ Греціи, и на нихъ смотрѣли, какъ на низшія существа; въ такомъ смыслѣ смотрѣли на существованіе рабовъ *Платонъ* и *Аристотель*. Этотъ же взглядъ остался до нѣкоторой степени и до сихъ поръ въ вопросѣ о социальныхъ классахъ⁴⁰). Тотъ фактъ, что побѣжденные расы заняли свои социальные позиціи, какъ выражается *Уордъ*, задолго до писаной исторіи (въ тѣхъ странахъ, гдѣ онѣ жили), скрывалъ ихъ истинное происхожденіе и затемнялъ этническій принципъ, лежащій въ основѣ социальныхъ классовъ. Въ раскрытіи послѣдняго *Уордъ* и видитъ главную заслугу расовой теоріи, указывая на *Грассери*, *Тортинара*, *Вестермарки*, не говоря уже о *Гумпловичѣ*.

Итакъ, согласно *Уорду*, расовая борьба имѣла универсальный характеръ и всюду приводила къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Касты—это одинъ изъ первыхъ институтовъ, выросшихъ изъ этой борьбы расъ. Современные же классы, какъ они развились въ куль-

⁴⁰) *Lester Ward, Social classes, стр. 620.*

турныхъ современныхъ странахъ, являются лишь модифицированными формами и пережитками кастовой системы. Ихъ этническій характеръ нигдѣ не исчезалъ вполне и отразился въ различіи современныхъ социальныхъ классовъ. И съ этой точки зрѣнія, низшіе классы, по мнѣнію *Уорда*, являются „низшими“ лишь по отношенію къ высшимъ; разъ они представляли собой побѣжденные расы, то, конечно, они становились низшими по отношенію къ своимъ побѣдителямъ, въ моментъ завоеванія и покоренія. Но это „низшее“ состояніе носить искусственный характеръ, оно имѣетъ условное значеніе; оно не имѣетъ значенія естественнаго состоянія, разъ навсегда даннаго и послѣдственно-передаваемаго.

Признавая этническій принципъ, какъ основу образованія кастъ и классовъ позднѣйшаго времени, *Уордъ* не отрекается при этомъ отъ той біологическо-органической идеи, которой проникнуто до нѣкоторой степени, какъ мы указывали, социологическое построеніе *Гумпловича*, что еще болѣе сближаетъ этихъ социологовъ. Описывая въ „*Pure Sociology*“ процессы дифференціаціи первобытныхъ человѣческихъ группъ, *Уордъ* замѣчаетъ: „Эти процессы во всѣхъ своихъ точкахъ идентичны съ тѣми, какими образовывались звѣздная система, химическія системы и органическія формы“⁴¹⁾. Для *Уорда*, „органическій и надъ-органическій процессы—одни и тѣ же процессы въ принципѣ, хотя и различны въ методѣ; социальная эволюція подчиняется однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ, какъ и органическая эволюція“⁴²⁾.

Это даетъ намъ новое подтвержденіе тому, что органическая теорія классовъ *Аммона* и расовая теорія *Гумпловича*, *Ратценгофера* и *Уорда*, покоятся на родственныхъ основаніяхъ, на нѣкоторыхъ общихъ социологическихъ предпосылкахъ и, такимъ образомъ, довольно тѣсно между собою связаны. Правда, расовое объясненіе классовато расчлененія общества и историческаго возникновенія социальныхъ классовъ не грѣшитъ такой наивностью збонхъ устройствъ, какъ органическая теорія, но оно далеко не свободно отъ серьезныхъ заблужденій, липающихъ ея научности.

⁴¹⁾ *Lester Ward*, „*Pure Sociology*“, стр. 298.

⁴²⁾ *Lester Ward*, „*Social differentiation*“, стр. 721.

Расовая теорія во всякомъ случаѣ много выше стоитъ, чѣмъ органическое учене о классахъ, какъ оно выразилось, наприм., у *Аммон*. Въ данномъ случаѣ, важно уже то, что этническій принципъ происхожденія классовъ срывалъ печать аристократичности съ теорій органическихъ социологовъ, которые оправдывали существующее неравенство, ставя вопросъ о происхожденіи этого неравенства на базисъ естественнаго отбора, и приковывали низшіе классы къ вѣчной ограниченности, къ вѣчной и безнадежной осужденности на состояніе низшихъ. Расовая теорія, съ своимъ этническимъ принципомъ, разрушила легенду о высокомъ происхожденіи высшихъ классовъ, указывая на простой фактъ силы и насилія, благодаря которому высшія расы дѣлались низшими, а низшія — высшими. Правда, вмѣсто принципа наследственнаго, неконнаго, чуть не божественнаго аристократизма высшаго класса, расовая теорія выдвинула принципъ превосходства сильнаго; право наследственнаго аристократа здѣсь замѣняется правомъ сильнаго. Одинъ принципъ стоялъ другого. Но все же это было шагомъ впередъ.

Выставляя основой классовую расчлененію въ обществѣ расовую и племенную гетерогенность, расовая теорія не въ силахъ была, какъ мы видѣли, выдѣлать ни сущности социальныхъ классовъ, ни процесса историческаго образованія классовъ. Этого не могли сдѣлать расовая теорія уже по одному тому, что въ основу выясненія экономической категоріи, каковой является понятіе социального класса, онѣ клали не экономическій моментъ, какъ слѣдовало бы ожидать, а этническій. Благодаря этому, эти теоріи не могли провести различія и между сословнымъ расчлененіемъ и классовымъ. Безъ послѣдняго же различенія проблема социальныхъ классовъ не могла быть раскрыта даже въ самыхъ общихъ своихъ элементахъ. Несомнѣнно, моментъ завоеванія, покоренія одного племени другимъ, не могъ не отражаться на процессѣ разложенія общества на неравные группы. Но причины этого разложенія и дифференціаціи лежали не внѣ общества, а внутри его. Теорія же завоеваній совершенно не касается внутреннихъ процессовъ въ эволюціи общественныхъ отношеній, принимая при-

исходящие моменты за причинно-образующие и нередко следствие за первопричину. Лишь один момент являлся жизненным въ расовыхъ теоріяхъ,—это моментъ борьбы, которую авторы этихъ теорій клали въ основу социальной эволюціи и образоваши социальныхъ группъ. Но этотъ моментъ социальной борьбы, въ болѣе чистой формѣ и не на этическомъ, а на экономическомъ фундаментѣ, былъ провозглашенъ еще ранними социалистами и французскими утопистами и историками, какъ мы видѣли выше.

3.

Теорія общественныхъ классовъ на основѣ раздѣленія труда и образованія профессій.

Существуютъ попытки построения ученія о классовомъ разслоеніи и о сущности образованія классовъ на основѣ раздѣленія труда и профессій. Представителями такого рода ученія о социальныхъ классахъ являются *Шмоллеръ*, съ одной стороны, и *Артуръ Боэръ* — съ другой.

Что касается *Шмоллера*, то вопросу объ общественныхъ классахъ и классовой борьбѣ онъ удѣляетъ большое вниманіе. Но подходитъ къ этой проблемѣ *Шмоллеръ* не какъ экономистъ-теоретикъ; въ разрѣшеніи этой проблемы онъ не думаетъ найти положительныхъ, которыя бы могли стоять въ тѣснѣйшей связи съ экономической теоріей и которыя бы могли пролить свѣтъ на нѣкоторыя проблемы послѣдней. *Шмоллеръ* подходитъ къ проблемѣ классовъ, какъ политикъ, заинтересованный разрѣшеніемъ „соціального вопроса.“

Какъ вдумчивый пслѣдователь, *Шмоллеръ* не можетъ разрѣшать проблему классовъ и классовой борьбы простымъ отрицаніемъ классовъ или ихъ игнорированіемъ, какъ дѣлала, по его же словамъ, старая естественная теорія народнаго хозяйства, исходящая изъ идеи социальной гармоніи.¹⁾ Правда, *Шмоллеръ* самъ не далекъ отъ этой идеи социальной гармоніи, по послѣдняя для него является не фактомъ повседневной жизни въ исторіи человѣческаго общества, а однимъ изъ идеаловъ, къ которому приближается

¹⁾ *G. Schmoller. Grundriss der Volkswirtschaftslehre. II. Leipzig 1904, 1—6 Aufl. Viertes Buch, стр. 498.*

общество. „Интересы социальных классов, говорит Шмоллеръ въ своихъ „Ueber einige Grundfragen“, должны постепенно оздоравливаться (sich läutern), но кромѣ того они должны, въ силу прогресса народно-хозяйственной организаціи, приходить къ такому состоянию, при которомъ переносились бы легче конфликты и дѣлались бы менѣе значительными. Гармонія интересовъ является однимъ изъ идеаловъ, къ которому мы приближаемся съ каждымъ новымъ прогрессомъ исторіи“²⁾.

Но такъ или иначе подоиди къ проблемѣ классовъ, Шмоллеръ принимается за изслѣдованіе послѣдней со всею добросовѣстностью своего историческаго метода. Полагая, что образованіе общественныхъ классовъ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ исторіей раздѣленія труда и развитія профессій, вытекаая изъ послѣднихъ, Шмоллеръ принимается за кропотливое изслѣдованіе по исторіи раздѣленія труда, ставя своей задачей сначала фактическую исторію образованія раздѣленія труда чисто описательнаго характера, а затѣмъ обработку этого сырого матеріала и выясненія сущности какъ самаго раздѣленія труда, такъ и образованія классовъ“³⁾.

Всю сложную проблему классовъ Шмоллеръ раздѣляетъ на двѣ части: въ первой части онъ разбираетъ вопросъ объ образованіи социальныхъ классовъ, останавливаясь, главнымъ образомъ, на выясненіи основъ этого образованія; во второй части проблемы онъ разсматриваетъ вопросъ о борьбѣ классовъ и классовомъ господствѣ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ въ болѣе законченномъ и разработанномъ видѣ Шмоллеръ даетъ въ „Grundriss der Volkswirtschaftslehre“⁴⁾.

Обширный историческій матеріалъ, которымъ располагаетъ Шмоллеръ въ своемъ разрѣшеніи той и другой части проблемы классовъ, однако, не приводитъ Шмоллера къ богатымъ и цѣннымъ теоретическимъ выводамъ и стройной теоріи классовъ, какъ это

²⁾ Gustav Schmoller. Ueber einige Grundfragen der Sozialpolitik und der Volkswirtschaftslehre. Zweite, verm. Auflage. Leipzig 1901, стр. 127.

³⁾ См. Gustav Schmoller. Die Thatsachen der Arbeitsteilung. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. XIII. Jahrgang. III. Heft Leipzig 1889, стр. 57—128; G. Schmoller. Das Wesen der Arbeitsteilung und der sozialen Klassenbildung; ibid., XIV Jahrgang, Erstes Heft, 1900, стр. 45 и слѣд.

⁴⁾ G. Schmoller. Grundriss der Volkswirtschaftslehre, I. „Die gesellschaftliche Klassenbildung“, стр. 391—411 (1901 Leipzig), и II, стр. 490—557 (1904 Leipzig).

исходящие моменты за причинно-образующие и нередко следствие за первопричину. Лишь один момент являлся жизненным въ расовыхъ теоріяхъ,—это моментъ борьбы, которую авторы этихъ теорій клали въ основу социальной эволюціи и образоваши социальныхъ группъ. Но этотъ моментъ социальной борьбы, въ болѣе чистой формѣ и не на этическомъ, а на экономическомъ фундаментѣ, былъ провозглашенъ еще ранними социалистами и французскими утопистами и историками, какъ мы видѣли выше.

3.

Теорія общественныхъ классовъ на основѣ раздѣленія труда и образованія профессій.

Существуютъ попытки построения ученія о классовомъ разслоеніи и о сущности образованія классовъ на основѣ раздѣленія труда и профессій. Представителями такого рода ученія о социальныхъ классахъ являются *Шмоллеръ*, съ одной стороны, и *Артуръ Боэръ* — съ другой.

Что касается *Шмоллера*, то вопросу объ общественныхъ классахъ и классовой борьбѣ онъ удѣляетъ большое вниманіе. Но подходитъ къ этой проблемѣ *Шмоллеръ* не какъ экономистъ-теоретикъ; въ разрѣшеніи этой проблемы онъ не думаетъ найти положительныхъ, которыя бы могли стоять въ тѣснѣйшей связи съ экономической теоріей и которыя бы могли пролить свѣтъ на нѣкоторыя проблемы послѣдней. *Шмоллеръ* подходитъ къ проблемѣ классовъ, какъ политикъ, заинтересованный разрѣшеніемъ „соціального вопроса.“

Какъ вдумчивый пслѣдователь, *Шмоллеръ* не можетъ разрѣшать проблему классовъ и классовой борьбы простымъ отрицаніемъ классовъ или ихъ игнорированіемъ, какъ дѣлала, по его же словамъ, старая естественная теорія народнаго хозяйства, исходящая изъ идеи социальной гармоніи.¹⁾ Правда, *Шмоллеръ* самъ не далекъ отъ этой идеи социальной гармоніи, по послѣдняя для него является не фактомъ повседневной жизни въ исторіи человѣческаго общества, а однимъ изъ идеаловъ, къ которому приближается

¹⁾ *G. Schmoller. Grundriss der Volkswirtschaftslehre. II. Leipzig 1904, 1—6 Aufl. Viertes Buch, стр. 498.*

общество. „Интересы социальных классов, говорит Шмоллеръ въ своихъ „Ueber einige Grundfragen“, должны постепенно оздоравливаться (sich läutern), но кромѣ того они должны, въ силу прогресса народно-хозяйственной организаціи, приходить къ такому состоянию, при которомъ переносились бы легче конфликты и дѣлались бы менѣе значительными. Гармонія интересовъ является однимъ изъ идеаловъ, къ которому мы приближаемся съ каждымъ новымъ прогрессомъ исторіи“²⁾.

Но такъ или иначе подоиди къ проблемѣ классовъ, Шмоллеръ принимается за изслѣдованіе послѣдней со всею добросовѣстностью своего историческаго метода. Полагая, что образованіе общественныхъ классовъ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ исторіей раздѣленія труда и развитія профессій, вытекаая изъ послѣднихъ, Шмоллеръ принимается за кропотливое изслѣдованіе по исторіи раздѣленія труда, ставя своей задачей сначала фактическую исторію образованія раздѣленія труда чисто описательнаго характера, а затѣмъ обработку этого сырого матеріала и выясненія сущности какъ самаго раздѣленія труда, такъ и образованія классовъ“³⁾.

Всю сложную проблему классовъ Шмоллеръ раздѣляетъ на двѣ части: въ первой части онъ разбираетъ вопросъ объ образованіи социальныхъ классовъ, останавливаясь, главнымъ образомъ, на выясненіи основъ этого образованія; во второй части проблемы онъ разсматриваетъ вопросъ о борьбѣ классовъ и классовомъ господствѣ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ въ болѣе законченномъ и разработанномъ видѣ Шмоллеръ даетъ въ „Grundriss der Volkswirtschaftslehre“⁴⁾.

Обширный историческій матеріалъ, которымъ располагаютъ Шмоллеръ въ своемъ разрѣшеніи той и другой части проблемы классовъ, однако, не приводитъ Шмоллера къ богатымъ и цѣннымъ теоретическимъ выводамъ и стройной теоріи классовъ, какъ это

²⁾ Gustav Schmoller. Ueber einige Grundfragen der Sozialpolitik und der Volkswirtschaftslehre. Zweite, verm. Auflage. Leipzig 1901, стр. 127.

³⁾ См. Gustav Schmoller. Die Thatsachen der Arbeitsteilung. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. XIII. Jahrgang. III. Heft Leipzig 1889, стр. 57—128; G. Schmoller. Das Wesen der Arbeitsteilung und der sozialen Klassenbildung; ibid., XIV Jahrgang, Erstes Heft, 1890, стр. 45 и слѣд.

⁴⁾ G. Schmoller. Grundriss der Volkswirtschaftslehre, I. „Die gesellschaftliche Klassenbildung“, стр. 391—411 (1901 Leipzig), и II, стр. 490—557 (1904 Leipzig).

ческія причины дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ въ томъ направленіи, что среди индивидовъ съ болѣе или менѣе одинаковымъ положеніемъ начинаютъ вырабатываться „равные или близко другъ къ другу стоящіе интересы, чувства, представленія и идеи“; развивается потребность среди опредѣленныхъ индивидовъ къ самопризнанію (*Anerkennung*); въ каждой данной группѣ индивидовъ, появляется чувство сословной и профессиональной чести, а затѣмъ уже классовый духъ, классовое самосознаніе, образующее среди индивидовъ съ общими интересами болѣе или менѣе крѣпкую социально-психологическую связь; этотъ классовый духъ вырастаетъ сначала въ формѣ полубезсознательнаго, неопределеннаго, темнаго чувства къ обществу, которое затѣмъ крѣпнѣетъ, развивается, по мѣрѣ роста культуры, роста самосознанія группы, враждебныхъ, антагонистическихъ теченій со стороны группъ съ иными интересами и противоположными настроеніями; этотъ классовый духъ и классовое чувство, составляющіе свой особый мѣръ психологическихъ настроеній группы, и способствуютъ тому, что данная группа вырастаетъ, оформливается и образуется въ социальный класс⁸⁾. Таково дѣйствіе и сила, при образованіи общественныхъ классовъ, психологическаго фактора, съ точки зрѣнія *Шмоллера*. Но, въ концѣ концовъ, и психологическій факторъ, какъ одну изъ причинъ, вызывающихъ образованіе классовъ, являющуюся, по мнѣнію *Шмоллера*, даже „важѣйшимъ корнемъ всякаго классовообразованія“, онъ также оставляетъ въ сторонѣ, не считая его, повидимому, первичнымъ факторомъ, но тѣмъ не менѣе ничѣмъ не обосновывая такое жонглированіе факторами, какъ классовообразующими причинами.

Итакъ, какія же основы образованія классовъ находитъ *Шмоллеръ*? „Отвлекаясь отъ... модифицирующихъ элементовъ,—говоритъ *Шмоллеръ*,—мы получаемъ расу, раздѣленіе труда и образованіе профессій, а также и распределеніе дохода“⁹⁾.

Раздѣленіе труда, согласно *Шмоллеру*, происходитъ одновременно съ образованіемъ профессій, и, такимъ образомъ, *Шмоллеръ* приходитъ къ признанію собственно трехъ причинъ, непосредствен-

⁸⁾ *G. Schmoller, ibid.*, стр. 393.

⁹⁾ *G. Schmoller, ibid.*, стр. 395.

по вызывающихъ образованіе социальныхъ классовъ; эти три причины *Шмоллеръ* располагаетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: а) раса, б) раздѣленіе труда и в) распредѣленіе (предполагается, конечно, неравномѣрное распредѣленіе) дохода. Никто, по мнѣнію *Шмоллера*, не отрицаетъ, что всѣ эти три причины опредѣляюще дѣйствуютъ на образованіе классовъ, но споръ идетъ лишь о степени вліянія этихъ трехъ рядовъ причинъ, и споръ вполнѣ понятный, какъ думаетъ *Шмоллеръ*, такъ какъ рѣчь идетъ о безконечно сложныхъ явленіяхъ и взаимодействияхъ. *Гобино* и его школа сводятъ всѣ классовыя противоположности къ расѣ, признавая, что аристократы всего міра имѣютъ индо-германскую кровь, а что у низшихъ классовъ течетъ кровь негровъ. Такой взглядъ *Шмоллеръ* считаетъ, однако, сильно преувеличеннымъ. Такимъ же сильнымъ преувеличеніемъ является, по его мнѣнію, и представленіе социалистовъ, которые сводятъ причину образованія классовъ „исключительно или преимущественно къ неравенству имущества и дохода; таково, по мнѣнію *Шмоллера* (ошибочному, какъ мы увидимъ ниже), ученіе *Маркса*, таковъ же взглядъ на этотъ предметъ и *Бюхера*, которые „стоятъ не далеко отъ такого пониманія“. „Я пытался, прибавляетъ въ данномъ случаѣ *Шмоллеръ*, — подчеркнуть, главнымъ образомъ, вліяніе профессій и раздѣленія труда, но къ окончательнымъ результатамъ наука еще не можетъ притти въ настоящій моментъ нашего познанія“¹⁰⁾.

Раздѣленію труда, какъ классовообразующему фактору, *Шмоллеръ* придаетъ, такимъ образомъ, преобладающее значеніе, почему его ученіе объ общественныхъ классахъ не можно характеризовать, главнымъ образомъ, именно по этой основѣ, хотя въ своемъ анализѣ *Шмоллеръ* не оставляетъ и другіе факторы, кромѣ раздѣленія труда; особенно шохотно опъ разсуждаетъ съ расой. „Я хотѣлъ бы особенно отмѣтить, говоритъ *Шмоллеръ* въ своей рецензіи на книгу *ванъ Оверберга*, что исторически впереди другихъ стоитъ раса и раздѣленіе труда“¹¹⁾. Между тѣмъ, то, что самъ *Шмоллеръ* говоритъ о расовомъ факторѣ, логически должно

¹⁰⁾ G. Schmoller, Grundriss I, стр. 395, 396.

¹¹⁾ G. Schmoller, Besprechungen. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im D. R. 32. Jahrgang 1908, I Heft, стр. 321—322.

было бы *Шмоллера* заставить элиминироваться от этого фактора при анализѣ образованія общественныхъ классовъ. „Расхождение (между классами), говоритъ *Шмоллеръ*, острѣе всего было тамъ, гдѣ государственная жизнь сложилась подъ вліяніемъ господства болѣе сильной расы надъ слабѣйшей и гдѣ, не смотря на столѣтія долгаго взаимнаго соприкосновенія, возникшіе изъ различныхъ расъ классы чувствуютъ себя еще чуждыми другъ другу. Но—прибавляетъ при этомъ *Шмоллеръ*—образованіе классовъ не отсутствуетъ и тамъ, гдѣ государство однородно по своему расовому составу“¹²⁾).

Если признать, что образованіе классовъ совершается и находится себѣ мѣсто и вѣдѣ расовыхъ элементовъ, то необходимо заключить отсюда, что расовый факторъ является лишь случайнымъ при образованіи общественныхъ классовъ, что раса не составляетъ необходимаго элемента классовъ и не входитъ въ сущность классообразованія. Если *Шмоллеръ* признаетъ существованіе социальныхъ классовъ и тамъ, гдѣ не было столкновенія расъ, онъ могъ смѣло элиминироваться, въ своемъ изслѣдованіи сущности и „внутреннихъ причинъ“¹³⁾ образованія классовъ, отъ фактора расы, такъ какъ въ данномъ случаѣ раса является уже выплывшимъ приводящимъ элементомъ, во всякомъ случаѣ—элементомъ несущественнымъ, не опредѣляющимъ. Но отрѣшиться отъ множественности факторовъ, отъ плюрализма, *Шмоллеръ* не можетъ уже въ силу методологической особенности своей школы, которая боится отвлеченій, абстракцій, обобщеній, которая, пакующая и пагромождающая факты и причины одни на другіе, думаетъ, что еще не пришло время для обобщеній и чистой абстракціи въ экономической наукѣ.

Разнымъ образомъ, и по отношенію къ фактору неравномернаго распредѣленія богатства (имущества и доходовъ) логическая и методологическая необходимость должна была бы привести *Шмоллера* къ элиминированію его при изслѣдованіи о классообразованіи. Достаточно въ данномъ случаѣ указать, прежде всего, уже на

¹²⁾ *G. Schmoller. Grundriss I, стр. 392; ср. также Schmoller's Jahrbuch, II. XIV. 1890, стр. 72—74: „Das Wesen der Arbeitsteilung und der sozialen Klassenbildung“.*

¹³⁾ *G. Schmoller. Besprechungen. Schmoller's Jahrbuch, 1908, I. Heft, стр. 322.*

то, что, для *Шмоллера*, различія въ социальномъ положеніи, имуществѣ и доходѣ являются лишь вторичными послѣдствіями социальной дифференціаціи. „Первое образованіе собственности, говоритъ *Шмоллеръ*, и начавшееся неравномѣрное распредѣленіе ея есть лишь результатъ раздѣленія труда и образованія классовъ... Уже на основѣ существующаго образованія классовъ являются различія въ распредѣленіи и земельной собственности, которыя затѣмъ закрѣпляются путемъ права наследственной передачи и въ культурныхъ странахъ продолжаютъ развиваться въ теченіе многихъ столѣтій. ...Но всякое распредѣленіе земельной собственности... не первопричинно, а является слѣдствіемъ уже существующихъ ранѣе раздѣленія труда и профессій, а также уже появившихся ранѣе различій въ личныхъ свойствахъ и характерныхъ особенностяхъ различныхъ социальныхъ группъ“¹¹⁾. Главную противоположность между наемными рабочими и предпринимателями *Шмоллеръ* видитъ точно также не во владѣніи, не въ различіи размѣровъ имущества и дохода, а въ наследственныхъ свойствахъ тѣхъ и другихъ, образованіе которыхъ, по мнѣнію *Шмоллера*, много важно для социальныхъ реформъ, чѣмъ исправленіе неравенства въ распредѣленіи богатства¹²⁾. *Шмоллеръ*, такимъ образомъ, считаетъ распредѣленіе богатства не первопричиной, а слѣдствіемъ „вторичнаго“ ряда, вытекающимъ изъ факта раздѣленія труда. Это положеніе *Шмоллера* и было тѣмъ главнѣйшимъ пунктомъ, который вызвалъ больше всего нападокъ со стороны критиковъ *Шмоллера* и въ особенности со стороны *Бюхера*, который считалъ данное положеніе *Шмоллера* перевернутымъ и которому *Шмоллеръ*, не смотря на уничтожающую критику *Бюхера*, оставался тѣмъ не менѣе вѣренъ¹³⁾. Но въ такомъ случаѣ страннымъ казалось бы ставить распредѣленіе имущества и дохода въ одинъ рядъ съ раздѣленіемъ труда, придавая причинъ и вытекающему изъ нея слѣдствію одинаковое причиннообразующее значеніе. *Шмоллеръ* тѣмъ не менѣе это дѣлаетъ и упорно настаиваетъ

¹¹⁾ G. Schmoller. „Das Wesen der Arbeitsteilung und der sozialen Klassenbildung“. Jahrbuch f. Gesetzgebung, Verwaltung und Volksw. im D. R., XIV B., 1890, стр. 86—87.

¹²⁾ G. Schmoller, ibid., стр. 89.

¹³⁾ (М. К. Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft („Arbeitsgliederung und soziale Klassenbildung“). Leipzig 1897, 2 Auflage.

на своемъ, не смотря на все указанія критики. Между тѣмъ, уже изъ собственнаго представленія *Шмоллера* о распредѣленіи богатства, какъ явленія производимъ и вытекающемъ изъ факта раздѣленія труда, слѣдуетъ необходимость элиминирования въ образованіи классовъ этого фактора.

Мы находимъ, такимъ образомъ, что центральный пунктъ ученія *Шмоллера* объ основахъ образованія социальныхъ классовъ лежитъ все-таки въ раздѣленіи труда, хотя самъ *Шмоллеръ*, исходя изъ принципа множественности факторовъ, при послѣдованіи социальныхъ явленій, въ своемъ анализѣ образованія и сущности социальныхъ классовъ, базируется на основѣ трехъ факторовъ, какъ причинно-дѣйствующихъ: расы, раздѣленія труда и распредѣленія дохода (и имущества). Послѣдуемъ, поэтому, въ томъ же порядкѣ за дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ *Шмоллера* по вопросу объ общественныхъ классахъ.

Выставивъ расовый факторъ въ качествѣ одной изъ классово-образующихъ причинъ, *Шмоллеръ* находитъ силу его прежде всего въ томъ, что типъ расы удерживается въ теченіе многихъ столѣтій, благодаря наследственности. Этому фактору *Шмоллеръ* во всякомъ случаѣ придаетъ большое значеніе. Тамъ, говоритъ онъ, гдѣ расы и племена жили въ тѣсномъ общеніи между собою и гдѣ онѣ еще не очень отпятифовались въ своихъ расовыхъ особенностяхъ благодаря кровосмѣшенію, тамъ исторія всѣхъ временъ показывается намъ, что высшіе и низшіе классы представляютъ собой соотвѣтственно высшій и низшій расовый типъ. Вместе съ этимъ, конечно, имѣло мѣсто, по мнѣнію *Шмоллера*, дѣйствіе и другихъ причинъ, особенно образованія профессій и неравномѣрности собственности; и не всегда легко, думаетъ *Шмоллеръ*, опредѣлить, какая степень вліянія приходится на раздѣленіе профессій и какаго на расовое различіе. „Но что расы и принадлежность къ опредѣленному племени являются одной изъ причинъ образованія классовъ, что классовыя противорѣчія яче всего возникаютъ и развиваются на расовой основѣ, что вліяніе расы продолжается въ теченіе безконечнаго количества поколѣній, это одинъ самый наипышій членовъкъ, говоритъ *Шмоллеръ*, не станеть отрицать“¹⁷⁾.

¹⁷⁾ *G. Schmoller, Grundriss, I, стр. 306.*

Собственно напыщенную степень дѣйствія расы на образованіе социальныхъ классовъ *Шмоллеръ* видитъ лишь по отношенію къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому. Въ новѣйшее время сила этого фактора, по его мнѣнію, притупляется уже. Но въ происхожденіи рабства и крѣпостничества *Шмоллеръ* придаетъ расовымъ столкновеніямъ преобладающую роль.¹⁹⁾

Мы уже говорили выше о томъ, какъ повелѣно научное значеніе расовой основы въ теоретическомъ анализѣ образованія и сущности общественныхъ классовъ. Перейдемъ, поэтому, ко второй основѣ, на которой строить *Шмоллеръ* свое ученіе объ образованіи социальныхъ классовъ,—раздѣленію труда и возникновенію профессій.

Основѣ раздѣленія труда и профессій *Шмоллеръ* склоненъ придавать рѣшающее значеніе для образованія классовъ, насколько только позволяетъ ему выдѣлять тотъ или иной факторъ изъ ряда другихъ его теорія множественности факторовъ. Защитѣ и аргументаціи этого фактора *Шмоллеръ* удѣляетъ наибольшее вниманіе. Онъ не прочь даже, въ цѣляхъ большей аргументаціи, опираться на мнѣніе социалистическихъ писателей, хотя въ другихъ случаяхъ онъ награждаетъ представителей социализма и вождей низшихъ классовъ общества самыми пестрыми эпитетами²⁰⁾. Въ данномъ случаѣ *Шмоллеръ* думаетъ опереться на авторитетъ *Энгельса*, приводя его слова, что „дѣленіе общества на классы покоится на законѣ раздѣленія труда“²¹⁾. *Энгельсъ*, дѣйствительно, процессъ образованія классовъ ставитъ въ близкую связь съ процессомъ раздѣленія труда; но, какъ мы увидимъ ниже, для *Энгельса* раздѣленію труда является лишь необходимымъ естественно-техническимъ условіемъ образованія социальныхъ классовъ, а не причиной его; причинную же основу образованія классовъ *Энгельсъ* видитъ не въ раздѣленіи труда, а въ отношеніяхъ производства и распредѣленія, т. е. въ процессахъ чисто экономического характера. Но посмотримъ, чѣмъ и какъ аргументируетъ *Шмоллеръ* свое

¹⁹⁾ *G. Schmoller*. Das Wesen der Arbeitsteilung und der sozialen Klassenbildung *Schmoller's Jahrbuch*, XIV B., 1890, I. II., стр. 72.

²⁰⁾ *G. Schmoller*, Grundriss II, 549.

²¹⁾ *G. Schmoller*, Grundriss I, 409.

положеніе о томъ, что основа образованія общественныхъ классовъ покоится на раздѣленіи труда.

Можно думать, говорятъ *Шмоллеръ*, что появленіе профессій и раздѣленія труда внутри народовъ создается при извѣстныхъ условіяхъ особая равновѣдности въ народномъ характерѣ, которыя путемъ наследственной передачи переходятъ изъ поколѣній въ поколѣнія. Благодаря этому, образуются рѣзкія расхожденія и противоположности въ способѣ жизни и въ условіяхъ труда, которыя хотя и испытываютъ на себѣ нивелирующее вліяніе духовнаго и физическаго характера, въ силу постоянного сопрیکосновенія и взаимнаго общенія, но вліяніе это обычно невелико и непостоянно. Вместе съ тѣмъ, съ прогрессирующимъ раздѣленіемъ труда и профессій, духовная и физическая приспособленность къ опредѣленнаго рода дѣятельности настолько развиваются, что обыкновенно дѣти продолжаютъ профессію отцовъ, что они выбираютъ себѣ жѣнъ большею частью изъ одного и того же круга родственныхъ профессій, что остающіеся неизмѣннымъ способъ жизни и родъ труда настолько входятъ въ тѣло и духъ индивидовъ и классовъ, что нервы и мышцы, мозгъ и кости каждаго приспособляются къ специальной опредѣленной дѣятельности. Такого рода приспособляемость ведетъ, по мнѣнію *Шмоллера*, къ тому, что въ соответствующихъ кругахъ вырабатывается обыкновенно опредѣленный видъ воспитанія, образованія, нравственности и привычекъ, что во всей совокупности своей способствуетъ закрѣпленію типа. Специфическія особенности и различія, созданныя частью благодаря естественному отбору, частью благодаря долгому приспособленію и наследственности, частью, наконецъ, благодаря однородному образованію и средѣ, вырастаютъ въ соответствующія типическія классовыя характерныя черты. Эти типическія классовыя черты не вездѣ, конечно, одинаковы, подвергались колебанію, какъ въ степени ясности своего проявленія, такъ и въ степени своей опредѣленности и постоянства: все зависитъ въ данномъ случаѣ отъ характера профессій и труда, отъ продолжительности наследственныхъ вліяній и отъ различнаго рода другихъ условій. Но едва ли кто будетъ отрицать, думаетъ *Шмоллеръ*, что пастушескій посохъ и плугъ, мечъ и молотъ, веретено и ткацкій станокъ,

игла и рубанокъ налагають на опредѣленныя группы общества специфическую печать и не только времени, но передаваясь изъ поколѣній въ поколѣнія. Пока господитъ и рабъ дѣлали одну и ту же работу, вели одинаковый образъ жизни, до тѣхъ поръ между ними не существовало никакихъ классовыхъ противоположностей: социальныя противоположности вызваны были различіемъ профессій и труда²¹⁾. Шмоллеръ, однако, не хочетъ сказать, что всякое раздѣленіе труда вызываетъ образованіе классовъ. Такое дѣйствіе Шмоллеръ приписываетъ лишь такимъ фазамъ раздѣленія труда, которыя имѣють крупный масштабъ, проникають глубоко въ жизнь народа, захватывая широкія части его, и производятъ значительныя техническія, духовныя, моральныя и организаторскія улучшенія²²⁾.

Въ своемъ положеніи о причиннодѣйствующей при образованіи классовъ роли раздѣленія труда Шмоллеръ, такимъ образомъ, опирается на психологическую и биологическую базу (наслѣдственность и приспособляемость), думая, что раздѣленіе труда и профессии вырабатываютъ различія и противоположности въ психологии соответствующихъ группъ и что эти различія, передаваясь наслѣдственнымъ путемъ, въ концѣ концовъ создаютъ типы, т. е. классы съ опредѣленно выраженнымъ типомъ. Является, однако, вопросъ, дѣйствительно ли профессиональныя свойства, особенности и различія передаются по наслѣдству. Шмоллеръ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, ссылаясь на работы де Кандолля, Рибо, Гальтона и утверждая, что чувство, характеръ, интеллигентность (Intelligenz), а также инстинкты и способность къ сообразительности (Sinneswahrnehmungen) способны къ наслѣдственной передачѣ. Специальнаго изслѣдованія у Шмоллера мы, однако, не находимъ по данному вопросу; онъ ограничивается лишь незначительными ссылками изъ вышеупомянутыхъ авторовъ и общими голословными утвержденіями.

Это положеніе Шмоллера о наслѣдственности дифференцированныхъ индивидуальныхъ качествъ, приобретенныхъ подъ вліяніемъ раздѣленія труда, является чрезвычайно слабымъ въ ученіи

²¹⁾ G. Schmoller, Grundriss I, 396—397.

²²⁾ G. Schmoller, Grundriss, I, стр. 397.

Шмоллера и вызвало сфашированную критику особенно со стороны *Бюхера* и *ванъ Оверберга*. Ссылаясь на *Бугле*, *Деляжа* и на мнѣнія ряда биологовъ, *Овербергъ* приходитъ къ заключенію, противоположному утвержденію *Шмоллера*, именно, что „наслѣдственность профессиональныхъ качествъ не установлена ни биологической наукой, ни результатами специальныхъ наблюдений“²³). Но даже независимо отъ правильности или неправильности допущенія о наслѣдственности профессиональныхъ качествъ, основное положеніе *Шмоллера* о томъ, что раздѣленіе труда и профессій является основой, вызвавшей образованіе общественныхъ классовъ, остается весьма слабо аргументированнымъ. *Бюхеръ* считаетъ это положеніе, какъ мы уже говорили, перевернутымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, само раздѣленіе труда есть слѣдствіе различія въ имуществѣ и доходахъ; самый выборъ профессій, по мнѣнію *Бюхера*, обусловливается имущественнымъ состояніемъ; если сынъ рабочаго, говоритъ *Бюхеръ*, не можетъ стать ничѣмъ инымъ, какъ только рабочимъ, то это обусловливается не его наслѣдственной профессиональной приспособленностью, а его бѣдностью; съ точки зрѣнія *Бюхера*, если говорить объ основѣ образованія классовъ, то таковую можно видѣть только въ различіи имущества и доходовъ, а раздѣленіе труда и профессій суть лишь слѣдствіе различій въ богатствѣ²⁴). Ближе къ *Шмоллеру* стоитъ *ванъ Овербергъ*, но и послѣдній находитъ, что раздѣленіе труда—только одна изъ причинъ образованія классовъ, но при этомъ отнюдь не главная²⁵). Не раздѣляя положенія *Шмоллера* и *Бугле*, хотя это положеніе онъ, по недоразумѣнію, приписываетъ не столько *Шмоллеру*, сколько социалистамъ²⁶).

Наиболѣе слабымъ пунктомъ въ ученіи *Шмоллера* о раздѣленіи труда и профессій, какъ классообразующей основѣ, является неясность и неопредѣленность понятія раздѣленія труда. Такъ какъ вмѣстѣ съ понятіемъ о раздѣленіи труда *Шмоллеръ*

²³) *Cyr. van Overbergh. La classe sociale. Extrait des Annales de la Société belge de Sociologie (2e Serie). Bruxelles 1905, стр. 132.*

²⁴) *Dr. Karl Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Vorträge und Versuche. Vierte Auflage. Tübingen 1904; IX, стр. 390.*

²⁵) *Cyr. van Overbergh. La classe sociale. Bruxelles 1905, стр. 143.*

²⁶) *Bougli. Revue générale des théories récentes sur la division du travail. L'Année sociologique. Paris 1903, стр. 97.*

всегда неразрывно связывать и понятие о профессии, то можно думать, что она имѣетъ въ виду техническое раздѣленіе труда, приводящее къ образованію различныхъ профессій: селѣскаго хозяйства, торговли, транспорта, добывающей и обрабатывающей промышленности, государственной службы и т. д. Въ этомъ смыслѣ образованіе профессій еще отнюдь не должно сопровождаться образованіемъ неравенства между профессіями; неравенство предполагаетъ общественное отношеніе; профессія же—категорія техническая; въ понятіи профессіи содержится идея специализаціи, а не неравенства отношеній. При такомъ пониманіи, строить на раздѣленіи труда образованіе социальныхъ классовъ, являющихся опредѣленными общественными отношеніями, методологически немыслимо. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ Шмоллеръ подъ раздѣленіемъ труда понималъ какъ будто нечто большее, чѣмъ простое техническое раздѣленіе дѣятельности между различными группами общества, независимое отъ ихъ взаимоотношеній. „Я говорилъ,—пишетъ Шмоллеръ, наприимѣръ, въ отвѣтъ на критику своей теоріи со стороны *Оверберга*,—что новый классъ появляется лишь тамъ, гдѣ новые виды дѣятельности и новый способъ жизни начинаютъ связывать людей, даютъ имъ одинаковое положеніе, благодаря одинаковой профессіи, и гдѣ изъ этого одинаковаго положенія вытекаютъ психическія классовыя связи, равное сословное чувство, одинаковая сословная честь, общій сословный духъ“²¹). Здѣсь Шмоллеръ, говоря объ одинаковомъ „положеніи“ и объ одинаковомъ „способѣ жизни“, имѣетъ въ виду не столько уже общность профессіи, сколько общность положенія въ этой профессіи и способа жизни, т. е. не столько вертикальный раздѣлъ по профессіямъ, сколько горизонтальный, по положенію въ профессіи, такъ какъ занятый, наприим., въ селѣскомъ хозяйствѣ или транспортѣ можетъ находиться въ различныхъ социальныхъ плоскостяхъ: сверху, или внизу социальной лѣстницы, и одинаковое положеніе можетъ быть мыслимо только при общности социального положенія. Въ такомъ случаѣ идетъ рѣчь уже о социальномъ моментѣ, а не о техническомъ, не о профессиональномъ. Повидимому, понятію профессіи Шмоллеръ даетъ слишкомъ широкое толкованіе, разумѣя въ этомъ

²¹) G. Schmoller. Besprechungen. Schmoller's Jahrbuch. 1908, I. Heft, стр. 320.

понятіи и моменты социальныя. На такое смѣиваніе *Шмоллеромъ* профессиональныхъ группъ съ группами социальными и недостаточное разграниченіе между тѣми и другими, указываетъ и *Овербергъ*²⁾).

Не смотря на всю шаткость фактора профессіи и раздѣленія труда, *Шмоллеръ*, тѣмъ не менѣе его ставитъ въ первую линію при объясненіи образованія социальныхъ классовъ, оставляя расу и перевѣшество распредѣленія на второмъ мѣстѣ. Вполнѣ понятно, что и вся аргументація его обращена, главнымъ образомъ, на раздѣленіе труда; но, какъ мы видѣли, аргументація эта слабая и въ методологическомъ отношеніи, и по существу.

Ученіемъ объ основахъ происхожденія и образованія общественныхъ классовъ *Шмоллеръ*, однако, не ограничивается. Помимо указанія о трехъ основахъ классового разслоенія общества, онъ останавливается и на дальнѣйшей характеристикѣ этого классового разслоенія, а также и на нѣкоторыхъ его социологическихъ предпосылкахъ; кромѣ того, мы находимъ у него и конкретное изображеніе картины социальныхъ классовъ современной Германіи.

Важнѣйшей характерной чертой общественныхъ классовъ *Шмоллеръ* считаетъ ихъ іерархизацію, іерархичность. Съ образованіемъ классовъ, говоритъ онъ, необходимо образуется и классовая іерархія. Причина такой іерархіи лежитъ, по мнѣнію *Шмоллера*, не только въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ, при образованіи классовъ, однѣ группы вырастаютъ, развиваются, крѣпнутъ, въ то время какъ другія остаются въ прежнемъ положеніи или даже опускаются ниже; и не только въ томъ, что образованіе общественныхъ классовъ есть всегда въ то же время и распредѣленіе власти и политической силы, что выражается обыкновенно въ образованіи классовъ господствующихъ и управляемыхъ. Все это играетъ роль, по мнѣнію *Шмоллера*, но не является главной причиной классовой іерархіи. Главная же причина, какъ онъ думаетъ, лежитъ въ болѣе общемъ психологическомъ фактѣ, а именно—въ присущемъ человѣку чувствѣ и такого рода способѣ мысленія, чтобы все приводить къ опредѣленному порядку, все подвергать должной оцѣнкѣ, все сложныя явленія одного вида сводить въ

²⁾ *Cyr. van Overbergh. La classe sociale. Bruxelles 1905, стр. 156—157.*

однѣ общій рядъ. Такая оцѣнка каждаго члена существуетъ въ любой семьѣ, въ любомъ тѣсномъ кругу, при чемъ каждый индивидъ этой семьи или круга оцѣнивается, по мнѣнію *Шмоллера*, смотря по тому, что онъ для данной семьи, для данного круга дѣлаетъ, въ зависимости отъ своего личнаго вліянія, отъ размѣровъ своихъ доходовъ и имущества, отъ качества оказываемыхъ услугъ не чисто матеріальнаго порядка и проч. Такая же оцѣнка и такой же масштабъ существуютъ, какъ думаетъ *Шмоллеръ*, и въ обществѣ по отношенію къ социальнымъ группамъ. Каждая профессиональная группа и каждый общественный классъ въ общественномъ мнѣніи получаютъ себѣ, по мнѣнію *Шмоллера*, оцѣнку, смотря по тому, что даетъ обществу, въ глазахъ общественнаго мнѣнія, эта группа или классъ; въ общественномъ мнѣніи общественные классы всегда располагаются въ данномъ случаѣ по извѣстнаго рода рангамъ; такова ужъ психологическая потребность самаго общества, какъ думаетъ *Шмоллеръ*. Масштабъ такой оцѣнки, по мнѣнію *Шмоллера*, можетъ быть весьма различный и варьируетъ, въ зависимости отъ исторической эпохи, уклада общественной жизни и пр. Въ одной эпохи, говоритъ *Шмоллеръ*, въ первомъ рангѣ стоитъ духовенство; въ другія—военное сословіе; то дворяне и землевладѣльцы, то купцы и промышленники. Высшая оцѣнка и рангъ нарастаютъ медленно, завоевываются въ теченіе ряда поколѣній; перѣдко случается, поэтому, что въ первомъ рангѣ находится классъ, который уже не соответствуетъ въ дѣйствительности такой оцѣнкѣ; послѣдняя можетъ оставаться еще въ общественномъ мнѣніи и послѣ того, когда жизнь выдвинула на первое мѣсто уже новый классъ²⁰). Въ качествѣ исторической иллюстраціи послѣдняго положенія *Шмоллеръ* указываетъ на то, что раньше нѣкогда простой физическій трудъ въ глазахъ нѣкоторыхъ общественныхъ группъ долгое время не дооцѣнивался; въ настоящее же время, наоборотъ, нѣкоторыя теоріи и классы переоцѣниваютъ его. Во всякомъ случаѣ, говоритъ *Шмоллеръ*, „предѣльная іерархія сословій (и классовъ?)—психологическая необходимость всѣхъ временъ“ (*Grundriss I*, стр. 394).

Факту классовой іерархіи *Шмоллеръ* придаетъ громадное

²⁰) *G. Schmoller, Grundriss, I. стр. 394.*

соціальное значеніє. Эту ієрархію онъ считаетъ важнѣйшимъ орудіемъ, приводящимъ въ движеніе общественный прогрессъ. *Шмоллеръ* думаетъ, что въ обществѣ каждый классъ, каждая соціальная группа, каждый индивидъ въ любой группѣ и въ любомъ классѣ ставить себѣ цѣлью подняться на высшую соціальную ступеньку, въ высшій рангъ. И еслибы, говоритъ *Шмоллеръ*, для единицъ въ обществѣ не было цѣли стремленій, не было высшей точки достиженія, хромала бы всякая энергія. „Полное соціальное равенство было бы смертью для общества“; было бы плохо, если бы человѣкъ не имѣлъ надежды улучшить свое положеніе³⁰⁾.

Въ связи съ этимъ стоитъ и развиваемая *Шмоллеромъ* идея необходимости общественныхъ классовъ, необходимости соціального неравенства. Безъ классовъ, думаетъ *Шмоллеръ*, и безъ ихъ взаимодействія не можетъ быть никакой сколько-нибудь высокой культуры. Классовый порядокъ *Шмоллеръ* считаетъ нормальнымъ для общественного строя. Онъ допускаетъ, что иногда бываютъ злоупотребленія со стороны господствующей аристократіи, но, по его мнѣнію, еще большій вопросъ, что больше вредитъ обществу: эти ли злоупотребленія, возможные со стороны аристократіи, или идущая къ господству и добивающаяся его демократія³¹⁾. Господство аристократіи *Шмоллеръ* вообще ставитъ очень высоко въ соціальномъ отношеніи. Мы не знаемъ бы, говоритъ онъ, никакой культуры, если бы аристократіи всегда не принадлежала руководящая роль, и правъ былъ *Шеффле*, говоря, что аристократія, какава бы она ни была, лучше, чѣмъ отсутствіе всякой аристократіи. Изъ примѣровъ Греціи *Шмоллеръ* глубоко убѣжденъ въ томъ, что средніе и низшіе классы неспособны къ здоровымъ реформамъ и соціальнымъ преобразованіямъ и послѣ неудачныхъ экспериментовъ быстро теряютъ власть³²⁾.

Шмоллеръ не скрываетъ той соціологической основы, изъ которой онъ въ данномъ случаѣ исходитъ. Являясь защитникомъ существующаго классоваго строя въ обществѣ и сторонникомъ господства аристократіи, какова бы она ни была, *Шмоллеръ* раз-

³⁰⁾ *G. Schmoller, Grundriss, I, стр. 410.*

³¹⁾ *G. Schmoller, Grundriss, I, стр. 411.*

³²⁾ *G. Schmoller, Grundriss, I, стр. 410, 411.*

живаеѣ идею соціального подбора, выживанія сильнѣйшихъ и вытѣсненія слабѣйшихъ. Всякое образованіе классового строя, говоритъ онъ, стоитъ въ связи съ возвышеніемъ болѣе дѣятельныхъ, болѣе жизнеспособныхъ. „Безъ этого процесса отбора, говоритъ *Шмоллеръ*, нѣтъ прогресса ни въ какой области. Только такимъ путемъ происходило развитіе всѣхъ племенъ и народовъ; дѣеспособные, активные, сильные элементы забирали въ свои руки руководительство; причемъ дѣло сводилось преимущественно къ побѣдѣ болѣе сильныхъ въ физическомъ и въ духовномъ отношеніи... Подчиненіе слабѣйшей расы болѣе сильной и болѣе способной расой... всегда служило прогрессу“²³). *Шмоллеръ* ссылается въ данномъ случаѣ на ученіе *Гобино*, *Лянужа*, *Аммона*, признавая законъ соціального отбора, происходящаго на біологической основѣ животнаго приспособленія и выживанія сильнѣйшаго. Этимъ *Шмоллеръ* расписывается въ своей идейной близости къ естественно-біологической теоріи общественныхъ классовъ, о которой мы говорили выше. Соціологическіе корни шмоллеровскаго ученія о социальныхъ классахъ и безнадежно-аристократической теоріи *Аммона*—одни и тѣ же. Отсюда одинакова ихъ и научная оцѣнка.

Чтобы дать болѣе полное представленіе о той части ученія *Шмоллера* о социальныхъ классахъ, гдѣ онъ разбираетъ вопросъ объ образованіи классовъ и выясняетъ сущность социальныхъ классовъ, рассмотримъ также попытку *Шмоллера* дать конкретное описаніе общественныхъ классовъ, существующихъ въ современную эпоху въ Германіи.

Современное общество, говоритъ *Шмоллеръ*, въ большихъ государствахъ никогда не распадалось только на два класса—господствующій и подчиненный, но на цѣлый рядъ классовъ съ весьма различными интересами²⁴). Общество, по его мнѣнію, не распадается только на буржуазію и пролетаріатъ. Противъ такого двухчленнаго раздѣла говоритъ уже то обстоятельство, думаетъ *Шмоллеръ*, что высшіе государственные чиновники и служащіе въ общественныхъ учрежденіяхъ и союзахъ, а также низ-

²³) *G. Schmoller*, Grundriss, I, стр. 409.

²⁴) *G. Schmoller*, Grundriss, II, стр. 547.

шіе чиновники и быстро вырастающіе въ своемъ числѣ частно-служащіе и все вообще представители либеральныхъ профессій, по своему социальному общему положенію, представляютъ весьма отличный классъ какъ отъ предпринимателей, такъ и отъ рабочихъ. *Чиновничество Шмоллеръ* считаетъ особымъ, отдѣльнымъ классомъ, который въ Германіи, во время абсолютизма, а нерѣдко также и въ другіе различные моменты, былъ даже господствующимъ классомъ. Для многихъ государствъ и въ настоящее время оно является, по мнѣнію *Шмоллера*, важнѣйшимъ классомъ, особенно тамъ, гдѣ оно не попало въ зависимость отъ феодальной и денежной аристократіи. Этотъ классъ чиновниковъ, вмѣстѣ съ частно-служащими и лицами либеральныхъ профессій, *Шмоллеръ* ставитъ между буржуазіей и пролетаріатомъ; съ первой у этого класса общность болѣе высокаго образованія, съ послѣднимъ—общая жизнь на жалованье и на трудовыя услуги; вербуетъ онъ изъ всехъ классовъ, его же духовный горизонтъ и его нравственные традиціи—тѣ же, какими характеризуется вообще среднее сословіе (Mittelstand). Въ классовой борьбѣ этотъ классъ можетъ образовать противовѣсъ верхнимъ и низшимъ классамъ и служить мостомъ и посредствующимъ элементомъ между той и другою сторонами²⁵⁾. Частно-служащихъ *Шмоллеръ* точно также не находитъ возможнымъ идентифицировать съ классомъ рабочихъ, хотя они и борются, подобно послѣднимъ, за большую прочность своего положенія, за улучшеніе своего дохода, за болѣе лучшее къ себѣ отношеніе.

Все такого рода замѣчанія и указанія *Шмоллеръ* считаетъ необходимымъ принимать во вниманіе, если хотѣть правильно учесть классовое разслоеніе германскаго народа. У самого *Шмоллера* мы находимъ двѣ попытки установленія картины классоваго разслоенія для Германіи: одну, сдѣланную въ 1897 г., вмѣстѣ съ попыткой рѣшенія вопроса о томъ, уменьшается или растетъ средній классъ въ Германіи (ср. XIX-го вѣка)²⁶⁾, другую позднѣе—въ „Grundriss“, во 2-ой части²⁷⁾.

²⁵⁾ *G. Schmoller*, II, 641.

²⁶⁾ *G. Schmoller*. Was verstehen wir unter dem Mittelstande? Hat er im 19. Jahrhundert zu- oder abgenommen? Vortrag auf dem 8. Evang.-Sozial. Kongress in Leipzig am 11. Juni 1897 gehalten. Göttingen 1897.

²⁷⁾ *G. Schmoller*, Grundriss I, 427 и далѣе.

Въ своей первой попыткѣ Шмоллеръ классовое разслоеніе германскаго населенія производить на нѣсколькихъ основахъ сразу, вѣрный своему методу множественности факторовъ и совокупности причинъ, а именно: на основѣ характера хозяйственной дѣятельности (*Betriebsmerkmale*), размѣровъ имущества и доходовъ и социальнаго положенія. Съ точки зрѣнія этихъ основъ Шмоллеръ различаетъ 4 класса: высшій классъ, высшій средній, низшій средній и низшій классы. Къ *высшему первому классу* онъ относитъ аристократію и всѣхъ лицъ съ вполне обеспеченнымъ существованіемъ и именитымъ социальнымъ положеніемъ; за таковыхъ онъ принимаетъ всѣхъ съ доходомъ въ 8—9000 марокъ, или съ имуществомъ выше 100.000 марокъ; сюда Шмоллеръ отпоситъ всѣхъ болѣе крупныхъ земельныхъ собственниковъ и предпринимателей, высшихъ чиновниковъ, врачей, художниковъ, рантиеровъ; ихъ Шмоллеръ насчитываетъ въ Германіи (для 1895 г.) $\frac{1}{4}$ милл. семей. Ко второй своей группѣ *высшему-среднему классу* Шмоллеръ относитъ лицъ (семьи) съ доходомъ въ 2700—8000 марокъ, или съ имуществомъ отъ 60000—100.000 мар.; сюда принадлежатъ средніе землевладѣльцы и предприниматели, большая часть высшихъ чиновниковъ, не попавшая въ первый классъ, многія изъ либеральныхъ профессій; въ 1895 г. этотъ классъ насчитывалъ до $2\frac{3}{4}$ миллионъ семей. Къ *низшему-среднему*, третьему классу Шмоллеръ причисляетъ лицъ съ доходомъ въ 1800—2700 марокъ, которыя болышею частью обладаютъ еще и собственнымъ имуществомъ, ведутъ собственное дѣло или имѣютъ болѣе или менѣе прочное мѣсто; сюда принадлежатъ мелкіе крестьяне, ремесленники, мелкіе торговцы, низшіе чиновники, заводскіе мастера, лучше оплаченные рабочіе; число ихъ Шмоллеръ опредѣляетъ для 1895 г. въ $3\frac{3}{4}$ миллиона. Наконецъ, къ *четвертому, низшему классу* Шмоллеръ относитъ лицъ съ доходомъ не выше 1800 марокъ; сюда принадлежатъ, главнымъ образомъ, наѣмные рабочіе, но точно также и многіе изъ низшихъ чиновниковъ, бѣднѣйшихъ ремесленниковъ и наибѣднѣйшихъ мелкихъ крестьянъ; число ихъ Шмоллеръ опредѣляетъ въ $5\frac{1}{4}$ милл. семей³⁹).

³⁹ G. Schmoller. Was verstehen wir unter dem Mittelstande? Göttingen 1897, стр. 28, 31.

Въ слѣдующей своей попыткѣ классового расчлененія германскаго населенія (1904 г.) *Шмоллеръ* лишь отчасти видоизмѣняетъ свою первую схему. Въмѣсто четырехъ классовъ онъ усматриваетъ пять, и кромѣ того расчленяетъ не средніе классы на отдѣльныя категории (классы), а классъ предпринимателей. Если располагать въ порядкѣ сверху внизъ, то вторая классификація *Шмоллера* представится въ такомъ видѣ: 1) классъ крупныхъ предпринимателей; 2) классъ среднихъ предпринимателей и промышленниковъ; 3) классъ мелкихъ предпринимателей, куда авторъ относитъ мелкое крестьянство, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ; 4) классъ крупныхъ чиновниковъ, представителей либеральныхъ профессій, высшихъ чиновниковъ, частно-служащихъ; 5) классъ рабочихъ, живущій наемнымъ трудомъ³⁰).

Что касается первой и второй схемы классового расчлененія германскаго населенія, которыя мы находимъ у *Шмоллера*, то онѣ страдаютъ всѣми недостатками метода множественности исходныхъ точекъ и основъ. Первая схема представляетъ собою собственно распространенное трехчленное дѣленіе общества на классы: высшій, средній и низшій, при чемъ средній классъ у *Шмоллера* разбитъ въ свою очередь еще на два класса. Основа такого дѣленія — потребительно-мѣнсовая, т. е. размѣръ годового бюджета. Такое расчлененіе населенія въ любой странѣ и за тотъ или иной годъ, а также точный учетъ его, несомнѣнно, могутъ представлять громадный интересъ во многихъ отношеніяхъ. Но если такое расчлененіе населенія дѣлается въ цѣляхъ характеристики социальнаго-классового строенія общества въ данный моментъ и выясненія взаимоотношенія классовъ, то такое расчлененіе по размѣрамъ доходнаго или расходнаго бюджета совершенно не достигаетъ цѣли. Мы изъ схемы *Шмоллера* видимъ группы германскаго населенія, расположенныя по размѣрамъ полученія доходовъ, за исключеніемъ развѣ лишь аристократіи, которая отнесена къ первому классу, независимо отъ размѣровъ своихъ доходовъ. Но что говорить намъ тѣ группы, которыя мы имѣемъ передъ собой, о классовомъ расчлененіи? Имѣемъ ли мы, дѣйствительно, передъ собой социальныя классы, какъ ихъ понимаетъ самъ *Шмоллеръ*? Мы видимъ, что

³⁰) G. Schmoller, Grundriss, II, стр. 427—430.

чиновничество *Шмоллер* объединяет въ особый социальный классъ. Но въ своей схемѣ (первой) онъ отдѣльные группы чиновничества разбиваетъ по тремъ классамъ. Следовательно, какъ социальная группа, чиновничество представляется *Шмоллеромъ* лишеннымъ единства и цѣльности; но въ такомъ случаѣ, оно не можетъ быть названо классомъ.

Мы должны признать, что въ первой схемѣ *Шмоллера* мы видимъ различныя поимущественныя и подходящія группы населенія, расположенныя по размѣрамъ получаемого каждой семьей дохода; мы видимъ, что въ эти группы вставлены также нѣкоторыя профессиональныя групповыя образованія (чиновники, лица либеральныхъ профессій), которыя разнесены по разнымъ категоріямъ, смотря по размѣру дохода ихъ членовъ. Но социальныхъ классовъ передъ нами нѣтъ въ собственномъ смыслѣ. Схема *Шмоллера* четырехчленного раздѣла ничего намъ не выясняетъ въ этомъ отношеніи и можетъ быть признана, въ смыслѣ выясненія социального строенія общества, неудачной.

Малоудовлетворительна и вторая попытка *Шмоллера*—дать описаніе социальныхъ классовъ Германіи въ пятичленной схемѣ. Последняя, по существу, можетъ легко быть вложена въ трехчленный рядъ: 1) классъ предпринимателей и самостоятельныхъ хозяевъ-собственниковъ (крупныхъ, среднихъ и мелкихъ: мелкихъ крестьянъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ); этотъ классъ является тѣмъ, что обычно разумѣютъ подъ именемъ „буржуазіи“; 2) классъ, состоящій изъ чиновниковъ, частнослужащихъ и представителей либеральныхъ профессій,—то, что обычно называютъ „среднимъ сословіемъ“ (*Mittelstand*); и 3) классъ тайныхъ рабочихъ („пролетаріатъ“). Такимъ образомъ, *Шмоллера* схема сводится къ дѣленію на буржуазію, т. е. „средній классъ“ и пролетаріатъ. Но спрашивается, почему буржуазію *Шмоллеръ* представляетъ въ цѣлыхъ трехъ классахъ, и какое существенное социальное различіе между, наприм., крупнымъ и среднимъ предпринимательствомъ? У *Шмоллера* это остается невыясненнымъ. Далѣе, почему чиновничество слито у него на этотъ разъ съ лицами либеральныхъ профессій и съ частно-служащими, разъ, согласно взглядамъ *Шмоллера*, чиновничество составляетъ самостоятельный социаль-

ный классъ? Наконецъ, куда же помѣщена излюбленная *Шмоллеромъ* аристократія? Вѣдь къ предпринимательству она можетъ быть и непричастной! Словомъ, на схемахъ шмоллеровскихъ классовъ мы должны заключить, что самаго попятія „соціальный классъ“ *Шмоллеру* не удалось выяснить и, поэтому, его попытки разложить германское современное населеніе на соціальные классы неудачны и не приводятъ къ чему-либо опредѣленному.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ тою частью ученія *Шмоллера* о соціальныхъ классахъ, гдѣ онъ трактуетъ вопросъ объ образованіи классовъ и о сущности классового разслоенія общества. Посмотримъ теперь, что говоритъ *Шмоллеръ* въ своей второй части ученія о классахъ—о классовой борьбѣ и классовомъ господствѣ.

Изслѣдовать вопросъ о сущности классовой борьбы и классовомъ господствѣ *Шмоллеръ* считаетъ весьма трудной задачей. Старая естественная теорія народнаго хозяйства къ этому вопросу совсѣмъ не подходила; исходя изъ своей гармонической точки зрѣнія она, по справедливому замѣчанію *Шмоллера*, не знала классовъ, или же ихъ игнорировала. И хотя социализмъ сталъ заниматься, говорить *Шмоллеръ*, анализомъ классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы, но онъ далъ, по мнѣнію *Шмоллера*, слишкомъ обостренную и сенсационно преувеличенную картину этой борьбы и противорѣчій; научной теоріи социализмъ, какъ думаетъ *Шмоллеръ*, не далъ. Первый камень такой научной теоріи классовой борьбы заложила, по мнѣнію *Шмоллера*, новая историческая наука въ лицѣ *Нибура*, *Тьерри* и *Гизо*, а также громадная соціально-описательная литература по этому вопросу. Сложность разсматриваемой проблемы увеличивается еще, говоритъ *Шмоллеръ*, тѣмъ обстоятельствомъ, что все, что говорится о классовой борьбѣ, о классовомъ господствѣ, о соціальномъ развитіи, или соціальной реформѣ, лежитъ на границѣ, гдѣ сходятся, соприкасаются и переплетаются съ одной стороны хозяйственные и соціальные процессы образованія классовъ, съ другой стороны—государственная система и государственное управленіе, право и правовыя учрежденія⁴⁰).

⁴⁰) *G. Schmoller, Grundriss II, 498.*

Къ чему же, однако, приходитъ, говоря о классовой борьбѣ и классовомъ господствѣ, самъ Шмоллеръ?

Разсматривая явленія антагонизма, борьбы и господства классовъ въ ихъ общей совокупности и неразрывности, Шмоллеръ ставитъ ихъ въ зависимость, по своему обыкновенію, отъ множества одновременно дѣйствующихъ причинъ и факторовъ: состава населенія, наличности расовыхъ различій, различія профессій, распредѣленія имуществъ и дохода, интеллектуальной и религіозной культуры, организаціи самихъ классовъ и, наконецъ, силы и организаціи правительства. Въ частности, антагонизмъ социальныхъ классовъ, степень его Шмоллеръ ставитъ въ связь со степенью социального развитія народа. Чѣмъ меньше, примитивнѣе и грубѣе общественный организмъ, тѣмъ слабѣе и незначительнѣе, говоритъ Шмоллеръ, классовыя противоположности. Болѣе цивилизованныя народы обыкновенно полны классоваго антагонизма. „Послѣдній особенно обостряется при высокой степени социального развитія, по мѣрѣ народно-хозяйственнаго прогресса. Но болѣе всего способствовало обостренію классовой борьбы, по мнѣнію Шмоллера, денежное и предпринимательское хозяйство. Постепенный ростъ экономической противоположности интересовъ, говоритъ Шмоллеръ, разлагалъ единство стараго народнаго строя, способствуя возвышенію и усиленію господствующихъ классовъ и регрессированію и упадку низшихъ классовъ; послѣдніе, прибавляетъ при этомъ Шмоллеръ, „теряли даже свои старыя положительныя качества (вѣрность, послушаніе, способность довольствоваться немногимъ), не приобретая взамѣнъ этого никакихъ другихъ болѣе высокихъ качествъ“⁴¹⁾.

Останавливаясь на „природѣ“ классовой борьбы, Шмоллеръ замѣчаетъ, что столкновенія интересовъ различныхъ классовъ всегда будутъ имѣть себѣ мѣсто въ большихъ государствахъ съ рѣзко выраженнымъ классовымъ строеніемъ, да они и неизбежны уже потому, что всякій прогрессъ, побѣда лучшихъ началъ всегда исходятъ изъ треній и столкновеній силъ. Исторію всякаго народа Шмоллеръ разлагаетъ на двѣ различныя эпохи, взаимно чередующіяся между собою: эпоху социального мира и эпоху со-

⁴¹⁾ G. Schmoller, Grundriss II, 542.

циальной борьбы. Конечно, и въ эпоху социального мира классовый антагонизмъ не исчезаетъ, но, говоритъ *Шмоллеръ*, онъ или проявляется, находясь въ скрытомъ состоянн, или отступаетъ на задній планъ передъ доминирующими общественными интересами въ каждый данный моментъ. Эпоха социальной борьбы наступаетъ въ моменты особеннаго обостренія классоваго антагонизма, когда или выступаетъ на сцену новый социальный классъ, или существующимъ среднему или низшему классамъ грозитъ порабощеніе или уничтоженіе; въ этомъ случаѣ начинается ожесточенная борьба между классами, которая приводитъ или къ социальнымъ реформамъ, или къ революціи, послѣ чего снова начинается эпоха социального мира, періодъ равновѣсія.

Въ чемъ же выражается борьба классовъ? По существу своему она есть, въ представленіи *Шмоллера*, борьба за власть и господство вообще и происходитъ—какъ въ области государственнаго права и гражданскихъ правъ, такъ и въ области экономической—изъ за распредѣленія доходовъ, причемъ *Шмоллеръ* находитъ два метода этой борьбы, поскольку она раскрывалась въ исторіи народовъ: одинъ методъ—въ формѣ мирнаго преобразовательнаго теченія, методъ медленныхъ, постепенныхъ социальныхъ преобразованій, направленныхъ на усовершенствованіе социального организма; другой—въ формѣ разрушительнаго теченія, методъ насильственнаго ниспроверженія. Вообще же, вся классовая борьба представляется *Шмоллеру* лишь слѣдствіемъ того, что извѣстно подъ именемъ *классоваго господства*. Подъ послѣднимъ можно разумѣть, по мнѣнію *Шмоллера*, или отношенія социальной зависимости, возникающія на почвѣ экономическихъ сношеній между высшими и низшими классами (господами и рабами, предпринимателями и рабочими, кредиторами и должниками, сильными продавцами и слабыми покупателями); или же зависимости слабаго класса отъ сильнаго, возникающей благодаря тому, что сильный классъ захватываетъ въ свои руки политическую власть и пользуются ею въ интересахъ своего класса. Изъ этихъ двухъ возможныхъ толкованій термина классоваго господства—въ смыслѣ экономической зависимости и политической—*Шмоллеръ* предпочитаетъ послѣднее.

Разсматривая классовое господство съ точки зрѣнія захвата государственной власти однимъ изъ существующихъ классовъ, становящимся благодаря этому господствующимъ классомъ, *Шмоллеръ* считаетъ подобное явленіе ненормальнымъ, продуктомъ вырожденія, явленіемъ, съ которымъ нужно бороться всѣми средствами, такъ какъ государственная власть, по мнѣнію *Шмоллера*, такова, что она должна служить общественнымъ интересамъ, а не интересамъ класса⁴²⁾. Особенно пугаетъ въ данномъ случаѣ *Шмоллера* не то, что государственною властью можетъ завладѣть въ своихъ интересахъ аристократія, а то, что на мѣсто аристократическихъ классовъ можетъ выдвинуться классъ демократіи, господство котораго *Шмоллеру* представляется много болѣе худшимъ и опаснымъ для правильной государственной жизни, чѣмъ господство аристократіи⁴³⁾.

Признавая классовое господство ненормальнымъ явленіемъ, *Шмоллеръ*, однако, находитъ, что, собственно говоря, нѣтъ ни одного народа, достигшаго высокой степени культуры, который не проявлялъ бы наклонностей къ классовому господству. Но въ то же время *Шмоллеръ* думаетъ, что народъ, обладающій высокой культурой въ области государственно-правовыхъ отношеній, обладаетъ рядомъ мѣръ для противоявія классовому господству. Среди этихъ мѣръ *Шмоллеръ* указываетъ на развитіе правового чувства; на созданіе такихъ правовыхъ и государственныхъ институтовъ, которые бы препятствовали классовымъ злоупотребленіямъ; на развитіе общественнаго мнѣнія; на проведеніе великихъ социальныхъ реформъ; на созданіе сильной монархической власти. На послѣднюю *Шмоллеръ* возлагаетъ особенно сильныя надежды. „Наиболѣе надежную гарантію, говоритъ онъ, противъ спливанія большихъ классовыхъ злоупотребленій представляютъ тѣ изъ европейскихъ государствъ, которыя соединяютъ свободное конституціонное устройство съ прочной наследственной монархіей“⁴⁴⁾. Главное основаніе для такихъ надеждъ, возлагаемыхъ на монархію, притомъ еще наследственную, *Шмоллеръ* видитъ въ томъ, что единственно только она можетъ создать сильное правительство.

⁴²⁾ *G. Schmoller, Grundriss II, 544.*

⁴³⁾ *G. Schmoller, Grundriss II, 546.*

⁴⁴⁾ *G. Schmoller, Grundriss II, 546.*

могущее справиться съ демократизмомъ, крайности котораго, по мнѣнію *Шмоллера*, могутъ всегда привести къ тираниі и цезаризму⁴⁵).

Подводя итоги какъ ученію *Шмоллера*, такъ и его оцѣнкѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) *Шмоллеръ* признаетъ классовое строеніе общества на протяженіи всей человѣческой исторіи, но приходитъ къ этому признанію социальныхъ классовъ не изъ основъ своего теоретическаго міровозрѣнія, а какъ социальный политикъ;

2) благодаря послѣднему обстоятельству, теоретическая сторона ученія *Шмоллера* о социальныхъ классахъ страдаетъ нестройностью, неопредѣленностью, расплывчатостью и недостаточной обоснованностью;

3) въ частности: а) *Шмоллеръ* не проводитъ строго опредѣленнаго разграниченія между сословіями, классами и профессіями, нерѣдко смѣшивая въ одну категорію сословное расчлененіе, классовое и профессиональное; б) основа образованія класса остается у него неустановленною, такъ какъ онъ исходитъ изъ методологически неправильной идеи множественности факторовъ; в) отсюда же неудачно и дѣлаемое *Шмоллеромъ* опредѣленіе понятія социального класса;

4) основныя предпосылки, изъ которыхъ исходитъ *Шмоллеръ* въ своемъ ученіи о классахъ, въ научномъ отношеніи весьма слабы и шатки; это—біологическій законъ „соціального“ подбора и выживанія сильнѣйшаго, а также идея неустранимости (вѣчности) социального неравенства и классоваго строя;

5) въ качествѣ важнѣйшаго корректива классовой борьбы и классоваго господства, *Шмоллеръ* рекомендуетъ проведеніе социальныхъ реформъ въ сторону постепеннаго смягченія классоваго антагонизма и достиженія социальнаго мира, при помощи сильной монархической власти;

6) борясь путемъ реформъ съ классовымъ господствомъ, *Шмоллеръ* думаетъ тѣми же средствами вести борьбу и съ социализмомъ и демократіей; отсюда ясно выплываетъ его защита го-

⁴⁵) G. Schmoller, Grundriss II, 549.

сподства аристократіи, свои симпатіи къ которой *Шмоллеръ* всенески поддерживаетъ;

7) ученіе *Шмоллера* объ общественныхъ классахъ показывать лишній разъ, что множественность факторовъ и эклектизмъ въ теоріи не могутъ привести къ научно-цѣннымъ результатамъ, не смотря на самую высокую научную эрудицію примѣняющихъ. Этотъ эклектизмъ изслѣдователей.

Шмоллеръ, какъ мы видѣли, образованіе социальныхъ классовъ сводилъ предпочтительно къ образованію профессій, при чемъ послѣднее онъ соединялъ съ раздѣленіемъ труда вообще. Тамъ, гдѣ профессиональное расчлененіе, какъ основа образованія классовъ, оказывалось безсильнымъ въ объясненіи тѣхъ или иныхъ явленій или соотношеній, *Шмоллеръ*, какъ мы видѣли, оставлялъ эту основу и, по методу множественности факторовъ, обращался или къ расовымъ различіямъ, или, если послѣднія также ничего не могли объяснить, къ различію въ распредѣленіи, и т. д. Благодаря этому обстоятельству, неудовлетворительность теоріи раздѣленія профессій и труда, какъ основы образованія общественныхъ классовъ, не могла быть вскрыта и обнаружена съ такой рельефностью, какъ она этого заслуживала бы.

У *Шмоллера* есть, однако, послѣдователь въ ученіи объ общественныхъ классахъ, который не раздѣляя шмоллеровскаго метода множественности факторовъ, строитъ теорію классовъ исключительно на основѣ образованія профессій. Это—французскій философъ и социологъ *Артуръ Бозъ*, о которомъ мы говорили вначалѣ (см. Введеніе).

На изученіе социальныхъ классовъ *Бозъ* смотритъ, какъ на необходимую предпосылку всякаго социального знанія. И вопросъ о социальныхъ классахъ его интересуетъ, главнымъ образомъ, въ смыслѣ методологической проблемы социологіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, у *Боза* мы находимъ попытку, попутно съ методологическимъ изслѣдованіемъ, опредѣлить и понятіе общественнаго класса, установить основу образованія классовъ и, наконецъ, съ точки зрѣнія найденной основы, дать соответствующую классификацію об-

щества, а также выяснить и „законы“ взаимоотношений общественных классов“⁴⁰).

Подобно *Шмоллеру*, *Бюэр* подходит къ выясненію основы социальнаго класса путемъ психологическимъ. Человѣкъ, живущій въ обществѣ, является, въ глазахъ *Бюэра*, не только гражданиномъ, не только членомъ известной государственной-правовой организаціи и не только сочленомъ той или иной религіозной общины: онъ въ то же время необходимо является нѣкотораго рода единицей хозяйственной организаціи, выполняя въ обществѣ какое-нибудь занятіе, профессію, ту или иную функцію. На психологическомъ анализѣ всякаго такого рода выполненія занятія, профессіи или функціи *Бюэр* и останавливается, главнымъ образомъ, свое вниманіе. Природа занятія, говоритъ онъ, вырабатываетъ опредѣленный образъ жизни и этотъ опредѣленный образъ жизни, проникая съ каждымъ днемъ все глубже и глубже существо челоѣка, въ концѣ концовъ приспосабливаетъ тѣло къ привычному положенію, налагаетъ опредѣленный отпечатокъ на фізіономію, вырабатываетъ опредѣленныя манеры и жесты; съ другой стороны, тотъ же специфическій строго опредѣленный образъ жизни, или природа занятій даетъ уму челоѣка особаго рода прѣвѣчный образъ мысли и направленіе мышленія и создаетъ преобладающую систему опредѣленнаго рода идей, вѣрованій и чувствованій. Отсюда, у всѣхъ, пачѣющихъ одни и тѣ же занятія, принадлежащихъ къ одной и той же профессіи, вырабатывается одинаковый кругъ поведенія, одинаковая, такъ сказать, роль⁴¹). Въ силу этой общности, продолжаетъ *Бюэр*, и создаются опредѣленныя группы индивидовъ, аналогичныя группамъ клітчекъ, соединенныхъ въ органы и оперирующихъ совместно для образованія жизненныхъ процессовъ; такъ, печень выдѣляетъ желчь; легкія поглощаютъ кислородъ и выдѣляютъ углекислоту; таковы же и всѣ органы тѣла, имѣющіе каждый опредѣленную функцію⁴²). Таковы, по мнѣнію *Бюэра*, и группы индивидовъ, существующія въ обществѣ и складывающіяся на основѣ единства своей природы и своихъ функцій.

⁴⁰) *Arthur Bauer. Les classes sociales. Analyse de la vie sociale. Ouvrage récompensé par l'Institut de France. Paris. Giard et Brière 1902.*

⁴¹) *Arthur Bauer, ibid., стр. 32—33.*

⁴²) *Arthur Bauer, ibid., стр. 33.*

Итакъ, профессія, по мнѣнію *Бозра*, налагаетъ на каждыя индивида опредѣленный отпечатокъ, при этомъ весьма глубокой и замѣтной; въ силу дѣйствій, ежедневно повторяемыхъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, она выдѣляетъ привычки, измѣняющія въ одномъ и томъ же направленіи первоначально различныя натуры и приводящія къ образованію однороднаго общаго типа, какъ физическаго, такъ и моральнаго; такой типъ собираетъ и объединяетъ въ себѣ все общія черты каждой группы, выработанныя вслѣдствіе одинаковаго вліянія одной и той же профессіи на физическую сторону человѣческаго организма, на человѣческую психику, вѣтуса, характеръ, умъ, желанія, идеи, вѣрованія⁴⁹⁾. Такой типъ именно *Бозръ* и считаетъ удовлетворяющимъ всея требованія, предъявляемымъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ: онъ, прежде всего, общій типъ; онъ очищенъ отъ всякихъ случайныхъ индивидуальныхъ особенностей; онъ объединяетъ въ себѣ только общія черты. Когда типы каждого класса точно опредѣлены, социальному изслѣдователю можно будетъ съ достаточною опредѣленностью узнать, каковы взаимныя отношенія между классами. Но чтобы получить серьезные результаты, изслѣдователь долженъ, по мнѣнію *Бозра*, считаться со всеми значительными группами, входящими въ составъ общества, и расположить ихъ по степени важности каждой группы для жизни общества, отдавая предпочтеніе группамъ, имѣющимъ большее значеніе.

Такимъ образомъ, основу образованія социальнаго класса *Бозръ* видитъ въ профессиональной дѣятельности, которая объединяетъ въ себѣ лицъ, принадлежащихъ къ одному общему типу, благодаря одинаковому вліянію одной и той же профессіи. Отсюда вытекаетъ у него и опредѣленіе понятія социальнаго класса. Социальные классы, говоритъ *Бозръ*, это различныя группы, составляющія общество и включающія въ себѣ всехъ индивидовъ, которые „получили одинаковое образованіе, развились въ одинаковой средѣ, ведутъ одинаковый образъ жизни, имѣютъ одинаковыя привычки, одинаково чувствуютъ и мыслятъ и, наконецъ, одинаково поступаютъ при сходныхъ обстоятельствахъ“⁵⁰⁾. Проще, классы, изъ которыхъ со-

⁴⁹⁾ *Arthur Bauer, ibid.*, стр. 57, 61.

⁵⁰⁾ *Arthur Bauer, ibid.*, стр. 110.

стоит общество, это группы лицъ, принадлежащихъ къ одной и той же профессіи⁸¹⁾.

Согласно своему опредѣленію понятія общественнаго класса и основъ, на которой построено послѣднее, *Бозръ* даетъ „примѣрную“ (provisoire) таблицу общественныхъ классовъ въ современномъ обществѣ. Общество дѣлитъ онъ на 14 большихъ группъ, которыя онъ называетъ „классами“, причемъ первую половину этихъ классовъ, т. е. первыхъ 7 группъ онъ считаетъ *правлящими* классами, а вторую половину, или послѣднія 7 группъ—подчиненными классами⁸²⁾. Къ „правлящимъ“ *Бозръ* относитъ: 1) законодателей, 2) судей, 3) представителей государства или главъ государства, 4) представителей исполнительной власти, 5) армію, 6) представителей духовной власти и 7) представителей руководящей интеллигенціи: учителей свѣтскихъ и духовныхъ школъ, историковъ, журналистовъ, проповѣдниковъ, публицистовъ, политическихъ дѣятелей, ученыхъ и философовъ, поэтовъ и артистовъ. Къ классамъ управляемыхъ, подчиненныхъ (les sujets) *Бозръ* относитъ: 8) классъ крестьянъ, 9) рабочихъ (самостоятельныхъ или же подчиненныхъ предпринимателю, ихъ дѣятельность—въ переработкѣ сырья въ полезные и годные для употребленія предметы), 10) предпринимателей (patrons), куда принадлежать также инженеры, архитекторы, директора, управляющіе (эта категорія по своей профессиональной сферѣ та же, что и предыдущій классъ рабочихъ, но отличается отъ послѣдняго вкусами, привычками, интересами и идеями, а потому составляетъ, согласно *Бозру*, особый классъ), 11) торговцевъ и фирмисовыхъ дѣльцовъ, 12) занятыхъ въ транспортѣ, 13) бѣдняковъ, вообще классъ лицъ, не имѣющихъ средствъ существованія и 14) преступные элементы. Женщины, съ точки зрѣнія *Бозра*, не образуютъ отдѣльнаго класса; онѣ распространяются по всѣмъ предыдущимъ дѣленіямъ, входя одинаково во всѣ классы; но въ то же время, по своимъ физическимъ и моральнымъ отношеніямъ, онѣ представляютъ, по мнѣнію *Бозра*, особый подъ-классъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать⁸³⁾.

⁸¹⁾ Arthur Bauer, ibid. стр. 234.

⁸²⁾ Arthur Bauer, ibid. стр. 142, 146.

⁸³⁾ Arthur Bauer, ibid., стр. 146; ср. докладъ *Бозра* на засѣданіи парижскаго социологическаго общества, изложенный выше, на стр. 96—98.

Какъ мы видимъ, *Боэръ* не находитъ возможнымъ соединять въ одинъ классъ рабочихъ и предпринимателей, не смотря на одну и ту же сферу ихъ дѣятельности. Разобщеніе между этими двумя категоріями начинается, по мнѣнію *Боэра*, съ момента введенія машинъ, когда трудъ пересталъ быть изолированнымъ и сталъ организовываться подъ управленіемъ предпринимателей-капиталистовъ. *Боэръ* считаетъ интересы этихъ двухъ категорій—рабочихъ и предпринимателей—противоположными, откуда онъ и выводитъ существующее расхожденіе между ними, вражду и разрастающуюся между ними пропасть, приводящую къ постоянной борьбѣ; эту борьбу *Боэръ* представляетъ себѣ, какъ борьбу между капиталомъ и трудомъ⁴⁴). Но почему одна и та же сфера профессиональной дѣятельности приводитъ въ концѣ концовъ къ противоположнымъ интересамъ и къ образованію отдѣльныхъ классовъ,—надъ этимъ вопросомъ *Боэръ* не останавливается, а между тѣмъ раздѣленіе лицъ, занятыхъ въ индустріи, на два различныхъ класса, противорѣчитъ уже его основѣ образованія социальныхъ классовъ, сводящейся къ однородности профессиональной дѣятельности.

Устанавливая двѣ большія категоріи общества—классы правящіе и классы управляемые—*Боэръ* нигдѣ не дѣлаетъ попытки раскрыть характеръ и „природу“ господства и подчиненія однихъ группъ надъ другими, вслѣдствіе чего это дѣленіе *Боэромъ* общества на двѣ большія категоріи теряетъ всякое значеніе. Больше того, классы, отнесенные въ таблицѣ *Боэра* въ ту или иную изъ этихъ двухъ категорій (классовъ господствующихъ и классовъ подчиненныхъ), попадаютъ сюда по признаку чисто вѣншишему, случайному: такъ, напримѣръ, солдаты попали въ классъ господствующихъ („армія“); въ то же время капиталисты и предприниматели, коммерсанты и бабкиры очутились въ боэровской таблицѣ въ категоріи управляемыхъ. Только такая шаткая основа для пониманія сущности социального класса, какъ профессія, которой руководился *Боэръ* въ составленіи своей таблицы, могла привести къ полнѣйшему непониманію основъ социального строя и социальныхъ отношеній господствующей системы капитала!

⁴⁴) *Arthur Bauer, ibid., стр. 35.*

Правда, *Боэръ* смотритъ на свою таблицу классовъ, какъ на примѣрную только; но ея нестройность и несогласованность слишкомъ рѣзко бьютъ въ глаза. *Боэръ* основой классификаціи социальныхъ классовъ считаетъ общность профессіи. Но если послѣдній классъ его таблицы—преступные элементы общества—съ нѣкоторой натяжкой и можно бы еще образовать особую профессію, то бѣдность (13-й классъ *Боэра*) ни въ какомъ случаѣ уже не можетъ сойти за профессію. Очевидно, послѣдніе два социальныхъ класса *Боэра* совершенно не соотвѣтствуютъ его классификаціонной и классообразующей основѣ.

Изслѣдуя классовую структуру общества, *Боэръ* касается и вопроса о взаимоотношеніяхъ, существующихъ между социальными классами. Классы, говоритъ онъ, не существуютъ въ дѣйствительности изолированными одни отъ другихъ; они находятся въ тѣснѣйшей взаимной связи, какъ органы въ какомъ-нибудь животномъ организмѣ; при этомъ функціи каждаго класса и ихъ взаимныя соотношенія опредѣляются общей структурой общественнаго цѣлаго. Соціальная жизнь, въ представленіи *Боэра*, есть сплетеніе дѣйствій и взаимодействій социальныхъ классовъ между собою. Эти дѣйствія и взаимодействия подчинены нѣкотораго рода постояннымъ отношеніямъ; а такого рода постоянныя отношенія, которыя управляютъ дѣйствіями и взаимодействиями социальныхъ классовъ, и есть, по словамъ *Боэра*, социальныя законы⁸¹⁾. И такимъ образомъ, для *Боэра*, установить опредѣленнаго рода болѣе или менѣе постоянныя отношенія, существующія между классами, значитъ собственно установить социальныя законы. Вотъ почему *Боэръ*, говоря объ отношеніяхъ, существующихъ между социальными классами, говоритъ собственно о социальныхъ законахъ, управляющихъ дѣйствіями каждаго класса и являющихся въ сущности общими законами социального развитія. *Боэръ* устанавливаетъ такихъ 8 законовъ или отношеній: 1) законъ независимости или свободы, 2) законъ престижа или любви къ власти, 3) законъ враждебныхъ дѣйствій, 4) законъ согласія или гармоніи, 5) законъ приспособленія, 6) законъ равновѣсія, 7) законъ прогресса и 8) законъ населенія⁸²⁾.

⁸¹⁾ Arthur Bauer, ibid., стр. 343.

⁸²⁾ Arthur Bauer, ibid., стр. 178—184.

Первый законъ, законъ независимости и свободы *Бозръ* считатьъ основнымъ. Онъ состоитъ въ томъ, что каждый классъ, въ своемъ стремленіи къ удовлетворенію собственныхъ потребностей, своихъ желаній, своихъ чувствованій, старается оттолкнуть отъ себя всякое постороннее вмѣшательство; ни одинъ классъ не расположенъ отказаться отъ того, на что онъ смотритъ, какъ на высшее благо; у каждаго класса свой идеалъ, которому онъ слѣдуетъ, собственные привычки, которыхъ каждый классъ старается придерживаться; каждый изъ классовъ старается освободиться отъ всякихъ принужденій, направленныхъ въ сторону изгнѣнія условий жизни класса. Каждый классъ стремится жить, укрѣпляться, сохранить за собой свои преимущества.

Но отстаиваніемъ своей независимости ни одинъ классъ не хочетъ довольствоваться; этого ему еще мало. Каждый классъ, такъ же какъ и каждый индивидъ въ классѣ, стремится кромѣ того къ расширенію сферы своего вліянія. Классы не только стараются избавиться отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, но и стремятся подчинить себѣ другъ друга и заставить служить своимъ интересамъ и своимъ цѣлямъ. Каждый классъ при этомъ пользуется различными средствами для расширенія своего вліянія, въ зависимости отъ обстоятельствъ: то ловкостью, то силой, то убѣжденіемъ, то принужденіемъ. Въ этомъ состоитъ второй законъ—*престижа или любви къ власти*.

Но вполнѣ понятно, что всякое движеніе къ расширенію въ одномъ классѣ наталкивается на такое же движеніе къ обратному расширенію другого класса. На этой почвѣ находитъ свое примѣненіе законъ *враждебныхъ дѣйствій*. Два класса борются другъ съ другомъ, когда ихъ цѣли противоположны, когда благосостояніе одного класса исключаетъ или уменьшаетъ благосостояніе другого. Въ этой борьбѣ каждый классъ примѣняетъ такіе средства, какія ему свойственны: правительство пользуется своею властью; духовенство дѣйствуетъ угрозою отлученія отъ церкви или прозвѣтъ зазорными мученіями; предприниматели выталкиваютъ изъ своихъ предпріятій непокорныхъ рабочихъ, понижаютъ заработную плату, стремясь голодомъ сломить противодѣйствіе рабочихъ; рабочіе въ свою очередь организуются въ союзы, дѣйствуя стачками

и массовымъ отказомъ отъ продолженія работы, дезорганизуя этимъ промышленность и разоряя капиталистовъ.

Законъ согласія проявляется тамъ, гдѣ два или болѣе классовъ преслѣдуютъ одиѣ и тѣ же цѣли и стремятся въ виду этого со-единить свои силы для болѣе успѣшнаго достиженія этихъ общихъ цѣлей. Въ этомъ случаѣ между слившимися классами развивается чувство взаимной симпатіи и сознаніе своей солидарности. Иногда классу общность интересовъ его съ интересами другихъ классовъ не ясна. Тогда классы, болѣе культурные, стараются раскрыть этому классу существующую между ними общность и склоняютъ его къ соглашенію.

Соціальныя классы обладаютъ такою же способностью приспособленія къ окружающей соціальной средѣ, какъ и живыя существа, которыя быстро приспособляются къ той средѣ, въ какую онѣ поставлены, развивая въ себѣ такія качества, которыя бы могли увеличивать ихъ силу или гарантировать имъ безопасность существованія. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ соціальнымъ классамъ, съ точки зрѣнія *Боэра*, дѣйствуетъ *законъ приспособленія*. Каждый классъ, какъ бы ни были тяжелы условія его существованія, въ концѣ концовъ, въ силу этого закона, приспособляется къ существующимъ условіямъ и своему положенію; дѣти крѣпостныхъ средневѣковья съ дѣтства привыкли къ своей тяжелой жизни. Это приспособленіе выражается, по мнѣнію *Боэра*, не только въ формѣ пассивнаго приспособленія, которое притупляетъ боль и атрофируетъ желанія, но и въ формѣ активности, направленной къ улучшенію положенія: римскіе плебеи приобрѣли себѣ одно за другимъ всѣ гражданскія права, политическія и религіозныя.

Благодаря постоянному тренію, существующему между классами, послѣдніе въ концѣ концовъ постепенно сживаются рядомъ другъ съ другомъ, и пока никакая внѣшняя причина не нарушаетъ теченія соціальной жизни, наступаетъ между классами нѣкотораго рода равновѣсіе. Въ данномъ случаѣ проявляется дѣйствующій между соціальными классами *законъ равновѣсія*, который находитъ себѣ мѣсто особенно тамъ, гдѣ господствуетъ кастовый строй. Такого же рода равновѣсіе наступаетъ и тамъ, гдѣ классы достигаютъ въ своихъ тенденціяхъ къ расширенію взаимно нейтральной

зоны и, приспособившись къ своимъ опредѣленнымъ функціямъ, закрѣпляются въ неподвижныхъ формахъ.

Закоу равновѣсія противопоставляется *законъ прогресса*. Прогрессъ можетъ находиться въ зависимости отъ многихъ причинъ. Онъ можетъ наступить, наприим., послѣдствіе роста населенія. Правда, увеличеніе населенія сначала является причиной стѣсненія и служитъ для массы толчкомъ къ движенію по пути расширенія и нерѣдко къ насильственному вторженію въ высшіе классы. Наоборотъ, уменьшеніе рожденій въ закрытомъ классѣ является причиной упадка: Спарта погибла за неимѣніемъ Спартанцевъ. Прогрессъ зависитъ также отъ увеличенія богатства: третье сословіе во Франціи разбогатѣло, и въ то же время выросла и его социальная мощь. Но наиболѣе важная причина прогресса—это ростъ собственныхъ средствъ, на которыхъ зиждется дѣятельность каждаго класса; земледѣліе прогрессируетъ, когда крестьянныя поддерживаютъ источники земли удобреніемъ, извѣстнымъ сѣвоборотомъ, трудами по орошенію и т. д.; армія прогрессируетъ примѣненіемъ болѣе могучихъ орудій и вооруженія, болѣе неприступныхъ укрѣпленій, болѣе страшныхъ по силѣ взрывчатыхъ снарядовъ; торговля развивается благодаря росту желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и проч.; наука развивается, обязанная не столько большимъ интеллектуальнымъ силамъ у ученыхъ, сколько накопленіемъ и сохраненіемъ, путемъ книгъ, знаній, которыя такимъ образомъ могутъ накопляться до безконечности; промышленность прогрессируетъ благодаря усовершенствованію орудій, изобрѣтеніемъ машинъ, примѣненіемъ крупныхъ капиталовъ.

Число индивидовъ, составляющихъ классъ, весьма измѣнчиво; оно подлежитъ постояннымъ колебаніямъ, опредѣляемымъ пропорціей между родившимися и умершими. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *закономъ населенія*, который сводится, согласно *Бозру*, къ тому, что при незначительной (слабой) степени развитія промышленности, роковымъ образомъ, можетъ наступить моментъ, когда давленіе и нищета разрастаются, если ростъ населенія продолжаетъ прогрессировать и итъ возможности направить избытокъ населенія въ другое мѣсто. Борьба классовъ тогда съ особенной силой разгорается. Особенно въ стѣсненномъ положеніи находятся въ

этомъ случайшніе классы, живущіе подъ сильнымъ давленіемъ со стороны выспіхъ, которые не проявляютъ желанія хоть чѣмъ-нибудь пожертвовать изъ своихъ преимуществъ. Напряженность увеличивается и, когда страданія дѣлаются нестерпимыми, разражаются волненія и нерѣдко революціи. Этотъ законъ населенія, въ приложеніи ко всему обществу въ его цѣломъ, былъ открытъ различными экономистами и въ особенности *Мальтусомъ*. Но этотъ предметъ, т. е. проблема населенія, поддается наиболѣе точному изученію, по мнѣнію *Боэра*, лишь тогда, когда онъ примѣняется и рассматривается не по отношенію ко всему обществу въ цѣломъ, а отдѣльно въ предѣлахъ каждаго класса, при чемъ цѣнный матеріалъ для изслѣдованія сравнительнаго развитія различныхъ классовъ даетъ статистика.

Всѣ эти „законы“ *Боэра* иллюстрируетъ на фактахъ исторіи античнаго міра⁵⁷⁾). Но всѣ эти „законы“ *Боэра* являются общими законами социальнаго развитія, отнюдь не специфическими законами классовыхъ соотношеній. Законъ равновѣсія, наприм., законъ приспособляемости, законъ прогресса—все это можетъ представлять интересъ для общей социологіи, но къ проблемѣ классовъ, какъ къ экономической проблемѣ, эти законы имѣютъ мало отношенія. Когда мы говоримъ объ отношеніяхъ между социальными классами и постоянство этихъ отношеній ищемъ выразить въ какой-нибудь простой общей формулѣ (законъ), мы разумѣемъ подъ этимъ, что классъ А развиваетъ въ себѣ рядъ такихъ дѣйствій, которыя вызываютъ соотвѣтствующій рядъ взаимодействій класса В, и наоборотъ. Но ни законъ населенія, ни законъ прогресса не являются точнымъ выраженіемъ дѣйствій одного класса и взаимодействій другого. Законъ прогресса, наприм., въ земледѣльческомъ классѣ выражается, по мнѣнію *Боэра*, въ удобреніи земли, въ ростѣ земледѣльской техники, въ правильномъ сѣвооборотѣ; но все это отнюдь не отношенія; всякій же законъ, по *Боэру*, есть законъ отношеній, прежде всего. Правильная и здоровая мысль *Боэра* въ данномъ случаѣ лишь въ томъ, что социологическіе законы, подобныя законамъ населенія, прогресса, приспособляемости, могутъ быть плодотворно изучены и привести къ наиболѣе

⁵⁷⁾ Arthur Bauer, *ibid.*, стр. 185—205.

точнымъ научнымъ результатамъ лишь тогда, если эти законы социальнаго развитія изслѣдуются въ примѣненіи къ каждому социальному классу въ отдѣльности, а не въ примѣненіи къ обществу вообще. Но это уже касается метода изученія социальныхъ законовъ, а не содержанія и сущности классовыхъ отношеній.

Дѣлая общее заключеніе изложенному ученію *Бозра* о социальныхъ классахъ, мы должны признать, что *Бозръ* оказался хорошимъ методологомъ, но плохимъ догматикомъ. *Бозру* не удалось установить правильную основу социальныхъ классовъ. Принявши за основу классоваго расчлененія образованіе профессій, онъ ни на шагъ не подвинулъ впередъ выясненіе понятія социального класса. Онъ всюду смѣшиваетъ понятіе социального класса съ понятіемъ профессій. Если *Шмоллеръ* не принишетъ къ положительнымъ результатамъ въ разрѣшеніи проблемы социальныхъ классовъ, потому что исходилъ изъ негоднаго метода множественности факторовъ, то *Бозръ* не далъ научнаго разрѣшенія этой проблемы потому, что онъ—не экономистъ: трактуя о социальныхъ классахъ, *Бозръ* не представляетъ себѣ, что онъ въ данномъ случаѣ имѣетъ дѣло съ экономическою категоріею. Отсюда, и тѣ „социальные законы“ классовыхъ взаимоотношеній, которые устанавливаетъ *Бозръ*, суть общіе законы социального развитія и имѣютъ мало отношенія къ классамъ въ ихъ взаимодѣйствіяхъ между собою.

Омѣченные недостатки въ ученіи *Бозра*, такъ же какъ и указанные выше недостатки ученія о классахъ *Шмоллера*, суть недостатки, присущіе вообще теоріи общественныхъ классовъ, построенной на основѣ раздѣленія труда или профессій. Теорія эта должна быть отвергнута, какъ ненаучная, уже потому, что сама основа классовъ, на которой она построена, не выдерживаетъ серьезной критики.

4.

Теорія историческихъ наслоеній.

Есть теорія, которая подходитъ къ объясненію существованія и происхожденія социальныхъ классовъ крайне своеобразно,—теорія, представителями которой являються *Зомбартъ* и *Ганзенъ*. Для

Зомбарта, различные социальные классы представляют собою выражение различных систем хозяйства, постепенно сменявшихся в своем развитии одна за другою и воплотившихся в каком-либо слое населения, входящем в состав каждого данного общества в определенный момент. Каждый социальный класс — это, по мнению *Зомбарта*, такая общественная группа, которая является представительницей какой-либо определенной системы хозяйства, воплощая в себя последнюю и продолжая существование и в новой хозяйственной системе¹⁾. В этом смысле, с точки зрения *Зомбарта*, современные классы — продукт различных исторических наслоений и воплощений: и системы хозяйства прошлого, и хозяйственной системы настоящего, и хозяйственной системы будущего, зародыши которой уже замечены в настоящем. Старая хозяйственная система, как представляет себя *Зомбарт*, исчезает, но ее дух, ее идея воплощается в каком-нибудь определенном слое населения, остающемся и сохраняющемся и в новом общественно-хозяйственном строю. С течением времени образуется, таким образом, несколько различных слоев, как носителей прошлого, настоящего и будущего, которые и являются общественными классами.

Такого рода идею классов, развиваемую *Зомбартом*, впервые выдвигает *Георг Ханзен* в 1889 году, в обратившем на себя в свое время общее внимание изследовании о „Трех ступенях наслоения“²⁾. Автор хочет в нем разобраться в „разгорявшейся во всех странах, с певфронтной напряженностью, классовой борьбой“ и выйти из лабиринта противоречий, к которым, по его мнению, привела экономическую мысль классическая политическая экономия, потрясенная в самых основах своих³⁾.

Чтобы яснее представить себе учение *Зомбарта*, познакомимся сначала со взглядами его вдохновителя.

Ханзен ставит своею задачею изследование процесса передвижения населения, существующаго между общественными клас-

¹⁾ *Werner Sombart*. Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert. Zweite, durchgesehene Auflage, Berlin 1909 (17-я глава: „Die sozialen Klassen“), стр. 478—479.

²⁾ *Georg Hansen*. Die drei Bevölkerungsstufen. Ein Versuch, die Ursachen für das Blühen und Altern der Völker nachzuweisen. Mit einem Plan. München 1889.

³⁾ *Georg Hansen*, *ibid.*, стр. IV и V (въ предисловии).

сами, не проводя, однако, никакого различія между понятіемъ общественнаго класса и понятіемъ сословія: классы и сословія для Ганзена—одно и то же. Классы или сословія, на которые распадается население, не являются, по его мнѣнію, самостоятельными образованиями, существующими обособленно, независимо одно отъ другого, какъ обыкновенно думаютъ. Ихъ спасаетъ не только простой свободный союзъ хозяйственныхъ интересовъ. Между ними существуетъ еще особая внутренняя, органическая связь, „Обычно, говоритъ Ганзенъ, раздѣляютъ население страны по его занятіямъ, на землевладѣльцевъ, къ которымъ причисляютъ крестьянство и землевладѣльческое дворянство; затѣмъ—средній классъ, куда относятся представители городской промышленности и торговли, чиновники, ученые и вообще болѣе образованная, имущая часть городского населенія; наконецъ, сословіе невладѣющихъ—рабочихъ и пролетаріевъ. При этомъ обыкновенно представляютъ себя такъ, что эти три класса ведутъ совершенно самостоятельное существованіе въ государствѣ, отправляя каждый свои особые, ему только присущія функціи. Населеніе каждого такого класса представляется какъ бы застывшимъ, закрывшимся въ себя и пополняющимся, въ случаѣ передвиженія части своего населенія въ другой классъ, изъ собственныхъ источниковъ. Такое представленіе объ общественныхъ классахъ современнаго общества Ганзенъ считаетъ совершенно неправильнымъ. „Три класса, говоритъ онъ, не существуютъ отдѣльно другъ отъ друга. Они являются лишь различными ступенями развитія одного и того же населенія“¹⁾.

Первая ступень населенія (и первый классъ вмѣстѣ съ тѣмъ) обнимаетъ собою, по мнѣнію Ганзена, періодъ до появленія городского хозяйства. Населеніе состоитъ здѣсь изъ дворянства, духовенства и крестьянства. Всѣ тѣ функціи, которыя впоследствии, на 2-ой ступени, выполняетъ образованная часть средняго класса или сословія, здѣсь несетъ духовенство, выделяя изъ себя и врачей, и художниковъ, и ученыхъ, и техникувъ. Основа общества здѣсь—крестьянство. Доходъ, на который существуетъ все населеніе, это доходъ отъ земли. Особенность этой ступени, этого „крестьянскаго“ государства—равновѣсіе, существующее между потребленіемъ человѣческихъ силъ и ихъ производствомъ.

¹⁾ Georg Hansen, *ibid.*, с.р. 30—31.

Вторая ступень населенія начинается съ расширеніемъ ремесла, съ образованіемъ городовъ и городского сословія; послѣднее, будучи сначала зависимымъ, начинаетъ, ради укрѣпленія своего положенія, вести торговлю и, выростая экономически, вступать въ борьбу съ дворянствомъ за независимость и за политическую равноправность. Борьба кончается побѣдой „третьяго сословія“, побѣдой буржуазіи, послѣ чего наступаетъ 2-ая ступень²⁾.

Землевладѣльческое сословіе, или первый классъ населенія продолжаетъ по-прежнему существовать и въ этомъ періодѣ, т. е. на 2-ой ступени развитія населенія. Оно отдаетъ лишь въ средній классъ, т. е. городскому населенію, избытокъ своего населенія, которое и уходитъ въ городъ. Доходъ же отъ земли, какъ былъ, такъ и остается; естественныя свойства земли, представляющія основу дохода этого класса, еще сохраняютъ свою силу. Этимъ обстоятельствомъ *Ганзенъ* объясняетъ и то, что землевладѣльческій классъ обнаруживаетъ свойство продолжать свое существованіе не только въ этомъ періодѣ развитія населенія, но и въ слѣдующемъ.

Третью ступень въ развитіи населенія, или рабочій классъ, *Ганзенъ* связываетъ съ появленіемъ крупнаго индустріальнаго производства и послѣдовавшимъ слѣдствіемъ этого вытѣсненіемъ мелкаго; населеніе послѣдняго, раззорясь, попадаетъ въ ряды пролетаріата, а средній классъ, изъ котораго небольшая часть переходитъ кромѣ того въ ряды землевладѣльцевъ, пополняется по-прежнему притокомъ населенія изъ деревень; статистическія данныя, по мнѣнію автора, доказываютъ, что городское населеніе, наприм., обновляется уже черезъ два поколѣнія³⁾. Общимъ же фактомъ, на которомъ совершается весь этотъ процессъ историческаго развитія населенія и образованія общественныхъ классовъ, является, по мнѣнію *Ганзена*, борьба за существованіе, которая господствуетъ всюду, и въ природѣ, и среди растений, и въ животномъ царствѣ, и среди людей. Эта борьба за существованіе, какъ думаетъ *Ганзенъ*, и есть собственно причина эволюціи населенія, хотя послѣдняя и совершается не всюду и всегда одинаково, а зависитъ отъ цѣлаго ряда условій⁴⁾.

¹⁾ *Georg Hansen, ibid., стр. 89—110.*

²⁾ *Georg Hansen, ibid., стр. 81.*

³⁾ *Georg Hansen, ibid., стр. 180.*

У Ганзена вопросъ объ общественныхъ классахъ не является центральнымъ пунктомъ его вниманія. Его интересуютъ, главнымъ образомъ, законъ населенія и процессъ обновленія общественныхъ классовъ на различныхъ ступеняхъ ихъ образованія. Мы ограничимся, поэтому, приведенными положеніями Ганзена. Эти положенія съ достаточною ясностью обнаруживаютъ близость основной идеи Ганзена съ той, которую кладетъ Зомбартъ въ основу своего ученія объ общественныхъ классахъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Зомбартъ въ своей основной мысли, которая проходить черезъ все его ученіе, въ значительной степени повторяетъ Ганзена. Что же, однако, даетъ намъ Зомбартъ?

Мы уже видѣли, въ чемъ основная идея теоріи Зомбарта. Посмотримъ, какъ онъ развиваетъ эту идею въ деталяхъ¹⁾.

Родиной современныхъ общественныхъ классовъ, такъ же какъ и теоріи классовъ, Зомбартъ считаетъ Францію, полагая, что въ сочиненіяхъ Гизо, Минье и Люи Блана „содержится все, что можно сказать о сущности и процессѣ образованія социальныхъ классовъ“. По путямъ, проложеннымъ этими французскими историками, по мѣткѣ Зомбарта, шелъ и Лоренцъ Штейнъ, а за нимъ К. Марксъ. Къ сожалѣнію, Зомбартъ не останавливается ни на ученіи французскихъ историковъ, ни на ученіи Штейна и Маркса, имѣя въ виду: подтверждая, такимъ образомъ, указываемой непосредственной связи между взглядами Гизо и Маркса по вопросу о классахъ.

Самый фактъ социального расчлененія общества Зомбартъ считаетъ очевиднымъ и яснымъ, по основной признакъ, по которому устанавливается это расчлененіе на социальные классы, ему представляется далеко не яснымъ. Класть въ основу классового расчлененія профессію Зомбартъ во всякомъ случаѣ не считаетъ возможнымъ; для всѣхъ очевидно, думаетъ онъ, что пролетарій можетъ быть такимъ же точно сапожникомъ, какъ и мѣщанинъ. Обладаніе богатствомъ, собственностью Зомбартъ считаетъ также ненадежнымъ признакомъ для социальной классификаціи; дворянинъ мо-

¹⁾ Ученіе объ общественныхъ классахъ Зомбарта развивается въ „Der moderne Kapitalismus“ (1-й томъ, 28-й гл.), Leipzig 1902, въ „Sozialismus und soziale Bewegung“ (5-е изд., Jena 1905, стр. 1—7), но, главнымъ образомъ, въ 17-ой главѣ, специально посвященной этому вопросу, „Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert (Berlin 1909, 17-я глава: „Die sozialen Klassen“).

жесть обладать такимъ же самымъ богатствомъ, какъ и буржуа, но тотъ и другой, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію *Зомбарта*, принадлежать къ различнымъ классамъ общества. Мало пользы видѣть *Зомбартъ* и въ томъ случаѣ, если соединять вмѣстѣ признаки профессіи съ признакомъ богатства и пользоваться тѣмъ и другимъ одновременно. Неудовлетворительной и однобокой ему представляется и та основа, изъ которой исходилъ *Люи Бланъ* и за нимъ *Доренцъ Штейнъ*: именно фактъ обладанія или необладаія средствами производства. Наконецъ, *Зомбартъ* отвергаетъ и то дѣленіе классовъ, которое лежало, по его мнѣнію, въ основѣ ученія *Маркса*, который сводилъ, какъ представляеть себѣ основное ученіе *Маркса Зомбартъ*, „противоположность между социальными классами къ противоположности между «угнетателями и угнетенными». Непріемлемой эту основу *Маркса Зомбартъ* считаетъ потому, что она ничего не говоритъ намъ, по его мнѣнію, о сущности социального класса и, кромѣ того, непримѣнима ко всѣмъ историческимъ эпохамъ¹⁾.

Приписывая *Марксу* основу классового расчлененія, сводящуюся къ „противоположности между угнетателями и угнетенными“, *Зомбартъ* имѣетъ въ виду, повидимому, подчеркнуть этический моментъ въ ученіи *Маркса* о классахъ. Но въ данномъ случаѣ *Зомбартъ* совершенно неправильно интерпретируетъ теорію классовъ *Маркса*, приписывая *Марксу* совершенно другую основу, а не ту, изъ которой дѣйствительно исходитъ и на которой зиждется ученіе о социальныхъ классахъ *Маркса*. Какъ мы увидимъ ниже, основа классового расчлененія *Маркса* ни въ „противоположности между угнетателями и угнетенными“, ни въ этическомъ моментѣ, ни въ притѣсненіи, ни въ присвоеніи. Критическія замѣчанія *Зомбарта*, направленные по адресу *Маркса*, бьютъ, поэтому, въ данномъ случаѣ мимо цѣли.

Въ чемъ же, однако, самъ *Зомбартъ* видитъ основу классового расчлененія современнаго общества? Какъ мы уже говорили, *Зомбартъ* видитъ эту основу въ историческихъ послѣдствіяхъ хозяйственныхъ системъ; каждый изъ современныхъ классовъ является, по его мнѣнію, носителемъ хозяйственныхъ системъ прошла

¹⁾ *Werner Sombart, ibid., стр. 478.*

го, настоящего или будущего. Социальный класс, говорит *Зомбарт*, это такая общественная группа, которая по самой своей идее, является представительницей определенной хозяйственной системы¹⁰⁾. Таких хозяйственных систем *Зомбарт* различает несколько: в прошлом он находит феодально-землевладельческую систему хозяйства и систему ремесленнической хозяйственной организации; в настоящем—систему капиталистического товарно-рыночного хозяйства, а в будущем—систему социалистического хозяйства. Каждая из этих хозяйственных систем воплощается, по представлению *Зомбарта*, в том или ином из социальных классов современного общества¹¹⁾. На этом основании *Зомбарт* расчленяет современное общество на 4 следующих класса¹²⁾:

1) дворянство, или феодальную аристократию, или короче—
юнкерство;

2) буржуазию;

3) мелкую буржуазию, или мещанство;

4) пролетариат.

Дворянство, по *Зомбарту*, является представителем отжившей системы феодально-землевладельческого хозяйства. Буржуазия—это представительница капиталистического хозяйства. Мещанство представляет собою отживающую ремесленническую организацию, а пролетариат—это представитель будущего хозяйственного строя, социалистического.

Из системы феодального хозяйства *Зомбарт*, как мы видим, жалует титул социального класса только феодальному дворянству, считая лишь феодальных дворян за истинных представителей феодального хозяйства, за носителей идей феодальной хозяйственной системы. Но ведь феодальная система пала не одню дворянство. В феодальном хозяйственном строе, как известно, важная хозяйственная роль принадлежала и крестьянству, и духовенству. Почему же *Зомбарт* не считает крестьянство или духовенство представителями феодальной системы хозяйства? Почему это представительство он передает только одному дворянству? На

¹⁰⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 478.

¹¹⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 479.

¹²⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 477.

эти вопросы мы не получаемъ удовлетворительнаго отвѣта отъ *Зомбарта*. Онъ не считаетъ крестьянство за отдѣльный самостоятельный классъ современнаго общества потому лишь, что „крестьянинъ, какъ онъ говоритъ, позитіе не экономическое, а техническое“. Это значитъ, по мысли *Зомбарта*, что слово крестьянинъ указываетъ на человека, занятаго въ земледѣліи и скотоводствѣ; земледѣліе же и скотоводство—это виды техническаго раздѣленія труда; отсюда, крестьянинъ—не экономическая, а техническая категорія. Соціальные же классы, съ точки зрѣнія *Зомбарта*, должны различаться на экономической основѣ, по экономическимъ признакамъ. Можно согласиться съ *Зомбартомъ* и въ томъ, что крестьянинъ—техническая категорія, и еще болѣе въ томъ, что соціальные классы нужно различать по экономическимъ, а не по техническимъ или какимъ-либо инымъ признакамъ. Но всѣ эти разъясненія *Зомбарта* нисколько не разрѣшаютъ основного вопроса: почему же дворянство въ современномъ обществѣ—соціальный классъ, а крестьянство или духовенство нѣтъ? Вѣдь, по-первыхъ, въ смыслѣ классификаціи населенія на основѣ техническаго раздѣленія общественнаго труда, землевладѣльческое дворянство пришлось бы отнести такъ же къ „земледѣлію и скотоводству“, какъ и крестьянина; и, слѣдовательно, дворянинъ-землевладѣлецъ—постольку же техническая категорія, постольку и крестьянинъ. Равнымъ образомъ, такую же техническою категоріей, какъ крестьянинъ, является, въ смыслѣ техническаго раздѣленія труда, ремесленникъ. Между тѣмъ, *Зомбартъ* представителямъ ремесленнической системы, мѣщанству, такъ же какъ и дворянамъ, даруетъ титулъ соціального класса. Во-вторыхъ, если говорить о трехъ группахъ феодальнаго средневѣковья—о дворянахъ, мѣщанахъ-ремесленникахъ и крестьянахъ, то всѣ онѣ одинаково являются не „техническими“ и не-экономическими, а, главнымъ образомъ, *сословными*, т. е. „правнополитическими“ категоріями. Въ такомъ случаѣ, остается невыясненнымъ, почему ремесленники и дворяне могли воплотить въ себѣ идею феодальной системы хозяйства и явиться въ современномъ обществѣ въ качествѣ особыхъ отдѣльныхъ соціальныхъ классовъ, а крестьяне не могли. Въ защиту своего ничѣмъ серьезно не обоснованнаго положенія *Зомбартъ* приводитъ еще

одинъ аргументъ, который, однако, не болѣе убѣдительно, чѣмъ первый. Этотъ аргументъ въ томъ, что крестьянинъ, какъ таковой, лишень „экономической окраски“, слѣдовательно, можетъ принадлежать къ самымъ различнымъ хозяйственнымъ системамъ. Но по менѣе лишень „экономической окраски“ и дворянинъ-земледелецъ и точно также можетъ принадлежать, какъ показываетъ исторія, къ самымъ различнымъ хозяйственнымъ системамъ, и, однако, *Зомбартъ* дворянство считаетъ за социальный классъ, а крестьянство не считаетъ.

Если бы *Зомбартъ* обратился въ данномъ пунктѣ къ своему первоисточнику, къ книгѣ *Ганзена*, то нашелъ бы, что *Ганзенъ* болѣе послѣдователенъ въ своемъ ученіи: онъ, во-первыхъ, крестьянина считаетъ, какъ мы видѣли, наиболѣе всѣхъ другихъ сословій типической и основной фигурой средневѣковаго феодализма; во-вторыхъ, крестьянство онъ не отдѣляетъ отъ землевладельческаго дворянства, относя и ту и другую категорію къ одному классу-землевладельцевъ. Это во всякомъ случаѣ болѣе послѣдовательно, съ точки зрѣнія *Ганзена*, и той, на которой стоитъ и *Зомбартъ*, т. е. съ точки зрѣнія идеи историческихъ наслоеній различныхъ хозяйственныхъ системъ прошлаго, настоящаго и будущаго.

Отстраняя крестьянство отъ представительства идеи феодально-земледѣльской системы въ новомъ классовомъ обществѣ, *Зомбартъ* удѣляетъ ему мѣсто среди мелкой буржуазіи; онъ находитъ въ крестьянствѣ тотъ же общій со всѣмъ ремесленническимъ укладомъ жизни характеръ, который онъ опредѣляетъ, какъ идею „дропиталія“. Эта послѣдняя идея сводится къ тому, что хозяйственная ремесленническая организація, такъ же какъ и земледѣльческо-крестьянскій строй хозяйства, опредѣляется своими собственными потребностями; каждая хозяйственная ячейка работаетъ столько, чтобы хватили ей на ея содержаніе; здѣсь лежитъ въ основѣ хозяйства главнымъ образомъ *расходный* принципъ, по которому доходы опредѣляются расходами, а не наоборотъ¹²).

Историческая схема *Зомбарта* для Германіи за 100 лѣтъ. при этомъ, такова: въ началѣ XIX-го столѣтія можно найти два само-

¹²) Ср. *Werner Sombart. Der Bourgeois. Zur Geistesgeschichte des moderner Wirtschaftsmenschen. München und Leipzig 1913. Verlag Duncker und Humblot, стр. 11, 14, 16.*

стоятельно сложившихся социальных классов: феодальных землевладельцев, с их зависимыми и крепостными, и ремесленников, с их учениками и подмастерьями; со второй же половины XIX-го столетия возникает новое общество, с двумя новыми социальными классами: буржуазией и пролетариатом. В этом новом обществе старые социальные классы, однако, остаются: к концу XIX века ни крестьянство не изменилось в своем составе, ни дворянство не потеряло своего бывшего могущества и силы. Правда, отмечает *Зомбарт*, среди феодального дворянства нового общества появляются люди, под именами которых часто не стоит „фонт“; но, в общем, и в новом обществе феодальное дворянство, как социальный класс, не потеряло своего престижа и власти. Живучесть феодального дворянства в Германии *Зомбарт* видит в том, что оно постоянно обновляется, впитывая в себя часть переходящей в юнкерство буржуазии; стать юнкером—наивысшая цель жизни германского буржуа, как думает *Зомбарт*. Дворянское хозяйство *Зомбарта* характеризуется теми же чертами, и всякое докапиталистическое хозяйство, т. е. принципом расходований и покрытия потребностей, причем все свои хозяйственные недоборы и недостатки этот социальный класс старается покрыть—и всегда этого достигает—путем использования своей политической мощи в государстве, при помощи ли таможенных ставок, или разного рода премий или других государственных подачек. Политическое преобладание в Германии этого социального класса *Зомбарт* объясняет тем, что буржуазия германская „неспособна к выработке собственного классового сознания“ и что у нея замечается „полнейшее отсутствие воли к власти“; отсюда, по мнению *Зомбарта*, германская буржуазия, как социальный класс, ведет чуждое существование¹³⁾. В данном случае *Зомбарт* идет так далеко, что даже знаменитый в Германии „союз аграриев“ (сельских хозяев) он считает „лишенным совершенно классового характера“, так как он видит в этом „союзе“ мирно работающих и капиталистического предпринимателя, и юнкера, и сельско-хозяйственного ремесленника¹⁴⁾.

¹³⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 508.

¹⁴⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 507.

Вообще *Зомбартъ* находитъ, что классовая структура въ XIX вѣкѣ не упростилась, а усложнилась. Характеризуя буржуазію и юнкерство въ Германіи послѣдняго времени, *Зомбартъ* устанавливаетъ, что не деньги (классъ буржуазіи) покупаютъ себѣ власть и престижъ въ Германіи (юнкерство), а наоборотъ: власть и престижъ здесь подчиняютъ себѣ деньги, „извлекая изъ тѣла представителей этихъ послѣднихъ жало капитализма“¹¹⁾. Въ этомъ обстоятельстве *Зомбартъ* видитъ косвенное подтвержденіе и той своей мысли, что классовыя отношенія не упростились, какъ предсказывалъ *Марксъ*, а, наоборотъ, дифференцировались. Центромъ классовыхъ взаимоотношеній, по крайней мѣрѣ для Германіи, *Зомбартъ*, повидимому, не считаетъ уже отношенія между трудомъ и капиталомъ. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій—говоритъ онъ—противоположность труда и капитала проявлялась далеко не такъ ясно, какъ, напримѣръ, вражда докапиталистическихъ классовъ съ классомъ капиталистическимъ“¹²⁾. Въ общемъ, *Зомбартъ* не склоненъ, однако, къ признанію смягченія классоваго антагонизма съ развитіемъ капитализма, хотя въ то же самое время онъ и говоритъ, что „проявленіе рѣзкой классовой противоположности является скорѣе признакомъ болѣе раннихъ историческихъ эпохъ“¹³⁾. Основную особенность классовыхъ отношеній новаго времени *Зомбартъ* видитъ лишь въ усложненіи ихъ и ростѣ разнообразія въ отбѣнкахъ этихъ взаимоотношеній.

Остаивавшаяся на характерѣ современнаго движенія отношеній между трудомъ и капиталомъ, *Зомбартъ* находитъ, что это движеніе идетъ по пути „компромисса между социализмомъ и капитализмомъ“; эпоху современнаго социальнаго развитія онъ характеризуетъ, поэтому, названіемъ не капитализма, а скорѣе „соціально-капитализма“. Съ этой точки зрѣнія *Зомбартъ* разрѣшаетъ и „соціальный вопросъ“, надъ которымъ, по его выраженію, такъ долго ломали голову наши отцы: подобно швейцарскому утопасту *Сисмонди*, *Зомбартъ* разрѣшеніе этого вопроса видитъ въ „трудной и технически-сложной работѣ государственнаго дѣятеля“¹⁴⁾;

¹¹⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 510.

¹²⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 510.

¹³⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 416.

¹⁴⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 493.

такимъ образомъ, въ социальныхъ реформахъ *Зомбартъ* находитъ средство для примиренія труда и капитала и смягченія классоваго антагонизма.

Идею четырехъ социальныхъ классовъ въ современномъ обществѣ (по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Германіи) *Зомбартъ* противопоставляетъ трехчленному дѣленію, наиболѣе всего свойственному для социальныхъ отношеній прошлой Германіи, до самой середины истекшаго столѣтія. Это дѣленіе на три класса выработалось, по мнѣнію *Зомбарта*, подъ вліяніемъ французскаго ученія о *trois états* (о трехъ сословіяхъ), но подвергнулось своеобразному видоизмѣненію, примѣнительно къ условіямъ германской жизни. Какъ мы знаемъ, идея трехъ сословій во Франціи сводилась къ дѣленію общества на духовенство (первое сословіе), дворянство (второе сословіе) и народъ (третье сословіе), изъ котораго постепенно дифференцировалась буржуазія и пролетаріатъ. Для Германіи же, какъ представляется *Зомбарту*, дѣленіе сводилось къ слѣдующимъ группамъ: дворянство, народъ и среднее сословіе или средній классъ, причемъ подъ понятіе народа подводились категоріи ремесленнаго сословія и пролетаріата, а подъ среднимъ классомъ разумѣлись всѣ, кто не относился ни къ дворянству, ни къ простому народу: горожане, кушцы, фабриканты, чиновники и пр. *Зомбартъ* не дѣлаетъ, однако, апеллязъ этому раздѣлу прошлаго нѣмецкаго общества, ограничиваясь лишь ссылкой на слова *Лоренца Штейна*, написанныя послѣднимъ еще въ 1842 году, — что въ Германіи „жизнь общества и борьба его элементовъ еще не достигли самостоятельнаго развитія“.

Въ современной классовой структурѣ *Зомбартъ* не находитъ мѣста для старшаго понятія „среднее сословіе“ или „средній классъ“ (*Mittelstand*). Игру словомъ „*Mittelstand*“ *Зомбартъ* считаетъ одной изъ фикцій въ стремленіи искусственно поддерживать престижъ ремесленнаго класса. Онъ предлагаетъ отказаться отъ этого расплывчатаго понятія¹⁰⁾.

Въ общемъ, *Зомбартъ* понимаетъ все возрастающее значеніе вопроса о социальныхъ классахъ; онъ не сомнѣвается въ томъ, что „въ настоящее время социальный классъ собирается перерасти по

¹⁰⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 501.

своему значенію всѣ остальные общественныя группировки“ и что „тѣмъ настоятельнѣе необходимость познать социальный классъ въ его самостоятельной сущности и отличить отъ родственныхъ ему образований“; но тѣмъ не менѣе онъ ограничивается краткими вышеприведенными положеніями, собирався „самостоятельно и подробно развить теорію социальныхъ классовъ въ одномъ изъ послѣдующихъ томовъ своего „Капитализма“²⁰⁾.

Такое вкратцѣ содержаніе ученія *Зомбарта* по вопросу объ общественныхъ классахъ. Отвѣщая приведенные взгляды *Зомбарта*, мы можемъ перейти къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) основа классового расчлененія у *Зомбарта* является и неясной, и неопредѣленной, и чрезвычайно расплывчатой; этой основой, по мысли *Зомбарта*, служить опредѣленная система хозяйства, но не сама по себѣ, а поскольку ее воплощаетъ въ себѣ или представляетъ та или иная социальная группа, сохранившаяся въ современной системѣ хозяйства, при чемъ это представительство или воплощеніе можетъ относиться и къ прошлому, и къ настоящему, и къ будущему; въ данномъ случаѣ у *Зомбарта* остается слишкомъ много неяснаго: тѣсно, прежде всего, какъ и на какой основѣ происходитъ „представительство“; тѣсно, почему однѣ группы являются представительницами, другія таковыми не являются; *Зомбартъ* думаетъ, что при классовомъ расчлененіи современнаго общества самъ онъ стоитъ во всякомъ случаѣ на экономической основѣ; но, устанавливая идею представительства, онъ сходитъ съ экономической основы, и въ концѣ концовъ понятіе социального класса у него остается безъ основы; сказать же, что основой класса является вся хозяйственная (экономическая) система, это значитъ еще ничего не сказать;

2) особенно неудачной является устанавливаемая *Зомбартомъ* классовая основа по отношенію къ категоріи пролетаріата; согласно *зомбартовской* основѣ, пролетаріатъ потому является социальнымъ классомъ, что онъ „представляетъ собою исторически еще не наступившій, слѣдовательно, еще только идеальный, будущій хозяйственный строй, который, ради простоты, можно назвать социалистическимъ“; являясь такимъ представителемъ въ настоящемъ

²⁰⁾ W. Sombart, *ibid.*, стр. 480.

будущаго, еще не существующаго въ настоящемъ строя, пролетаріатъ, слѣдовательно, единственно изъ всѣхъ другихъ социальныхъ классовъ сохранится, какъ классъ, въ будущемъ хозяйственномъ строѣ; въ этомъ лишь смыслъ и приходится понимать его „представительство“ въ настоящемъ строѣ; между тѣмъ, пролетаріатъ, какъ категорія, основанная на насмномъ трудѣ, не можетъ быть мыслимъ въ социалистическомъ строѣ, гдѣ система наемнаго труда какъ разъ отсутствуетъ; пролетаріатъ, такъ же какъ и буржуазія, является продуктомъ прошлаго и настоящаго, по отношенію не будущаго;

3) т. о., идея представительства той или иной хозяйственной системы, какъ основной признакъ для понятія социального класса, остается у *Зомбарта* безсодержательной;

4) *Зомбартъ* не проводитъ и не пытается провести различія между *сословнымъ* расчлененіемъ общества и *классовымъ*, вслѣдствіе чего у него и не можетъ быть яснаго и болѣе точнаго представленія о классовомъ расчлененіи современнаго общества; говоря о трехчленномъ дѣленіи общества въ докапиталистическомъ обществѣ, *Зомбартъ* не замѣчаетъ того, что онъ говоритъ, какъ разъ, о сословномъ дѣленіи, а не о классовомъ;

5) *зомбартовская* формула четырехъ классовъ современнаго общества (дворянство—буржуазія—мѣщанство—пролетаріатъ) методологически стоитъ много ниже даже трехчленной формулы *А. Смита* (земледѣльческій классъ—рабочіе—капиталисты); дворянство и мѣщанство въ формулѣ *Зомбарта*—категоріи сословной организаціи стараго общества и никакимъ образомъ не могутъ, даже въ силу какого-бы то ни было представительства, стать классовыми категоріями новаго социально-классоваго строя;

6) *Зомбартъ* своимъ ученіемъ объ общественныхъ классахъ не далъ ничего сколько-нибудь цѣннаго для теоріи общественныхъ классовъ, явившись въ своей основной идеѣ даже не совсѣмъ оригинальнымъ, благодаря сходству послѣдней съ идеями, развиваемыми въ 1889 г. *Ганзенемъ*;

7) характеристика германской буржуазіи тѣмъ, что у нея отсутствуетъ, по мнѣнію *Зомбарта*, желаніе власти, является результатомъ полнѣйшаго искаженія германской дѣйствитель-

ности повѣйшаго времени; *Зомбартъ* не удепляетъ себѣ движеніемъ германскаго имперіализма, какъ новой стадіи въ развитіи капитализма; имперіализмъ, дѣйствительно, толкнулъ аграріевъ въ объѣты представителей крупнаго капитала, но господиномъ положенія, фактически приводящимъ въ движеніе развитіе политической и экономической жизни Германіи, давно уже явился капиталъ, начинавшій теперь выступать въ своей нѣсколько новой формѣ „финансоваго“ капитала, и его интересы²¹⁾.

5.

Теорія классовъ на основѣ социальнаго ранга.

Какая бы оснѣва ни лежала въ понятіи класса, послѣднее имѣетъ въ себѣ одну особенность, обычно никакъ не оспариваемую. Эта особенность въ томъ, что социальные классы такъ различны, такъ обособлены, что каждый изъ нихъ лежитъ какъ бы въ особомъ плоскостяхъ. Различныя плоскости расположены, при этомъ, такъ, что одна находится выше другой. Получается какъ бы лѣстница, или рядъ плоскостей, возвышающихся одна надъ другой. Классы, соответствующіе этимъ, въ различномъ порядкѣ расположеннымъ плоскостямъ, представляютъ собою въ этомъ случаѣ особаго рода „социальные ранги“. Каждому социальному классу соответствуетъ въ любомъ обществѣ тотъ или иной „социальный рангъ“.

Въ этой особенности, присущей понятію социальныхъ классовъ, нѣкоторые теоретики и хотятъ видѣть наиболѣе типичную основу для расчлененія общества на классы. Получается, такимъ образомъ, своеобразная попытка построить ученіе объ общественныхъ классахъ на понятіи о социальномъ рангѣ. По мнѣнію авторовъ этой попытки, понятіе социальнаго ранга, положенное въ основу ученія о классахъ, можетъ привести къ желательному разрѣшенію этой сложной и трудной социальной проблемы.

Идеей „социальныхъ ранговъ“ въ ученіи объ общественныхъ классахъ пользуются многіе. Но наиболѣе послѣдовательными представителями этого своеобразнаго направленія въ ученіи о

²¹⁾ Ср. *R. Hilferding. Das Finanzkapital. Berlin 1910, глава 23-я.*

классах являются собственно *Рене Вормс*, *Пешэ*, далѣе *Пирарэ*, *Ландтманн* и отчасти *Лоренцэ Штейнэ*.

Рене Вормс развивалъ свою точку зрѣнія и свое ученіе объ общественныхъ классахъ, во-первыхъ, въ дебатахъ на засѣданіяхъ социологическаго общества въ Парижѣ (1903 г.), посвященныхъ специально проблемѣ социальныхъ классовъ, во-вторыхъ, въ своемъ трехтомномъ изслѣдованіи о „Философіи социальныхъ наукъ“, главнымъ образомъ въ третьемъ томѣ „*Conclusions des sciences sociales*“¹⁾.

Понятіе „ранга“ у *Вормса* переплетается съ понятіемъ „уровня“; онъ говоритъ то о социальномъ рангѣ, то о „социальномъ уровнѣ“. Но общая конструкція ученія *Вормса* не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ подъ социальнымъ „лино“ разумѣетъ „социальный рангъ“. Ученіе *Вормса*, которое онъ развиваетъ въ своей „Философіи социальныхъ знаній“, сводится, въ вопросѣ объ общественныхъ классахъ, къ слѣдующему.

Классъ, говоритъ *Вормс*, это совокупность индивидовъ, ведущихъ одинаковый образъ жизни и имѣющихъ, въ силу одинаковости своего положенія, одинаковыя стремленія и одинаковый образъ мыслей. Но такую одинаковость въ положеніи можно понимать въ двухъ различныхъ смыслахъ. Она можетъ получиться, во-первыхъ, при общемъ сотрудничествѣ индивидовъ въ одномъ общемъ дѣлѣ. Она можетъ имѣть мѣсто, во-вторыхъ, до известной степени, и при равенствѣ богатства, которымъ могутъ обладать индивиды. Въ первомъ случаѣ, въ области, наприм., народнаго образованія, всѣ члены этой корпораціи, начиная съ ректоровъ университетовъ и кончая самымъ скромнымъ учителемъ сельской школы, составляютъ одинъ и тотъ же классъ. Во второмъ, однако, случаѣ, ректоры университетовъ составляютъ нѣкотораго рода высшій рангъ; они будутъ составлять собою часть класса высшихъ чиновниковъ, куда войдутъ главы высшей администраціи, магистратуры, арміи, духовенства и т. д.; скромные же сельскіе учителя составятъ

¹⁾ *René Worms. Philosophie des sciences sociales. Paris. Glard et Brière. 1907.*

Иное рачіе въ опредѣленіи общественныхъ классовъ можно видѣть уже у *Литтра*, опредѣлишаго слово „*classe*“ въ своемъ „*Dictionnaire*“ такимъ образомъ, между прочимъ: „Ранги, установленные между людьми вълѣдствіе различія и неравенства ихъ условій“, (*Dictionnaire de la langue française. Par Littré, t. I. Librairie de L. Hachette et Cie. 1863 г., цитировано по изданію 1881, стр. 639.*

здѣсь низшіи ранги; они будутъ принадлежать къ классу мелкихъ служащихъ, мелкихъ чиновниковъ, наряду съ секретарями маленькихъ мерій, писцами у мировыхъ судей и т. п.²⁾

Эта двойственность, лежащая въ природѣ социальнаго класса, всегда отражалась, по мнѣнію *Вормса*, на различныхъ попыткахъ опредѣленія социальнаго класса. *Вормсъ* думаетъ, что эту двойственность необходимо разсвѣять, такъ какъ она всегда до сихъ поръ мѣшала точному выясненію сущности класса.

Переходя къ выясненію самой проблемы классовъ, *Вормсъ* останавливается прежде всего на различныхъ группировкахъ, которыми можетъ быть подвергнуто населеніе всякаго общества. Онъ различаетъ 5 типовъ возможныхъ группировокъ: 1) группировку по этническимъ признакамъ, или этническую, 2) территориальную, 3) профессиональную, 4) классовую и 5) группировку по симпатіи, наприм., по политическимъ партіямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ группировокъ стали складываться и изучаться, замѣчаетъ *Вормсъ*, съ давнихъ поръ, между тѣмъ какъ классовая группировка населенія до сихъ поръ еще не привилась въ наукѣ въ достаточной степени. Изученіемъ расовыхъ и территориальныхъ группировокъ населенія занимаются, какъ извѣстно, двѣ науки: этнографія и демографія³⁾. Между тѣмъ, для изученія остальныхъ группировокъ до сихъ поръ нѣтъ особой науки. Необходимо, говоритъ *Вормсъ*, чтобы по крайней мѣрѣ одна социальная наука была создана, которая бы взяла на себя специальное изученіе остающихся безъ всякой специальной разработки и изученія такихъ важныхъ группировокъ населенія, какими являются профессиональныя, социальныя и политическія группировки.

Матеріалъ для такой науки, по мнѣнію *Вормса*, имѣется уже достаточный; сдѣлано много уже изслѣдованій, которыя могли бы войти сюда; необходимо лишь свести этотъ матеріалъ въ одну цѣлое, единое! *Вормсъ* озабоченъ даже названіемъ для такой социальной науки, полагая, что она могла бы быть названа „соціальной гистологіей“, по аналогіи съ естественными науками. *Вормсъ*,

²⁾ René Worms. „Philosophie des sciences sociales“, стр. 67, 68, т. I (гл. IV „Les éléments sociaux“).

³⁾ René Worms, ibid., v. III, стр. 64, 65.

однако, не настаивает именно на этомъ названіи, но думаетъ, что во всякомъ случаѣ оно болѣе подходяще, чѣмъ, наприм., „соціальная морфологія“: морфологія имѣетъ своей задачей изученіе внѣшнихъ сторонъ предмета, при изученіи же соціальныхъ группировокъ населенія идти рѣчь о внутреннихъ соотношеніяхъ соціальныхъ элементовъ, а не о внѣшней сторонѣ ихъ. *Вормсъ* находитъ, однако, что демографія, которая занималась до сихъ поръ, въ числѣ другихъ вопросовъ, также и изученіемъ профессій, могла бы равнымъ образомъ взять на себя болѣе широкую задачу и включить въ кругъ своихъ изслѣдованій изученіе классовъ, профессій и партій, а также и расъ.

Основная мысль *Вормса* о необходимости обособленія новой отдѣльной соціальной дисциплины, которая бы занялась изученіемъ специально соціальной дифференціаціи общества, во всѣхъ ея видахъ и формахъ, можетъ быть только привѣтствуема. Но едва ли можно думать, что демографія справилась бы съ своей задачей во всей необходимой ей полнотѣ, если бы включила въ кругъ предметовъ своего изученія проблему профессій, классовъ, партій и расъ. Задачи демографіи, какъ науки, чисто статистическія, и самъ же *Вормсъ* находитъ, что „статистика—это скелетъ безъ мяса“ и что „цифры—еще не весь человѣкъ“⁴).

Что же такое, по *Вормсу*, соціальные классы, и какъ нужно понимать классовое расчлененіе современнаго общества? Для отвѣта на этотъ вопросъ *Вормсъ* останавливается на анализѣ двухъ различныхъ взглядовъ по вопросу о сущности соціальныхъ классовъ: по одному—классы не что иное, какъ профессіи, или по крайней мѣрѣ—совокупность нѣсколькихъ связанныхъ профессій; таковы, напримѣръ, классъ землевладѣльцевъ, классъ солдатъ, классъ духовенства и т. д.; по другому взгляду, классъ—совершенно отличная отъ профессій категорія, опредѣляющаяся „соціальнымъ рангомъ“. Можно принадлежать къ одной и той же профессіи, но относиться въ общественнымъ „мнѣніи“ къ различному соціальному рангу, и, равнымъ образомъ, въ одномъ и томъ же соціальномъ рангѣ могутъ быть лица различныхъ профессій.

⁴ René Worms, *ibid.*, III v., стр. 66.

Вормс принимает второй взглядъ, какъ болѣе правильный, и старается развить его и обосновать⁵⁾.

Вормс рассматриваетъ классовое расчлененіе общества вмѣстѣ съ профессиональнымъ. То и другое расчлененія существенно различны, но представить себѣ ясно одно изъ нихъ нельзя, не уяснивши другого. Различіе же между ними въ томъ, что профессіи, если можно такъ выразиться, расположены одинъ на ряду съ другими (*juxta posées*), одинъ возлѣ другихъ; классы же расположены иначе; они также идутъ какъ бы рядами, но эти ряды возвышаются одинъ надъ другимъ, какъ бы лежать слоями одинъ надъ другимъ (*super posées*). По мысли *Вормса*, можно себѣ представить въ обществѣ, съ одной стороны, рядъ группъ: группу лицъ, занятыхъ въ промышленности; группу лицъ, принадлежащихъ къ администраціи; группу служащихъ въ армію и т. д. Но съ другой стороны, внутри каждой изъ этихъ группъ, можно различить ряды новыхъ группъ, идущихъ какъ бы въ иномъ направленіи; такъ, въ группѣ занятыхъ въ индустрію идутъ, возвышаясь одна надъ другой, группы рабочихъ, мастеровъ, хозяевъ; среди лицъ, принадлежащихъ къ администраціи, возвышаются группы мелкихъ чиновниковъ, столоначальниковъ, директоровъ; въ арміи, въ свою очередь, мы находимъ группы солдатъ, унтеръ-офицеровъ, офицеровъ. Рабочій, мастеръ и хозяинъ первой нашей группы принадлежать къ одной и той же профессіи; точно также къ одной и той же профессіи принадлежатъ: мелкій служащій въ администраціи, столоначальникъ и директоръ или начальникъ, а въ арміи—унтеръ-офицеръ, солдатъ и офицеръ. Но соответствующіе слои этого второго порядка, въ каждой профессіи, вмѣстѣ взяты, составляютъ собою уже классъ; такъ, наприм., высшіе слои трехъ указанныхъ профессій, именно—хозяева, директора или начальники и офицеры—составятъ вмѣстѣ одинъ социальный классъ, высшій классъ; солдаты, мелкіе служащіе и рабочіе составляютъ низшій классъ и т. д. Отсюда *Вормс* приходитъ къ выводу, что профессіи обнимаютъ собою лицъ, непосредственно сотрудничающихъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ, въ одномъ и томъ же занятіи, независимо отъ того, каковъ рангъ этихъ сотрудничающихъ лицъ. Классъ же,

⁵⁾ René Worms, *ibid.*, т. III, стр. 69 и слѣд.

однако, не настаивает именно на этомъ названіи, но думаетъ, что во всякомъ случаѣ оно болѣе подходяще, чѣмъ, наприм., „соціальная морфологія“: морфологія имѣетъ своей задачей изученіе внѣшнихъ сторонъ предмета, при изученіи же соціальныхъ группировокъ населенія идти рѣчь о внутреннихъ соотношеніяхъ соціальныхъ элементовъ, а не о внѣшней сторонѣ ихъ. *Вормсъ* находитъ, однако, что демографія, которая занималась до сихъ поръ, въ числѣ другихъ вопросовъ, также и изученіемъ профессій, могла бы равнымъ образомъ взять на себя болѣе широкую задачу и включить въ кругъ своихъ изслѣдованій изученіе классовъ, профессій и партій, а также и расъ.

Основная мысль *Вормса* о необходимости обособленія новой отдѣльной соціальной дисциплины, которая бы занялась изученіемъ специально соціальной дифференціаціи общества, во всѣхъ ея видахъ и формахъ, можетъ быть только привѣтствуема. Но едва ли можно думать, что демографія справилась бы съ своей задачей во всей необходимой ей полнотѣ, если бы включила въ кругъ предметовъ своего изученія проблему профессій, классовъ, партій и расъ. Задачи демографіи, какъ науки, чисто статистическія, и самъ же *Вормсъ* находитъ, что „статистика—это скелетъ безъ мяса“ и что „цифры—еще не весь человѣкъ“⁴).

Что же такое, по *Вормсу*, соціальныя классы, и какъ нужно понимать классовое расчлененіе современнаго общества? Для отвѣта на этотъ вопросъ *Вормсъ* останавливается на анализѣ двухъ различныхъ взглядовъ по вопросу о сущности соціальныхъ классовъ: по одному—классы не что иное, какъ профессіи, или по крайней мѣрѣ—совокупность нѣсколькихъ связанныхъ профессій; таковы, напримѣръ, классъ землевладѣльцевъ, классъ солдатъ, классъ духовенства и т. д.; по другому взгляду, классъ—совершенно отличная отъ профессій категорія, опредѣляющаяся „соціальнымъ рангомъ“. Можно принадлежать къ одной и той же профессіи, но относиться въ общественнымъ „мнѣніи“ къ различному соціальному рангу, и, равнымъ образомъ, въ одномъ и томъ же соціальномъ рангѣ могутъ быть лица различныхъ профессій.

⁴ René Worms, *ibid.*, III v., стр. 66.

Вормс принимает второй взглядъ, какъ болѣе правильный, и старается развить его и обосновать⁵⁾.

Вормс рассматриваетъ классовое расчлененіе общества вмѣстѣ съ профессиональнымъ. То и другое расчлененія существенно различны, но представить себѣ ясно одно изъ нихъ нельзя, не уяснивши другого. Различіе же между ними въ томъ, что профессіи, если можно такъ выразиться, расположены однѣ на ряду съ другими (*juxta posées*), однѣ возлѣ другихъ; классы же расположены иначе; они также идутъ какъ бы рядами, но эти ряды возвышаются одни надъ другими, какъ бы лежать слоями одинъ надъ другими (*super posées*). По мысли *Вормса*, можно себѣ представить въ обществѣ, съ одной стороны, рядъ группъ: группу лицъ, занятыхъ въ промышленности; группу лицъ, принадлежащихъ къ администраціи; группу служащихъ въ армію и т. д. Но съ другой стороны, внутри каждой изъ этихъ группъ, можно различить ряды новыхъ группъ, идущихъ какъ бы въ иномъ направленіи; такъ, въ группѣ занятыхъ въ индустрію идутъ, возвышаясь одна надъ другой, группы рабочихъ, мастеровъ, хозяевъ; среди лицъ, принадлежащихъ къ администраціи, возвышаются группы мелкихъ чиновниковъ, столоначальниковъ, директоровъ; въ арміи, въ свою очередь, мы находимъ группы солдатъ, унтеръ-офицеровъ, офицеровъ. Рабочій, мастеръ и хозяинъ первой нашей группы принадлежать къ одной и той же профессіи; точно также къ одной и той же профессіи принадлежатъ: мелкій служащій въ администраціи, столоначальникъ и директоръ или начальникъ, а въ арміи—унтеръ-офицеръ, солдатъ и офицеръ. Но соответствующіе слои этого второго порядка, въ каждой профессіи, вмѣстѣ взятые, составляютъ собою уже классъ; такъ, наприм., высшіе слои трехъ указанныхъ профессій, именно—хозяева, директора или начальники и офицеры—составятъ вмѣстѣ одинъ социальный классъ, высшій классъ; солдаты, мелкіе служащіе и рабочіе составляютъ низшій классъ и т. д. Отсюда *Вормс* приходитъ къ выводу, что профессіи обнимаютъ собою лицъ, непосредственно сотрудничающихъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ, въ одномъ и томъ же занятіи, независимо отъ того, каковъ рангъ этихъ сотрудничающихъ лицъ. Классъ же,

⁵⁾ René Worms, *ibid.*, т. III, стр. 69 и слѣд.

Въ одномъ случаѣ *Вормс* опредѣляетъ „соціальный рангъ“ одинаковостью въ степени богатства и престижа: „ранги, говоритъ *Вормс*, въ нашемъ обществѣ сводятся въ одно и то же время и къ богатству каждаго и къ престижу его; классы, слѣдовательно, покоятся на этомъ двойномъ понятіи: они объединяютъ тѣхъ, кто имѣетъ или *одинаковое* богатство, или *одинаковый* престижъ (*éclat comparable*)“^{*)}. Въ другомъ случаѣ, *Вормс* пользуется понятіемъ „соціальный рангъ“, которое онъ называетъ также „соціальнымъ уровнемъ“, въ еще болѣе широкомъ смыслѣ, съ еще болѣе широкимъ содержаніемъ. „Этотъ уровень,—говоритъ *Вормс*, разумѣя соціальный уровень или соціальный рангъ,—опредѣляется различными причинами, зависящими отъ рожденія, воспитанія, почета, власти, но въ особенности—отъ богатства каждаго; въ послѣднемъ счетѣ этотъ уровень (или рангъ) опредѣляется все же экономическимъ принципомъ“^{*)}.

Итакъ, что же въ концѣ концовъ разумѣть *Вормс* подъ „соціальнымъ рангомъ“ или „уровнемъ“? Какъ будто этотъ рангъ или уровень опредѣляется и сводится у *Вормса* просто-напросто къ богатству, такъ какъ изъ всѣхъ перечисляемыхъ *Вормсомъ* признаковъ, характеризующихъ и образующихъ понятіе ранга, богатство ближе всего къ „экономическому принципу“. Но это не богатство или во всякомъ случаѣ не одно богатство; иначе никогда образомъ не могли бы попасть у *Вормса* въ одинъ и тотъ же соціальный классъ и банкиръ, и крупный фабрикантъ, и армейскій офицеръ, и начальникъ департамента; это и богатство, и власть, и престижъ, и воспитаніе, и образъ жизни, и привычки, и т. д. Но все это весьма неопредѣленно. Если мы возьмемъ рядъ самыхъ различныхъ профессій и выдѣлимъ изъ нихъ рядъ одного и того же ранга, то можемъ получить такой пестрый до чрезвычайности и длинный рядъ лицъ: редакторъ радикальной газеты, директоръ фабрики, крупный хлѣбный торговецъ, ректоръ университета, директоръ банка, модный адвокатъ, директоръ департамента полиціи, армейскій подпоручикъ и т. д.; по *Вормсу*, все эти люди одного ранга и одного и того же, слѣдовательно, соціаль-

*) *René Worms*, *ibid.*, vol. III, стр. 69.

*) *René Worms*, *ibid.*, vol. III, стр. 275.

наго класса. Но можемъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, зачислить въ одинъ социальный классъ редактора радикальной газеты и оберъ-полицеймейстера? или директора департамента полиціи и ректора университета? Едва ли можетъ быть сомнѣніе, какой долженъ быть на это отвѣтъ!

Ученіе *Вормса* не лишено, однако, высокаго интереса, какъ попытка подойти къ рѣшенію одного чрезвычайно сложнаго вопроса въ ученіи объ общественныхъ классахъ: именно вопроса о томъ, какъ быть при классовомъ раздѣлѣ общества съ тѣми категориями населенія, которыя лежатъ внѣ социально-хозяйственной дѣятельности и которыхъ классическая экономія называла „непроизводительными классами“. Для большинства ученій о классахъ, этотъ вопросъ, какъ мы увидимъ ниже, является обычно камнемъ преткновенія, о который разбиваются всякія самыя остроумныя построенія. Съ своимъ принципомъ „соціального ранга“ *Вормсъ* благополучно разрушаетъ этотъ Гордіевъ узелъ, группируя населеніе по социальнымъ рангамъ. Къ сожалѣнію, этотъ принципъ *Вормса*, какъ мы видѣли, полонъ неясности, неопредѣленности и дѣлаетъ шаткимъ и непрочнымъ все теоретическое построеніе *Вормса*.

Резюмируя ученіе *Вормса*, съ его достоинствами и недостатками, мы приходимъ къ слѣдующему:

1) *Вормсу* удалось разсѣять двойственность въ опредѣленіи социальнаго класса, благодаря строгому разграниченію между понятіями класса и профессіи;

2) идея *Вормса* о горизонтальномъ и вертикальномъ разрѣзѣ, при разграниченіи понятій класса и профессіи, является превосходной графической иллюстраціей, раскрывающей природу классовыхъ и профессиональных различій въ современномъ обществѣ;

3) *Вормсъ* признаетъ существованіе борьбы классовъ на протяжении всей исторіи человѣческаго общества, но характеръ и причины этой классовой борьбы у него остаются невыясненными и недостаточно правильно понятыми;

4) въ своемъ опредѣленіи социальныхъ классовъ *Вормс* исходитъ изъ понятія „соціального ранга“, которое страдаетъ у него полнѣйшей неопредѣленностью;

5) вслѣдствіе неопредѣленности основы, на которой *Вормс* строитъ свое ученіе о классахъ, (соціальный рангъ), *Вормсу* не удалось выясненіе сущности понятія класса;

6) въ своемъ ученіи *Вормс* не касается ни вопроса о возникновеніи и историческомъ развитіи социальныхъ классовъ, ни вопроса о числѣ классовъ въ современномъ обществѣ, ни другихъ существенно важныхъ вопросовъ въ проблемѣ классовъ;

7) основная задача *Вормса*—дать научное опредѣленіе понятію соціального класса—осталась неразрѣшенной.

До нѣкоторой степени близкое къ *Вормсу* ученіе о классахъ представляетъ также *Леонъ Пираръ*, въ своей книгѣ „De l'ordre social“¹⁰⁾. *Пираръ*, впрочемъ, не только ничего значительнаго не прибавляетъ къ положеніямъ *Вормса*, но только не внеситъ въ разработку проблемы ничего сколько-нибудь новаго и цѣннаго, но даже неудачными сопоставленіями въ значительной степени затемнятъ болѣе или менѣе ясную постановку проблемы классовъ, какъ ее ставитъ теорія соціального ранга.

Леонъ Пираръ старается сопоставить и сбить въ одно цѣлое двѣ идеи въ ученіи о классахъ, или точнѣе—въ опредѣленіи понятія соціального класса: одну идею соціального ранга и другую—соціальной функціи, которую выполняетъ каждый соціальный классъ. Онъ исходитъ, при этомъ, изъ опредѣленія классовъ *Литтлэ* въ „Dictionnaire“, находитъ, что понятіе класса можетъ означать, во-первыхъ, совокупность объединенныхъ общими признаками лицъ въ обществѣ; во-вторыхъ, оно можетъ означать мѣсто, которое занимаетъ въ обществѣ эта совокупность лицъ. Въ пониманіи *Пирара*, социальные классы—это различныя ступеньки на лѣстницѣ различныхъ силъ, созданныхъ тѣми различными функціями, которыя выполняютъ различныя группы въ обществѣ.

¹⁰⁾ Léon Pirard. De l'ordre social. Paris (1910), livre deuxième („Les classes“), стр. 243 и слѣд.

Для *Пирара*, функций такихъ въ общественной жизни три я, соотвѣтственно имъ, три социальныхъ класса: аристократія, буржуазія и пролетаріатъ. Каждая опредѣленная функция, по мнѣнію *Пирара*, создаетъ соотвѣтствующій рангъ; функция не идетъ никогда безъ социального ранга. Рангъ же въ свою очередь, думаетъ *Пираръ*, сопровождается опредѣленными традиціями, привычками, а также опредѣленною степенью богатства¹⁾). Наконецъ, сами функции усталавливаются, согласно представленію *Пирара*, „естественно“; но что это значитъ, какъ понимать это „естественное раздѣленіе“ общества по тремъ функциямъ и по тремъ различнымъ „предназначеніямъ“ людей, какъ членомъ общества,— объ этомъ указавшій *Пираръ* не дѣлаетъ.—

Значительно болѣе серьезнымъ, чѣмъ только что упомянутое ученіе *Пирара*, является ученіе о классахъ фрейбургскаго профессора *Пеша*. *Пешъ* останавливаетъ свое вниманіе на проблемѣ социальныхъ классовъ въ своемъ „курсѣ политической экономіи“ (1909), гдѣ вопросу о „классѣ и сословіи“ отводится видное мѣсто²⁾. Къ сожалѣнію, *Пешъ*, въ трактованіи вопроса объ общественныхъ классахъ, проявляетъ мало самостоятельности, слѣдуя главнымъ образомъ за *ванъ-Овербергомъ* въ его „*La classe sociale*“. Но такой характеръ изложенія ученія объ общественныхъ классахъ не мѣшаетъ, однако, *Пешу* критически относиться къ излагаемымъ ученіямъ и не соглашаться съ тѣми изъ нихъ, которымъ не соотвѣтствуютъ его собственнымъ взглядамъ на сущность общественныхъ классовъ.

Противопоставляя свой взглядъ по вопросу о классахъ теоріи *Оверберга*, *Пешъ* высказывается въ духѣ принципа „соціального ранга“, развитаго *Вормсомъ*. Проблемѣ классовъ *Пешъ* придаетъ отъ себя серьезное значеніе. „Понятіе класса, говоритъ онъ, требуетъ особеннаго вниманія. Весь міръ полонъ шума классовой борьбы. Теорія же классовъ къ настоящему моменту далеко еще не закончена въ своихъ положеніяхъ и опредѣленіяхъ. Идутъ споры о понятіи социальныхъ классовъ, ихъ происхожденіи, законахъ ихъ

¹⁾ Léon Pirard. De l'ordre social, стр. 244—245.

²⁾ H. Pesch. Lehrbuch der Nationalökonomie. Freiburg im Breisgau 1909. Zweiter Band, 5 Kapitel, § 7. (Здѣсь же находится и довольно богатая библиографія по вопросу о классахъ).

развитія. Какъ здѣсь все несовершенно, видно изъ противопоставленія мнѣній всемірно извѣстныхъ социологовъ¹²⁾... Не соглашаясь съ Артуромъ *Бозеромъ*, сводящимъ основу классового расчлененія къ понятію профессіи, *Пешъ* замѣчаетъ, что въ понятіи „класса“ рѣчь идетъ не о расчлененіи по профессіямъ и не о типахъ профессій, какъ думаетъ *Бозеръ*, а „о различіяхъ ранга, о различіяхъ социальнаго „ниво“, социальнаго уровня“. Классъ, думаетъ *Пешъ*, обнимаетъ одинъ и тотъ же социальный слой въ самыхъ различныхъ профессіяхъ. Что профессіи и классъ не одно и то же, на это современная дѣйствительность даетъ, по мнѣнію *Пеша*, рядъ самыхъ убѣдительныхъ указаній. *Пешъ* указываетъ, во первыхъ, на то, что классовая капиталистическая солидарность и профессиональная солидарность между предпринимателями, точно такъ же какъ классовая пролетарская солидарность и профессиональная, далеко не одно и то же: классовая солидарность много сильнѣе профессиональной; во-вторыхъ, всѣмъ извѣстный фактъ, что число профессій, особенно съ промышленнымъ прогрессомъ, увеличивается чрезвычайно быстро; по отношенію же къ классамъ мы этого совсѣмъ не видимъ.

По вопросу о соотношеніяхъ между профессіями и классами *Пешъ* вполне солидаренъ съ *Вормсомъ*. Больше того, *Пешъ* принимаетъ и основной принципъ, изъ котораго исходитъ *Вормсъ* въ своемъ пониманіи класса. Но *Пешъ* возражаетъ противъ момента богатства, будто бы лежащаго въ существѣ понятія „социальнаго ранга“ *Вормса*. Мы видѣли, что *Вормсъ*, дѣйствительно, даетъ мѣсто и поводъ для критики своего основного понятія „социальнаго ранга“, такъ какъ послѣднее слишкомъ неопредѣленно и растяжимо. Но въ данномъ случаѣ, однако, *Пешъ* критикуетъ взгляды *Вормса*, какъ они имъ высказывались на засѣданіяхъ социологическаго парижскаго общества въ 1903 году, или какъ они излагаются *Овербергомъ* въ „La classe sociale“. Книга же *Вормса* „Philosophie des sciences sociales“, появившаяся въ 1907 г., гдѣ *Вормсъ* значительно измѣняетъ редакцію своихъ взглядовъ, которые онъ высказывалъ въ 1903 г. во время дебатовъ, осталась, повидимому, неизвѣстной *Пешу*.

¹²⁾ Н. Piesch, ibid., I. В., стр. 733.

Не соглашается *Пешъ* точно также и со взглядами социалистовъ, сводящимися, по его мнѣнію, въ вопросъ о раздѣленіи общества на социальныя классы, къ факту владѣнія или невладевія средствами производства, какъ основъ классоваго раздѣла. И въ этомъ *Пешъ* слѣдуетъ за формулировкой социалистической теоріи классовъ, даваемой *Овербергомъ*, который, какъ увидимъ ниже, передалъ сущность марксистскаго ученія далеко не точно, неправильно уяснивши себѣ послѣднее. Точно также не удовлетворяютъ *Пеша* ни ученіе *Шмоллера*, ни ученіе *Оверберга*. Съ *Шмоллеромъ* *Пешъ* не согласенъ особенно въ томъ пунктѣ шмоллеровскаго ученія о социальныхъ классахъ, гдѣ *Шмоллеръ* настаиваетъ на существованіи послѣдствѣнности профессиональныхъ качествъ, вслѣдствіе „приспособленія нервовъ и мышцъ, какъ думаетъ *Шмоллеръ*, а также мозга и костей, къ специальной дѣятельности“. *Оверберга* же пониманіе классовъ *Пешъ* считаетъ слишкомъ узкимъ и не отвѣчающимъ дѣйствительнымъ отношеніямъ.

Пешъ дѣлаетъ попытку развитъ собственный взглядъ на проблему классовъ, сводящейся къ слѣдующему. Само понятіе о классѣ, говоритъ *Пешъ*, предполагаетъ уже въ себѣ существованію нѣсколькихъ классовъ; тамъ, гдѣ нѣтъ, по меньшей мѣрѣ, 2 классовъ, не можетъ возникнуть и понятіе „класса“. Естественныя различія пола, возраста, физическихъ свойствъ и психическихъ качествъ—не могутъ, по мнѣнію *Пеша*, привести къ образованію социальныхъ классовъ. Что же, однако, является образующей причиною социального класса? Что составляетъ его сущность? Отвѣчая на эти вопросы, *Пешъ* находитъ, что „классъ“ указываетъ на опредѣленную ступень ранга, имѣющагося внутри общества и основаннаго на томъ вліяніи, уваженіи и значеніи, которыми пользуется данный рангъ въ обществѣ, въ глазахъ членовъ общества⁴⁴). Степень ранга можетъ быть различная; она зависитъ отъ степени общественнаго вліянія, уваженія (*Achtung*) и значенія этого ранга. Та же реальная основа, которая создаетъ ту или иную степень общественнаго вліянія и престижа, бываетъ, по мнѣнію *Пеша*, различна въ разныя историческія эпохи. Въ средніе вѣка она покоилась на силѣ, на умственномъ и моральномъ превосходствѣ, на

⁴⁴) *H. Pesch*, *ibid.*, II, стр. 774, 775 и далѣе.

развитія. Какъ здѣсь все несовершенно, видно изъ противопоставленія мнѣній всемірно извѣстныхъ социологовъ¹²⁾... Не соглашаясь съ Артуромъ *Бозеромъ*, сводящимъ основу классового расчлененія къ понятію профессіи, *Пешъ* замѣчаетъ, что въ понятіи „класса“ рѣчь идетъ не о расчлененіи по профессіямъ и не о типахъ профессій, какъ думаетъ *Бозеръ*, а „о различіяхъ ранга, о различіяхъ социальнаго „ниво“, социальнаго уровня“. Классъ, думаетъ *Пешъ*, обнимаетъ одинъ и тотъ же социальный слой въ самыхъ различныхъ профессіяхъ. Что профессіи и классъ не одно и то же, на это современная дѣйствительность даетъ, по мнѣнію *Пеша*, рядъ самыхъ убѣдительныхъ указаній. *Пешъ* указываетъ, во первыхъ, на то, что классовая капиталистическая солидарность и профессиональная солидарность между предпринимателями, точно такъ же какъ классовая пролетарская солидарность и профессиональная, далеко не одно и то же: классовая солидарность много сильнѣе профессиональной; во-вторыхъ, всѣмъ извѣстный фактъ, что число профессій, особенно съ промышленнымъ прогрессомъ, увеличивается чрезвычайно быстро; по отношенію же къ классамъ мы этого совсѣмъ не видимъ.

По вопросу о соотношеніяхъ между профессіями и классами *Пешъ* вполне солидаренъ съ *Вормсомъ*. Больше того, *Пешъ* принимаетъ и основной принципъ, изъ котораго исходитъ *Вормсъ* въ своемъ пониманіи класса. Но *Пешъ* возражаетъ противъ момента богатства, будто бы лежащаго въ существѣ понятія „социальнаго ранга“ *Вормса*. Мы видѣли, что *Вормсъ*, дѣйствительно, даетъ мѣсто и поводъ для критики своего основного понятія „социальнаго ранга“, такъ какъ послѣднее слишкомъ неопредѣленно и растяжимо. Но въ данномъ случаѣ, однако, *Пешъ* критикуетъ взгляды *Вормса*, какъ они имъ высказывались на засѣданіяхъ социологическаго парижскаго общества въ 1903 году, или какъ они излагаются *Овербергомъ* въ „La classe sociale“. Книга же *Вормса* „Philosophie des sciences sociales“, появившаяся въ 1907 г., гдѣ *Вормсъ* значительно измѣняетъ редакцію своихъ взглядовъ, которые онъ высказывалъ въ 1903 г. во время дебатовъ, осталась, повидимому, неизвѣстной *Пешу*.

¹²⁾ Н. Piesch, ibid., I. В., стр. 733.

Не соглашается *Пешъ* точно также и со взглядами социалистовъ, сводящимися, по его мнѣнію, въ вопросъ о раздѣленіи общества на социальныя классы, къ факту владѣнія или невладѣнія средствами производства, какъ основъ классоваго раздѣла. И въ этомъ *Пешъ* слѣдуетъ за формулировкой социалистической теоріи классовъ, даваемой *Овербергомъ*, который, какъ увидимъ ниже, передалъ сущность марксистскаго ученія далеко не точно, неправильно уяснивши себѣ послѣднее. Точно также не удовлетворяютъ *Пеша* ни ученіе *Шмоллера*, ни ученіе *Оверберга*. Съ *Шмоллеромъ* *Пешъ* не согласенъ особенно въ томъ пунктѣ шмоллеровскаго ученія о социальныхъ классахъ, гдѣ *Шмоллеръ* настаиваетъ на существованіи послѣдствѣнности профессиональныхъ качествъ, вслѣдствіе „приспособленія нервовъ и мышцъ, какъ думаетъ *Шмоллеръ*, а также мозга и костей, къ специальной дѣятельности“. *Оверберга* же пониманіе классовъ *Пешъ* считаетъ слишкомъ узкимъ и не отвѣчающимъ дѣйствительнымъ отношеніямъ.

Пешъ дѣлаетъ попытку развить собственный взглядъ на проблему классовъ, сводящейся къ слѣдующему. Само понятіе о классѣ, говоритъ *Пешъ*, предполагаетъ уже въ себѣ существованію нѣсколькихъ классовъ; тамъ, гдѣ нѣтъ, по меньшей мѣрѣ, 2 классовъ, не можетъ возникнуть и понятіе „класса“. Естественныя различія пола, возраста, физическихъ свойствъ и психическихъ качествъ—не могутъ, по мнѣнію *Пеша*, привести къ образованію социальныхъ классовъ. Что же, однако, является образующей причиною социального класса? Что составляетъ его сущность? Отвѣчая на эти вопросы, *Пешъ* находитъ, что „классъ“ указываетъ на опредѣленную ступень ранга, имѣющагося внутри общества и основаннаго на томъ вліяніи, уваженіи и значеніи, которыми пользуется данный рангъ въ обществѣ, въ глазахъ членовъ общества⁴⁾. Степень ранга можетъ быть различная; она зависитъ отъ степени общественнаго вліянія, уваженія (*Achtung*) и значенія этого ранга. Та же реальная основа, которая создаетъ ту или иную степень общественнаго вліянія и престижа, бываетъ, по мнѣнію *Пеша*, различна въ разныя историческія эпохи. Въ средніе вѣка она покоилась на силѣ, на умственномъ и моральномъ превосходствѣ, на

⁴⁾ *H. Pesch*, *ibid.*, II, стр. 774, 775 и далѣе.

ра рабочей силы, не какъ личный самостоятельный факторъ производства, а какъ послѣдній подчиненный, какъ послѣдній рабъ внутри производительнаго процесса¹⁷⁾. Современный рабочий, говоритъ *Пешъ*, создать богатство, по его доля въ доходѣ нѣрѣдко не покрываетъ его потребности въ хлѣбѣ насущномъ. Кроме того, онъ несетъ на себѣ всѣ тяготы и повинности, но правъ полноправнаго гражданина онъ не имѣетъ. Отсюда понятно, по мнѣнію *Пеша*, что лишено рабочаго хозяйственной, политической и социальной солидарности толкаетъ его мысль и чувство къ построению социалистическаго идеала общественной жизни на коммунистическихъ и товарищескихъ началахъ.

Что же, однако, можетъ способствовать устраненію социальной пропасти между буржуазіей и пролетаріатомъ, спрашиваетъ *Пешъ*. Что приводитъ къ социальному миру?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, *Пешъ* оговаривается, что рѣчь можетъ идти въ данномъ случаѣ не объ устраненіи классовъ и классоваго расчлененія въ обществѣ, а только объ устраненіи именно противоположности между классами. Для устраненія же послѣдней нужно, по его мнѣнію, устранить причины, вызывающія эту противоположность и враждебность между классами. Въ этихъ цѣляхъ *Пешъ* считаетъ необходимымъ улучшеніе положенія рабочихъ классовъ; устраненіе бѣдности и нищеты; защиту рабочихъ отъ безработицы, поддержку на случай болѣзни и инвалидности, полное *ураженіе интересовъ* въ области правно-политической; поддержаніе среднихъ классовъ; развитіе народнаго образованія; нравственное возрожденіе въ духѣ христіанской церкви. Въ религіи *Пешъ* видитъ самое надежное средство къ разрѣшенію проблемы социального неравенства, ссылаясь на слова епископа *Кеттелера*, который говорилъ: „если бы мы пожелали вести себя, какъ истинные христіане, социальный вопросъ былъ бы разрѣшенъ“. „Въ концѣ концовъ, говоритъ *Пешъ*, нужно ожидать спасенія не отъ экономическаго и социального „развитія“ народовъ, не отъ свѣтской культуры, но отъ культуры духовной. Всѣ остальные формы общенія найдутъ, поэтому, себѣ естественный исходъ, свой вѣнецъ въ *общеніи христіанской церкви*, такъ какъ только

¹⁷⁾ H. Pech, *ibid.*, стр. 777—778.

такое общеніе въ состояніи дать глубочайшій фундаментъ политическому, хозяйственному и социальному порядку, обезпечить социальный жизни полноту и оздоровленіе¹⁸⁾. Въ социально-политическомъ разубиеніи классовой „непримиримости“ *Пешъ* стоитъ въ данномъ случаѣ всецѣло на основѣ знаменитой энциклики папы Льва XIII „*Recurramus ad deum*“ (de condicione orificum), издавннй 15-го мая 1891 года; этой энцикликкой объявлялось, что непримиримости классовыхъ противоположностей не существуетъ; что борьба классовъ устранима, такъ какъ трудъ и капиталъ могутъ мирно уживаться во взаимномъ сотрудничествѣ; что однихъ социальныхъ реформъ со стороны государства недостаточно для смирненія и устранения социальной пропасти между классами; что въ то же время мечты социалистовъ о безклассовомъ обществѣ неосуществимы и беспочвенны; и что, наконецъ, спасеніе только въ католической церкви, которая одна въ состояніи прекратить раздоры и борьбу между богатыми и бѣдными¹⁹⁾. „Христіанская мораль, справедливость и евангельская любовь“—вотъ основа, на которой возможно, по мнѣнію *Пеша*, устраненіе классовой противоположности²⁰⁾.

Взгляды *Пеша* по вопросу о социальныхъ классахъ не отличаются особенною опредѣленностью. Но въ общихъ чертахъ ихъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) социальные классы—это различные социальные ранги, которые образуются неравенствомъ общественныхъ отношеній и фактическими различіями между людьми (по *Литтрэ*);

2) ранги эти іерархизованы и сводятся къ социальной лѣстницѣ изъ трехъ ступеней, соотвѣтственно тремъ классамъ въ обществѣ: наверху—буржуазія, внизу—пролетаріатъ, средину же занимаетъ *Mittelstand*;

3) въ основѣ ранговой іерархіи лежитъ то вліяніе, престижъ и значеніе, которыми пользуется данный социальный рангъ въ гла-

¹⁸⁾ *H. Pesch*, *ibid.*, стр. 791.

¹⁹⁾ См. у *Anat. Leroy-Beaulieu*. „La Papauté, le socialisme et la Démocratie“ 1892; ср. также „*Enzyklika Leo XIII über die Arbeiterfrage. Für den Gebrauch des Arbeiters herausgegeben von J. Eckhard*, Präses des katholischen Arbeitervereins Stuttgart“ Stuttgart 1896.

²⁰⁾ *H. Pesch*. Die sozialen Klassen. „*Stimmen aus Maria-Laach*“. Katholische Blätter Jahrgang 1908, Seite 4 u 5, стр. 396—400 и 519—531.

захъ сочленовъ общества; степень ранга соотвѣтствуетъ степени вліянія, престижа и значенія;

4) основа вліянія, престижа и значенія въ каждомъ рангѣ различна въ различныхъ историческихъ эпохи: въ средніе вѣка такой основой была сила и важность отправляемыхъ классами социальныхъ функций; въ современную эпоху—этой основой является степень богатства и социальное положеніе вообще (иногда и независимо отъ матеріальнаго состоянія);

5) между социальными классами существуетъ противоположность интересовъ и отсюда—вражда; основа этой противоположности—не только въ фактѣ владѣнія или невладѣнія средствами производства, но и въ отсутствіи социальной солидарности между участниками въ производственномъ процессѣ;

6) классовое разслоеніе въ обществѣ неустранимо, но классовую противоположность устранить возможно; основной путь къ устраненію послѣдней лежитъ въ устраненіи причинъ, вызывающихъ противоположность классовыхъ интересовъ;

7) проведеніе въ общественную жизнь „соціального мира“ лежитъ въ рукахъ только католической церкви, такъ какъ лозунгомъ достиженія „соціального мира“ можетъ быть главнымъ образомъ духовное возрожденіе членовъ общества на началахъ христіанской морали, евангельской любви, согласно идеямъ, развитымъ въ энцикликѣ папы Льва XIII „*Regum novarum*“.

Ни въ одномъ пунктѣ своего ученія о классахъ *Пешъ* не избѣжалъ слабыхъ сторонъ теорій социальныхъ ранговъ. Понятіе социального класса осталось у него невыясненнымъ. Въ установленіи основъ ранговой іерархіи *Пешъ* все время колеблется между матеріальной основой богатства и нематеріальной основой престижа и значенія. Это колебаніе вноситъ неопредѣленность въ ученіе *Пеша* и способствуетъ неясности его взглядовъ. Развивая идею трехъ классовъ, *Пешъ* оставляетъ совершенно безъ анализа понятіе среднего класса, въ существованіи котораго онъ между тѣмъ видитъ устойчивость социального порядка. Соціально-политическая сторона ученія *Пеша* не далеко ушла отъ ошибокъ старыхъ французскихъ утопистовъ (напр., *Бюро*): подобно послѣднимъ, *Пешъ* вѣритъ въ гармонію труда и капитала, надѣясь достигнуть этой

гармоніи на основѣ религіи. Это показываетъ, что *Пенн* вводитъ въ экономическій анализъ социальнаго неравенства религіозно-этический элементъ, что лишаетъ его чисто-экономическій анализъ классовъ всякаго научнаго значенія.—

Къ теоріи социального ранга, до нѣкоторой степени, можно отнести также ученіе финляндскаго писателя-этнографа *Гуннара Ландтмана*, который касается вопроса о классахъ и ихъ происхожденіи въ своихъ работахъ: „Происхожденіе духовенства“ и „Основныя причины социального неравенства“²¹⁾. Мысли и изслѣдованія *Ландтмана* направлены больше въ сторону исторіи и этнографіи, чѣмъ социологіи и экономики. Но проблема классовъ все же настолько занимаетъ и интересуетъ его, что онъ удѣляетъ вопросу о классахъ нѣкоторое вниманіе. Подъ классовою дифференціаціей общества *Ландтманъ* разумѣетъ дѣленіе общества на такія гомогенныя группы, которыя различаются между собою различными преимуществами и привилегіями, сохраняющими свою силу въ каждой группѣ путемъ наслѣдственной передачи. „Подъ классами я понимаю, говоритъ *Ландтманъ*, болѣе или менѣе гомогенныя раздѣлы населенія, которые отличаются одинъ отъ другого преимуществами и привилегіями.. При этомъ, каждому классу обычно соответствуетъ опредѣленный рангъ“²²⁾.

Подраздѣленіе на классы есть, по *Ландтману*, расчлененіе на ранги. Съ этой точки зрѣнія *Ландтманъ* прослѣживаетъ тотъ процессъ длинной исторической эволюціи, который привелъ первоначально не знавшее социального неравенства первобытное общество къ расчлененію на социальные неравные классы. *Ландтманъ* рассматриваетъ рядъ факторовъ, влиявшихъ, по его мнѣнію, на происхожденіе общественныхъ классовъ, иллюстрируя свое изслѣдованіе рядомъ довольно-таки многочисленныхъ, хотя и отрывочныхъ фактовъ, взятыхъ изъ дальнихъ изученій первобытныхъ народовъ. Въ этомъ случаѣ, онъ имѣетъ дѣло съ четырьмя основными причинами, которыя, по его мнѣнію, влияли на возникновеніе и развитіе социальной дифференціаціи: это—1) личныя качества,

²¹⁾ *Gunnar Landtman. The Origin of Priesthood. Hkennae, Finland 1906.—Gunnar Landtman. The primary causes of social inequality. Helsingfors, Finland 1909.*

²²⁾ *Gunnar Landtman. The primary causes of social inequality. Helsingfors, Finland 1909, стр. 26.*

которыя могли возвышать однихъ индивидовъ надъ другими; 2) богатство; 3) раздѣленіе труда и 4) этническій принципъ или расы.

Это изслѣдованіе *Ландтмана* не лишено интереса, давая тѣмъ, который историческій матеріалъ для той части проблемы классовъ, которая имѣетъ дѣло съ вопросомъ о зарожденіи социальной дифференціаціи. *Ландтманъ* находитъ рядъ народовъ, съ первобытнымъ укладомъ жизни, которые не знали социального неравенства. Тамъ же, гдѣ социальная дифференціація проникла болѣе или менѣе глубоко, онъ находитъ почти одинаковое первоначальное дѣленіе общества на аристократію, чернь и рабовъ. Эти три класса *Ландтманъ* считаетъ вообще типическими, но находитъ, что среди нѣкоторыхъ народовъ тотъ или другой изъ этихъ „порядковъ“ (orders) можетъ и отсутствовать. Такъ, наприм., ссылаясь на изслѣдованіе *Deniker'a*, *Ландтманъ* указываетъ, что гилляны, обитающіе по нѣмецкому Амуру, никогда не знали рабовъ.—

Къ представителямъ теоріи классовъ на основѣ социального ранга можно отнести отчасти и *Мориса Гальваша*, который затрагиваетъ проблему социальныхъ классовъ въ введеніи къ своему интересному изслѣдованію „La classe ouvrière et les niveaux de vie“²³). Однимъ изъ важѣйшихъ элементовъ въ понятіи социального класса *Гальвашъ* считаетъ наличность классового сознанія. Совершенно невозможно предполагать, говоритъ онъ, чтобы классъ могъ существовать, не сознавая самого себя. Назвать классомъ совокупность людей, у которыхъ совѣсть перазвѣто сознаніе о себѣ, какъ о классѣ, и у которыхъ оно ни въ чемъ не проявляется, это значило бы называть классомъ то, что еще находится въ стадіи своего образованія, въ стадіи выявленія²⁴). Сознать же себя въ качествѣ особаго самостоятельнаго класса, это значило бы, по мнѣнію *Гальваша*, различать въ классовой іерархіи тотъ социальный рангъ, на которомъ находится собственный классъ въ отличіе отъ другихъ. При этомъ, въ понятіи социального ранга *Гальвашъ* находитъ два, на первый взглядъ, совершенно различныхъ элемента: это, во-первыхъ, степень богатства или различіе дохода,

²³) Maurice Halbwachs. La classe ouvrière et les niveaux de vie. Paris 1913.

²⁴) Maurice Halbwachs, *Ibid.*, стр. VI.

и, во-вторых, различіе функцій, которыя исполняютъ въ обществѣ тотъ или иной классъ. По представленію *Гальваша*, здѣсь противопоставляется, такимъ образомъ, трудъ и потребление, профессія и уровень жизни, функція и доходъ. *Гальвашъ* примиряетъ эти понятія, устанавливая между тѣмъ и другимъ неизбежную и опредѣленную рода связь: рангъ того или иного класса въ любомъ обществѣ тѣмъ выше, по его мнѣнію, чѣмъ большее участіе члены этого класса принимаютъ въ социальной жизни даннаго общества, чѣмъ большее количество социальныхъ чувствъ и мыслей они охватываютъ.

Гальвашъ, какъ мы видимъ, вводитъ, въ понятіе класса и социального ранга новую варіацію, новый элементъ, ставя эти понятія на психологическую основу (сознаніе). Эта основа, однако, ничуть не способствуетъ выясненію проблемы, и понятіе социального ранга остается у него столь же неопредѣленнымъ, какъ и у другихъ представителей теоріи ранга.

Резюмируя, въ концѣ концовъ, ученіе объ общественныхъ классахъ, построенное на основѣ „социального ранга“, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) вообще говоря, это ученіе внесло не много цѣннаго въ теорію общественныхъ классовъ; 2) правда, нѣкоторые изъ представителей этого ученія (*Вормсъ*, *Пешъ*) толкнули значительно впередъ изученіе проблемы классовъ, благодаря строгому разграниченію понятій класса и профессіи; 3) но въ качествѣ основы классового расчлененія общества, вводимое этой теоріей понятіе „социального ранга“ является методологически совершенно непригоднымъ, своею полнѣйшей неопредѣленностью; 4) благодаря эластичности содержанія понятія „социальный рангъ“, это ученіе колеблется между теоріей богатства (*Пешъ*), теоріей естественно-органической (*Пирагъ*, отчасти *Вормсъ*) и психологической (*Гальвашъ*)²⁵.

²⁵) Мы не выделяемъ психологической теоріи общественныхъ классовъ въ качествѣ самостоятельной теоріи, въ виду ея еще недостаточнаго развитія. Она не сложилась еще въ сколько-нибудь опредѣленной формѣ. Кроме упомянутого *Гальваша*, къ ней близко подходятъ: *Тардъ* (на дебатахъ въ Парижскомъ социол. обществѣ), *Зиммельъ* (Социальная дифференціация), *Гиддингсъ* (Основаніе социологіи), отчасти *Грассерри*, *Бендъль*, *Димузэнъ* и другіе. Психологическая теорія общественныхъ классовъ ищетъ основы классового расчлененія и классовъ въ человеческой психикѣ (въра въ социальную іерархію, стремленіе къ господству, желаніе быть выше другого и т. д.).

Общественные классы на основѣ различій въ уровнѣ жизни (standard of life).

Къ попыткамъ построения учения объ общественныхъ классахъ на основѣ „соціального ранга“ очень близка попытка подойти къ проблемѣ классовъ съ точки зрѣнія „уровня жизни“ (standard of life).²

Въ обществѣ съ классовой организаціей и классовой іерархіей, при пѣвѣстной степени традиціонности отношеній общественной жизни, въ каждомъ классѣ, какъ пѣвѣстно, вырабатывается болѣе или менѣе опредѣленный жизненный укладъ: опредѣленные общественныя требованія, опредѣленные привычки и вкусы, опредѣленный образъ жизни, опредѣленный до пѣвѣоторой степени бюджетъ для каждой семьи одного и того же класса, даже опредѣленный духовный обликъ у сочленовъ каждаго класса. Въ виду этого легко можетъ возникнуть представленіе о томъ, что для опредѣленія сущности классовъ и классовыхъ различій слѣдуетъ обратиться къ изслѣдованію различныхъ уровней жизни въ каждомъ данномъ обществѣ и что на этихъ различіяхъ standards of life легче всего построить и различія соціальныхъ классовъ.

Такого рода попытки привлечь standard of life, въ качествѣ основы классоваго расчлененія, можно было ожидать особенно въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ классы существуютъ давно и гдѣ классовыя отношенія складывались медленно, постепенно, традиціонно закрѣпляя классовую іерархичность. По отношенію къ Англіи мы, дѣйствительно, находимъ попытки установленія соціальныхъ классовъ на основѣ standard of life. Такова, наприм., попытка *Д'Эта* (d'Aeth), въ статьѣ о „Новѣйшихъ тенденціяхъ классовой дифференціаціи“¹⁾, и французза *Поля Дакамта* (Paul Descamps) въ его интересномъ изслѣдованіи „La Hiérarchie des classes en Angleterre. („Іерархія классовъ въ Англіи“), составляющемъ какъ бы дополненіе къ статьѣ *Д'Эта*“).

¹⁾ *D'Aeth G. G.* Present tendencies of class differentiation. (The Sociological Review, vol. III, № 4, October 1910, стр. 207—276).

²⁾ *Descamps Paul.* La Hiérarchie des classes en Angleterre. Paris 1911 (La Science sociale, 26-e Année-Deuxième période, 86 Fascicule).

Къ сожалѣнiю, и *д'Эмъ*, и *Декартъ* совершенно не касаются теоретической стороны затрагиваемой проблемы, оставляя ничѣмъ не обоснованной свою попытку изученiя социальныхъ классовъ въ Англiи на основѣ „уровня жизни“. Ихъ задача сводится, главнымъ образомъ, къ описательно-конкретной сторонѣ вопроса, за немногими лишь исключенiями. Тѣмъ не менѣе, если эти авторы и не создають „ученiя“ или „теорiи“, въ строгомъ смыслѣ слова, ихъ попытка, не говоря уже о самыхъ выводахъ ихъ изслѣдованiй, заслуживаетъ глубокаго интереса, освѣщая социальную-классовую структуру англiйскаго современнаго общества. Мы считаемъ необходимымъ, поэтому, остановить на нихъ свое вниманiе.

Задача *д'Эмъ*—показать природу и сущность измѣненiй въ классовомъ строенiи стараго и новаго англiйскаго общества и установить нѣкоторые изъ новѣйшихъ тенденцiй послѣдняго. За послѣднiе 100 лѣтъ, думаетъ *д'Эмъ*, классовая структура англiйскаго общества подверглась значительному измѣненiю; появились новые классы; демаркацiонныя линiи, рѣзко проходившiя прежде между различными классами, теперь нечетки; многое изъ старыхъ укладовъ жизни и старыхъ социальныхъ привычекъ подвергнуто глубокому измѣненiю. Эти измѣненiя совершались, по мнѣнiю *д'Эмъ*, подъ воздѣйствiемъ двухъ факторовъ: во-первыхъ, подъ влiянiемъ экономическаго развитiя общества; во-вторыхъ, подъ влiянiемъ прогрессивнаго движенiя по пути къ демократiи. Какъ результатъ постояннаго дѣйствiя экономическаго фактора, *д'Эмъ* отмѣчаетъ слѣдующiе моменты, оказавшие влiянiе на измѣненiе классовой структуры: 1) ростъ числа занятiй, все болѣе дифференцирующихся, по мѣрѣ развитiя общественнаго хозяйства; 2) ростъ различныхъ градаций внутри нѣкоторыхъ изъ этихъ занятiй; 3) ростъ спроса на экономическую выучку (*ability*) въ любой спеціальности и 4) образованiе крупныхъ городовъ. Въ отношенiи же второго—политическаго—фактора *д'Эмъ* отмѣчаетъ: развитiе мѣстнаго самоуправленiя, ростъ чувства корпоративной отвѣтственности, развитiе системы образованiя и измѣненiе самаго взгляда на государство и его цѣли¹⁾). Все эти обстоятельства, по мнѣнiю *д'Эмъ*, не могли не измѣнить замѣтно старую классо-

¹⁾ *D'Aeth*, *ibid.*, стр. 267, 268.

вую систему. Прежде всего, думает *Д'Эмъ*, рухнула старая связь между классомъ и характеромъ его занятій, благодаря чему семья теперь не могла уже опредѣлять классъ; профессиональная замкнутость класса исчезла; дѣти уже не всегда оставались въ классѣ своихъ родителей, какъ было прежде. Затѣмъ, старая классовая группировка, сводившаяся къ трехчленному раздѣлу общества (на аристократію, рабочій классъ и торгово-промышленный классъ), теперь измѣнилась. Классовая группировка новаго времени усложнилась: рабочій классъ разбился на нѣсколько группъ; торгово-промышленный классъ чрезвычайно развился и создалъ въ предѣлахъ своихъ новыя группы существеннаго значенія; лица либеральныхъ профессій образовались въ собственный классъ, сильно выросшій особенно въ нѣкоторыхъ профессіяхъ (учительской, научной, медицинской); много новыхъ значительныхъ образованій вызвало особенно развитіе крупной индустріи, торговли и кредита; потребовалось много специальной выучки (*ability*) среди высшихъ постовъ въ администраціи, задачи которой сильно усложнились; при этомъ, аристократія, какъ классъ, обнаружила тенденцію къ уменьшенію; число земельныхъ собственниковъ сократилось. *Д'Эмъ* обращаетъ также вниманіе на передвиженіе центра социальной жизни изъ деревни въ городъ; нормальной социальной единицей сталъ крупный городъ; $\frac{2}{3}$ населенія живутъ теперь въ городахъ; въ 50 городскихъ центрахъ съ населеніемъ выше 50.000, размѣстилась почти половина всего населенія¹⁾.

Указавши на всѣ эти измѣненія, *Д'Эмъ* старается детальнѣе подойти къ анализу современнаго классоваго общества. Онъ думаетъ, что „новѣйшая классовая структура покоится на различныхъ „standards of life“. Теоретически можно установить собственно, по мнѣнію *Д'Эма*, два стандарда жизни: стандартъ простой необходимости и стандартъ утонченной, культивированной необходимости; первый можетъ быть опредѣленъ (для современной Англіи) въ 25 шиллинговъ въ недѣлю, для одной семьи въ среднемъ; второй—приблизительно въ 600 фунтовъ ст. въ годъ. Но въ дѣйствительности, *Д'Эмъ* находитъ не два, а 7 различныхъ стандартовъ

¹⁾ *D'Acth*, *ibid.*, стр. 270.

и—соответственно—7 различных классовъ, которые онъ располагаетъ въ такомъ восходящемъ порядкѣ:

классъ А: классъ босиковъ, люмпенъ-пролетаріевъ (the loafer); ихъ стандартъ—18 шилл. въ недѣлю; жилище—грязные отдаленные кварталы, подвальные помѣщенія, или комната для одного; собственной мебели нѣтъ; *занятіе*—постоянная работа, или же высокая заработная плата, но пропиваемая;

классъ В: классъ неквалифицированныхъ; *стандартъ*—25 шиллинговъ въ недѣлю; *жилище*—домикъ изъ четырехъ комнатъ; мебель простая, но достаточно; *занятіе*—малоквалифицированный трудъ; сюда же принадлежатъ: наиболѣе низкій типъ клерковъ, мелкихъ приказчиковъ и т. п.; *соціальныя привычки*—нѣсколько перемѣнъ платья; по вечерамъ одѣвается воротничекъ;

классъ С: классъ высококвалифицированныхъ; *стандартъ*—45 шиллинговъ въ недѣлю; жилище—домикъ изъ 5 комнатъ, имѣется особая комната для гостей (parlour); простая, но уютная мебель; *занятія*—очень разнообразны: обученные рабочіе, старшіе приказчики, мелкие чиновники, клерки, и т. д.; *соціальныя привычки*—сервированный столъ за обѣдомъ; замужнія и женатыя дѣти по воскресеньямъ дѣлаютъ родителямъ визиты; *ability*—техническая выучка; хорошая общая интеллигентность; иногда проявляется остроуміе; простой умъ, простая, не всегда послѣдовательная аргументація; серьезное отношеніе къ дѣловымъ ссбраніямъ;

классъ D: мелкие собственники магазиновъ, клерки; *стандартъ*—3 фунта стерлинговъ въ недѣлю; *жилище*—надъ магазиномъ или на сторонѣ, отъ 25 до 30 фунт. ст. въ годъ; *занятія*—весьма разнообразны: клерки, лавочники-собственники и торговцы, коммерческіе агенты, механики (engineers) и т. д., школьные учителя элементарныхъ школъ, нѣкоторые изъ священнослужителей (ministers); *соціальныя привычки:* собственная мебель въ домѣ; пріемъ визитеровъ; у нѣкоторыхъ—мальчикъ-лакей (a young servant); *ability*—разнообразны; или высокой степени техническая выучка; или небольшой капиталъ и управленіе предпріятіемъ (business); въ мелкихъ предметахъ проявляютъ остроуміе; читаютъ журналы; высказываютъ весьма поверхностныя мнѣнія по

всякому вопросу; *образование*—элементарная школа, въ некоторых случаях—техническое образование;

классъ E: классъ мелкихъ промышленниковъ; *стандардъ*—300 фунтовъ стерл. въ годъ; *жилище*—квартира въ 48 фунт. ст. въ годъ; *занятіе*—различные виды торгово-промышленныхъ предприятий (business); мелкие мануфактуристы-собственники, некоторые изъ либеральныхъ профессій; *соціальныя привычки*: визиты; карты; поздній обѣдъ (some dine late); *ability*—завѣдываніе и управленіе промышленно-торговымъ предприятиемъ; сознаніе собственного достоинства и увѣренность въ себя; умышленная утонченность манеръ; читаютъ; интересуются популярными научными дисциплинами и общественной жизнью; *образование*—классическая гимназія (grammar school);

классъ F: классъ лицъ свободныхъ (либеральныхъ) профессій и административныхъ высшихъ чиновниковъ. *Стандардъ*—600 фунт. ст. въ годъ; жилище 60—80 ф. ст.; *занятіе*—главное управленіе предприятиемъ, административные посты, люди свободныхъ профессій; *образование*—обычно университетъ;

классъ C: классъ богатыхъ; *стандардъ*—2000 фунт. ст. и выше; *занятіе*—хозяева фирмъ, фабрикъ; некоторые посты, оплачиваемые по пайму; *образование*—университетъ.

Три первыхъ группы (A, B, C) представляютъ собою, по мнѣнію *д'Эта*, развитіе стараго рабочаго класса и имѣютъ тенденцію концентрироваться вокругъ перваго изъ двухъ теоретическихъ стандардовъ (25 шилл. въ недѣлю); классъ A—отбросы націи; классъ C—солидный, независимый и цѣпный въ обществѣ классъ. Группы E, F и G тяготеютъ ко второму теоретическому стандарту.

Для цифрового выраженія своихъ классовъ *д'Этъ* пользуется данными для Соединеннаго Королевства, приведенными Чизой—Монн¹⁾, которыя сводятся къ слѣдующему: (1903—1904 гг.):

¹⁾ *Chioza-Monn*, Riches and Poverty, стр. 35 и 42.—Подробныя данныя Чиза-Монн см. въ книгѣ нашей „Заработная плата, какъ проблема распределенія“, СІБ стр. 397—403.

Лицъ съ доходомъ ниже 160 ф. ст. (съ семьями)	38,000,000
Лицъ съ доходомъ отъ 160 ф. ст. до 400	3 035.000
" " 400 " 500	265.000
" " 500 " 600	145.000
" " 600 " 700	65 000
" " выше " 700	1.250.000
Кромѣ того осталось въ группировкѣ . . .	240.000
Всего . . .	43.000.000

Д'Эмъ приводитъ также нѣкоторыя данныя, взятая изъ наблюдений надъ нѣсколькими отдѣльными семьями, въ теченіе двухъ—трехъ поколѣній, которыя обнаруживаютъ совершающійся въ современномъ обществѣ процессъ „просвѣщенія“, т. е. перехода лицъ, принадлежащихъ къ верхнимъ группамъ, въ низшія, по мѣрѣ разрастанія семьи, съ поколѣнія къ поколѣнію⁹⁾. Какъ на одну изъ особенностей новаго общества, *д'Эмъ* указываетъ также на вырастающія требованія къ экономической специализации труда и различныхъ занятій: лицо безъ экономической ability меньше и меньше, говоритъ *д'Эмъ*, находитъ себѣ мѣсто въ человеческомъ обществѣ.

Значительнымъ дополненіемъ къ анализу классовъ англійскаго современнаго общества, сдѣланному *д'Эмъ*, является упомянутое выше изслѣдованіе *Поля Декарта* „Іерархія классовъ въ Англіи“. *Декартъ* считаетъ правильной ту основу, на которой строятъ свой классовый анализъ, *д'Эмъ*, т. е. различія въ standard of life, уровни существованія, или извѣстной манеры жить. *Декартъ* находитъ, что вся классовая іерархія англійскаго общества покоится именно на различіяхъ уровней существованія и уклада жизни, выработаннаго каждымъ изъ общественныхъ классовъ. Въ Англіи, говоритъ *Декартъ*, всѣ сужденія о человѣкѣ, какъ сочленѣ общества, основаны ни на чемъ другомъ, какъ на его standard of life, и въ Англіи съ презрѣніемъ относятся къ человеку, который ведетъ жизнь ниже своего положенія, безразлично, кто бы онъ ни былъ, англичанинъ или иностранецъ. Тотъ же масштаб примѣняютъ англичане и въ отношеніи къ другимъ странамъ: себя они считаютъ идущими во главѣ человечества, такъ

⁹⁾ *D'Aeth*, *ibid.*, стр. 272 и далѣе.

какъ у нихъ *standard of life* болѣе высокій, чѣмъ на континентѣ; ниже всѣхъ на мировой социальной лѣстницѣ разсматривается желтая раса и негры, занимающіе въ нихъ глазахъ самую низшую ступень.

Декампъ соглашается съ *д'Этомъ*, что каждый социальный классъ англійскаго общества имѣетъ свои особыя привычки, особый образъ жизни, собственыя, отличныя отъ другихъ традиціи, особый *standard of life*. Но чѣмъ мѣрять этотъ *standard*? Какъ мы видѣли, *д'Эмъ* масштабомъ уровня жизни считаетъ *бюджетъ* средней семьи и по числу типичныхъ среднихъ бюджетовъ устанавливаетъ отъ число социальныхъ классовъ. Этотъ масштабъ *Декампъ* еще болѣе упрощаетъ, сводя его къ платѣ за квартиру, къ цѣнности „очага“. Онъ думаетъ, что въ Англіи *standard of life* опредѣляется платой за помѣщеніе, такъ какъ жилище здѣсь считается мѣрой респектабельности. Всѣ кварталы и улицы англійскихъ городовъ (типичнымъ является Лондонъ) разбиты на районы, соответственно степенямъ респектабельности. На каждой улицѣ всѣ дома приблизительно одинаковы, отвѣчая требованіямъ опредѣленнаго уровня: на такой-то улицѣ можно жить безъ прислуги; на такой-то съ одной прислугой; на такой-то съ двумя, но только съ жепатой парой и т. д. Указаніе на опредѣленную улицу, кварталъ, даже районъ и часть города содержитъ въ себѣ уже указаніе на степень респектабельности и, такимъ образомъ, на *standard* жизни. Даже желѣзнодорожныя станціи (наприм., въ Лондонѣ *Liverpoolstreet station*) должны были переноситься и приспособляться къ районнымъ рангамъ, такъ какъ ни одинъ элегантный англичанинъ не находитъ возможнымъ садиться въ поѣздъ и сходить на желѣзнодорожную станцію, примыкающей къ бѣднымъ кварталамъ¹⁾. Къ этимъ условіямъ жизни приспосаблиется рядъ другихъ условій и отношеній, въ связи съ опредѣленнымъ кварталомъ, улицей, помѣщеніемъ; такъ, плата за визитъ врата основана обычно на платѣ за помѣщеніе, совершенно такъ же, замѣчаетъ *Декампъ*, какъ налогъ на квартиру. Если англичанинъ хочетъ, чтобы его признали за своего и поддерживали съ нимъ знакомство и спонсенія его сосѣди; онъ обязанъ, живя на извѣстной

¹⁾ *Paul Descamps. La Hiérarchie des classes en Angleterre, стр. 6.*

улицъ, вести такую жизнь и вообще такой образъ жизни, какой установленъ въ данномъ райѣ, соответственно улицъ данного квартала или социальнаго класса.

Переходя къ даннымъ *Д'Эта*, *Декампъ* находитъ, что три низшихъ класса *Д'Эта* (классы А, В и С) представляютъ собою лишь подраздѣленія одного и того же *низшаго класса*, такъ какъ всѣ эти группы въ общемъ носятъ одиѣ и тѣ же черты, какъ въ смыслѣ средствъ существованія, такъ и образованія, и т. д. Выше этого класса у *Д'Эта*, какъ мы видѣли, расположены четыре класса высшихъ райовъ (D, E, F и G). *Декампъ* сводитъ подраздѣленія D, E и F въ одинъ средний классъ, а остающуюся послѣднюю группу, классъ G, считаетъ третьимъ *высшимъ классомъ*.

Декампъ находитъ, что принадлежность къ тому или иному классу общества опредѣляется не однимъ только „стандардомъ жизни“, но цѣлымъ рядомъ моментовъ: и образованіемъ, и характеромъ занятій, и капиталомъ, и проч.. Помимо *standard of life* и его ближайшаго измѣрителя (стоимости квартиры), *Декампъ* замѣчаетъ, въ качествѣ такого же надежнаго показателя принадлежности къ тому или иному классу, также и образованіе. Онъ склоняетъ даже къ тому, что въ англійскомъ обществѣ образованіе — это самый дѣйствительный критерій классовой принадлежности, и что если въ конкретной жизни не всегда приходится ограничиваться этимъ критеріемъ, то лишь потому, что самъ этотъ критерій — довольно неопредѣленъ, что онъ самъ по себѣ нѣчто очень сложное и что иногда бываетъ трудно измѣрить его.

Со всѣми этими дополненіями къ тому масштабу опредѣленія различныхъ классовъ въ англійскомъ обществѣ, какимъ пользовался *Д'Этъ*, *Декампъ* дѣлаетъ собственную попытку: характеристики англійскихъ классовъ, исходя въ общемъ все-же изъ *standard of life*. Онъ устанавливаетъ всего три основныхъ класса въ англійскомъ обществѣ, какъ мы уже объ этомъ говорили, — низшій, средний и высшій; притомъ, средний классъ разбивается у *Декампа* также на три класса (низшій, средний и высшій), въ результатъ чего мы получаемъ 5 классовъ: I. низшій классъ, II. низшій средний классъ, III. средний классъ, IV. высшій средний классъ и V. высшій классъ. Особенности каждаго изъ этихъ

классовъ у *Декарта* представлены съ большей полнотой и обстоятельностью, чѣмъ это мы видѣли у *д'Эта*, и изображаются въ слѣдующемъ видѣ⁸⁾:

І. Низшій классъ.

Это классъ наемнаго ручного труда; померѣнная плата за квартиру; бесплатная элементарная школа до 13-14 лѣтъ; къ 13 годамъ—моральная эмансипація; нерѣдки случаи переселеній, при помощи патронатовъ для эмиграціи; освобожденіе отъ подходящаго налога; классъ разбивается на три группы, или под-классы: 1) группа босаяковъ (*loafers*), къ которой принадлежатъ недисциплинированныя и порочныя; 2) неквалифицированныя или малоквалифицированныя рабочіе; 3) квалифицированныя рабочіе.

1., Недисциплинированныя первой группы по *Декарту*, это—члены общества, оказавшіеся неспособными приспособиться къ капиталистическому крупному машинному производству и къ крушій мастерской; они являются жертвой „*sweating system*“; здѣсь много восточныхъ евреевъ, дѣлающихъ ручнымъ способомъ платье (въ сѣверныхъ городахъ Англіи и въ Лондонскомъ „*Уайтчепелѣ*“); среди нихъ много также искусныхъ столяровъ. Среди этой категоріи лица встрѣчаются колонисты съ континента, переселившіеся въ эпохи голодѣй и релігіозныхъ притѣсненій; между ними—салошники, ткачи, часовыхъ дѣлъ мастера и проч.. Наконецъ, въ этой же категоріи—аборигены Англіи, кельты, съ постоянно мѣнявшимся настроеніемъ, съ духомъ кочевниковъ, всегда и всюду недовольные, по крайней мѣрѣ пока не посвящаютъ себя какому-нибудь дѣлу или занятію. Что же касается второй категоріи лицъ этой группы, т. е. категоріи порочныхъ, то, по характеристикѣ *Декарта*, это подопки аплійской расы; важнѣйшій порокъ здѣсь—пьянство, иногда же просто лѣнь; это—армія „безработныхъ“; но это все люди, еще не окончательно утратившіе черты англо-саксовъ; чувство ответственности среди нихъ не совсѣмъ еще исчезло; они сознаютъ свой порокъ, но не могутъ бороться съ нимъ; раздраженія противъ общества, противъ об-

⁸⁾ *P. Descamps, ibid., стр. 11—86.*

щественнаго порядка у нихъ нѣтъ; равнымъ образомъ, нѣтъ среди нихъ и чувства особенной зависти къ людямъ выше нихъ; такъ напр., одинъ французскій профессоръ провелъ среди подобнаго слоя лицъ ночь, въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Манчестера, и не встрѣтилъ ни одного косога взгляда.

Соціально-экономическія условія жизни этой группы („босняковъ“) таковы: нерегулярный трудъ; для Лондона, по *Бутсу*, здѣсь всѣ лица съ заработкомъ ниже 21 шиллинга въ недѣлю; ихъ *Бутсъ* насчитывалъ до 35% лондонскаго рабочаго населенія; для провинціи уровень заработка, разумѣется, много ниже 21 шилл. и можетъ быть опредѣленъ суммой, меньше 15 шил. въ недѣлю; ютятся въ грязныхъ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ, въ плохенькихъ домикахъ, гдѣ квартиры имѣютъ всего 1—2 комнаты,—цѣной отъ 200 до 260 фр. въ годъ въ сѣверныхъ городахъ, отъ 3—7 шилл. въ недѣлю въ Лондонѣ (т. е. отъ 200 до 450 фр. въ годъ) приблизительно; квартиры переполнены; большія семьи размѣщаются въ 1—2 комнатахъ; въ Лондонѣ такого населенія, которое живетъ въ перегруженныхъ помѣщеніяхъ, имѣется до 16% всего лондонскаго населенія; этотъ процентъ падаетъ въ крупныхъ фабричныхъ городахъ, кромѣ Лондона, до 10% и исчезаетъ въ маленькихъ южныхъ городахъ Англій; есть, однако, города, съ особенно неблагоприятными условіями въ данномъ отношеніи; таковы, наприм., Нортумберлендъ, гдѣ процентъ населенія, живущаго въ перегруженныхъ помѣщеніяхъ, достигаетъ до 30%, Ньюкастль и Зудерлендъ, Йаровъ и нѣк. другіе города, гдѣ этотъ процентъ выше 30%. Собственныхъ заработковъ въ семьяхъ этой категоріи низшаго класса, конечно, недостаточно для самаго скромнаго существованія, поэтому характерной чертой являются для нихъ—обращеніе къ частной или общественной благотворительности; формы послѣдней различны: суть для дѣтей въ школахъ, госпитали, богадѣльни, рабочіе дома.

2. Вторая пѣтвь низшаго класса—*рабочіе* въ собственномъ смыслѣ слова; это рабочіе неинвалидизированнаго или малейвалидизированнаго труда; трудъ здѣсь болѣе или менѣе постоянный; въ деревнѣ сюда принадлежатъ земледѣльческіе рабочіе, зарабатывающіе отъ 16 до 24 шилл. въ недѣлю; въ городахъ—не-

квалифицированные рабочие, зарабатывающие от 18 до 30 шилл. в недѣлю; въ Лондонѣ значительно выше: от 21 до 35 шиллинговъ въ недѣлю. Квартира здѣсь уже изъ 3 или 4 комнатъ; въ деревнѣ—маленькіе коттеджи, обычно представляемые собственникомъ фермы даромъ, стоимость ихъ 3-4 шилл. въ недѣлю; въ городахъ—особаго типа дома, иногда построенные во дворѣ, съ квартирами въ 3—4 комнаты, съ платой въ 3—5 шиллинговъ въ недѣлю; въ Лондонѣ рабочие живутъ въ половинкѣ небольшого дома, гдѣ занимаютъ помѣщеніе изъ 2—3 комнатъ, съ платой около 4—6 шилл. въ недѣлю. Перепруженности помѣщеній здѣсь уже нѣтъ, но изолированной спальни еще не имѣется, и рабочая семья, при взрослыхъ дѣтяхъ, еще не въ силахъ избавиться отъ неудобствъ и тѣсноты. Съ большимъ трудомъ здѣсь рабочая семья сводитъ концы съ концами, не обращаясь обычно за помощью къ благотворительнымъ учрежденіямъ и обществамъ, но и не дѣлая сбереженій. Тяжелѣе такимъ рабочимъ въ большихъ городахъ, напр., въ Лондонѣ. Здѣсь рабочий, по наблюденію *Декама*, не можетъ экономить, да къ тому же здѣсь больше и соблазна для лишннихъ тратъ; домашній очагъ, поэтому, въ такихъ городахъ обставленъ хуже, чѣмъ въ деревнѣ или чѣмъ въ небольшихъ городахъ; женщина здѣсь часто бываетъ принуждена, поэтому, также искать работу; въ Лондонѣ такія рабочія семьи составляютъ особые клубы для покупки поочередн обуви (взносъ 1 шилл. въ недѣлю) и гусей или индюшекъ къ Рождеству. Въ квартирахъ имѣется мебель, обычно диванъ не первой молодости, бездѣлушки, фотографіи, но въ общемъ на всемъ лежитъ печать недостатка и нужды.

3) Третья вѣтъ или составная часть низшаго класса обнимаетъ квалифицированныхъ рабочихъ, съ болѣе высокой заработной платой. Въ промышленныхъ городахъ заработная плата въ этой группѣ достигаетъ 30—45 шилл. въ недѣлю. Въ Лондонѣ, а также въ Ланкаширѣ у бумагопрядильщиковъ она нѣсколько выше, составляя 35—50 шилл. въ недѣлю. Квартиры въ этой группѣ изъ 4—5 комнатъ, съ платой въ 5—6—7 шилл. въ недѣлю, для промышленныхъ городовъ вообще. Въ Лондонѣ квартиры квалифицированныхъ рабочихъ обычно въ 3 комнаты, за 6—9 шилл. въ

недѣлю. Въ этой группѣ уже нѣтъ перегруженности помѣщеній и тѣхъ неудобствъ отъ тѣсноты, о которыхъ была рѣчь въ предыдущемъ случаѣ; но это лишь за исключеніемъ Лондона, гдѣ жизнь слишкомъ тяжела, чтобы рабочій могъ позволить себѣ такую „роскошь“ въ помѣщеніи, какъ изолированныя спальни. Въ этой группѣ низшаго класса, однако, имѣютъ мѣсто уже и сбереженія; семья здѣсь регулярно откладываетъ изъ заработка, на черный день: на случай безработицы, болѣзни, преждевременной старости и пр.; въ Лондонѣ, впрочемъ, такія привычки распространены мало (вѣроятно, просто потому, что нечего сберегать). Здѣсь квартира уже лучше обставлена; мебелировка производитъ впечатлѣніе достатка; имѣется не только диванъ, но и кресла, библиотечный шкапъ (съ книгами въ хорошихъ переплетахъ), даже пианино (послѣднее еще не означаетъ, что въ семьѣ кто-либо играетъ; но такова ужъ традиція; не имѣть пианино въ этой группѣ неудобно). Таковы низшая, средняя и высшая группы въ низшемъ классѣ населенія въ англійскомъ обществѣ.

II. Средній классъ.

II. Низшій средній классъ.

Характерной чертой низшей группы среднего класса, или низшаго среднего класса, какъ эту группу называютъ *Декаментъ*, является наличность небольшого капитала въ собственномъ распоряженіи лица данного класса; сюда принадлежатъ: мелкій „хозяйчикъ“, самостоятельно работающій съ небольшимъ капиталомъ, или лица, обладающіе нѣкоторыми спеціальными познаніями (служащіе, учителя, пасторы иновѣрческихъ церквей). Образование здѣсь—недорогое училище для прихожанскихъ (secondary school или небольшая частная школа); продолжается это образованіе до 14-ти или 15-лѣтняго возраста; затѣмъ до 18—19 лѣтъ идетъ практическое обученіе, иногда въ связи съ теоретическимъ обученіемъ въ технической школѣ или въ training college. Самостоятельная жизнь и независимость здѣсь начинается уже съ возраста въ 18—19 лѣтъ; эмиграція, особенно среди мужской молодежи, здѣсь также практикуется; въ семьяхъ этой категоріи

уже не обходятся безъ прислуги: если нѣтъ взрослой дочери, берутъ прислугу подростка; читають кромѣ газетъ уже журналы (magazines); въ нѣкоторыхъ узко спеціальнаго характера вопросахъ проявляется интеллигентность, во всѣхъ другихъ предметахъ—поверхностныя сужденія обо всемъ; годовой доходъ отъ 120 до 320 фунт. ст.; квартиры—отъ 24 до 32 фунт. ст. въ годъ; иногда квартира составляетъ перерывное цѣлое съ помѣщеніемъ для мастерской. Къ принадлежащимъ къ этому классу категоріямъ лицъ съ небольшимъ собственнымъ капиталомъ относятся слѣдующія: 1) категорія мелкихъ фермеровъ, лично работающихъ; это обладатели, по даннымъ Олорзъ, обыкновенно 50 гектаровъ арендуемой земли; доходъ около 160 ф. ст. въ годъ; по даннымъ *Декама*, количество арендуемой земли здѣсь отъ 10 до 60 гектаровъ, а доходъ годовой—отъ 200 ф. ст. до 1200 ф. ст.; 2) категорія мелкихъ „хозяишчиковъ“ промышленнаго типа, работающихъ въ собственной мастерской; доходъ ихъ—отъ 200 ф. ст. до 600 ф. ст. въ годъ; мастерская находится здѣсь позади жилища; 3) категорія мелкихъ хозяевъ—лавочниковъ; обычно занимаетъ домъ, гдѣ нижній этажъ служитъ лавочкой, а остальные этажи жилищемъ; сынъ рѣдко послѣдуетъ послѣ отца въ его мелкой торговлѣ, такъ какъ слишкомъ долго здѣсь ждать, что бы составить себѣ положеніе; подлѣ старость, отецъ ликвидируетъ дѣло, перепродаетъ его и самъ живетъ на ренту; эти лавочки обыкновенно обнаруживаютъ большую устойчивость въ своемъ существованіи; къ кому бы лавочка не перешла, къ своему или чужому, тотъ продолжаетъ дѣло въ старомъ духѣ, приспособляясь къ создавшимся до него условіямъ; такую устойчивость существованія этихъ лавочекъ поддерживаетъ развитый въ англійской жизни традиціонализмъ; въ силу этого же традиціонализма, мелкая лавочная торговля рѣдко ведется здѣсь женщинами: въ лавочкѣ обычно сидитъ мужъ, жена же ведетъ хозяйство.

Помимо лицъ съ собственнымъ небольшимъ капиталомъ, къ нижней группѣ средняго класса принадлежатъ также категоріи лицъ безъ капитала, но обладающихъ нѣкоторыми спеціальными знаніями, приобрести которыя, однако, не такъ трудно; въ силу послѣдняго обстоятельства оплачиваются эти категоріи лицъ по-

высоко; сюда, главнымъ образомъ, принадлежатъ служащіе клерки; лишь болѣе одаренные изъ нихъ добиваются мѣстъ бухгалтеровъ, коммивояжеровъ и проч.; среди послѣднихъ много ибмцевъ, прѣбывающихъ на время, ради изученія языка; клерки начинаютъ съ 8—12 шилл. въ недѣлю, затѣмъ доходять до 10—15 шилл. (младшіе клерки) и, наконецъ, старшіе клерки, получающіе уже жалованье не пошедѣльно, а помѣсячно; оно достигаетъ здѣсь 50—60 фунтовъ ст. въ годъ; сначала платятъ регулярно родителямъ за пансіонъ; къ 23 годамъ клеркъ зарабатываетъ уже и до 80 ф. ст.; затѣмъ идутъ градаціи въ 125 ф. ст., 130 ф. ст. въ годъ и выше; женится поздно, откладывая женитьбу, пока немножко удастся сэкономить; коммивояжеры въ Англіи не похожи на вояжеровъ континента: это не прыткіе, на лету схватывающіе, съ полу-слова понимающіе, проворные „комми“ континента; средній годовоі зароботокъ пожилого англійскаго комми ок. 180 ф. ст.; холостые обычно живутъ въ boarding house (пансіонахъ). Принадлежащіе къ этому же классу учителя складываются изъ двухъ группъ: учителей элементарныхъ школъ и секундарныхъ; послѣдніе получаютъ отъ 100 ф. ст. до 170 ф. ст. и выше, въ годъ⁹).

По отношенію къ описываемому классу можно уже говорить о развлеченіяхъ, которыя вообще въ англійской жизни складываются своеобразно; англичанинъ не будетъ проводить свое свободное время ни въ кафѣ, ни на улицѣ; его досугъ проходить или на площадкахъ для игръ, или въ клубахъ; членомъ клуба (для описываемаго класса) можно уже быть съ 13 лѣтъ, при чемъ до 21 года членскій взносъ въ мѣсяцъ 3 шиллинга, съ 21-лѣтняго возраста—10 шиллинговъ въ мѣсяцъ; каждый членъ можетъ привести гостей; дамы также принимаются въ число членовъ; клубъ имѣетъ читальню, гостинную, чайную, ванную, комнату для гимнастическихъ упражненій, и открытъ съ 10 час. утра и до 10½ час. веч.;

⁹ Вотъ бюджетъ одного такого учителя секундарной школы; началъ онъ съ 100 ф. ст. въ годъ; черезъ 18 лѣтъ службы онъ получаетъ уже 172 ф. ст. и обязанъ семьей; при 100 ф. ст. дохода его бюджетъ состоитъ изъ слѣдующихъ статей: квартира (съ налогами) 20% дохода; столъ, отопленіе и освѣщеніе—40%; одежда—6,4%; религія—ок. 5%; вакаціи—4%; страхованіе и лѣченіе—9,4%; мебель—0,4%; сбереженія—4,4%; на остальные расходы—11,3% и; при 172 ф. ст., черезъ 18 лѣтъ, бюджетъ измѣнился такъ: квартира—13,4%; столъ, отопленіе и освѣщеніе—29,4%; одежда—10,4%; религія—12,4%; вакаціи—6,4%; страхованіе и лѣченіе—15,4%; мебель—ок. 4,4%; сбереженія—3,4%; остальные расходы—4,4% (*Drustamps, ibid.*, стр. 35).

такіе клубы для англичанина—то же, что для француза его кафе или для пѣмца—биргалька¹⁰).

III. „Средній классъ“. Вторая группа средняго класса у *Деканта* составляетъ третій „средній“ классъ. Соціальная характеристика этого класса такова: лица этого класса обладаютъ или уже болѣе или менѣе солиднымъ капиталомъ, при чемъ сами физически не работаютъ; или же широкими спеціальными познаніями, въ родѣ познаній инженера, адвоката или повѣреннаго въ дѣлахъ (solicitor); образованіе—спачала частная школа, потомъ гимназія до 15—16 лѣтъ; затѣмъ идетъ спеціальная выучка въ бюро до 20—21 года; съ этого времени начинается самостоятельность; иммиграція также встрѣчается, какъ и въ предыдущемъ классѣ; доходъ колеблется между 300 ф. ст. и 600 ф. ст., а нерѣдко и выше; квартира—ок. 48 ф. ст.; имѣется одна—двѣ прислуги и лия къ дѣтямъ; принимаются гости; визитеры; у нѣкоторыхъ привычка обѣдать по вечерамъ въ туалетахъ; манеры дѣлаются утонченными; серьезность и спокойствіе въ характерѣ; много читаютъ, интересъ къ научнымъ вопросамъ и къ вопросамъ общественной жизни; всѣ качества англо-саксонской расы здѣсь находятъ свое наибольшее выраженіе.

Среди категорій этого класса прежде всего—крупные фермеры; большое вниманіе на комфортабельность квартирнаго помѣщенія; капиталъ въ нѣсколько тысячъ фунт. ст.; срокъ аренды непродолжительный. За крупными фермерами идутъ въ этомъ классѣ промышленники и коммерсанты; въ дѣлѣ нерѣдко они не одиночкой, а вдвоемъ, на равныхъ палкѣ; иногда они участники крупнаго анонимнаго акціонернаго общества, гдѣ требуются очень

¹⁰ Въ связи съ характеристикой низшей группы средняго класса, или II-го класса, *Декантъ* описываетъ также положеніе женской прислуги, которая обычно начинаетъ свою карьеру въ семьяхъ этого класса, въ качествѣ подростка-прислуги, т. е. съ 14—15 лѣтъ. Пройдя здѣсь, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, своего рода школу, прислуга-дѣвушка влетѣ въ услуженіе въ семью высшаго соціального класса; болѣею частью это все незамужнія дѣвушки; такихъ дѣвушекъ, не выходящихъ замужъ, въ Англіи очень значительное число, особенно среди прислуги, благодаря иммиграціи мужского молодого населенія и позднему браку; къ тому же, дѣвушка, прожившая въ качествѣ прислуги въ богатыхъ семьяхъ, уже не хочетъ выходить за рабочаго, ловя себѣ мужа изъ низшаго средняго класса, что по только что указаннымъ причинамъ удается очень рѣдко; женская прислуга этого типа обычно имѣетъ свободный день въ воскресенье послѣ (ранняго) обѣда и одинъ вечеръ на недѣлѣ; полъ старости, или сбереженій, нанимаютъ помѣщеніе и содержатъ boarding house; въ счастливыхъ случаяхъ, благодаря сбереженіямъ, выходятъ замужъ; отличаются добросовѣстностью, живутъ подолгу на одной мѣстѣ (40).

крупные капиталы, непосильные для одного лица; сыновья проходят гимназию, потом обучаются за границей; по возвращении дѣлаются участниками въ предпріятіи отца, чтобы потомъ продолжать дѣло послѣ отца; нѣкоторые изъ нихъ уходятъ въ либеральныя профессіи, дѣлая себѣ тамъ карьеру; вести большое торговое или промышленное предпріятіе здѣсь много легче, чѣмъ на континентѣ: чувство ответственности у служащаго персонала; легкость и традиціонность сношеній съ кліентами, ихъ постоянство и устойчивость (въ силу того же англійскаго традиціонализма); отсутствіе формальностей: перѣдко крупные контракты совершаются безъ всякихъ расписокъ; лояльность въ исполненіи договоровъ и обязательствъ; особенность англійскихъ бюро—такая же молчаливость, какъ и дома; въ бюро простой костюмъ, простая обстановка, дома же шикарный костюмъ и полная, насколько возможно, респектабельность; о дѣлахъ дома не говорится; жена и семья не должны быть посвящены въ затрудненія и заботы фирмы мужа; домъ—священный очагъ, а не продолженіе жизни и интересовъ дѣлового „Сити“.

Помимо фермеровъ, промышленниковъ и крупныхъ коммерсантовъ въ „среднемъ классѣ“ мы находимъ также лицъ, живущихъ не капиталомъ, а „спеціальностью“, требующей извѣстнаго умственнаго развитія и школы. На первомъ мѣстѣ стоятъ здѣсь инженеры; предварительнo, выходя изъ гимназій, они поступаютъ, въ 16 лѣтъ, на заводъ, на обученіе, за которое уплачивается 200 ф. ст. въ годъ; обученіе продолжается 4—6 лѣтъ; въ 20—22 года молодой инженеръ уже зарабатываетъ самостоятельно; (прохожденія высшей спеціальнo-технической школы здѣсь не требуется); общіхъ теоретическихъ знаній не много у такого инженера, но практикѣ онъ великолѣпный; въ 25—27 л. женится. Далѣе, къ этой же группѣ принадлежитъ solicitor, повѣренный по дѣламъ; требуется для этого стажъ, въ теченіе 5 лѣтъ, у опытнаго solicitor'a; стажъ обходится въ 1080 ф. ст. за выучку; затѣмъ юный повѣренный открываетъ бюро, иногда вмѣстѣ съ товарищами различныхъ спеціальностей; дѣлы больше всего по завѣщаніямъ, хотя англичане въ этомъ отношеніи и отличаются большой осторожностью; завѣщаніе составляется англійчаниномъ много разъ:

впервые—въ 20 лѣтъ, затѣмъ въ моментъ женитьбы и далѣе при каждой болѣе или менѣе существенной перемѣнѣ въ жизни; характеръ завѣщанія также традиционенъ: домъ, портреты и фамилыя вещицы—старшему, остальное—поровну.

Дѣвушки средняго класса обучаются въ High School (типъ средняго учебнаго заведенія), затѣмъ помогаютъ матери въ хозяйствахъ; (до конца школы обычно проходитесь рѣдко); дѣвушки дома пользуются полпой свободой, уходятъ одиѣ, но отдѣльнаго ключа не имѣютъ; приданаго не полагается, за исключеніемъ бѣлья и подарка на свадебное путешествіе. Сынъ съ 20—22 лѣтъ, оставаясь въ семьѣ, платитъ 30 шилл. въ недѣлю.

IV. *Высшій средній классъ.* Съ этого класса идутъ „джентльмены“, составляющіе своеобразную особенность англійскаго общества; средства существованія и виды источниковъ ихъ здѣсь тѣ же, что и въ „среднемъ“ классѣ, но доходы и оплата занятій нѣсколько выше и, кромѣ того, занятія эти короче и оставляютъ больше свободнаго времени, чѣмъ въ „среднемъ“ классѣ; образованіе здѣсь выше, кончаясь въ Кембриджскомъ или Оксфордскомъ университетѣ; практическое обученіе начинается позднѣе (отъ 22 до 26 лѣтъ) и самостоятельное существованіе начинается съ 26, 27 лѣтъ; годовой доходъ здѣсь—800—1200 фунт. ст.; квартира въ 80—160 ф. ст. (безъ налоговъ); поздніе обѣды, обязательно туалеты; частые прѣемы; нѣсколько женской прислуги, нѣсколько лакей; ведутъ не только одну свѣтскую жизнь, но и занимаются общественными дѣлами, поддерживая различныя общественныя начинанія. Въ общемъ, здѣсь тѣ же фермеры, промышленники, но только это уже *джентльмены-фермеры, джентльмены-коммерсанты* и т. д. Сюда же принадлежатъ репты, крупные собственники. Въ торговлѣ и промышленности—здѣсь мы встрѣчаемъ старинныя, прочныя фирмы, съ доходомъ въ 1000—1200 ф. ст. въ годъ; день такого дѣлового джентльмена начинается въ 8—9 часовъ утра, въ 10 часовъ завтракъ, отъ 11 час.—въ бюро; въ 1½ час.—второй завтракъ (ленчъ) въ фешенебельномъ ресторанѣ; отъ 4 до 5 час. снова въ бюро, затѣмъ—дома; до обѣда—7 час.—время на любимое дѣло; у каждаго есть свой „конекъ“ (hobby): разведеніе орхидей, собираніе коллекцій различнаго ро-

да и пр.; въ 11 час. спать; послѣ объѣда до 11 ч.—вечеръ посвященъ свѣтской жизни. Къ такому же типу жизни принадлежатъ банкиры и крупныя земельныя собственники, хотя послѣдніе уже приближаются къ „высшему“ классу и крупной аристократіи (рента въ 1600 ф. ст., стоимость собственнаго участка 60.000 ф. ст.); чѣмъ стариннѣе ихъ родъ, тѣмъ знатнѣе; новички стараются во всемъ слѣдовать за ними, подражая ихъ манерамъ жизни и призывая за ними превосходство; люди этихъ категорій уже не работаютъ; осень проводится въ деревнѣ и посвящается охотѣ; любимая охота—на лисичъ, въ которой принимаютъ участіе все социальные классы, по каждый по своему, по особому; май—въ Лондонѣ; это—сезонъ театровъ и проч. развлеченій большого рода; лѣто—на морѣ.

Принадлежащія къ этому классу лица либеральныхъ профессій—все съ университетскимъ образованіемъ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ *профессора*; затѣмъ—корпорация адвокатовъ, замкнутая; знакомства поддерживаются традиціонными обѣдами; обученіе непродолжительное (3 года), стажъ—1 годъ, предварительно—сдача окончательнаго экзамена; за годъ практики у адвоката—100 ф. ст.; далѣе слѣдуютъ въ этомъ же классѣ священники англиканской церкви; английская церковь тоже носитъ въ себѣ черты **классовой организаціи** общества; она дѣлится на *Low Church* (для мелкой буржуазіи), *High Church* (аристократическая, близкая къ католической) и *Broad Church* (для интеллигенціи, болѣе свободная и болѣе терпимая); доходы священниковъ—отъ приходской общины и отъ приходскихъ земель, иногда очень доходныхъ; отъ казны жалованья нѣтъ.

Таковы три среднихъ класса.

III. Высшій классъ.

V. *Высшій классъ*—это тотъ большой „свѣтъ“, о пріемахъ, выѣздахъ, свадьбахъ котораго пишутъ услужливыя газеты. Здѣсь мы находимъ, прѣжде всего, остатки стариннаго родовитаго английскаго дворянства. Въ настоящее время этотъ классъ, однако, пополняется болѣею частью денежною аристократіею, разбогатѣв-

ию въ различныхъ коммерческихъ, торговыхъ, кредитныхъ и проч. предприятияхъ. Среди лицъ этихъ — много евреевъ, немцевъ, американцевъ. Въ Англии, какъ извѣстно, большая часть экспорта и импорта находится въ рукахъ тѣмныхъ бароновъ.

Среди дворянской родовой англійской аристократіи замѣчается тенденція къ отмиранию; поддерживается майоратствомъ; жилища здѣсь старинный замокъ, съ многочисленной прислугой, съ огромнымъ паркомъ; зима проводится въ Египтъ, май въ Лондонѣ; развита благотворительность, на которую идутъ значительныя суммы; въ рѣдкихъ случаяхъ содержится образцовая ферма.—

Такова характеристика социальныхъ классовъ, которые находятъ Декартъ въ современномъ англійскомъ обществѣ, следуя главнымъ образомъ за *Д'Этомъ*. Она очень удачно очерчиваетъ общую картину вѣншей стороны классовой іерархіи въ англійскомъ обществѣ, но тѣмъ не менѣе та основа, на которой построено классовое расчлененіе, теоретически не можетъ быть приемлема по многимъ основаніямъ: 1) *Д'Эмъ* и *Декартъ* пытаются свести классовую іерархію къ standard of life, въ каждомъ классѣ общества обособленному. Но, въ дѣйствительности, они характеризуютъ классовый слой общества далеко не однимъ только standard of life, но и социальными привычками, и образованіемъ, и условіями квартирной обстановки, и профессіей, и культурными запросами каждого класса и пр.;—словомъ, опредѣляющимъ является не только standard of life, а весь укладъ жизни, социальный уровень, или социальный рангъ. Въ такомъ случаѣ, основа *Д'Эта-Декарта* будетъ носить въ себѣ всѣ тѣ слабости въ методологическомъ отношеніи стороны, какими характеризуется вообще понятіе „социальнаго ранга“; 2) остается совершенно необоснованнымъ у *Декарта*, почему три группы среднихъ классовъ являются у него обособленными классами, въ то время какъ три группы перваго „низшаго“ класса такъ и остаются подраздѣленіями одного и того же класса; казалось бы, что между коммерсантомъ просто и коммерсантомъ-джентльменомъ различіе ужъ не такъ существенно, чтобы послѣдній явился представителемъ отдѣльнаго социального класса, отличнаго отъ того, къ какому принадлежитъ

первый; прочность и продолжительность фирмы и болѣе уточненныя манеры еще недостаточны сами по себѣ, чтобы образовать новый классъ общества; гораздо дальше въ социальномъ отношеніи другъ отъ друга категоріи высоко-квалифицированныхъ рабочихъ и спившіеся ремесленники, живущіи на благотворительность, или отвыкшіе отъ регулярной работы безнадежный „боссякъ“; между тѣмъ, та и другая категоріи отнесены въ одинъ и тотъ же классъ; 3) классификація общества по градаціямъ, по рангамъ (низшій, высшій, средній, или средній между высшимъ и низшимъ) есть классификація количественная, классификація по степенямъ, но не по существу, не по качеству; 4) классовая іерархія по рангамъ ничего не говоритъ о внутреннихъ причинахъ и отношеніяхъ, вызвавшихъ ту, а не иную іерархію; 5) классификація общества на основѣ *д'Эта-Декарта* даетъ богатое и правильное „описаніе“ классовъ, но не вскрываетъ внутреннюю сущность классового расчлененія общества; она описываетъ, но не *объясняетъ*.

На попыткахъ *д'Эта* и *Декарта*, стремящихся построить социальную классификацію современнаго англійскаго общества на основѣ *standard of life*, мы можемъ убѣдиться, какъ далеки эти попытки отъ теоретической конструкціи сложной проблемы социальныхъ классовъ. Едва ли можно сомнѣваться, однако, что всякой сколько-нибудь серьезной попыткѣ построенія теоріи социальныхъ классовъ на основѣ различій въ уровнѣ жизни грозила бы такая же участь научной неудачи, какаю постигла теорію социального ранга. Всякая теорія социальныхъ классовъ прежде всего должна быть абстрактна; она должна отвѣститься отъ всей пестроты конкретныхъ отношеній и особенностей реальной дѣятельности; она должна имѣть дѣло главнымъ образомъ съ социальными процессами, лежащими глубоко внутри общественнаго механизма, и считаться лишь съ основными внутренними пружинами социальной жизни, которыя приводятъ общество къ классовымъ образованіямъ, рождаютъ классовую структуру. Теорія же *standard of life* въ своемъ ученіи объ общественныхъ классахъ только и можетъ имѣть дѣло съ внѣшней стороною сложныхъ общественныхъ отно-

шений, съ конкретными проявленіями послѣднихъ; глубже поверхности социальной жизни и ея нестроты она не идетъ, и поэтому ей никогда не постигнуть дѣйствительныхъ отношеній и основъ классового расчлененія.

7.

Ученія объ общественныхъ классахъ на основѣ богатства.

Всѣ разсмотрѣнныя до сихъ поръ теоріи общественныхъ классовъ пеходятъ, какъ мы видѣли, изъ основы не-экономическаго или не чисто экономическаго характера. Всѣ онѣ строятъ ученія о классахъ или на біологической основѣ, или этнической и антропологической, или технической, психологической и т. д. Ближе къ экономической основѣ подходятъ *Зомбартъ-Ганзенъ*, а также *Д'Эть* и *Декартъ*. Но послѣдніе, во-первыхъ, ограничиваются только описательной стороной вопроса, во вторыхъ, какъ мы видѣли, разумѣютъ подъ „уровнемъ жизни“ далеко не одни только экономическія условія жизни, не одинъ лишь расходный частно-хозяйственный бюджетъ, типичный для различныхъ группъ населенія. Что же касается *Зомбарта-Ганзена*, то и у нихъ основой социальныхъ классовъ является не хозяйственная система сама по себѣ, а лишь „воплощеніе“ идеи этой системы и „ясли-тельство“ ея тѣмъ или другимъ слоемъ населенія.

Если, поэтому, всѣ разсмотрѣнныя ученія объ общественныхъ классахъ въ теоретическомъ отношеніи были далеко не удовлетворительны, въ смыслѣ научнаго разрѣшенія проблемы классового расчлененія, то причины этого лежали, въ значительной степени, въ ихъ не-экономической основѣ, изъ которой эти ученія исходили въ своемъ объясненіи чисто экономическихъ категорій, какими являются категоріи классовъ.

Много научнѣе и ближе къ дѣйствительности ученія и теоріи общественныхъ классовъ, опирающіяся на экономическую основу. Къ такимъ ученіямъ мы относимъ: 1) ученія объ общественныхъ классахъ на основѣ богатства (потребительно-мѣщанская основа), 2) ученія на основѣ распределительныхъ отношеній и 3) ученія

объ общественных классахъ на основѣ производственныхъ отношеній. Начнемъ съ первыхъ.

Теорія общественныхъ классовъ на основѣ богатства едва ли не самая распространенная. Среди представителей этой теоріи мы находимъ *Лоренца Штейна*, *Шеффле*, *Бюжера*, *Овербергера*, *Визе*, *Гобло*, *Или*, *Смолла* и мног. друг.

Лоренцъ Штейнъ былъ однимъ изъ первыхъ, кто пытался составить изслѣдованіе проблемы общественныхъ классовъ на пути самостоятельнаго изслѣдованія. *Лоренцъ Штейнъ* развиваетъ свое ученіе объ общественныхъ классахъ, главнымъ образомъ, въ своей „System der Staatswissenschaft“ (II-ой томъ, 1850 г.), идѣ въ ученіи объ обществѣ вся первая часть посвящена изслѣдованію о „Понятіи общества и ученіи объ общественныхъ классахъ“¹⁾. Но идею классовъ *Лоренцъ Штейнъ* впервые затрогиваетъ еще въ 1842 году въ своей первой большой работѣ „Der Sozialismus und Communismus des heutigen Frankreichs“²⁾. Въ этой послѣдней работѣ *Лоренцъ Штейнъ* высказываетъ уже рядъ тѣхъ главнѣйшихъ идей, которыя онъ развивалъ въ дальнѣйшіе годы.

Въ „Der Sozialismus und Communismus“ *Лоренцъ Штейнъ* находителъ „подъ вліяніемъ французскихъ социалистовъ, въ особенности же подъ вліяніемъ *Рейбо*, *Консидерана*, *Люи-Блана* и *Каба*, съ которыми онъ былъ близко знакомъ, во время своего пребыванія во Франціи“³⁾. Характеризуя условія, при которыхъ развивался во Франціи социализмъ начала 19-го вѣка, *Лоренцъ Штейнъ* останавливается на описаніи особенностей двухъ различныхъ историческихъ эпохъ социальной жизни Франціи: эпохи дореволюционной Франціи и по-революционной эпохи. Характеристика послѣдней и приводитъ его къ идеѣ общественныхъ классовъ. Если, говоритъ *Л. Штейнъ*, въ концѣ прошлаго столѣтія противъ государства выступало сословіе, то теперь выступаетъ классъ.

¹⁾ L. Stein. System der Staatswissenschaft. Erster Band. Stuttgart u. Tübingen 1852; Zweiter Band. (Die Gesellschaftslehre. Erste Abtheilung. Der Begriff der Gesellschafts und die Lehre von den Gesellschaftsklassen). Stuttgart und Augsburg. 1850.

²⁾ L. Stein. Der Sozialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Leipzig 1842.

³⁾ L. Stein. Der Sozialismus und Communismus. Vorrede, стр. X.

въ своемъ стремленіи измѣнить *общество*; и если прежде революція была политической, то теперь время чисто политическаго движенія уже прошло и ближайшая революція можетъ быть уже только социальною).

Противопоставляя классы новаго общества сословіямъ стараго общества, *Л. Штейнъ*, такимъ образомъ, противопоставляетъ государство обществу. Эта идея противопоставленія государства и общества составляетъ предметъ особеннаго вниманія *Л. Штейна*; онъ возвращается къ этому вопросу и въ „Исторіи социальнаго движенія во Франціи“, и въ „Системѣ государственной науки“, гдѣ эта идея находитъ свое наибольшее развитіе.

Въ до-революціонной Франціи *Л. Штейнъ* находитъ три сословія: дворянство, духовенство и третье сословіе. Лишь французская революція, говоритъ *Л. Штейнъ*, привела Францію къ новому обществу, въ которомъ на мѣсто сословія выступало новое дѣленіе; вся масса народа раздѣляется теперь на владѣющихъ и невладеющихъ, или на такихъ, которые съ своей рабочей силой соединяютъ капиталъ, и такихъ, которые ничѣмъ не владеютъ, кромѣ своей рабочей силы; первые—это буржуазія, вторые пролетаріатъ. Пролетаріатъ, по опредѣленію *Л. Штейна*,—это классъ тѣхъ, кто не владеетъ ни образованіемъ, ни собственностью, въ качествѣ базы своего положенія и значенія въ общественной жизни, но кто, однако, считаетъ за собой право не оставаться совершенно безъ такого количества благъ, которое обезпечивало бы личности ея цѣнность. Этотъ пролетаріатъ новаго времени *Л. Штейнъ* считаетъ существовавшимъ отличнымъ отъ пролетаріевъ древняго Рима: плебен, говоритъ онъ, жили только на счетъ государства; не такими современные пролетаріи, которые выявились впервые во Франціи лишь во время великой революціи, а сложились въ классъ лишь послѣ июльской революціи.

Вмѣстѣ съ этимъ, *Л. Штейнъ* пытается дать и характеристику двухъ основныхъ социальныхъ классовъ новаго французскаго общества послѣ революціи. Эта характеристика не отличается, правда, опредѣленностью и ясностью. Послѣдней мѣшаетъ *Л. Штейну* форма той старо-гегелевской метафизики, съ ея „проти-

¹ *L. Stein, ibid., стр. III.*

ворѣчіями“ въ развитіи явленій жизни, подѣ сильнымъ вліяніемъ которой находились мысль и мажера изложенія у Л. Штейна. Въ этой характеристикѣ, однако, ясно просвѣчиваетъ основа, на которой возникаютъ и развиваются, по его мнѣнію, общественные классы. Эта основа—фактъ *владѣнія*. „Всякое равенство, говоритъ Л. Штейнъ, къ которому стремится трудъ, въ собственности (владѣніи) встрѣчаетъ вѣчнаго врага, благодаря чему стремленія труда дѣляются напрасными и въ обществѣ укрѣпляется неравенство, покоящееся непосредственно на владѣніи... Идея владѣнія такова по своему значенію, что она съ одной стороны способствуетъ образованію классовъ и дальнѣйшему разграбченію между ними, съ другой стороны—вызываетъ глубокую противоположность между буржуазіей и народомъ“¹⁾.

Какъ мы видимъ, Л. Штейнъ, говоря о владѣніи, какъ основѣ классоваго образованія и расчлененія, въ идеѣ владѣнія видитъ и основу противоположности между классами, которая приводитъ его въ дальнѣйшемъ къ признанію идеи неизбежной борьбы классовъ. Эта идея классовой борьбы довольно опредѣленно выступаетъ у Л. Штейна уже въ первомъ изданіи его „Der Sozialismus und Communismus“. Послѣ революціи, говоритъ Л. Штейнъ, тотчасъ же стала проявляться борьба принциповъ, сводившаяся къ противоположности матеріальнаго индивидуализма и коммунизма; эта противоположность привела къ расчлененію общества на владѣющихъ и невладеющихъ, буржуазію и пролетаріатъ; въ этихъ двухъ классахъ вообще скрытъ принципъ противоположности; начинавшееся сильное и глубокое расчлененіе между ними продолжаетъ медленно развиваться, входитъ въ силу по мѣрѣ развитія матеріальной жизни; оно то затихаетъ, встрѣчая на своемъ пути препятствія, то, напротивъ, находятъ себѣ болѣе благоприятныя условія и дѣлается болѣе рѣшительнымъ и болѣе обостреннымъ, наполняясь матеріально выростающимъ и входящимъ въ сознаніе противорѣчіемъ“²⁾.

Въ новомъ изданіи своего „Соціализма и Коммунизма“, появившемся въ 1848 году, Л. Штейнъ еще болѣе углубляетъ свои

¹⁾ L. Stein, *ibid.*, стр. 73 и 139.

²⁾ L. Stein, *ibid.*, стр. 71—74.

взгляды относительно общественных классов¹⁾. Къ этому времени, помимо ученія французскихъ социалистовъ, онъ имѣлъ возможность располагать уже болѣе значительнымъ матеріаломъ, чѣмъ прежде. Въ числѣ упоминаемыхъ имъ источниковъ мы встрѣчаемъ и *Маркса* „Нинцету философій“, и *Энгельса* „Положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи“, точно также *Карла Грюна* „Соціальное движеніе во Франціи и Бельгіи“, *Бензена* „Исторіи пролетаріата“, *Люи Блана* „Histoire de dix ans“, и другихъ. Общи рамки вопросовъ остаются у него прежнія, но мысли расширяются и въ некоторыхъ пунктахъ углубляются: болѣе рѣзко подчеркивается различіе между сословнымъ расчлененіемъ въ обществѣ и классовымъ; точнѣе выясняется экономическая сущность пролетаріата, въ отличіе отъ вообще „владѣющихъ“; выясняется индивидуалистическій характеръ интересовъ буржуазіи и буржуазнаго общества²⁾; идеи взаимоотношеній между обществомъ и государствомъ находятъ себѣ далѣйшее развитіе.

Такимъ образомъ, уже въ 40-ые годы у *Л. Штейна* складываются слѣдующія идеи въ вопросѣ о социальныхъ классахъ: 1) идея необходимости выясненія сущности общества и его законовъ, въ отличіе отъ идеи государства; законы развитія классовъ есть законы развитія общества; 2) идея двухъ общественныхъ классовъ: ясно обозначившихся во Франціи послѣ июльской революціи: буржуазіи (капиталь) и пролетаріата (рабочая сила); 3) основа классоваго расчлененія—владѣніе; буржуа—обладатель капиталомъ, какъ средствомъ производства; пролетарій—ничего не имѣетъ, кромѣ рабочей силы; 4) идея противоположности классовыхъ

¹⁾ *L. Stein, Der Sozialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. (Erster Band: Der Begriff der Gesellschaft und die Bewegungen in die Gesellschaft Frankreich seit der Revolution). Leipzig 1848.*

²⁾ *L. Stein, ibid., стр. 151 и далѣе; 155—162 и др.; 168.* „Истинная сущность принципа равенства,—говоритъ здѣсь, между прочимъ, *Л. Штейнъ*,—состоитъ въ томъ, чтобы въ каждомъ индивидѣ признавать абсолютно свободную и независимую личность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это дѣлаетъ индивида главною цѣлью въ себѣ. Это ставитъ человека противъ человека и необходимо исключаетъ идею взаимной помощи, такъ какъ помогать и поддерживать предполагаетъ неравенство и ведетъ къ господству. Это каждому указываетъ на то, что нужно полагаться только на себя самого, и вмѣстѣ съ тѣмъ все, что окружаетъ жизнь индивида, въ принципѣ дѣлаетъ средствомъ для этого индивида. Таковъ характеръ индивидуализма, какъ неизбежное слѣдствіе принципа равенства... Интересы и жизнь цѣлаго здѣсь безусловно должны быть принесены въ жертву интереса и правъ, и жизни индивида...“ (*ibid.*, стр. 168).

интересовъ; 5) идея борьбы классовъ, вытекающей изъ ихъ противоположныхъ интересовъ.

Въ 50-ые годы *Л. Штейнъ* настолько расширяетъ свое учение объ общественныхъ классахъ, что въ „System der Wissenschaft“ оно занимаетъ у него уже большой отдѣльный томъ, вышедшій въ 1856 г., подъ заглавіемъ „Понятіе общества и учение объ общественныхъ классахъ“. Исходнымъ пунктомъ ученія о классахъ является здѣсь у *Л. Штейна* его давняя мысль о противоположности между государствомъ и обществомъ. Эта противоположность, по его мнѣнію, составляетъ содержаніе всей внутренней исторіи народовъ и государствъ міра; она является живевнымъ принципомъ внутренней исторіи вообще; въ ней сходятся все радіусы развитія; безъ нея невозможно понять внутреннего хода жизни. Выстъ съ тѣмъ, проблему классовъ *Л. Штейнъ* считаетъ составной и неразрывной частью проблемы общества. Въ обществѣ онъ видитъ такой порядокъ, такую организацію сбиенія между людьми, которая возникаетъ вмѣстѣ съ появленіемъ собственности (владѣнія) и ея распределеніемъ и является въ результатъ дѣйствія *интереса* личности; но въ собственности же этотъ послѣдній, по мѣрѣ своего пробужденія и развитія, встрѣчаетъ себя опредѣленнаго рода противодѣйствіе, что приводитъ къ появленію *классоваго интереса*, со всеми его противорѣчьями и противоположностями; на почвѣ *классоваго интереса* развивается, далѣе, *общественная борьба* со всеми своими серьезными, положительными и отрицательными, послѣдствіями. Все это рисуется *Л. Штейну*, какъ проявленіе законовъ, дѣйствующихъ на почвѣ распределенія собственности. Содержаніе этихъ законовъ, по мнѣнію *Л. Штейна*, и составляетъ въ своей совокупности ученіе объ общественныхъ классахъ⁹.

Въ то время какъ задача статистики, говорить *Л. Штейнъ*, доказывать дѣйствительное существованіе общественныхъ классовъ, ихъ отношеніе къ другимъ классамъ и ихъ объемъ, сущность этихъ классовъ можетъ представить лишь ученіе объ обществѣ. Но само общество, общественный строй, общественное развитіе, общественные законы *Л. Штейнъ* строить на хозяйственной базѣ.

⁹ *L. Stein. System der Staatswissenschaft. Zweiter Band, 1856, стр. 32—40.*

сводитъ къ „народно-хозяйственному строю“, на которомъ зиждется, по его представленію, неизбѣжно и необходимо, „классовая система“¹⁰). „Процессъ образованія классовъ, говоритъ Л. Штейнъ, есть прежде всего, конечно, хозяйственный процессъ и подлежитъ, поэтому, общимъ законамъ, дѣйствующимъ въ хозяйственной жизни. Отсюда же слѣдуетъ, что этотъ процессъ (образованія классовъ) въ сущности своей проходитъ тѣ же стадіи, какія проходитъ и хозяйственный процессъ распредѣленія благъ“¹¹). Въ процессѣ распредѣленія, въ фактѣ владѣнія, въ доходѣ Л. Штейнъ и видитъ основу классоваго расчлененія общества. Эту основу классовъ Л. Штейнъ сводитъ не столько къ самому процессу распредѣленія хозяйственныхъ благъ въ обществѣ, сколько къ размѣрамъ владѣнія этими благами. Если классовое расчлененіе общества и классовыя различія Л. Штейнъ считаетъ основой общественнаго строя, то „классовымъ строемъ, говоритъ онъ, мы называемъ такой общественный строй, который покоится на распредѣленіи размѣровъ владѣнія; этотъ строй находится въ постоянномъ движеніи и измѣненіи, но безконечное разнообразіе этого движенія все-же подчиняется дѣйствию опредѣленныхъ законовъ, соответствующихъ общественному развитію“¹²). Различіе владѣнія есть основа классоваго различія—это основное положеніе Л. Штейна, которое онъ всюду повторяетъ и развиваетъ. Весь процессъ образованія классовъ, такъ же какъ и процессъ образованія классоваго строя сводится у него къ процессу развитія владѣнія, отношеній этого владѣнія и вытекающая отсюда общественнаго порядка¹³).

Съ понятіемъ общественныхъ классовъ Л. Штейнъ соединяетъ, однако, не только однѣ различія въ размѣрахъ владѣнія хозяйственными матеріальными благами; въ его представленіи эти различія служатъ лишь матеріальной основой, на которой зиждется и другія не-матеріальнаго уже свойства различія, харак-

¹⁰) L. Stein. System der Staatswissenschaft. Erster Band: System der Statistik, der Populationistik und der Volkswirtschaftslehre. Stuttgart u. Tübingen, 1850, стр. 99—100.

¹¹) L. Stein. System der Staatswissenschaft. II. B., 1856, стр. 275.

¹²) L. Stein, ibid., стр. 299; ср. также стр. 46: „на различіи размѣровъ капитала покоится различіе классовъ“.

¹³) L. Stein, ibid., стр. 300.

теризующія понятіе общественныхъ классовъ; таковыми *Л. Штейнъ* считаетъ „духовныя блага, права и соціальныя функціи“, которыя распределяются между сочленами общества также весьма различно, въ зависимости и въ связи съ различіями въ распредѣленіи матеріальныхъ благъ. Что это за духовныя права, блага и функціи, это *Л. Штейнъ* выясняетъ въ первой части своего ученія объ общественныхъ классахъ, гдѣ трактуется вопросъ о возникновеніи классовъ. Эту часть *Л. Штейнъ* считаетъ общей основой ученія объ общественныхъ классахъ.

Образованіе классовъ, говоритъ *Л. Штейнъ*, это такой процессъ, изъ результатовъ котораго, вслѣдствіе раздѣленія владѣнія, возникаетъ своеобразное распредѣленіе духовныхъ благъ, правъ и функцій между отдѣльными членами общества, которые, благодаря этому, создаютъ себѣ и закрѣпляютъ за собой определенное общественное положеніе и определенныя общественныя задачи. Этотъ процессъ *Л. Штейнъ*, считаетъ, какъ мы видѣли, прежде всего хозяйственнымъ, опирающимся на хозяйственный процессъ распредѣленія матеріальныхъ благъ; а такъ какъ послѣдній имѣетъ, по его представленію, три основныхъ формы въ своемъ развитіи, то эти же три основныя формы являются, поэтому, и тремя стадіями всякаго общественнаго образованія классовъ¹⁴⁾. По *Л. Штейну*, „общій принципъ всякаго образованія классовъ нужно видѣть въ томъ, что различное *распредѣленіе* владѣнія есть основа духовнаго раздѣленія труда и вмѣстѣ съ тѣмъ основа развитія вообще человѣчества“. Въ каждой изъ трехъ стадій развитія формъ распредѣленія, на которыхъ *Л. Штейнъ* строитъ три стадіи развитія соціальныхъ классовъ, онъ находитъ рядъ ступеней и промежуточныхъ образованій. Что же это за три стадіи? *Первая* стадія или форма распредѣленія, по *Штейну*, такая, въ которой совершенно еще нѣтъ *никакого* хоть сколько-нибудь определеннаго индивидуальнаго владѣнія (собственности), или же оно, хотя и имѣется, но крайне незначительно. *Вторая* стадія—такая форма распредѣленія, въ которой размѣры владѣнія у каждаго сочлена или совершенно одинаковы, или такъ близки, что различія владѣнія еще не порождаютъ различій въ общественномъ положеніи между

¹⁴⁾ *L. Stien, ibid., стр. 275.*

сочленами. *Третья* стадія—это такая форма распредѣленія, гдѣ уже опредѣленно выступают паружу *различія* въ размѣрахъ владѣнія; здѣсь имѣетъ мѣсто распредѣленіе уже въ *собственномъ* смыслѣ этого слова. Такой процессъ развитія *Л. Штейнъ* называетъ „органическимъ процессомъ образованія классовъ“, которому, въ его представленіи, слѣдуетъ въ своемъ развитіи любая общественная форма, не только классовыя отношенія: въ своей первой стадіи она не находится подъ вліяніемъ владѣнія, во второй—покоится на существующемъ равенствѣ владѣнія, и, наконецъ, на третьей стадіи развиваетъ въ себѣ заложенные различія, со всѣми ея послѣдствіями. *Л. Штейнъ* думаетъ, что научно познать сущности образованія классовъ—это значить познать законы, по которымъ возникаютъ и развиваются три отмѣченныя формы владѣнія, въ ихъ причинной связи съ нравственнымъ порядкомъ общественной жизни и распредѣленіемъ духовныхъ благъ и функций, съ одной стороны, а также въ связи съ интересами каждой отдѣльной личности, съ другой¹³).

Первая стадія, по *Л. Штейну*, это стадія естественнаго состоянія, *status naturalis*; это періодъ стаднаго существованія, безъ всякихъ признаковъ общественнаго и государственнаго порядка; здѣсь нѣтъ еще сколько-нибудь опредѣленнаго распредѣленія владѣнія; здѣсь нѣтъ даже въ собственномъ смыслѣ слова *производства* продуктовъ; послѣдніе берутся въ готовомъ видѣ изъ природы; это—періодъ хозяйственной и вмѣстѣ также духовной бѣдности; здѣсь нѣтъ и тѣснаго общенія между индивидами; это—время *изообшенія* (*Vereinzelung*); если же и можетъ здѣсь проявляться общеніе на почвѣ общаго суда, общаго поля брани, общаго богослуженія, то все это носитъ случайный характеръ; здѣсь нѣтъ различій между высшими и низшими, нѣтъ господства и зависимости; это періодъ отсутствія съ одной стороны организованнаго строя и съ другой стороны—отсутствія противоположностей; а это значить—отсутствія общественности; и, такимъ образомъ, это періодъ отсутствія общества: здѣсь нѣтъ ни общезнательности (соціальности, *Geselligkeit*), ни нравственности, ни права.

¹³ *L. Stein, ibid., стр. 276.*

Вторая стадія—стадія равенства владѣнія; здѣсь человекъ находитъ, подъ вліяніемъ нужды, основу, позволяющую ему выйти изъ состоянія бѣдности; эта основа въ томъ, чтобы предметамъ дѣятельности дѣлать не плоды, не результаты силы природы, а самыя эти силы природы; этого человекъ достигаетъ, вкладывая свой трудъ впервые въ землю; это ведетъ къ *освѣлости*, а отсюда—къ *собственности*; этотъ переходъ и открываетъ собою вторую стадію, послѣ стадіи естественнаго состоянія; здѣсь каждый захватываетъ себѣ землю во владѣніе, въ такомъ размѣрѣ, который соответствуетъ его силамъ; но трудомъ сельско-хозяйственными силами каждого, за немногими исключеніями, въ среднемъ равны; отсюда всѣ владѣнія здѣсь одинаковы; отсюда, это—периодъ равенства; но для несенія и выполненія трехъ общественныхъ функций (вышней защиты, суда и богослуженія) здѣсь уже выбираются особыя лица (начальники, старѣйшины); хотя они и выбраны, но самі выборы ведутъ уже къ образованію партій; здѣсь еще нѣтъ противоположности богатыхъ и бѣдныхъ, но уже есть противоположность личныхъ партій, разлосненіе сторонниковъ различныхъ кандидатовъ; въ результатѣ, здѣсь уже возникаетъ внутренняя борьба, ведущая къ разложенію общины равныхъ.

Третья стадія, по *Л. Штейну*, стадія неравенства владѣнія; это—стадія образованія классовъ въ собственномъ смыслѣ; здѣсь дѣйствуетъ такой порядокъ человѣческаго общенія, гдѣ распредѣленіе общественнаго функцій и духовныхъ благъ покоится на различіи размѣровъ владѣнія, на неравенствѣ распредѣленія; на этомъ же неравенствѣ владѣнія покоятся и существующіе здѣсь противоположные интересы; это стадія общественнаго строя, который можно назвать *классовымъ строемъ*; предметомъ стремленій каждого здѣсь является достиженіе наивысшаго владѣнія, такъ какъ та или иная степень размѣровъ владѣнія обуславливаетъ собою здѣсь и соответствующую степень общественного положенія¹⁰).

Итакъ, образованіе и развитіе классовъ, по мнѣнію *Л. Штейна*, покоится на образованіи и развитіи различій владѣнія. На чемъ же зиждется, по представленію *Л. Штейна*, различіе владѣнія и

¹⁰ *L. Stein, ibid., стр. 278—299.*

каковы причины происхожденія этихъ различій? Происхожденіе различій владѣнія у *Л. Штейна* тройкое: первый видъ происхожденія ихъ—въ физическихъ, естественныхъ свойствахъ лица или семьи; напр., въ силу *наследственнаго права* владѣніе можетъ раздѣлиться между многими членами семьи, но въ другомъ случаѣ—послѣднихъ можетъ и не быть; второй видъ—связанъ съ личной силой и является въ результатъ насилія; третій видъ происхожденія неравенства владѣній—лежитъ въ обмѣнѣ и промысловой (торгово-промышленной и проч.) дѣятельности.

Въ результатъ процесса развитія владѣній и его отношеній возникаютъ болѣе или менѣе значительныя подраздѣленія въ обществѣ, сущность которыхъ—въ одинаковости положенія въ обществѣ, вызываемаго одинаковостью владѣнія. Эти подраздѣленія *Л. Штейнъ* и называетъ классами вообще. Но чтобы точнѣе уяснить понятіе классовъ, *Л. Штейнъ* считаетъ необходимымъ различать въ понятіи класса двѣ различныхъ категоріи: *общественные* классы и *экономическіе* („хозяйственныя“) классы. Смѣшиваніе экономическихъ и общественныхъ классовъ порождаетъ, по мнѣнію *Л. Штейна*, массу неясностей; покоится же оно на томъ, что хозяйственныя классы являются основой общественныхъ и постоянно стремятся къ тому, чтобы сдѣлаться общественными, какъ только возникаютъ¹⁷⁾.

Различіе между общественными и экономическими (или хозяйственными) классами *Л. Штейнъ* видитъ въ слѣдующемъ: если принимать во вниманіе только одно хозяйственное расчлененіе общества на неравыя по владѣнію группы или классы, по считаясь съ тѣмъ, къ чему ведетъ въ общественной жизни это чисто экономическое неравенство владѣнія, то передъ нами будутъ экономическіе классы; если же считаться со всѣми тѣми соціальными послѣдствіями, къ которымъ приводитъ чисто экономическое расчлененіе общества, т. е. принимать во вниманіе то различное положеніе, которое занимаютъ въ обществѣ различные экономическіе классы, благодаря чисто экономическому неравенству владѣнія, то въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть общественные классы. Общественный классъ—это „совокупность

¹⁷⁾ *L. Stien, ibid., стр. 308.*

тѣхъ, кто въ силу одинаковаго хозяйственнаго положенія занимаетъ одинаковое общественное положеніе" (304), причемъ необходимымъ условіемъ появленія общественнаго класса *Л. Штейнъ* считаетъ предварительное появленіе *сознанія одинаковости* хозяйственнаго положенія; это сознаніе онъ считаетъ первымъ шагомъ для перехода изъ различій чисто хозяйственнаго характера къ различіямъ духовнаго порядка.

Въ экономическихъ классахъ *Л. Штейнъ* видитъ различія двухъ порядковъ: количественныя и качественныя. *Количественныя* различія покоются только на различіи размѣровъ имущества; здѣсь можно установить существованіе трехъ различныхъ подраздѣленій: прущу недостаточныхъ, достаточныхъ и богатыхъ; это три различныхъ степени хозяйственныхъ классовъ. *Качественныя* различія, напротивъ, основываются на различіяхъ труда и капитала и ведутъ къ двумъ различнымъ группамъ: капиталовладѣльцевъ и владѣльцевъ рабочей силой.

Для появленія общественныхъ классовъ, какъ ихъ понимаетъ *Л. Штейнъ*, необходимо, чтобы чисто хозяйственные, матеріальныя различія перешли въ различія духовныя, общественныя. Если бы сознаніе и интересы не выходили за предѣлы хозяйственной области распредѣленія матеріальныхъ благъ, то классовое расчлененіе общества никогда не поднялось бы до образованія общественныхъ классовъ. Что же способствуетъ такому переходу отъ чисто экономической области въ духовно-общественную жизнь? По мнѣнію *Л. Штейна*, такимъ моментомъ, который толкаетъ сознаніе и интересы за предѣлы „чисто хозяйственныхъ отношеній“, является прибавочная цѣнность, или чистый избытокъ (*Ueberschuss*, какъ его называетъ *Л. Штейнъ*, переводя на нѣмецкій французское *surplus*). Эта прибавочная цѣнность даетъ индивидамъ возможность удовлетворять безъ труда свои чисто хозяйственныя потребности и—что самое главное—даетъ возможность примѣнять въ области хозяйственной дѣятельности *духовныя блага*; послѣднія же, въ своемъ примѣненіи къ жизни, являются источникомъ общественныхъ благъ. Въ этомъ и лежитъ, не говоря о классовомъ самосознаніи, зародышъ того, что чисто хозяйственные различія переходятъ въ общественныя различія: тѣ, кто

обладает прибавочною цѣнностью, отличаются отъ тѣхъ, кто ею не обладаетъ; здѣсь, слѣдовательно, причина и различіи между высшимъ и низшимъ классами: богатый классъ не только владѣетъ матеріальными благами, но и имѣетъ послѣдствіе этого даннаго для несенія въ обществѣ духовныхъ функций; нѣкій же классъ не владѣетъ ни богатствомъ, ни тѣмъ „общественнымъ доходомъ“ (прибавочной цѣнностью), который ведетъ къ благамъ духовнаго порядка. Отсюда, Л. Штейнъ выводитъ и то, что богатый классъ стоитъ во главѣ человѣческаго общества, являясь господствующимъ классомъ¹¹⁾.

Итакъ, согласно Л. Штейну, основой экономическихъ классовъ являются различія въ размѣрахъ владѣнія; основа общественныхъ классовъ—различія въ общественномъ положеніи и въ общественныхъ функцияхъ; въ то время какъ первые—экономическіе классы—въ количественномъ отношеніи распадаются на подклассы: недостаточныхъ (бѣдныхъ), состоятельныхъ и богатыхъ, а въ качественномъ—на капиталистовъ (владѣльцевъ капиталомъ) и рабочихъ (владѣльцевъ рабочей силы),—вторые, т. е. общественные классы распадаются на *высшій* классъ и *низшій* классъ; первый изъ этихъ классовъ—господствующій классъ.

Разлічіе между высшимъ и низшимъ общественными классами представляетъ, по мнѣнію Л. Штейна, нечто иное, какъ органическое стремленіе общества къ *раздѣленію труда въ духовной жизни*. Весь смыслъ существованія высняго класса Л. Штейнъ видитъ, поэтому, въ выполненіи имъ его общественныхъ функций, къ которымъ онъ призванъ, благодаря обладанію прибавочной цѣнностью („общественнымъ доходомъ“). Только на этомъ и можетъ покоиться общественный порядокъ. „Отупленіе высняго класса отъ его нравственной задачи („священной нравственной обязанности“) было бы потерей его духовныхъ правъ и притязаній на его болѣе высокое общественное положеніе; превращеніе своей жизни въ одно лишь наслажденіе и одно лишь личное использованіе своего богатства для высняго класса было бы извращеніемъ его собственной нравственной сущности“¹²⁾. Высшій классъ, бла-

¹¹⁾ Л. Stein, *ibid.*, 304, 307 и *далее*.

¹²⁾ Л. Stein, *ibid.*, стр. 308.

годаря владѣнію, дѣлается, по *Л. Штейну*, господствующимъ. Въ обществѣ съ правовымъ строемъ этотъ господствующій классъ закрѣпляетъ свое высшее положеніе и свое господство въ дѣйствующемъ правѣ; право закрѣпляетъ это господство уже потому, что оно закрѣпляетъ и даетъ признаніе самой системѣ владѣнія. Классовое образованіе на этомъ пунктѣ заканчивается, по мнѣнію *Л. Штейна*, свой кругъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, классовое образованіе не отмираетъ окончательно. Напротивъ, оно остается все время жизнеспособнымъ, благодаря *среднему классу*¹⁾.

Среднему классу *Л. Штейнъ* удѣляетъ особое вниманіе. Средній классъ, въ представленіи *Л. Штейна*, опирается на среднее владѣніе. Последнее же родственно какъ низшему классу, такъ и высшему; первому потому, что среднее владѣніе предполагаетъ вмѣстѣ съ владѣніемъ и собственную *трудоую* дѣятельность владѣльца; второму же потому, что среднее владѣніе предполагаетъ въ себѣ существованіе *капитала*. Такое положеніе средняго класса обрекаетъ его, по мнѣнію *Л. Штейна*, на своеобразную роль въ классовомъ обществѣ: средній классъ выступать защитникомъ какъ труда, такъ и капитала; онъ „поконитъ на примиреніи противоположности между двумя крайними общественными классами“. Такая роль падаетъ, однако, на *общественный* средній классъ, а не на экономическій; существованіе же среднихъ владѣній далеко еще не означаетъ существованіе средняго общественнаго класса; исторія древняго міра, какъ извѣстно, не знала средняго класса; древній міръ былъ неспособенъ образовать нѣтъ среднѣхъ владѣній средній классъ. Появленіе и образованіе средняго общественнаго класса *Л. Штейнъ* соединяетъ съ возникновеніемъ явной *буржуазіи*.

Общественную задачу средняго класса *Л. Штейнъ* видитъ въ томъ, „чтобы онъ въ своемъ владѣніи воплотилъ идею общественнаго труда“. Дѣло въ томъ, что, въ силу владѣнія, средній классъ является носителемъ *существующаго права*; въ то же время онъ является носителемъ и идеи труда; слѣдствательно, по положенію своему, средній классъ защищаетъ право каждаго изъ классовъ противъ попытокъ нарушенія его со стороны каждаго другого.

¹⁾ *L. Stein, ibid., стр. 336.*

Въ этомъ *Л. Штейнъ* и видитъ общественную задачу средняго общественнаго класса, считая средній классъ „естественной базой общественнаго развитія“. Но въ столкновении *классовыхъ интересовъ* эти задачи средняго класса находятъ себѣ, по мнѣнію *Л. Штейна*, самое рѣшительное противодѣйствіе. Интересы господствующаго класса, покоющіеся на стремленіи къ исключительному господству, сводятся къ тому, чтобы низвести средній классъ съ положенія общественнаго къ положенію чисто экономическаго класса. Отсюда, всякое ограниченіе общаго права прежде всего, по мнѣнію *Л. Штейна*, чувствуется среднимъ классомъ, который всегда оказываетъ поддержку низшему классу въ борьбѣ противъ ограниченія свободы²¹⁾.—*Л. Штейнъ* заканчиваетъ свое ученіе объ общественныхъ классахъ ученіемъ объ общественной борьбѣ классовъ.

Одинаковость отдѣльных индивидуальных интересовъ составляетъ, по мнѣнію *Л. Штейна*, классовый интересъ, покоющійся на отношеніяхъ распредѣленія благъ: въ интересахъ каждаго класса удержать за собой наивысшую долю, чтобы обезпечить себѣ наивысшее положеніе въ обществѣ. Ученіе о классовыхъ интересахъ, слѣдовательно, сводится у *Л. Штейна* къ ученію классовомъ господствѣ, которое и приводитъ къ борьбѣ классовъ²²⁾.

Изложенное ученіе *Л. Штейна* объ общественныхъ классахъ, развитое имъ въ 1856 году, содержитъ въ себѣ лишь не много новаго, сравнительно съ тѣми идеями, какими высказывалъ *Л. Штейнъ* по вопросу о классахъ въ своей первой работѣ, въ 1842 г. Среди новыхъ мыслей мы встречаемъ: 1) идею экономическихъ классовъ въ отличіе отъ общественныхъ классовъ; 2) идею среднихъ классовъ, стоящихъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, и 3) идею прибавочной цѣнности, служащей связью между экономическимъ классомъ и общественнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это ученіе о классахъ развито *Л. Штейномъ* съ такою полнотой и стройностью, содержитъ столько богатства мыслей и такую глуби-

²¹⁾ *L. Stein, ibid.*, стр. 331—337, 390—394.

²²⁾ *L. Stein, ibid.* стр. 373—384 и 386—423.

ну ихъ, что приходится удивляться, почему учене о классахъ *Л. Штейна* оставалось забытымъ даже у социалистовъ, такъ и у экономистовъ. Единственный историкъ учений объ общественныхъ массахъ, бельгійскій социологъ *ванъ-Овербергъ* въ своей книгѣ „*La classe sociale*“ не упоминаетъ о *Л. Штейнѣ* ни единымъ словомъ. Равнымъ образомъ, на засѣданіяхъ парижскаго социологическаго общества, посвященныхъ специально вопросу о „соціальныхъ классахъ“, ученіе о классахъ трактовалось такъ, какъ будто это ученіе только-только зарождается, какъ будто не были напечатаны еще къ 50-ымъ годамъ XIX-го столѣтія основныя пункты и рамки проблемы классовъ и при томъ съ такой полнотой и широтой взглядовъ, какъ это мы видимъ уже у *Л. Штейна*. Не менѣе удивительнымъ представляется и то, что послѣ теоретическаго изслѣдованія проблемы соціальныхъ классовъ, предпринятаго *Л. Штейномъ*, ни однимъ социалистическимъ теоретикомъ не было сдѣлано сколько-нибудь обстоятельной попытки такого же теоретическаго изслѣдованія по данному предмету, въ которомъ социалистическая мысль всегда ощущала сильную нужду, при всѣхъ вопросахъ выступая съ своей основной идеей борьбы классовъ.

Сущность ученія *Л. Штейна* по вопросу о соціальныхъ классахъ можно свести вкратцѣ къ слѣдующему: классовый строй въ обществѣ явился на смѣну сословнаго строя еще со времени великой французской революціи; съ этого момента общество стало распадаться на два различныя класса: буржуазію и пролетаріатъ; основой образованія этихъ классовъ въ обществѣ является фактъ владѣнія; съ появленіемъ собственности и развитіемъ индустріи возникаютъ различія въ размѣрахъ владѣнія, которыя и приводятъ къ противоположности интересовъ, а отсюда—къ классовой борьбѣ; классовая система покоится, такимъ образомъ, на пародно-хозяйственномъ базисѣ; но матеріальныя различія и матеріальное неравенство приводятъ къ различію и другого порядка: къ различію въ области „духовныхъ благъ, правъ и соціальныхъ функций“; отсюда, мы имѣемъ классы общественныя и экономическія; переходъ послѣднихъ въ первые—результатъ дѣйствія прибавочной цѣнности; капиталисты и рабочіе—это экономическія классы;

классъ высшій и низшій, господствующій и подчиненный—классы общественные; между высшимъ и низшимъ общественными классами лежитъ глубокое социальное противорѣчье, но между ними стоитъ средній классъ, который беретъ на себя, къ общему благополучію, роль примирителя; причина такой примирительной социальной функции, выпавшей на долю средняго общественного класса, въ томъ, что этотъ классъ носитъ въ самомъ себѣ какъ идею труда, такъ и идею капитала.

Ученіе *Л. Штейна* поражаетъ богатствомъ мысли и постановкой вопроса, особенно если принять во вниманіе то далекое прошлое, когда *Штейну* приходилось прокладывать пути въ изслѣдованія проблемы классовъ. Само по себѣ, однако, ученіе *Л. Штейна* открыто для критики во многихъ отношеніяхъ. Общій недостатокъ его—въ неопредѣленности многихъ положеній *Л. Штейна*, ихъ неясности, ихъ противорѣчивости. Въ самомъ понятіи „класса“ у *Л. Штейна* мы видимъ двойственность: для него классъ въ одномъ случаѣ социально-экономическое образованіе, покоящееся на народно-хозяйственной основѣ, на владѣніи, въ различныхъ размѣрахъ, матеріальными благами; въ другомъ случаѣ—это социально-политическое образованіе, покоящееся на различіяхъ правнополитическаго характера. Различіе между общественными и экономическими классами страдаетъ у *Л. Штейна* полнѣйшей неопредѣленностью. Съ какого момента экономической классъ превращается въ социальный, установить этого *Штейну* не удастся. Такое дѣленіе классовъ неправильно уже чисто методологически: всякая экономическая группа (наприм., капиталисты или рабочіе), въ томъ смыслѣ „народно-хозяйственныхъ образованій“, въ какомъ разумѣть ихъ *Л. Штейнъ*, является и социальной группой. Можно думать, что подъ категоріей „общественныхъ“ классовъ, въ отличіе отъ классовъ „экономическихъ“, *Л. Штейнъ* разумѣетъ социально-политическія образованія: его высшій и низшій общественные классы—классы, возникшіе на основѣ отношеній господства и подчиненія, на почвѣ различія социально-политическихъ правъ и привилегій. Но въ такомъ случаѣ *Штейнъ* уже оставляетъ свой народно-хозяйственный базисъ и вводитъ другую основу—различіе правно-политическихъ отношеній. Отсюда—двой-

своею, противорѣчивость. Въ качествѣ признака, устанавливающего различіе между экономическими классами и общественными, *Л. Штейнъ*, какъ мы видѣли, не прочь считать психологическій моментъ—классовое сознаніе, которое у „экономическихъ“ классовъ, по мнѣнію *Штейна*, почему-то отсутствуетъ. Въ этомъ случаѣ мы видимъ у *Л. Штейна* еще новую основу для классовыхъ различій: на этотъ разъ уже психологическую.

Но еще болѣе противорѣчій у *Штейна* съ категоріей среднего общественнаго класса, которую устанавливаетъ *Л. Штейнъ* наряду съ категоріями высшаго и низшаго классовъ: пока трудъ и капиталъ представлены отдѣльно другъ отъ друга, пока носителями того же другого являются различные классы (высшій и низшій), до тѣхъ поръ *Л. Штейнъ* считаетъ эти категоріи непримиримыми; при сліяніи же своемъ въ рукахъ среднего класса трудъ и капиталъ неожиданно теряютъ, по *Штейну*, свою непримиримость и свою противоположность. Почему происходитъ такое перерожденіе, остается неяснымъ. Несомнѣнно лишь одно, что всѣ симпатіи *Л. Штейна*—на сторонѣ среднего класса и что роль среднего класса у *Штейна* такъ же чрезмерно идеализирована и переоцѣнена, какъ и у нѣкоторыхъ социалистовъ-утопистовъ (*Симонди, Толсонъ*).

Видя основу образованія социальныхъ классовъ главнымъ образомъ въ размѣрахъ владѣнія, *Л. Штейнъ* нерѣдко близко подходит и къ распредѣлительному моменту. Но его интересуетъ не самый моментъ распредѣленія, не процессъ распредѣленія, а лишь количественный результатъ распредѣленія, лишь размѣры владѣнія. Ученіе *Л. Штейна* нельзя, поэтому, смѣшивать съ учениями, строящими понятіе классовъ и процессъ ихъ образованія на основѣ распредѣлительныхъ отношеній.

Къ представителямъ разсматриваемаго ученія можно отнести и *Шеффле*, являющагося столько же и экономистомъ, сколько социологомъ. Мы уже говорили, что позиція *Шеффле* по вопросу объ общественныхъ классахъ двойственна. Социологическое обоснованіе процесса классоваго строенія общества онъ даетъ въ духѣ

естественно-органической школы. Но въ то же время *Шеффле* на классовую категорію смотритъ, какъ на экономическую категорію, ставя классовое образованіе на экономическую почву. *Шеффле* видитъ, такимъ образомъ, въ проблемѣ классовъ какъ бы двѣ стороны: экономическую и социологическую, и каждой изъ этихъ сторонъ даетъ различное освѣщеніе.

Въ общественной жизни *Шеффле* различаетъ сложный рядъ массовыхъ образованій: естественно-органическія (семья, родъ, раса), земляческія или національно-территориальныя, народно-хозяйственныя, религіозныя, партійныя и проч. Народно-хозяйственныя групповыя образованія онъ разлагаетъ на классовыя и сословныя. Уже отсюда мы видимъ, что образованіе классомъ и сословіемъ *Шеффле* отрываетъ отъ естественно-органической почвы. Классовое и сословное расчлененіе *Шеффле* ставитъ на особую почву. Народно-хозяйственными образованіями, говоритъ *Шеффле*, является, главнымъ образомъ, разслоеніе по владѣнію и по профессіямъ, или классовыя и сословныя²³⁾. Классовое разслоеніе вытекаетъ, согласно *Шеффле*, изъ различій хозяйственныхъ отношеній владѣнія; оно коренится въ различіи *величины* и *рода* обладанія источниками дохода. „Въ сущности, говоритъ *Шеффле*, классъ есть разслоеніе по различію владѣнія или невладѣнія“. Исходя изъ этой основы, *Шеффле* различаетъ три общественныхъ класса: классъ богатыхъ, средній классъ и пролетаріатъ, или классъ неимущихъ. Но, замѣчаетъ *Шеффле*, это образованіе трехъ классовъ исторически не всегда носило одиѣ и тѣ же черты и поэтому не всегда одно и то же названіе; въ различное время оно то усиливалось, то смягчалось пѣкоторыми моментами иного характера, чѣмъ различія во владѣніи; но равенство и неравенство хозяйственныхъ отношеній владѣнія всегда при образованіи классовъ имѣло силу²⁴⁾.

Трехчленную формулу дѣленія общественныхъ классовъ *Шеффле* особенно подчеркиваетъ, придавая среднему классу большое значеніе и находя, что въ нѣкоторые моменты историческаго раз-

²³⁾ Dr. Schäffle. Bau und Leben des sozialen Körpers. Zweite Auflage. Erster Band. Allgemeine Soziologie. Tübingen 1896, стр. 92.

²⁴⁾ Dr. A. Schäffle, ibid., стр. 92.

витія народовъ свои среднихъ классовъ имѣли въ обществѣ преобладающее значеніе²⁹⁾).

Отмѣчая двоякаго рода различія въ собственности или владѣніи, различія какъ въ величинѣ или *размѣрахъ* собственности, такъ и въ *видѣ* собственности, *Шеффле* признастъ значеніе, однако, только за перваго рода различіями, т. е. за различіями, которыя лежатъ въ размѣрахъ обладаемаго имущества; лишь послѣднія, по его мнѣнію, имѣютъ вліяніе на образованіе классовъ. Это обстоятельство и даетъ намъ право относить *Шеффле* къ теоретикамъ богатства въ вопросѣ объ образованіи социальныхъ классовъ.

Въ классовой строгости общества *Шеффле* видитъ столько же разрушающихъ элементовъ, сколько и укрѣпляющихъ существо социальнаго тѣла. Въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ въ виду то обстоятельство, что среди членовъ одного и того же социального класса совершается при классовой расчлененіи процессъ возрастающаго сключенія и объединенія, но что, съ другой стороны, классовое расчлененіе сопровождается въ то же самое время столкновениемъ между классами и взаимною ненавистью. „Богатые—говоритъ *Шеффле*—слагаются общими интересами владѣнія, односторонними привилегіями господства; невладѣющіе же—объединяются солидарностью борьбы за заработную плату и общою ненавистью противъ собственности; и тотъ и другой классъ организуется въ этой борьбѣ, какъ классы, и никогда эта организація не была методичнѣе и грандіознѣе, чѣмъ въ настоящий моментъ; это есть, однако, соединеніе воюющихъ массъ для борьбы внутри общественнаго тѣла, соединеніе въ боевыя дружины въ войнѣ за существованіе“³⁰⁾. Эту борьбу между классами *Шеффле* видитъ на протяженіи всей исторіи человѣчества. Даже, говоритъ онъ, въ счастливыя времена преобладанія въ общественной жизни мелкопромышленнаго и мелкокрестьянскаго средняго сословія не

²⁹⁾ Въ первомъ изданіи „*Von und Leben*“, относящемся къ 1875—1878 гг., *Шеффле*, однако, придаетъ большее значеніе идеѣ двухъ классовъ останавливая свое вниманіе, главнымъ образомъ, на томъ, что „частное обладаніе средствами производства необходимо приводитъ къ образованію классовъ богатства и бѣдности, класса владѣющихъ и пролетариата“ (см. первое изданіе, стр. 301, т. II).

³⁰⁾ *Dr. A. Schäffle, ibid.*, стр. 93 (второе изданіе).

было прочнаго и полнаго мира между классами. И въ это время, напр., массы городского сословія съ переменнымъ успѣхомъ боролись съ привилегированными сословіями, выступавшими въ лицѣ свѣтскаго и духовнаго дворянства.

Шеффле не принадлежитъ, какъ мы видимъ, къ сторонникамъ социальной гармоніи въ общественныхъ отношеніяхъ. Въѣсть съ классовымъ разслоеніемъ общества онъ устанавливаетъ и идею социальнаго антагонизма. Классовая противоположность коренится, по его представленію, въ самой организаціи общественнаго хозяйства, этого „обмѣна веществъ“. Эту противоположность между классами *Шеффле* особенно рѣзко подчеркиваетъ въ первомъ изданіи своей книги. „Классовую противоположность интересовъ, говоритъ онъ, вытравить изъ исторіи, гдѣ она такъ рѣзко проявилась, и въ то же время желать, чтобы народное хозяйство сохраняло принципъ частно-хозяйственной конкуренціи,—теоретически является внутреннимъ противорѣчіемъ, а практически—совершенно безнадежнымъ“²⁷⁾. Въѣсть съ тѣмъ, *Шеффле* находитъ, что съ появой социальной организаціей общественно-хозяйственнаго строя возможно полное исчезновеніе какъ социального антагонизма, такъ и классоваго разслоенія вообще. „Классовая противоположность, говоритъ *Шеффле*, исчезнетъ, когда общество перейдетъ отъ частной организаціи общественнаго обмѣна веществъ къ социальной организаціи... Въ этомъ случаѣ лишь общество избѣжитъ судьбы Спарты, Афинъ и Рима. Къ счастью, есть признаки, указывающіе на то, что такой переходъ возможенъ“²⁸⁾.

Шеффле различаетъ, какъ мы видѣли, классовое разслоеніе отъ сословнаго. Основу классоваго строя онъ видитъ въ различіяхъ владѣнія и особенно въ различіяхъ размѣровъ обладанія имуществомъ; сословное же расчлененіе общества онъ сводитъ къ различію въ профессіи, или занятіяхъ. „Сословныя разслоенія, говоритъ онъ, коренятся въ принадлежности къ одной и той же опредѣленной профессіи“. На первомъ планѣ *Шеффле* ставитъ „хозяйственные“ сословія, которые различаются по виду трудовой дѣятельности въ общественномъ хозяйствѣ для каждой профессіи. Но все разнообразіе этихъ видовъ-профессій хозяйствен-

²⁷⁾ Dr. A. Schaffle, *ibid.*, первое изданіе, т. I, стр. 303.

²⁸⁾ Dr. A. Schaffle, *ibid.*, первое изданіе, т. I, стр. 302.

ного порядка онъ сводитъ къ тремъ общимъ видамъ сословій: 1) сословіе крестьянское, занятое первичнымъ производствомъ, т. е. главнымъ образомъ въ земледѣльческо-добывающей хозяйственной дѣятельности; 2) сословіе фабрично-промышленное; 3) сословіе торговое²⁹⁾. Кромѣ хозяйственныхъ сословій, *Шеффле* различаетъ профессионально-политическія сословія, военное, либеральныя (ученые, художники и пр.) и другія различнаго рода профессійно-сословія не-хозяйственнаго порядка.

Какъ въ установленіи основы классовъ, такъ же попыткой различенія классового строя отъ сословнаго, *Шеффле*, какъ можно думать, находится подъ вліяніемъ ученія *Лоренца Штейна*. Последний, какъ мы видѣли, также считаетъ основой классового образованія различія владѣнія. Но какъ у *Штейна* связь между сословнымъ и классовымъ строемъ оставалась въ концѣ концовъ недостаточно ясной, такъ и у *Шеффле* понятіе сословій страдаетъ болыною неопредѣленностью. Повидимому, *Шеффле* отождествляетъ сословное раздѣленіе общества и раздѣленіе на профессіи. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать перечисленіе различныхъ видовъ сословій, которое дѣлаетъ *Шеффле*, и которое ничѣмъ не отличается отъ обычнаго перечисленія видовъ различныхъ профессій. Чѣмъ же отличается собственно дѣленіе на профессіи отъ дѣленія на сословія, у *Шеффле* нигдѣ мы не находимъ. Эта неопредѣленность понятія профессіи и сословія у *Шеффле* увеличивается еще тѣмъ, что организацію профессіонально-сословную онъ тѣсно связываетъ съ классовой организаціей, точно не указывая границъ той и другой. „Внутри вѣхъ хозяйственныхъ профессій—говоритъ, наприм., *Шеффле*—выростаетъ классовая противоположность между владѣніемъ и невладѣніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырастаетъ и организація борьбы между противоположными другъ къ другу классами, борьбы, происходящей изъ дня въ день. Помимо уже этой двойной организаціи борьбы, внутри хозяйственныхъ сословій, въ силу необходимости, создается еще масса раскалывающихъ общество противоположностей, благодаря конкуренціи“³⁰⁾.

²⁹⁾ Dr. A. Schäffle, *ibid.*, 2-е изд. 1896, т. I, стр. 93.

³⁰⁾ Dr. A. Schäffle, *ibid.*, первое изданіе, т. I, стр. 305.

Самый процесс всякаго рода разслоеній, совершающихся въ обществѣ, въ томъ числѣ и разслоеній классовыхъ и сословныхъ, *Шеффле* представляетъ, какъ процессъ совершающагося социальнаго подбора въ человѣческой борьбѣ за существованіе. Всѣ эти разслоенія въ обществѣ ему представляются результатомъ борьбы за существованіе и борьбы интересовъ. Соціальный подборъ *Шеффле* считаетъ социологической формой социальнаго прогресса³¹⁾. Съ точки зрѣнія этого социальнаго подбора *Шеффле* и рассматриваетъ весь процессъ происхожденія и историческаго развитія социальныхъ образований, каковому вопросу онъ удѣляетъ большое вниманіе особенно въ первомъ изданіи своего „*Von und Leben*“³²⁾.

Постоянное дѣйствіе естественнаго подбора, говоритъ *Шеффле*, съ одной стороны, дѣлаетъ населенію все больше и больше взаимной связи, единенія и единства, но, съ другой стороны, образуетъ все новыя и новыя своеобразныя разслоенія въ развитіи взглядовъ, чувствованій и интересовъ среди различныхъ слоевъ многосторонне расчлененнаго общества. При этомъ, въ каждый историческій моментъ такая взаимная связь и такія разслоенія образуются своеобразно. Но, не смотря на это своеобразіе, они всегда представляютъ собою результатъ давящей, подчиняющей, расчленяющей борьбы за существованіе. Выясненіе на основѣ этой борьбы генетическаго происхожденія сословій и классовъ, *Шеффле* считаетъ, однако, проблемой весьма трудной³³⁾. Классовое расчлененіе, по мнѣнію *Шеффле*, есть послѣдній пережитокъ (*Ueberrest*), оставшійся отъ тысячелѣтій юридической и фактической *несвободы народныхъ массъ* и являющійся цѣлью безконечно движимаго историко-мірового движенія, начинающагося исторически-закономѣрно съ разслоенія на классы господъ и несвободнаго населенія, чтобы въ концѣ концовъ возвести уже свободное разслоеніе на высокую ступень цивилизаціи; между этими двумя крайними историческими моментами лежатъ безконечно многообразныя переходы сословныхъ и классовыхъ разслоеній³⁴⁾.

³¹⁾ Dr. A. Schäffle, *ibid.*, первое изданіе, т. II, стр. 47, 56 и др.

³²⁾ Dr. A. Schäffle, *ibid.*, первое изданіе, III. Band. Spezielle Sozialwissenschaft, erste Hälfte, Tübingen 1878.

³³⁾ Dr. A. Schäffle, *ibid.*, первое изданіе, III B., стр. 83.

³⁴⁾ Dr. A. Schäffle, *ibid.*, первое изданіе, III B., стр. 90—91.

Въ этомъ длинномъ процессѣ историческаго развитія общества, сословное образованіе, съ точки зрѣнія *Шеффле*, является результатомъ принципа раздѣленія труда, различнаго приенособленія, на почвѣ этого принципа, народныхъ массъ. Выбѣтъ съ классовымъ, сословное расчлененіе вело всюду до сихъ поръ къ образованію господствующихъ высшихъ сословій и классовъ и подчиненныхъ низшихъ. Всюду и всегда такое разслоеніе на господствующихъ и зависимыхъ, высшихъ и низшихъ, являлось въ результатъ двухъ силъ: съ одной стороны—оно было результатомъ любви и пораженія во-вѣ и съ другой стороны—борьбы за существованіе внутри; въ то же время, разъ образовавшись, это разслоеніе удерживалось и закрѣплялось организаціей власти, превосходствомъ образованія, богатствомъ и всѣмъ тѣмъ вообще, что вело къ превосходству силы. Въ стремленіи же къ привилегированному существованію, замѣчаетъ *Шеффле*, среди господствующихъ сословій и классовъ недостатка никогда не было. То же обстоятельство, что это стремленіе могло быть осуществлено многочисленною частью населенія надъ массами народа, *Шеффле* объясняетъ духовнымъ и матеріальнымъ безспіемъ народныхъ массъ, ихъ нищетой и бѣдностью, недостаткомъ средствъ борьбы въ ихъ рукахъ, закрѣпленіемъ неравенства, узурпаціей власти²¹).

Разслоеніе населенія на свободныхъ и несвободныхъ *Шеффле* находитъ еще ранѣе образованія рабства, когда женщины, дѣти и вѣ, кто не могъ охотиться или воевать, должны были служить и выполнять работу, непріятную для господствующихъ слоевъ. Затѣмъ, съ появленіемъ рабства, неравенство и разслоеніе на свободныхъ и несвободныхъ продолжало развиваться, усложняясь и принимая различные виды въ разныя историческія эпохи, совершалась все на одномъ и томъ же базисѣ—борьбѣ за существованіе. Въ отношеніи къ послѣднему, „нынешнее сословіе, говоритъ *Шеффле*, явилось въ результатъ приеносходства силы въ социальной борьбѣ за существованіе, которая есть борьба сильного, а не борьба по договорному соглашенію или изъ-за конкуренціи;... было бы совершенно историческимъ приемомъ изслѣдованія—

²¹ Dr. A. Schöffle, *ibid.*, в. III, стр. 91.

признавать происхождение свѣтской и духовной аристократіи за результатъ злой воли и обмана народа и обезцѣнивать эволюціонно-историческую роль дворянства; его господство, такъ же какъ и господство духовенства, произошло въ силу превъсходства знанія, вооруженія, власти и владѣнія“³⁰).

Въ противоположности свободныхъ и несвободныхъ *Шеффле* видитъ основу „сословнаго“ разслоенія, и до сихъ поръ, послѣ многихъ тысячелѣтій, сохраняющаго свои слѣды. Въ данномъ случаѣ, однако, у него окончательно исчезаетъ граница между сословнымъ и классовымъ разслоеніями. Говоря о несвободномъ разслоеніи, *Шеффле* устанавливаетъ постепенный, но неуклонный прогрессъ въ сторону роста къ болѣе свободному социальному разслоенію. Въ исторіи развитія социальныхъ отношеній онъ видитъ неуклонный путь къ эмансипаціи: вытѣсъ съ организаціей власти, совершается процессъ концентраціи народныхъ массъ; сращиванье населенія городовъ съ населеніемъ деревень; организація народнаго войска и образованіе правового государства; капиталъ, концентрирующійся въ крупныхъ хозяйствахъ, ведетъ за собою необходимо и пролетаріатъ; самъ капиталъ требуетъ роста народнаго образованія, такъ какъ безъ послѣдняго невозможно быть сильнымъ въ міровой конкуренціи; отсюда—тенденція къ эмансипаціи „четвертаго сословія“; сами „господствующіе и владѣющіе“ скопляють теперь во все большую и большую внутренне связанную силу коллективъ народа и разбиваютъ послѣдніе остатки несвободы, дѣлая это быстрѣе и самоубійственнѣе, чѣмъ было раньше передъ эпохой освобожденія“³¹). Въ концѣ концовъ, находитъ *Шеффле*, благодаря обобществленію труда и хозяйства, произойдетъ полное исчезновеніе неравенства и господствующихъ классовъ; правда, „соціальныя различія руководителей и руководимыхъ“, по его мнѣнію, сохранятся и при общественномъ производствѣ; но это будетъ, говоритъ онъ, дѣломъ привилегій и аристократіи образованія; эти руководители будутъ людьми, облеченными довѣріемъ, выборными...³²).

³⁰) Dr. A. Schäffle, *ibid.*, III, стр. 96.

³¹) Dr. A. Schäffle, *ibid.*, III, стр. 99.

³²) Dr. A. Schäffle, *ibid.*, III, стр. 100.

Считая социальное развитие продуктомъ „естественнаго“ подбора въ борьбѣ за размноженіе и существованіе и ставя въ то же самое время образованіе социальныхъ классовъ на экономическую основу, *Шеффле* не можетъ избѣжать противорѣчій. Съ одной стороны, социальные образованія, какъ проявленія социального развитія, ему представляются продуктомъ естественнаго подбора. Съ другой стороны, тѣ же социальные образованія, сами по себѣ взятые, продуктъ народно-хозяйственныхъ отношеній. Въ борьбѣ за существованіе, на принципѣ которой совершается процессъ социального развитія, по словамъ *Шеффле*, „лѣтъ для науки никакой общей и планомерной руки“²⁰). Но въ такомъ случаѣ невозможно искать экономической закономерности и ставить на экономическую основу важнѣйшій элементъ социального развитія—социальное разслоеніе.

Характеризуя въ общихъ чертахъ ученіе *Шеффле* объ общественныхъ классахъ, мы можемъ вывести слѣдующія положенія: 1) *Шеффле* опредѣленно устанавливаетъ и развиваетъ какъ идею классоваго антагонизма, такъ и идею борьбы классовъ; но социальное значеніе и закономерность антагонизма и борьбы классовъ у него затушовавается тѣмъ, что онъ процессъ социального развитія подчиняетъ дѣйствию „естественнаго подбора и размноженія“ (*Zuechtwahl*); 2) различая классовое разслоеніе общества отъ сословнаго, *Шеффле* недостаточно ясно проводитъ, однако, это различіе, смѣшивая сословный раздѣлъ съ дѣленіемъ общества на профессіи; понятій профессіи, сословія и класса *Шеффле* не выясняетъ себѣ съ достаточной опредѣленностью; 3) устанавливая экономическую основу классоваго образованія, *Шеффле* видитъ таковую въ различіяхъ владѣнія, разумѣя подъ послѣдними различія, главнымъ образомъ, въ размѣрахъ дохода и имущества, т. е. богатства; такое обоснованіе классовъ страдаетъ всѣми недостатками теоріи богатства (см. ниже); 4) *Шеффле* развиваетъ идею трехчленнаго классоваго разслоенія; но три класса его—богатый, средний и бѣдный—имѣютъ лишь чисто количественное значеніе; качественное значеніе ихъ и ихъ взаимоотношенія остаются невы-

²⁰) Dr. Albert E. Fr. Schäffle. Gesammelte Aufsätze. Tübingen 1886. Erster Band, стр. 3.

ленными; въ этомъ послѣднемъ смыслѣ категория среднего класса остается у *Шеффле* безосодержательной.

Однимъ изъ видныхъ защитниковъ разбираемаго ученія, въ смыслѣ опредѣленія основы происхожденія общественныхъ классовъ и классового расчлененія общества размѣрами богатства, является также лейпцигскій профессоръ *Бюхеръ*. Вопросу о классахъ онъ посвящаетъ особый очеркъ въ своемъ „*Entstehung der Volkswirtschaft*“¹⁰⁾. Къ сожальнѣю, проблему классовъ *Бюхеръ* затрагиваетъ лишь въ своей полемикѣ, направленной противъ ученія объ общественныхъ классахъ *Шмоллера*, самостоятельно не изслѣдуя этого сложнаго предмета, а критикуя лишь нѣкоторые изъ основныхъ взглядовъ *Шмоллера*.

Въ очеркѣ „Организація труда и образованіе общественныхъ классовъ“ *Бюхеръ* ставитъ вопросъ: измѣется ли соответствіе между опредѣленною системою организаціи труда и опредѣленнымъ строемъ общества? Каково вліяніе первой на второй? Съ одной стороны, *Бюхеръ* видитъ, какъ отъ одного поколѣнія къ другому, вмѣстѣ съ одинаковымъ трудомъ, передается и одинаковый образъ мыслей; какъ уснѣтаемые, напримѣръ, развиваютъ въ себѣ одинаковыя чувства по отношенію къ своему уснѣтателю; какъ въ свою очередь уснѣтатели, или господствующій классъ, рѣзко отличаются отъ уснѣтаемаго и въ уснѣтственномъ и въ физическомъ отношеніи. Но, съ другой стороны, онъ находитъ причины и слѣдствія въ этомъ процессѣ слутанными въ крайне безпорядочный клубокъ перекрѣпчивающихся причинъ, особенно для раннихъ ступеней хозяйственнаго развитія. Несомнѣнно одно, однако, по мнѣнію *Бюхера*, что экономическая организація труда, дифференцируя людей, тѣмъ самымъ вліяетъ и на все общество. Но, спрашиваетъ *Бюхеръ*, поддерживаются ли послѣдствіеяной передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отца къ сыну, индивидуальныя различія между людьми, вызванныя раздѣленіемъ труда. *Шмоллеръ* отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, полагая, кромѣ того, что все социальное

¹⁰⁾ Dr. Karl Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Vorträge und Versuche. Vierte Auflage. Tübingen 1904 (IX: Arbeitsgliederung und soziale Klassenbildung, стр. 269—400.

разделение общества, все различия кастъ, сословій, классовъ,—все это покоится на разделеніи труда, и что въ современномъ обществѣ каждый выполняетъ ту или иную общественно-профессиональную функцию, благодаря своему умственному и физическому складу, своимъ нервамъ и мускуламъ, предопредѣленнымъ къ исполненію этой функции, въ силу именно наследственной передачи изъ поколѣнія въ поколѣніе, и что, далѣе, различія въ имуществѣ, почтѣ и доходѣ являются лишь вторичными послѣдствіями раздѣленія труда.

Рѣшительно выступая противъ взглядовъ *Шмоллера*, *Бюхеръ* доказываетъ обратное. Что касается возникновенія кастъ, жреческаго сословія, древнѣйшаго дворянства—поразительный выводъ *Шмоллера*, говоритъ онъ, можно было бы безъ труда перевернуть: различіе въ имуществѣ и доходахъ есть не слѣдствіе, а главная причина раздѣленія труда. Для исторіи древнѣйшихъ вѣковъ и средневѣковыхъ *Бюхеръ* считаетъ послѣднее положеніе вполне доказаннымъ. Какъ въ древней Греціи и Римѣ, такъ и у германскихъ и романскихъ народовъ въ средніе вѣка, основу сословныхъ различій онъ видитъ въ неравенствѣ размѣровъ и характерѣ земельладѣнія. Дворянство, крестьянство и рабы, по утверженію *Бюхера*, являются прежде всего различными въ имущественномъ отношеніи сословіями, которыя лишь со временемъ превращаются въ „профессиональные классы“. Появленіе въ средніе вѣка профессій, по мнѣнію *Бюхера*, также имѣетъ свои корни въ распредѣленіи имуществъ. Словомъ, говоритъ *Бюхеръ*, каждый шагъ, сдѣланный раздѣленіемъ труда въ средневѣковой промышленности, зависѣлъ отъ размѣровъ имущества. То же видитъ *Бюхеръ* и по отношенію къ торговлѣ: торговый классъ средневѣкова образовался благодаря тому, что городскіе землевладѣльцы, путемъ операцій по закладу домовъ, кредита и благодаря быстрому росту ценъ, стали обладать значительными движимыми капиталами. Точно также и образованіе класса неимущихъ рабочихъ *Бюхеръ* сводитъ къ процессамъ обезземеленія крестьянства, росту безработныхъ ремесленниковъ, благодаря проникновенію капитала въ производство, т. е. къ процессамъ имущественнаго характера.

Бюхеръ приходитъ къ выводу, что современная социальная диф-

ференціяція поконтя на различіяхъ въ распредѣленіи имущества: по профессіи создасть различные по имущественному состоянію классы; наоборотъ, выборъ профессіи обусловливается имущественнымъ состояніемъ; если сынъ рабочаго не можетъ въ наше время стать ничѣмъ инымъ, какъ только рабочимъ, то это объясняется не его унаслѣдованной профессиональной приспособленностью, а его бѣдностью. *Бюхеръ* рѣшительно возстаєтъ противъ шмоллеровской теоріи наслѣдственности дифференцированныхъ раздѣленіемъ труда индивидуальныхъ качествъ и склонностей. Всякая социально-профессіональная группировка совпадаетъ, по мнѣнію *Бюхера*, съ имущественной и доходной; имущество же и доходъ опредѣляютъ высоту социального уровня въ каждомъ классѣ, какъ въ умственномъ отношеніи, такъ и физическомъ, и вырабатываютъ особый образъ жизни. Поэтому, говоритъ *Бюхеръ*, необходимо различать между тѣмъ, что является слѣдствіемъ общаго уклада жизни, и тѣмъ, что можетъ быть приписано на счетъ наслѣдственной передачи.

Бюхеръ насчитываетъ 6—8 социально-профессіональных классовъ въ современномъ обществѣ, но точно ни разъясняетъ своего понятія „социально-профессіональнаго“ класса, ни дѣлаетъ болѣе точнаго указанія на то, какіе именно эти классы⁴¹⁾.

Какъ ни отрывочны замѣчанія *Бюхера* по вопросу объ обществѣнныхъ классахъ, мы все-же можемъ установить съ несомнѣтельностью основную взгляды *Бюхера* на классовое разслоеніе общества. Основу классоваго дѣленія и классовыхъ различій *Бюхеръ* видитъ въ имуществѣ и доходѣ, т. е. въ богатствѣ. Изъ имущественныхъ различій онъ выводитъ и различія классовъ. Но какъ же отгораживается *Бюхеръ* отъ шмоллеровской основы (профессіи и раздѣленіе труда) и какъ онъ протестуетъ противъ шмоллеровскаго положенія о причинномъ взаимоотношеніи между профессіей и классомъ, онъ все-же сближаетъ то и другое понятія, создавая понятіе

⁴¹⁾ Въ „Die Bevölkerung des Kantons Baselstadt am 1. Dezember 1888“ (Basel, 1890) *Бюхеръ* говоритъ о социально-профессіональныхъ классахъ населенія, опредѣляя ихъ по двумъ признакамъ: 1) по ихъ социальному положенію; 2) по положенію ихъ въ профессіи (стр. 70). Судя по приложеннымъ къ „Die Bevölkerung“ таблицамъ, можно думать, что такіе социально-профессіональные классы *Бюхеръ* находитъ пять, а именно: 1) предприниматели-хозяева, 2) частно-служащіе; 3) квалифицированные рабочіе; 4) чернорабочіе; 5) прислуга. Но, неограниченно, болѣе опредѣленной классификаціи населенія по социально-профессіональнымъ классамъ *Бюхеръ* не дѣлаетъ.

соціально-професіонального класу. Послѣднее дѣлаетъ позицію *Бюхера* въ выясненіи понятія общественнаго класу и его основы крайне неопредѣленной. Эта неопредѣленность объясняется тѣмъ, что *Бюхеръ* ширѣ не провелъ достаточно рѣзкаго разграниченія между профессіей и соціальнымъ класомъ. Вся заслуга *Бюхера* въ ученіи объ общественныхъ класухъ лишь въ его основательной критикѣ наиболѣе слабыхъ положеній шмоллеровской теоріи класуовъ.—

Среди защитниковъ теоріи богатства, какъ основы классового расчлененія, мы встрѣчаемъ также проф. *Визе*, который развиваетъ ученіе о класуахъ въ рядѣ работъ: впервые въ лекціи, прочитанной въ „Союзѣ индустріально-техническихъ служащихъ“, на тему о „Развитіи сословіи и образованіи класуовъ“; затѣмъ въ „Основахъ ученія объ обществахъ“ и, наконецъ, въ „Введеніи въ социальную политику“¹²⁾.

Въ „Standesentwicklung und Klassenbildung“ *Визе* пытается провести различіе между „класуомъ“ и „сословіемъ“; показать, что между ними общаго и что эти понятія раздѣляетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объяснить, какое положеніе въ проблемѣ класуовъ занимаютъ частно-служащіе. Какъ же разубѣждаетъ *Визе* эти вопросы?

Сословіе, въ представленіи *Визе*, означаетъ совокупность лицъ, которыхъ связываетъ одна и та же профессія и общій трудъ въ одной и той же области соціальной и хозяйственной жизни. Класуи же, говоритъ онъ, покоются на отношеніяхъ владѣнія: класуъ—это совокупность лицъ, которыхъ связываютъ одинаковые размѣры владѣнія. Чтобы обосновать это различіе между класуомъ и сословіемъ, *Визе* дѣлаетъ попытку прослѣдить ходъ общественной дифференціаціи, начиная съ родового періода. Неравенство въ размѣрахъ владѣнія, какъ основу соціальнаго дифференцированія, *Визе* находитъ не для всѣхъ періодовъ общественнаго развитія. Самая ранняя дифференціація общества на свободныхъ и несвободныхъ произошла, по его мнѣнію, не на основѣ отношеній владѣнія, но

¹²⁾ 1. Dr. L. von Wiesse. Standesentwicklung und Klassenbildung. Vortrag, gehalten im Bunde der technisch-industriellen Beamten. Berlin 1906. 2. Auflage. Verlag von Karl Schlich—2., L. von Wiesse, Zur Grundlegung der Gesellschaftslehre. Jena 1906. 3., Dr. Leopold von Wiesse. Einführung in die Sozialpolitik. Handels-Hochschule-Bibliothek, Band 9. 1910. Verlag von G. A. Glöckner in Leipzig.

на основѣ „біологическаго различія расовой принадлежности“; свободные и несвободные въ этомъ періодѣ—это раса побѣдителей и раса побѣжденныхъ. Дальнѣйшая стадія дифференціаціи начинается, какъ думаетъ *Визе*, съ выдѣленіемъ изъ группы свободнаго населенія духовенства и воиновъ;—они образуютъ собою первую аристократію. Здѣсь выступаютъ на первый планъ уже различія въ земельной собственности. Дворянство, народъ и несвободные—это градацин населенія въ связи съ объемомъ земельного владѣнія или невладѣнія. Въ новой стадіи общество начинаетъ выдѣлять ремесленниковъ и купцовъ; совершается дифференціація между городомъ и деревней; происходитъ расчлененіе по профессіямъ; развивается обмѣлъ, укрѣпляющій ремесло и торговлю; складывается мало по малу городское „среднее сословіе“; деревня также продолжаетъ разсматриваться, разбиваясь на господъ—землевладѣльцевъ, полусвободныхъ крестьянъ (изъ свободнаго раньше, но слабого мелкаго крестьянства) и зависимыхъ (*Hörige*). Выстъ съ тѣмъ, какъ представляетъ себѣ ходъ эволюціи сословіи и классы *Визе*, растущее раздѣленіе труда создаетъ новыя дѣленія. Изъ духовенства возникаютъ либеральныя профессіи; появляются врачи, художники, юристы; возникаютъ группы умственныхъ (головныхъ) работниковъ, не создающихъ новыхъ цѣнностей, а живущихъ на счетъ производительной части населенія города и деревни. Къ концу среднихъ вѣковъ, *Визе* находитъ, такимъ образомъ, общество раздѣленнымъ, съ одной стороны, на рядъ идущихъ одна за другой профессій (вертикальный раздѣлъ), ведущихъ болѣе или менѣе обособленную жизнь; это сословное раздѣленіе общества; съ другой стороны, всѣ эти сословные ряды профессій разслаиваются на три различныхъ слоя: аристократію, среднее сословіе и несвободныхъ, (горизонтальный раздѣлъ); эти послѣдніе слои и составляютъ *классы*. Сословіе и классъ *Визе* считаетъ покрывающими до некоторой степени другъ друга до появленія городского патриціата, когда аристократія и крупное земледѣліе впервые переставали уже совпадать одна съ другимъ. Толчкомъ обособленія сословія отъ класса послужило отчасти появленіе и образованіе движимаго капитала (денежнаго). Деньги дѣлаются новымъ средствомъ для достиженія силы. Различія владѣнія становились еще болѣе рѣзки-

ми. Съ упраздненіемъ цеховыхъ рамокъ и сословныхъ привилегій: стали обозначаться особенно рѣзко расходящіяся два крайнихъ слоя: стоящихъ на верху богатства, съ одной стороны, и немущихъ, съ другой.

Для современныхъ отношеній *Визе* находитъ еще остатки нѣкоторыхъ сословныхъ различій въ обществѣ. Большие того, онъ думаетъ, что, за исключеніемъ палаточной системы, сословная организація играетъ еще замѣтную роль въ современной жизни. Куда же относить *Визе* частно-служащихъ? Онъ сближаетъ въ данномъ случаѣ частно-служащихъ съ рабочими, такъ какъ и тѣ и другіе одинаково должны паходить на сторонѣ „примѣненіе“ своимъ силамъ. *Визе* думаетъ, что частно-служащихъ въ концѣ концовъ отдѣляетъ отъ капиталистовъ глубокая социальная пропасть: обѣ группы стоятъ по своимъ интересамъ въ антагонизмѣ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени. Единственно-связующимъ элементомъ между капиталистомъ и служащимъ *Визе* считаетъ образованіе: послѣднее дѣлаетъ возможнымъ, по его мнѣнію, взаимное пониманіе между ними.

Всѣ эти положенія свои *Визе* развиваетъ и въ „*Einführung in die Sozialpolitik*“, находя совершенно правильно, что всѣ социально-политическіе изслѣдованія должны считаться съ фактомъ образованія социальныхъ классовъ, такъ какъ поле социальной политики и составляютъ классы. Здѣсь *Визе* еще болѣе укрѣпляется въ своихъ взглядахъ на основу и происхожденіе социальныхъ классовъ, при чемъ взгляды его можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) на самой ранней ступени человѣческаго общенія, первичныя образованія общественныхъ группъ покоятся на кровномъ родствѣ и отношеніяхъ пола; позднѣе выступаетъ на сцену расовая основа, приводящая къ классовому антагонизму и образующая, съ появленіемъ рабства, два социальныхъ слоя: побѣдителей-господъ и побѣжденных-рабовъ; отсюда, „первая классовая противоположность—это различія расы и крови“; наконецъ, съ момента осѣдлости и развитіемъ земледѣлія, классовобразующей основой выступаютъ различія во владѣніи и въ обуславливающейся послѣднимъ хозяйственной силѣ⁴³⁾);

⁴³⁾ Dr. L. von Wiese, *ibid.*, стр. 35—36.

2) вначалѣ, однако, различія владѣнія являются классовобразующимъ факторомъ въ связи съ раздѣленіемъ труда и появленіемъ профессій; (что является здѣсь примарнымъ—профессиональное раздѣленіе или различія владѣнія—этотъ спорный пунктъ оставляется безъ разсмотрѣнія); но для позднѣйшаго времени и особенно для современной культуры, различія въ размѣрахъ владѣній выступаютъ на первый планъ, имѣя теперь рѣшающее вліяніе;

3) сословія, прежде всего,—результатъ общественнаго раздѣленія труда; классы же покоются на отношеніяхъ владѣнія; для сословій рѣшающій факторъ—профессія, для классовъ—собственность; сословное расчлененіе наиболѣе всего рельефно выступало въ позднѣйшемъ періодѣ средневѣковья; группообразующій характеръ хозяйственно-техническаго труда толкаетъ купцовъ къ обособленію въ гильдіи, а ремесленниковъ—въ цехи; понятіе класса и сословія здѣсь почти совершенно покрываются;

4) можно установить трехчленное дѣленіе общества на классы, а именно: на аристократію, средній классъ и пролетаріатъ; наиболѣе старой даты—образованіе аристократіи (воины, жрецы, купцы), причемъ сущность аристократіи докончена на процессѣ отбора, который „всегда соединяется съ извѣстнымъ прогрессомъ соціального развитія“; безъ образованія аристократіи немислимъ процессъ;

5) образованіе пролетаріата идетъ параллельно съ ростомъ аристократіи; пролетаріатъ—это всѣ тѣ, кто не смогли приобрѣсти капитала или имѣть доходъ отъ болѣе высокаго вида труда, а принуждены для обезпеченія существованія жить на заработную плату;

6) между аристократіей и пролетаріатомъ стоитъ средній слой; размѣръ его относительно двухъ другихъ слоевъ (классовъ) характеризуетъ степень культуры каждой соціальной эпохи; если число головъ средняго слоя и его доля въ національномъ богатствѣ незначительны, страсть грозитъ застою;

7) до образованія патриціата городовъ и появленія денежнаго капитала, общество распадалось на слѣдующіе классы: 1) аристократію составляли крупные помѣщики-землевладѣльцы, 2) пролетаріатъ—крѣпостные крестьяне и зависимые съ челядью, 3)

средний слой—свободные крестьяне и горожане в городах, где средний класс составлял и среднее сословие;

8) с появлением капитала, падением крепостничества, развитием капиталистического производства и проч., выдвигается заглавную двухчленную разслоение общества на имущих и неимущих; с этого момента классы и сословия стали различаться, а различия в размерах владения приобретали решающее значение.

Как мы видим, основа классового расчленения у *Визе* отличается неустойчивостью. Она не выдерживает строгой последовательности и изменяется в зависимости от характера различных периодов исторического развития общества: иногда такой классообразующей основой, по *Визе*, являлось кровное родство, затем раса, позднее—профессия и разделение труда, и лишь для капиталистического хозяйства—богатство. Таким образом, такой же последовательностью и неустойчивостью отличается у *Визе* и идея 3-х классов, которая сменяется у него для капиталистического общества идеей 2-х классов. Последние же идеи противоречат идее среднего класса, которому *Визе* придает большое значение и без которого он не видит устойчивости общества. Все это сообщает учению *Визе* характер незыблемости, непоследовательности и неполноты.

Среди представителей теории общественных классов на основе богатства мы встречаем и такого видного бельгийского социолога, как *ванъ Овербергъ*.

В вопросе об общественных классах *ванъ Овербергъ* занимает очень видное место. Это собственно первый из социологов, который попытался свести в систему различные учения о социальных классах и подвергнуть их критическому пересмотру и оценке.

В „La classe sociale“⁴¹⁾ *ванъ Овербергъ* подверг тщательному разбору труды парижского социологического общества, обсуждавшего на своих заседаниях (в 1903 г.) проблему социальных классов. Кроме французских социологов, *Овербергъ* излагает

⁴¹⁾ *Cyr. van Overbergh. La classe sociale. Extrait des Annales de la Société belge de sociologie. 2e serie. Bruxelles 1905. Oscar Schepens et Cie éditeurs.*

и разбираетъ ученія нѣкоторыхъ изъ наиболѣе видныхъ экономистовъ, занимавшихся проблемой классовъ, главнымъ образомъ, ученія катедръ-соціалистовъ (*Шейфле, Бюхеръ, Шмоллеръ, Жидъ*). Но наиболѣе всего вниманія онъ останавливается на ученіи о классахъ марксистской социалистической школы, главнымъ образомъ—на ученіи *Маркса-Каутскаго*. Вмѣстѣ съ этимъ *Овербергъ* пытается установить и собственный взглядъ на проблему классовъ и классового расчлененія общества.

Сама по себѣ попытка *Оверберга* подвести итоги ученію объ общественныхъ классахъ, какъ мы увидимъ, не отличается полнотой. Вопросъ о социальныхъ классахъ *Овербергъ* считаетъ вопросомъ, подлежащимъ вѣдѣнію социологін и составляющимъ одну изъ самыхъ важныхъ частей послѣдней. Впервые, проблему классовъ, въ качествѣ грандіознаго синтеза, вводитъ въ науку, по его мнѣнію, *Марксъ*: его теорія классовой борьбы горячо обсуждается и критикуется. Но, говоритъ *Овербергъ*, въ своей полемикѣ съ марксизмомъ ученый міръ не оставался на строго научной точкѣ зрѣнія: систему марксизма искажали, относились къ ней съ пренебреженіемъ, или же нападали на нее съ пристрастіемъ и съ предвзятой точки зрѣнія. Лишь недавно, когда „восторжествовала историческая школа“, стало исчезать, какъ думаетъ *Овербергъ*, предубѣжденіе противъ теоретической системы *Маркса*, и „проблема социальныхъ классовъ, ихъ происхожденія, ихъ опредѣленія, законовъ ихъ развитія и ихъ исторической эволюціи“ стала находить себѣ научную атмосферу⁴⁾.

Оцѣнивая споры въ социологическомъ парижскомъ обществѣ по вопросу о социальныхъ классахъ и извѣстную уже намъ книгу *Бюэра* „*Les classes sociales*“, *Овербергъ* поражается тѣмъ, какъ мало французскіе социологи удѣлили вниманія своимъ предшественникамъ и даже тѣмъ изъ современныхъ писателей, которые занимались вопросомъ о социальныхъ классахъ; во время дебатовъ въ парижскомъ обществѣ, если не считать *Вормса*, даже не были упомянуты имена мыслителей, съ такимъ талантомъ развивавшихъ идею классовъ (*Марксъ* и др.); только президентъ общества—

⁴⁾ *Cyr. van Overbergh, ibid., стр. 5—6.*

Дельбе, говорить *Овербергъ*, извлечь главнѣйшую часть своей рѣчи из марксистской теоріи, не называя, однако, источника").

Лишь *Марксъ*, думаетъ *Овербергъ*, впервые придаѣлъ социальному классу ту высокую историческую цѣнность, которая скрывается въ этомъ понятіи. По *Марксу*, говоритъ *Овербергъ*, основа социальныхъ классовъ—въ фактъ собственности или отсутствіи собственности на средства производства: классъ буржуазіи—это классъ собственниковъ капитала; классъ пролетаріата—это классъ лицъ, ничего не имѣющихъ, кромѣ рабочей силы (труда); средній классъ—это классъ лицъ, обладающихъ и небольшимъ капиталомъ, и собственной рабочей силой. По *Овербергу*, слѣдовательно, въ марксистскомъ пониманіи, понятіе социального класса покоится на владѣнн, на собственности или отсутствіи послѣдней: тотъ, у кого таковая мыслится,—буржуа; гдѣ ея нѣтъ—пролетаріатъ. Этого мало: *Овербергъ* полагаетъ, что, согласно *Марксу* и его школы, современное общество расчленяется не по двухчленной формулѣ (буржуазія—пролетаріатъ), а по трехчленной; но что марксова трехчленная формула не совпадаетъ съ формулой социального раздѣла на классы, устанавливаемого *А. Смитомъ*, (капиталисты—землевладельцы—рабочіе); по мнѣнію *Оверберга*, трехчленная формула *Маркса* и его послѣдователей сводится къ слѣдующимъ классамъ: буржуазія—средній классъ—пролетаріатъ. Мысль *Маркса* *Овербергъ* изображаетъ образно такъ: есть два океана, раздѣленные небольшимъ мысомъ, который омывается водою то съ одной стороны, то съ другой; одинъ океанъ—это буржуазія, другой—пролетаріатъ; мысъ—это убѣжище для среднихъ классовъ, все болѣе и болѣе срывающихся, главнымъ образомъ, въ океанъ пролетаріата.

Представляя, однако, ученіе *Маркса* о социальныхъ классахъ по формулѣ „буржуазія—средніе классы—пролетаріатъ“, *Овербергъ* не соглашается съ *Марксомъ* въ вопросѣ объ исчезновеніи среднихъ классовъ. Онъ думаетъ, что, вопреки утвержденію *Маркса*, „между капиталистическимъ и пролетарскимъ классами со дня на день подымается и вырастаетъ новый средній классъ, очень многочисленный классъ *интеллигенціи*, который можно называть

^{*)} *Cyг. van Overbergh, ibid., стр. 41—43.*

интеллектуальнымъ классомъ; его составляютъ: директора фабрикъ, инженеры, химики, техники всякаго рода, даже нѣкоторые изъ квалифицированныхъ мастеровъ; кромѣ того—огромная армія чиновниковъ, журналистовъ, художниковъ, учителей, офицеровъ etc⁴⁷⁾. *Овербергъ* думаетъ, что растущую силу интеллигенции нельзя игнорировать, что съ „новымъ среднимъ классомъ“ приходится все болѣе и болѣе считаться. „Коммунистическій Манифестъ“, по мнѣнію *Оверберга*, не предвидѣлъ силы и роста этого средняго класса: инстинктивный инстинктивизмъ буржуазіи и пролетариата у *Маркса* отсталъ въ сторону всѣ остальные элементы общества, не считаясь съ ними.

Въ освѣщеніи ученія *Маркса* и его школы *Овербергъ*, однако, неправъ: экономическая база социальныхъ классовъ, по *Марксу*, вытекаетъ не изъ факта владѣнія или не-владѣнія средствами производства, какъ думаетъ *Овербергъ*, а изъ отношеній въ производствѣ; *Овербергъ* не сумѣлъ формулировать правильно самой существенной стороны ученія *Маркса* и его школы по вопросу о социальныхъ классахъ; абстрактная формула раздѣленія современнаго общества у *Маркса* не трехчленная, какъ ошибочно представляеть это *Овербергъ*, а двухчленная; для *Маркса*, какъ это мы увидимъ ниже, социальный классъ—категорія экономическая, т. е. производственное отношеніе; какъ таковое, у *Маркса* социальный классъ—это абстрактная категорія, понятие сущности которой можно лишь, изучая производственныя отношенія, рождающіяся въ производственномъ процессѣ; производственное отношеніе для *Маркса* всегда являлось абстракціей; тѣ же категоріи, которыя составляютъ по *Овербергу* средній классъ, не входятъ въ производственный процессъ, какъ онъ представляется въ абстракціи для капиталистическаго хозяйства; поэтому, среднему классу *Маркса*, вопреки утвержденію *Оверберга*, не могъ давать мѣсто на ряду съ буржуазіей и пролетариатомъ; общей чертой великаго класса, по ученію *Маркса* и его школы, является, какъ думаетъ *Овербергъ*, борьба за привилегіи, за права, во вредъ своимъ соперникамъ, и ради послѣдняго рабочий классъ и добивается политической власти въ государствѣ; такое представленіе о содержаніи и мотивахъ

⁴⁷⁾ *Cyr. van Overbergh, ibid., стр. 60.*

борьбы пролетариата далеко не совпадаетъ съ дѣйствительнымъ учениемъ *Маркса* и его школы: со стороны пролетариата борьба идетъ, по учению *Маркса*, вовсе не за привилегіи, а за уничтоженіе привилегій.

Въ чемъ же состоятъ собственные взгляды *Оверберга* по вопросу объ общественныхъ классахъ?

Изученіе прошлаго показываетъ, по мнѣнію *Оверберга*, что классы не всегда существовали; въ самую раннюю эпоху классовъ еще не было. Не легко, правда, установить самый моментъ происхожденія классовъ. Но въ этомъ отношеніи, по мнѣнію *Оверберга*, можно согласиться съ положеніемъ, устанавливаемымъ марксизмомъ, — что вопроса о классахъ не могло быть, прежде чѣмъ человеческая рабочая сила не стала въ состояніи создавать больше, чѣмъ необходимо на содержаніе ея и на возстановленіе всѣхъ затратъ при производствѣ. Въ частности, однако, *Овербергъ* по соглашается съ *Энгельсомъ*: положеніе *Энгельса* о томъ, что необходимая для условій возникновенія классовъ производительность труда наступила впервые съ возникновеніемъ ткачества и плавленія желѣзной руды, по мнѣнію *Оверберга*, не находятъ подтвержденія въ исторіи; первобытная техника вообще не настолько еще изучена, думаетъ *Овербергъ*, чтобы можно было установить моментъ зарожденія общественныхъ классовъ; но все же мы находимъ, говоритъ онъ, что, вопреки *Энгельсу* и *Моргану*, были народы, достигшіе сравнительно высокаго экономическаго развитія, прошедшіе даже хозяйственную систему рабства, и тѣмъ же мѣнѣе не знавшіе никакихъ желѣзныхъ орудій; такъ, по Rougemont, пользованіе каменными орудіями и средствами защиты у германцевъ практиковалось вплоть до VI—VII-го вѣка нашей эры, въ Ирландіи до VIII—IX-го, въ Вогеміи — до XV вѣка⁴⁸).

Овербергъ склоненъ скорѣе принять положеніе *Шмоллера*, который строитъ происхожденіе социальнаго класса внутри племени и безъ соотношенія съ установленіемъ рабства. Эту гипотезу *Овербергъ* считаетъ болѣе вѣроятной, чѣмъ гипотезу *Энгельса*, полагавшаго, что первый классовый антагонизмъ — это антагонизмъ между рабомъ и господиномъ. Точно опредѣлить моментъ зарожде-

⁴⁸ Cyp. van Overbergh, *ibid.*, стр. 166.

для общественных классов, при современном состоянии научного знания, *Оверберг* считает невозможным. Для этого необходимы, говорит он, более глубокие монографические исследования. Сам *Оверберг* этих исследований, однако, не делал. Для него достаточно лишь того общего признания, что классы возникают с момента появления имущественного неравенства, что неравенство собственности внутри общества является достаточным источником для образования классов, безразлично, откуда бы это неравенство собственности ни исходило⁴⁹).

Разъ зародившись внутри общества, общественные классы уже не исчезают, по мнению *Оверберга*: они могут принимать в различные исторические эпохи различные формы и иметь различные названия, выступать иногда ярче, иногда сглаживать свои контуры, но остаются жить, пока живо общество. Хотя *Маркс* и *Энгельс*, говорит *Оверберг*, и преувеличивали роль классов в истории, но заслуга их в том, что они впервые отметили с такой выпуклостью и яркостью непрерывности существования социальных классов в том обществе, где они родились. И *Оверберг* считает удивительным, что в наше время имеются еще писатели, утверждающие, что социальных классов в современном обществе нет. „Сознательно или бессознательно, они сближаются, говорит *Оверберг*, понятие „класс“ с понятием „сословие“: что вместе с старым режимом исчезли сословия, это факт; но что классы существуют, растут и развиваются, этого ни один серьезный социальный исследователь не станет отрицать“. Не считает возможным *Оверберг* отрицать в наше время и факт борьбы классов, „которая раздражает современный промышленный мир“⁵⁰).

В чем же видит *Оверберг* основу образования общественных классов? „Основа социальных классов, говорит он, экономической и юридической природы, каково бы ни было их происхождение“⁵¹). Такая основа настолько неопредѣлена, что *Оверберг* дает ряд пояснений к этому, которые в общем

⁴⁹) *Cyr. van Overbergh*, *ibid.*, стр. 169.

⁵⁰) *Cyr. van Overbergh*, *ibid.*, стр. 170.

⁵¹) *Cyr. van Overbergh*, *ibid.*, стр. 171.

сводятся къ слѣдующему: каждый классъ соответствуетъ особому рангу, занимаемому имъ въ обществѣ, и обладаетъ особой степенью престижа въ обществѣ; но и рангъ и престижъ, въ свою очередь, покоятся, какъ общее правило, на богатствѣ и доходахъ, которыми обладаетъ каждый классъ, независимо отъ того, какими путемъ эти доходы его и богатства приобретены; отнимите эту матеріальную основу, потеряютъ свою силу и престижъ и рангъ; вокругъ этой матеріальной основы, какъ вокругъ главнаго ядра, какъ вассалы вокругъ сюзерена, группируются права и привилегіи, которыми обладаетъ каждый социальный классъ, его нравы и обычаи, его идеология, словомъ—всѣ тѣ второстепенные признаки, которые въѣшнее отличаютъ одинъ классъ отъ другого. Итакъ, база общественныхъ классовъ—это фактъ владѣнія или невладѣнія богатствомъ; и къ этой основѣ не имѣютъ прямого отношенія, по мнѣнію *Оверберга*, ни законы цѣнности *Маркса*, ни его теорія прибавочной цѣнности. Отсюда *Овербергъ* выводитъ существованіе трехъ классовъ: 1) классъ собственниковъ или капиталистовъ—предпринимателей; 2) классъ пролетаріевъ, лишенныхъ богатствъ и живущихъ на долю въ общественномъ доходѣ, получаемую въ видѣ заработной платы, и 3) средніе классы, т. е. крестьяне, ремесленники, мелкіе торговцы и лавочники, даже, пожалуй, частные служащіе и чиновники⁵⁸). Всѣ эти общественные классы, говоритъ *Овербергъ*, покоятся на экономическомъ фундаментѣ; всѣ они базируются на обладаніи богатствомъ или на видѣ дохода; вся борьба между этими классами имѣетъ въ своей основѣ тотъ же экономическій фундаментъ; всѣ конфликты классовъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ экономическую подкладку; въ основѣ борьбы классовъ—одинъ общій мотивъ: увеличеніе своего матеріальнаго благополучія, своей доли въ доходѣ. Такой взглядъ *Оверберга* въ общемъ какъ будто сближаетъ его съ ученьемъ *Маркса*, но *Овербергъ* слѣдуетъ здѣсь сдѣлать рядъ оговорокъ по поводу влияния на ходъ исторіи и на общественную жизнь личности, личной инициативы отдѣльныхъ индивидовъ, роли идеологическихъ факторовъ вообще. Словомъ, принимая богатство за основу образованія общественныхъ классовъ, *Овербергъ* не сторонникъ того положенія, что вся исторія челове-

⁵⁸) *Cyr. van Overbergh*, *ibid.*, стр. 172—173.

ческаго общества есть исторія борьбы классовъ. Въ исторіи средневѣковья и античнаго запада *Овербергъ* находитъ подтвержденіе истинности устапавливаемой имъ основы классовъ. Война между богатыми и бѣдными, говоритъ онъ, это трагическій фонъ всей исторіи античныхъ республикъ; къ этому выводу приходятъ послѣдователи *Нитчи* и *Моммзена*, *Гиршфельда* и *Дройзена*, *Эд. Мейера* и *Белоха*, *Пѣльмана* и *Вебера*, *Каутскаго* и *Шмоллера*²³).

Установивъ основу образованія и развитія социальныхъ классовъ, *Овербергъ* считаетъ необходимымъ строгое разграниченіе между понятіемъ класса и понятіемъ профессіи, профессиональнаго расчлененія отъ классоваго; при этомъ, особое вниманіе онъ останавливаетъ на вопросѣ о тѣхъ функціяхъ, которыя вѣсуть социальные классы, по его мнѣнію, въ общественной жизни. *Овербергъ* не довольствуется простымъ лишь установленіемъ классовой основы и факта классовой борьбы за долю въ богатствѣ, какъ онъ понимаетъ эту борьбу. Онъ полагаетъ, что каждый классъ выполняетъ особую „функцію“. Каждый классъ, думаетъ *Овербергъ*, въ обществѣ выполняетъ особыя „роли“, только ему присущія. Такихъ классовыхъ „функцій“ *Овербергъ* различаетъ два вида: функціи экономическія и функціи „соціальныя“. Что же это за функціи? Экономическая функція это такая, прежде всего, говоритъ *Овербергъ*, которая покоится и вытекаетъ изъ „природы богатства, составляющей основу класса и юридическое условіе собственности“; социальная же функція класса такая, которая „находится въ тѣсной связи съ экономической функціей“; она вытекаетъ изъ послѣдствій, какъ слѣдствіе изъ причины. Къ чему сводятся та и другая функція? По ученію *Оверберга*, экономическая функція капиталистическаго класса—организовывать и управлять фондомъ средствъ производства; экономическая же функція рабочаго класса—вкладывать въ производство свою рабочую силу. *Овербергъ* приводит по этому поводу слова *Гоббо*, согласно которому буржуазія несетъ регулятивныя функціи, а низшій классъ „предназначенъ“ къ оперативнымъ функціямъ.

Овербергъ не оставляетъ безъ экономической функціи и третій классъ—„средніе классы“, т. е. классъ тѣхъ, которые вкладываютъ

²³ Cyr. van Overbergh, *ibid*, стр. 175.

собственную рабочую силу въ собственные средства производства; ихъ функція (экономическая)—„быть, если не необходимыми, то во всякомъ случаѣ полезными посредниками между двумя крайними классами, и кромѣ того—дѣлать болѣе интенсивнымъ производительный трудъ“⁴⁴). Въ чемъ состоитъ это экономическое посредничество средняго класса между буржуазіей и пролетариатомъ и какимъ образомъ „средніе классы“ „интенсифицируютъ производительный трудъ“,—этого *Овербергъ* не раскрываетъ.

Въ чемъ же, по *Овербергу*, „соціальная“ функція классовъ? Она вытекаетъ, какъ мы видѣли, изъ экономической функціи, являясь слѣдствіемъ послѣдней, и состоитъ въ руководствѣ (*diriger*) соціальной жизнью. Такова, по крайней мѣрѣ, соціальная функція „высшаго класса“: опираясь на управленіе производствомъ въ общественной жизни, „высшій классъ“ даетъ „направленіе“ всему соціальному развитію общества во всѣхъ отнѣсѣніяхъ: религіозномъ, моральномъ, юридическомъ, политическомъ и т. д.. Какковы же соціальныя функціи средняго класса и „низшаго“,—объ этомъ *Овербергъ* умалчиваетъ. Очевидно, по его представленію, выполнять „соціальныя“ функціи—это удѣлъ только „высшихъ“ классовъ, „низшіе“ же классы остаются съ одной лишь экономической функціей, безъ „соціальной“.

Это ученіе о „функціяхъ“ классовъ является у *Оверберга* вообще чрезвычайно неудачнымъ. Уже неудачно обособленіе понятій экономического отъ соціального и принятіе самостоятельнаго существованія одного отдѣльно отъ другого. Въ этомъ различеніи классовъ по ихъ функціямъ мы узнаемъ уже знакомыя намъ идеи *Л. Штейна*. *Овербергъ* повторяетъ попытку *Штейна*, дѣлѣвшаго классы, какъ мы видѣли, на общественныя и экономическіе. Эта попытка *Л. Штейна* воспроизводится *Овербергомъ* со всеми ея ошибками и недостатками. Приходится удивляться, что болѣе чѣмъ полвѣка, отдѣляющаго *Л. Штейна* отъ нашего времени, ни на шагъ не подвинули въ данномъ пунктѣ соціологическую мысль *Оверберга*.

Въ тѣсной связи съ основой и функціями классовъ, стоитъ, по мнѣнію *Оверберга*, и классовая іерархія съ ея рангами. Эта іерар-

⁴⁴ *Cyn. van Overbergh, ibid., стр. 182.*

хія покоится, какъ думаетъ *Овербергъ*, не столько на степеняхъ богатства, сколько на важности функций, выполняемыхъ тѣмъ или инымъ классомъ: высшая функция создаетъ классу и соответствующій высшій рангъ; на верху іерархической лѣстницы находятся высшіе классы, потому что они управляютъ общественнымъ производствомъ, функция же управленія—болѣе важная, чѣмъ другія функции. Почему собственно функция управленія важнѣе, чѣмъ оперативныя функции, этого, однако, *Овербергъ* не разъясняетъ. Рангъ онъ считаетъ основной чертой, характеризующей понятие социальнаго класса, и различаетъ въ данномъ случаѣ классы: высшій, средний и низшій. Но и рангъ и функции *Овербергъ* не считаетъ классо-образующими причинами, а лишь слѣдствіями, вытекающими изъ основной причины образованія классовъ—различій въ богатствѣ. Выстѣ съ этимъ, онъ не хочетъ отнять классо-образующаго значенія и у тѣхъ основъ, на которыхъ строилъ свое ученіе объ общественныхъ классахъ *Шмоллеръ*. „Имѣются,—говоритъ *Овербергъ*,—три главныхъ причины образованія классовъ: раздѣленіе труда, раса, обладаніе богатствомъ; въ порядкѣ своего значенія эти причины располагаются такъ: 1) обладашіе богатствомъ (владѣніе), 2) раса, 3) раздѣленіе труда“⁵⁵).

Итакъ, гдѣ же въ концѣ концовъ причина образованія социальныхъ классовъ? Въ послѣднемъ утвержденіи *Оверберга* основа социальныхъ классовъ, которую онъ раньше находилъ въ богатствѣ, теперь сводится уже не къ одному богатству, а еще къ двумъ другимъ причинамъ, дѣйствующимъ на ряду съ богатствомъ, хотя и идущимъ позади богатства. Съ полнымъ основаніемъ, поэтому, *Шмоллеръ* замѣчаетъ въ своей рецензіи на книгу *Оверберга*, что его „расхожденіе съ *Овербергомъ* не такъ далеко, какъ оно могло казаться“, что, какъ и онъ самъ, „*Овербергъ*“ даетъ три причины образованія классовъ..., а какая изъ нихъ самая главная, при изстоящемъ состояніи нашихъ знаній, сказать трудно“⁵⁶).

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, *Овербергъ* не вездѣ въ своемъ ученіи объ общественныхъ классахъ остается послѣдователь-

⁵⁵) *Cyr. van Overbergh*, *ibid.*, стр. 189.

⁵⁶) *Schmoller*. *Besprechungen*. *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im D. R. 32 Jahrg. 1908. 1. Heft*, стр. 321.

нымъ и строго не выдерживаетъ устанавливаемую имъ основу образованія классовъ (богатство).

Характеризуя социальныя классы и устанавливая основы классового образованія, *Овербергъ* даетъ и опредѣленіе понятія социального класса. Въ своемъ опредѣленіи класса *Овербергъ* опять-таки не всегда послѣдователенъ. Въ одномъ случаѣ *Овербергъ* опредѣляетъ классы, какъ „соціальныя органы, съ строго опредѣленными функціями, соответствующими опредѣленнымъ потребностямъ“⁸⁷). Такое опредѣленіе сближаетъ ученіе *Оверберга* съ ученіемъ органической теоріи классовъ. Въ другомъ случаѣ, однако, *Овербергъ* даетъ опредѣленіе класса, болѣе отвѣчающее его ученію о социальныхъ классахъ: классы, говоритъ онъ, это болѣе или менѣе значительныя по объему социальныя группы, имѣющія основой своей или фактъ владѣнія или невладѣнія средствами производства, или виды средствъ производства, или же размѣры собственности; въ экономическомъ производствѣ и въ социальной жизни они выполняютъ функціи или регулятивныя, или оперативныя, и іерархизованы въ зависимости отъ степени значенія тѣхъ услугъ, которыя они оказываютъ обществу; члены каждаго изъ этихъ классовъ занимаютъ въ обществѣ одинаковое или близкое къ равному экономическое положеніе⁸⁸).

Въ заключеніе своего ученія о социальныхъ классахъ *Овербергъ* останавливается на вопросѣ объ условіяхъ, способствующихъ сохраненію классовъ въ общественномъ прогрессѣ. Силы, способствующія сохраненію классовъ и классового расчлененія, *Овербергъ* представляетъ въ видѣ „законовъ“, дѣйствующихъ въ обществѣ. Такого рода „законовъ“, напоминающихъ намъ схему подобныхъ же „законовъ“ классовыхъ соотношеній у *Артура Боэра*, у *Оверберга* мы находимъ цѣлый рядъ: законъ единенія, законъ классовой непрерывности и преемственности, законъ приспособленія, законъ классовой солидарности, законъ дифференціаціи и отбора, законъ догматизма, законъ разрастанія и распространенія и т. п.⁸⁹). Такъ же, какъ и „законы“ *Боэра*, всѣ эти „законы“ *Оверберга* имѣютъ

⁸⁷) *Cyr. van Overbergh, ibid., стр. 171.*

⁸⁸) *Cyr. van Overbergh, ibid., стр. 192.*

⁸⁹) *Cyr. van Overbergh, ibid., стр. 193 и слѣд.*

лишь весьма отдаленное отношение къ проблемѣ классовъ: внутренняго соотношенія общественныхъ классовъ они не разбираютъ.

Вообще же, въ области классовыхъ соотношеній и ихъ дальнѣйшаго развитія, *Овербергъ*, какъ социальный политикъ, ближе ко взглядамъ римскаго папы Льва XIII, чѣмъ ко взглядамъ научнаго социализма. Онъ всецѣло раздѣляетъ и поддерживаетъ идеи эпикузизма *Regim novatum* о томъ, что классы и неравенство никогда не исчезнутъ, но что противоположность и борьба классовъ — явление аномальное, патологическое. Подобно *Пешу*, *Овербергъ* ищетъ исцѣленія отъ этого патологическаго явленія въ христiанской морали⁸⁰). —

Таково въ общихъ чертахъ ученіе *Оверберга* по вопросу объ общественныхъ классахъ. Оцѣнивая это ученіе, мы должны признать, что, не смотря на нѣкоторые достоинства, оно обладаетъ крупными недостатками. Прежде всего, историко-критическая часть ученія *Оверберга*, составляющая основную задачу его изслѣдованія „La classe sociale“, неполна: мы не находимъ у *Оверберга* ни намека на рядъ ученій, игравшихъ несомнѣнно видную роль въ развитіи проблемы классовъ: ни ученія *Гумпловича*, ни ученія *Л. Штейна*, ни ученій органической школы, не говоря уже объ ученіяхъ французскихъ историковъ и французскихъ и англійскихъ социалстовъ. Въ самомъ изложеніи различныхъ ученій *Овербергъ* не всегда правильно ихъ понимаетъ; такъ, наприм., основные взгляды *Маркса* и его школы представлены у *Оверберга* въ совершенно извращенномъ видѣ: *Овербергъ* приписываетъ *Марксу* идею трехчленной формулы классоваго строенія общества, что неправильно, и, кромѣ того, ставитъ ученіе *Маркса* и его школы на основу богатства, что также не соответствуетъ дѣйствительнымъ взглядамъ *Маркса*. Далѣе, устанавливаемая *Овербергомъ* основа общественныхъ классовъ страдаетъ новыдержанностью: вмѣстѣ съ богатствомъ (фактомъ владѣнія или невладѣнія), *Овербергъ* признаетъ за классообразующія основы и расу, и раздѣленіе труда, являясь, такимъ образомъ, эклектикомъ въ духѣ *Шмоллера*. Какъ социальный политикъ, наконецъ, *Овербергъ* совершенно оставляетъ путь строго-

⁸⁰ *Cyr. van Overbergh, ibid., стр. 221—222.*

объективного исследователя: онъ вѣритъ въ примиреніе труда и капитала и перерожденіе классового общества на началахъ католической церкви и христіанской морали, являясь и вѣрнымъ сыномъ римской церкви и идеологомъ средняго класса.

Помимо отмѣченныхъ представителей теоріи классовъ на основѣ богатства, довольно близко къ разсматриваемому направленію стоитъ и *Эдмондъ Гобло*, затронувшій проблему общественныхъ классовъ въ статьѣ „*Les classes de la société*“, въ 1899 году⁹¹⁾. Правда, точка зрѣнія *Гобло* не достаточно опредѣлена и не достаточно ясна; въ богатствѣ и пераземствѣ распредѣленія *Гобло* видитъ лишь какъ бы первичную основу образованія классовъ; онъ придаетъ больше значенія скорѣе производнымъ отъ богатства, вторичнымъ причинамъ, вызывающимъ классовыя различія; но въ концѣ концовъ онъ все же возвращается въ послѣднемъ счетѣ къ богатству, какъ классовой основѣ. Положенія *Гобло* сводятся къ слѣдующему.

Изученіе проблемы общественныхъ классовъ, думаетъ *Гобло*, имѣетъ большую важность для социальной науки. Чтобы хоть сколько-нибудь проникнуть въ анализъ социальныхъ явленій и получить возможность точно формулировать законы этихъ явленій, нужно, говоритъ *Гобло*, научно освѣтить понятіе социального класса, найти, какъ устанавливаются различія классовъ, какъ эти различія эволюционируютъ, при какихъ условіяхъ эти различія усиливаются и при какихъ сглаживаются⁹²⁾. Эту важность изученія проблемы классовъ *Гобло* признаетъ одинаково какъ для экономистовъ, такъ и для социологовъ. Соціологія различныхъ міровоззрѣній, соціологія общественнаго мнѣнія, соціологія брака никогда не могутъ быть изучены, по его мнѣнію, безъ предварительнаго выясненія сущности классовъ. Еще важнѣе, по мнѣнію *Гобло*, проблема классовъ для экономиста, такъ какъ вопросы о бюджетахъ, о доходахъ, спросѣ и предложеніи и т. п. могутъ быть раз-

⁹¹⁾ *Goblot Edmond*. *Les classes de la société*. (Revue d'économie politique. 1899. № 1).

⁹²⁾ *E. Goblot*, *ib'd.*, стр. 33.

трывають лише, коли будуть припяті во вважанні класових розліччя.

Отже, як звисають обществєнные класи? Не звисають ли они, спираючись *Гобло*, отъ профессій? Но стоить толькo вниательно проанализировать хоть одну профессию, взятую въ цѣломъ, какъ придется отвѣтить на этотъ вопросъ, по мнѣнію *Гобло*, отрицательно: въ любой профессіи мы находимъ рядъ самыхъ различныхъ круговъ, не смѣшивающихся между собою, не смотря на принадлежность къ одной и той же профессіи, которые никакъ нельзя отнести къ одному классу. Что же образуетъ классъ? Что производитъ неравенство классовъ? Во всякомъ, говорятъ *Гобло*, обществѣ, существуютъ двоякаго вида неравенство: неравенство богатства и неравенство ранга, и, въ сущности, „различіе классовъ тѣсно связано съ неравенствомъ въ распредѣленіи богатствъ“. Особенно, это имѣло мѣсто съ стмѣной привилегій, послѣ французской революціи, когда различіе между буржуазіей и остальнымъ „народомъ“ стало сводиться лишь къ неравенству богатства. Но случается, по мнѣнію *Гобло*, что классы и не соответствуютъ богатству. Это значить, что не одно неравенство богатства опредѣляетъ классъ, но и еще нѣчто иное. Прежде всего, это—рангъ; затѣмъ, воспитаніе и образованіе, соответствующее данному рангу; далѣе—престижъ и вліяніе, которые звисають въ наше время, главнымъ образомъ, отъ богатства; наконецъ, соціальныя функціи, которыя выполняютъ тотъ или иной классъ въ общественной жизни; послѣдніи могутъ быть или направляющими и командующими, или исполнительными, оперативными; первыми обладаетъ высшій классъ, вторыми низшій. Но и та и другая функціи создаются обычно богатствомъ или отсутствіемъ его; конституція *Сергія Туля* устанавливала классы и функціи послѣднихъ, въ зависимости все же отъ размѣровъ владѣнія. Отсюда, престижъ, вліяніе, степень ранга и та или иная общественная функція— все это качественныя стороны различія классовъ; сводятся же онѣ къ богатству, которое является количественнымъ различіемъ. Въ связи съ этимъ пониманіемъ общественныхъ классовъ, *Гобло* различаетъ лишь два большихъ класса: буржуазію и народъ. Эти общественные классы онъ считаетъ „открытыми“, такъ какъ доступъ въ нихъ никому не

прегражденъ; если классы „закрыты“ и обладают наследственными привилегіями, они превращаются въ „касты“. Между открытыми классами современного общества имѣется, по мнѣнію Гобло, „естественное равновѣсіе“, которое устанавливается свободной конкуренціей; послѣдняя же—есть борьба за существованіе, которая всегда была и будетъ.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе объ общественныхъ классахъ, развиваемое Гобло. Мы видимъ, что Гобло довольно близокъ къ представителямъ теоріи богатства, хотя его взгляды отличаются недостаточностью обработки, разбросанностью мысли и несогласованностью.

Среди другихъ представителей и послѣдователей теоріи общественныхъ классовъ на основѣ богатства можно упомянуть: проф. Или (Ely), Фурньера, Смолла⁹³).

Изъ изложенія ученій различныхъ отдѣльныхъ представителей теоріи общественныхъ классовъ, на основѣ богатства, мы могли уже убѣдиться въ томъ, что разсмотрѣнная теорія классовъ страдаетъ многими недостатками. Главнѣйшій изъ этихъ недостатковъ—непрочность и неустойчивость самой основы, на которой строятъ эта теорія классовое расчлененіе въ обществѣ. Всѣ теоретики богатства сводятъ фактъ существованія классовъ, ростъ и развитіе ихъ, какъ мы видѣли, къ основѣ богатства. При этомъ, одни изъ нихъ исходятъ изъ различій въ размѣрахъ доходовъ, другіе—изъ факта обладанія или необладанія капиталомъ, особенно же—средствами производства. Такая основа приближаетъ разсматриваемое направленіе въ ученіи объ общественныхъ классахъ къ теоріи классовъ на основѣ распредѣленія. Но представители этого направленія

⁹³) Richard T. Ely, prof. „Studies in the evolution of industrial society“. New-York 1908, глава IV, стр. 74—86 („Экономическіе классы“).—*Journal*. Classes sociales et classes économiques (Revue socialiste, № 327, mars 1912, стр. 193—202). Albion W. Small and George E. Vincent. An introduction to the study of society. New-York 1994. (Смоллъ дѣлитъ европейское общество, исходя изъ основы богатства, на три класса: 1) аристократію, 2) средній классъ или буржуазію, „третье сословіе“, и 3) рабочій классъ или пролетаріатъ. Но въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки Смоллъ находитъ иное классовое расчлененіе, подобное на европейское; американское общество онъ сводитъ къ следующимъ четырёмъ классамъ: 1) классъ богатыхъ (крупные капиталисты), 2) классъ состоятельныхъ (мелкіе капиталисты, крупные служащіе), 3) квалифицированные рабочіе, 4) неквалифицированные и рабочіе безъ постоянной работы (стр. 201).

сосредоточиваютъ все свое вниманіе не на распредѣлительныхъ процессахъ, а лишь на вышнихъ результатахъ распредѣленія. Ихъ база, въ сущности, больше количественная, чѣмъ качественная. Ихъ основа—больше размѣры владѣнія, чѣмъ виды владѣнія. Но и размѣры владѣнія и виды его, такъ же какъ и самыя отношенія капитала и дохода, суть явленія производныя, не первоосновныя. Такой производный характеръ основы богатства ведетъ къ тому, что теоріи богатства не выдерживаютъ, не всегда послѣдовательны: онѣ близко подходятъ то къ юридической основѣ (отнющеніи собственности), то къ политической основѣ (рангъ, престижъ, значеніе), то къ технической основѣ (раздѣленіе труда), то къ естественно-организмической основѣ (функция). Отсюда, нѣкоторые изъ теоретиковъ богатства не прочь прибѣгнуть въ своемъ ученіи о классахъ къ эклектизму (например, *Овербергъ*). Отсюда—нѣкоторая поверхностность теоріи богатства; послѣдняя не ищетъ разрѣшенія проблемы классовъ въ глубокихъ, первоосновныхъ процессахъ общественно-хозяйственной жизни и отношеній, а довольствуется лишь признаками второстепенными, влияющими на поверхность общественно-хозяйственныхъ отношеній. Отсюда, до нѣкоторой степени, и утопизмъ представителей рассматриваемаго направления, большинство которыхъ вѣритъ въ примиреніе труда и капитала и ищетъ этого примиренія въ религіи, въ христіанской морали, въ духовномъ перерожденіи личности. Отсюда—идея «средняго класса», наряду съ буржуазіей, какъ владѣлицей средствъ производства, и пролетаріатомъ, какъ обладателемъ только собственности рабочей силы. Отсюда же и представленіе объ особомъ родѣ и социальной миссиіи средняго класса.

8.

Распредѣлительная теорія общественныхъ классовъ.

Въ отличіе отъ теорій классовъ, исходящихъ изъ богатства или размѣровъ владѣнія, распредѣлительныя теоріи опираются не столько на размѣры богатства, не столько на факты владѣнія или невладѣнія, сколько на самыя источники доходовъ. Теоріи богатства имѣютъ дѣлю главнымъ образомъ съ количественными резуль-

татами распределения, независимо от качественной стороны распределительного процесса и распределительных отношений. Напротив, распределительные теории в основу образования классов и классового разложения кладут именно отношения распределения и качественно-различные виды общественного дохода, подлежащего распределению.

Представителями этих последних теорий являются: *Лориа*, *Шарль Жидъ*, *Черновъ*, *Делевскій*, *Тузанъ-Барановскій*, *Прфкоповичъ*, отчасти *Каутскій*.

Изъ всехъ упомянутыхъ авторовъ никто собственно не затрагиваетъ проблемы классовъ во всей ея полнотѣ; каждый ограничивается опредѣленіемъ понятія общественного класса и перечисленіемъ классовъ въ современномъ обществѣ, приводя къ этому лишь нѣсколько краткихъ замѣчаній и соображеній общаго характера; болѣе подробнаго теоретическаго анализа социальныхъ классовъ, а равнымъ образомъ исторіи образования классовъ и исторіи развитія самой проблемы—всего этого у нихъ мы не находимъ.

Подробнѣе другихъ, однако, останавливается на ученіи объ общественныхъ классахъ итальянскій профессоръ *Лориа*, базирующій въ своемъ анализѣ классовъ точно также на основѣ отношеній распределения. Проблемы классовъ *Лориа* касается отчасти въ своихъ извѣстныхъ „*Les Bases économiques de la constitution sociale*“¹⁾ и подробнѣе—въ „*La Morphologie sociale*“²⁾.

Если мы станемъ изслѣдовать, говорить *Лориа* въ предисловіи къ своимъ „*Les Bases économiques*“, развитіе въ цивилизованныхъ государствахъ стараго и новаго міра, мы найдёмъ у нихъ одно общее явленіе: всё они неизбѣжно распадаются на два отдѣльные различные классы; одинъ изъ этихъ классовъ накопляетъ, при абсолютной собственной праздности, огромные, все разрастающіеся доходы; другой, болѣе многочисленный,—классъ трудящихся и работающихъ въ теченіе всей своей жизни за нищенскую плату;

¹⁾ Achille Loria, „*Les Bases économiques de la constitution sociale*“. Deuxième édition, Paris 1898, Félix Alcan.

²⁾ Achille Loria. *La Morphologie sociale*. Conférences tenues à l'Université Nouvelle de Bruxelles au mois de Mars 1905.

одинъ классъ живетъ, не работая; другой работаетъ, не живя, не видя у себя жизни, но крайней мѣрѣ такой, которая была бы достойна этого имени. Является ли это обстоятельство, спрашивается при этомъ *Loria*, результатомъ врожденной необходимости, тѣсно связанной съ органическими условіями человѣческой природы? Или это есть только производное опредѣленныхъ историческихъ тенденцій, предназначенныхъ къ исчезновенію на болѣе поздней стадіи соціальной эволюціи? „Послѣ продолжительнаго умственного скитанія по обширной области экономической социологии, я,—говоритъ *Loria*,—въ этомъ вопросѣ пришелъ къ заключенію, что истина лежитъ въ послѣднемъ рѣшеніи и что раздѣлъ человечества на двѣ касты, одну—касту капиталистовъ и другую—рабочихъ, или другими словами—что существованіе капиталистической собственности является не продуктомъ условій, лежащихъ въ человѣческой природѣ, но просто результатомъ могущихъ историческихъ причинъ, которыя въ извѣстный историческій моментъ должны неизбежно исчезнуть“²⁾).

Отмѣчаемое явленіе, присущее современному обществу, *Loria* ставитъ въ связь съ существованіемъ частной собственности на землю и отсутствіемъ свободныхъ отъ чьей бы то ни было собственности земель. Когда въ распоряженіи общества и членовъ общества имѣется свободная земля, раздѣлъ общества на два класса, по мнѣнію *Loria*, абсолютно невозможенъ, такъ какъ при этихъ условіяхъ, въ силу самой природы вещей, для праздныхъ капиталистовъ было бы невозможно полученіе прибыли. Въ связи съ этимъ *Loria* приходитъ къ признанію двухъ радикально противоположныхъ соціальныхъ формъ общественной ассоціаціи; одна форма—это ассоціація, основанная на свободной землѣ; она зиждется на правѣ каждаго индивида занять столько земли, сколько онъ въ состояніи обработать собственнымъ трудомъ; эта форма вѣдетъ къ системѣ равнаго раздѣла продукта между рабочимъ-капиталистомъ и рабочимъ, кооперирующимъ съ нимъ; эта форма ассоціаціи, которая исключаетъ всякія классовыя различія,—такой ассоціаціи, гдѣ нѣтъ ни привилегій, ни кастихъ бы то ни было ви-

²⁾ *Achille Loria*, Les Bases économiques de la constitution sociale. 2-е издание Paris 1893, стр. 1—2.

довъ узурпации; другая социальная форма ассоціаціи—это ассоціація на основахъ капиталистической собственности, покоящейся на печальномъ (*suppression*) свободной земли и на устраненіи массъ человѣчества отъ обладанія землею; послѣднее приводитъ къ рабству и крѣпостничеству и въ концѣ концовъ къ присвоенію земли капиталомъ; въ этой стадіи развитія общественный продуктъ распадается на двѣ различныя части: заработную плату за трудъ и доходъ отъ собственности, благодаря чему и человѣчество здѣсь распадается на два класса: эксплуатируемыхъ и эксплуатирующихъ⁴).

Факту частной собственности на землю *Loria* вообще придаетъ, какъ извѣстно, громадное социальное значеніе. На этомъ фактѣ онъ строитъ цѣлую социологическую теорію, считая ее новымъ этапомъ развитія социологической мысли. Послѣдняя, по его представленію, проходила сначала стадію раціонализма, когда исторія человѣчества мыслителямъ представлялась ничѣмъ инымъ, какъ продуктомъ отраженія исторіи мысли (*Контъ, Бокль*). На смѣну этой теоріи позднѣе выступаетъ болѣе научная, которая провозглашаетъ причиной историческаго движенія не разумъ въ его универсальности, но технику, развитіе средствъ производства; согласно этой теоріи, социальная эволюція—продуктъ измѣненій и развитія средствъ производства (*Марксъ*). Но и эта теорія не долго, по мнѣнію *Loria*, противостояла научной критикѣ. Она вытѣсняется новой, по которой развитіе орудій и средствъ производства само является продуктомъ развитія экономическихъ отношеній; извѣстны историческія эпохи, когда нѣкоторые изобрѣтенія не могли найти себѣ примѣненія, такъ какъ для введенія ихъ еще не было мѣста въ развивающихся экономическихъ отношеніяхъ; такъ машина *Moller'a*, изобрѣтенная въ 1668 г., была разбита рабочими и нашла себѣ примѣненіе лишь въ 1718 г. Но, продолжая свою мысль *Loria*, разъ орудія и средства производства являются причиной экономического развитія, необходимо признать, что причина экономической эволюціи остается все же безъ объясненія⁵). На мѣсто орудій производства новая социологическая тео-

⁴ *Achille Loria, ibid.*, стр. 7, 8.

⁵ *Achille Loria, La Morphologie sociale. 1905, стр. 8.*

рія *Loria* вводить фактъ неизбежно происходящаго измѣненія условій производительности земли, влѣдствіе роста населенія. Всякой опредѣленной степени плотности населенія, ростъ котораго «проводится падающей производительностью земли, соответствуетъ опредѣленной экономической система, опредѣленное отношеніе между собственностью и трудомъ, опредѣленное социальное строеніе, опредѣленная система социальныхъ отношеній»). Это свое социологическое положеніе *Loria* ставитъ въ основу изслѣдованія вопроса о социальныхъ классахъ и классовомъ расстройствѣ общества.

Чтобы ближе подойти къ выясненію вопроса о классахъ, *Loria* останавливается свое вниманіе на распредѣленіи массы ежегодно производимыхъ богатствъ. Последнія, говоритъ онъ, подвергаются различнымъ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ. Можно себѣ, конечно, представить теоретически, что полученный въ результатъ производства продуктъ вовсе не подвергается распредѣленію или раздѣлу, а потребляется самимъ производителемъ; но это является въ капиталистическомъ обществѣ лишь исключеніемъ (трудовое крестьянство). Обычно, говоритъ *Loria*, общественный продуктъ подлежитъ раздѣлу. Одна часть валового продукта, полученнаго въ результатъ производства, идетъ на замѣщеніе потраченныхъ при производствѣ матеріаловъ и машинъ; другая составляетъ чистый доходъ, распадающійся на заработную плату, идущую рабочимъ, и доходъ (*revenue*), поступающій собственникамъ средствъ производства. Этотъ послѣдній доходъ въ дальнѣйшемъ снова переживаетъ раздѣлъ и дѣлится на земельную ренту и прибыль на капиталъ. Прибыль на капиталъ дѣлится въ свою очередь на процентъ и прибыль предпринимателя. Процентъ на капиталъ также дѣлится на процентъ отъ производительнаго капитала и на процентъ отъ непроизводительнаго. На ряду съ этимъ, существуетъ еще доходъ непроизводительныхъ работниковъ, который черпается изъ доходовъ капиталистовъ и земельныхъ собственниковъ (доходъ чиновниковъ, профессоровъ, врачей, адвокатовъ и проч.), и, наконецъ, государственные доходы, поступающіе въ казну въ видѣ налоговъ.

¹ *Achille Loria, ibid., стр. 9.*

Это распределение и перераспределение богатств, говоритъ Лориа, и составляет источник, откуда вытекают *соціальные классы*¹⁾. Основа дѣленія чистаго дохода между заработной платой и прибылью (прибавочной цѣнностью) создаетъ, по мнѣнію Лориа, два большихъ историческихъ класса: рабочихъ—несобственниковъ и неработающихъ собственниковъ. На ряду съ этими классами Лориа отмѣчаетъ еще два класса: мелкихъ собственниковъ и независимыхъ ремесленниковъ, которые (въ тѣ и другіе) сохраняютъ въ своихъ рукахъ и собственную рабочую силу и собственные средства производства. Послѣдніе два класса, какъ замѣняетъ Лориа, отъ двухъ первыхъ отличаются тѣмъ, что имѣютъ переходный характеръ, въ то время какъ первые два—перманентны; подъ вліяніемъ безработицы или конкуренціи принадлежащіе къ двумъ послѣднимъ классамъ нерѣдко переходятъ въ классъ наемныхъ рабочихъ.

Каждый социальный классъ, кромѣ того, въ свою очередь раздѣляется, по мысли Лориа, на множество различныхъ подклассовъ. Такъ, классъ собственниковъ раздѣляется на подклассы: земельныхъ собственниковъ и капиталистовъ. Интересы всѣхъ подобнаго рода подклассовъ Лориа представляетъ, какъ противоположные интересы въ известномъ опредѣленномъ пунктѣ: такъ, напр., все, что дѣлаетъ выше прибыль, уменьшаетъ земельную ренту, и vice versa. Подклассовъ, такимъ образомъ, можетъ быть столько, сколько противоположныхъ интересовъ.

До сихъ поръ Лориа имѣетъ дѣло съ качественной классификаціей социальныхъ группъ. На ряду съ послѣдней, говоритъ онъ, существуетъ и количественная: болѣе богатые, менѣе богатые.

Дѣленіе на классы и подклассы Лориа не считаетъ особенностью только современнаго общества. Для послѣдняго характеристичнымъ, по его мнѣнію, является лишь то, что въ нашу эпоху нѣтъ больше юридическихъ преградъ для перехода изъ одного класса въ другой; прежде же социальные классы были закрытыми. По существу, однако, замѣчаетъ Лориа, и въ настоящій моментъ, хотя и открытъ путь юридически для перехода изъ класса въ классъ,

¹⁾ *Achille Loria, ibid., стр. 96.*

рія *Loria* вводить фактъ неизбежно происходящаго измѣненія условій производительности земли, влѣдствіе роста населенія. Всякой опредѣленной степени плотности населенія, ростъ котораго «спровождается падающей производительностью земли, соответствуетъ опредѣленной экономической система, опредѣленное отношеніе между собственностью и трудомъ, опредѣленное социальное строеніе, опредѣленная система социальныхъ отношеній»). Это свое социологическое положеніе *Loria* ставитъ въ основу изслѣдованія вопроса о социальныхъ классахъ и классовомъ расколѣ общества.

Чтобы ближе подойти къ выясненію вопроса о классахъ, *Loria* останавливается свое вниманіе на распредѣленіи массы ежегодно производимыхъ богатствъ. Последнія, говоритъ онъ, подвергаются различнымъ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ. Можно себѣ, конечно, представить теоретически, что полученный въ результатъ производства продуктъ вовсе не подвергается распредѣленію или раздѣлу, а потребляется самимъ производителемъ; но это является въ капиталистическомъ обществѣ лишь исключеніемъ (трудовое крестьянство). Обычно, говоритъ *Loria*, общественный продуктъ подлежитъ раздѣлу. Одна часть валового продукта, полученнаго въ результатъ производства, идетъ на замѣщеніе потраченныхъ при производствѣ матеріаловъ и машинъ; другая составляетъ чистый доходъ, распадающійся на заработную плату, идущую рабочимъ, и доходъ (*revenue*), поступающій собственникамъ средствъ производства. Этотъ послѣдній доходъ въ дальнѣйшемъ снова переживаетъ раздѣлъ и дѣлится на земельную ренту и прибыль на капиталъ. Прибыль на капиталъ дѣлится въ свою очередь на процентъ и прибыль предпринимателя. Процентъ на капиталъ также дѣлится на процентъ отъ производительнаго капитала и на процентъ отъ непроизводительнаго. На ряду съ этимъ, существуетъ еще доходъ непроизводительныхъ работниковъ, который черпается изъ доходовъ капиталистовъ и земельныхъ собственниковъ (доходъ чиновниковъ, профессоровъ, врачей, адвокатовъ и проч.), и, наконецъ, государственные доходы, поступающіе въ казну изъ видѣ налоговъ.

¹ *Achille Loria, ibid., стр. 9.*

Это распределение и перераспределение богатств, говоритъ Лориа, и составляет источник, откуда вытекают *соціальные классы*¹⁾. Основа дѣленія чистаго дохода между заработной платой и прибылью (прибавочной цѣнностью) создаетъ, по мнѣнію Лориа, два большихъ историческихъ класса: рабочихъ—несобственниковъ и неработающихъ собственниковъ. На ряду съ этими классами Лориа отмѣчаетъ еще два класса: мелкихъ собственниковъ и независимыхъ ремесленниковъ, которые (въ тѣ и другіе) сохраняютъ въ своихъ рукахъ и собственную рабочую силу и собственные средства производства. Послѣдніе два класса, какъ замѣняетъ Лориа, отъ двухъ первыхъ отличаются тѣмъ, что имѣютъ переходный характеръ, въ то время какъ первые два—перманентны; подъ вліяніемъ безработицы или конкуренціи принадлежащіе къ двумъ послѣднимъ классамъ нѣрѣдко переходятъ въ классъ наемныхъ рабочихъ.

Каждый социальный классъ, кромѣ того, въ свою очередь раздѣляется, по мысли Лориа, на множество различныхъ подклассовъ. Такъ, классъ собственниковъ раздѣляется на подклассы: земельныхъ собственниковъ и капиталистовъ. Интересы всѣхъ подобнаго рода подклассовъ Лориа представляетъ, какъ противоположные интересы въ известномъ опредѣленномъ пунктѣ: такъ, напр., все, что дѣлаетъ выше прибыль, уменьшаетъ земельную ренту, и vice versa. Подклассовъ, такимъ образомъ, можетъ быть столько, сколько противоположныхъ интересовъ.

До сихъ поръ Лориа имѣетъ дѣло съ качественной классификаціей социальныхъ группъ. На ряду съ послѣдней, говоритъ онъ, существуетъ и количественная: болѣе богатые, менѣе богатые.

Дѣленіе на классы и подклассы Лориа не считаетъ особенностью только современнаго общества. Для послѣдняго характеристичнымъ, по его мнѣнію, является лишь то, что въ нашу эпоху нѣтъ больше юридическихъ преградъ для перехода изъ одного класса въ другой; прежде же социальные классы были закрытыми. По существу, однако, замѣчаетъ Лориа, и въ настоящій моментъ, хотя и открытъ путь юридически для перехода изъ класса въ классъ,

¹⁾ *Achille Loria, ibid., стр. 96.*

тѣмъ признавать и развивать и идею борьбы классовъ, особенно между богатыми и бѣдными, равно какъ между владѣльцами различнаго рода доходовъ. Вражда эта и борьба между классами носитъ, по мнѣнію *Loria*, различный характеръ въ разные историческія эпохи; въ варварскія времена она болѣе сурова, въ эпоху цивилизаціи и развитой промышленности она принимаетъ смягченныя формы. Но въ общемъ, эта борьба—общее явленіе для всѣхъ народовъ и во всѣ историческія времена человечества¹²⁾. Борьба эта, говоритъ *Loria*, прежде всего экономическая, которая можетъ быть и прямой и косвенной, непосредственной. Примѣръ прямой, непосредственной борьбы—это борьба между трудомъ и капиталомъ, заработной платой и рентнымъ доходомъ, борьба коалиціи капиталистовъ противъ требованій со стороны рабочихъ; борьба коалиціи потребителей противъ торговцевъ, и т. п. Особенно рѣзкой и яркой экономической борьба становится, когда она „выходитъ, по выраженію *Loria*, изъ скрытой сферы экономическихъ отношеній на ослѣпительную сцену политическихъ отношеній“. Борьба классовъ становится тогда политической; каждый классъ стремится къ тому, чтобы сдѣлать власть и законъ послушнымъ орудіемъ своихъ интересовъ и воли¹³⁾. Всякія формы государственной жизни, по мнѣнію *Loria*, суть продуктъ борьбы классовъ. Происхожденіе представительнаго и парламентскаго строя, напр., *Loria* объясняетъ тѣмъ, что съ развитіемъ промышленности собственникамъ нетрудовыхъ доходовъ уже некогда стало заниматься государственными дѣлами. Англія, гдѣ капитализмъ нашелъ себѣ прежде всего развитіе, какъ извѣстно, стала первой на путь представительной системы.

Loria, такимъ образомъ, затрогиваетъ рядъ самыхъ существующихъ вопросовъ, связанныхъ съ проблемой общественныхъ классовъ. Основу классовъ онъ ищетъ, какъ мы видѣли, въ отношеніяхъ распредѣленія общественнаго дохода; такой основой являются для него различные виды дохода, или иначе говоря—различные источники дохода; при этомъ, въ качествѣ производныхъ признаковъ, коренящихся въ экономическихъ отношеніяхъ.

¹²⁾ *Achille Loria, ibid., стр. 109.*

¹³⁾ *Achille Loria, ibid., стр. III.*

современнаго хозяйства, онъ считаетъ и наличность антагонистическаго характера доходов и различіе интересовъ между обладателями дохода. Отсюда, у *Лоріа* мы находимъ, въ качествѣ опредѣляющихъ признаковъ класса, три элемента: 1) различіе источниковъ дохода, 2) антагонистическій характеръ ихъ и 3) различіе интересовъ. На основаніи этихъ признаковъ *Лоріа* даетъ классификацію, отличающуюся большою неопредѣлѣнностью: преобладаетъ у него идея двухъ классовъ, но онъ говоритъ и о 4 классахъ. Съ качественной основы онъ перѣдко переходитъ, при этомъ, на количественную и наоборотъ.

Ученіе *Лоріа* объ основѣ социальныхъ классовъ и классовомъ расчлененіи общества въ общемъ не можетъ быть признано строго выдержаннымъ. Границы классовъ и подклассовъ у него вообще неясны; анализъ классовообразования не отличается единствомъ и послѣдовательностью. Соціологическая основа ученія *Лоріа* о классахъ—земля, а не человѣкъ—и методологически и по существу не можетъ выдержать серьезной критики. Его экономическая основа классовъ—источникъ дохода—распычата и неопредѣлена. Лишь критическая часть ученія *Лоріа*, направленная особенно на теорію классовъ *Шмоллера* и *Аммон*, обладаетъ положительными достоинствами.—

Какъ на проблему распределенія, смотритъ на проблему общественныхъ классовъ и проф. *Шарль Жидъ*. Въ его „Cours d'économie politique“ мы находимъ въ отдѣлѣ распределенія страницы, специально посвященныя вопросу объ общественныхъ классахъ¹⁾. *Жидъ* смотритъ на общественные классы, какъ на такія общественныя группы, которыя выступаютъ въ раздѣлѣ общественного дохода съ извѣстнымъ притязаніемъ на долю въ немъ. Классы, говоритъ онъ, это „вѣтъ тѣ лица, объединенныя общностью интересовъ, которыя выступаютъ съ общими претензіями при распределеніи“. Для *Жида*, классъ—экономическая категорія, вызываемая къ жизни въ силу экономическихъ причинъ, въ отличіе отъ *кастъ*, которыя покоются на политической и религіозной основѣ и санкціонируются законами. Классовыя переговоры ничуть не мѣшаютъ, по мнѣнію *Жида*, отдѣльнымъ лицамъ,

¹⁾ Charles Gide Cours d'Economie politique. 1913 (третье изданіе). Въ англійскомъ авториз. переводѣ—„Political Economy“, London 1914, стр. 497—502.

переходить изъ одного класса въ другой. Тѣ общіе интересы, которые объединяють отдѣльные общественные классы на почвѣ раздѣла общественнаго дохода, *Жиду* представляются, какъ интересы съ антагонистическимъ характеромъ, вызывающимъ неизбежно упорную борьбу классовъ за долю въ раздѣлѣ¹⁵⁾.

Мы находимъ, такимъ образомъ, у *Жиды* всѣ три, уже знакомыя намъ признака, которыми обычно характеризуются социальныя классы у сторонниковъ распредѣлительной теоріи классовъ: 1) одинаковыя притязанія на долю въ раздѣлѣ, иначе говоря—общность источниковъ дохода, 2) общность интересовъ и 3) антагонистическій характеръ этихъ интересовъ. *Жидъ*, при этомъ, находитъ въ современномъ обществѣ не два и не три социальныхъ класса, а четыре и болѣе.

Въ данномъ пунктѣ классовая группировка *Жиды* страдаетъ, какъ мы увидимъ, большою неопредѣленностью. Эта неопредѣленность вытекаетъ не столько изъ того, что онъ группируетъ социальные классы на основѣ распредѣлительныхъ моментовъ, сколько изъ того, что *Жидъ* не поддерживаетъ своей распредѣлительной основы, а группируетъ классы не только съ точки зрѣнія распредѣленія, но и „производства“¹⁶⁾. Связи между той и другой группировкой *Жидъ*, при этомъ, не устанавливаетъ, ничѣмъ не мотивируя необходимости такой двойной группировки.

Ставясь на основу „производственнаго“ момента, *Жидъ* устанавливаетъ слѣдующіе классы въ современномъ обществѣ: а) классъ *активныхъ* капиталистовъ, или хозяйствъ-предпринимателей, являющихся главными дѣятелями-руководителями въ хозяйственной жизни; классъ этотъ получаетъ свою долю изъ общественнаго дохода-продукта въ видѣ прибыли; б) классъ *пассивныхъ* капиталистовъ, или фактъ, живущихъ на процентъ съ капиталовъ, сужаемыхъ первому классу активныхъ капиталистовъ; интересы этого класса пассивныхъ капиталистовъ антагонистичны интересамъ перваго класса, такъ какъ первые занимаютъ, вторые сужаютъ; первые заинтересованы, поэтому, въ возможно меншемъ размѣрѣ процента, вторые—въ возможно

¹⁵⁾ Charles Gide, *ibid.*, стр. 497 (London 1914).

¹⁶⁾ Charles Gide, *ibid.*, см. стр. 6¹.

болѣе высокомъ; с) классъ самостоятельныхъ производителей; это классъ, гдѣ нѣтъ отдѣленія работника-производителя отъ средствъ его производства; здѣсь производитель-работникъ является и собственникомъ орудій своего труда; это классъ лицъ, работающихъ лично и непосредственно, съ собственнымъ капиталомъ и съ собственными орудіями; этотъ классъ независимыхъ производителей, въ составъ котораго во Франціи входятъ милліоны лицъ, образуя то, что называется среднимъ классомъ; сюда Жидъ относитъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, ремесленниковъ, самостоятельныхъ мелкихъ торговцевъ; сюда же, кромѣ того, Жидъ относитъ и лицъ либеральныхъ профессій—врачей, адвокатовъ, художниковъ и т. д.; d) классъ наемныхъ рабочихъ; е) классъ государственныхъ чиновниковъ и служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, получающихъ свою долю въ общественномъ доходѣ въ формѣ жалованья.

Изъ всѣхъ приведенныхъ классовъ наибольшее вниманіе Жидъ отдастъ *среднему классу*. Этотъ послѣдній, думаетъ Жидъ, призванъ, повидѣмому, играть весьма важную роль въ борьбѣ классовъ, —именно роль буфернаго слоя, сдерживающаго и притупляющаго остроту борьбы между трудомъ и капиталомъ. По мнѣнію Жиды, средний классъ—единственный классъ, получающій въ свои руки полный продуктъ своего труда; и еслибы, говоритъ Жидъ, въ странѣ были только самостоятельные производители, великой соціальной проблемы распредѣленія не было бы¹⁷⁾. Къ несчастію, замѣчаетъ Жидъ, существованіе этого класса находится подъ угрозой дѣйствія закона концентраціи, и многіе думаютъ, поэтому, что дни его сочтены. Такое „пророчество“ о гибели среднего класса, однако, по мнѣнію Жиды, не подтверждается фактами и данными статистики: если въ нѣкоторыхъ областяхъ значеніе этого класса и падаетъ, то въ другихъ оно растетъ, и, въ общемъ, сила и роль ея съ развитіемъ общества крѣпнутъ. Поэтому, всѣ, кто только хочетъ отстаивать наступленіе въ обществѣ „соціального мира“, всячески должны, съ точки зрѣнія Жиды, защищать и поддерживать *средний классъ*¹⁸⁾.

¹⁷⁾ Charles Gide, *ibid.*, стр. 499.

¹⁸⁾ Charles Gide, *ibid.*, стр. 500.

Таковы группы классового расчленения общества съ точки зрѣнія „производства“, какъ думаетъ *Жидъ*. Почему эти группы считаетъ *Жидъ* производственными, понять очень трудно. Уже по одному тому, что въ пятомъ классѣ группировки *Жиды* стоятъ государственные чиновники и служащіе въ общественныхъ учрежденіяхъ, его классы меньше всего носятъ въ себѣ производственный характеръ. Но *Жидъ* самъ заявляетъ, что же эта „производственная“ группировка его занимаетъ и интересуетъ, а больше распределительная группировка классовъ,—именно группировка съ точки зрѣнія различныхъ притязаній на долю въ общественномъ доходѣ (продуктѣ). Стоя на этой распределительной основѣ, которую *Жидъ* считаетъ въ проблемѣ классовъ наиболее существенной и важной, онъ устанавливаетъ 4 типическихъ класса и 2 дополнительныхъ; всѣ они выступаютъ, въ представленіи *Жиды*, въ раздѣлѣ общественнаго продукта. Типическіе классы *Жиды*—это 1) земельные собственники, получающіе земельную ренту, 2) капиталисты (пассивные), получающіе въ общественномъ раздѣлѣ процентъ, 3) предприниматели (активные капиталисты), получающіе прибыль, и 4) наемные рабочіе, живущіе на заработную плату. Дополнительные къ этимъ четыремъ классамъ, участвующимъ въ раздѣлѣ общественнаго дохода: 5) пауперы, живущіе на благотворительность, и 6) государство, получающее изъ общественнаго дохода-продукта долю въ видѣ различнаго рода принудительныхъ сборовъ.

Сопоставляя двѣ группировки классового расчленія, которыя устанавливаетъ *Жидъ*, мы видимъ, что капиталисты, предприниматели и наемные рабочіе входятъ какъ въ одну группировку, такъ и въ другую. Спрашивается, зачѣмъ же понадобилось разнести одни и тѣ же классы по разнымъ группировкамъ. Почему на этихъ классахъ не отразилось различіе распределительной основы и производственной? Отвѣта на эти вопросы у *Жиды* мы не находимъ. Очевидно, *Жидъ* не отдаетъ себѣ точнаго отчета, что онъ разумѣетъ собственно подъ основой или „точкой зрѣнія“ производства.

Яснѣе у *Жиды* „распределительная“ точка зрѣнія. Онъ здѣсь определенно устанавливаетъ, въ качествѣ основы, источникъ до-

хода, общность которого создаетъ, по его мнѣнію, общность интересовъ класса и противоположность ихъ къ интересамъ другого класса. Но вводя въ свою классификацію двѣ дополнительные группы—класса, *Жидъ* снова вноситъ неопредѣленность и неясность, такъ какъ ни пауперы, ни государство отнюдь не участвуютъ въ первоначальномъ раздѣлѣ общественнаго дохода, наравнѣ съ капиталистами, рабочими и т. д.; то, что выпадаетъ на долю пауперовъ и государства, является уже въ результатѣ вторичнаго раздѣла; суммы благотворительныхъ учреждений и государственныя финансы являются частью уже подвергшихся распредѣленію цѣнностей, являясь продуктомъ распредѣленія второго порядка, а не результатомъ распредѣленія, какъ общественно-хозяйственнаго процесса. Равнымъ образомъ, непослѣдовательно было исключать и средній классъ (самостоятельныхъ производителей) изъ распредѣлительной группировки по источнику дохода, такъ какъ, согласно взглядамъ самого же *Жиды*, источникъ дохода среднего класса опредѣленный: это съ одной стороны—отъ собственного труда, съ другой—отъ собственного капитала.

Резюмируя взгляды *Жиды* на классовое расчлененіе въ современномъ обществѣ и дѣлая общую оцѣнку его ученію по вопросу о классахъ вообще, мы находимъ: 1) *Жидъ* строитъ классы главнымъ образомъ на распредѣлительной основѣ, исходя изъ трехъ основныхъ признаковъ, характеризующихъ распредѣлительные моменты (общій источникъ дохода, общій интересъ и противоположность интересамъ другихъ классовъ); проблема классовъ для *Жиды*—проблема распредѣленія; 2) распредѣлительную основу *Жидъ* не считаетъ, однако, единственной при классовыхъ группировкахъ населенія; на ряду съ распредѣлительной группировкой классовъ, онъ прибѣгаетъ и къ производственной группировкѣ; послѣдняя, однако, *Жиду* не удалась; 3) классовая группировка населенія по распредѣлительнымъ признакамъ страдаетъ у *Жиды* невыдержанностью; 4) основной недостатокъ ученія *Жиды* о классахъ—его неполнота, несогласованность, отсутствіе болѣе глубокаго анализа и исторической перспективы; 5) подобно многимъ утопистамъ, *Жидъ* переоцѣняетъ социальное значеніе „средняго класса“, считая идеаломъ социальнаго строя мелкое производство.

Довольно полное развитіе распредѣлительной теоріи общественных классовъ мы находимъ у *Чернова*¹⁰⁾.

Первое правило всякаго научнаго мышленія, говоритъ *Черновъ*, заключается въ томъ, чтобы никогда не пользоваться терминами, смыслъ и значеніе которыхъ остаются недостаточно вылепленными, иногда не полагаться на „общеупотребительность“ термина, но каждый разъ точно вскрывать его внутреннее содержаніе¹¹⁾. Это основное научное требованіе наиболѣе всего нарушалось въ отношеніи проблемы общественных классовъ, по мнѣнію *Чернова*, до-марксовскаго социализма, который, „часто путаясь между классами, сословіями и кастами, не менѣе часто... путался и въ вопросѣ о томъ, гдѣ кончаются различія классовъ и гдѣ начинаются менѣе важныя различія между слоями одного и того же класса“¹²⁾.

Чернова не удовлетворяютъ, однако, ученія о социальныхъ классахъ и марксовскаго социализма. *Марксу* и *Энгельсу* онъ ставитъ въ вину то, что они, расчленяя общество на классы, классы и группы, группы на подгруппы и т. д., недостаточно отчетливо подчеркивали различіе между принципиальными, основными „классовыми“ перегородками, и болѣе дробными, второстепенными, внутриклассовыми¹³⁾. Все это ведетъ, по мнѣнію *Чернова*, къ расплывчатости, неблагоприятно отражающейся на всей теоріи классовъ и классовой борьбы.

Въ современныхъ ученіяхъ объ общественныхъ классахъ *Черновъ* видитъ лишь одно единственное положительное приобретеніе—это разграниченіе между сословнымъ расчлененіемъ, происходящимъ на юридической основѣ, и классовымъ, основа котораго—экономическая. Но, спрашиваетъ онъ, какъ ближе опредѣлить эту экономическую природу класса? Искать ли опредѣляющихъ признаковъ въ особенностяхъ положенія класса въ процессѣ самаго производства, или же искать ихъ въ особенностяхъ участія класса въ распредѣленіи благъ?

¹⁰⁾ Викторъ Черновъ. Соціалистическіе этюды. Москва 1908, стр. 237—358.

¹¹⁾ Викторъ Черновъ, *ibid.*, стр. 303.

¹²⁾ Викторъ Черновъ, *ibid.*, стр. 304.

¹³⁾ Викторъ Черновъ, *ibid.*, стр. 307.

Наиболѣе удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы *Черновъ* видитъ въ послѣднемъ: опредѣляющую основу социального класса онъ находитъ въ отношеніяхъ распредѣленія. Если бы даже, говорятъ онъ, отношенія производства одни только опредѣляли отношенія распредѣленія, и даже не испытывали возвратнаго съ ихъ стороны воздѣйствія, то все-таки было бы далеко не все равно: опредѣляютъ ли непосредственно условія производства раздѣленіе общества на классы, или непосредственно опредѣляютъ они условія распредѣленія, которыя уже, въ свою очередь, опредѣляютъ классовые интересы соответственныхъ общественныхъ группъ; въ послѣднемъ случаѣ, при классификаціи этихъ группъ, непременно придется „на первый планъ“ выдвинуть источники дохода, искать непосредственныхъ отличительныхъ признаковъ прежде всего въ „условіяхъ распредѣленія“. „По нашему мнѣнію, развѣять свою мысль *Черновъ*, раздѣленіе общества на классы стоитъ въ непосредственной связи именно съ отношеніями распредѣленія, а потому и отличительный признакъ принадлежности къ тому или другому классу берется прежде всего изъ этой сферы“¹⁾. Это нисколько не значитъ, однако, по мнѣнію *Чернова*, отрицать ко-
свенную причинную связь классового общества со всѣмъ производственнымъ строемъ даннаго общества.

Но если раздѣленіе общества на классы стоитъ въ непосредственной связи съ отношеніями распредѣленія, то какимъ же образомъ можно ближе опредѣлять эту связь. Въ чемъ теоретическое обоснованіе этой связи? Отвѣтъ на эти вопросы *Черновъ* находитъ уже у *Адама Смита*, установившаго трехчленный раздѣлъ общественнаго продукта (дохода) и признававшаго соответственно тремъ основнымъ видамъ дохода (рента, заработная плата, прибыль) три первоначальные, основные класса каждаго просвѣщеннаго общества (землевладѣльцы, наемные рабочіе, капиталисты). Такую же смитовскую идею трехъ классовъ развиваетъ, по мнѣнію *Чернова*, и *Марксъ* въ концѣ 3-го тома своего „Капитала“, находившій однако, что смитовская основа социального класса—источникъ дохода—требуетъ дальнѣйшаго развитія и разъясненія. Это разъясненіе *Черновъ* находитъ у *Каутскаго*, ко-

¹⁾ Викторъ Черновъ, *ibid.*, стр. 312.

тотъ и устанавливаетъ различіе и противоположность экономическихъ интересовъ землевладельца съ одной стороны и пасомпаго рабочаго и капиталиста—съ другой, и далѣе—пасомпаго рабочаго съ одной стороны и землевладельца и капиталиста—съ другой. Ту же идею находитъ Черновъ и у Чернышевскаго (Сочиненія, Жезева 1870 г., т. IV, стр. 201, 203, 205).

Въ результатъ, Черновъ полагаетъ, что, мы имѣемъ вполне опредѣленное и законченное рѣшеніе вопроса объ основѣ дѣленія общества на классы. Намѣченнаго еще Адамомъ Смитомъ, оно получило болѣе глубокую постановку въ трудахъ социалистовъ—Н. Г. Чернышевскаго, К. Маркса и К. Каутскаго. По этой теоріи, дѣленіе современнаго буржуазнаго общества на социальные классы связано функционально съ дѣленіемъ общаго национальнаго дохода на такіе основныя виды, которые, при данной величинѣ національнаго дохода, могутъ расширяться только однимъ на счетъ другого²¹⁾. Тѣмъ самымъ дано, думаетъ Черновъ, „строгое научное разрѣшеніе вопроса: сколько же существуетъ общественныхъ классовъ? какіе именно? гдѣ границы между различными классовыми и различными социальными положеніями внутри каждаго даннаго класса?“ Исчерпывающій отвѣтъ на эти вопросы могъ бы дать, по мнѣнію Чернова, полную теорію социальныхъ классовъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія Чернова, раздѣленіе общества на классы опредѣляется „прежде всего и ближе всего“ условіями распредѣленія; въ основѣ его лежитъ различіе источниковъ дохода, имѣющихъ антагонистическій характеръ и приводящихъ обладателей этими источниками дохода къ антагонизму между собою; такихъ основныхъ взаимно-антагонистическихъ источниковъ дохода въ современномъ обществѣ три: рента, прибыль, заработная плата; соответственно этому, современное общество распадается и на три взаимно-антагонистическихъ класса: землевладельцевъ, капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, Черновъ вкладываетъ въ понятіе социального класса два различныхъ значенія: въ болѣе широкомъ смыслѣ классъ—терминъ политико-экономическій, въ болѣе узкомъ—соціологическій или философско-историческій. Политическая эконо-

²¹⁾ Викторъ Черновъ, *ibid.*, стр. 318.

люмія, говорить він, розсматриваєть соціальне бытіє лишь съ одної точки зрѣнія, съ одної стороны—именно объективно-матеріальной, отвѣщаясь отъ всѣхъ другихъ сторонъ—правовой и субъективно-психологической; поэтому, въ классѣ политическая экономія береть лишь *внѣшнія матеріальныя условія* его бытія, объективную характеристику функціи, выполняемой имъ въ данномъ народно-хозяйственномъ организмѣ, и отношенія къ другимъ частямъ того же организма; въ этомъ смыслѣ экономическая категорія „соціальный классъ“ основывается на „общности источника доходовъ и общности антагонизма данного источника доходовъ съ другими, на которые распадается чистый общественный доходъ страны“²⁵). Такимъ образомъ, классъ въ экономическомъ смыслѣ *Черновъ* характеризуетъ лишь объективно-матеріальными, хозяйственными признаками. Напротивъ, для класса, какъ соціологической категоріи, характернымъ является, по его мнѣнію, не одинъ, а совокупность признаковъ, охватывающихъ собою „не какое-либо одно (подобно политической экономіи), а всѣ три мѣренія соціального развитія, опредѣляемыя тремя возможными, различными лишь по направленію абстракціи, точками зрѣнія: объективно-матеріальной или хозяйственной, субъективной или соціально-психологической и формально-нормативной или политически-правовой“²⁶). Въ такомъ двоякомъ смыслѣ употребляетъ попятіе „соціальный классъ“, по мнѣнію *Чернова*, и *Марксъ*. „Однородность внѣшнихъ матеріальныхъ условій бытія, говоритъ *Черновъ*, создастъ классъ въ экономическомъ смыслѣ; но это лишь мертвый матеріалъ для класса въ настоящемъ смыслѣ этого слова, для класса, какъ соціологической категоріи. Чтобы экономически отграниченная въ классъ масса стала живой соціологической сущностью, нужна извѣстная мѣра сдѣленія частицъ, своеобразное „химическое сродство“... Итакъ, дѣлаетъ выводъ *Черновъ*, классъ въ соціологическомъ смыслѣ характеризуется не только объективными, но и субъективными, не только хозяйственными, но и психологическими, не только матеріальными, но и формальными („организованность“) признаками“²⁷).

²⁵) *Викторъ Черновъ*, *ibid.*, стр. 353.

²⁶) *Викторъ Черновъ*, *ibid.*, стр. 354.

²⁷) *В. Черновъ*. Раздѣленіе общ. стѣи на классы и раздѣленіе труда. „Русское Богатство“ 1909, кн. V, стр. 162.

У *Чернова* мы находимъ, такимъ образомъ, интересную попытку теоретическаго обоснованія классоваго разслоенія современнаго общества. Опръ ясно устанавливаетъ экономическую природу общественныхъ классовъ и основу классоваго раздѣленія ищетъ въ отношеніяхъ распредѣленія, понимаемаго въ смитовскомъ смыслѣ трехчленнаго раздѣла общественнаго продукта-дохода. Отсюда у *Чернова* идея трехъ классовъ, отсюда же и слабыя стороны его ученія. Всю силу своего теоретическаго анализа понятія „соціальный классъ“ и классоваго разслоенія общества *Черновъ* сводитъ къ положенію, что чистый общественный доходъ въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ распадается на три основныя, первоначальныя части: земельную ренту, прибыль и заработную плату, каковыя части всегда развиваются одна на счетъ другой. Но послѣ *Адama Смита*, уже *Рикардо* дѣлаетъ, хотя и слабую, попытку развитія идеи двухчленнаго раздѣла общественнаго дохода, вмѣсто смитовской идеи трехчленнаго раздѣла. У *Маркса* эта послѣдняя идея окончательна была дискредитирована и вытѣснена болѣе правильной идеей двухчленной формулы общественнаго дохода (заработная плата—прибавочная цѣнность). Земельная рента или доходъ, притекающій отъ земли, въ свою очередь подлежитъ разложенію и сводится къ заработной платѣ и прибыли²⁸⁾. Землевладѣлецъ, говоритъ *Марксъ*, является образованіемъ вторичнаго характера, и обстоятельства, при условіи которыхъ капиталистъ принужденъ выдѣлять въ пользу третьихъ лицъ часть захваченной имъ прибавочной цѣнности, наступаютъ лишь во второй инстанціи, впоследствии²⁹⁾. Первоначальными, „основными“ видами общественнаго дохода являются не земельная рента, заработная плата и прибыль, какъ думаетъ *А. Смитъ* и какъ думаетъ *Черновъ*, а лишь заработная плата и прибавочная цѣнность, какъ это опредѣленно развито *Марксомъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подрывается теоретическая основа анализа классоваго разслоенія общества у *Чернова*, цѣлкомъ построеннаго на неправильной идее трехчленнаго раздѣла.

²⁸⁾ Cp. Dr. Karl Dietl. David Ricardo's Grundgesetze der Volkswirtschaft und Besteuerung. Zw. Band. Erläuterungen. I, Th. Leipzig 1905. 2. Auflage, стр. 204.

²⁹⁾ K. Marx. Theorien über den Mehrwert. Stuttgart 1905, B. II, Th. I, стр. 292—293.

Черновъ настаиваетъ на распределительной основѣ общественныхъ классовъ даже и въ томъ случаѣ, если признать, что отношенія распредѣленія сами опредѣляются отношеніями производства. По его мнѣнію, даже эта допускаемая зависимость первыхъ отъ послѣднихъ ничего не измѣняетъ въ установленіи основныя классового расчлененія на моменты распредѣленія. Въ данномъ случаѣ *Черновъ* не считается съ одной особенностью категорій распредѣленія, которую устанавливалъ еще, какъ мы видѣли, *Джемсъ Милль*³⁰⁾. Эта особенность въ томъ, что распределительный процессъ выявляется въ общественной жизни, пройдя предварительно черезъ всю сложную рыночную сферу обмена, т. е. выявляется въ крайне модифицированномъ видѣ, который затуповываетъ внутреннее содержаніе отрицаній распредѣленія. Послѣднія же, опять-таки, безъ рыночнаго своего костюма, т. е. безъ воплощенія въ цѣнѣ, немалы и загадочны, если ихъ оторвать отъ ихъ первоисточника—производственныхъ отношеній. Лишь базируя на производственномъ моментѣ, мы можемъ разобраться и разгадать абстрактныя формы распредѣленія, которые сами по себѣ не что иное, какъ отпечатокъ, отраженная сторона отношеній производства. Вотъ почему такой сложный процессъ, какимъ является процессъ образованія классовъ, не можетъ быть раскрытъ, пока изслѣдователь не выйдетъ изъ сферы распределительныхъ моментовъ и основы общественныхъ классовъ не станетъ искать въ отношеніяхъ производства. Совершенно правильно отмѣчалъ *Джемсъ Милль*, что группы населенія, участвующія въ производствѣ, не точно тѣ же, что участвуютъ въ распредѣленіи; въ этомъ послѣднемъ обычно протираютъ руки при раздѣлѣ общественнаго дохода, т. е. вновь созданныхъ цѣнностей, и новыя группы, которыхъ въ производственномъ процессѣ и не было, въ качествѣ непосредственныхъ участниковъ. Спрашивается, какія же группы должны претендовать на право имѣваться общественными основными классами: тѣ ли, которые участвуютъ въ распредѣленіи, или „прежде всего и ближе всего“ тѣ, которые участвуютъ въ производствѣ. Намъ кажется, что именно послѣднія. И если нужно искать основы класса, какъ экономической категоріи, надо дохо-

³⁰⁾ См. выше, стр. 142.

доть до перво-основы. *Черновъ* не хочетъ этого признать, и въ этомъ слабое мѣсто его ученія о классахъ. Опираясь на различіи источниковъ дохода, получаемого различными группами населенія, *Черновъ* не въ силахъ дать объясненія и обосновать многихъ положеній въ своемъ ученіи о классахъ. Фактъ противоположности между различными источниками дохода остается у него нераскрытымъ. Общность интересовъ между капиталистами и землевладельцами по отношенію къ труду и его эксплуатаціи имъ обходится молчаніемъ. Преимущество стараго трехчленного дѣленія классовъ (въ смитовской формулировкѣ) передъ идеей двухчленного раздѣла, или идеей четырехъ-шести классовъ *Жида—Лорія* у *Чернова* остается недоказаннымъ. А между тѣмъ, если *Черновъ* находитъ возможнымъ дѣлить нетрудовые доходы на двѣ части (по ихъ источнику), именно, на земельную ренту и прибыль, то было бы послѣдовательнѣе идти дальше, за *Лорія* и *Жидомъ*, и дѣлить также и прибыль на ея составныя части (по источнику); *Черновъ* же дальше трехчленной формулы классового дѣленія не идетъ.

Довольно шаткимъ является также разграниченіе *Черновымъ* экономической и социологической категоріи въ понятіи социального класса. *Черновъ* полагаетъ, что социальный классъ будетъ экономической категоріей, когда мы опредѣляемъ его однимъ экономическимъ признакомъ, и социологической категоріей, когда мы характеризуемъ его не однимъ, а тремя признаками, взятыми изъ различныхъ областей: экономической (отношенія распределенія), политическо-правовой (организованности) и психологическо-субъективной (сознаніе). Такое разграниченіе весьма близко напоминаетъ намъ попытку *Лоренца Штейна* дѣлить классы на экономическіе и общественные. Признаки, лежащіе въ основѣ того и другого разграниченія одни и тѣ же (сознаніе и право-политическій моментъ, помимо момента экономического). Установленіе такого рода двухъ категорій понятія „классъ“ ни методологически, ни по существу не оправдывается. Едва ли вообще возможно разграничивать одно и то же понятіе, экономическое по своей основѣ и внутреннему содержанию, на экономическую категорію и социологическую категорію, такъ какъ экономическая категорія выражаетъ собою опредѣленное общественное отношеніе, социологи-

ческая же категория—это вовсе не определенное общественное отношение, а лишь определенная точка зрѣнія. Несомнѣнно, что общественные классы, какъ известное общественное отношеніе, мы можемъ изучать и экономически, и социологически. Но тѣмъ не менѣе „классъ“, какъ экономическая категория, таковой и остается, съ какою бы точки зрѣнія мы его ни изучали. Не совсѣмъ понятно, поэтому, зачѣмъ понадобилось *Чернову* разграсничивать единую категорию „соціальный классъ“ на двѣ различныхъ категоріи: классъ въ экономическомъ смыслѣ и классъ—въ социологическомъ смыслѣ.—

Большое вниманіе въ проблемѣ классовъ отводитъ *Черновъ* и вопросу о крестьянствѣ, какъ социальнo-экономической категоріи. Свои взгляды по этому предмету онъ облекаетъ въ полемическую форму, выступая противъ „Agrarfrage“ *Каутскаго* (главы „ Bauer und Proletariat“ и др.)³¹⁾. Основнымъ пунктомъ спора является вопросъ о томъ, являются ли интересы крестьянства отличными отъ интересовъ пролетаріата. Теоретическая сторона проблемы классовъ находитъ себѣ здѣсь, однако, мало освѣщенія.

Довольно близко къ *Чернову* по своимъ взглядамъ на общественные классы стоитъ и *Туганъ-Барановскій*. Въ своихъ „Основы Политической Экономіи“ *Туганъ-Барановскій* ученію объ общественномъ классѣ удѣляетъ особую главу (глава I) въ отдѣлѣ „Распределеніе“³²⁾. Классъ, говоритъ *Туганъ-Барановскій*, возникаетъ на определенной ступени экономическаго развитія, когда возникаетъ антагонизмъ интересовъ; основнымъ же антагонизмомъ хозяйственнаго строя настоящаго и прошлаго является присвоеніе одними общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ. Поэтому, думаетъ *Туганъ-Барановскій*, можно опредѣлять социальный классъ, какъ „общественную группу, члены которой находятся въ одинаковомъ экономическомъ положеніи

³¹⁾ В. Черновъ. Крестьянство и рабочій, какъ экономическія категоріи. Москва, 1906. Книгоиздательство „Новое Товарищество“.

³²⁾ М. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи. СПб. 1911. Стр. 334—347. М. Туганъ-Барановскій „Теоретическія основы марксизма“, СПб. 1905, глава V. Общественный классъ и классовая борьба (стр. 71—87) и М. Туганъ-Барановскій, Что такое общественный классъ? („Міръ Божій“, Январь 1904, стр. 64—72).

по отношенію къ общественному процессу присвоенія одними общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ и, вслѣдствіе этого, имѣють общихъ антагонистовъ и общіе экономическіе интересы въ процессѣ общественнаго хозяйства³³⁾. Въ этомъ присвоеніи прибавочнаго труда заключается, по мнѣнію *Туганъ-Барановскаго*, и существенное отличіе понятія класса отъ понятія профессиональной группы. Для того, чтобы извѣстная общественная группа стала классомъ, не требуется, съ точки зрѣнія *Туганъ-Барановскаго*, чтобы она непременно *сознавала* противоположность своихъ интересовъ интересамъ другихъ общественныхъ группъ; можетъ быть классъ и лишенный классоваго сознанія (по *Марксу* это классъ „неконституированный“).

Для современнаго общества *Туганъ-Барановскій* устанавливаетъ три „основныхъ“ класса и не менѣе пяти „мелкихъ“ классовъ. „Основные“ классы—это 1) аристократія (землевладѣльцы), 2) буржуазія (капиталисты) и 3) пролетаріатъ (рабочіе). „Крупные“ классы—это тѣ же основные, съ присоединеніемъ къ нимъ класса мелкой буржуазіи (4) и класса крестьянства (5)³⁴⁾. Очевидно, включая въ число крупныхъ классовъ и три основныхъ класса, *Туганъ-Барановскій* не придаетъ особаго значенія своему дѣленію социальныхъ классовъ на основные и крупные; во всякомъ случаѣ, дѣленіе это остается у него неявнымъ, или недоразвитымъ.

Итакъ, согласно *Туганъ-Барановскому*, общественный классъ характеризуется: 1) одинаковыми отношеніями присвоенія, 2) общими антагонизмомъ и 3) общимъ (экономическимъ) интересомъ. При этомъ, подъ „присвоеніемъ“ и „процессомъ присвоенія“ приходится подразумѣвать отношенія распредѣленія. Что понятіе социального класса у *Туганъ-Барановскаго*—распредѣлительная категория, видно уже изъ того, что проблему общественныхъ классовъ онъ трактуетъ въ отдѣлѣ распредѣленія. Въ общемъ, въ опредѣленіи класса *Туганъ-Барановскаго* мы видимъ тѣ же самые элементы, что видѣли и у *Лорія*, и у *Жида*, и у *Чернова*; а именно: разли-

³³⁾ *М. Туганъ-Барановскій*. Основы политической экономіи. СПб. 1911, стр. 337.

³⁴⁾ *М. Туганъ-Барановскій*, *ibid.*, стр. 337 и 339.

что источником дохода, антагонизмъ, общность интересовъ. *Туганъ-Барановскій*, однако, не хочетъ такъ рѣзко и опредѣленно подчеркнуть распределительную основу своего классоваго дѣленія общества, какъ это дѣлаетъ *Черновъ*; присвоение прибавочнаго труда, по мнѣнію *Туганъ-Барановскаго*, происходитъ какъ въ сферѣ капиталистическаго производства, такъ и въ сферѣ капиталистическаго обмена; поэтому, его опредѣленіе класса имѣетъ въ виду какъ отношенія производства, такъ и отношенія обмена²⁵⁾. Самый моментъ распределенія *Туганъ-Барановскій* не считаетъ самостоятельной экономической категоріей; распределительныя категоріи, по его мнѣнію, не что иное, какъ тѣ же категоріи капиталистическаго производства, разсматриваемыя лишь съ иной точки зрѣнія. Но въ такомъ случаѣ и слѣдовало бы искать основы классоваго разложенія общества именно въ отношеніяхъ производства, а не въ распределеніи.

Въ общемъ, нельзя не признать, что взгляды *Туганъ-Барановскаго*, по вопросу объ общественныхъ классахъ, страдаютъ большою неопредѣленностью. Но поскольку *Туганъ-Барановскій* строить анализъ социальныхъ классовъ на нечетъ процесса присвоенія, или—что то же самое—процесса распределенія, этотъ анализъ его страдаетъ всеми недостатками распределительныхъ теорій классовъ, отмѣченными выше; неопредѣленность, недоразвитость положеній и неясность лишь увеличиваютъ эти недостатки.

На той же основѣ распределительныхъ отношеній, какъ *Туганъ-Барановскій* и отмѣченные выше авторы, стоятъ и *Делевскій* и *Прокоповичъ*, въ вопросѣ объ общественныхъ классахъ²⁶⁾. Ближе къ ней, наконецъ, и *Каутскій*, который, по своему общему экономическому и социологическому теоретическому воззрѣнію, долженъ бы быть собственно на сторонѣ производственной теоріи классовъ, но на самомъ дѣлѣ выступать въ данномъ вопросѣ на распределительной основѣ.

Свой взглядъ на проблему общественныхъ классовъ *Каутскій* развиваетъ, главнымъ образомъ, въ статьѣ о „Klasseninteresse—

²⁵⁾ М. Туганъ-Барановскій, *ibid.*, стр. 344.

²⁶⁾ Ю. Делевскій. Социальныя антагонизмы и классовая борьба въ исторіи. СПб. 1910.
О. Н. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. СПб. 1904. Изданіе Л. Ф. Пантелеева.

Sonderninteresse-Gemeininteresse³⁷⁾). Здѣсь онъ опредѣленно устанавливаетъ основу образованія классовъ. „Образованіе отдѣльных классов обусловливается, говоритъ *Каутскій*, не только общностью источниковъ дохода, но и вытекающей отсюда общностью интересовъ, а также и противоположностью къ другимъ классамъ“³⁸⁾). Мы видимъ у *Каутскаго*, такимъ образомъ, хорошо знакомые намъ три признака распределительной основы классовъ. „Все классовыя различія, говоритъ онъ, классовый антагонизмъ и классовая борьба находятъ для себя основаніе въ способѣ распределенія продуктовъ“³⁹⁾).

Вполнѣ понятно, отсюда, что *Каутскій*—сторонникъ трехчленного классоваго расчлененія, въ старой емитовской редакціи; современное общество онъ дѣлитъ на три большихъ класса: землевладельцевъ, капиталистовъ и рабочихъ⁴⁰⁾). Противъ идеи двухъ классовъ и ея примѣненія въ теоріи *Каутскій* вообще рѣшительно возстаеъ. „Сводя историческое развитіе къ борьбѣ классовъ,—говоритъ *Каутскій*, наприм., въ *Die Klassengegensätze im Zeitalter der französischen Revolution*“,—многіе обнаруживаютъ склонность принимать, что въ обществахъ существуютъ только два лагеря, два борющіеся другъ съ другомъ класса, двѣ сплоченныя однородныя массы—революціонная и реакціонная, что въ обществахъ имѣются только „верхи“ и „низы“. Если бы это было такъ и на самомъ дѣлѣ, писать исторію было бы очень легко. Но въ дѣйствительности отхошенія не такъ просты. Общество представляетъ все болѣе и болѣе усложняющійся организмъ съ самыми различными классами и разнообразнѣйшими интересами,—классами, которые могутъ группироваться въ весьма разнообразныя партіи, въ зависимости отъ обстоятельствъ“⁴¹⁾). Въ данномъ случаѣ *Каутскій* забываетъ, что именно усложненіе социальныхъ отношеній и пестрота ихъ проявленій въ реальной жизни и требуютъ для своего высе-

³⁷⁾ *K. Kautsky. Klasseninteresse—Sonderninteresse—Gemeininteresse. „Die Neue Zeit“*, 21. Jahrgang. 1° d. 2. № 34, стр. 240—245; № 35, стр. 261—274.

³⁸⁾ *K. Kautsky, ibid.*, стр. 241.

³⁹⁾ *K. Kautsky, ibid.*, стр. 242.

⁴⁰⁾ *K. Kautsky, ibid.*, N. Z. № 35, стр. 206 и далѣе.

⁴¹⁾ *Karl Kautsky. Die Klassengegensätze etc. Neue Ausgabe der Klassengegensätze von 1789. Stuttgart. Verlag von J. Dietz, 1908, стр. 9.*

ноція строгой абстракціи, каковой является идея двухъ классовъ, — абстракціи, являющейся не только простой или случайной гипотезой, но научной гипотезой, опирающейся на анализъ общественно-хозяйственныхъ отношеній.

Въ современномъ обществѣ *Каутскій* находитъ не только три большихъ класса. Если глубже взглянуть въ суть дѣла, говоритъ онъ, можно придти къ заключенію, что между тремя большими классами и наряду съ ними имѣются еще промежуточные классы. Интересы этихъ „промежуточныхъ“ классовъ, по мнѣнію *Каутскаго*, обособлены и до нѣкоторой степени противоположны тѣмъ большимъ классамъ, по отношенію къ которымъ они сохраняютъ промежуточное положеніе; наприм., интересы денежныхъ капиталистовъ по отношенію къ другимъ капиталистамъ и земельнымъ собственникамъ. Къ „промежуточнымъ“ классамъ *Каутскій* относитъ: классъ денежныхъ капиталистовъ, классъ мелкой буржуазіи, классъ крестьянства, отчасти интеллигенцію. Интересы этихъ промежуточныхъ классовъ, по крайней мѣрѣ, интересы класса мелкой буржуазіи, класса крестьянства и класса интеллигенціи, *Каутскій* считаетъ, однако, раздвоенными и неопредѣленными. Но въ такомъ случаѣ, какова же связь между тремя большими классами и тремя-четырьмя классами „промежуточными“? Далѣе, особые ли источники существованія у всѣхъ этихъ классовъ? Въ какомъ отношеніи источники существованія каждаго класса стоятъ къ источникамъ другихъ классовъ? Всѣ эти и рядъ другихъ подобныхъ вопросовъ остаются у *Каутскаго* нераскрытыми. Ничего новаго въ ученіе объ общественныхъ классахъ *Каутскій* не вноситъ, стоя на своей распредѣлительной основѣ, сравнительно съ другими, разсмотрѣнными нами представителями распредѣлительной теоріи классовъ.

Правда, *Каутскій* не вездѣ выдерживаетъ свою распредѣлительную основу. Не вездѣ остается онъ вѣрнымъ, только что установленнымъ своимъ взглядамъ по вопросу о социальныхъ классахъ. Въ „Die Agrarfrage“, наприм., во введеніи, *Каутскій* находитъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ два основныхъ класса: классъ капиталистовъ и классъ пролетаріата, какъ типическіе классы для капиталистической системы хозяйства; онъ сознаетъ,

при этомъ, что жизнь общества много сложнѣе антагонизма этихъ двухъ классовъ, антагонизма труда и капитала. Но теоретикъ, говорящій *Каутскій*, который хочетъ изслѣдовать основы, основные законы, господствующіе въ современномъ обществѣ, долженъ имѣть дѣло съ капиталистическимъ хозяйствомъ именно въ его классическихъ формахъ, въ его самомъ чистомъ видѣ⁴²⁾. Въ „Капиталѣ“, говоритъ *Каутскій*, Марксъ имѣетъ дѣло только съ капиталистами и пролетаріями⁴³⁾.

Это уже мало похоже на скептическое отношеніе *Каутскаго* къ идеѣ двухъ классовъ, о которомъ мы говорили выше. Объ этой идеѣ двухъ социальныхъ классовъ теперь онъ говоритъ уже опредѣленно, какъ о необходимомъ и необходимомъ исходномъ пунктѣ при всякомъ теоретическомъ изслѣдованіи капиталистическаго общества. Больше того: отличительнымъ признакомъ современнаго пролетаріата *Каутскій* считаетъ уже не источникъ дохода и не распредѣлительные вообще моменты, а ту важную роль, какую играетъ пролетаріатъ, какъ классъ, въ капиталистическомъ способѣ производства⁴⁴⁾. На такой больше производственной, чѣмъ распредѣлительной основѣ *Каутскій* даетъ анализъ и проблемъ о взаимоотношеніяхъ между крестьянствомъ и пролетаріатомъ, какъ социальными классами съ обособленными интересами⁴⁵⁾. Во всемъ этомъ анализѣ, послужившемъ предметомъ критики *Чернова*, о которой мы выше упоминали, преобладающимъ мотивомъ звучитъ у *Каутскаго* моментъ производства и производственныхъ отношеній⁴⁶⁾.

⁴²⁾ *Karl Kautsky*. Die Agrarfrage. Stuttgart 1899, Einleitung, стр. 3.

⁴³⁾ *Karl Kautsky*, ibid., стр. 4.

⁴⁴⁾ *Karl Kautsky*, ibid., стр. 396.

⁴⁵⁾ *Karl Kautsky*, ibid., глава, „Bauer und Proletarier“. стр. 305—317.

⁴⁶⁾ Особенно рѣзко подчеркиваетъ производственный моментъ въ классообразованіи *Каутскій* въ вводѣ „Развитіе государственнаго строя на западѣ“, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „только особенности каждой данн. и ступени историческаго развитія могутъ дать намъ ключъ къ пониманію классовыхъ различій, образовавшихся въ тотъ или иной моментъ историческаго развитія. Основу же особенностей каждой ступени культурнаго развитія составляетъ свойственный ей способъ производства. Изъ объясняется особое общественное значеніе различныхъ классовъ, а общественное значеніе класса опредѣляетъ ту роль, которую онъ играетъ въ обществѣ“ (См. *Карлъ Каутскій* „Развитіе государственнаго строя на западѣ“. Въ переводѣ Лыновича, С.-Петербургъ 1905, стр. 61).

Каутский, такимъ образомъ, въ своемъ обоснованіи классоваго расчлененія общества, колеблется между распредѣлительной основой классовъ съ одной стороны и производственной—съ другой.

Подводя итогъ общей оцѣнкѣ ученій объ общественныхъ классахъ на основѣ распредѣлительныхъ моментовъ, мы находимъ:

1) три основныхъ распредѣлительныхъ признака, на которыхъ базируются распредѣлительныя теоріи классовъ (общность источниковъ дохода, общность интересовъ и антагонизмъ къ другимъ классамъ), не создаютъ еще достаточно прочной теоретической основы для разрѣшенія проблемы классовъ; въ этомъ можно убѣдиться уже изъ того, что представители распредѣлительной основы классовъ устанавливають число классовъ въ современномъ обществѣ каждый различно: то въ 3, то въ 4, то въ 5, 6 и болѣе классовъ;

2) теоретики распредѣлительной основы классовъ, при изученіи классовъ современнаго общества, не смогли разграничить двѣ различныя стороны этой проблемы: конкретно-описательную и абстрактно-теоретическую; отсюда—неудачи въ ихъ анализѣ социальныхъ классовъ; правда, у нихъ замѣтны попытки провести какое-то разграниченіе между типическими, основными, главными, крупными и т. д. классами, съ одной стороны, и промежуточными, второстепенными, дополнительными и проч.—съ другой; но попытки эти робки, несвѣдѣтельны и не приводятъ ни къ чему положительному;

3) главный недостатокъ всѣхъ распредѣлительныхъ ученій объ общественныхъ классахъ—ихъ неполнота, незаконченность; даже анализъ различныхъ источниковъ дохода не доводится ими до конца, да и едва ли это мыслимо сдѣлать, пока представители этихъ ученій стоятъ на основѣ только распредѣлительныхъ моментовъ: распредѣлительныя отношенія для своего выясненія сами нуждаются въ сведеніи къ ихъ первоосновѣ—отношеніямъ производства;

4) идея распределенія, какъ основа классоваго расчлененія, выдвинутая еще физиократами и англійскими и французскими уто-

пистами-соціалистами, въ ученіи новѣйшихъ представителей распространительной теоріи общественныхъ классовъ находитъ свое логическое завершеніе.

9.

Производственная теорія общественныхъ классовъ.

Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ экономическихъ теорій общественныхъ классовъ, производственная теорія ищетъ основы классового расчлененія общества и образованія классовъ, въ послѣднемъ счетѣ, въ производствѣ и отношеніяхъ производства. Выразительницей этой теоріи является, главнымъ образомъ, школа марксизма, воспринявшая въ себѣ многія изъ положеній, развивавшихся раными англійскими соціалистами и французскими утопистами, но поставившая эти положенія на болѣе научную основу.

Мы видѣли, что еще въ эпоху великой французской революціи французская общественная мысль выдвинула три направленія въ развитіи идеи общественныхъ классовъ: потребительное, распределительное и производственное¹⁾. Мы видѣли, что производственная идея классовъ смутно проявлялась еще у *Турго* и *Неккера*, въ народныхъ брошюрахъ во время собранія генеральныхъ штатовъ, у нѣкоторыхъ изъ раннихъ англійскихъ и французскихъ соціалистовъ. И тѣмъ не менѣе, производственное направленіе въ разработкѣ ученія объ общественныхъ классахъ далеко еще не имѣло себѣ сколько-нибудь законченнаго теоретическаго выраженія даже въ школѣ марксизма. Здѣсь, въ этомъ отношеніи, еще многое не сведено въ систему, разбросано, не связано въ стройное цѣлое.

Большинство сторонниковъ школы *Маркса*, въ вопросѣ о социальныхъ классахъ, обычно не идетъ дальше краткихъ опредѣленій понятія класса и установленія общей базы классовообразованія. Одни изъ нихъ опредѣляютъ общественный классъ, какъ „болѣе или менѣе обширный разрядъ лицъ, находящихся въ одинаковыхъ отношеніяхъ производства къ другимъ разрядамъ“; съ точки зрѣнія такого опредѣленія „раздѣленіе общества на классы обуслов-

¹⁾ См. страницы 87 и 88.

ливается существующими въ немъ производственными отношеніями²⁾. Другіе еще опредѣленіе указываютъ, что „рѣшить, что такое классъ, можно только на основѣ экономической системы производства и той роли, которую играютъ въ этомъ процессѣ человѣческія группы“³⁾. Третьи вообще считаютъ, что „фундаментъ социальнаго расчлененія—положеніе, занимаемое классомъ въ процессѣ общественнаго производства“⁴⁾. Но попытки дать болѣе или менѣе развитое ученіе о социальныхъ классахъ въ марксистской литературѣ мы находимъ не много. Среди этихъ послѣднихъ можно указать отчасти на изслѣдованіе американскаго писателя *Гента* о „Массѣ и классѣ“ и, главнымъ образомъ, на писаніи самыхъ основоположниковъ марксизма—*Маркса* и *Энгельса*.

Въ своей книгѣ „Mass and class“ *Гентъ*, однако, не выдерживаетъ до конца производственной основы классовъ и перѣдко колеблется между нею и распределительными моментами⁵⁾. Общественный классъ является для *Гента* экономической категоріей, почему онъ всюду говоритъ объ общественныхъ классахъ, какъ объ „экономическихъ классахъ“. Экономическимъ классомъ *Гентъ* называетъ „совокупность такихъ лицъ, у которыхъ общія специфическія экономическія функціи и общіе интересы и которыя, поэтому, имѣютъ одинаковое отношеніе къ существующей экономической системѣ“. Опредѣляющимъ въ данномъ случаѣ въ представленіи *Гента* является производственный моментъ, отношеніе въ производствѣ⁶⁾. При этомъ, *Гентъ* останавливается свое вниманіе на двухъ признакахъ: экономической функціи и интересѣ. Послѣдній онъ выводитъ изъ функціи, какъ явленіе производное, подъ „экономической“ же функціей онъ понимаетъ тотъ методъ, видъ, или способъ, при помощи котораго индивиды въ обществѣ обезпечиваютъ себѣ жизнь, существованіе. Различіе этихъ способовъ ведетъ и къ различію интересовъ и къ различію отношеній.

²⁾ См. статью „пролетариатъ и крестьянство“ въ „Искрѣ“, № 33, 1903.

³⁾ *Erwin Glatz* въ „Die Neue Zeit“, 22 Jahrg., Bd. 2, № 23, стр. 62.

⁴⁾ *П. Рожковъ*. К. Марксъ и классовая борьба. Сборникъ статей „Памяти Маркса“. СПб. 1908.

⁵⁾ *W. J. Ghent*. Mass and class. A survey of social divisions. New-York, 1909.

⁶⁾ *Ghent W. J. ibid.*, стр. 37.

Тождество функций и интересов создаетъ классъ, хотя бы индивиды этого класса были заняты въ различныхъ и разнообразныхъ профессіяхъ; такимъ образомъ, по мысли *Гента*, тождество экономическихъ функций не предполагаетъ еще тождества технической дѣятельности въ производственномъ процессѣ.

Развивая, однако, болѣе детально свое позикеніе о производственной основѣ класса („экономической функціи“), *Гентъ* обнаруживаетъ замѣтную склонность къ отождествленію своей „экономической функціи“ съ источникомъ дохода. И идея *Гента* объ одинаковости „отношенія къ экономической системѣ“ довольно такъ близка по своему содержанію къ идее одинаковости источниковъ дохода. Такъ, наприм., къ одному „экономическому“ классу *Гентъ* относитъ булочника, литейщика, плотника и другихъ разнаго вида рабочихъ на томъ основаніи, что у нихъ у всѣхъ экономическая функція сводится къ производству благъ за заработную плату, т. е. ихъ экономическая функція въ томъ, что они наемные производители, живущіе на заработную плату. Всѣ владельцы средствъ производства, по мнѣнію *Гента*, точно также составляютъ одинъ классъ, такъ какъ обладаніе этими средствами производства, которые приводятся въ движеніе другими—наемными людьми, является для нихъ источникомъ ихъ существованія; всѣ самостоятельные-занятые производители, „хозяйчики“, работающіе собственными средствами безъ наемнаго труда, съ точки зрѣнія *Гента*, также составляютъ отдѣльный классъ¹⁾. Въ этихъ примѣрахъ *Гента*, поскольку онъ поясняетъ свою мысль съ основъ, устанавливающей классъ, скорѣе слышна основа распределительная, чѣмъ производственная. Высказываясь, такимъ образомъ, за моментъ отношенія въ производствѣ, какъ за рѣшающій въ классовомъ образованіи, *Гентъ* не выдерживаетъ строго своей основы и не даетъ ей болѣе подробнаго теоретическаго анализа.

Касаясь вопроса о происхожденіи классовъ, *Гентъ* связываетъ послѣднее съ появленіемъ системы рабства, считая форму рабства самымъ раннимъ проявленіемъ экономического класса и устанавливая, двоякій путь образованія классовъ: или мирный или путь войны; въ первомъ случаѣ классы возникаютъ вълѣдствіе накопле-

¹⁾ W. J. Gent, ibid., стр. 40.

нія индивидуальной собственности; въ послѣднемъ—благодаря завоеванію одного племени или расы другимъ племенемъ или расой^{*)}). Въ позднѣйшее время, однако, съ развитіемъ государства и промышленной жизни, завоеваніе начинается, по мнѣнію *Гента*, играть все меньшую и меньшую роль въ образованіи классовъ. Съ паденіемъ же феодализма и возникновеніемъ новой формы производства, классы стараго общества были просто трансформированы, идя на встрѣчу новымъ развивавшимся отношеніямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было, по мнѣнію *Гента*, тамъ, гдѣ экономическое развитіе шло по сравнительно правильнымъ линіямъ, какъ, на прим., въ Англіи и Германіи. По отношенію къ этимъ странамъ *Гентъ* устанавливаетъ идею исторической непрерывности и преемственности въ образованіи классовъ. Какъ характерную черту новыхъ классовъ капиталистическаго способа производства, развившихся въ силу исторической преемственности изъ феодализма, —черту, существующую по крайней мѣрѣ въ видѣ общей тенденціи, *Гентъ* считаетъ „классовую наследственность“: какъ общее правило, въ капиталистическомъ обществѣ, говоритъ онъ, всюду дѣти наследуютъ социальное положеніе своихъ отцовъ, которое остается въ общемъ безъ измѣненія и для слѣдующаго поколѣнія. Новую классовую наследственность *Гентъ* находитъ даже въ Америкѣ, странѣ съ сравнительно краткой исторіей и съ менѣе правильными условіями экономическаго развитія, чѣмъ гдѣ бы то ни было^{*)}). Въ любой болѣе или менѣе устойчивой общинѣ въ Middle West, говоритъ *Гентъ*, гдѣ крупная промышленность не успѣла еще наложить своихъ глубокихъ слѣдовъ, за 20—30-лѣтній періодъ времени можно замѣтить во многомъ значительныя измѣненія въ населеніи и громадное разнообразіе занятій, а также образованіе множества новыхъ; но въ то же время фермеры настоящаго поколѣнія оказываются въ большей части своей сыновьями или внуками фермеровъ предшествующаго періода; точно также и торговый, рабочій и даже ремесленный классы обнаружили такую же значительную малоподвижность, весьма незначительный сдвигъ.

Гентъ затрогиваетъ, такимъ образомъ, сложный и мало раз-

*) W. J. Grent, *ibid.*, стр. 41.

*) W. J. Grent, *ibid.*, стр. 45.

работанный вопрос въ классовой проблемѣ,—вопросъ о подвижности классовъ, ихъ обновленіи, ростѣ, разложениіи и перемѣщеніи изъ одного класса въ другой. Самъ *Геннъ* не даетъ никакихъ строго статистическихъ аргументовъ для подтвержденія своего положенія о классовой наследственной преемственности; къ тому же онъ ограничивается соображеніями, относящимися лишь къ „низамъ“, не касаясь „верховъ“ и среднихъ слоевъ, гдѣ выводы могли бы быть и совершенно иными, чѣмъ онъ устанавливаетъ.

Переходя отъ теоретическихъ соображеній къ конкретной дѣйствительности, *Геннъ* останавливается на классовомъ составѣ современнаго американскаго общества. Онъ пронизываетъ надъ тѣми изъ американскихъ писателей, которые съ негодованіемъ отвергаютъ существованіе классовъ въ республиканской Америкѣ, утверждая, что классовъ нѣтъ въ странѣ равныхъ. *Геннъ* не видитъ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ оснований, на которыхъ можетъ строиться подобное отрицаніе. Напротивъ, онъ находитъ, что промышленная революція имѣла своимъ результатомъ огромную дифференціацію въ Америкѣ въ видахъ и характерѣ занятій, что привело къ усиленію коренныхъ различій въ отношеніяхъ хозяйствующихъ индивидовъ къ производству и къ системѣ производства¹⁰⁾. Отношенія между наемными рабочими, иными, лишенными средствъ производства, и между собственниками-предпринимателями въ любомъ производственномъ процессѣ чрезвычайно различны. Въ обществѣ, какъ въ цѣломъ, мы находимъ, говоритъ *Геннъ*, цѣлую градацию различныхъ общественныхъ группъ съ различными отношеніями другъ къ другу, какъ въ любомъ отдѣльно взятомъ производственномъ процессѣ, такъ и въ общественномъ производствѣ, въ его цѣломъ.

Дать, однако, точный классовый раздѣлъ общества въ данной конкретной обстановкѣ и въ данный историческій моментъ *Геннъ* считаетъ дѣломъ очень труднымъ. Легче установить, по его мнѣнію, ясныя различія между классами, если смотрѣть на общественную массу съ точки зрѣнія двухъ крайнихъ полюсовъ въ этой массѣ, т. е. если считать ее съ раздѣломъ общества на типическіе два основныя класса съ ярко выраженными характерными разли-

¹⁰⁾ W. J. Ghent, *ibid.*, стр. 50.

чѣями, такъ какъ функціи, интересы и соотношенія между крайними классами находятся въ рѣзкомъ контрастѣ. Такими двумя крайними классами въ обществѣ съ современнымъ режимомъ *Гентъ* считаетъ классъ наѣмныхъ рабочихъ-производителей и капиталистовъ-предпринимателей¹⁾.

Гентъ считаетъ невозможнымъ строить классовое дѣленіе общества на масштабъ количественнаго равенства и различій въ размѣрѣ доходовъ, получаемыхъ различными группами общества. Равенство доходовъ, по его мнѣнію, не можетъ еще означать равенства экономическихъ функцій, интересовъ, воззрѣній, вѣрованій и проч.; оно еще не создаетъ равенства социальнаго положенія. Болѣе прочнымъ масштабомъ классификаціи общества *Гентъ* считаетъ одинаковость экономическихъ функцій и общность интересовъ. Съ точки зрѣнія этого масштаба, *Гентъ* считаетъ подлежащимъ классовому учету далеко не все, однако, население. Изъ которыхъ категорій населенія, дѣятельность и отношенія которыхъ въ общественномъ производствѣ не имѣютъ экономического характера, *Гентъ* исключаетъ изъ учета. Такими категоріями онъ считаетъ полицію, армію и флотъ, а также жещицъ, не принимающихъ участіе въ экономической дѣятельности ни въ качествѣ наемныхъ работниковъ, ни въ качествѣ самостоятельно ведущихъ предприятие. Женщины, говорятъ по этому поводу *Гентъ*, которыя вынашиваютъ и выращиваютъ дѣтей и которыя ведутъ домашнее хозяйство (make homes), конечно, представляютъ часть экономической жизни націи; но онѣ не могутъ образовать собой отдѣльный экономическій классъ; ихъ функція является подчиненной, вспомогательной къ функціи ихъ мужей, отцовъ, братьевъ²⁾. *Гентъ* находитъ необходимымъ имѣть дѣло только съ тѣми категоріями населенія, которыя имѣютъ болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ процессамъ общественнаго хозяйства: производству, распредѣленію, обмѣну и общественной службѣ (service).

Въ результатъ своего анализа, для Америки, *Гентъ* получаетъ слѣдующіе пять экономическихъ (общественныхъ) классовъ: 1) классъ живущихъ на заработную плату производителей, не имѣю-

¹⁾ W. J. Ghent, *ibid.*, стр. 69 и 70.

²⁾ W. J. Ghent, *ibid.*, стр. 77.

чиваетъ двѣ стороны проблемы классовъ: одну абстрактно-теоретическую и другую—конкретно-описательную; въ первомъ случаѣ онъ находитъ два основныхъ класса, типическіе для современнаго капиталистическаго общества, которые раскалываютъ въ общемъ и цѣломъ все общество на два крайнихъ полюса, съ рѣзко выраженнымъ антагонизмомъ; это—классъ наемныхъ рабочихъ-производителей и классъ капиталистовъ-предпринимателей; во второмъ случаѣ онъ находитъ шесть классовъ, характерныхъ для американскаго общества; 2) въ образованіи общественныхъ классовъ и раздѣленіи общества на классы *Гентъ* пытается установить производственную основу, но эта основа его страдаетъ неопредѣленностью и неясностью; основной масштабъ, изъ котораго исходитъ *Гентъ* при дѣленіи общества на классы, сводится къ „экономической функціи“, которую выполняетъ въ обществѣ та или другая общественная группа; подъ экономической функціей *Гентъ* разумѣетъ, главнымъ образомъ, производственную функцію, т. е. положеніе и отношеніе въ производствѣ; но нарѣдко эта „экономическая функція“ сводится у него просто къ различнымъ источникамъ дохода; 3) особенно много неясности, съ точки зрѣнія производственной основы, вызываютъ классы третій и шестой въ классификаціи *Генты*; почему „экономическія функціи“ врача и учителя (третій классъ) отличны отъ „экономическихъ функцій“ адвоката и политика (шестой классъ),—это остается невыясненнымъ.

Довольно близко къ производственной основѣ классовъ стоитъ и *А. Богдановъ* въ своей конструкціи понятія класса и ученія о социальныхъ классахъ, развиваемаго имъ въ „Эмпириомонизмѣ“ (книга III)¹²⁾. Къ сожалѣнію, авторъ излагаетъ свои мысли въ такой туманной, метафизической формѣ, что уловить правильную сущность его построеній въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма затруднительно.

Первобытное общество, говоритъ *Богдановъ*, чуждо раздѣленія на классы; его „жизненное единство“, по своей степени, напоминаетъ жизнь орьянизма типа низшихъ многокѣлочныхъ, родѣ

¹²⁾ *А. Богдановъ*. Эмпириомонизмъ. Книга III. В: классы и группы (стр. 85—142). С.-Петербургъ. 1906.

кишечно-полостных или лучистых¹⁴⁾). Начало дробления общества на классы и социальные группы лежит, по мнению *Богданова*, там же, где и начало всякого вообще социального развития — в техническом прогрессе. Подъ техникой *Богданов* понимает, однако, не простое только воздействие человека на природу; техника для него означает скорее социально-технический процесс, обнимающий собою социально-производительную деятельность людей, их производственные отношения, «социальную» характеристику которых даст «экономика». Развитие социально-технического процесса вело, согласно *Богданову*, къ дифференциации двойного рода: съ одной стороны, было разделение общественного труда въ смыслъ чисто технического дробления, въ сторону технической специализации; съ другой стороны, совершалось отдѣление „организаторской функции отъ исполнительской“ и образование отношений „господства и подчинения“. Дѣление первого рода приводитъ, по *Богданову*, къ образованию „социальныхъ группъ“ (земледѣльцевъ, ремесленниковъ, торговцевъ и т. под.); дѣление второго рода ведетъ къ образованию „классовъ“¹⁵⁾. Такимъ образомъ, говоритъ *Богдановъ*, основа социальныхъ дѣлений лежитъ въ техническомъ процессѣ, въ „производствѣ“, но ихъ формирующій моментъ есть идеология, или, вѣрнѣе, идеологии¹⁶⁾. Съ точки зрѣнія *Богданова*, для появленія „классовъ“ еще недостаточно отдѣленія организаторскихъ функций отъ исполнительскихъ, еще недостаточно появленія господствующихъ и подчиненныхъ; для этого нужно еще образование различныхъ идеологій, образование раздѣлич „въ области мышления и юрма“; „можно сказать, говоритъ *Богдановъ*, что настоящая отдѣленность социальныхъ группъ и классовъ начинается тамъ, гдѣ изъ раздѣленія труда рождается взаимное непониманіе людей“¹⁷⁾.

Классъ „организаторовъ“ возникаетъ, по мнѣнію *Богданова*, обыкновенно раньше, чѣмъ классъ „исполнителей“, такъ какъ у первого имѣется опредѣленное міропониманіе и выработанныя

¹⁴⁾ *А. Богдановъ*, *ibid.*, стр. 85.

¹⁵⁾ *А. Богдановъ*, *ibid.*, стр. 87.

¹⁶⁾ *А. Богдановъ*, *ibid.*, стр. 89.

¹⁷⁾ *А. Богдановъ*, *ibid.*, стр. 89.

система нормъ уже въ то время, когда послѣдній остается еще „аморфной социальной массой“ и не имѣетъ еще собственной идеологии; у него есть только „зародышевая комбинація“; рабовладельцы античнаго міра были настоящимъ классомъ,—а рабамъ такъ и не удалось никогда возвыситься до степени класса. Производственные функции организаторскаго класса состоятъ, при этомъ, въ томъ, чтобы „обдумывать“ планы для трудовыхъ процессовъ, „распоряжаться“ исполненіемъ ихъ и „контролировать“ послѣднее; роль организаторовъ, такимъ образомъ, воздействовать на природу въ трудовомъ процессѣ не непосредственно, а *черезъ* исполнителей; для организаторовъ непосредственный объектъ дѣятельности—не природа въ-въ-соціальной, а другіе люди; и орудіе этой дѣятельности—не средства производства, а средства общенія²⁰⁾.

„Для упрощенія вопроса“, т. е. въ абстракціи, *Богдановъ* находитъ въ обществѣ два типическіе класса: классъ господствующихъ и классъ подчиненный. Для современнаго капиталистическаго общества—это буржуазія и пролетаріатъ. И такъ какъ свой критерій классоваго дѣленія *Богдановъ* основываетъ на дифференціаціи организаторской и исполнительской роли въ производствѣ, то мелкую буржуазію онъ не считаетъ классомъ; для него мелкая буржуазія —недифференцированный социальный типъ, эмбрионъ двухъ классовъ одновременно, буржуазіи и пролетаріата, аморфная масса, изъ которой кристаллизуются классы; отсюда выводитъ *Богдановъ* и ту „неустойчивость идеологическаго типа, которая свойственна мелкой буржуазіи, но несвойственна настоящимъ „классамъ“, съ установившимися тенденціями социальнаго подбора“²¹⁾.

Богдановъ останавливается свое вниманіе также на вопросѣ и о „смыслѣ классовъ“ и о тенденціяхъ ихъ развитія, причемъ и въ данномъ случаѣ основнымъ, „разлагающимъ моментомъ“ является у него „ростъ общественной системы и измѣненіе способовъ производства“²²⁾. Въ классомъ развитіи общества *Богдановъ* различаетъ два типа, какъ наиболее общихъ, „предѣльныхъ“: типъ клас-

²⁰⁾ *А. Богдановъ*, *ibid.*, стр. 95 и 93.

²¹⁾ *А. Богдановъ*, *ibid.*, стр. 99 (въ примѣчаніи).

²²⁾ *А. Богдановъ*, *ibid.*, стр. 108.

сического рабства и типъ капитализма. Въ первомъ выступаютъ, въ качествѣ основныхъ, типическихъ классовъ, рабовладѣльцы (организаторскій классъ), и рабы (неполнителин классъ); во второмъ—предприниматели (классъ организаторовъ) и рабочіе (классъ исполнителей). Общее между этими двумя типами *Богдановъ* видитъ въ томъ, что организаторскій классъ и того и другого типа, „прогрессивно удаляясь отъ технически-производственного процесса, теряетъ съ теченіемъ времени реальную-организаторскую функцію, превращаясь въ классъ паразитическій и неизбежно вырождаясь, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряя и свою социальную силу“²¹. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ развитіи того и другого типа *Богдановъ* находитъ и существенное различіе: въ типѣ рабства прогрессъ эксплоатации сопровождался отсутствіемъ технического прогресса, паразитическое развитіе господствующаго класса шло рядомъ съ вырожденіемъ отъ него класса подчиненнаго, совершалась общая деградация всего социального цѣлаго, классовая борьба отсутствовала, вырожденіе обоихъ классовъ завершалось разложеніемъ и крушеніемъ всего общества; въ типѣ капиталистическомъ, напротивъ, замѣчается быстрый техническій прогрессъ, сопровождаемый развитіемъ классовой борьбы, крушеніе прежняго организаторскаго класса и переходъ общества отъ классоваго развитія къ интегрально-гармоническому развитію²²).

Тотъ общій социологическій фактъ, на которомъ совершается социальный процессъ классовообразования въ обществѣ, *Богдановъ* представляетъ себѣ, какъ нѣкотораго рода социальный отборъ, происходящій въ борьбѣ за существованіе на почвѣ социального приспособленія. Социальный міръ рисуется *Богданову* высшей формой биологической организованности²³). Въ данномъ отношеніи, въ своемъ социологическомъ обоснованіи явленія классовообразования, *Богдановъ* нерѣдко приближается къ биологической основѣ, въ духѣ естественно-органическихъ теорій, что уже мало гармонируетъ съ его производственной основой классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вводя въ число важныхъ и основныхъ признаковъ классовообразования наличность опредѣленной, рѣзко оформленной идеологии,

²¹) *А. Богдановъ*, *ibid.*, стр. 116, 141, 142 и др.

²²) *А. Богдановъ*, *ibid.*, стр. 59 (въ примѣчаніи).

Богдановъ еще болѣе удаляется отъ своей производственной основы классовъ, въводя въ свою конструкцію классовъ психологическій моментъ, какъ классообразующій факторъ. Все это сообщать конструкціи *Богданова* по вопросу о социальныхъ классахъ неустойчивость и ведетъ её къ ряду противорѣчій: наприм., въ античномъ мірѣ *Богдановъ* находитъ два типическіе классы: классъ господъ и классъ рабовъ; въ то же время онъ не считаетъ рабовъ „настоящимъ“ классомъ, такъ какъ у рабовъ отсутствовала, по его мнѣнію, опредѣленная классовая идеологія; но если рабы древняго міра не настоящій классъ, то не можетъ быть и типа рабства, какъ типа классоваго развитія, такъ какъ послѣдній во всякомъ случаѣ предполагаетъ два „настоящихъ“ класса, по крайней мѣрѣ. Безъ аргументаціи остается и сомнительное утвержденіе *Богданова* о томъ, что въ древнемъ мірѣ „классовая борьба, отсутствуетъ“. Она носитъ здѣсь, какъ мы говорили выше (см. введеніе), своеобразныя формы, но она не только существовала, а перѣдко находила себѣ весьма яркое проявленіе.

Резюмируя вкратцѣ конструкцію понятія класса и образованія классовъ, развиваемую *Богдановымъ*, мы находимъ, что 1) *Богдановъ* считаетъ опредѣляющими общественные классы признаками: роль въ производствѣ (организаторская или исполнительная), обособленность идеологіи и отношеніе господства и подчиненія; что 2) производственный признакъ еще не является у него основнымъ, необходимо ведущимъ за собой „наличность двухъ остальныхъ: психологическаго и политическаго; по *Богданову*, исполнительная роль въ производствѣ можетъ и не сопровождаться обособленною идеологіей; что 3) производственная основа, такимъ образомъ, въ конструкціи классовъ *Богдановымъ* строго невыдержана; что, наконецъ, 4) въ социологическомъ освѣщеніи *Богдановымъ* процесса классообразования проскальзываютъ идеи, близкія къ естественно-органическимъ теоріямъ (соціальный отборъ, біологическая организованность и т. п.).

Наиболѣе полное и богатое по своимъ идеямъ ученіе объ общественныхъ классахъ, построенное на производственной основѣ, мы

находимъ у самихъ основоположниковъ марксизма—у *Маркса* и *Энгельса*.

Ученіе *Маркса* и *Энгельса* въ данномъ случаѣ пополняютъ одно другое. То, что у *Маркса* ясно, неразвито и вызываетъ сомнѣнія, перѣдко находитъ себѣ разъясненіе и опредѣленность, при сопоставленіи положеній *Маркса* со взглядами на тотъ же предметъ *Энгельса*,—и обратно. Къ тому же, однимъ изъ главныхъ источниковъ, по которому мы знакомимся съ большинствомъ основныхъ положеній *Маркса* и *Энгельса* по вопросу о социальныхъ классахъ, принадлежитъ перу обоихъ авторовъ одновременно: это — „Коммунистическій Манифестъ“, составленный, какъ извѣстно, *Марксомъ* и *Энгельсомъ* совместно.

При знакомствѣ съ ученіемъ *Маркса* объ общественныхъ классахъ приходится считаться съ двумя обстоятельствами, затрудняющими правильность пониманія его ученія: во-первыхъ, съ тѣмъ, что *Марксъ* нигдѣ не подвергаетъ вопроса о классахъ спеціальному изслѣдованію и изложенію, нигдѣ не останавливался надъ этой проблемой, какъ самостоятельной проблемой; все ученіе его о классахъ лишено, поэтому, цѣльности, разрознено, разбросано по частямъ; начатая же послѣдняя глава „Общественные классы“ въ III томѣ „Капитала“, оборвалась, какъ извѣстно, на второй же страницѣ; во-вторыхъ, съ тѣмъ, что терминологія, къ какой онъ прибѣгаетъ при изложеніи различнаго рода положеній, въ связи съ вопросомъ о социальныхъ классахъ, страдаетъ недостаточной опредѣленностью; самое понятіе „классъ“, „классы“ у *Маркса* перѣдко употребляется въ различномъ значеніи: обозначая понятіемъ класса двѣ крупныя категоріи лицъ, на которыя распадается общество въ процессѣ общественнаго производства, *Марксъ* въ тоже время перѣдко называетъ классами и отдѣльныя фракціи этихъ дѣленій, частичныя подраздѣленія этихъ большихъ общественныхъ категорій (классовъ); такъ, наприм., именуя общественнымъ классомъ буржуазію, *Марксъ* часто называетъ классомъ и отдѣльные слои буржуазіи: финансовую аристократію, промышленную буржуазію, мелкую буржуазію и т. д.; въ такомъ же смыслѣ фигурируетъ перѣдко у *Маркса* съ эпитетомъ класса и мѣщанъ

ство, и крестьянство, и низшіе слои общества, составленные изъ общественныхъ отбросовъ, подонковъ общества и проч.²⁰⁾.

Чтобы правильно опредѣлить дѣйствительныя взгляды *Маркса* по вопросу о социальныхъ классахъ, необходимо, поэтому, не считаться строго съ марксовою терминологіею, обращать вниманіе не на форму выраженія, а на сущность тѣхъ или иныхъ положеній, высказываемыхъ *Марксомъ* по данному предмету, и вмѣстѣ съ тѣмъ руководствоваться какъ общей социологической конструкціей міровоззрѣнія *Маркса*, такъ и методомъ марксоваго ученія. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важно имѣть въ виду, что *Марксъ* во всѣхъ своихъ теоретическихъ построеніяхъ исходилъ изъ социальной (общественной) точки зрѣнія, пользуясь при этомъ въ широкомъ объемѣ абстракціей и представляя великую общественно-хозяйственную категорію, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и категорію общественнаго класса, въ видѣ общественнаго отношенія, обусловленнаго отношеніями въ производствѣ.

Не слѣдя строго за употребленіемъ термина „классъ“, *Марксъ* тѣмъ не менѣе съ полною опредѣленностью различаетъ классовое расчлененіе общества отъ сословнаго. Такъ, въ „Нищетѣ философіи“, отвѣчая на вопросъ, не несетъ ли съ собою новое общество, которое вырастетъ на развалинахъ современнаго буржуазнаго строя, и новое классовое господство, *Марксъ* говоритъ: „Условіемъ освобожденія рабочаго класса является уничтоженіе всякихъ классовъ, подобно тому, какъ условіемъ освобожденія претяго сословія, буржуазія, было уничтоженіе всякихъ сословій“²¹⁾. Согласно *Марксу*, феодализмъ общество, съ его сословнымъ строемъ и сословными различіями, знало классовыя противорѣчія; между тѣмъ какъ выросшее на развалинахъ феодализма буржуазное, капиталистическое общество, также съ классовыми противорѣчіями, ни сословій, ни сословныхъ противорѣчій уже не знаетъ.

²⁰⁾ *K. Marx*. Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850. Abdruck aus der „Neuen Rheinischen Zeitung“. Mit Einleitung von Friedrich Engels. Berlin 1895, стр. 21 и др.—*K. Marx*. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. Dritte Auflage, Hamburg 1885, стр. 15 и др.

²¹⁾ *Karl Marx*. Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons „Philosophie des Elends“. Deutsch von E. Bernstein und K. Kautsky, mit Vorwort und Noten von Fr. Engels. Stuttgart 1885 Druck u. Verlag von J. Dietz, стр. 181.

Въ чемъ же видѣлъ *Марксъ* основу классового разслоенія общества?

Ванъ-Овербергъ, какъ мы видѣли, полагаетъ, что марксова основа классового разслоенія — въ фактѣ владѣнія или невладѣнія средствами производства, какъ источникомъ существованія. Но въ начатой главѣ объ общественныхъ классахъ, въ заключительныхъ строчкахъ III-го тома „Капитала“, *Марксъ* не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что источникомъ доходовъ, въ качествѣ основы образованія классовыхъ различій, а также и размѣрамъ этихъ доходовъ, онъ не придавалъ значенія. Наоборотъ, „съ этой точки зрѣнія,—говоритъ *Марксъ*,—врачи и чиновники, напримѣръ, также образовывали бы два класса, такъ какъ они принадлежатъ къ двумъ различнымъ общественнымъ группамъ, въ каждой изъ которыхъ доходы членовъ образуются изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ“²⁷). Основа социальныхъ классовъ, по *Марксу*, слѣдовательно, ни въ источникахъ доходовъ, ни въ размѣрахъ ихъ.

Раздѣленіе труда *Марксъ* точно также не считаетъ классообразующей основой, какъ это видно изъ полемики его съ *Прудономъ* о раздѣленіи труда²⁸). Равнымъ образомъ, и въ „общности интересовъ“ *Марксъ* не видѣлъ рѣшающей классообразующей основы; онъ никогда не придавалъ рѣшающаго значенія психологическому фактору. Солокупность интересовъ, которые вырабатывались въ томъ или иномъ классѣ, психологию класса *Марксъ*, наоборотъ, всегда выводилъ изъ условій матеріальнаго производства. „На различныхъ формахъ собственности и социальныхъ условіяхъ существованія,—говоритъ онъ,—поднимается цѣлая надстройка разнообразныхъ специфическихъ воспріятій, иллюзіій, типовъ мышленія, міровоззрѣній. Каждый классъ возводитъ и формируетъ эту надстройку сообразно своей матеріальной основѣ и окружающимъ общественнымъ отношеніямъ“²⁹). Не придаетъ значенія *Марксъ* въ данномъ случаѣ также ни сознанію классовъ своихъ интересовъ, ни степени этого сознанія. Сознаніе въ представленіи *Маркса*—

²⁷ К. Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Dritter Band. Hamburg 1884. Zw. Auflage, стр. 422.

²⁸ Karl Marx. Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons „Philosophie des Elends“. Stuttgart 1885, стр. 133 и др.

²⁹ Karl Marx. Der 18 Brumaire, 3 Aufl., Hamburg 1885, стр. 33.

Вмѣстѣ съ идеей классового антагонизма черезъ всю экономическую и социологическую копѣтку *Маркса* красной нитью проходить и идея борьбы классовъ. Антагонизмъ и борьба классовъ у *Маркса* въ даѣномъ случаѣ неразрывно связаны и взаимно обусловлены. Вездѣ, гдѣ производство построено на классовомъ антагонизмѣ, *Марксъ* видитъ и борьбу классовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, *Марксъ* отмѣчаетъ, еще третью специфическую черту, характеризующую классовыя отношенія; это—отношенія господства и угнетенія. „Угнетенный классъ, говоритъ *Марксъ*, есть неизбѣжное условіе существованія всякаго общества, основаннаго на антагонизмѣ классовъ“⁹⁾. „Всякое до сихъ поръ существовавшее общество основывалось, говоритъ въ другомъ мѣстѣ *Марксъ*, какъ мы видѣли, на противоположности угнетаемыхъ и угнетающихъ классовъ“¹⁰⁾. Особенно такой именно характеръ отношеній классовъ, т. е. характеръ господства и подчиненія, отмѣчаетъ *Марксъ* для капиталистическаго производства: „...специфически-капиталистическій способъ производства, говоритъ *Марксъ* въ 1-мъ томѣ „Капитала“,... со своими методами, средствами и условіями, самъ стихійно возникаетъ и развивается лишь на основѣ формальнаго подчиненія труда капиталу; на мѣсто же формальнаго теперь является реальное подчиненіе труда капиталу“¹¹⁾.

Эта послѣдняя черта классовыхъ отношеній, устанавливаемая *Марксомъ* для всякаго производства, построеннаго на классовомъ антагонизмѣ, для *Зомбарта* является, какъ мы видѣли, единственной основой, на которой *Марксъ* яко-бы строить классовое образованіе въ жизни обществъ. Изъ вышеизложеннаго легко убѣдиться, насколько узко истолковывать ученіе *Маркса* по вопросу объ общественныхъ классахъ *Зомбартъ*.

Итакъ, основу общественныхъ классовъ *Марксъ* видитъ въ способѣ производства и производственныхъ отношеніяхъ, которыя неизбежно приводятъ общество къ классовому антагонизму, классовой борьбѣ и отношеніямъ господства и подчиненія. Эту множественность признаковъ надо понимать, однако, не въ смыслѣ *Шмол-*

⁹⁾ *Karl Marx*, *ibid.*, стр. 181.

¹⁰⁾ *Das Kommunistische Manifest*, Berlin 1906, стр. 31.

¹¹⁾ *Karl Marx*. *Das Kapital*, I B., Hamburg 1903, 5-e, Auflage, стр. 474.

Ларя или Богданова, а въ томъ смыслѣ, что основнымъ факторомъ классовообразования являются производственныя отношенія, остальные же существуютъ и дѣйствуютъ не сами по себѣ, а являются лишь производными, вытекающіе изъ перваго, какъ слѣдствія изъ причины.

Сколько же и какію именно классы паходить *Марксъ*, по крайней мѣрѣ, въ современномъ обществѣ?

Французская общественная мысль наканунѣ великой революціи развивала, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, идею двухъ классовъ. Наоборотъ, феодалы школы *Кенэ* и *А. Смитъ* выставляли идею трехъ классовъ. Англійскіе ранніе социалисты и французскіе социалисты-утописты, за немногимъ исключеніемъ, выступали съ идеей также двухъ классовъ. Распределительныя теоріи доводятъ число классовъ, какъ мы видѣли, до 4—5—6. Что касается ученія *Маркса*, которое являлось по духу дальнѣйшимъ развитіемъ ранней англійской социалистической мысли, то оно должно бы быть ближе къ идеѣ двухъ классовъ, чѣмъ къ смитовской формулѣ трехчленного раздѣленія. Такъ оно и на самомъ дѣлѣ, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ ученія *Маркса*. Тѣмъ не менѣе, и въ данномъ пунктѣ ученіе *Маркса* не избѣжало неувѣрныхъ толкованій. Такъ, наприм., валъ *Овербергъ* приписываетъ *Марксу*, какъ мы видѣли выше, идею трехъ классовъ.

Уже въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ опредѣленно говорится, что „общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два большіе враждебные лагеря, на два большіе, стоящіе другъ противъ друга, класса: буржуазію и пролетаріатъ“. Далѣе, въ „Die Klassenkämpfe in Frankreich“, описывая июльское возстаніе 1848 года во Франціи, *Марксъ* говоритъ: „Это была первая великая битва между обоими классами, на которые распадается современное общество“⁴²). Для *Маркса*, социальный классъ—производственная категория прежде всего. Въ производствѣ же *Марксъ* находитъ, поскольку онъ считается только съ его абстрактными формами лишь два основныхъ дѣйствующихъ агента: наемный трудъ и капиталъ

⁴²) *Karl Marx. Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850. Abdruck aus der „Neuen Rheinischen Zeitung“. Mit Einleitung von Friedrich Engels. Berlin 1895, стр. 39.*

(для капиталистического хозяйства). „Капиталистический процесс производства,—говорит Маркс,—разсматриваемый, какъ нечто связанное, или какъ процессъ воспроизводства, производит не только товары, но, кроме того, производит и воспроизводит и самое отношение, именнуемое капиталомъ, т. е. съ одной стороны—капиталиста, съ другой—наемнаго рабочаго“⁴¹⁾. Для Маркса въ данномъ случаѣ „существуютъ вообще только два исходныхъ пункта: капиталистъ и рабочій; третьи лица всѣхъ разрядовъ или должны получать деньги отъ этихъ двухъ классовъ за какія-нибудь услуги, или, поскольку они получаютъ деньги безъ всякихъ услугъ съ своей стороны, они являются ссладѣльцами прибавочной цѣнности въ формѣ ренты, процента и проч... Въ капиталистѣ мы должны видѣть единственнаго владѣльца прибавочной цѣнности. Что же касается рабочаго, то какъ уже сказано, онъ представляетъ только вторичный исходный пунктъ, тогда какъ капиталистъ—первоначальный...“⁴²⁾. Еще опредѣленнѣе говоритъ Марксъ о двухъ производственныхъ агентахъ—и только о двухъ ясно—въ „Theorien über den Mehrwert“. „Прошлый и живой трудъ—читаемъ мы во 2-мъ томѣ—суть два фактора, на взаимной противоположности которыхъ покоится капиталистическое производство. Капиталистъ и наемный рабочій суть единственные функционеры и факторы производства, взаимоотношенія которыхъ вытекаютъ изъ сущности капиталистическаго производства... Производство, какъ замѣчаетъ Джеймсъ Милль, могло бы безпрепятственно продолжаться, если бы даже частные землевладѣльцы исчезли, а мѣсто ихъ заняло бы государство. Они—землевладѣльцы—отнюдь не необходимые производственные агенты для капиталистическаго производства, хотя для послѣдняго и необходимо, чтобы земельная собственность кому-нибудь принадлежала, напр., государству, но лишь бы только не рабочимъ. Это коренящееся въ сущности капиталистическаго способа производства—въ отличіе отъ феодальнаго, античнаго и проч.—свойство непосредственно участвующихъ въ производствѣ классовъ (а отсюда—и непосредственныхъ участниковъ въ дѣлѣхъ производственной цѣнности и того продукта, въ

⁴¹⁾ К. Marx. Das Kapital. B. I, стр. 541 (Hamburg 1903).

⁴²⁾ К. Marx. Das Kapital. B. II, стр. 307 (Hamburg 1903, Dritte Auflage).

которомъ реализуется эта цѣнность), къ капиталистамъ и наемнымъ рабочимъ, и исключеніе отсюда землевладѣльцевъ, приходящихъ лишь *post festum*, благодаря опредѣленнымъ отношеніямъ собственности, не выросшимъ на почвѣ капиталистическаго способа производства, а перенесеннымъ къ нему изъ феодальнаго хозяйства, „являются *differentia speciei* капиталистическаго производства, адекватнымъ теоретическимъ его выраженіемъ“¹²).

Изъ вышеприведеннаго не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эмпирическую формулу трехъ основныхъ общественныхъ классовъ въ современномъ обществѣ—землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ—, въ смыслѣ производственныхъ категорій, *Марксъ* отвергаетъ; для него землевладѣльцы—не агенты производства; поэтому, среди классовъ, на которые распадается капиталистическое современное общество, въ его чистомъ видѣ, *Марксъ* различаетъ лишь двѣ категоріи: буржуазію (капиталистовъ) и пролетаріатъ (рабочихъ). Не могъ *Марксъ* выдвигать и идею среднего класса, существующаго наряду съ буржуазіей и пролетаріатомъ, въ качествѣ еще третьяго социально-производственного агента, изъ котораго складывается въ абстракціи современное капиталистическое общество, какъ это приписываютъ *Марксу Овербергу*. *Марксъ* нѣредко говоритъ о среднемъ слоѣ населенія, но всякій разъ, лишь тогда, когда оставляетъ путь абстрактнаго разсмотрѣнія производственныхъ категорій въ современномъ хозяйствѣ. Капиталистическое общество, взятое *in abstracto*, въ представленіи *Маркса*, не знаетъ и не можетъ знать категорій лицъ, владеющихъ средствами производства и живущихъ примѣненіемъ къ пользѣ чуждымъ собственноручной рабочей силы, безъ помощи наемнаго труда: капиталъ, какъ опредѣленное отношеніе, знаетъ лишь категоріи наемныхъ рабочихъ и капиталистовъ.

Конкретная жизнь, конечно, не можетъ быть исчерпана двумя общественными классами: буржуазіей и пролетаріатомъ. Это прекрасно понималъ и *Марксъ*, отмѣчая существованіе въ конкретной дѣятельности Франціи 40-хъ годовъ „массу націи, стоящую между буржуазіей и пролетаріатомъ“; по социальный классъ—для него абстрактная категорія, такъ же какъ всякая экономическая

¹² К. *Marx*. Theorien über den Mehrwert. Stuttgart, 1906. B. II, Th. I, стр. 292—294.

категорія, и такихъ абстрактныхъ категорій въ производственномъ капиталистическомъ процессѣ, въ его чистомъ видѣ, *Марксъ* находилъ только двѣ: классъ буржуазіи и классъ пролетаріата, съ вполне очерченными признаками и особенностями и съ вполне опредѣленными взаимоотношеніями: особой ролью въ производствѣ, взаимнымъ антагонизмомъ, борьбой и отношеніями господства и подчиненія.

Устанавливая и развивая идею двухъ социальныхъ классовъ съ вышеуказанными чертами и отношеніями между ними, *Марксъ* находитъ классовыя отношенія присущими не только современному капиталистическому обществу, но и обществу до-капиталистическому. „Коммунистическій Манифестъ“ начинается извѣстными словами, что „вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ“; что, далѣе, „въ историческія эпохи, представляющія гнѣзды, мы находимъ почти повсюду полное расчлененіе общества на различныя сословія, цѣлую лѣстницу различныхъ общественныхъ положеній“; что „выросшее на развалинахъ феодализма современное буржуазное общество не уничтожило различій классовъ; оно только поставило новые классы на мѣсто старыхъ, выработало новые способы угнетенія и новые виды борьбы“; что отличіе нашей эпохи отъ прошлой лишь въ томъ, что „эпоха буржуазіи... упростила различіе социальныхъ положеній“; что „все дѣйствіе существовавшихъ видовъ социальной организаціи основывалось на противоположности угнетаемыхъ и угнетающихъ классовъ“. Не только капиталистическое, но и античное, и феодальное производство *Марксъ* считаетъ построенными на классовомъ противорѣчій. Въ отношеніяхъ, развивавшихся всѣми этими производствами, онъ находитъ и отношенія антагонизма, и отношенія борьбы, и отношенія господства и угнетенія. „Свободный и рабъ, — говоритъ *Марксъ* въ „Коммунист. Манифестѣ“ — патрицій и плебей, сеньеръ и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье, короче — угнетатель и угнетаемый находились въ вѣчной враждѣ другъ съ другомъ, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу“. Начальнымъ моментомъ такихъ антагонистическихъ социальныхъ отношеній *Марксъ* считаетъ начало цивилизаціи. „Съ самого начала цивилизаціи — говоритъ онъ — въ основу производства были

положеніи антагонизмъ профессій, сословій, классовъ, наконецъ, антагонизмъ накопленнаго и непосредственнаго труда; безъ антагонизма нѣтъ прогресса: таковъ законъ, которому слѣдовали цивилизаціи до нашихъ дней¹⁰⁾. Такимъ образомъ, начальный моментъ возникновенія классовъ *Марксъ* относитъ къ такому періоду въ исторіи развитія человѣческаго хозяйства, когда уже появился избыточный продуктъ, создавшій условіе для накопленія, и когда уже на этой почвѣ произошло раздѣленіе труда и отдѣленіе производителя отъ продукта его труда, т. е. раздѣленіе общества на трудовое (производительное) и нетрудовое (непроизводительное) населеніе. Согласно *Энгельсу*, такой періодъ нужно считать съ момента разложенія первобытной общины (Предисловіе къ третьему пѣм. изданію „Манифеста“, 1883 г.).

Идеи существованія общественныхъ классовъ и въ античномъ и въ феодальномъ обществѣ вполне гармонируютъ съ общей конструкціей какъ экономическаго, такъ и социологическаго ученія *Маркса*. Современный капитализмъ, съ его рѣзко выраженными классовыми противорѣчіями, для *Маркса* вовсе не является какъ *deus ex machina*; онъ связанъ исторически и неразрывно со всѣмъ прошлымъ общественнаго хозяйства; отношенія капиталистическаго хозяйства, для *Маркса*,—историческія категоріи, отнюдь не вѣчныя категоріи; отъ момента перваго „присвоенія“ избыточнаго продукта при системѣ древняго рабства и до развитыхъ и изощренныхъ формъ эксплуатаціи хозяиномъ работника нашей эпохи лежитъ одинъ общій путь непрерывной борьбы за освобожденіе и раскрѣпощеніе работника, борьбы труда противъ его угнетенія и порабощенія; мѣнялись формы этой борьбы, мѣнялись виды угнетенія, по мѣрѣ измѣненія техники и способовъ производства, но классовыя противорѣчія производственнаго процесса оставались и останутся, пока производительныя силы общества не созрѣютъ настолько, что цѣли господства и подчиненія окажутся лишними. Эти идеи проходятъ черезъ всю систему міровоззрѣнія *Маркса*.

Къ сожалѣнію, *Марксъ* нигдѣ не останавливается надъ изученіемъ и изслѣдованіемъ формъ, въ какихъ выливались классовыя

¹⁰⁾ *Karl Marx. Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons „Philosophie des Elends“.* Stuttgart 1886, стр. 39.

отношенія античнаго строя и феодальнаго. Его все вниманіе было сосредоточено на анализъ современныхъ, социальныхъ отношеній капиталистическаго производства, исторію которыхъ *Марксъ* начинаетъ съ момента разложенія феодально-сословнаго строя и возникновенія буржуазіи. Общая картина возникновенія и роста класса буржуазіи у *Маркса*, въ общихъ чертахъ, совпадаетъ въ данномъ случаѣ съ тѣмъ, какъ изображали исторію этого класса французскіе историки. Исторія класса буржуазіи въ изображеніи *Маркса* такова: современная буржуазія выросла на развалинахъ средневѣковья; сначала изъ средневѣковыхъ крѣпостныхъ образовалось бюргерское населеніе первыхъ городовъ, а затѣмъ изъ него развились первые элементы буржуазіи; особенно сильный толчокъ къ росту буржуазіи дало открытіе Америки; расширеніе рынковъ, колонизація Америки, развитіе морскихъ путей и средствъ сообщенія толкнуло впередъ торговлю и промышленность, способствуя быстрому разложенію феодальнаго хозяйства и феодальныхъ отношеній; цеховой способъ производства, не успѣвая работать на разрастающіеся рынки, уступаетъ мѣсто мануфактурѣ; за нею идутъ паръ и машина, революціонизируя промышленность; вмѣстѣ съ этимъ выростаетъ значеніе и сила буржуазіи; буржуазія свергаетъ съ себя феодальныя цѣпи дворянства и затѣмъ абсолютической власти и захватываетъ въ свои руки политическую власть; съ этого момента наступаетъ господство капитала, открытое, прямое и безсердечное; накопленіе богатства, образованіе и ростъ капиталовъ—важнѣйшія условія существованія и господства буржуазіи; но господство капитала предполагаетъ существованіе наемнаго труда, пролетаріата; ростъ капитала и буржуазіи означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ростъ пролетаріата; отсюда, буржуазія, развиваясь, готовитъ себѣ и своихъ собственныхъ могилщиковъ⁴¹⁾). Въ классѣ буржуазіи *Марксъ* различаетъ рядъ различныхъ слоевъ, подраздѣленій, фракцій и цѣлую лѣстницу градаций, начиная отъ биржевыхъ тузовъ и желѣзно-дорожныхъ королей и кончая мелкими торговцами. Внизу этой лѣстницы стоитъ масса мелкой буржуазіи и крестьянства, которая въ конкретной дѣйствительности представляетъ собою уже „переходные“, „промежуточные“

⁴¹⁾ Das Kommunistische Manifest, Berlin 1906 (7-е изд.), стр. 25 и далѣе.

слои, лежащие между буржуазией и пролетариатом. Состояние переходности, двойственности и промежуточности этих слоев, этого „промежуточного класса“, по выражению *Маркса*, налагает на них, по мнению *Маркса*, особый отпечаток⁴⁹⁾. В качестве основной тенденции развития всех этих слоев, которые *Маркс* называет также „средними слоями“, „средним классом“, *Маркс* устанавливает тенденцию к более или менее быстрому разложению их, отрыванию от собственных средств и орудий производства и включению в ряды пролетариата, так как „их незначительный капитал недостаточен для крупного производства и не выдерживает конкуренции больших капиталов“; к тому же „их технические приемы теряют свое значение при новых способах производства“. Правильность и жизнеспособность этой тенденции, устанавливаемой *Марксом*, постоянно оспаривается в социально-экономической литературе, но новейшие данные американских цензоров, германских профессионально-промышленных переписей, а также подходящей статистики, при применении правильных методов, вполне подтверждают эти тенденции⁵⁰⁾.

Параллельно с историей образования и роста класса буржуазии, *Маркс* дает и историю образования и роста класса пролетариата. Эта история для *Маркса* есть история накопления капитала. Она есть, по словам *Маркса*, история экспроприации непосредственного производителя, разложения частной собственности, основанной на собственном труде. Уничтожение мелкого производства, превращение индивидуальных и разрозненных средств производства в концентрированные и общественные, отнятие орудий труда у народных масс,—эта ужасная и трудная экспроприация народной массы составляет доисторический период в жизни капитала⁵¹⁾. Она занимает собою, говорит *Маркс*, целый ряд насильственных способов; совершается с самым беспощадным вандализмом; первым этапом ее является освобождение производителя и продавца рабочей силы от господства цеха, с его стеснитель-

⁴⁹⁾ *Karl Marx. Revolution und Kontre-Revolution. Stuttgart 1896, Verlag von J. Dietz, стр. 8.*

⁵⁰⁾ См. нашу книгу „Заработная плата, как проблема распределения“. С.-Петербург 1911, стр. 462—552 (глава десятая).

⁵¹⁾ *K. Marx. Das Kapital, B. I., стр. 727. (Hamburg 1903).*

ми уставами и регламентаціями; затѣмъ слѣдуетъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости; далѣе идетъ отнятіе земли у сельскаго производителя, крестьянина, составляющее основу всего этого тяжелаго процесса насильственнаго отрыванія большихъ массъ людей отъ ихъ орудій производства и средствъ существованія. Исторія этой экспроприаціи въ глазахъ *Маркса* принимаетъ въ различныхъ страпахъ различную окраску и проходитъ черезъ различные фазы, въ различной послѣдовательности и въ различныхъ историческихъ эпохи¹⁾). Подобное образованіе пролетаріата *Марксъ* считаетъ результатомъ самаго способа капиталистическаго производства. „Процессъ, создающій отношеніе, имѣемое капиталомъ, — говоритъ *Марксъ*, не можетъ, слѣдовательно, быть ничѣмъ инымъ, какъ процессомъ отдѣленія рабочаго отъ условій его труда, процессомъ, превращающимъ, съ одной стороны, общественныя средства существованія и производства въ капиталъ, съ другой стороны — непосредственныхъ производителей въ наемныхъ рабочихъ“²⁾).

Вмѣстѣ съ этимъ, *Марксъ* подробно останавливается и на характеристикѣ и тенденціяхъ развитія класса промышленнаго пролетаріата, находящагося подъ дѣйствіемъ двухъ силъ: интереса капитала и собственныхъ интересовъ наемнаго труда. Какъ равнодѣйствующая этихъ двухъ противоположныхъ силъ, въ концѣ концовъ, является, по мнѣнію *Маркса*, самоорганизация и самодѣятельность пролетаріата, ростъ его самосознанія и политической силы, — что даетъ ему надежду на сверженіе господства капитала и созданіе новаго общественнаго строя безъ классоваго производства, безъ классоваго расчлененія, безъ классовыхъ антагонизмовъ и борьбы. —

Въ ученіи *Маркса* объ общественныхъ классахъ, не смотря на его разбросанность и разрозненность, мы видимъ, такимъ образомъ, глубокое содержаніе, почти цѣликомъ охватывающее въ общихъ чертахъ всю проблему классовъ. Въ основу разрѣшенія этой проблемы, которая *Марксъ*, къ сожалѣнію, нигдѣ не ставитъ въ каче-

¹⁾ *K. Marx. Das Kapital*, В. 1. „Тайна первоначальнаго накопленія“ (гл. 24-ая), стр. 727.

²⁾ *K. Marx. Das Kapital*, ibid., стр. 680. (В. 1, 1903).

ствѣ самостоятельной задачи изслѣдованія, легли, какъ мы видѣли, слѣдующія идеи: 1) идея производственныхъ отношеній, какъ основы классоваго разслоенія общества; отсюда—идея социальнаго класса, какъ производственной категоріи; 2) идея двухъ социальныхъ классовъ, образующихся и развивающихся на основѣ материальнаго производства, понимаемая, какъ абстракція, какъ наиболее чистое выраженіе производственныхъ отношеній современнаго капиталистическаго общества; 3) идея антагонизма, борьбы, господства и угнетенія, какъ характеризующихъ взаимоотношенія социальныхъ классовъ чертъ, вытекающихъ изъ производственной основы классовъ; 4) идея исторической преемственности классовыхъ образований, въ процессѣ социальнаго развитія, и непрерывности социальнаго прогресса, выражающагося въ постепенномъ освобожденіи труда отъ господства капитала и раскрытіи работника; 5) идея о грядущемъ обществѣ безъ классоваго строя, возможнаго на высокой ступени развитія производительныхъ силъ. Всѣ эти идеи высказывались и развивались въ той или иной формѣ и разными англійскими социалистами, и французскими историками великой революціи и французскими социалистами-утопистами; но въ рукахъ *Маркса* всѣ эти идеи нашли себѣ впервые прочное экономическое обоснованіе и развитіе и широкое социологическое освѣщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и научную обработку.

Весьма близкое къ *Марксу* ученіе по вопросу объ общественныхъ классахъ, близкое и по формѣ и по содержанію, развивалъ и *Энгельсъ*, бывшій, какъ извѣстно, alter ego *Маркса*. Самъ *Энгельсъ*, однако, какъ мы уже объ этомъ говорили, основныя положенія ученія объ общественныхъ классахъ, именно—идею о томъ, съ одной стороны, что вся исторія общественной жизни есть исторія борьбы общественныхъ классовъ, и, съ другой стороны, что основа происхожденія, существованія и борьбы общественныхъ классовъ коренится въ характерѣ и способѣ производства,—принимаятъ не себѣ, а *Марксу*⁴³⁾. Въ данномъ случаѣ, *Энгельсъ* яв-

⁴³⁾ См. *Karl Marx. Der 13 Brumaire des Louis Bonaparte. Dritte Auflage. Hamburg 1865*, стр. III, IV. (Предисловіе *Фр. Энгельса*).

лется, тѣмъ не менѣе, интереснымъ для насъ въ томъ отношеніи, что у него мы находимъ по многимъ вопросамъ историко-соціологическаго характера болѣе детальную разработку, чѣмъ у *Маркса*, который довольствовался болѣе общей соціологической схемой, а всю силу своего детального вниманія отдавалъ экономическому анализу отношеній капитала и капиталистическаго способа производства.

Вопреки представленію нѣкоторыхъ критиковъ марксизма, нѣтъ никакого сомнѣнія относительно того, что основу происхожденія и образованія соціальныхъ классовъ *Энгельсъ* видитъ въ условіяхъ производства. Классовыя отношенія, въ представленіи *Энгельса*, вообще являются экономическими отношеніями⁴⁴). „Ясно, какъ день,—говоритъ *Энгельсъ*,—что происхожденіе и развитіе двухъ большихъ классовъ (пролетаріата и буржуазіи) вызваны чисто экономическими причинами. Равнымъ образомъ, ясно, что какъ въ борьбѣ между землевладѣнцемъ и буржуазіей, такъ тѣмъ болѣе въ борьбѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ дѣло идетъ въ первой линіи, объ экономическихъ интересахъ, для проведенія которыхъ политическая власть должна служить только средствомъ. Буржуазія и пролетаріатъ возникли вслѣдствіе измѣненія экономическихъ отношеній, точнѣе говоря—измѣненія способовъ производства. Оба эти класса развились подъ вліяніемъ перехода сначала отъ ремесленныхъ цеховъ къ мануфактурѣ, затѣмъ отъ мануфактуры къ крупной промышленности, съ машиннымъ и паровымъ производствомъ“⁴⁵).

Мысль о производственной основѣ классовъ *Энгельсъ* постоянно повторяетъ и развиваетъ, придавая вообще производственнымъ отношеніямъ основную роль въ объясненіи „исторіи культуры“. Новыя событія заставили, по мнѣнію *Энгельса*, запозво перестроить всю исторію, причемъ обнаружилось, что она была исторіей борьбы классовъ, что эти взаимоборющіеся классы общества всегда являются результатомъ отношеній производства и обмена, словомъ, *экономическихъ* отношеній своей эпохи, что всякаго рода экономи-

⁴⁴) *Friedrich Engels. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Fünfte Auflage. Stuttgart 1910, Verlag von J. Dietz, стр. 56.*

⁴⁵) *Friedrich Engels, ibid., стр. 47—48.*

ческая структура общества образует реальную основу, из которой можно в последнем счете объяснить всю надстройку нравовых и политических учреждений, так же как и религиозных, философских и всяких иных идей любого исторического периода⁶¹). Самую борьбу классов *Энгельс* также выводит из соответствующих условий производства, причем, по его мнению, эта „борьба между двумя классами, созданными *существующим* способом производства и постоянно воспроизводимым этим способом при все большем обострении их взаимоотношений“, охватила все цивилизованные страны и разгорается с каждым днем⁶²).

Указывая на производственную основу общественных классов, *Энгельс* неизбежно ставит в связь возникновение и развитие классов и с отношениями распределения. Это дает повод некоторым из его критиков заключать, что основу общественных классов *Энгельс* видит не в производстве, а в распределении. Но, с одной стороны, *Энгельс*, как мы видели только что, весьма определенно подчеркивает производственный момент, как классообразующую основу; с другой стороны, само распределение *Энгельс* считает отражением производственных отношений, полемизируя в данном случае с *Дюрингом*, который отрицал причинную связь отношений распределения с отношениями в производстве и определял их не из способа производства, а как результат акта свободной воли, как результат соотношения социальных сил⁶³).

Устанавливая производственную основу социальных классов, *Энгельс* различает, подобно *Марксу*, два основных класса, на которые распадается, по его мнению, общество. Эта идея двух классов является у *Энгельса* то в общей форме, присущей одинаково всем ступеням исторического развития общества, с момента возникновения классов, т. е. с начала цивилизации и появления товарно-денежного хозяйства до настоящего момента раз-

⁶¹) *Friedrich Engels*. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Siebente, unveränderte Auflage. Stuttgart. Verlag von J. Dietz; 1910, стр. 12.

⁶²) *Friedrich Engels*, *ibid*, стр. 286; ср. также стр. 276 и 286. (Курсив наш).

⁶³) *F. Engels*. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Siebente, unveränderte Auflage, Stuttgart 1910, „Vertheilung“, стр. 322—330.

витого товарнаго хозяйства, съ крупно-капиталистическимъ способомъ производства; то въ исторической формѣ, соответствующей каждой данной системѣ хозяйства. Два класса въ первой общей формѣ—это эксплуатирующій классъ и классъ эксплуатируемыхъ, или классъ господствующій и классъ управляемыхъ, классъ избранныхъ и классъ угнетаемыхъ. Существованіе этихъ классовъ *Энгельсъ* объясняетъ относительной неравноцѣнностью общественнаго труда, недостаточной его производительностью. До тѣхъ поръ, думаетъ *Энгельсъ*, пока дѣйствительно трудящееся населеніе такъ много занято своимъ необходимымъ трудомъ, что у него не остается времени для заботы объ общихъ дѣлахъ и нуждахъ общества—руководствѣ трудомъ, государственной дѣятельности, наукѣ, искусствѣ и проч.—до тѣхъ поръ должны всегда существовать особый классъ, который заботился бы объ этомъ, будучи свободенъ отъ дѣйствительнаго труда, причемъ онъ иногда не упуститъ случая павалить на трудящіяся массы какъ можно больше трудового бремени въ свою собственную пользу⁹⁰). Только тогда явится лишнимъ, по мнѣнію *Энгельса*, господствующій и эксплуатирующий классъ, когда производительность общественнаго труда достигнетъ сравнительно высокой степени; но достиженіи этого предѣла въ степени производительности, существованіе господствующаго и эксплуатирующаго класса станетъ даже препятствіемъ къ дальнейшему развитію производительныхъ силъ общества; эта степень производительности труда, по мнѣнію *Энгельса*, уже наступила⁹¹).

Общая идея двухъ классовъ у *Энгельса* находитъ себѣ различныя формы проявленія въ различныя эпохи историческаго развитія общественнаго хозяйства; въ болѣе раннюю историческую эпоху мы встрѣчаемъ два класса—въ видѣ рабовладѣльцевъ и рабовъ; позднѣе два класса—въ видѣ феодаловъ и крѣпостныхъ; въ повѣдшее время также два класса—въ видѣ капиталистовъ и на-

⁹⁰) *Friedrich Engels, ibid., стр. 190—191.*

⁹¹) *Friedrich Engels, ibid., стр. 191.*

емных рабочих. Эта мысль выражена у *Энгельса*, къ сожалѣнію, въ недостаточной ясной формѣ и остается у него недоразвитой⁴¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, *Энгельсъ* всюду говоритъ о борьбѣ двухъ общественныхъ классовъ и по отношенію къ современному обществу строю различаетъ, такъ же какъ и *Марксъ*, два класса: буржуазію и пролетаріатъ.

Взаимоотношенія между этими двумя основными классами общества *Энгельсъ* изображаетъ точно такими же чертами, какъ это мы видѣли и у *Маркса*. Онѣ сводятся къ отношеніямъ: а) антагонизма, б) борьбы и в) господства и угнетенія. Въ данномъ случаѣ *Энгельсъ* ничего новаго не прибавляетъ, лишь развивая положенія *Маркса*. Всѣ эти отношенія между классами капиталистическаго общества *Энгельсъ* также объясняетъ условіями капиталистическаго способа производства, содержащаго въ себѣ неизбежныя противорѣчія, ведущія къ господству и борьбѣ⁴²⁾.

Надѣ чѣмъ подробнѣе останавливается свое вниманіе *Энгельсъ*, такъ это надѣ вопросомъ объ образованіи общественныхъ классовъ. Со времени „Коммунистическаго Манифеста“, говоритъ *Энгельсъ*, уже давно стало общимъ мѣстомъ, что весь нашъ современный экономическій строй представляеть результатъ социальной исторіи, развивавшейся въ классовыхъ противорѣчіяхъ, въ отношеніяхъ господства и рабства; но теперь рѣчь идетъ не объ этомъ, а о томъ, чтобы объяснить возникновеніе классовъ и отношеній господства. Объяснить происхожденіе взаимоотношеній господства и рабства „насиліемъ“, какъ это дѣлаетъ *Дюрингъ*, *Энгельсъ* считаетъ невозможнымъ. Между тѣмъ, выяснить происхожденіе господства и рабства *Энгельсъ* считаетъ весьма важнымъ, потому что съ появленіемъ рабства и господства возникаютъ классы и классовыя противорѣчія. Эти отношенія рабства и господства возникли, по мнѣнію *Энгельса*, двояко. Одинъ путь возникновенія—наиболѣе простой и естественный; онъ сводится къ тому, что въ первобытныхъ земледѣльческихъ обществахъ, не знающихъ социального неравен-

⁴¹⁾ *Friedrich Engels, ibid., стр. 150—151.* Нѣкоторыя параллели борьбы классовъ средневѣковья (феодальное землевладѣніе и крѣпостное крестьянство) и борьбы классовъ новаго времени можно найти въ небольшомъ очеркѣ *Энгельса* „Крестьянская война въ Германіи“.

⁴²⁾ *Friedrich Engels, ibid., стр. 200, 201 и др.*

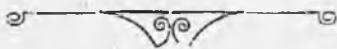
ства и классовъ, на извѣстныхъ ступеняхъ развитія, въ силу чисто экономической необходимости, появляются общественныя должности выборныя лица, которые слѣдуютъ за общинной жизнью и правильностью исполненія членами общины общинныхъ обязанностей, ради общихъ интересовъ общины; въ подобнаго рода общинныхъ должностяхъ, выросшихъ на чисто экономической почвѣ, зародыши будущей государственной власти; съ ростомъ производительныхъ силъ, съ растущей плотностью населенія, съ расширеніемъ общины и сліяніемъ нѣсколькихъ общинъ въ одну большую общину, съ усложненіемъ ратѣ несложной общинной жизни, необходимость въ учрежденіи органовъ для охраны общинныхъ интересовъ и координированія общинныхъ отношеній разрастается; благодаря шлѣдственности въ отиравленіи должностей, эти органы постепенно обособляются, становятся болѣе независимыми и въ концѣ концовъ забираютъ въ свои руки господство надъ обществомъ; такимъ образомъ, по мнѣнію *Энгельса*, возникаетъ политическое господство на основѣ отиравленія общественной службы; отсюда—и возникновеніе господствующаго класса.

Другой путь образованія общественныхъ классовъ и классоваго расчлененія, по мысли *Энгельса*, идетъ наряду съ первымъ; это—путь войны и превращенія военнопленныхъ въ рабовъ; онъ сталъ возможнымъ тогда лишь, когда община достигла такой степени производительности труда, когда рабочая сила могла произвести болыше, чѣмъ требовалось для ея простѣйшаго поддержанія; съ этого момента рабочая сила стала цѣнностью и явилось болѣе цѣлесообразнымъ ставить на работу побѣжденныхъ, въ качествѣ рабовъ, чѣмъ ихъ пожирать или убивать; отсюда—рабство, которое скоро стало господствующей формой производства³³). Отсюда—господа—побѣдители и рабы—побѣжденные. Съ появленіемъ рабства, говоритъ *Энгельс*, которое въ эпоху цивилизаціи достигло наибольшаго развитія, произошло и первое главное дѣленіе общества³⁴).

³³) *Friedrich Engels*, *ibid.*, стр. 186—189.

³⁴) *Friedrich Engels*, *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates*. 2 Aufl. Stuttgart 1868, Verlag von J. Dietz, стр. 142.

Таковы въ общихъ чертахъ положенія, развиваемыя по вопросу о классахъ *Энгельсомъ*. Мы видимъ, насколько близко къ марксову ученію *Энгельса*. Мы видимъ, что основныя пункты классовой проблемы *Энгельсомъ* опредѣлены точно такъ же, какъ и *Марксомъ*, но что многія детали этой проблемы остаются еще далеко не развитыми и неразрѣшенными и у *Энгельса*. Мы видимъ, что историческая сторона проблемы классовъ, особенно вопросъ о возникновеніи и развитіи социальныхъ классовъ, отъ начала цивилизаціи до нашей эпохи развитаго крупнаго капитализма, только намѣченъ; выясняется только общая постановка этого вопроса и общій путь его разрѣшенія; но еще многое здѣсь остается и у *Маркса*, и у *Энгельса* неяснымъ и неразработаннымъ. И все же общая схема теоретическаго разрѣшенія проблемы социальныхъ классовъ у нихъ уже дана и самый методъ ея разрѣшенія установленъ, какъ намъ кажется, правильно. Прочное начало науки о классахъ и классовомъ строеніи общества положено.

СПИСОКЪ

цитируемыхъ и упоминаемыхъ въ текстѣ авторовъ.

Агасицъ 181.	Вормъ Ренъ 1, 95, 96,
98, 101, 102, 107,
246.256, 266, 320.	Дройзенъ 320.
Адлеръ Г. 143.	Гайлинъ 96.	Дюрингъ 398.
Аммонъ О. 95, 153—163,
169, 172, 192, 193,
231, 340, 313.	Гальванъ 204, 265.	Дюркгеймъ 19.
Анфантэнъ 73, 82.85.	Гальтоль 153, 157, 169,
205.	Жидъ П. 320, 335, 343—
347, 354, 356.
Арпетотель 191.	Ганзель Г. 231-235, 239,
286.	Зиммель Г. 265.
Баумгартнеръ 21.	Гаррингтонъ 118, 124.	Зомбартъ В. 71, 231, 232,
285—245, 286, 380.
Беръ 113, 120, 137,
138, 150.	Гартманъ 153.	Или 287, 333.
Белохъ 326.	Гельсений 39, 43, 131,
161.	Кабо 287.
Бенаенъ 290.	Гонтъ 363—370.	до Каццоля 157, 205.
Бенгли 187, 188.	Гиддингсъ 265.	Кангильонъ 39, 49.
Бланъ Л. 67, 68.72, 91,
235, 236, 287, 290.	Гизо 61, 66—68, 70, 72,
210, 235.	Карпентеръ 148.
Блаунтъ 115.	Гильфердингъ 245.	Каутскій 320, 326, 335,
349, 350, 355, 357—361.
Блондель 96, 105, 107,
265.	Гриффельдъ 326.	Кенъ 39, 42, 43, 45—53,
128, 381.
Богдановъ 370.374, 381.	Гоббсъ 116.	Киддъ 153.
Бокль 337.	Гоббинъ 173, 199, 211.	Кламадье 96.
Боркъ Э. 117, 121, 122,
124.	Гобло 287, 326, 331—333.	Ключевскій 24.
Боръ 6, 10.14, 96.101,
107, 194, 221.231, 256,
320, 329.	Годвинъ 104, 128, 131—
134, 136—138, 143.	Ковалевскій М. 34, 96,
108—111.
Брей 128, 145.	Гольбахъ 45, 131.	Колькюль 120—130.
Бутле 96, 206.	Грассери 96, 105—107,
191, 265.	Кондиллякъ 44, 50.
Бурмейстеръ 181.	Грей 128, 143, 144.	Консидеранъ 85—86, 287.
Бутсъ 275.	Грюнбергъ 41.	Контъ 337.
Бюръ Е. 88.90, 260.	Грюнъ 290.	Костъ 102.
Бюхеръ 199, 201, 206,
287, 312.315, 320.	Гумиловичъ Л. 6—10, 13,
14, 95, 96, 163, 169,
172—185, 188—192, 330.	Костылевъ 96.
Ваванъ 96.	Гурно 50.	Кришоткинъ П. 110.
Вagnerъ 4, 5.	Дарвинъ 153, 155.	Куку 96.
Воберъ 320.	Декамъ 96, 266, 267,
271—274, 276—286.	Кукъ 170.
Вестермаркъ 191.	Делевскій 335, 357.	Ландманъ Г. 29, 246, 263,
264.
Видаль 91.	Дельбо 96, 102—105, 107,
321.	Лапужъ 153, 157, 211.
Вилъ 21, 287, 315.319.	Делякъ 206.	Лафаргъ Ж. 96.
de Вольней 125.	Дидро 39, 43.	Левинъ Ульманъ 96, 104,
105, 107.
Вольтеръ 38, 41.	Диль 352.	Левъ ХНН. 261, 262, 330.
Вольфманъ 95.	Драгическо 96.	Ленс 39, 49, 53, 54.
Вольфъ Ю. 159.		Лоръ-Волье А. 261.
		Лору Пьеръ 91—93.
		Лимузонъ 96, 101, 107,
265.

- Литтра 246, 261.
 Липтонберже 57.
 Лоріа 161, 162, 335—343,
 354, 356.
 Лучицкий И. 96, 108.
 Маблі 39, 43, 44, 50.
 Маківеллі 116, 122.
 Мальтусъ 230.
 Малту 114.
 Марксъ 3, 18, 20, 28,
 108, 128, 130, 150, 199,
 235, 236, 241, 280,
 320—325, 330, 337, 348
 —352, 360, 362—363,
 375—391, 393, 395.
 Мейеръ Э. 326.
 Молье Ж. 38—41.
 Моперіи Агриппа 29.
 Мойсаль Фр. 117.
 Морсье де ла Ривьеръ 46.
 Мпінко 61—63, 66, 67,
 70, 71, 235.
 Мпль Джамъ 142, 353,
 382.
 Моммзенъ 326.
 Монель 96.
 Морганъ 923.
 Морелли 117.
 Мортъ Т. 118.
 де-Море 59.
 Муровцева 96.
 Неккеръ 30, 49, 52, 53,
 59, 362.
 Нибуръ 216.
 Нипчанъ 326.
 Ницше 155.
 О'Бріонъ Дж. Бр. 147.
 ванъ Опербертъ 21, 94,
 199, 206—208, 235—
 257, 287, 301, 319—
 330, 334, 377, 381, 383.
 Опоръ 278.
 Покеръ 91.
 Пельмалъ 29, 30, 326.
 Пепъ Г. 3, 246, 255—
 269, 265, 330.
 Пипаръ Р. 35, 36, 38, 39,
 45, 50, 52—55, 246,
 254, 255, 265.
 Пино 96.
 Платонъ 29, 118, 191.
 Плехановъ Г. 91, 92.
 Прокоповичъ С. 335, 357.
 Ртифисъ Е. 41.
 Рурмонъ 96.
 Рухонъ 91, 377.
 Руше 181.
 Руэн 118, 119.
 Ронъ Т. 121.
 Рортъ В. 141.
 Равенстонъ 128, 138, 139.
 Ратцеллоферъ 65, 169,
 183, 188, 192.
 Рейбо 287.
 Рейналь 38, 41, 42.
 Рейно 91—93.
 Рибъ 205.
 Ридъ 170.
 Рикардо 134, 137, 140.
 де-Робертъ 96.
 Родбертусъ 3, 4.
 Рожковъ Н. 363.
 Росмелеръ 181.
 Руссо 41, 117, 131.
 Саллюстій 29, 30.
 Семеновъ 96.
 Сень-Симонъ 63, 65, 71—
 79, 81—85, 93.
 Симонди 80—82, 241.
 Смитъ Ад. 119, 120, 140,
 154, 161, 244, 321,
 349—350, 352, 381.
 Смолъ А. 6, 9, 10, 14,
 287, 333.
 Спенсеръ Г. 95, 153,
 163—172.
 Спенсъ Т. 121, 123—125.
 Сорвіи Тухий 102, 332.
 Тардъ 96, 99—101, 105,
 107, 265.
 Тарло Е. 34—36, 39.
 Томсонъ В. 123, 129,
 139—143, 149.
 Тешларъ 181, 191.
 Туганъ-Варановскій 335,
 355—357.
 Тьерри О. 61, 63—67,
 70, 178, 216.
 Тюрго 39, 49—52, 362.
 Тэлоуль Дж. 121—123,
 131.
 Уоллсъ Р. 118, 131.
 Уордъ 95, 96, 169, 178,
 183, 188—192.
 Уотсонъ 121.
 Фальбекъ П. 17, 24, 29,
 162.
 Филипповичъ 21.
 Филиппъ Л. 96.
 Флоримонъ 96.
 Фогтъ К. 181.
 Фокусъ 129.
 Фуррьоръ 333.
 Ходжескинъ 128, 144—145,
 149.
 Холъ Ч. 128, 134—137,
 139, 145, 148.
 Чабо Э. 363.
 Чешинъ Д. Ст. 20.
 Черномъ В. 335, 348—
 357, 360.
 Чернышевскій 350.
 Шало 96.
 де-Шанель 35.
 Шассонъ 57—58.
 Шейсонъ 96.
 Шоффло 21, 95, 153, 172,
 173, 287, 303—312,
 320.
 Шмолеръ 71, 194—222,
 231, 257, 312, 313,
 320, 323, 326, 328, 330;
 340, 343, 380.
 фонъ-Штейнъ Л. 95, 96,
 108, 235, 236, 242, 246;
 287—303, 327, 354.
 Эдель М. 115.
 Эхлсъ 170.
 Эпштейнъ 3, 4, 13, 108,
 128, 130, 150, 203,
 323, 324, 363, 375,
 378—379, 385, 389—395.
 Эттвудъ Т. 147.
 д'Этъ 96, 266—274, 284—
 286.
 Юнгъ А. 115.

Оглавление.

Стран.

Предисловіе III—IV

I. Введеніе.

1. Методологическое значеніе проблемы общественных классовъ въ социальной наукѣ. Растущій интересъ къ проблемѣ классовъ. Необходимость классового анализа при изученіи социальныхъ явленій и развитіе социального метода: Родбертусъ, Марксъ, Энгельсъ, Гумпловичъ, Альбионъ Смолль, Артуръ Боуэр. Значеніе проблемы классовъ для экономической теоріи и социальной политики. 1

2. Историческія предпосылки зарожденія идеи общественныхъ классовъ. Возникновеніе социального неравенства. Соціальная дифференціація и интеграція. Появленіе „избыточного продукта“. Свойственно ли классовое расчлененіе докапиталистическому обществу? Классовое разслоеніе въ отличіе отъ состояннаго и профессиональнаго. Классовыя отношенія въ сословномъ строѣ. Классовая борьба въ античномъ мірѣ и средневѣковъ. Историческая преемственность социальныхъ отношеній. Идеи классовъ въ античномъ сознаніи. Общія историческія предпосылки для возникновенія идеи социальныхъ классовъ. Почему идея классовъ стала болѣе опредѣленно выдвигаться лишь съ конца XVIII-го вѣка? 18

II. Важнѣйшіе моменты въ развитіи идеи общественныхъ классовъ.

1. Зарожденіе и развитіе идеи общественныхъ классовъ во Франціи.

I. Идея общественныхъ классовъ въ эпоху Великой Революціи. Выявленіе ко временіи французской революціи буржуазнаго и рабочаго класса. Три направленія въ развитіи идеи общественныхъ классовъ во Франціи: идея угнетенныхъ классовъ (Жанъ Мелъе, Вольтеръ и Рейналь); идея распределительныхъ классовъ (Давро и Гельвещій, Маблю, Кенэ и его школа); идея производительныхъ классовъ (Кантильонъ, Тюрго, Неккеръ, Ленге, народные брошюры и рабочіе наказы: брошюра „Бѣднаго дѣтля“, петиція 150.000 рабочихъ и ремесленниковъ Парижа, „Наказы четвертаго сословія“ и др.). 33

II. Идея классовъ у французскихъ историковъ эпохи реставраціи. Идея общественныхъ классовъ у Минье, Огюстенъ Тьерри; „Исторія третьяго сословія“; идея расового фактора. Гизо; идея компромисса и социальный маръ Луи Вланъ; идея двухъ классовъ. Итоги 61

III. Идея классовъ у французскихъ социалистовъ-утопистовъ. Ученіе о классахъ у Сент-Симона, Симоняи, Анфантанъ, Консидеранъ Бюро, Рейно и Шьеръ Лору. Идея труда и капитала, хозяина и работника, буржуа и пролетарія. Идея социального мира между классами. 72

IV. Парижское социологическое общество о социальныхъ классахъ. Засѣданія общества въ 1903 году по вопросу объ общественныхъ классахъ. Докладъ Артура Боуэра. Возраженія Тарда, Лимузена, Ренэ Вормеля, Дельбэ, Леви-Ульяма, Блохляи, Грассери, М. Ковалевскаго. Значеніе засѣданія 1903 года въ развитіи проблемы классовъ. 94

2. Зарожденіе и развитіе идеи общественныхъ классовъ въ Англіи.

I. Идея классового расчлененія у предшественниковъ англійскаго социализма. Характеръ развитія идеи классовъ въ Англіи. Промышленная революція и антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ. Анонимный памфлетъ „Въ защиту естественнаго общества“ (1786 г.). Робертъ Уоллестъ. Полли Вэлиппе „Во-

татства породовъ" на разнітіі ідеі классовъ. Томасъ Пінъ, Джонъ Теллоуэлъ и Томасъ Спенсъ. „Pigs' Meat" Т. Спенса. „Рушні" графа де Вольпей на англійской почві. 112

II. Ранніе англійскіе социалисты и демократы первой трети XIX-го столѣтія о социальныхъ классахъ. Наслѣдованіе Колькена о богатствѣ Британской имперіи (1814). Вильямъ Годвинъ. Чарльзъ Холль. Равенстоунъ. Томпсонъ. Идел Джеймсъ Милли о двухъ классахъ и пронаводствѣ и трехъ въ распредѣленіи. Джонъ Грей. Ходжкинсъ. Брей.—Томасъ Эттвудъ и Д. Бреннеръ о Бріэнь. „Poor Man's Guardian" („Стражъ рабочихъ") 128

III. Основные направленія въ ученіи объ общественныхъ классахъ.

1. Бѣстեսвенно-органическія ученія объ общественныхъ классахъ. Ученіе Аммона и ідеи естественнаго отбора. Антропологическая основа классовыхъ разлічій. Лорія объ ученіи Аммона. Гербертъ Спенсеръ и его ученіе о классахъ. Образованіе социальныхъ классовъ по аналогіи съ развитіемъ животнаго организма. Выводы. 152

2. Расовая теорія общественныхъ классовъ. Ученіе Гумилевича; ідеи трехъ классовъ; роль и значеніе „средняго сословія". Ученіе Ратценгофера. Лестеръ Уордъ. Значеніе расовыхъ теорій въ ученіи объ общественныхъ классахъ. 173

3. Теорія общественныхъ классовъ на основѣ раздѣленія труда и образованія профессій. Ученіе объ общественныхъ классахъ Шмоллера. Ученіе Артура Бозра. Профессіи, какъ основа классовъ. 14 классовъ въ современномъ обществѣ. Соціальные законы. Оцѣнка ученія Бозра. 194

4. Теорія историческихъ сословій. Вернеръ. Зомбартъ и Георгъ Ганзенъ. „Три ступени населенія" Ганзена. Основы классоваго расчлененія по Зомбарту. Четыре общественныхъ класса и четыре системы хозяйства. Схема развитія классовъ въ Германіи. Общіе итоги и оцѣнка. 281

5. Теорія классовъ на основѣ социальнаго ранга. Понятіе ранга. Ренъ Воррисъ, его ученіе о социальныхъ классахъ. Леонъ Пираръ. Проф. Понъ и его ученіе о классахъ. Соціальный миръ и христіанство. Энциклопедія Rerum politicarum. Оцѣнка ученія Пеша. Гуннаръ Ландтманъ и Морисъ Гальванъ. Итоги. 245

6. Общественные классы на основѣ различій въ уровнѣ жизни. Standard of life, какъ основа классоваго расчлененія. „Новѣйшія тенденціи классовой дифференціаціи" д'Эта. „Іерархія классовъ въ Англіи" Поля Декампя. 7 социальныхъ классовъ въ Англіи по д'Эту и 5 по Декампу. Значеніе понята д'Эта и Декампя въ ученіи объ общественныхъ классахъ. 266

7. Ученіе объ общественныхъ классахъ на основѣ богатства. Экономическія и не-экономическія основы классоваго расчлененія. Теорія классовъ на основѣ богатства. Лоренцъ Штейнъ и его ученіе объ общественныхъ классахъ. Ученіе Шеффле. Карль Бюхеръ и его послѣдствія Шмоллеромъ. Леопольдъ Визе. Ванъ Овербергъ и его „La classe sociale". Ученіе Оверберга и его оцѣнка. Гобло и его „Les classes de la société" 286

8. Распредѣлительная теорія общественныхъ классовъ. А. Лорія и его ученіе о классахъ. „La Morphologie sociale". Три распредѣлительныхъ признака класса. Шарль Жидъ объ общественныхъ классахъ; средній классъ и ідея социальнаго мира. Викторъ Черновъ, его конструкція социальнаго класса. М. Туранъ-Варнановскій. К. Каутскій; невыдержанность его позицій въ ученіи о классахъ. Итоги. 334

9. Производственная теорія общественныхъ классовъ. Школа Маркса, какъ выразительница производственной теоріи классовъ. „Mass and class" Гейта. Классы въ современной Америкѣ. Ученіе о классѣ А. Богданова. Ученіе К. Маркса и Фр. Энгельса; основа классоваго расчлененія и процессъ образованія классовъ. Выводы. 362

Списокъ цитируемыхъ и упоминаемыхъ въ текстѣ авторовъ. 306

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
3	3 снизу	(въ примѣч.) Prudhons	Proudhons
28	8 сверху	καταξος	καταξος,
39	7 сверху.	третье сословіе	„третье сословіе“
44	5 снизу	(въ примѣч.) essentie	essentiel
48	6 снизу	немного	не много
58	8 снизу	того, выборы	того, что выборы
77	14 сверху	cooperables	cooperables
80	23 сверху	виѣсто напечатаннаго читать: (землевладѣль)цевъ, капита- листствъ, промышленниковъ и наемныхъ рабочихъ.	„цевъ, капита- листствъ, промышленниковъ и наемныхъ рабочихъ.“
80	24 сверху	Симонди	Симонди
92	1 снизу	(въ примѣч.) „Соврем. Миръ“	„Соврем. Миръ“
97	17 сверху	идей	идей
97	20 сверху	которал	которое
98	1 снизу	(текстъ) Des classes	Les classes
100	1 снизу	(текстъ) sociologie	sociologie
102	7 сверху	имѣя до	имѣя въ виду по
105	17 и 18 сверху	строки переставить одну на мѣсто другой.	
118	3 сверху	строй	строй,
118	5 сверху	of Mankind.	of Mankind.
121	5 снизу	for.	for
121	1 снизу	(въ примѣч.) стр. 337, 33	стр. 337, 339.
127	15 сверху	происхожденія.	происхожденія“.
128	8 снизу	Холла	Холла,
131	24 сверху	продуктъ	продуктъ
139	1 сверху	неопроходимой	непроходимой
149	5--6 сверху	интересъ. каждаго	интересы каждаго
150	5 сверху	десятилѣтній	десятилѣтній
154	5 снизу	должны	должны
167	8 снизу	Спенсера.	Спенсера;
171	6 сверху	чувствамъ	чувствамъ,
177	5 сверху	классы,	классы,
182	14 снизу	и опредѣленія	точного опредѣленія
184	1 снизу	(въ примѣч.) стр. 1 7	стр. 157.
195	2 снизу	gesellschaftliche	gesellschaftliche
224	1 снизу	(въ примѣч.) 96 98.	96—98.
231	25 сверху	классамъ	классовъ
240	18 сверху	чертами, в	чертами, какъ и
249	8 сверху	juxta posées	juxtaposées
249	11 сверху	super posées	superposées
249	14 сверху	армію	арміи
255	7 снизу	духъ	духъ
292	4 снизу	однѣ	одни
304	17 сверху	классовыя и сословныя	классовое и сословное.
369	20 сверху	ихъ	изъ
389	5 снизу	буржуазій	буржуазіи

